B155
154

BISS
154

СВЯТѢЙШІЙ

СИНОДЪ

ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ.

Профессора Т. В. Барсова.

3/и88

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». Невскій пр., 132.
1896.

B155 154

СВЯТѢЙШІЙ

СИНОДЪ

ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ.

3/488

Профессора Т. В. Барсова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». Невскій пр., 132.
1896.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 26 января 1895 года.

Цензоръ Іеромонахъ Меѳодій.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
742987

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Къ читателю.	III—IV
Состояніе духовно-судебной и административной части въ русской церкви въ настоящее время	1—11
Попытка къ улучшенію духовно-судебной части по поводу изданія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г.	13—19
Предначертанія къ преобразованію духовно-судебной части.	19—28
Проекъ основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части	33—32
Руководственныя данныя при разработкѣ этого проекта.	31—44
Сужденіе о началахъ этого проекта и его направленія.	44—67
Мнѣнія о проектѣ духовно-судебной реформы епархіальныхъ преосвященныхъ.	67—107
Мнѣнія о томъ же проектѣ духооныхъ Консисторій	107—144
Мнѣнія и сужденія о возстановленіи соборнаго начала въ управленіи русской церкви.	144—175
Предначертанія объ измѣненіи существующаго порядка разрѣшенія жалобъ на рѣшенія Св. Сунода. .	175—193
Учрежденіе Святѣйшаго Сунода при Петрѣ I. . .	193—209
Руководственныя начала реформы Петра Великаго относитедьно нашего высшаго церковнаго управленія.	209—243
Уничтоженіе Петромъ Великимъ Московскаго Патріаршества и послѣдствія сего.	243—259
Первоначальный составъ Св. Сунода при Петрѣ I и послѣдующія въ немъ измѣненія при ближайшихъ преемникахъ Петра I.	259—283

	стран.
Св. Сунодъ при Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II.	283—309
Св. Сунодъ въ царствованіе Павла I и Александра I.	309—326
Состояніе Св. Сунода во время существованія Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго Просвѣщенія при Александрѣ I.	326—347
Св. Сунодъ въ царствованіе Николая I.	348—361
Св. Сунодъ въ царствованіе Александра II.	361—407
Положеніе Св. Сунода въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій.	407—444
Заключеніе.	444—446

Предлагаемая вниманію читателя подъ настоящимъ заглавіемъ книга представляетъ рядъ статей, періодически помѣщенныхъ въ журналѣ Христіанское Чтеніе, издаваемомъ при С.-Петербургской духовной академіи. Статьи эти, по начальному плану, предполагалось ограничить изложеніемъ результатовъ предпринимавшихся улучшеній въ административной сферѣ духовнаго вѣдомства; но подведеніе подобныхъ итоговъ, переводя мысль отъ одного момента къ другому, увлекло вниманіе къ изслѣдованію вопроса о Святѣйшемъ Сунодѣ, его учрежденіи, составѣ и положеніи. Изслѣдованіе сего вопроса, представляя детальное, по документальнымъ даннымъ, восполненіе научныхъ свѣдѣній, отвѣчаетъ и общей любознательности тѣмъ, что знакомитъ съ состояніемъ нашего высшаго церковнаго управленія. Для удовлетворенія общему интересу въ изслѣдованіи затронуты такія стороны, которыя хотя находятся въ непосредственной связи съ прошедшимъ; но не утратили своего значенія для настоящаго и будущаго времени. Потребность оживленія соборнаго начала въ русской церкви, уясненіе руководственныхъ принциповъ петровскихъ преобразованій, сказавшихся

въ учрежденіи Святѣйшаго Сѵнода, начальная и послѣдующая судьба его существованія, перемѣны, которыя приходилось Синоду испытывать, и которыя привели его къ современному положенію,—все это безспорно предметы, знакомство съ которыми не можетъ не интересовать любознательнаго читателя. Удовлетворяя любознательности, книга вноситъ и во общее достояніе науки много новаго матеріала, почерпнутаго въ архивныхъ дѣлахъ изъ подлинныхъ документовъ.

Духовно-судебная и административная часть въ настоящее время въ русской церкви представляется въ слѣдующемъ видѣ. Низшимъ органомъ духовной администраціи и суда является благочинный, который, ближайшимъ образомъ наблюдая за жизнію, поведеніемъ духовенства и исполненіемъ послѣднимъ своихъ обязанностей, пользуется вмѣстѣ правомъ подвергать виновныхъ священнослужителей выговорамъ и замѣчанію, а церковнослужителей поклонамъ [1]). По своему положенію, правамъ и обязанностямъ, благочинный вообще служитъ ближайшимъ помощникомъ епархіальнаго архіерея и духовной консисторіи въ исполненіи ихъ распоряженій и предписаній по всѣмъ частямъ епархіальнаго управленія и суда. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ при благочинныхъ существуютъ благочинническіе совѣты, которые съ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго, помогаютъ благочиннымъ въ исполненіи ихъ обязанностей. Благочинническіе совѣты пользуются и нѣкоторою долею юрисдикціи, особенно по дѣламъ личныхъ обидъ и спорнымъ, возникающимъ изъ за пользованія церковною собственностію и церковными доходами.

Слѣдующимъ органомъ духовной администраціи и суда въ епархіи служатъ епархіальный архіерей и состоящая при немъ и дѣйствующая подъ его начальствомъ духовная консисторія. Они простираютъ свою власть на всѣ дѣла и лица епархіи, подлежащія вѣдѣнію духовной администраціи и суда. Всѣ дѣла въ консисторіи начинаются и разрѣшаются не иначе, какъ по резолюціямъ епархіальнаго архіерея. Во многихъ епархіяхъ при епархіальныхъ архіереяхъ имѣются викаріи, которые, на основаніи Уст. дух. конс. (ст. 327. 331), пользуются правомъ просматривать журналы и протоколы консисторіи, прежде представленія таковыхъ епархіальному

---

[1]) Инструкц. благочинному п. 49.

архіерею, равно исполнять и другія порученія мѣстнаго преосвященнаго. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ викаріи, имѣя при себѣ духовныя правленія, завѣдуютъ, на основаніи преподанныхъ имъ инструкцій, особымъ кругомъ дѣлъ, но подъ наблюденіемъ и по указаніямъ епархіальныхъ архіереевъ [1]).

Независимо и отдѣльно до нѣкоторой степени отъ епархіальнаго вѣдомства существуетъ управленіе протопресвитера военнаго и морского духовенства, образованное на основаніи недавно изданнаго положенія объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морского вѣдомства [2]). Отдѣльная до нѣкоторой степени администрація имѣется и въ монастыряхъ.

Высшимъ учрежденіемъ для всей русской церкви, обнимающимъ всѣ стороны ея отношеній, является святѣйшій Синодъ, который вѣдаетъ духовно-административныя и судныя дѣла всего россійскаго государства [3]).

Отдѣльно отъ святѣйшаго Синода, но подъ его непосредственнымъ вѣдѣніемъ состоятъ двѣ синодальныхъ конторы. Одна въ Москвѣ для завѣдыванія ставропигіальными монастырями и московскими синодальнаго вѣдомства соборами и церквами. Другая въ Тифлисѣ для завѣдыванія духовными дѣлами грузинскаго экзархата на правахъ близкихъ съ правами духовныхъ консисторій въ епархіяхъ [4]).

Вышеописанное устройство управленія и суда въ русской церкви отличается отъ устройства управленія и суда въ древней вселенской церкви. Въ древней церкви исходнымъ и вмѣстѣ началь-

---

[1]) Таковы викаріи: холмско-варшавской епархіи — епископъ люблинскій, при немъ холмское духовное правленіе, иркутской епархіи — епископъ селенгинскій, при коемъ читинское духовное правленіе, вятской епархіи — епископъ сарапульскій, при немъ сарапульское духовное правленіе, вологодской епархіи — епископъ велико-устюжскій, при немъ велико-устюжское духовное правленіе.

[2]) «Церков. Вѣдом.» за 1890 г. № 27.

[3]) Полн. собр. постановл. и распор. по вѣд. прав. испов. росс. импер., т. 1, № 1. Именн. указъ.

[4]) Т. Барсовъ. Сборн. дѣйст. и руков. церков. и церковноградск. постанов. т. 1, стр. 65—80.

нымъ пунктомъ для дѣйствій церковной администраціи и суда служилъ епископъ, который, имѣя въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи небольшой предѣлъ, обнимавшій по большей части городъ, съ его пригородами и селеніями, простиралъ свою власть на дѣла и лица этой мѣстности [1]). Епископу, по особенности началъ церковнаго устройства и управленія, помогали пресвитеры, которые, образуя при каѳедрѣ епископа особые совѣты (пресвитеріи), содѣйствовали епископу въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ его юрисдикціи [2]). Для наблюденія за церковнымъ благочиніемъ въ мѣстностяхъ, отстоящихъ отъ каѳедральнаго епископскаго города, и вообще для осуществленія здѣсь распоряженій епископа и пресвитеріи имѣлись свои органы, носившіе разныя наименованія. Завѣдуя и управляя своимъ предѣломъ, епископы отнюдь не вмѣшивались въ дѣла другого епископа [3]) и находились въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ областному митрополиту, которымъ былъ епископъ главнаго города гражданской провинціи [4]).

Областной, или епархіальный митрополитъ, имѣя въ своемъ непосредственномъ епископскомъ управленіи главный провинціальный городъ съ его пригородами и селеніями, простиралъ свою духовно-правительственную власть на всю епархію, или область, такъ что безъ его вѣдома и согласія не могъ быть поставленъ ни одинъ епископъ въ области, равно ни одинъ изъ епископовъ безъ сношенія съ митрополитомъ не могъ предпринять ничего особенно важнаго; равно и митрополитъ не могъ рѣшить ничего, касающагося всей области безъ совѣта и согласія съ прочими епископами, дабы, какъ выражаются каноны, соблюдались единодушіе и единомысліе въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ [5]). Соборъ областныхъ или епар-

---

[1]) Апост. 14, 35. Ант. 9. Карѳ. 6 и др.

[2]) Постанов. Апост. кн. II. Посл. св. Игнатія Богоносца, въ коихъ собраніе пресвитеровъ представляется священнымъ соборомъ сослужащихъ епископу совѣтниковъ и сотрудниковъ. См. Суворовъ, Курсъ Церк. Прав. т. 1, стр. 44—48. Ярославль 1889 г.

[3]) Апост. 14. 35; 1 всел. 15. IV. 5. Ант. 13.

[4]) Апост. 34, Ант. 9, Двукр. 14 и др.

[5]) Апост. 34, 1 всел. 4. 6, Акт. 9. 19, Карѳ. 32 и др.

хіальныхъ епископовъ съ митрополитомъ во главѣ былъ средоточнымъ пунктомъ епархіальнаго управленія. Сюда сносились заявленія о нуждахъ всѣхъ предѣловъ области, здѣсь же получали свое разрѣшеніе всѣ вопросы, недоумѣнія и пререканія [1]). Соборы служили живымъ показателемъ церковной жизни области и наглядным свидѣтелемъ ея проявленій. На правахъ предстоятеля и духовнаго начальника области, митрополитъ пользовался правомъ обозрѣвать входившіе въ его область епископскіе предѣлы и наблюдать за управленіемъ епископовъ,—а какъ предсѣдатель и глава собора областныхъ епископовъ [2]), митрополитъ первый обязывался наблюдать за примѣненіемъ постановленій областныхъ соборовъ и приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе по всей области въ духѣ и по мысли требованій соборовъ.

Слѣдующимъ органомъ управленія и суда въ древней церкви были епископы каѳедры главнаго города во всемъ гражданскомъ округѣ. Они носили названіе архіепископовъ, экзарховъ и патріарховъ. Они возвышались надъ митрополитами областей, входившихъ въ составъ извѣстнаго округа, и управляли церковными дѣлами послѣдняго при необходимомъ участіи окружныхъ соборовъ, составлявшихся изъ митрополитовъ и епископовъ областей, входившихъ въ составъ округа. Окружные соборы въ собственномъ смыслѣ и составляли центры окружного управленія. Представляя собою какъ бы отдѣльныя помѣстныя церкви съ ихъ независимыми автокефальными предстоятелями, округи пользовались полною отдѣльностію и самостоятельностію въ управленіи, такъ что предстоятель одного округа не вмѣшивался въ дѣла другого [3]). Исключеніе въ этомъ случаѣ, какъ особое преимущество, было признано канонами церкви и утверждено законами государства за каѳедрою константинопольскою, іерарху которой предоставлялось право принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла и изъ другихъ округовъ [4]).

---

[1]) Апост. 37, 1 всел. 5. IV. 19, Ант. 20.

[2]) Акт. 16, VI всел. 6.

[3]) 1 всел. 6, II всел. 2, III всел. 8.

[4]) IV всел. 9. 17. 28, Zachariae, Epanogage pag. 67—68; подр. Т. Барсовъ, Конст. патр., стр. 186—199. О каноническомъ элементѣ, стр. 171—223.

Право невмѣшательства епископовъ одной области въ дѣла другой и іерарховъ одного округа въ предѣлы другого допускало исключеніе какъ въ томъ случаѣ, когда митрополитъ области, на основаніи предоставленнаго ему канонами права, приглашалъ епископовъ изъ сосѣдней области для устраненія обнаружившагося на соборѣ между епископами области несогласія и разномыслія, такъ и въ томъ, когда предстоятель округа находилъ необходимымъ пригласить предстоятелей изъ другого округа, дабы при участіи ихъ составить большой соборъ [1]). Во взаимномъ отношеніи соборовъ соблюдалось то правило, что рѣшенія и опредѣленія меньшаго собора были перерѣшаемы соборомъ бо́льшимъ [2]). При каѳедрѣ іерарха константинопольскаго мало по малу образовался и получилъ значеніе для дѣлъ востока постоянный соборъ изъ епископовъ, по дѣламъ своихъ церквей случайно находившихся въ Константинополѣ [3]).

Такой общій видъ имѣло устройство управленія и суда въ древней вселенской церкви на восточной ея половинѣ. На западной оно отличалось нѣкоторыми особенностями, которыхъ нѣтъ надобности касаться въ виду нашей цѣли. Существенныя и отличительныя черты описаннаго устройства заключаются въ соборномъ веденіи церковныхъ дѣлъ, при участіи всѣхъ наличныхъ епископовъ съ преимущественнымъ значеніемъ старѣйшаго изъ нихъ, какъ церковнаго предстоятеля и духовнаго главы [4]).

Основными и руководственными законами въ дѣйствіяхъ духовнаго управленія и суда русской церкви указываются и признаются [5]) законъ Божій, въ св. Писаніи предложенный, каноны или правила св. апостоловъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ, духовный регламентъ и послѣдовавшіе за симъ Высочайшіе указы и опредѣленія святѣйшаго правительствующаго Синода, уставъ духовныхъ консисторій, разные особые уставы, инструкціи и поло-

---

[1]) Ант. 13. 14, II всел. 2. 6.
[2]) Карѳ. 43, II всел. 6.
[3]) Т. Барсовъ, Конст. патр. стр., 235—256.
[4]) Подробн. см. О каноническомъ элементѣ, стр. 240—255.
[5]) Уст. дух. конс., ст. 6. 195.

женія, а также дѣйствующія въ государствѣ узаконенія,—послѣднія въ тѣхъ случаяхъ, когда въ церковныхъ законахъ не содержится надлежащихъ руководственныхъ разъясненій и указаній. Пользованіе всѣми перечисленными источниками на практикѣ представляетъ большое разнообразіе какъ относительно предпочтенія однихъ источниковъ другимъ, такъ и касательно обращенія къ одному и тому же источнику. Для уясненія этой стороны вопроса воспользуемся готовыми показаніями лицъ, изслѣдовавшихъ предметъ непосредственно по даннымъ практики. Показанія одного изъ нихъ касаются употребленія всѣхъ источниковъ, коими пользуется духовно-правительственная власть при разрѣшеніи подлежащихъ ея разсмотрѣнію дѣлъ,—выводы другого представляютъ подробный и тщательный анализъ приложенія и примѣненія въ рѣшеніяхъ по дѣламъ духовно-суднымъ правилъ древней вселенской церкви. Показанія каждаго изъ этихъ лицъ одинаково важны, тверды и поучительны. По изысканіямъ одного изъ нихъ оказывается, что духовная власть свои рѣшенія и опредѣленія по дѣламъ, подлежащимъ ея юрисдикціи, основываетъ: 1) на священномъ Писаніи, 2) на правилахъ древней церкви, отъ начала христіанства принятыхъ и содержимыхъ въ православной россійской церкви, 3) изрѣдка на опредѣленіяхъ соборовъ русской церкви прежняго времени и святѣйшихъ россійскихъ патріарховъ, 4) на законахъ греческихъ императоровъ, также издревле служившихъ руководствомъ въ управленіи и судѣ русской церкви и 5) на гражданскихъ законахъ, получившихъ начало собственно въ Россіи. Разъясняя употребленіе каждаго изъ этихъ источниковъ, относительно пользованія св. Писаніемъ при рѣшеніи дѣлъ авторъ отмѣчаетъ, что этотъ источникъ „не часто и только въ немногихъ своихъ частяхъ“ принимается за основаніе рѣшеній, притомъ въ употребленіи сего источника незамѣтно того однообразія, чтобы „во всѣхъ однородныхъ случаяхъ было употребляемо одно извѣстное мѣсто Писанія“. Относительно пользованія общимъ сводомъ каноническихъ правилъ древней церкви авторъ замѣчаетъ, что изъ состава этихъ правилъ приводится только небольшая ихъ часть, наиболѣе употребляются правила св. Василія великаго, св. Григорія нисскаго,

правила апостольскія и VI всел. собора, и тѣ преимущественно при опредѣленіи наказаній за преступленія вообще членовъ церкви „за разные проступки клириковъ“. При этомъ авторъ удостовѣряетъ, что „та часть правилъ древней церкви, которою опредѣляются различныя стороны управленія церкви, имущественное право церкви, судоустройство и судопроизводство совсѣмъ не имѣетъ приложенія... Все, касающееся управленія, опирается на духовный регламентъ, имущественныя отношенія и дѣла и судная часть основываются на государственныхъ узаконеніяхъ“. Во многихъ случаяхъ, кромѣ текста самыхъ правилъ, встрѣчаются обращенія къ толкованіямъ на эти правила греческихъ канонистовъ и на самыхъ канонистовъ. Обращенія къ опредѣленіямъ соборовъ и патріарховъ россійскихъ не часты и почти единичны; постановленія соборовъ митрополичьяго періода русской церкви совсѣмъ не цитуются. Послѣ, правилъ древней церкви и законовъ русскихъ государей — едва ли не самымъ обильнымъ источникомъ заимствованій при рѣшеніяхъ дѣлъ служатъ греко-римскіе законы, на которые встрѣчаются ссылки даже безъ обращенія къ правиламъ. Впрочемъ, отношеніе къ греко римскимъ законамъ свободное въ томъ смыслѣ, что требованія этихъ законовъ не представляютъ непререкаемыхъ предписаній, не допускающихъ отмѣны, или нарушенія. Кромѣ перечисленныхъ источниковъ встрѣчаются обращенія къ сборникамъ правилъ, коимъ въ такомъ случаѣ усвояется законодательное значеніе, каковы, напр., номоканонъ, печатаемый при Большомъ требникѣ, и книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ [1]). Другой авторъ приводитъ длинный и обстоятельный анализъ приложенія и примѣненія церковныхъ правилъ къ рѣшенію духовно-судныхъ дѣлъ различной категоріи. Въ результатѣ этого анализа оказывается, что въ приведеніи и употребленіи правилъ древней церкви незамѣтно точнаго и строгаго единообразія: то путемъ заключеній извлекается изъ правилъ нужный смыслъ, основаній для котораго нѣтъ въ правилахъ, то правила при ихъ примѣненіи изъясняются съ изы-

---

[1]) Подр. смотр. «Правосл. Обозр.» за 1875 г., май, статья *Іоанна* епископа смоленскаго: «Основанія рѣшеній св. Синода по духовно-судебнымъ дѣламъ», стр. 40—58.

сканною искусственностію, при помощи особой силлогистики, то указывается по большей части общій смыслъ нѣсколькихъ правилъ, безъ раздѣльнаго ихъ содержанія,—то рѣшенія постановляются внѣ правилъ на основаніи однихъ гражданскихъ законовъ кормчей книги. „Никакая часть правилъ древней церкви, замѣчаетъ авторъ, не приводится въ рѣшеніяхъ столь часто, какъ правила, опредѣляющія наказанія и епитиміи за разныя преступленія клириковъ и мірянъ... Въ распорядительныхъ опредѣленіяхъ основаніемъ служатъ большею частію постановленія: регламентъ, указы именные и синодскіе. Въ дѣлахъ объ опредѣленіи наказаній—почти всегда основаніемъ служатъ правила". Общимъ руководственнымъ началомъ для примѣненія древнихъ правилъ о церковныхъ наказаніяхъ служитъ мысль регламента, по которой древняя епитимія, состоящая въ продолжительномъ отлученіи отъ причастія св. таинъ, въ нынѣшнее время сдѣлалась нестрашна, а для тайныхъ раскольниковъ и желательна. Поэтому назначеніе продолжительной епитиміи, согласно правиламъ, встрѣчается весьма рѣдко, и требованія древнихъ правилъ въ этомъ отношеніи смягчаются. Рѣдкое единообразіе въ примѣненіи правилъ древней церкви встрѣчается въ рѣшеніяхъ по дѣламъ клириковъ и монашествующихъ, виновныхъ противъ заповѣди о трезвости [1]).

На основаніи приведенныхъ показаній, прибавивъ къ нимъ собственныя наблюденія, получаемъ полную возможность заключить и утвердить, что наша духовно-судебная и административная практика въ отношеніи къ пользованію источниками законодательства не представляетъ надлежащей устойчивости и желательнаго однообразія. Причина сего не въ томъ, чтобы духовная администрація и судъ не желали идти по стезямъ закона, а въ томъ, что самый церковный законъ малодоступенъ и не совсѣмъ ясенъ для его примѣненія. Достойно примѣчанія, что духовно-судебная и административная практика съ большею охотою и послѣдовательностію обращается къ источникамъ свѣтскаго, а не церковнаго закона. При-

---

[1]) Подр. смотр. «Прав. Обозр.» 1891 г., іюль—августъ, ст. *А. Л.* Рѣшенія св. Синода по дѣламъ духовно-суднымъ, стр. 500—577.

чина сего опять не въ томъ, что духовная власть имѣетъ наклонность предпочитать гражданскій законъ церковному, а въ томъ, что источники церковныхъ законовъ не полны по объему и недостаточны по содержанію. Возьмемъ, напр., главные источники дѣйствующаго церковно-русскаго законодательства—Духовный регламентъ и Уставъ духовныхъ консисторій. Первый по его предметному содержанію и характеру изложенія въ нынѣшнее время представляетъ болѣе историческій, чѣмъ юридическій памятникъ; содержаніе этого памятника предлагаетъ болѣе наставительныя правила къ выполненію извѣстныхъ задачъ, а не положительныя предписанія опредѣленнаго закона для руководства въ частныхъ случаяхъ. Уставъ духовныхъ консисторій по неполнотѣ содержанія, общности предписаній и неопредѣленности требованій не можетъ служить достаточнымъ источникомъ руководственнаго законодательства. Поэтому и раздаются требованія новаго болѣе полнаго свода церковныхъ законовъ. Если административная практика пробѣлы законныхъ требованій можетъ восполнять личными соображеніями административныхъ властей, и притомъ не во вредъ, а съ пользою для дѣла, то судебная— должна быть лишена этой возможности, потому что судъ не можетъ быть дѣломъ личнаго усмотрѣнія власти, а долженъ служить исполненіемъ закона, требующаго возмездія за нарушеніе. Для администраціи законъ составляетъ необходимую опору ея требованій и распоряженій, для суда законъ — служитъ готовою программою дѣйствій, которую судъ долженъ выполнить, чтобы быть судомъ законнымъ и правильнымъ и достигнуть правосудія. Посему естественно желать и требовать, чтобы между предписаніями закона и дѣйствіями суда всегда существовало такое взаимное отношеніе, что судъ, выполняя требованія закона, служитъ достиженію интересовъ правосудія, наоборотъ законъ, обязывая судъ къ выполненію собственныхъ своихъ предписаній, устраняетъ увлеченія произвола и несправедливости. Законъ и судъ суть двѣ нераздѣльно дѣйствующія силы къ возстановленію правды и охраненію правосудія. Законъ оправдываетъ судъ, когда послѣдній въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдуетъ велѣніямъ перваго, наоборотъ, судъ, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о совершенствѣ закона, когда чрезъ при-

мѣненіе требованій послѣдняго удовлетворяетъ общественной справедливости. Совершенство закона и благоустроенность суда вмѣстѣ представляютъ величайшія блага какъ вообще для людей, поставленныхъ въ неизбѣжныя другъ съ другомъ столкновенія при соблюденіи каждымъ своихъ интересовъ, такъ въ особенности для лицъ, находящихся въ служебномъ подчиненіи по положенію, правамъ и обязанностямъ. Для этихъ лицъ судъ лучшая гарантія свободы и независимости дѣйствій. Совершенный законъ и правильно устроенный судъ, неукоснительно и въ равной мѣрѣ наказывая каждаго за противозаконныя дѣянія, развиваютъ во всѣхъ чувство законности и поддерживаютъ уваженіе къ существующему порядку, правамъ и положенію другихъ. Въ сословной средѣ совершенный законъ и правый судъ, обезпечивая правильность взаимныхъ отношеній начальствующихъ и подчиненныхъ, ограждаютъ ихъ взаимныя права и держатъ на высотѣ призванія дѣятелей этой среды. Столь очевидное значеніе суда, дѣйствующаго по закону, вполнѣ оправдывая неустанныя заботы правительства о водвореніи правосудія на улучшенныхъ началахъ, не можетъ не указывать на необходимость устраненія недостатковъ, если таковые имѣются, въ какой бы то ни было судебно-административной средѣ.

Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ, при разсмотрѣніи проекта преобразованія общей судебной части, настаивая на перенесеніи изъ духовнаго суда въ свѣтскій бракоразводныхъ дѣлъ, по жалобамъ одного изъ супруговъ на другого за нарушеніе брачнаго союза прелюбодѣяніемъ, такъ отозвался о недостаткахъ духовнаго суда при производствѣ этого рода дѣлъ: „Кому неизвѣстны послѣдствія дѣйствующей на судѣ духовномъ узкой теоріи доказательствъ по дѣламъ о прелюбодѣяніи: дѣйствительно виновные признаются неизобличенными потому только, что не были застигнуты на мѣстѣ преступленія нѣсколькими свидѣтелями, а тѣ, которые никогда не нарушали супружеской вѣрности, признаются прелюбодѣями потому, что, потерявъ всякое терпѣніе отъ распутной жизни своихъ женъ, вступили съ ними въ сдѣлку и приняли на себя вину съ подготовкою для него настоящей свидѣтельской обстановки“. Высказывая подобный упрекъ по адресу

духовнаго суда, государственный совѣтъ присовокупилъ, что на свѣтскомъ судѣ будетъ несравненно труднѣе обойти правосудіе тѣми постыдными сдѣлками, которыя устраиваются для полученія требуемыхъ на духовномъ судѣ формальныхъ доказательствъ [1]). Такой упрекъ въ несовершенствѣ дѣлопроизводства духовнаго суда, обращенный отъ лица государственнаго совѣта, не могъ не остановить на себѣ должнаго вниманія духовнаго правительства. И дѣйствительно, святѣйшій Синодъ, отстаивая въ 1864 г. подсудность бракоразводныхъ дѣлъ попрежнему суду духовному и отклоняя упрекъ въ несовершенствѣ послѣдняго, указывалъ на возможность устраненія замѣчаемыхъ на духовномъ судѣ недостатковъ, давая тѣмъ какъ бы рѣшительное обязательство улучшить свои суды такъ, чтобы они сдѣлались столь же способными къ открытію истины, какъ и свѣтскіе преобразованные суды [2]). Выполненіе даннаго обѣщанія и мысль объ улучшеніи духовнаго суда, можно сказать, не переставали озабочивать духовное правительство; тѣмъ болѣе, что судебные уставы 20 ноября 1864 г., водворивъ въ свѣтскомъ вѣдомствѣ правосудіе на новыхъ началахъ, не коснулись духовнаго суда по той причинѣ, что, какъ объяснено въ примѣчаніи къ ст. 2 учр. суд. уст., судебная власть духовныхъ судовъ вмѣстѣ съ прочими сословными судами опредѣляется особыми о нихъ постановленіями, и что предпринятая реформа не касается спеціальныхъ судовъ, дѣйствующихъ по особымъ постановленіямъ [3]). При всемъ томъ, въ виду тѣсной связи, какая имѣется между судомъ духовнымъ и свѣтскимъ, преобразованіе общей судебной части не могло остаться безъ послѣдствій для суда духовнаго. Послѣдствія эти прежде всего сказались въ томъ, что съ изданіемъ судебныхъ уставовъ Императора Александра II и особенно съ постепеннымъ введеніемъ ихъ въ дѣйствіе болѣе и болѣе обнаруживались и наглядно выяснялись недостатки суда духовнаго, въ своемъ дѣлопроизводствѣ обыкновенно слѣдующаго обрядамъ и формамъ суда свѣтскаго.

---

[1]) Журн. соед. департ. госуд. совѣт. № 47, стр. 96, по проекту уст. угол. суд.

[2]) Предпол. рефор. церк. суд., вып. 1, стр. 90. Спб. 1873 г.

[3]) Суд. уст., изд. госуд. канц., ч. III, стр. 18, Спб. 1867 г.

Если и въ прежнее время недостатки духовнаго суда обращали на себя вниманіе, то они не такъ рѣзко бросались въ глаза потому, что до преобразованія общей судебной власти и свѣтскіе суды, съ которыми приходилось сравнивать суды духовные, представляли важныя неудобства и въ судоустройствѣ и въ судопроизводствѣ. Поэтому изданіе судебныхъ уставовъ провело раздѣлительную грань между свѣтскимъ и духовнымъ судомъ, двинувъ первый впередъ по пути новыхъ улучшеній и оставивъ духовный позади при старыхъ недостаткахъ. Общая судебная реформа имѣла въ виду судъ свѣтскій, измѣнила въ немъ порядокъ и обряды производства, преподала улучшенные способы къ открытію истины и установила новые отдѣльные органы правосудія,—вмѣстѣ съ тѣмъ таже реформа коснулась и другихъ сторонъ государственной и общественной жизни: она начертала новыя въ отмѣну прежнихъ отношенія между судебными и административными властями, коснувшись при этомъ и отношеній духовной власти особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ дѣлахъ суда гражданскаго допускается и требуется участіе духовнаго вѣдомства [1]). Въ судебныхъ уставахъ можно указать нѣсколько постановленій, которыя прямо или косвенно относятся къ вѣдомству православнаго исповѣданія и требуютъ тѣхъ или другихъ дѣйствій и распоряженій со стороны духовной власти [2]). Такимъ образомъ, общая судебная реформа необходимо должна была повліять на духовный судъ и вызвать со стороны духовнаго вѣдомства тѣ или другія мѣропріятія относительно его суда. И дѣйствительно, вслѣдъ за изданіемъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г., почти непрерывно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, продолжались работы въ видахъ улучшенія духовнаго суда и преобразованія духовно-судебной части.

---

[1]) См. докладн. записк. юрисконсульта (И. И. Полнеръ) при синод. оберъ-прокурорѣ по поводу суд. уст. 20 ноября 1864 г., стр. 1—2.

[2]) См. тамъ-же.

Первая попытка въ этомъ направленіи была предпринята въ 1865 г., вслѣдъ за изданіемъ судебныхъ уставовъ Императора Александра II. Въ то время, по обнародованіи этихъ уставовъ, святѣйшій Синодъ, принявъ во вниманіе, что въ сихъ уставахъ находятся постановленія, прямо или косвенно относящіяся къ вѣдомству православнаго исповѣданія, и что по силѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій, со времени приведенія въ дѣйствіе означенныхъ уставовъ, должны отчасти измѣниться существующія между свѣтскими судебными и правительственными установленіями отношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны послѣдовать измѣненія и въ отношеніяхъ духовныхъ властей къ свѣтскимъ, со стороны именно порядка и образа дѣйствій, призналъ необходимымъ, для предупрежденія и устраненія могущихъ возникнуть въ практикѣ духовныхъ установленій недоразумѣній и затрудненій, составить особое для нихъ разъясненіе какъ вошедшихъ въ новыя законоположенія правилъ, въ чемъ либо касающихся вѣдомства православнаго исповѣданія, такъ и образа и порядка дѣйствій со стороны духовныхъ установленій въ тѣхъ случаяхъ, когда этими законоположеніями указываются права и обязанности сихъ установленій по нѣкоторымъ предметамъ епархіальнаго управленія и суда [1]). Вслѣдствіе такого предположенія тогдашній синодальный оберъ-прокуроръ (генералъ-адъютантъ Ахматовъ), предварительно составленія означеннаго разъясненія, поручилъ состоявшему при немъ въ то время юрисконсульту (И. И. Полнеру) изложить въ особой запискѣ соображенія, на основаніи коихъ надлежало бы составить пояснительныя правила. Вмѣстѣ съ тѣмъ синодальный оберъ-прокуроръ, имѣя въ виду, что съ введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ окажется необходимость въ измѣненіи нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія узаконеній, опредѣляющихъ подсудность дѣлъ, порядокъ ихъ производства и предѣлы власти духовныхъ и свѣтскихъ установленій, указалъ тому же юрисконсульту представить въ означенной запискѣ соображенія и по этому предмету [2]).

---

[1]) См. Цирк. указ. св. сунод. 14 января 1865 г. О вышедшихъ новыхъ законоположеніяхъ.

[2]) См. Журн. комит. Выс. учреж. 29 сентября 1865 № 1.

Означенная записка своевременно была составлена юрисконсультомъ, и въ ней были изложены требовавшіяся соображенія. Затрогивая вопросъ о необходимости общаго преобразованія судебной части духовнаго вѣдомства по поводу изданія правительствомъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г., записка такимъ образомъ объясняла потребность, цѣль и своевременность этого преобразованія. Она гласила: „законоположенія сіи, т. е. судебные уставы предоставляютъ свѣтскимъ судебнымъ установленіямъ новые или хотя отчасти и прежніе, но улучшенные способы и средства къ достиженію истины на судѣ, слѣдовательно—къ поддержанію правосудія и уваженія къ закону. Вмѣстѣ съ симъ, изданіемъ тѣхъ же законоположеній указывается на то, что правительствомъ положительно сознана невозможность дальнѣйшаго удержанія теперешняго порядка производства дѣлъ въ свѣтскихъ судебныхъ мѣстахъ, а извѣстно, что какъ въ главныхъ основаніяхъ, за нѣкоторыми только исключеніями, такъ и во многихъ частностяхъ, тотъ же самый порядокъ производства, который признанъ уже правительствомъ несостоятельнымъ и подлежащимъ измѣненію, существуетъ и въ духовныхъ судебныхъ установленіяхъ. Кажется очевидно, заключала записка, что оставлять этотъ порядокъ безъ всякаго измѣненія въ духовныхъ судебныхъ установленіяхъ, приготовленныхъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ болѣе свѣтскихъ судебныхъ мѣстъ къ предстоящему для сихъ послѣднихъ преобразованію, было бы непослѣдовательно; а потому едва ли подлежитъ сомнѣнію то, что въ настоящее время настоитъ необходимость какъ въ отмѣнѣ многихъ узаконеній, опредѣляющихъ формы, обряды и пріемы, нынѣ употребляемые на судѣ установленіями духовными,—такъ и въ преподаніи имъ лучшихъ, въ сравненіи съ настоящими, способовъ и средствъ къ достиженію цѣлей, для коихъ устрояются на новыхъ основаніяхъ свѣтскія судебныя установленія. При этомъ, поясняла записка, нельзя также не замѣтить, что изданіе новыхъ постановленій по текущимъ дѣламъ церкви не противно основаніямъ установленнаго въ ней порядка и священнымъ преданіямъ. При всемъ томъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что вновь предпринимаемыя законодательныя мѣры, къ какому бы предмету духовнаго управленія

онѣ ни относились, должны быть согласны по *духу* и *сущности* съ древними вселенскими постановленіями церкви, всегда долженствующими сохранить свою обязательную силу, и что отсюда проистекаетъ необходимость въ особенной осторожности при обсужденіи всякаго рода вновь вводимыхъ мѣръ, въ чемъ либо касающихся духовнаго управленія, а тѣмъ болѣе по такому важному отдѣлу церковнаго законодательства, каковъ порядокъ судоустройства и судопроизводства въ вѣдомствѣ духовномъ“.

Объяснивъ такимъ образомъ необходимость полнаго преобразованія духовно-судебной части и предполагая такое преобразованіе дѣломъ будущаго, записка тѣмъ не менѣе находила возможнымъ безотлагательно ввести нѣкоторыя улучшенія въ духовномъ судѣ. По этому предмету записка высказывалась: „въ настоящее время, собственно по поводу необходимости въ разъясненіи нѣкоторыхъ вошедшихъ въ новые судебные уставы постановленій, касающихся вѣдомства православнаго исповѣданія, и въ составленіи правилъ, опредѣляющихъ порядокъ и образъ дѣйствій духовныхъ установленій въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сихъ уставахъ указывается на права и обязанности этихъ установленій по нѣкоторымъ предметамъ духовнаго суда и управленія, не представляется конечно ни возможности, ни основанія составить и изложить соображенія, на основаніи коихъ могло бы быть предпринято общее преобразованіе судебной части въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ и дѣйствіямъ, относящимся къ судопроизводству въ духовныхъ установленіяхъ, едва ли не оказывается совершенно необходимымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно возможнымъ введеніе теперь же порядка, какой установляется въ свѣтскихъ судебныхъ мѣстахъ новыми законоположеніями, порядка, отчасти соотвѣтствующаго началамъ, положеннымъ въ основу дѣйствующаго церковнаго законодательства“. Не представляя затрудненія къ предначертанію въ настоящее время проекта постановленій по отдѣльнымъ предметамъ, записка сущность и цѣль своихъ разсужденій полагала въ томъ, чтобы представить соображенія, на основаніи коихъ могли бы быть составлены: 1) разъясненіе вошедшихъ въ судебные уставы 20 ноя-

бря 1864 года постановленій, имѣющихъ отношеніе къ вѣдомству православнаго исповѣданія; 2) проектъ правилъ для руководства духовнымъ установленіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на нихъ возлагаются сими постановленіями какія либо обязанности, или предоставляются права по нѣкоторымъ предметамъ управленія и суда и 3) проектъ новыхъ постановленій по нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ судопроизводства въ духовныхъ установленіяхъ, подлежащихъ введенію въ дѣйствіе теперь же, до общаго преобразованія судебной части въ духовномъ вѣдомствѣ [1]).

Не излагая всѣхъ предположеній записки, которая по порядку разсматриваетъ статьи всѣхъ частей судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., содержащія постановленія, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ предметамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства, и въ особенности статьи устава уголовнаго судопроизводства, содержащія постановленія о производствѣ уголовныхъ дѣлъ съ участіемъ духовнаго вѣдомства, замѣтимъ, что между измѣненіями, которыя записка предлагала произвести, не ожидая общаго преобразованія духовно-судебной части, она въ особенности указала на неотложность отмѣны теоріи формальныхъ доказательствъ и введеніе правилъ о рѣшеніи дѣлъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на тщательномъ соображеніи обстоятельствъ дѣла въ совокупности. Вотъ нелишенныя интереса разсужденія записки по этому предмету: „въ свѣтскихъ уголовныхъ судахъ, по силѣ ст. 776 и др. уст. угол. суд., собственно дѣйствительность событія преступленія и виновность или невиновность подсудимаго должны опредѣляться судьями по внутреннему ихъ убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла; въ судахъ же духовныхъ по разуму ст. 252 уст. дух. конс. [1]), хотя и возможно обнаруженіе преступленія прелюбодѣянія и признаніе виновности или невиновности обвиняемыхъ въ семъ преступленіи не на основаніи однихъ

---

[1]) Докладная записка юрисконсульта при оберъ-прокурѣ св. Синода о соображеніяхъ, на основаніи коихъ надлежало бы составить для духовныхъ установленій инструкцію по поводу судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Введеніе стр. 3—4.

[1]) Ст. 249 по изд. 1883 г.

только положительно опредѣленныхъ въ законѣ доказательствъ, признаваемыхъ главными или необходимыми, но и на основаніи обсужденія всѣхъ вообще уликъ и обстоятельствъ дѣла въ совокупности взятыхъ, однако на практикѣ, по причинѣ не вполнѣ яснаго и достаточнаго указанія и раскрытія этого начала въ законахъ, опредѣляющихъ существующій порядокъ судопроизводства въ духовныхъ судахъ, равно и по вліянію на нихъ свѣтскихъ уголовныхъ судовъ, гдѣ нынѣ, въ особенности въ двухъ низшихъ инстанціяхъ, теорія формальныхъ доказательствъ въ полномъ ходу, епархіальные суды въ весьма рѣдкихъ случаяхъ дозволяли себѣ въ дѣлахъ бракоразводныхъ по прелюбодѣяніямъ судъ по внутреннему убѣжденію, основанному на обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла. По сему едва ли нужно распространяться объ извѣстной духовному правительству невозможности ожидать отъ духовныхъ судовъ вполнѣ удовлетворительныхъ дѣйствій при такомъ способѣ удостовѣренія въ истинѣ, уже признанномъ и свѣтскимъ законодательствомъ несоотвѣтствующимъ требованію правосудія. Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что общеизвѣстные отзывы о послѣдствіяхъ употребляемой на судѣ духовномъ теоріи доказательствъ по дѣламъ о прелюбодѣяніи не во всемъ несправедливы.... а потому не должно уже быть и рѣчи о томъ, что въ судахъ духовныхъ возможно еще оставить означенный порядокъ на дальнѣйшее время безъ перемѣны“ [1]).

По изготовленіи юрисконсультомъ означенной записки съ указаннымъ содержаніемъ, она была предложена тогдашнимъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ графомъ Д. А. Толстымъ на благоусмотрѣніе святѣйшаго Синода. Принявъ во вниманіе важность предметовъ, вошедшихъ въ составъ записки, и въ особенности сущность началъ, положенныхъ въ основу нѣкоторыхъ изъ предположенныхъ преобразованій въ существующемъ порядкѣ духовнаго суда, а также остановившись на томъ, что значительная часть правилъ, предначертанныхъ въ запискѣ, могутъ быть предписаны, кому слѣдуетъ,

---

[1]) См. там. доклад. запис., стр. 64—65.

741987

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

къ исполненію только по предварительномъ сношеніи съ министерствами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, и что относительно многихъ законодательныхъ мѣръ, предначертанныхъ въ запискѣ, должно быть сдѣлано, прежде утвержденія ихъ въ законодательномъ порядкѣ, надлежащее сношеніе съ существовавшимъ въ то время вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, синодальный оберъ-прокуроръ предлагалъ святѣйшему Синоду о необходимости, предварительно разсмотрѣнія этой записки святѣйшимъ Синодомъ и дальнѣйшаго затѣмъ, по его указаніямъ, направленія этого дѣла, подвергнуть составленную юрисконсультомъ записку во всей подробности разсмотрѣнію особаго временнаго комитета, составленнаго подъ предсѣдательствомъ кого либо изъ присутствующихъ въ святѣйшемъ Синодѣ, изъ должностныхъ лицъ министерства юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и бывшаго въ то время второго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по одному отъ каждаго изъ сихъ вѣдомствъ, при участіи составителя записки, съ тѣмъ, чтобы замѣчанія этого комитета по предметамъ, содержащимся въ запискѣ, были внесены вмѣстѣ съ нею на обсужденіе святѣйшаго Синода. Согласно выраженному предложенію и по его мысли, святѣйшій Синодъ предоставилъ синодальному оберъ-прокурору испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе для изъясненной надобности временнаго комитета. Высочайшее соизволеніе на учрежденіе этого комитета послѣдовало 29 сентября 1865 года [1]).

Высочайше утвержденный 29 сентября 1865 года временный комитетъ [2]), открывъ свои засѣданія 4 ноября 1865 г., продол-

---

[1]) См. журн. сего комитета № 1, стр. 1—2.

[2]) Въ составъ сего комитета, согласно опредѣленію св. Синода, отъ 6 октября 1865 г., вошли присутствовавшій въ то время въ св. Синодѣ преосвященный Филоѳей, архіепископъ тверскій и кашинскій, назначенный быть предсѣдателемъ; членами же сего комитета, по сношенію синодальнаго оберъ-прокурора, были назначены отъ второго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи—д. с. с. Тюринъ, отъ министерства внутреннихъ—дѣлъ д. с. с. Китицинъ, отъ министерства юстиціи—д. с. с. фонъ-Дервизъ; кромѣ того въ составъ комитета, по распоряженію оберъ-прокурора святѣйшаго Синода, назначены т. с. Полнеръ членомъ, а оберъ-секретарь святѣйшаго Синода В. П. Мордвиновъ—дѣлопроизводителемъ.

жалъ оныя до 6 февраля 1867 г. Положивъ въ своихъ занятіяхъ ограничиться разсмотрѣніемъ одной печатной записки юрисконсульта, согласно опредѣленію о томъ святѣйшаго Синода, комитетъ весь свой трудъ направилъ къ тому, чтобы „во-первыхъ, разсмотрѣть содержащіяся въ запискѣ юрисконсульта соображенія по затронутымъ ею предметамъ и самое изложеніе по нѣкоторымъ изъ нихъ разъясненія или комментарія и проекта правилъ, и во-вторыхъ, составить замѣчанія по предметамъ записки, притомъ такъ, что по тѣмъ предметамъ, относительно которыхъ представлены въ запискѣ соображенія, комитетъ призналъ нужнымъ изложить замѣчанія собственно о сихъ соображеніяхъ, а по тѣмъ предметамъ, относительно коихъ, кромѣ соображеній, указано въ запискѣ, въ чемъ именно должны бы заключаться разъясненія или комментаріи, или изложенъ проектъ правилъ, сдѣлать замѣчанія и по этимъ предметамъ [1]). Вникая ближе въ журналы комитета, содержащіе мемуары объ его занятіяхъ, надо признать, что разсужденіями или замѣчаніями, въ коихъ или принимались или не одобрялись соображенія и предположенія разсматриваемой записки, и ограничились ближайшимъ образомъ работы комитета, которыя вмѣстѣ съ разсмотрѣнною комитетомъ запискою и были внесены на обсужденіе святѣйшаго Синода. Результаты сего обсужденія неизвѣстны и дальнѣйшаго, сообразнаго указанію святѣйшаго Синода, направленія этого дѣла не послѣдовало. Позволительно думать, что послѣдствіемъ такого не получившаго окончанія начала была постановка на очередь вопроса объ общемъ преобразованіи духовно-судебной части.

Вопросъ этотъ созрѣлъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1869 г. возникла мысль объ измѣненіи только существующихъ въ духовномъ судѣ правилъ, по коимъ отъ неявки одной изъ сторонъ замедляется иногда на цѣлые годы разрѣшеніе бракоразвод-

---

[1]) См. журн. ком. № 1, стр. 5—6.

ныхъ дѣлъ; но самая начальная разработка этой мысли привела къ сознанію необходимости производства перемѣны и въ законахъ о судопроизводствѣ по проступкамъ и преступленіямъ лицъ духовнаго званія на томъ основаніи, что, въ противномъ случаѣ, правила о судѣ по дѣламъ бракоразводнымъ оказались бы въ рѣзкомъ несогласіи вообще съ законами о судѣ духовномъ. Вслѣдствіе сего было признано благовременнымъ подвергнуть пересмотру все судопроизводство по дѣламъ, подвѣдомственнымъ духовному суду, и преобразовать всю духовно-судебную часть. Въ разъясненіе необходимости существа и самаго способа такого преобразованія, синодальный оберъ-прокуроръ (графъ Д. А. Толстой) въ предложеніи святѣйшему Синоду излагалъ по этому предмету, между прочимъ, слѣдующее:

„Управленіе и духовный судъ въ помѣстномъ предѣлѣ православной россійской церкви, именуемомъ епархіею, производится чрезъ духовную консисторію, подъ непосредственнымъ начальствомъ епархіальнаго архіерея, порядкомъ, опредѣленнымъ въ уставѣ духовныхъ консисторій. При составленіи означеннаго устава, вѣдомство епархіальнаго суда и порядокъ судопроизводства были опредѣлены соотвѣтственно правиламъ, содержавшимся въ сводѣ законовъ 1832 года. Между тѣмъ, этотъ сводъ съ теченіемъ времени подвергался разнымъ измѣненіямъ и имѣлъ два новыхъ изданія: въ 1842 и 1857 годахъ; напротивъ, уставъ духовныхъ консисторій, по отношенію къ порядку производства суда, до настоящаго времени остается въ первоначальномъ его видѣ, безъ измѣненія. Посему естественно произошло несогласіе между нѣкоторыми постановленіями съ одной стороны свода законовъ, съ другой—устава духовныхъ консисторій, а вслѣдствіе сего не рѣдко стали встрѣчаться недоразумѣнія и пререканія между судомъ духовнымъ и свѣтскимъ, притомъ не только по маловажнымъ обстоятельствамъ, но и по предметамъ первой важности. Если при дѣйствіи свода законовъ, по которому порядокъ судопроизводства былъ установленъ на тѣхъ же началахъ, какъ и въ уставѣ духовныхъ консисторій, встрѣчались недоразумѣнія между судами духовнымъ и свѣтскимъ, то эти недоразумѣнія естественно должны быть еще

чаще между тѣмъ же духовнымъ судомъ и новымъ свѣтскимъ, учрежденными на основаніи Высочайше утвержденныхъ 20 ноября 1864 г. судебныхъ уставовъ, которыми судебная часть по гражданскому вѣдомству преобразована совершенно на новыхъ началахъ. И дѣйствительно, съ самаго введенія въ дѣйствіе означенныхъ уставовъ начали возникать въ значительномъ числѣ пререканія о подсудности разныхъ дѣлъ. Эти пререканія все болѣе и болѣе умножаются, по мѣрѣ открытія въ разныхъ мѣстностяхъ новыхъ судовъ, и приводятъ къ убѣжденію въ необходимости приступить къ пересмотру и переработкѣ устава духовныхъ консисторій, съ цѣлію согласованія его съ судебными уставами 20 ноября 1864 г., такъ какъ до того времени, пока уставъ духовныхъ консисторій не будетъ согласованъ съ новыми судебными уставами, пререканія — къ обремененію и духовныхъ и свѣтскихъ судовъ и къ отягощенію самихъ подсудимыхъ духовныхъ лицъ — не прекратятся".

Остановившись далѣе на неудовлетворительности редакціи нѣкоторыхъ статей устава духовныхъ консисторій, именно въ виду несоотвѣтствія ихъ съ новыми законоположеніями [1]), и объяснивъ, что можно указать и многія другія статьи устава духовныхъ консисторій, которыя необходимо подвергнуть перемѣнѣ и исправленію, синодальный оберъ-прокуроръ продолжалъ: „при такихъ обстоятельствахъ усовершенствованіе законовъ о судопроизводствѣ по духовному вѣдомству не можетъ быть произведено посредствомъ измѣненія или исправленія только нѣкоторыхъ статей устава духовныхъ консисторій. Уставъ этотъ, изданный въ 1841 г., былъ согласованъ съ правилами судопроизводства, содержавшимися въ сводѣ законовъ. Въ настоящее время, когда судопроизводство и самое судоустройство по гражданскому вѣдомству подвергнуты коренному преобразованію на совершенно новыхъ началахъ, согласовать съ сими новыми началами уставъ духовныхъ консисторій, чрезъ измѣненіе и исправленіе отдѣльныхъ статей онаго, нѣтъ никакой возможности,—равнымъ образомъ и ограничиться исправленіемъ нѣкоторыхъ статей устава духовныхъ консисторій, не вводя въ ду-

---

[1]) Таковы статьи въ уст. дух. конс. 172, 181, 240, 248, 251, 255.

ховный судъ новыхъ началъ, которыя составляютъ сущность произведенной реформы судебными уставами, значило бы оставить судебную часть по духовному вѣдомству далеко на низшей степени, сравнительно съ судомъ по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ. Оставлять же духовно-судебную часть въ такомъ положеніи и неудобно, и нежелательно, въ виду того, что духовный судъ въ настоящее время, при теперешнемъ его положеніи, подвергается нареканіямъ, къ сожалѣнію—не всегда неправымъ, даже въ оффиціальныхъ актахъ".

Всѣ эти соображенія, заключалъ синодальный оберъ-прокуроръ, приводятъ къ убѣжденію въ необходимости нынѣ же приступить къ преобразованію судебной части по духовному вѣдомству, съ тѣмъ, чтобы это преобразованіе было произведено на тѣхъ главныхъ началахъ, на основаніи которыхъ совершено преобразованіе судоустройства и судопроизводства по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, въ такой мѣрѣ, въ какой эти начала окажутся удобопримѣнимыми къ цѣли и потребностямъ суда духовнаго. Для исполненія сего важнаго дѣла и для всесторонняго онаго обсужденія синодальный оберъ-прокуроръ предлагалъ учредить особый комитетъ изъ нѣсколькихъ ученыхъ и нѣсколькихъ практиковъ, подъ предсѣдательствомъ, по назначенію святѣйшаго Синода, одного изъ преосвященныхъ, присутствующихъ въ святѣйшемъ Синодѣ. Сему комитету, по предложенію синодальнаго оберъ-прокурора, слѣдовало бы поручить главнѣйшую часть работы въ этомъ дѣлѣ, именно „составленіе основныхъ положеній для преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, сообразно тѣмъ началамъ, на которыхъ преобразована судебная часть по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, насколько сіи начала окажутся примѣнительными къ цѣли и потребностямъ суда духовнаго" [1]).

На предложеніе синодальнаго оберъ-прокурора святѣйшій Синодъ выразилъ согласіе и, раздѣляя вполнѣ мысль сего предложенія о необходимости преобразованія всей судебной части по духов-

---

[1]) См. Введеніе въ объясн. записк. къ проекту основныхъ положеній преобр. духовно-судебной част., стр. 1—2, 7—9.

ному вѣдомству, предоставилъ синодальному оберъ-прокурору испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе при святѣйшемъ Синодѣ, подъ предсѣдательствомъ присутствовавшаго въ немъ въ то время высокопреосвященнаго Макарія, архіепископа литовскаго, особаго комитета изъ опытныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ вѣдомства православнаго исповѣданія, министерства народнаго просвѣщенія, министерства юстиціи и бывшаго втораго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, для изготовленія и внесенія затѣмъ на обсужденіе святѣйшаго Синода основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству, сообразно тѣмъ началамъ, на основаніи которыхъ совершено преобразованіе судоустройства и судопроизводства по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, по примѣненіи сихъ началъ, на сколько это окажется полезнымъ и возможнымъ, къ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго. Высочайшее соизволеніе на учрежденіе особаго комитета для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству послѣдовало 12 января 1870 года [1]).

Высочайше учрежденный для составленія основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части комитетъ [2]), открывъ свои засѣданія 30-го апрѣля 1870 г., приступилъ къ исполненію Вы-

---

[1]) Там. стр. 9—10.

[2]) Въ составъ сего комитета, кромѣ предсѣдательствующаго, въ то время архіепископа литовскаго и виленскаго Макарія, вошли отъ духовнаго вѣдомства: тогдашній главный священникъ арміи и флота, докторъ богословія, протоіерей М. И. Богословскій, члены духовныхъ консисторій: с.-петербургской—протоіерей Н. П. Содальскій, московской—протоіерей И. Н. Рождественскій, кіевской—протоіерей П. Г. Лебединцевъ, профессоръ кіевскаго университета, докторъ богословія, протоіерей Н. А. Ѳаворовъ; профессора духовныхъ академій: с.-петербургской — Т. В. Барсовъ, московской — А. Ѳ. Лавровъ и юрисконсультъ при оберъ-прокурорѣ св. Синода, В. А. Степановъ. Отъ бывшаго II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи Ѳ. Л. Маркусъ и А. С. Любимовъ; отъ министерства юстиціи: И. С. Бурлаковъ, А. А. Сабуровъ, Н. В. Баженовъ, Н. А. Неклюдовъ; сверхъ сего два профессора с.-петербургскаго университета, С. В. Пахманъ и А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ. Дѣлопроизводителями по комитету состояли: И. Т. Камчатовъ и П. А. Матвѣевъ.

сочайше возложеннаго на него порученія, остановившись прежде всего на выясненіи задачи и плана своихъ занятій. Задачу свою комитетъ, согласно данному ему порученію, поставилъ не въ одномъ устраненіи внѣшнихъ недостатковъ духовнаго суда, а вмѣстѣ въ пересмотрѣ и измѣненіи самыхъ статей матеріальнаго права, опредѣляющихъ дѣйствія и порядокъ духовнаго суда. При выполненіи этой задачи, во всѣхъ своихъ работахъ комитетъ, согласно указанію святѣйшаго Синода, съ одной стороны признавалъ исходными и основными тѣ начала, которыя приняты въ судебныхъ уставахъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, съ другой — руководился мыслью, что послѣдованіе и подражаніе этимъ началамъ должно быть не всецѣлое и безусловное, а по соображенію дѣйствительной возможности и полезности ихъ примѣненія въ области суда духовнаго. Относительно плана своихъ занятій комитетъ предварительно предполагалъ остановиться только на устройствѣ и дѣлопроизводствѣ духовнаго суда; но при занятіи этими предметами встрѣтилъ крайнюю необходимость пересмотрѣть и, прежде всего, предметы подлежащіе вѣдомству духовнаго суда, дабы понять назначеніе и обнять кругъ его дѣйствій въ церкви и государствѣ. Не зная, зачѣмъ и для чего существуетъ духовный судъ, каковы предметы его вѣдомства, невозможно правильно разсуждать ни о началахъ его устройства, ни о формахъ дѣлопроизводства. Поэтому комитетъ въ первыхъ своихъ работахъ занялся пересмотромъ предметовъ вѣдомства духовнаго суда, какъ эти предметы опредѣлены въ уставѣ духовныхъ консисторій (ст. 158, 159) [1]), не задаваясь никакими предвзятыми мыслями ни о расширеніи, ни о сокращеніи нынѣшней подсудности. Пересмотръ предметовъ вѣдомства духовнаго суда послѣдовательно привелъ комитетъ къ мысли пересмотрѣть и лѣстницу церковныхъ наказаній по уставу духовныхъ консисторій (ст. 186—207) [2]), по той причинѣ, что проектированіе основныхъ процессуальныхъ правилъ необходимо предполагаетъ существованіе готовыхъ правилъ и устава наказаній, ибо

---

[1]) Ст. 148 и 149, по изд. 1883 г.
[2]) Ст. 176—196, по изд. 1883 г.

примѣненіе постановленій послѣдняго составляетъ прямую и конечную цѣль дѣйствій суда. Подвергнутый пересмотру со стороны пенальнаго кодекса уставъ духовныхъ консисторій оказался неудовлетворительнымъ по допущенной въ немъ неопредѣленности и неточности въ квалификаціи наказаній и способа ихъ примѣненія. Относительно судоустройства и судопроизводства комитетъ въ своихъ предначертаніяхъ руководился съ одной стороны сознаніемъ существующихъ недостатковъ въ нынѣшнемъ духовномъ судѣ, съ другой—желаніемъ устранить ихъ чрезъ перенесеніе въ духовный судъ нѣкоторыхъ изъ началъ суда свѣтскаго и измѣненіе устройства и судопроизводства духовнаго суда примѣнительно къ этимъ началамъ, насколько это возможно при сохраненіи каноническихъ нормъ духовнаго суда, и полезно для цѣлей правосудія. Вмѣстѣ съ симъ комитетъ нашелъ необходимымъ примѣнить къ духовному суду и нѣкоторыя изъ формъ судопроизводства гражданскаго, коль скоро эти формы, по мысли комитета, обезпечивали правильность дѣйствій суда и достиженіе искомой судомъ истины. Особому разсмотрѣнію комитетъ подвергъ и вопросъ о подсудности брачныхъ дѣлъ, и въ виду того, что въ настоящее время дѣла этого рода подсудны частію свѣтскому, частію духовному суду такъ, что одни изъ этихъ дѣлъ начинаются въ свѣтскомъ, а оканчиваются въ духовномъ судѣ, другія, наоборотъ, вчинаются въ духовномъ, а разрѣшаются въ уголовномъ судѣ, призналъ такой порядокъ неудобнымъ и нашелъ цѣлесообразнымъ принять за правило, чтобы всѣ дѣла о противозаконныхъ брачныхъ сопряженіяхъ, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ, вчинались въ свѣтскомъ судѣ, который приговоръ свой о незаконности такихъ сопряженій передаетъ епархіальному начальству для соотвѣтственнаго распоряженія о признаніи недѣйствительности брака. Въ частности, относительно производства бракоразводныхъ дѣлъ комитетъ, по уваженіи къ тому соображенію, что изслѣдованіе достовѣрности какой либо изъ причинъ развода съ большимъ удобствомъ можетъ быть произведено судомъ свѣтскимъ, располагающимъ всѣми необходимыми для того средствами, призналъ возможнымъ производство сихъ дѣлъ предоставить суду свѣтскому.

Изъ предначертаній комитета остановимъ вниманіе только на постановленіяхъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Въ отношеніи къ судоустройству, исходя изъ мысли объ отдѣленіи духовно-судебной власти отъ прочихъ видовъ власти, комитетъ призналъ необходимымъ установить особые, отдѣльные отъ нынѣ существующихъ по уставу духовныхъ консисторій органы для отправленія суда изъ лицъ духовнаго сана, которыя, производя судъ, не принимаютъ участія въ дѣлахъ администраціи. Низшимъ изъ этихъ органовъ являются духовные судьи, которые, по образцу мировыхъ судей въ гражданскомъ вѣдомствѣ, распредѣляются по епархіи, съ порученіемъ имъ извѣстнаго участка. Духовный судья дѣйствуетъ единолично, имѣя при себѣ кандидата, который, въ случаѣ уважительныхъ причинъ, препятствующихъ духовному судьѣ исполнять его обязанности, заступаетъ его мѣсто. Духовные судьи и кандидаты къ нимъ избираются всѣмъ духовенствомъ, живущимъ въ участкѣ, и представителями приходовъ, по одному отъ каждаго изъ мѣстныхъ протоіереевъ и священниковъ, имѣющихъ не менѣе тридцати лѣтъ, не состоящихъ подъ судомъ и не подвергавшихся взысканіямъ по суду, и утверждаются епархіальными архіереями въ качествѣ ихъ уполномоченныхъ—старшій по количеству голосовъ избранія духовнымъ судьею, а слѣдующій за нимъ кандидатомъ. Послѣдующею инстанціею служатъ духовно-окружные суды, которыхъ судебная власть простирается на нѣсколько епархій, образующихъ духовно-судебный округъ. Духовно-окружные суды состоятъ изъ предсѣдателя и членовъ, полагаемыхъ по штату. Предсѣдатель назначается Высочайшею властію изъ лицъ архіерейскаго сана, а члены избираются по епархіямъ, входящимъ въ составъ духовно-судебнаго округа, изъ лицъ пресвитерскаго сана и утверждаются въ должностяхъ епархіальными архіереями, въ качествѣ ихъ уполномоченныхъ. Высшую инстанцію духовнаго суда представляетъ судебное отдѣленіе святѣйшаго Синода. Оно простираетъ свою власть на всю россійскую церковь и состоитъ изъ первоприсутствующаго и членовъ архіерейскаго и пресвитерскаго сана, причемъ архіерейскаго сана, со включеніемъ и первоприсутствующаго, полагается двѣ, а пресвитерскаго одна треть. Всѣ эти лица назначаются Высочайшею

властію и должны быть свободны отъ исполненія другихъ, кромѣ судейскихъ, обязанностей. Для разсмотрѣнія дѣлъ по жалобамъ на приговоры судебнаго отдѣленія, постановленные послѣднимъ въ качествѣ суда первой степени, и для суда надъ членами и присутствующими святѣйшаго Синода, составляется общее собраніе обоихъ отдѣленій святѣйшаго Синода, въ судебномъ присутствіи котораго членовъ судебнаго отдѣленія не должно быть менѣе членовъ административнаго отдѣленія святѣйшаго Синода. Въ общемъ собраніи обоихъ отдѣленій святѣйшаго Синода предсѣдательствуетъ первенствующій членъ святѣйшаго Сунода. Для правильности присутствія и духовно-окружного суда и судебнаго отдѣленія святѣйшаго Синода требуется не менѣе трехъ членовъ, причемъ по дѣламъ о лицахъ архіерейскаго сана въ засѣданіи отдѣленія должно быть не менѣе трехъ архіереевъ. Въ случаѣ отсутствія предсѣдательствующаго, въ духовно-окружномъ судѣ его мѣсто заступаетъ старшій по сану или службѣ членъ подлежащаго суда. Предсѣдатели и члены духовно-судебныхъ установленій, равно и духовные судьи не могутъ быть, безъ прошенія, ни увольняемы отъ должности судебной и священнослужительской, ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія. Временное устраненіе ихъ отъ должностей допускается только въ случаѣ преданія ихъ суду, а отрѣшеніе отъ должности происходитъ не иначе, какъ по приговорамъ суда. Всякое взысканіе на нихъ налагается не иначе, какъ въ порядкѣ суда или дисциплинарнаго производства. При каждомъ духовно-окружномъ судѣ и при судебномъ отдѣленіи святѣйшаго Синода полагается прокуроръ изъ лицъ гражданскаго вѣдомства, получившихъ высшее образованіе и практически знакомыхъ съ судебною частію. Прокуроръ судебнаго отдѣленія святѣйшаго Синода исполняетъ прокурорскія обязанности и въ общемъ собраніи святѣйшаго Синода. При прокурорахъ духовно-окружныхъ судовъ полагается опредѣленное число товарищей по штату. Прокуроръ судебнаго отдѣленія назначается высшею властію, а прокуроры и ихъ товарищи при духовно-окружныхъ судахъ опредѣляются оберъ-прокуроромъ святѣйшаго Синода, подъ наблюденіемъ котораго они и исполняютъ свои обязанности, сущность которыхъ

состоитъ: 1) въ наблюденіи за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона, 2) въ преслѣдованіи передъ судомъ законопреступныхъ дѣяній и 3) въ предложеніи суду предварительныхъ заключеній въ случаяхъ, опредѣленныхъ уставомъ судопроизводства. Высшій надзоръ за прокурорскою частію сосредоточивается въ лицѣ оберъ-прокурора святѣйшаго Синода, коему принадлежитъ и право возбужденія законодательныхъ вопросовъ по постановленіямъ духовно-судебныхъ мѣстъ и по представленіямъ лицъ прокурорскаго надзора. При духовно-судебныхъ установленіяхъ состоятъ особыя канцеляріи: при духовно-окружныхъ судахъ—изъ секретаря и его помощниковъ по штату, назначаемыхъ предсѣдателемъ суда,—при судебномъ отдѣленіи святѣйшаго Синода—изъ оберъ-секретарей и ихъ помощниковъ, назначаемыхъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго Синода. Засѣданія духовно-судебныхъ мѣстъ предположены или распорядительныя или судебныя,—послѣднія происходятъ публично, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ законѣ; рѣшеніе суда, постановленное публично, можетъ быть печатаемо и обсуждаемо на основаніи общихъ постановленій государства. Наблюденіе за правильностію и скоростію дѣлопроизводства въ каждомъ учрежденіи возлагается на предсѣдательствующаго. Надзоръ за духовно-судебными установленіями и должностными лицами, кромѣ чиновъ прокурорскаго надзора, принадлежитъ высшимъ въ порядкѣ постепенности судебнымъ мѣстамъ. Общій надзоръ за духовно-судебными установленіями сосредоточивается въ лицѣ оберъ-прокурора святѣйшаго Синода.

Относительно судопроизводства проектъ начерталъ слѣдующія общія положенія. Выходя изъ мысли, что никто изъ лицъ какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго духовенства не можетъ быть наказанъ за проступокъ и преступленіе безъ суда и судебнаго приговора, проектъ предоставляетъ административной власти налагать безъ суда слѣдующія взысканія: замѣчаніе, выговоръ безъ внесенія въ послужной списокъ и временное испытаніе въ архіерейскомъ домѣ или монастырѣ до двухъ недѣль. Въ производствѣ и разсмотрѣніи самыхъ дѣлъ проектъ раздѣляетъ и обвинительную, и судебную власть. Первая, состоящая въ обнаруженіи преступленій и преслѣдованіи

виновныхъ, принадлежитъ по дѣламъ, производящимся у духовныхъ судей, духовному начальству и частнымъ лицамъ, а по дѣламъ, разсматриваемымъ въ духовно-окружныхъ судахъ, судебномъ отдѣленіи и общемъ собраніи святѣйшаго Синода,—прокурорскому надзору и частнымъ лицамъ. Вторая, т. е. судебная власть, состоящая въ разрѣшеніи дѣлъ и постановленіи приговоровъ, принадлежитъ судамъ безъ участія властей административныхъ. Приговоры, по повѣркѣ и дополненіи представленныхъ доказательствъ въ засѣданіи суда, постановляются по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при слѣдствіи и судѣ. Приговоръ суда можетъ быть или оправдывающій, или осуждающій подсудимаго. Оставленіе въ подозрѣніи не допускается. Каждое дѣло рѣшается только въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ, причемъ приговоръ второй инстанціи почитается окончательнымъ и обжалованію не подлежитъ. Пересмотра судебныхъ приговоровъ порядкомъ ревизіоннымъ не допускается. Духовно-судебныя мѣста должны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ и не останавливать рѣшенія дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ. Духовный судья приступаетъ къ разбору подсудныхъ ему дѣлъ по сообщеніямъ духовнаго начальства и свѣтскихъ властей, по жалобамъ и заявленіямъ частныхъ лицъ и по лично усмотрѣннымъ имъ преступнымъ дѣяніямъ. Духовный судья разбираетъ всѣ дѣла словесно, стараясь, въ случаѣ частныхъ жалобъ, примирить стороны; при безуспѣшности постановляетъ приговоръ по выслушаніи сторонъ или ихъ повѣренныхъ. Духовный судья окончательно рѣшаетъ дѣла о проступкахъ, за которые въ законѣ опредѣляются одни лишь замѣчанія, или выговоры безъ внесенія въ послужной списокъ, или денежное взысканіе, въ случаѣ опредѣленія онаго въ размѣрѣ не свыше пятнадцати рублей. На окончательные приговоры допускаются отзывы и протесты, которые и предъявляются или словесно или письменно судьѣ, постановившему приговоръ; отзывы подаются частными лицами, а протесты духовнымъ начальствомъ; тѣ и другіе разсматриваются въ духовно-окружныхъ судахъ окончательно. Въ духовно-окружномъ судѣ дѣла начинаются по обвинительнымъ ак-

тамъ или по постановленіямъ архіерея о преданіи суду, предлагаемымъ прокурорамъ. Преданіе суду производится на основаніи данныхъ предварительнаго слѣдствія, производимаго духовнымъ судьею. Обвинительный актъ составляется прокуроромъ, по разсмотрѣніи слѣдствія, съ указаніемъ въ немъ существа дѣла, основанія обвиненія, рода и вида преступленія или проступка. Обвинительный актъ и заключеніе о прекращеніи дѣла и измѣненіи подсудности представляются прокуроромъ епархіальному архіерею, который или утверждаетъ ихъ, въ случаѣ согласія, или замѣняетъ своимъ постановленіемъ, которое должно быть изложено въ формѣ обвинительнаго акта. По поступленіи въ судъ дѣла, копія обвинительнаго акта или постановленія архіерея передается обвиняемому, который или самъ лично, или его защитникъ пользуется правомъ разсматривать дѣло въ канцеляріи суда. Судебное слѣдствіе начинается чтеніемъ обвинительнаго акта или постановленія архіерея о преданіи суду и производится изустно въ присутствіи сторонъ и свидѣтелей. Стороны, т. е. прокуроръ и подсудимый, или его защитникъ, пользуются равными правами; послѣднее слово въ судебномъ процессѣ принадлежитъ подсудимому или его защитнику. Приговоръ постановляется на основаніи рѣшенія большинства голосовъ; при равенствѣ отдается предпочтеніе мнѣнію, на сторонѣ котораго предсѣдатель, или мнѣнію, которое снисходительнѣе къ участи подсудимаго. Постановленный приговоръ провозглашается немедленно въ публичномъ засѣданіи суда. Въ судебномъ отдѣленіи святѣйшаго Синода дѣла начинаются по протестамъ прокуроровъ, отзывамъ подсудимыхъ и частнымъ жалобамъ; производство этихъ дѣлъ подчиняется порядку, установленному для производства дѣлъ въ духовно-окружномъ судѣ, въ качествѣ второй инстанціи. Изъятія изъ общаго порядка судопроизводства проектированы для производства дѣлъ по преступленіямъ должности духовно-судебной и духовно-административной. Предварительное слѣдствіе по этимъ дѣламъ начинается не иначе, какъ по постановленію высшаго, въ порядкѣ инстанціи, судебнаго мѣста, о лицахъ судебнаго вѣдомства, и высшаго, въ порядкѣ административнаго учрежденія, о лицахъ духовной администраціи. Самое производство слѣдствія возлагается на особо назначаемыхъ лицъ—

изъ судебнаго вѣдомства. Вопросъ о преданіи суду по предложеніямъ прокуроровъ разрѣшается учрежденіями, назначавшими слѣдствіе. Члены, принимавшіе участіе въ разрѣшеніи вопросовъ о преданіи суду, не входятъ въ составъ судебнаго по тому дѣлу присутствія. Проектъ разрѣшилъ вопросъ о смѣшанной подсудимости лицъ духовнаго званія въ случаѣ соучастія ихъ въ преступленіи съ другими лицами, также по обвиненію ихъ въ двухъ и болѣе проступкахъ, предусмотрѣнныхъ свѣтскими или свѣтскими и духовными законами, и подсудныхъ свѣтскому и духовному суду.

Таковы въ общихъ чертахъ судоустройство и судопроизводство по „проекту основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части“, составленному Высочайше учрежденнымъ въ 1870 г. комитетомъ для преобразованія этой части. Соображая особенности этого судоустройства и судопроизводства, надо признать, что проектъ вносилъ не поправки или измѣненія въ нынѣшній духовный судъ, дѣйствующій по уставу духовныхъ консисторій, а предполагалъ учредить въ духовномъ вѣдомствѣ новый судъ, на новыхъ началахъ, съ новыми, неизвѣстными уставу духовныхъ консисторій, обрядами и формами производства. Руководящею нитью для комитета въ его разсужденіяхъ по предлежавшимъ ему вопросамъ послужила, какъ показываютъ его журналы, записка — „нѣсколько соображеній объ измѣненіяхъ въ устройствѣ церковнаго суда“, читанная во второмъ засѣданіи 7 мая 1870 года членомъ комитета, профессоромъ московской духовной академіи А. Лавровымъ. Въ этой запискѣ суммирована сущность предстоявшихъ комитету задачъ и предложена схема ихъ рѣшенія. Выходя изъ мысли, что комитетъ предположилъ „начать свои дѣйствія съ обсужденія основныхъ началъ судоустройства, послужившихъ основаніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, съ цѣлію придти къ заключенію, какія изъ сихъ началъ удобопримѣнимы къ устройству церковнаго суда“, записка заявляла, что „первое основное начало новаго судоустройства (по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г.), предлежащее вниманію комитета, есть слѣдующее: власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной“, и ставила для разрѣшенія вопросъ: „можетъ ли быть принято это правило и въ устройствѣ

церковнаго суда"? Отвѣчая на этотъ вопросъ, записка докладывала комитету, что „по законамъ, нынѣ дѣйствующимъ въ православной русской церкви, судная власть распредѣляется по различнымъ органамъ, но всегда не отдѣльно, а въ соединеніи съ другими вѣтвями власти. Въ самой низшей церковно-административной единицѣ—приходѣ и монастырѣ—судная власть принадлежитъ настоятелямъ церквей и монастырей. Священникъ можетъ штрафовать діакона и причетниковъ наединѣ, и при другихъ выговорами, а причетниковъ и поклонами въ церкви (инстр. благ. п. 27). Подобнымъ образомъ и настоятель монастыря можетъ дѣйствовать по отношенію къ монахамъ (инстр. благ. монаст. 18—21). Въ слѣдующемъ за симъ, болѣе обширномъ, церковно-административномъ округѣ—благочиніи, въ нѣсколько большей мѣрѣ, судная власть принадлежитъ благочиннымъ церквей, монастырей. Для слѣдующей за симъ высшей церковно-административной единицы—епархіи—судная власть сосредоточена въ лицѣ епархіальнаго архіерея, подъ непосредственнымъ начальствомъ котораго состоитъ присутственное мѣсто, именуемое духовною консисторіею, производящее духовный судъ въ епархіи. Высшая и единая для всей православной русской церкви судебная инстанція есть святѣйшій Синодъ, производящій судъ по нѣкоторымъ дѣламъ, въ качествѣ 1-й и единственной инстанціи, а по другимъ—въ качествѣ 2-й апелляціонной и также послѣдней инстанціи. По всѣмъ симъ органамъ судная власть распредѣляется на основаніи церковныхъ правилъ и государственныхъ законовъ въ различной мѣрѣ. Но въ какой бы мѣрѣ, какому бы органу ни была дана судная власть, всегда она находится не въ отдѣльности, а въ соединеніи съ другими вѣтвями власти... Епархіальный архіерей, производящій судъ въ своей епархіи, есть не только судія, но и правитель. Въ коллегіи, ему помогающей, или въ консисторіи, одни и тѣ же члены и производятъ судъ и даютъ административныя мнѣнія и распоряженія. Подобнымъ образомъ и въ святѣйшемъ Синодѣ всѣ вѣтви церковной власти не раздѣлены. Синодъ въ составѣ однихъ и тѣхъ же членовъ и издаетъ правила для русской церкви, и осуществляетъ надзоръ, и производитъ судъ. Неудобства такого соединенія различныхъ вѣтвей церковной власти въ однихъ

и тѣхъ же органахъ—велики и были замѣчены еще прежде изданія судебныхъ уставовъ 1864 г. Теперь, когда новые судебные уставы введены въ дѣйствіе, неудобства въ устройствѣ духовныхъ судовъ сдѣлались гораздо замѣтнѣе и ощутительнѣе". Указывая на два такихъ неудобства, одно изъ области епархіальнаго, другое изъ области синодальнаго устройства, записка въ отношеніи къ первому буквально изъясняетъ слѣдующее: „Извѣстно, что мысль о составленіи устава духовныхъ консисторій, служащаго основаніемъ церковнаго суда въ настоящее время, возникла вслѣдъ за изданіемъ въ 1837 г. наказа губернаторамъ и положенія о теченіи дѣлъ въ губернскомъ правленіи, и что нѣкоторыя статьи устава почти буквально сходны съ статьями указанныхъ законоположеній. Дѣло въ томъ, что тѣ положенія, которыя опредѣляютъ власть губернатора, какъ администратора, приняты въ консисторскій уставъ и для опредѣленія власти архіерея въ качествѣ духовнаго судіи. Для губернатора необязательно мнѣніе членовъ губернскаго правленія въ административныхъ дѣлахъ. Въ вышеупомянутомъ положеніи есть, между прочимъ, § 31 слѣдующаго содержанія: „суждение о дѣлѣ, отобраніе мнѣній и составленіе рѣшеній производится въ присутствіи губернскаго правленія, на основаніи общихъ законовъ, но дѣла, по выслушаніи и отобраніи мнѣній членовъ правленія, рѣшаются не по большинству голосовъ, а по усмотрѣнію и приказанію губернатора. Однако же изъ сего изъемлются дѣла по вопросамъ о подсудности, и вообще всѣ, относящіяся къ судной части: сего рода дѣла рѣшаются не иначе, какъ по большинству голосовъ" (П. С. З. № 10,304). Равнымъ образомъ и въ судныхъ дѣлахъ, подвѣдомыхъ палатамъ, губернаторская власть поставлена иначе, чѣмъ въ административныхъ. „Если начальникъ губерніи не утвердитъ приговора палаты, то долженъ представить все дѣло съ мнѣніемъ своимъ въ правительствующій сенатъ, не отмѣняя самъ собою рѣшенія палаты" (свод. зак., изд. 1832 г., т. XV, ст. 1113). Консисторскій уставъ и для административныхъ и для судныхъ дѣлъ принялъ одно первое правило. Епархіальный архіерей можетъ утвердить рѣшеніе или большинства голосовъ, или меньшин-

ства, можетъ не утвердить и единогласное рѣшеніе членовъ консисторіи, и потребовать новаго пересмотра дѣла членами и затѣмъ, въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ консисторіи, полагаетъ собственное рѣшеніе, которое приводится въ исполненіе. То есть консисторія и въ судныхъ дѣлахъ является только совѣщательнымъ учрежденіемъ при епархіальномъ архіереѣ по судным дѣламъ. Ни меньшинство, ни большинство, ни единогласіе ея рѣшеній не значатъ ничего. Не только въ единомъ лицѣ епархіальнаго архіерея сосредоточена правительственная и судная власть, но и способы употребленія той и другой власти одинаковы". Подобное же неудобство отъ соединенія въ одной и той же коллегіи судной власти съ прочими вѣтвями церковной власти замѣчается и въ святѣйшемъ Синодѣ. И здѣсь не только одни и тѣже члены слушаютъ дѣла церковно-административныя и дѣла судныя, но и способъ рѣшенія тѣхъ и другихъ дѣлъ совершенно одинаковый. Оберъ-прокурорская власть и на административномъ опредѣленіи и на судномъ рѣшеніи святѣйшаго Синода пишетъ „исполнить". Указавъ, что во всѣхъ органахъ, по коимъ церковно-судная власть въ русской церкви распредѣлена, она не отдѣляется отъ прочихъ видовъ власти, и выставивъ неудобства такого смѣшенія властей, записка прибавляетъ поясненіе: выставляя неудобства, никого не слѣдуетъ обвинять кромѣ исторіи. Все сложилось историческимъ путемъ, все держится на буквѣ законовъ, впрочемъ поздняго времени!

Послѣдовательнымъ изъ всего вышеизложеннаго выводомъ должно признать то, что и будущій духовный судъ можетъ быть преобразованъ по аналогіи съ государственными учрежденіями, сообразно съ обстоятельствами даннаго времени. Разсматриваемая записка дѣйствительно показываетъ далѣе возможность проведенія и въ устройствѣ церковнаго суда, положеннаго въ основу свѣтскихъ судовъ, начала отдѣленія судебной власти отъ исполнительной, административной и законодательной, указывая невозможность примѣненія этого начала только въ отношеніи къ архіерею, безъ участія котораго не можетъ быть устроенъ церковный епархіальный судъ. Ограничивая этимъ предѣлъ своего non possumus, записка видитъ всю возможность подобнаго раздѣленія въ прочихъ органахъ судебной власти, какъ то

въ духовныхъ консисторіяхъ и въ святѣйшемъ Синодѣ. По изображенію записки, церковный судъ могъ бы быть организованъ такимъ образомъ. Низшую инстанцію церковнаго суда записка предлагаетъ устроить въ лицѣ духовныхъ судей, которыхъ полагается пять въ каждомъ церковно-судномъ округѣ, иначе говоря, уѣздѣ; изъ нихъ одинъ именуется дѣйствительнымъ, а прочіе четыре почетными духовными судьями. Дѣйствительный духовный судья производитъ судъ постоянно, рѣшая дѣла меньшей важности окончательно, почетные— въ случаѣ отсутствія, болѣзни и другой уважительной причины, препятствующей дѣйствительному духовному судьѣ исполнять судейскія обязанности, и въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ стороны къ нимъ обратятся, и въ общихъ собраніяхъ, которыя сходятся не болѣе одного раза въ мѣсяцъ и не рѣже одного раза въ три мѣсяца, смотря по надобности; эти собранія составляютъ вторую высшую инстанцію надъ дѣйствительнымъ духовнымъ судьею по дѣламъ, рѣшеннымъ послѣднимъ неокончательно. Приговоръ этого собранія обжалованію не подлежитъ. Духовные судьи получаютъ свои должности по выбору, притомъ такъ, что изъ избранныхъ получившій наибольшее число избирательныхъ голосовъ утверждается въ должности дѣйствительнаго духовнаго судьи, получившіе слѣдующіе за нимъ старшіе голоса утверждаются въ званіи почетныхъ судей, имѣющій между ними старшинство избирательныхъ голосовъ утверждается предсѣдателемъ въ ихъ собраніяхъ.

Для образованія средней инстанціи, или, что тоже, епархіальнаго духовнаго суда предполагалось, въ послѣдовательность принципу отдѣленія судной власти отъ прочихъ видовъ церковной власти, выдѣлить изъ нынѣшней консисторіи особое судное отдѣленіе, которое бы, рѣшая духовно-судныя дѣла на коллегіальномъ началѣ, именовалось бы духовнымъ судомъ. Онъ состоитъ изъ предсѣдателя— епархіальнаго архіерея или его викарія, и членовъ, избранныхъ и, по одобреніи епархіальнаго архіерея и духовнаго совѣта, утверждаемыхъ святѣйшимъ Синодомъ. Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ есть монастыри, насчитывающіе въ своемъ братствѣ не менѣе ста монашествующихъ, одинъ изъ членовъ духовнаго суда избирается изъ

лицъ священно-монашествующихъ. Засѣданія духовныхъ судовъ должны состоять не менѣе какъ изъ трехъ членовъ, включая въ то число и предсѣдателя. Обезпеченіе независимости членовъ суда въ ихъ сужденіи отъ предсѣдательствующаго начальника, каковую независимость записка признаетъ одною изъ важнѣйшихъ гарантій свободы сужденія, она полагала найти въ слѣдующихъ условіяхъ: 1) Въ образѣ назначенія судей посредствомъ широко примѣненнаго права выбора, въ которомъ участвуютъ и священники, и діаконы, и причетники, и кандидаты священства, и наставники духовно-учебныхъ заведеній, и представители, въ числѣ пяти лицъ, отъ мѣстнаго земства. При этомъ епархіальному архіерею съ консисторіею предоставлялось право рекомендаціи съ одной стороны избирателямъ, съ другой—святѣйшему Синоду. Проектируя такой порядокъ избранія судей, записка прибавляетъ, что этотъ порядокъ не представляется умаляющимъ права и власть епархіальнаго архіерея, въ качествѣ епархіальнаго начальника, и вмѣстѣ съ тѣмъ ограждающимъ въ нѣкоторой степени независимость членовъ духовнаго суда. Они назначаются не исключительно архіерейскою властію, а на совокупное дѣйствіе архіерейской власти и избирателей изъ духовенства получается утвержденіе святѣйшаго Синода. 2) Въ порядкѣ увольненія судей, по которому, примѣнительно къ принятому въ судебныхъ уставахъ началу несмѣняемости судей, проектировалось, что и члены духовныхъ судовъ не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія, ни удаляемы отъ должности иначе, какъ съ преданіемъ суду, ни отрѣшаемы отъ должности иначе, какъ по суду. 3) Въ устраненіи тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ епархіальный архіерей, какъ начальникъ, имѣетъ возможность производить хотя косвенное, но весьма сильное вліяніе на подчиненное ему духовенство, каковы награды и перемѣщенія на лучшія или худшія священническія мѣста. При помощи этихъ средствъ епархіальный архіерей дѣйствительно имѣетъ возможность до нѣкоторой степени поработить себѣ и членовъ духовнаго суда; посему записка „предпочла принять два правила, по которымъ, съ одной стороны, члены духовнаго суда ни отъ кого никакихъ наградъ не получаютъ, имѣя

въ мысли Бога мздовоздаятеля, судящаго правду, и ни на какое лучшее или худшее священническое мѣсто не перемѣщаются". 4) Въ устраненіи нынѣшняго совѣщательнаго значенія членовъ консисторіи и во введеніи коллегіальнаго начала для рѣшенія дѣлъ членами духовнаго суда, по каковому началу голосъ каждаго члена имѣетъ свое значеніе въ рѣшеніи дѣлъ и постановленіи приговора. 5) Въ гласномъ производствѣ суда, для допущенія котораго въ духовный судъ нѣтъ ни каноническихъ, ни историческихъ препятствій. Итакъ, по предначертаніямъ разсматриваемой записки, епархіальный духовный судъ долженъ былъ состоять изъ членовъ пресвитерскаго сана, избираемыхъ и представляемыхъ святѣйшему Синоду на утвержденіе; предсѣдательство въ этомъ судѣ въ дѣлахъ наиболѣе важныхъ должно принадлежать епархіальному архіерею, или его викарію; въ дѣлахъ же не самыхъ важныхъ предсѣдательство можетъ быть поручаемо одному изъ членовъ пресвитерскаго сана, именуемому старшимъ членомъ. Въ дѣлахъ о проступкахъ и преступленіяхъ духовныхъ лицъ, влекущихъ за собою лишеніе священства, запрещеніе священнослуженія, всегдашнее или временное, къ обыкновенному составу архіерейскаго духовнаго суда, для усиленія его, могутъ быть присоединяемы еще шесть лицъ пресвитерскаго сана, избираемы по жребію на каждое засѣданіе, изъ 12 лицъ пресвитерскаго сана, призываемыхъ для каждой сессіи по особому порядку. Эти судьи назначаются изъ пресвитеровъ епархіи, прослужившихъ не менѣе 10 лѣтъ и не болѣе 30-ти въ священномъ санѣ, не состоящихъ подъ судомъ и не занимающихъ должности благочиннаго или законоучителя; каждый изъ дополнительныхъ судей можетъ быть призванъ къ засѣданію въ судъ только одинъ разъ въ два года. Для оправданія нужды усиленія духовнаго суда, кромѣ необходимости крайней и всесторонней осмотрительности въ произнесеніи приговоровъ по дѣламъ великой важности, могутъ, говоритъ записка, быть представлены соображенія каноническія, историческія и практическія. Вотъ въ самомъ краткомъ видѣ эти соображенія: 1) элементы для утвержденія мысли о непротиворѣчіи усиленнаго состава суда духу и характеру православной церкви въ достаточномъ количествѣ предлагаетъ практика древней церкви. Во

времена св. Кипріана, въ III вѣкѣ, обыкновенно къ производству суда надъ клириками былъ призываемъ весь клиръ епархіальной церкви. Такъ, въ одномъ своемъ письмѣ Кипріанъ говоритъ о двухъ иподіаконахъ и одномъ аколуѳѣ, обвиняемыхъ въ преступленіи, и продолжаетъ, что поелику онъ находится въ изгнаніи и имѣетъ при себѣ только немногихъ своихъ клириковъ, то по этой причинѣ и не можетъ произнести никакого рѣшительнаго приговора о виновныхъ, но подвергаетъ ихъ только временному запрещенію (epist. 28). 2) Правило карѳ. собора 29-е требуетъ, чтобы пресвитера обвиняемаго судили шесть епископовъ, діакона—три. И это правило, какъ дѣйствующее, ударяетъ записка, въ греческой церкви, видимъ и въ позднѣйшее время, напр. въ XIV в. По обстоятельствамъ нашей церкви невозможно исполненіе правилъ, чтобы непремѣнно каждый діаконъ былъ судимъ тремя епископами, а пресвитеръ шестью. Единственно возможнымъ способомъ приближенія къ установленному правилу представляется усиленіе состава суда дополнительными пресвитерами. 3) Нѣчто еще болѣе близкое къ предлагаемому видимъ въ греческой церкви въ V в. Такъ одинъ епископъ для суда надъ діакономъ, обвиняемымъ въ преступленіи, созвалъ весь клиръ, въ составѣ котораго было болѣе 200 человѣкъ. Дѣло возможное въ греческой церкви V в. при необширности епархій и при особомъ устройствѣ жизни клира, который помѣщался большею частію близъ архіерейской каѳедры, но невозможное у насъ. Приблизиться къ указанному примѣру древней церкви мы могли бы принятіемъ предлагаемаго правила. Далѣе, 4) мысль, лежащая въ основаніи учрежденія дополнительныхъ членовъ духовнаго суда, имѣетъ то древлецерковное основаніе, чтобы дѣла болѣе важныя были обсуждаемы и рѣшаемы большими соборами, большею коллегіею. И всѣ дѣла, подлежащія епархіальному суду, будутъ рѣшаться коллегіально. Для важнѣйшихъ же церковно-уголовнаго характера дѣлъ, влекущихъ за собою, въ случаѣ осужденія, лишеніе священства и другія тяжкія наказанія, законно и съ древлецерковною мыслію сообразно составлять большой соборъ. 5) Едва ли можетъ подлежать спору, что для дѣлъ правосудія чрезвычайно полезно имѣть въ числѣ судей та-

кихъ лицъ, которыя вышли прямо и непосредственно изъ среды лицъ, подлежащихъ суду, и знаютъ жизнь непосредственнѣе и ближе, чѣмъ лица, постоянно занятыя отправленіемъ правосудія. Предлагаемое усиленіе духовнаго суда имѣетъ аналогію въ институтѣ присяжныхъ и съ дополнительными членами военныхъ судовъ. Назначеніе дополнительныхъ судей записка предлагаетъ производить посредствомъ выбора. Что же касается участія этихъ судей въ судѣ, то она признаетъ предпочтительнѣйшимъ усвоить имъ качество присяжныхъ свѣтскихъ окружныхъ судовъ, потому что такой порядокъ суда признается всѣми законодательствами наиболѣе обезпечивающимъ правосудіе. Въ церковныхъ судахъ нѣчто подобное сему представляется намъ въ греческой церкви, практика которой XIV в. представляетъ примѣры разсмотрѣнія и рѣшенія судныхъ дѣлъ по способу, подобному нынѣшнему нашему, принятому въ судѣ съ присяжными. Въ январѣ 1386 г. въ судномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ константинопольскаго патріарха Филоѳея, при 6-ти митрополитахъ, слушано было дѣло о пресвитерѣ, состоявшемъ при пріемѣ прошеній у патріарха, который обручилъ дѣвицу, не достигшую узаконеннаго возраста. По допросѣ свидѣтелей, архіереи засѣдающіе признали пресвитера виновнымъ и достойнымъ великаго наказанія по причинѣ увеличивающихъ вину обстоятельствъ: 1) что онъ не простой пресвитеръ, а одинъ изъ начальствующихъ въ церкви, 2) многократно получалъ по предметамъ своей службы наставленія отъ патріарховъ, 3) видѣлъ, какому наказанію онъ подвергается за подобныя преступленія, 4) что самъ онъ далъ и благословеніе на этотъ бракъ. А о томъ, какое будетъ наказаніе, сказали: какое св. владыка нашъ вселенскій патріархъ присудитъ. Патріархъ опредѣлилъ лишить его вовсе должности чиновника и запретить священнослуженіе впредь до разрѣшенія [1]). Призываемыя на семъ основаніи, для усиленія суда, лица пресвитерскаго сана участвовали бы въ послѣднемъ произнесеніемъ приговора о виновности или невиновности подсудимаго лица, равно и объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ его вину. Предъ каж-

---

[1]) Acta patriarch. Constant. t. 1. pag. 496.

дымъ засѣданіемъ предсѣдательствующій архіерей дѣлалъ бы архипастырское наставленіе къ внимательному наблюденію за ходомъ дѣла и къ произнесенію приговора по христіанской и священнической совѣсти и бралъ бы отъ каждаго изъ нихъ торжественное обѣщаніе произнести приговоръ по священству, что равносильно присягѣ. Если бы оказался болѣе удобнымъ способъ участія дополнительныхъ членовъ въ духовномъ судѣ, въ качествѣ временныхъ членовъ военныхъ судовъ, то въ такомъ случаѣ и дополнительные члены духовнаго суда имѣли бы въ послѣднемъ всѣ тѣже права, какія и постоянные члены суда.

Записка беретъ на себя трудъ организовать и обвинительную власть въ духовномъ судѣ отдѣльно отъ судебной. Она говоритъ: „остающаяся за отдѣленіемъ судной части, часть консисторіи, переименованная въ духовный совѣтъ, можетъ представить еще элементъ для духовнаго суда. Въ составѣ своихъ членовъ духовный совѣтъ можетъ имѣть одного члена пресвитерскаго сана, который будетъ исполнять исключительно тѣ обязанности, которыя исполняютъ прокуроры окружныхъ судовъ, т. е. обязанности надзора и обвиненія передъ судомъ. По его предложеніямъ, духовный совѣтъ, въ качествѣ обвинительной камеры, будетъ рѣшать вопросы о преданіи суду. Предъ духовнымъ судомъ онъ будетъ поддерживать обвиненіе и давать предварительное заключеніе. Принадлежа къ составу духовнаго совѣта, онъ вмѣстѣ съ симъ находится въ прежней зависимости отъ святѣйшаго Синода, которому представляетъ протесты на неправильныя дѣйствія духовныхъ судовъ“. Нынѣ въ духовномъ вѣдомствѣ, продолжаетъ записка, и обвиненіе и окончательный приговоръ, т. е. и начало и конецъ дѣла принадлежатъ одному и тому же лицу епархіальнаго архіерея. Онъ предписываетъ произвести слѣдствіе, онъ же налагаетъ и рѣшительную резолюцію на консисторскомъ мнѣніи. Доказывать необходимость отдѣленія обвинительной власти отъ судебной совершенно излишне. Эта необходимость основывается на древнѣйшей аксіомѣ: non potest idem esse accusator et judex и достаточно развита въ судебныхъ уставахъ, изданныхъ государственною канцеляріею. При господствѣ обвинительнаго, а не слѣдственнаго процесса въ судопроизводствѣ

древней церкви, тамъ обвиненіе всегда было представляемо элементами отдѣльными отъ суда. Такими элементами въ преобразуемомъ судѣ и будетъ одинъ изъ членовъ духовнаго совѣта съ особымъ помощникомъ, сосредоточивающіе въ своихъ рукахъ права и обязанности прокурорскаго надзора, такъ что преданіе суду будетъ происходить по предложенію этого члена разрѣшенному и одобренному духовнымъ совѣтомъ. Епархіальный архіерей, какъ предсѣдатель суда, не участвуетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ духовнаго совѣта, имѣющихъ цѣлію преданіе суду и поддержаніе обвиненія предъ судомъ. Но если въ епархіи есть викарій, въ такомъ случаѣ засѣданія духовнаго совѣта, для постановленія опредѣленій о преданіи суду, могутъ происходить подъ предсѣдательствомъ того архіерея, который не будетъ предсѣдательствовать въ судѣ по этому дѣлу. Всѣ свѣдѣнія, доходящія до епархіальнаго архіерея, по которымъ предвидится преданіе кого либо суду, передаются имъ въ совѣтъ для сообщенія движенія по установленному порядку. Подобнымъ сему образомъ при судномъ отдѣленіи святѣйшаго Синода состоитъ членъ святѣйшаго Синода, не принимающій участія въ судныхъ обязанностяхъ и исполняющій только обязанности прокурорскаго надзора. Поколику въ судномъ отдѣленіи Синода будутъ вѣдаться дѣла объ архіереяхъ, то и членъ, исполняющій обязанности прокурорскаго надзора, долженъ быть архіерей. Ему придается помощникъ изъ архимандритовъ или протоіереевъ. Въ случаѣ несогласія члена духовнаго совѣта, исполняющаго прокурорскія обязанности, съ прочими членами совѣта по вопросамъ его спеціальности, дѣло представляется члену святѣйшаго Синода при судномъ отдѣленіи послѣдняго исполняющему прокурорскія обязанности, и имъ рѣшается окончательно. Если это окончательное рѣшеніе будетъ несогласно съ мнѣніемъ члена духовнаго совѣта, исполняющаго прокурорскія обязанности, то исполненіе передается его помощнику.

Разсматриваемая записка такъ предлагала организовать слѣдственную часть по духовному вѣдомству и устроить своего рода адвокатуру при духовныхъ судахъ. Производство слѣдствій записка возлагаетъ на почетныхъ духовныхъ судей, которые въ этомъ качествѣ были бы слѣдственными духовными судьями. Относительно

устройства адвокатуры объяснено слѣдующее: „У насъ каждый годъ оканчиваетъ довольное количество кандидатовъ священства, которые священническія мѣста получаютъ не скоро, и до того времени привитаютъ Богъ знаетъ гдѣ; почему бы не состоять желающимъ изъ нихъ при духовномъ судѣ, съ тѣмъ, чтобы служба ихъ считалась дѣйствительною церковною службою, занятія ихъ состояли бы въ защитѣ обвиняемыхъ передъ судомъ по назначенію предсѣдателя и въ письмоводствѣ при судѣ“.

Представивъ изложенныя черты новаго устройства церковныхъ судовъ въ епархіяхъ, записка такъ рисуетъ общую картину будущаго духовнаго епархіальнаго суда: „Вотъ открывается церковный судъ. Предсѣдательствуетъ въ этомъ судѣ лицо, преемствующее апостоламъ, лицо, поставившее въ церкви раздаятелей духовныхъ даровъ, рѣшителей и вязателей христіанской совѣсти, лицо, котораго для православнаго христіанина нѣтъ выше въ земной церкви. Это—архіерей. Его окружаетъ, ему помогаетъ своимъ совѣтомъ, съ нимъ вмѣстѣ судитъ соборъ пресвитеровъ, избранныхъ совокупнымъ актомъ всего священства мѣстной церкви: отца мѣстной церкви—архіерея и высшей власти помѣстной церкви — ея собора — пресвитеровъ, отъ рукъ которыхъ каждый православный христіанинъ получаетъ дары вѣры, таинства, разрѣшеніе совѣсти и послѣднее напутствіе въ жизнь будущую. Въ случаяхъ особенной важности соборъ пресвитеровъ, окружающихъ епископа, усиливается присоединеніемъ еще пресвитеровъ, вызываемыхъ непосредственно изъ среды лицъ, подлежащихъ суду. Обвиненіе въ нарушеніи церковнаго закона, подлежащее разсмотрѣнію суда, ведетъ лицо, спеціально и практически знакомое и съ правилами церкви и съ практикою,—лицо, которое не могутъ упрекнуть ни въ незнаніи дѣла, ни въ неискренности его обвиненій. Обвиненію противопоставляется защита и самимъ подсудимымъ и его защитникомъ. Судъ совершается устно, открыто предъ всѣми. Что̀ можетъ быть величественнѣе, внушительнѣе, нравственно вѣсчѣе, духовно-обязательнѣе такого суда? Поистинѣ это будетъ судъ церкви, подобія Божія суда на землѣ“...

Оставляя созерцанія и возвращаясь къ разсужденіямъ, записка

формируетъ устройство высшей духовной инстанціи въ россійской церкви и гласитъ слѣдующее: „Принципъ отдѣленія судной власти отъ прочихъ ея видовъ, какъ существеннѣйшій и важнѣйшій, если будетъ принятъ въ епархіальныхъ судахъ, естественно и непремѣнно долженъ быть проведенъ и выдержанъ и въ отношеніи къ святѣйшему Синоду. И здѣсь судная власть должна быть отдѣлена отъ прочихъ видовъ власти. Въ семъ отношеніи не представляется никакого затрудненія ни съ канонической, ни съ практической стороны. По первоначальной идеѣ Синода такъ и предположено было раздѣлить дѣла по родамъ и вручить каждый родъ особому члену. Такъ и было: два члена вѣдали дѣла слѣдственныя; другіе два раскольническія; еще двое дѣла училищъ и типографіи. Два ассессора поочередно засѣдали въ тіунской конторѣ, завѣдывавшей церковными дѣлами столицы и вновь завоеванныхъ городовъ. Члены, завѣдывавшіе отдѣльными частями, рѣшали всѣ входящія дѣла, и только важнѣйшія, требовавшія общаго разсужденія и новыхъ законодательныхъ мѣръ, вносили въ общее собраніе. И въ нынѣшнемъ своемъ состояніи святѣйшій Синодъ не представляетъ полнаго единства, а имѣетъ отдѣленія для особаго рода дѣлъ. Въ Москвѣ, напр., находится синодальная контора, состоящая изъ двухъ членовъ святѣйшаго Синода и двухъ членовъ собственно конторы, для завѣдыванія дѣлами ставропигіальныхъ монастырей и соборовъ. Въ Тифлисѣ подобная же контора св. Синода. Если и первоначально святѣйшій Синодъ раздѣлялся по родамъ дѣлъ и даже имѣлъ прямо такое отдѣленіе, гдѣ вѣдались исключительно слѣдственныя дѣла, если и нынѣ святѣйшій Синодъ раздѣляется: то какія бы можно указать препятствія къ тому, чтобы образовать въ святѣйшемъ Синодѣ особое судное отдѣленіе, состоящее примѣрно изъ трехъ архіереевъ и трехъ лицъ пресвитерскаго сана, въ числѣ которыхъ одинъ архимандритъ?“ Записка предлагаетъ преобразовать въ такое судное отдѣленіе московскую св. Синода контору. Это отдѣленіе должно состоять изъ первоприсутствующаго митрополита, двухъ членовъ архіерейскаго сана, двухъ пресвитерскаго изъ бѣлаго духовенства и одного архимандрита. Причемъ члены суднаго отдѣленія архіерейскаго сана, какъ обязанные производить судъ

непрерывно и безсмѣнно и притомъ сами, а не чрезъ канцелярію, не могутъ въ тоже время управлять епархіями. Засѣданія суднаго отдѣленія святѣйшаго Синода для рѣшенія дѣлъ состоятъ не менѣе какъ изъ трехъ членовъ и притомъ, если дѣло о лицахъ архіерейскаго сана, или апелляціонное на архіерейскій духовный судъ, въ судномъ засѣданіи должно присутствовать не менѣе двухъ архіереевъ. Въ случаяхъ жалобы на судъ сего отдѣленія, для разсмотрѣнія таковыхъ образуется одинъ разъ въ году соединенное присутствіе правительствующаго и суднаго отдѣленій св. Синода, съ приглашеніемъ еще 12-ти архіереевъ по особому для сего установленному порядку, и таковое присутствіе именуется соборомъ. Кромѣ сего приглашаются въ соборъ викарные архіереи мѣстные, мѣстный каѳедральный протоіерей и старѣйшій архимандритъ епархіи. Дѣла въ соборѣ докладываются устно архіереемъ. По выслушаніи доклада, заключеніе даетъ членъ Синода, исполняющій прокурорскія обязанности при судномъ отдѣленіи святѣйшаго Синода. Наблюденіе за скоростію и правильностію дѣлопроизводства въ каждомъ судебномъ мѣстѣ и охраненіе порядка въ засѣданіяхъ возлагается на предсѣдателя, или первоприсутствующаго. Засѣданія духовныхъ судовъ суть или распорядительныя закрытыя, или судебныя, которыя происходятъ публично, въ присутствіи тяжущихся, обвинителей, свидѣтелей и постороннихъ лицъ. Каждое окончательное рѣшеніе, состоявшееся публично, можетъ быть напечатано, какъ самимъ судомъ, такъ и частными лицами и обсуждаемо сими послѣдними въ духовныхъ журналахъ, съ сохраненіемъ должнаго къ суду и его членамъ уваженія.

Предложенный комитету по преобразованію духовно-судебной части въ запискѣ его числа А. Ѳ. Лаврова проектъ новаго устройства церковнаго суда имѣлъ въ виду не освободить только нынѣшній духовный судъ отъ принятыхъ обрядовъ и формъ производства — напротивъ образовать новые, въ отдѣльности отъ администраціи, духовные суды на новыхъ началахъ и съ новыми пріемами дѣйствованія. Поэтому, осуждая въ самомъ источникѣ статьи устава духовныхъ консисторій (ст. 328—330), въ

коихъ опредѣляется отношеніе епархіальнаго архіерея къ суднымъ дѣламъ, проектъ будущее устройство духовнаго суда организуетъ на принятыхъ въ судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 г. началахъ, стараясь примѣнить и провести эти начала съ послѣдовательностью въ отношеніи ко всѣмъ инстанціямъ духовнаго суда. При примѣненіи и проведеніи этихъ началъ проектъ, хотя и заявляетъ о невозможности раздѣленія судебной и административной власти въ лицѣ епархіальнаго архіерея, тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности, при кажущемся сохраненіи за архіереемъ судебной власти, административное его значеніе умаляетъ до невозможной степени. Устраняя епархіальнаго архіерея, во имя начала раздѣленія властей, отъ административныхъ дѣйствій по дѣламъ о духовныхъ лицахъ, проектъ назначаетъ его предсѣдателемъ судной коллегіи пресвитеровъ, изъ коихъ каждый, на началахъ коллегіальнаго рѣшенія судныхъ дѣлъ, имѣетъ свой особый независимый голосъ, причемъ, въ случаѣ маловажности разсматриваемаго дѣла, проектъ предоставляетъ предсѣдателю право замѣнить себя старшимъ членомъ, и судное дѣло рѣшается вовсе безъ непосредственнаго участія епархіальнаго архіерея. Отъ преданія обвиняемыхъ суду епархіальный архіерей старательно устраняется и не участвуетъ въ этомъ,—ибо онъ судья—предсѣдатель судной коллегіи, а власть обвинительная отдѣляется отъ судебной; вслѣдствіе сего, подвѣдомыхъ епархіальному архіерею и подсудныхъ епархіальному суду священно-церковнослужителей предаетъ на судъ духовный совѣтъ пресвитеровъ, съ викарнымъ архіереемъ, если таковой имѣется, въ противномъ случаѣ и одинъ пресвитерскій совѣтъ по докладу своего собрата пресвитера—прокурора, который, въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ совѣта, идетъ съ своимъ протестомъ далѣе, вверхъ, къ исполняющему прокурорскія обязанности въ высшей инстанціи. Этимъ еще не исчерпывается сущность предположеній проекта объ епархіальномъ архіереѣ. Предсѣдательствуя въ судной коллегіи пресвитеровъ, епархіальный архіерей, по мысли проекта, не долженъ имѣть на членовъ никакого стѣсняющаго вліянія; поэтому сіи члены-пресвитеры избираются совокупнымъ актомъ всего священства мѣстной церкви и, въ огражденіе свободы и незави-

симости ихъ мнѣній отъ предсѣдательствующаго, не могутъ быть ни смѣняемы, ни награждаемы, ни переводимы на другія, хотя бы и лучшія мѣста; ибо „они, имѣя въ мысли Бога—мздовоздаятеля, судящаго правду, ни отъ кого никакихъ наградъ не получаютъ". Если въ епархіальномъ судѣ, такъ сказать, у ребра своей каѳедры, епархіальный архіерей только предсѣдательствуетъ въ судѣ, въ которомъ могутъ замѣнить его и викарій и старшій членъ суда, то вдали отъ каѳедры ему и этого почета не дается; ибо тамъ дѣйствуетъ избранный вольными голосами духовенства, съ участіемъ нѣсколькихъ представителей отъ земства, духовный судья-пресвитеръ подъ апелляціею на свои неправыя и пристрастныя рѣшенія своихъ же собратій почетныхъ духовныхъ судей-пресвитеровъ. Ко всѣмъ этимъ, уже безъапелляціоннымъ въ своихъ рѣшеніяхъ, судьямъ епархіальный архіерей имѣетъ то отношеніе, что поручаетъ имъ эти дѣйствія чрезъ свое архіерейское утвержденіе однихъ въ званіи дѣйствительныхъ, другихъ въ званіи почетныхъ духовныхъ судей. Такимъ образомъ, какъ въ отношеніи къ епархіальному духовному суду, во имя идеи предсѣдательства епархіальнаго архіерея въ судной коллегіи, принесено въ жертву административное значеніе его какъ правителя епархіи, такъ въ отношеніи къ суду низшей инстанціи епархіальный архіерей остается почти безучастнымъ и какъ судья, и какъ правитель.

Для устройства суда въ высшей инстанціи—святѣйшемъ Синодѣ проектъ предлагаетъ другія нововведенія. Учреждая судебное отдѣленіе святѣйшаго синода для суда высшей степени, проектъ организуетъ оное такъ, что членами и присутствующими въ немъ являются какъ архіереи, свободные отъ управленія епархій, такъ и смѣшанные судьи—архіерейскаго и пресвитерскаго сана. Здѣсь и прокурорскія обязанности исполняетъ архіерей. О всѣхъ этихъ предположеніяхъ проектъ буквально изъясняется такъ: „судебное отдѣленіе святѣйшаго Синода состоитъ изъ первоприсутствующаго митрополита, двухъ членовъ архіерейскаго сана, двухъ пресвитерскаго изъ бѣлаго духовенства и одного архимандрита. Члены суднаго отдѣленія святѣйшаго Синода архіерейскаго сана, какъ обязанные производить судъ непрерывно и безсмѣнно и притомъ сами

а не чрезъ канцелярію, не могутъ въ тоже время и управлять епархіями. Обязанность наблюденія за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ церковныхъ правилъ и законовъ, обязанность обнаруженія и преслѣдованія предъ духовнымъ судомъ всякаго нарушенія установленнаго порядка и обязанность требованія распоряженій къ его возстановленію возлагается при епархіальныхъ духовныхъ судахъ на одного изъ членовъ духовнаго совѣта, состоящаго при архіереѣ, а въ судномъ отдѣленіи святѣйшаго Синода на одного изъ членовъ правительствующаго Синода. Членъ духовнаго совѣта въ епархіи, исполняющій вышеуказанныя обязанности при духовномъ судѣ, состоитъ въ зависимости отъ члена святѣйшаго Синода, исполняющаго тѣже обязанности при судномъ отдѣленіи Синода, и дѣйствуетъ подъ его руководствомъ“ [1]). Выдѣленіе функцій обвинительной власти и вмѣстѣ сосредоточеніе прокурорскихъ обязанностей въ рукахъ духовныхъ лицъ составляютъ особенную заботу проекта и мотивируются слѣдующими пространными соображеніями. „Нынѣ въ духовномъ вѣдомствѣ и обвиненіе и окончательный приговоръ, т. е. и начало и конецъ дѣла, принадлежатъ одному и тому же лицу—епархіальнаго архіерея, который предписываетъ произвести слѣдствіе, налагаетъ и рѣшительную резолюцію на консисторскомъ мнѣніи. Доказывать необходимость отдѣленія обвинительной власти отъ судебной совершенно излишне; ибо эта необходимость основывается на древнѣйшей аксіомѣ: non potest idem esse accusator et judex. При господствѣ обвинительнаго, а не слѣдственнаго процесса въ судопроизводствѣ древней церкви, тамъ обвиненіе всегда было представляемо элементами, отдѣльными отъ суда“. При выдѣленіи этихъ функцій необходимость возложенія прокурорскихъ обязанностей при духовныхъ судахъ на духовныхъ, а не свѣтскихъ лицъ, подтверждается слѣдующими соображеніями: „что̀ эта часть власти церковной можетъ быть вручена исключительно духовнымъ лицамъ,—это ясно изъ самаго существа и состава прокурорской оффиціи. Порученіе ея лицамъ свѣтскимъ значило бы, что за исполненіемъ церковныхъ законовъ блюдетъ го-

[1]) Записка члена комитета А. Ѳ. Лаврова «Нѣсколько соображеній объ измѣненіяхъ въ устройствѣ церковнаго суда», стр. 65, 66, §§ 27, 28, 36, 37.

сударство, и оно же преслѣдуетъ нарушеніе церковныхъ правилъ. Церковь лишена была бы существеннаго своего права, которое отъ начала ея доселѣ принадлежало ей, и которое выражается въ самомъ наименованіи высшей церковной должности — епископской. Далѣе, церковное служеніе есть спеціальнѣйшее изъ самыхъ спеціальныхъ. Здѣсь и законы особые, не многимъ свѣтскимъ извѣстные, и въ особенности практика; съ доброю совѣстію, съ совершеннымъ знаніемъ дѣла и слѣдовательно съ надлежащею силою убѣжденія можетъ преслѣдовать предъ судомъ церковнымъ преступленія только духовное, принадлежащее къ составу клира, лицо. Съ какимъ убѣжденіемъ, напр., свѣтскій человѣкъ сталъ бы преслѣдовать и обвинять предъ духовнымъ судомъ настоятеля церкви, для ускоренія службы дозволившаго причетнику поставить стихиры на Господи воззвахъ только на 4, тогда какъ уставомъ дня предписывается ставить на 10-ть? Или съ какою совѣстію свѣтскій обвинитель сталъ бы преслѣдовать передъ судомъ священника, посѣщающаго театръ, читающаго соблазнительныя книги, играющаго въ карты, дерзнувшаго совершать литургію послѣ того, какъ онъ выпилъ чашку кофе? и т. п. Если во всѣхъ судахъ преступленія преслѣдуются только спеціалистами, то тѣмъ болѣе это необходимо въ церковныхъ судахъ“. Что̀ было сказано при разсужденіяхъ по поводу ст. 256 учр. суд. уст. о необходимости производить ревизію судовъ только чрезъ спеціалистовъ, то вполнѣ приложимо и къ устройству обвинительной власти. „Правильное обвиненіе можетъ быть сдѣлано только такимъ лицомъ, которому практически хорошо извѣстны всѣ обязанности священнаго служенія, со всѣми его спеціальностями и подробностями“. Что̀ охраненіе церковнаго закона свѣтскими охранителями не столь надежно,—въ подтвержденіе этого приводится одинъ частный примѣръ, указываемый въ одномъ письмѣ покойнаго московскаго митрополита Филарета. Въ письмѣ къ своему викарію Николаю, епископу дмитровскому, отъ 14 декабря 1831 года, онъ пишетъ: „Синодальной конторѣ, которая хочетъ посвятить двоеженца, отвѣтъ простъ: развѣ она можетъ сжечь кормчую книгу, гдѣ сіе запрещено? Извѣтъ, будто евѳиміевскій и серпуховскій архимандриты двоеженцы, если дойдетъ до

синода, можетъ произвести то, что имъ запретятъ священнослуженіе и нарядятъ слѣдствіе; и если по несчастію извѣтъ докажется, будетъ зло многимъ, а добра не будетъ никому. Такъ я думаю, потому что такъ велитъ думать законъ. А господинъ законъ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія не менѣе, какъ господинъ прокуроръ, хранитель закона, который видно расположенъ не сохранить, а схоронить законъ о двоеженцахъ“ [1]). Можно представить въ этомъ дѣлѣ и авторитетъ Петра Великаго, изобрѣтенію котораго прежде всего обязано установленіе особыхъ органовъ обвиненія по духовному вѣдомству. И тамъ употреблены на это дѣло не свѣтскія, а духовныи лица. Это извѣстные, недолгое впрочемъ время существовавшіе инквизиторы—съ своимъ главою протоинквизиторомъ и провинціальинквизиторами. Они были учреждены въ соотвѣтствіе существовавшимъ по гражданскому вѣдомству фискаламъ и между прочими обязанностями имѣли слѣдующія: 1) наблюдать за правосудіемъ и о преступленіяхъ духовныхъ особъ доводить до свѣдѣнія архіереевъ, а въ случаѣ потворства съ ихъ стороны—до синода чрезъ провинціальинквизитора и протоинквизитора; 2) наблюденіе за скоростію въ рѣшеніи дѣлъ духовными властями. Всѣ инквизиторы были лица изъ монашествующаго духовенства, а протоинквизиторъ—строитель московскаго Данилова монастыря Пафнутій. На то возраженіе, будто неприлично лицу духовнаго сана быть обвинителемъ, есть отвѣтъ въ дѣяніяхъ IV вселенскаго—собора. Тамъ Евсевій дорилейскій является обвинителемъ Евтихія передъ соборомъ. Въ XII в. Василій, митрополитъ тіанскій, обвиняетъ предъ патріаршимъ константинопольскимъ соборомъ двухъ подчиненныхъ ему епископовъ [2]). И подобныхъ примѣровъ много. Конечно, то дѣло шло въ порядкѣ частнаго обвиненія. Но если тогда частные обвинители даже епископскаго сана могли являться передъ судомъ и поддерживать свои обвиненія,—если и нынѣ частное лицо духовнаго сана можетъ преслѣдовать передъ судомъ и обвинять, то что̀ препятствуетъ установить и оффиціальные органы

---

[1]) Чтен. москов. общ. люб. дух. просвѣщ. кн. 8, стр. 47—48.

[2]) Συνταγμ. τῶν θειων καὶ ἱερῶν κανονων Α. νσει. 85—88.

обвиненія изъ лицъ духовнаго же сана? Карѳагенская церковь V вѣка имѣла институтъ оффиціальныхъ защитниковъ закона изъ духовныхъ лицъ въ лицѣ экдиковъ. Должность церковнаго экдика въ самомъ древнемъ своемъ видѣ имѣла большое сходство съ нынѣшнею прокурорскою въ судахъ. Почти все содержаніе нынѣшней прокурорской должности было и содержаніемъ должности экдика. Карѳагенскіе отцы въ 86 пр. опредѣлили: „по причинѣ притѣсненія убогихъ, которые непрестанно стужатъ церкви жалобами, подобаетъ просити царей, да избираются для нихъ, подъ смотрѣніемъ епископовъ, защитники отъ насилія богатыхъ“. Въ другомъ правилѣ отцы карѳагенскіе постановляютъ „просить царей, да будетъ позволено учредити ученыхъ экдиковъ, которые имѣли бы своею обязанностію дѣйствованіе въ защищеніи дѣлъ, и которые бы, яко священники епархій, пріявшіе на себя ходатайство по дѣламъ церквей, свободно могли, когда нужда потребуетъ, входить въ присутствіе судилищъ для опроверженія возраженій и для представленія того, что нужно“ (Карѳ. 109). Были экдики и въ другихъ древнихъ церквахъ [1]) (IV всел. 23). Въ чемъ еще усмотрѣли бы, заключено въ соображеніяхъ, препятствіе къ тому, чтобы по примѣру древней церкви, по примѣру Петра Великаго, возложить права наблюденія за исполненіемъ закона, права преслѣдованія передъ судомъ нарушеній закона на церковныхъ лицъ, носящихъ священный санъ [2])?

Противъ высказанныхъ съ такою настойчивостью соображеній позволительно привести доказательства иного воззрѣнія на предметъ, заключающіяся въ слѣдующемъ. Духовный судъ простираетъ свои дѣйствія на дѣянія лицъ духовнаго сана, которыя, сверхъ общаго, наряду съ прочими членами церкви, званія, облечены еще особыми правами и несутъ особыя обязанности служителей Христовой церкви. Посему проступки духовныхъ лицъ, преслѣдуемые и наказуемые духовнымъ судомъ, таковы по своему существу и характеру, что, нарушая, повидимому, только интересы частныхъ лицъ,

---

[1]) Насколько убѣдительны изложенные доводы и умѣстны приведенные изъ исторіи примѣры,—это оставляемъ на отвѣтственности автора записки, воздерживаясь отъ всякихъ исправленій и замѣчаній.

[2]) См. вышеупом. записку, стр. 45—48.

они являются въ тоже время и нарушеніемъ общаго порядка церкви и правилъ церковной дисциплины, подвергая виновныхъ отвѣтственности передъ судомъ церковнаго закона независимо и вмѣстѣ съ претензіею частнаго лица. Отсюда никакой проступокъ духовнаго лица, нарушающій, повидимому, только права частныхъ лицъ, не можетъ быть заглаженъ примиреніемъ и прощеніемъ со стороны послѣдняго; напротивъ навлекаетъ на виновнаго кару и преслѣдованіе со стороны закона. Согласно съ симъ и оговорено въ законахъ: „дѣла объ обидахъ, причиняемыхъ духовными лицами, не могутъ обращаться въ искъ гражданскій, и если обида, причиненная духовнымъ лицомъ, соединена съ поступкомъ, противнымъ достоинству духовнаго сана, — то хотя бы обиженный и примирился съ обидившимъ, епархіальное начальство не прекращаетъ дѣла и подвергаетъ виновнаго взысканію, соотвѣтственно проступку“ [1]). Чтобы уяснить цѣлесообразность приведеннаго правила, обратимся къ дѣйствительнымъ примѣрамъ. Такъ, духовное лицо наноситъ кому либо оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ, т. е. совершаетъ проступокъ противъ чести и здравія частнаго лица, которое можетъ преслѣдовать и не преслѣдовать обидѣвшаго, простить его и примириться съ нимъ,—смотря по собственному желанію и расположенію; тѣмъ не менѣе, по законамъ церковнаго суда, тоже преступленіе считается какъ бы общецерковнымъ преступленіемъ, и виновный подвергается отвѣтственности, независимо отъ жалобы и примиренія частнаго лица [2]). Еще примѣръ: духовное лицо ведетъ нетрезвую и нецѣломудренную жизнь, т. е. совершаетъ такіе поступки, которые, по обыкновеннымъ законамъ, не даютъ права постороннему лицу преслѣдовать виновнаго; между тѣмъ означенные поступки составляютъ тяжкія преступленія въ духовномъ лицѣ, строго преслѣдуемыя и наказуемыя, какъ пороки, несовмѣстные съ требуемыми отъ духовнаго лица нравственными качествами [3]). Рядъ подобныхъ примѣровъ можно бы продолжить, но и приведенныхъ достаточно,

---

[1]) Уст. дух. конс. ст. 212; см. зак. суд. угол. ст. 42. 43, уст. угол. суд. ст. 1018 прим. и мотивы къ этой статьѣ, стр. 379.

[2]) Ап. 27 пр. ст. 197 уст. дух. конс.

[3]) Ап. 25 Васил. Вел. 3. 32. уст. дух. конс. ст. 196 и 198.

чтобы принять, что, по особенности началъ церковнаго строя и отличительности свойствъ священнаго сана, самыя, повидимому, частныя дѣянія и невмѣняемые при другихъ условіяхъ поступки окрашиваются общимъ характеромъ и получаютъ значеніе нарушеній общецерковнаго порядка и дисциплины. Таковыми преступленіями слѣдуетъ почесть всѣ нарушенія духовными лицами уставовъ церкви, небрежное исполненіе обязанностей службы, злоупотребленіе правами своего положенія и т. п.; всѣ эти нарушенія получаютъ характеръ преступныхъ не потому, что означенными поступками нарушаются тѣ или другія права, интересы и выгоды частныхъ лицъ, а на томъ основаніи, что перечисленные поступки несогласны съ началами церковныхъ порядковъ, съ требованіями церковной дисциплины, съ существомъ и свойствами церковнаго служенія. Посему, если таковы въ общемъ проступки духовныхъ лицъ, то едва ли есть возможность оставить вообще въ частныхъ рукахъ обвинительную власть на духовномъ судѣ и послѣдовательно съ существомъ предмета сосредоточивать обвинительныя дѣйствія въ рукахъ духовныхъ лицъ. Исполнителемъ обвинительной власти на духовномъ судѣ свойственнѣе быть лицу свѣтскому и притомъ съ полномочіями прокурорской обязанности, совпадающими съ правами церковнаго народа по отношенію къ предосудительнымъ поступкамъ духовныхъ лицъ. Церковный народъ и вообще паства ни въ какомъ случаѣ не пользуются и не могутъ пользоваться правами осужденія и низложенія лицъ священнаго сана за ихъ проступки и преступленія: права эти исключительно принадлежатъ обладателямъ церковной власти; паства въ общемъ ея составѣ при видѣ незаконныхъ дѣяній служителей церкви можетъ только преслѣдовать ихъ путемъ жалобъ, свидѣтельскихъ показаній, открытыхъ обвиненій предъ установленными органами, можетъ также протестовать противъ дѣйствій и распоряженій послѣднихъ, коль скоро эти дѣйствія и распоряженія видимо несогласны съ существомъ изслѣдуемаго проступка и требованіями закона. Паства уполномочивается только дѣлать представленія церковной власти о проступкахъ своихъ служителей, требовать законнаго наказанія послѣднимъ; бо́льшими правами паства не пользуется въ настоящемъ случаѣ, а

потому и участіе ея въ духовномъ судѣ должно быть ограничено только подобными обнаруженіями, совпадающими съ дѣйствіями обвинительной власти.

Мы остановились на указаніи частныхъ особенностей предложеннаго комитету проекта устройства церковнаго суда съ мыслію осязательнѣе и наглядиѣе представить, въ какомъ отношеніи выраженныя въ этомъ проектѣ начала устройства церковнаго суда находятся къ предположеніямъ духовно-судебной реформы, т. е. выработаннаго комитетомъ проекта преобразованія духовно-судебной части. Начнемъ это сравненіе съ низшей инстанціи духовнаго суда. Предложенный комитету проектъ предполагалъ образовать эту инстанцію отдѣльно отъ администраціи въ лицѣ духовныхъ судей. Примѣнительно къ сему предположенію и комитетъ учреждаетъ духовныхъ судей, но жалобы на неокончательныя ихъ рѣшенія направляетъ не въ коллегію почетныхъ духовныхъ судей, а въ слѣдующую ординарную инстанцію суда. При образованіи этой инстанціи, комитетъ, въ виду предъявленнаго ему предложеннымъ проектомъ требованія относительно отдѣленія судебной власти отъ административной и ограниченнаго круга духовной подсудности, проектировалъ не епархіальные, а духовно-окружные суды, подъ предсѣдательствомъ также архіерея, изъ членовъ пресвитерскаго сана, присылаемыхъ отъ епархій, входящихъ въ составъ округа. Воспользовавшись предначертаніями предложеннаго проекта, комитетъ съ своей стороны принялъ за правило, чтобы и духовные судьи и члены окружныхъ судовъ избирались духовенствомъ при участіи представителей отъ земства, съ предоставленіемъ епархіальному архіерею права утверждать и тѣхъ и другихъ въ качествѣ своихъ уполномоченныхъ къ отправленію правосудія. Для огражденія свободы дѣйствій и независимости мнѣній духовныхъ судей и членовъ духовно-окружныхъ судовъ, комитетъ принялъ тѣже гарантіи, какія были указаны и въ предложенномъ ему проектѣ, т. е. несмѣняемость судей безъ суда и слѣдствія, устраненіе отъ должности только по суду и перемѣщеніе съ одного мѣста на другое только по прошенію, открытое и гласное судопроизводство. Въ устройствѣ высшей судебной инстанціи комитетъ, можно сказать, шелъ по слѣ-

дамъ предложеннаго ему проекта и повторилъ его предположенія съ тою лишь особенностію, что не разрѣшилъ вопроса о соборномъ управленіи въ русской церкви, признавъ разсужденія объ этомъ предметѣ умѣстными болѣе при устройствѣ администраціи, а не суда духовнаго.

Существенною особенностію предначертаній комитета отъ предложеннаго ему проекта оказывается учрежденіе при духовныхъ судахъ свѣтскаго прокурорскаго надзора въ видѣ особаго института,—но и для этого предначертанія комитета уже была разчищена почва въ предложенномъ комитету проектѣ, именно въ его настоятельномъ требованіи отдѣленія обвинительной власти отъ судебной. Удовлетворяя этому требованію, комитетъ однако не нашелъ возможнымъ идти по слѣдамъ предложеннаго ему проекта въ дѣлѣ обезличенія административной власти епархіальнаго архіерея и устранить его отъ участія въ начатіи дѣлъ, возбужденіи преслѣдованій противъ обвиняемыхъ и преданіи ихъ суду, дабы не поколебать въ основѣ началъ епархіальной администраціи. Поэтому и слѣдуя въ развитіи своего проекта началу отдѣленія суда отъ администраціи, комитетъ призналъ необходимымъ предоставить административной власти епархіальнаго архіерея разрѣшать вопросы о преданіи обвиняемыхъ суду и прекращеніи возбужденнаго противъ нихъ преслѣдованія. Вслѣдствіе сего прокурорскій надзоръ, по проекту комитета, въ дѣлѣ возбужденія преслѣдованія противъ обвиняемыхъ и преданія ихъ суду дѣйствуетъ въ зависимости отъ епархіальнаго архіерея.

Другимъ существеннымъ отступленіемъ комитета отъ предначертаній предложеннаго ему проекта является вопросъ объ отношеніи епархіальнаго архіерея къ суду. Въ первоначальныхъ предположеніяхъ касательно отношеній епархіальнаго архіерея къ суду, комитетъ, какъ показываютъ его журналы, останавливался на мысли: не дѣлая епархіальнаго архіерея, по предначертанной предложеннымъ проектомъ комбинаціи, предсѣдателемъ епархіальнаго суда, комитетъ предоставлялъ ему съ одной стороны право возбужденія дѣлъ о лицахъ духовнаго званія и преданія ихъ суду, съ другой право утвержденія и неутвержденія судебныхъ рѣшеній, съ обязанностію въ послѣднемъ случаѣ перенесть дѣло въ высшую

инстанцію. При этомъ епархіальный архіерей принималъ посредственное участіе и въ самомъ разсмотрѣніи судомъ дѣла тѣмъ, что назначалъ отъ себя уполномоченнаго на судъ для поддержанія обвиненія. На такихъ предположеніяхъ комитетъ продолжалъ стоять до самаго окончанія работъ, пока въ большинствѣ членовъ комитета не прояснилось сознаніе, что при осуществленіи принятыхъ предположеній дѣло реформы не увѣнчается успѣхомъ, и духовный судъ не будетъ поставленъ въ такія условія, при которыхъ выясненіе истины и достиженіе правосудія будутъ являться результатомъ развитія самаго судебнаго процесса, а не станутъ въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія. Большинство членовъ комитета смущало то неудобство, которое вводилось началомъ нѣкотораго состязанія между судомъ и епархіальнымъ архіереемъ въ томъ случаѣ, если послѣдній, не находя возможнымъ утвердить рѣшеніе суда, долженъ вносить протестъ на это рѣшеніе въ высшій судъ. Поэтому большинство членовъ старалось найти новую и такую комбинацію, которая бы, сохраняя за епархіальнымъ архіереемъ приличествующее его сану положеніе, освобождало его отъ обвинительныхъ функцій, оставляя суду свободу дѣйствій. Словомъ, большинство предполагало, сосредоточивъ въ иниціативѣ епархіальнаго архіерея всѣ первоначальныя судебныя функціи, развитіе ихъ предоставить прокурорской оффиціи, а самое разсмотрѣніе дѣла и постановленіе по нему рѣшенія признать непосредственнымъ дѣйствіемъ судебной власти. Вслѣдствіе сего, въ виду комитета образовались три комбинаціи, или схемы отношеній епархіальнаго архіерея къ духовному суду. Это, во-первыхъ, предсѣдательство въ судѣ, при обязательномъ неучастіи въ административныхъ распоряженіяхъ по судебнымъ дѣламъ, какъ того требовалъ предложенный комитету проектъ; во-вторыхъ, возложеніе на епархіальнаго архіерея прокурорскихъ функцій, съ предоставленіемъ ему измѣненнаго прокурорскаго права протеста въ правѣ утвержденія и неутвержденія судебныхъ рѣшеній, и, въ третьихъ, сохраненіе за епархіальнымъ архіереемъ, соотвѣтственно его положенію, права возбужденія дѣлъ о духовныхъ лицахъ и преданія ихъ суду, при вспомогательномъ во всѣхъ этихъ предуготовительныхъ къ суду дѣйствіяхъ проку-

рорской оффиціи. Первую схему комитетъ единогласно и безъ колебанія отвергъ, какъ разрушавшую въ основѣ существо административной власти архіерея, и не дѣлавшую послѣдняго дѣйствительнымъ и самостоятельнымъ судіею въ рѣшеніи дѣлъ,—вторую комбинацію защищало меньшинство, большинство же находило ее не согласною съ положеніемъ епархіальнаго архіерея и не гарантировавшею суду свободы дѣйствій и рѣшенія, — третья комбинація раздѣлялась большинствомъ и предлагалась на почвѣ возможнаго примѣненія къ духовному суду принятаго въ свѣтскомъ начала раздѣленія властей—административной, судебной и обвинительной, рекомендованнаго комитету предложеннымъ ему проектомъ. Оставалось согласить раздѣлившіяся мнѣнія и привести работы комитета къ окончанію.

Этотъ трудъ, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ на себя достойный предсѣдатель комитета. Въ первомъ засѣданіи послѣ лѣтняго перерыва, въ третій годъ работъ комитета, 30 сентября 1872 г., предсѣдатель предложилъ на обсужденіе комитета слѣдующую свою записку: „Большая часть вопросовъ, которыми занимался комитетъ, для преобразованія духовно-судебной части, рѣшены членами комитета единогласно. Нѣкоторые другіе вопросы рѣшены по значительному большинству голосовъ. Но два весьма важные вопроса: вопросъ объ участіи епархіальнаго архіерея въ духовномъ судѣ и вопросъ о прокуратурѣ въ томъ же судѣ, если и рѣшены при окончательномъ обсужденіи ихъ по большинству голосовъ, или точнѣе рѣшены при равенствѣ голосовъ лишь голосомъ предсѣдателя (такъ рѣшенъ собственно послѣдній вопросъ, а первый былъ рѣшенъ дѣйствительно по большинству), то по тому только что въ этомъ окончательномъ обсужденіи не участвовалъ одинъ изъ членовъ, который находился тогда въ Кіевѣ, но который впослѣдствіи, прибывъ на время въ С.-Петербургъ, присоединилъ свой голосъ къ сторонѣ, не согласившейся съ принятымъ въ комитетѣ рѣшеніемъ. Вслѣдствіе этого, для рѣшенія двухъ означенныхъ вопросовъ, явились два проекта: одинъ, принятый слабымъ большинствомъ въ комитетѣ, другой, составленный впослѣдствіи новымъ слабымъ большинствомъ, образовавшимся отъ присоединенія къ этой

сторонѣ одного новаго голоса. Главная разность между обоими проектами состоитъ въ томъ, что первый проектъ признаетъ второю инстанціею духовнаго суда (въ признаніи первой инстанціи— духовныхъ судовъ оба проекта согласны) епархіальный судъ, учреждаемый въ каждой епархіи, допускаетъ участіе въ этомъ судѣ епархіальнаго архіерея, преимущественно со властію прокурора, и вовсе не допускаетъ особой самостоятельной прокуратуры, а второй проектъ признаетъ второю инстанціею духовнаго суда окружный духовный судъ, учреждаемый на нѣсколько сосѣднихъ епархій, допускаетъ въ немъ особую самостоятельную прокуратуру, но вовсе не допускаетъ участія въ окружномъ судѣ епархіальныхъ архіереевъ. Первый проектъ очевидно болѣе удовлетворяетъ началамъ каноническаго права, но не удовлетворяетъ вполнѣ началамъ новыхъ судебныхъ уставовъ, требующимъ не только отдѣленія судебной власти отъ административной, но и отдѣльной самостоятельной прокуратуры. Второй проектъ, напротивъ, болѣе удовлетворяетъ началамъ новыхъ нашихъ судебныхъ уставовъ, но не удовлетворяетъ канонамъ церкви, признающимъ за каждымъ епархіальнымъ архіереемъ неотъемлемое право духовнаго суда въ предѣлахъ его епархіи и неприкосновенность этихъ предѣловъ для всякаго епархіальнаго архіерея. Представляется еще способъ рѣшенія двухъ вышеозначенныхъ вопросовъ, и притомъ такой, какой можетъ повести обѣ разномыслящія стороны къ соглашенію; представляется возможность изъ двухъ проектовъ, или вѣрнѣе вмѣсто двухъ проектовъ составить одинъ, который бы равно удовлетворялъ и требованіямъ каноники и требованіямъ новѣйшаго законодательства. Объ этомъ способѣ и выражу здѣсь со всею краткостію мои немногія мысли и предложу ихъ на обсужденіе комитета.—I. Право суда духовнаго, въ предѣлахъ своей епархіи, существенное и неотъемлемое право каждаго епархіальнаго архіерея. Но изъ всѣхъ существенныхъ и неотъемлемыхъ правъ архіерея есть только два такія, которыми онъ можетъ пользоваться исключительно самъ, и которыя не можетъ предоставлять другимъ низшимъ священнослужителямъ: это— право совершать таинство священства—право хиротоніи—и право свящать мvро для таинства мvропомазанія и, въ частности, освя

щать этимъ мѵромъ антиминсы. Всѣ прочія свои права, въ томъ числѣ и право суда, архіерей можетъ осуществлять и самъ непосредственно, и чрезъ своихъ уполномоченныхъ, предоставляя имъ это право. Посему-то, какъ извѣстно изъ исторіи древней церкви, на соборы, которые обыкновенно разсуждали о дѣлахъ вѣры, благочестія и церковнаго управленія, а также производили и духовный судъ, епархіальные архіереи иногда не являлись сами, а посылали своихъ уполномоченныхъ изъ числа подвѣдомыхъ имъ священнослужителей,—и это признаваемо было совершенно согласнымъ съ канонами церкви. Посему же, какъ извѣстно изъ исторіи отечественной церкви, нѣкоторые наши архіереи имѣли у себя намѣстниковъ изъ лицъ іерейскаго сана, которымъ предоставляли, между прочимъ, и право суда въ тѣхъ или другихъ участкахъ своихъ епархій. Митрополиты наши, Кипріанъ, Фотій, Іона, имѣли намѣстниковъ въ Кіевѣ, которымъ и приказывали, какъ гласитъ грамота одного изъ нихъ, „и оправданія вся церковная, и суды, и дѣла духовныя управляти“ [1]). А у митрополита Ѳеогноста былъ намѣстникъ даже въ Москвѣ—архимандритъ (впослѣдствіи святитель) Алексій, который для того именно и былъ поставленъ отъ своего архипастыря, „еже разсуждати Божія люди и вся церковныя суды въ правду по священнымъ правиломъ“ [2]). Архіепископы новгородскіе имѣли постоянно своихъ намѣстниковъ въ Псковѣ, которые, по данной имъ уполномоченности, производили церковные суды въ томъ краѣ [3]).—II. Если такъ, то устройство духовнаго суда, по дѣламъ каждой епархіи, можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

1) Епархіальный архіерей самъ не производитъ суда въ своей епархіи и непосредственно не участвуетъ въ немъ, но производитъ судъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ, которымъ предоставляетъ свою судебную власть. Въ частности: а) всѣ маловажныя дѣла по епархіи архіерей судитъ чрезъ духовныхъ судей, которые избираются духовенствомъ епархіи и утверждаются архіереемъ, и которые, по силѣ этого утвержденія и этой уполномоченности, дѣйствуютъ по-

---

[1]) Акт. истор. 1, № 48.
[2]) Степ. кн. 1, № 450.
[3]) Полн. собр. русск. лѣт. IV, 118, 191, 209, 211 и др.

томъ совершенно самостоятельно и независимо отъ архіерея при рѣшеніи предоставленныхъ имъ дѣлъ (мысль, уже принятая комитетомъ); б) всѣ прочія, т. е. болѣе или менѣе важныя, дѣла по епархіи архіерей судитъ чрезъ уполномоченныхъ отъ него членовъ окружнаго духовнаго суда, которые также избираются духовенствомъ епархіи и утверждаются въ должности архіереемъ, и которые потомъ, по силѣ этого утвержденія и этой уполномоченности, дѣйствуютъ совершенно самостоятельно и независимо отъ архіерея при рѣшеніи указанныхъ имъ дѣлъ. 2) Каждый окружный духовный судъ, учреждаемый на три, на четыре или болѣе сосѣднихъ епархій, состоитъ: а) изъ членовъ суда, уполномоченныхъ (по одному или по два) отъ архіереевъ этихъ епархій, и б) изъ предсѣдателя суда, мѣстнаго викарнаго или какого либо другого архіерея, который назначается на должность предсѣдателя, и, слѣдовательно, служитъ потомъ какъ бы уполномоченнымъ отъ святѣйшаго Синода. 3) При каждомъ окружномъ духовномъ судѣ состоитъ прокуроръ, со всѣми принадлежащими ему правами и обязанностями, который назначается и, слѣдовательно, служитъ потомъ какъ бы уполномоченнымъ отъ оберъ-прокурора святѣйшаго Синода.—III. При такомъ устройствѣ духовнаго суда сохранятся начала и выполнятся требованія каноническаго права: 1) сохранится право суда, принадлежащее каждому епархіальному архіерею въ предѣлахъ его епархіи и участіе его въ рѣшеніи всѣхъ судебныхъ по епархіи дѣлъ. Онъ только судитъ не непосредственно, а чрезъ своихъ уполномоченныхъ, и судебная власть не будетъ отнята у архіерея, а будетъ только предоставляться имъ самимъ его уполномоченнымъ; 2) сохранится неприкосновенность его епархіи отъ всякаго вторженія въ предѣлы ея сторонняго архіерея, ибо хотя предсѣдателемъ окружнаго духовнаго суда будетъ архіерей не епархіальный по отношенію къ каждой изъ тѣхъ епархій, которыя войдутъ въ судебный округъ, но членами этого суда будутъ уполномоченные представители епархіальныхъ архіереевъ округа, которые, такимъ образомъ, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ, сами будутъ участвовать на окружномъ судѣ въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ по своимъ епархіямъ; 3) сохранится то существенное, необходимое свойство окружнаго духов-

наго суда, безъ котораго рѣшенія этого суда не могли бы имѣть канонической силы для епархій округа. Состоя изъ уполномоченныхъ отъ епархіальныхъ архіереевъ округа, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго уполномоченнаго отъ святѣйшаго Синода, окружный духовный судъ будетъ, дѣйствительно, образомъ и подобіемъ тѣхъ окружныхъ соборовъ, на которые въ древней церкви собирались епископы церковныхъ округовъ, а иногда присылали своихъ уполномоченныхъ, и на которыхъ, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго архіерея въ округѣ или митрополита, рѣшались судебныя и другія дѣла, касавшіяся ихъ епархій.—IV. При такомъ устройствѣ духовнаго суда сохранятся также начала и выполнятся требованія новыхъ нашихъ судебныхъ уставовъ: 1) Судебная власть въ каждой епархіи будетъ отдѣлена отъ административной, такъ какъ духовные судьи и члены окружныхъ духовныхъ судовъ, получивъ вначалѣ, при утвержденіи въ должности, уполномоченность отъ своего архіерея, будутъ уже затѣмъ дѣйствовать совершенно независимо отъ него и самостоятельно, и будутъ ограждены отъ всякаго стѣсненія со стороны епархіальной администраціи закономъ; 2) прокурорская власть на духовномъ судѣ будетъ равно отдѣлена отъ административной и поставлена столько же твердо и самостоятельно, какъ она поставлена на судахъ свѣтскихъ; 3) двѣ первыя инстанціи духовнаго суда будутъ вполнѣ соотвѣтствовать тѣмъ же инстанціямъ суда свѣтскаго: духовные судьи — мировымъ судьямъ, духовные окружные суды—окружнымъ судамъ“.

Въ заключеніе предсѣдатель присовокупилъ, что „принципъ, указываемый имъ для устройства духовнаго суда по дѣламъ каждой епархіи, отчасти уже принятъ комитетомъ и примѣненъ въ первой инстанціи— къ духовнымъ судьямъ, остается примѣнить этотъ принципъ и къ окружнымъ духовнымъ судамъ“ [1]).

---

[1]) См. Журналъ комит. № 74. Засѣданіе 30 сентября 1872 г. Мнѣніе, выраженное въ запискѣ предсѣдателя, въ принципѣ принято было значительнымъ большинствомъ членовъ комитета, причемъ заявлено, что, съ принятіемъ онаго, изъ двухъ прежнихъ проектовъ легко можетъ быть составленъ одинъ, чрезъ измѣненіе въ томъ или другомъ, согласно съ мнѣніемъ, немногихъ статей, касающихся собственно ду-

На изъясненномъ въ предложеніи предсѣдателя мнѣніи и на выраженныхъ въ немъ положеніяхъ послѣдовало соглашеніе между членами комитета и составленіе проекта, отличительныя особенности котораго составили: 1) учрежденіе, вмѣсто епархіальныхъ, духовно-окружныхъ судовъ, простирающихъ свою власть на нѣсколько епархій; членами такихъ судовъ являются представители епархій и вмѣстѣ уполномоченные епархіальныхъ архіереевъ; 2) учрежденіе свѣтскаго прокурорскаго надзора, съ подчиненіемъ его въ своей дѣятельности епархіальнымъ архіереямъ, и 3) утвержденіе членовъ духовно-окружныхъ судовъ епархіальными архіереями, въ качествѣ ихъ уполномоченныхъ.

Начертанный комитетомъ проектъ отличается отъ предложеннаго ему проекта тѣмъ, что въ первомъ не принято предложеній послѣдняго ни относительно допущенія дополнительныхъ судей, въ качествѣ присяжныхъ, къ составу ординарныхъ, для усиленія суда при разсмотрѣніи дѣлъ о проступкахъ и преступленіяхъ духовныхъ лицъ, влекущихъ высшіе виды наказаній, ни относительно устройства защиты при духовныхъ судахъ, въ лицѣ особо назначенныхъ для сего лицъ. Въ этихъ пунктахъ комитетъ выразилъ свою самостоятельность и по отношенію къ судебнымъ уставамъ. Въ частности, относительно недопущенія въ духовный судъ, кромѣ оффиціальныхъ, постороннихъ судей съ правами присяжныхъ засѣдателей, для опредѣленія вины или невиновности подсудимаго, комитетъ основался на слѣдующихъ соображеніяхъ. Не оспаривая умѣстности, пользы и цѣли присутствія присяжныхъ засѣдателей

ховныхъ судовъ и прокуратуры при нихъ; но меньшинство членовъ находило невозможнымъ согласиться съ мнѣніемъ предсѣдателя: а) какъ на учрежденіе вмѣсто «епархіальныхъ»—«окружныхъ» судовъ, на томъ основаніи, что послѣдніе, простираясь не на одну, а на нѣсколько епархій, не будутъ составлять суда скораго и близкаго, и что при учрежденіи сихъ судовъ, вмѣсто уже принятыхъ комитетомъ епархіальныхъ, епархіальный архіерей потеряетъ принадлежащее ему право суда; б) такъ и на учрежденіе при духовныхъ судахъ прокурорскаго надзора и на то, чтобы предсѣдателемъ въ оныхъ было лицо архіерейскаго сана, изъясняя, что предсѣдатель суда архіерей можетъ составлять противовѣсъ членамъ, которые обязаны будутъ рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію.

на судѣ свѣтскомъ, комитетъ въ отношеніи къ суду духовному заключилъ: „какъ ни благодѣтеленъ и ни высокъ по нравственному значенію судъ съ присяжными, тѣмъ не менѣе перенесеніе сего суда въ область церкви вызываетъ противъ себя не мало возраженій, доказывающихъ его излишество. По исключительности началъ устройства и существованія Христовой церкви, правами суда въ ней могутъ и должны пользоваться не всѣ члены безразлично, а только священнослужители, представляющіе собою преемниковъ апостольскаго полномочія;—отсюда и въ ряды присяжныхъ для обсужденія дѣйствій другихъ и признанія ихъ виновными или невиновными могутъ и должны быть допущены только тѣже священнослужители, т. е. люди спеціально духовнаго званія и духовной среды, къ каковымъ принадлежатъ и оффиціальные судьи. Посему, присутствіе такихъ присяжныхъ, какъ лицъ равныхъ по званію судьямъ и подсудимымъ, представляется излишнимъ для опредѣленія вины подсудимыхъ,—ибо оффиціальные судьи сами знаютъ нравы, обычаи и условія жизни обвиняемыхъ, а потому сами могутъ воспользоваться всѣми подобнаго рода данными для опредѣленія виновности подсудимаго, не нуждаясь въ совѣтѣ присяжныхъ“. Предполагая возможность противъ сего возраженій съ той стороны, что оффиціальные судьи судятъ о поступкѣ съ мыслію объ отвѣтственности за неправильный приговоръ, и при стѣсненіи предписаній со стороны закона, а присяжные безъ мысли объ отвѣтственности и по внутренней совѣсти, комитетъ въ своихъ соображеніяхъ соглашается, что „въ видахъ большаго довѣрія обвиняемыхъ къ суду свойственно желать, чтобы въ опредѣленіи ихъ вины принимали участіе посторонніе судьи“, но при этомъ замѣчаетъ, что „какъ ни справедливы подобныя соображенія,—тѣмъ не менѣе они не согласны съ особенностями духовнаго суда и существомъ обсуждаемыхъ симъ судомъ преступленій. Дѣло въ томъ, что духовный судъ есть обнаруженіе божественнаго полномочія церкви, въ силу котораго судъ изслѣдываетъ, обсуждаетъ и оцѣниваетъ образъ дѣйствій священнослужителей; отсюда и назначеніе духовнаго суда охранять не личныя выгоды и возстановлять не частныя права, а блюсти цѣлость и чистоту церкви, какъ божественнаго установленія, обере-

гать ея права, законы и порядки. На семъ основаніи дѣйствія духовнаго суда, особенно въ дѣлѣ вмѣненія виновному его преступленія, должны совершаться не иначе, какъ на почвѣ закона, исходящаго отъ церкви и изъясняющаго ея мысль. Оцѣнка преступленій по указаніямъ общественнаго чувства и совѣсти можетъ и не совпасть съ требованіями церковнаго закона, а это оскорбило бы авторитетъ церкви и чистоту ея уставовъ. Обсуждаемыя на духовномъ судѣ преступленія обыкновенно нарушаютъ собою права и законы церкви, требованія ея порядковъ, а потому и опредѣленіе тяжести этихъ преступленій должно совершаться лицами особо къ тому приставленными и уполномоченными, дабы было видно, что виновнаго осуждаютъ или оправдываютъ законъ церковнаго правосудія и отвѣтственные исполнители этого закона. Вмѣшательство сюда постороннихъ судей съ правами присяжныхъ засѣдателей показывало бы, что приговоръ суда находится въ зависимости отъ личнаго усмотрѣнія, а потому этотъ приговоръ нельзя почесть непосредственнымъ рѣшеніемъ судящей власти церкви, которая одна, по соображенію свойства учиненнаго преступленія, можетъ и простить и наказать виновнаго, соразмѣрно тяжести совершеннаго преступленія и въ виду духовной пользы подсудимаго“. По этимъ соображеніямъ, усматривая неумѣстность подчиненія приговора духовнаго суда рѣшеніямъ постороннихъ судей съ правами присяжныхъ засѣдателей, комитетъ выразилъ желаніе, что и ординарные судьи духовнаго суда, дѣйствуя именемъ и правами церковнаго закона, должны имѣть всю возможность примѣнять его требованія по совѣсти и внутреннему убѣжденію, должны находиться въ болѣе близкомъ прикосновеніи съ подлежащимъ сему суду обществомъ, и ихъ дѣятельность быть на виду у всего церковнаго народа и контролироваться его сочувствіемъ или недовольствомъ, одобреніемъ или порицаніемъ. Такого желанія комитетъ призналъ возможнымъ достигнуть другими вполнѣ умѣстными въ настоящемъ случаѣ мѣрами, а именно предоставленіемъ судьямъ права рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію, выборомъ судей самимъ обществомъ, которому они служатъ, допущеніемъ общественнаго контроля ихъ

дѣйствій, при помощи гласности дѣлопроизводства и обнародованія во всеобщее свѣдѣніе судебныхъ приговоровъ [1]).

Относительно умѣстности на духовномъ судѣ защиты комитетъ не только не встрѣтилъ никакихъ затрудненій, напротивъ находилъ ее необходимою; только при обсужденіи способа ея осуществленія остановился на мысли, что нѣтъ надобности въ назначеніи спеціальныхъ для сей цѣли лицъ, а достаточно предоставить самому подсудимому избрать, кого онъ пожелаетъ, въ защитники себѣ.— „Подобный способъ защиты, по мнѣнію комитета, даетъ болѣе простора и свободы подсудимому оградить свои права и интересы на судѣ“ [2]).

Допуская отступленія отъ предложеннаго проекта и находясь подъ видимымъ воздѣйствіемъ началъ суда свѣтскаго, комитетъ тѣмъ не менѣе съ сознательною мыслью шелъ къ выполненію предложенной ему задачи. Работы и труды комитета въ свое время были предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ въ литературѣ и печати. Печать, можно сказать, вся, безъ различія ея органовъ, единодушно и горячо отозвалась на поднятый въ то время и разработывавшійся въ оффиціальной сферѣ вопросъ духовно-судебной реформы, и открыла столбцы газетъ и страницы журналовъ для обсужденія заинтересовавшаго все общество вопроса. Духовные журналы представили, можно сказать, цѣлые трактаты, посвятивъ оные преимущественно обозрѣнію началъ и формъ духовнаго суда древней вселенской церкви, съ цѣлію дать историческую справку для предпринятой реформы, облегчить ея ходъ и подготовить болѣе удачное рѣшеніе затронутыхъ реформою вопросовъ. Свѣтскіе органы, съ своей стороны, занявшись разсмотрѣніемъ того же предмета, внесли свою долю труда въ разъясненіе вопроса. Если собрать и свести все, что было написано и высказано въ печати по поводу предпринятой реформы, то такой сборникъ составилъ бы трудъ почтенный по объему и нелишенный интереса. Нѣкоторымъ восполненіемъ этого пробѣла служатъ два выпуска книги „Предполагаемая реформа церковнаго суда“, изданной въ 1873 г. въ

---

[1]) Объясн. записокъ къ проекту, ч. II стр. 27—31.
[2]) Объясн. запис. къ проекту, ч. II, стр. 25—27.

С.-Петербургѣ, съ дозволенія московской духовной цензуры, безъ имени автора. Книга эта полемическаго характера и написана съ цѣлію помѣшать осуществленію предполагавшейся реформы. По содержанію книга представляетъ: 1) записки профессора А. Лаврова, которыя послѣдній читалъ въ комитетѣ въ качествѣ его члена и печаталъ въ его мемуарахъ; 2) статьи того же профессора, печатавшіяся въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ въ 1871 г., московскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ по поводу поднятой имъ полемики съ профессоромъ московскаго университета Н. К. Соколовымъ; 3) заимствованія изъ мемуаровъ упомянутаго комитета и записокъ его членовъ и 4) выписки изъ статей и книгъ, сдѣланныя съ полемическою цѣлію, а потому и не могущія знакомить читателя съ подлинными и полными воззрѣніями на предметъ авторовъ этихъ выписокъ. Вся книга проникнута страстностію въ тонѣ, переполнена порицательными выраженіями и не чужда односторонности въ сужденіяхъ. Пущенная въ продажу книга была разослана епархіальнымъ преосвященнымъ; напечатанная безъ имени автора, книга, по послѣдующему признанію ея издателя [1]), принадлежитъ перу покойнаго литовскаго архіепископа Алексія, въ мірѣ упомянутаго профессора московской духовной академіи А. Ѳ. Лаврова, того самаго, который, въ качествѣ члена комитета для преобразованія духовно-судебной части, выступилъ предъ комитетомъ съ предложеннымъ ему и нами разсмотреннымъ проектомъ реформы церковнаго суда по началамъ судебныхъ уставовъ. Достойно особаго примѣчанія, что въ книгѣ „Предполагаемая реформа церковнаго суда“ нашло себѣ мѣсто и приведенное выше предложеніе предсѣдателя комитета для соглашенія его членовъ. Это мнѣніе, подъ именемъ „особой теоріи порученія“, разсматривается въ книгѣ съ усвоеннымъ ея авторомъ пріемомъ. Приведя означенное мнѣніе, какъ „теорію порученія“, книга замѣчаетъ: „читатель, если и бѣгло просмотрѣлъ эту теорію, не могъ конечно не вынести убѣжденія, что здѣсь только начато за здравіе, а кончено рѣшительно за упокой“, и при этомъ продолжаетъ: „эта теорія есть величай-

[1]) Церк. Вѣдом. 1891 г. № 8.

шая иронія надъ здравымъ смысломъ, надъ исторіею и надъ канонами православной церкви", и такъ далѣе въ подобномъ высокомѣрномъ и рѣзкомъ тонѣ. Въ виду такого, крайне обиднаго и въ тоже время неуважительнаго отношенія къ мнѣнію занимавшаго въ то время виленскую же каѳедру іерарха, бывшаго свѣтиломъ русской церкви, позволительно, задавшись мыслію, спросить: нѣтъ ли въ осмѣиваемомъ книгою мнѣніи какихъ либо пунктовъ соприкосновенія съ предложеннымъ въ свое время авторомъ этой книги комитету проектомъ реформы церковнаго суда?—Есть. Прежде всего общее между ними то, что мнѣніе предсѣдателя развивало комитету духовное судоустройство на тѣхъ самыхъ началахъ, на которыхъ желалъ устроить церковный судъ и предложенный комитету проектъ. Послѣдній прямо заявлялъ, что епархіальный архіерей поручаетъ духовному судьѣ, въ актѣ утвержденія, судебную власть, а старшему члену пресвитерской коллегіи предсѣдательство въ епархіальномъ судѣ, такъ что и духовный судья подъ апелляціею своихъ товарищей почетныхъ судей, и члены епархіальнаго суда, подъ предсѣдательствомъ своего собрата—пресвитера, рѣшаютъ дѣла уже безъ участія епархіальнаго архіерея и отношенія къ его судебной власти, которая делегирована. Начало делегаціи, порученія составило основную сущность предложенія предсѣдателя комитету. Посему, если порицать одно, то нельзя оставить безъ упрека и другое. Далѣе, предложенный комитету проектъ, мы видѣли, допускалъ возможность существованія въ русской церкви безъепархіальныхъ архіереевъ, въ лицѣ членовъ архіерейскаго сана суднаго отдѣленія св. Синода, свободныхъ отъ управленія епархіями, подобно сему и въ предложеніи предсѣдателя комитету нашла свое мѣсто мысль объ архіереяхъ—предсѣдателяхъ духовно-окружныхъ судовъ, не занимающихъ каѳедръ. Предложенный комитету проектъ требовалъ раздѣленія властей вообще и въ частности выдѣленія функцій обвинительной власти; примѣнительно къ сему и въ предложеніи комитету его предсѣдателя проводилось тоже начало и установлялись особые органы для обвинительныхъ функцій. Словомъ, не признавая за собою правъ защитника комитета по преобразованію духовно-судебной части, а еще болѣе его

доблестнаго, мужа высокой учености, предсѣдателя, ради сущей правды вынуждаемся замѣтить, что если находятъ основанія обвинять комитетъ и дѣлать упреки его предсѣдателю за исходъ и результаты реформы, то въ равной, если не въ сугубой мѣрѣ, отвѣтственность должна падать и на составителя предложеннаго комитету проекта, указавшаго исходныя мысли и обрисовавшаго дальнѣйшее направленіе работъ комитета. Составитель предложеннаго комитету проекта первый сдѣлалъ въ комитетѣ вызовъ нынѣ дѣйствующему уставу духовныхъ консисторій, огласивъ секретъ, что нынѣшнее положеніе епархіальнаго архіерея въ отношеніи къ суднымъ и административнымъ дѣламъ покоится на источникахъ свѣтскихъ законоположеній, и что распространеніе власти епархіальнаго архіерея въ равной мѣрѣ на административныя и судныя постановленія консисторій представляетъ аналогію съ положеніемъ губернаторской власти въ отношеніи къ губернскому правленію въ губерніи. Подобное открытіе и высказанное рядомъ съ нимъ заявленіе о возможности примѣненія къ духовному суду началъ суда свѣтскаго, принятыхъ въ суд. уст. 20 ноября 1864 г., прямо опредѣлили направленіе реформы и привели ее къ извѣстнымъ результатамъ въ окончательныхъ предположеніяхъ комитета.

Составленный комитетомъ „проектъ основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части“, по Высочайше утвержденному 16 мая 1873 года опредѣленію святѣйшаго Синода, былъ разосланъ на предварительное заключеніе епархіальнымъ архіереямъ, главнымъ священникамъ и въ духовныя консисторіи съ тѣмъ, чтобы эти послѣднія представили свои мнѣнія независимо отъ епархіальныхъ преосвященныхъ. Представленныя отъ этихъ лицъ и учрежденій въ святѣйшій Синодъ мнѣнія отпечатаны въ с.-петербургской синодальной типографіи, безъ измѣненія и малѣйшихъ отступленій отъ оригиналовъ — архіерейскіе отдѣльно отъ консисторскихъ. При помощи этихъ мнѣній можно судить не только о томъ, какъ взглянули на предположенія комитета представители нынѣшняго суда и администраціи въ духовномъ вѣдомствѣ, но и о

томъ, какъ они желали бы устроить духовно-административную и судебную часть [1]). Всѣхъ мнѣній до настоящаго времени напечатано 32 епархіальныхъ преосвященныхъ, въ томъ числѣ мнѣніе главнаго священника арміи и флотовъ, покойнаго протоіерея П. Е. Покровскаго.

Если прочесть напечатанныя мнѣнія епархіальныхъ архіереевъ осносительно проекта преобразованія духовно-судебной части, сравнить ихъ между собою и уразумѣть ихъ содержаніе, то откроется, что архіерейскія мнѣнія о проектѣ замѣтно распадаются на три группы. Одни изъ этихъ мнѣній, несочувственно относясь къ самой мысли о необходимости предположеннаго преобразованія и оправдывая существующее положеніе вещей, возстаютъ противъ проекта духовно-судебной реформы и его предположеній, видятъ въ немъ попытки, направленныя къ тому, чтобы поколебать начала порядковъ въ христіанской церкви, и съ опасеніемъ указываютъ на гибельныя послѣдствія, имѣющія произойти отъ осуществленія сего проекта въ разныхъ отношеніяхъ. Другія изъ мнѣній, не отвергая необходимости предпринятаго преобразованія и не отрицая существующихъ въ нынѣшнемъ духовномъ судѣ недостатковъ, возражаютъ противъ отдѣльныхъ, но основныхъ положеній проекта, какъ-то: раздѣленія судебной и административной власти, учрежденія духовно-окружныхъ судовъ, присутствія прокурорскаго надзора; при этомъ одни между подобными мнѣніями возражаютъ противъ всѣхъ перечисленныхъ предметовъ, и осуждаютъ проектъ; другія, указывая только на нѣкоторыя изъ сихъ предположеній, требуютъ новаго ихъ пересмотра при окончательномъ утвержденіи проекта. Третья группа мнѣній, соглашаясь въ существѣ съ проектомъ и съ необходимостью преобразованія нынѣшняго духовнаго суда, предлагаетъ сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ предположеніяхъ проекта съ цѣлію послѣдовательнаго проведенія принятыхъ въ немъ началъ и большихъ гарантій правильнаго отправленія правосудія. Дабы дать понятіе о духѣ и характерѣ мнѣній перваго рода, достаточно замѣтить, что по свидѣтельству одного изъ таковыхъ мнѣній между составителями проекта

---

[1]) См. мнѣнія епар. архіер. и дух. конс. т. 1.

духовно-судебной реформы полагаются либералы, распускающіе въ печати мысль о недовольствѣ духовенства теперешнимъ духовнымъ судомъ. При этомъ въ мнѣніи поясняется, что отдѣленіе судебной власти отъ административной и законодательной въ первый разъ появилось во французскую революцію 1787 г., что отъ отдѣленія судебной власти отъ административной въ лицѣ архіерея или, какъ выражается мнѣніе, съ отнятіемъ у архіереевъ правъ суда произойдетъ въ духовенствѣ распущенность, разовьется духъ своеволія, съ его печальными послѣдствіями [1]). Въ другомъ изъ подобныхъ мнѣній утверждается, что комитетъ въ составленномъ имъ проектѣ придумалъ учрежденія, которымъ подобныхъ нѣтъ нигдѣ не только въ церкви православной, но и въ церквахъ римско-католической и армянской, даже въ обществахъ протестантскихъ, что желанія и требованія относительно преобразованія духовнаго суда выражаются въ журналахъ и газетахъ свободнаго направленія, притомъ лицами, слышавшими о недостаткахъ этого суда отъ священно-и церковнослужителей, недовольныхъ рѣшеніями духовнаго суда, вообще число желающихъ кореннаго преобразованія духовнаго суда очень не значительно и состоитъ изъ людей нерасположительныхъ къ церкви [2]). Что касается мнѣній второй группы, то всѣ они составлены въ одномъ тонѣ и направленіи. Общею темою ихъ возраженій противъ проекта служитъ мысль о несогласіи предположеній послѣдняго съ требованіями и предписаніями слова Божія, церковныхъ каноновъ и практики церкви, именно въ вопросѣ объ отдѣленіи судебной и административной власти въ лицѣ епархіальнаго архіерея. Вотъ какъ формулированы эти основанія въ одномъ изъ мнѣній. „Спаситель каждаго изъ апостоловъ Своихъ въ равной мѣрѣ облекъ и правительственною въ церкви властію и судебною. И заповѣдь: *паси овцы Моя* (Іоан. XXI, 16, 17), и обѣтованіе: *еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесахъ* (Мѳ. XVI 19)—даны Спасителемъ одному и тому же апостолу. Апостолы каждому изъ своихъ преемниковъ, т. е. епископу съ тѣми же намѣреніями и цѣлями предали обѣ власти—и прави-

[1]) Мн. епар. арх. т. 1. 132—139.
[2]) Мн. епар. арх. т. II, стр. 77. 80. 81. 89 и др.

тельственную и судебную: *руки скоро не возлагай ни на кого же* (1 Тим. V, 22) и—*на пресвитера хулы не пріемли, развѣ при двою или трехъ свидѣтелехъ* (19). Обѣ эти обязанности, изъ коихъ одна правительственная, другая судебная, возложены совокупно и нераздѣльно на каждаго преемника апостольскаго служенія, или епископа. Посему-то и православная церковь всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ, вѣрно слѣдуя заповѣдямъ Христа Спасителя и апостоловъ, на соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ, признавала неразрывность судебной и административной власти въ лицѣ каждаго епископа. „Пресвитерамъ ничего не творити безъ воли епископа (Лаод. пр. 57). Аще который клирикъ съ клирикомъ же имѣетъ судное дѣло, да не оставляетъ своего епископа, но да производитъ свое дѣло у своего епископа (IV всел. пр. 9). Аще который пресвитеръ или діаконъ изверженъ отъ сана своимъ епископомъ (Ант. пр. 4 и 12). Аще кто (клирикъ или мірянинъ) своимъ епископомъ отлученъ отъ общенія церковнаго (Ант. пр. 6). Опредѣлено, чтобы когда пресвитеры и діаконы и прочіе низшіе причетники по возникающимъ у нихъ дѣламъ жалуются на судъ своихъ епископовъ, выслушивали ихъ сосѣдніе епископы (Карѳ. пр. 37). И такъ во всѣхъ правилахъ: клирикъ и мірянинъ въ церковныхъ дѣлахъ судятся своимъ мѣстнымъ епископомъ. Не отступала отъ этихъ основаній никогда и практика православной церкви. Во всей православной церкви всегда и нынѣ епископъ судитъ клириковъ и мірянъ своей епархіи. Православная церковь всѣхъ временъ видѣла въ этомъ божественное установленіе, а не человѣческое, и потому не находила возможнымъ измѣнить“ [1]). Слѣдуетъ обратиться и къ мнѣніямъ третьей группы и для характеристики ихъ взгляда на проектъ духовно-судебной реформы привести изъ нихъ нѣсколько сужденій. Въ одномъ изъ таковыхъ мнѣній, выразившемъ свои замѣчанія на проектъ, пишется: „весьма желательно, чтобы святѣйшій Синодъ при разсмотрѣніи комитетскаго проекта имѣлъ въ виду ту неоспоримую истину, что каждая помѣстная церковь можетъ быть совершенно свободною и независимою въ развитіи своихъ администра-

---

[1]) Мн. епар. арх. т. I, стр. 72—73.

тивныхъ и судебныхъ установленій, согласно нуждамъ и условіямъ своего существованія, точнѣе національнымъ и политическимъ особенностямъ принадлежащаго къ ней общества“ [1]). Въ другомъ отзывѣ говорится: „проектъ преобразованія духовной части можетъ быть безпрепятственно удобопримѣнимъ къ внутреннимъ епархіямъ Россіи, гдѣ почти при повсемѣстномъ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ имѣются всѣ удобства какъ для переѣзда духовенства изъ одного города въ другіе города своей епархіи, такъ и въ города другихъ епархій,— потому что тамъ такъ густо населеніе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ одного губернскаго города до другого менѣе 200 верстъ, а между уѣздными городами иногда не бываетъ и 30 верстъ. Находя неудобнымъ примѣненіе проекта къ одной изъ сибирскихъ епархій, по причинѣ большихъ пространствъ и отсутствія путей быстраго сообщенія, мнѣніе въ заключеніе проситъ, чтобы „новые порядки по возможности были распространены и на отдаленный край“ [2]).

Изъ приведенныхъ выписокъ оказывается, что проектъ духовно-судебной реформы со стороны епархіальныхъ архіереевъ встрѣтилъ и рѣзкое осужденіе и положительное порицаніе и рядомъ съ этимъ нѣкоторое сочувствіе. При такомъ разномысліи, мнѣнія епархіальныхъ архіереевъ отличаются еще тѣмъ, что одни и ограничиваются только осужденіемъ проекта, не высказывая соображеній о лучшемъ устройствѣ нашего церковнаго управленія въ области администраціи и суда,—другія наоборотъ, отвергая проектъ, выражаютъ свои pia desideria, съ осуществленіемъ которыхъ, по увѣренію мнѣній, управленіе и судъ въ русской церкви получатъ желательную постановку,—третьи, допуская возможность принятія нѣкоторыхъ изъ

---

[1]) Мн. епар. арх. т. I, стр. 113—114. При этомъ въ отзывѣ вносится слѣдующее необходимое примѣчаніе. Почти одновременно съ указомъ святѣйшаго Синода, отъ 3 іюля 1873 г. за № 24, по почтѣ отъ совершенно неизвѣстнаго лица получена книга: «предполагаемая реформа церковнаго суда. Спб. 1873 г. «Спустя нѣсколько времени присланъ и объемистый 2-й выпускъ подъ тѣмъ же заглавіемъ книги. По ревности ли не по разуму, или по другимъ заднимъ мыслямъ, только съ понятною цѣлію подсовывалась сія книга, какъ готовое сужденіе» (о проектѣ комитета).

[2]) Мн. епарх. арх. т. I, стр. 302—303.

предначертаній проекта, развиваютъ свои предположенія относительно тѣхъ поправокъ, которыя необходимо внести въ проектъ для болѣе цѣлесообразной, желательной и правильной организаціи нашего церковнаго управленія въ области его администраціи и суда. Поучительно ознакомленіе съ этими предположеніями, и мы начнемъ его съ мнѣній, которыя выражаютъ потребность другихъ, а не тѣхъ улучшеній, которыя имѣлись въ виду при начертаніи проекта духовно-судебной реформы.

Одно изъ таковыхъ мнѣній епархіальныхъ архіереевъ, представивъ обширныя и разнообразныя соображенія въ защиту того, что проектъ новаго устройства духовнаго суда никакъ не долженъ быть приводимъ въ исполненіе, въ видѣ заключительныхъ выводовъ изъ своихъ разсужденій, признаетъ необходимымъ и предлагаетъ ввести слѣдующія предположенія.

1. Необходимо учредить съѣзды архіереевъ по одному въ годъ, и для сего предоставить архіереямъ право въ теченіе мѣсячнаго срока съѣзжаться въ мѣстахъ, которыя они изберутъ для съѣздовъ, равно предоставить имъ, по ихъ усмотрѣнію, входить въ личное совѣщаніе между собою о всѣхъ особенно важнѣйшихъ предметахъ церкви.

2. Весьма нужно предоставить архіереямъ право избирать на каждое трехлѣтіе членовъ изъ среды своей для присутствованія въ святѣйшемъ Синодѣ.

3. Необходимо издать сводъ церковныхъ законовъ, какъ предположено было правительствомъ еще при изданія свода гражданскихъ законовъ. Церковныя правила нынѣ разсѣяны по разнымъ книгамъ. Они находятся въ Кормчей, въ уставѣ церковномъ и въ богослужебныхъ книгахъ. Сущность сихъ правилъ, когда они будутъ изданы вмѣстѣ, укажетъ, какъ по ученію церкви долженъ совершаться духовный судъ въ примѣненіи къ современнымъ государственнымъ потребностямъ [1]).

Другое мнѣніе, пространнѣе всѣхъ осуждающее проектъ, выражается, что преподанныя комитету указанія для устройства духовно-

---

[1]) Мн. епарх. арх. т. I, стр. 227, 228 и 181.

судебной части можно было выполнить, ни мало не нарушая церковных правилъ и гражданскихъ законовъ, и при этомъ поясняетъ: „весьма удобно и вполнѣ согласно съ канонами церкви можно облегчить святѣйшій Синодъ чрезъ учрежденіе окружныхъ судовъ, въ которые бы поступали судебныя дѣла, теперь представляемыя въ святѣйшій Синодъ, равно и жалобы на рѣшенія консисторій. Эти окружные суды должны бы состоять изъ четырехъ или пяти архіереевъ округа, вызываемыхъ по очереди, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіерея, согласно съ церковными канонами. На первый разъ можно бы открыть округа три или четыре, напр. въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Казани“. Заводя далѣе рѣчь, что основныя положенія для преобразованія духовно-судебной части въ православной церкви должны быть составлены не иначе, какъ на основаніи церковныхъ правилъ, мнѣніе продолжаетъ: „нынѣ особенно становится необходимымъ возстановить основное начало управленія церковнаго чрезъ помѣстный соборъ. Это нужно для уясненія ученія и правъ церкви православной, для утвержденія единомыслія, для повѣрки общимъ голосомъ церкви личныхъ мнѣній и воззрѣній и для рѣшенія недоумѣній. При отсутствіи общенія епископы русской церкви лишены теперь взаимнаго обмѣна и повѣрки своихъ мыслей“ [1]).

По третьему мнѣнію, отвергающему проектъ и въ цѣломъ и въ частяхъ, для удовлетворенія потребностей настоящаго времени въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ по духовному вѣдомству, можно ограничиться небольшими измѣненіями, которыя скорѣе и вѣрнѣе приведутъ къ желаемой цѣли. Эти измѣненія слѣдующія: 1) Учрежденіе особыхъ судебныхъ слѣдователей, по выбору духовенства, съ достаточнымъ жалованьемъ, изъ мѣстныхъ священнослужителей, отъ приходскихъ обязанностей совершенно свободныхъ, и только номинально къ какой-либо церкви приписанныхъ, по два на каждый уѣздъ. Симъ способомъ неизбѣжная при настоящемъ положеніи медленность въ производствѣ слѣдствій чрезъ вѣдомственныхъ благочинныхъ естественно устранялась бы, и судопроизводство значительно улучшилось бы. 2) Назначеніе для разбора мел-

---

[1]) Мн. епар. арх. т. II, стр. 276, 277.

кихъ дѣлъ, по взаимнымъ жалобамъ членовъ причта между собою и прихожанами, такъ называемыхъ благочинническихъ совѣтовъ изъ трехъ лицъ, кромѣ благочиннаго, по выбору также духовенства состоящихъ, каковое учрежденіе въ епархіи К.... уже нѣсколько лѣтъ тому, въ видѣ опыта, допущено и приноситъ большую пользу къ умиротворенію причтовъ и приходовъ и къ скорому и безпристрастному на мѣстѣ разбирательству дѣлъ, между ними возникающихъ. 3) Надѣленіе церквей, по древне-христіанскому обычаю, полными причтами, т. е. священникомъ, двумя причетниками и діакономъ, гдѣ пожелаютъ того прихожане, съ предложеніемъ отъ себя, вмѣсто казеннаго жалованья, вознагражденія, какое они признаютъ для себя по силамъ, и поступающіе на сіе мѣсто изъявляютъ свое на оное согласіе; каковое надѣленіе при разбирательствѣ производящихся по духовному вѣдомству дѣлъ, весьма много облегчило бы процессъ и содѣйствовало бы правосудію; между тѣмъ, какъ при нынѣшнемъ составѣ причтовъ, разбирательство это не только бываетъ крайне затруднительно, но иногда и совершенно невозможно, потому что свидѣтельство одного причетника, какъ одного, закономъ не пріемлется, а другихъ свидѣтелей въ большей части духовныхъ дѣлъ не встрѣчается, показанія же крестьянъ, по ихъ простотѣ и неумѣнію объясняться, обыкновенно оказываются неудовлетворительными. 4) Примѣненіе выборнаго начала ко всѣмъ должностнымъ лицамъ, какъ-то членамъ консисторій и попечительствъ, благочиннымъ и депутатамъ, съ надѣленіемъ ихъ достаточнымъ жалованьемъ изъ общей казны государственныхъ доходовъ, а не изъ частныхъ на сей именно предметъ сборовъ, которые естественно возбудятъ въ народѣ вражду къ духовенству, и съ предоставленіемъ епархіальному архіерею, въ случаѣ законоуважительныхъ причинъ, увольнять или отрѣшать сихъ лицъ отъ занимаемыхъ ими мѣстъ и должностей и тѣмъ же порядкомъ замѣнять ихъ другими. 5) Освобожденіе духовенства отъ подсудности мировымъ судамъ, какъ по составу своему для духовныхъ лицъ и дѣлъ вовсе некомпетентнымъ и нисколько неподготовленнымъ и не только своими приговорами, но и процессуальною формою духовенство до такой степени передъ народомъ позорящимъ, что ду-

ховныя лица, имѣвшія несчастіе подвергнуться ихъ суду, даже и послѣ малаго присужденнаго имъ наказанія, не могутъ безукоризненно и съ пользою для вѣры и церкви занять своихъ прежнихъ мѣстъ и должностей. Кто изъ христіанъ захочетъ пойти на духъ къ священнику, который приговоренъ былъ судомъ къ тюремному заключенію, хотя заключеніе это будетъ и кратковременное, и онъ, по особому снисхожденію, выполнитъ оное въ монастырѣ? И какъ пустить въ алтарь причетника, подъ арестомъ и въ острогѣ побывавшаго, когда церковными правилами и совершенно невинному, но непосвященному входить въ алтарь и прикасаться къ священнымъ вещамъ воспрещается [1]). 7) Прежде всего и болѣе желательно возстановленіе святѣйшаго Синода, какъ высшаго правительственнаго учрежденія въ его составѣ, объемѣ и значеніи, какія усвоены ему державною волею законодателя, дабы онъ (Синодъ) не по имени только, но и по существу своему, и по внѣшней формѣ и по внутренней силѣ (de facto) былъ дѣйствительно хотя отчасти похожъ на областной или помѣстный всероссійской церкви соборъ, чего въ настоящемъ его видѣ не легко усмотрѣть. Предположенное же проектомъ раздѣленіе святѣйшаго Синода на два отдѣленія, административное и судебное, только еще болѣе ослабило бы его, раздробивъ церковную власть до совершеннаго ничтожества. Къ тому же безъ сомнѣнія скоро привело бы проектируемое также противоканоническое учрежденіе окружныхъ судовъ, а церкви чрезъ отвлеченіе отъ нихъ на опредѣленное время ихъ пастырей и церковнослужителей, однихъ для суда, а другихъ для свидѣтельства на судѣ, къ совершенному запустѣнію; православный же народъ былъ бы обреченъ на тотъ ужасный гладъ, о которомъ, какъ о послѣднемъ и рѣшительномъ наказаніи Божіемъ, съ глубокою скорбію предсказывалъ пророкъ Амосъ (VIII, 11—14): *не гладъ хлѣба и воды, но гладъ слышанія слова Господня* [2]).

---

[1]) 6 п. выпущенъ, какъ говорящій о совершенно постороннемъ, о предоставленіи должностнымъ лицамъ права казенной пересылки оффиціальныхъ бумагъ къ подвѣдомымъ лицамъ.

[2]) Мн. епар. арх. т. II, стр. 427—430.

Въ приведенныхъ сужденіяхъ слышится заявленіе о нуждахъ русской церкви, по субъективному пониманію ихъ составителями этихъ мнѣній. Въ другихъ мнѣніяхъ содержатся предположенія относительно устройства той или другой изъ предположенныхъ проектомъ инстанцій, причемъ въ самыхъ неблагопріятныхъ проекту мнѣніяхъ учрежденіе духовныхъ судей, въ качествѣ низшей инстанціи духовнаго суда, признается непротивнымъ церковнымъ правиламъ, если только при этомъ будутъ сохранены каноническія права суда вообще, и въ частности судебныя права епархіальнаго архіерея, т. е. если епископы будутъ назначать и увольнять судей, какъ своихъ уполномоченныхъ, сами и по своему личному усмотрѣнію, и если судьи духовные, какъ ихъ повѣренные, не будутъ ничего дѣлать безъ воли епископа (Ап. 30 Лаод. 57 [1]). Прочія мнѣнія, признавая учрежденіе низшей инстанціи желательнымъ, полезнымъ и цѣлесообразнымъ, при условіи подчиненія духовныхъ судей епархіальному архіерею, самое назначеніе, дѣятельность и юрисдикцію ихъ объясняютъ различно. Въ одномъ изъ таковыхъ мнѣній пишется: „первая инстанція духовнаго суда нужна, но не въ томъ видѣ, въ какомъ она проектирована, а въ качествѣ слѣдователя, дѣйствующаго подъ вліяніемъ и распоряженіемъ архіерея“ [2]). Другое мнѣніе при разсмотрѣніи той же инстанціи говоритъ: „лучше бы было учредить особыхъ слѣдователей по духовно-судебнымъ дѣламъ“, и поясняетъ, что не представляется какихъ либо особыхъ препятствій къ тому, чтобы „должность слѣдователей по духовно-судебнымъ дѣламъ была поручаема свѣтскимъ лицамъ православнаго вѣроисповѣданія, получившимъ юридическое образованіе“. Новое мнѣніе заявляетъ, что „учрежденіе въ епархіальномъ управленіи духовныхъ судей, съ тѣмъ кругомъ обязанностей, какой назначенъ судьямъ комитетомъ, необходимо и весьма желательно..; но нельзя не замѣтить при этомъ, что въ настоящее своенравное, капризное и прихотливое время, при всеобщемъ почти и повсюдномъ стремленіи къ какой-то неопредѣленной свободѣ и независимости, рѣшеніе единоличнаго судьи не

---

[1]) Мн. епар. арх. Т. II, стр. 150.
[2]) Т. I, стр. 21.

будетъ твердо и обязательно для подсудимыхъ“ [1]). Коллегіальности въ устройствѣ низшей инстанціи желаетъ и мнѣніе, которое, примѣнялсь къ составу дѣйствующихъ нынѣ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ благочинническихъ совѣтовъ, говоритъ: „ежели коллегіальный судъ духовныхъ судей не будетъ имѣть быстроты въ производствѣ дѣлъ, то будетъ имѣть болѣе твердости, основательности и честности въ своихъ дѣйствіяхъ“ [2]). Съ нѣкоторою подробностію устройство низшей инстанціи изображается въ мнѣніи, которому „учрежденіе духовныхъ судей по участкамъ или по уѣздамъ кажется весьма полезнымъ и нужнымъ по тѣмъ соображеніямъ, какія приняты комитетомъ; только безъ исключенія ихъ изъ вѣдомства епархіальнаго архіерея, отъ котораго они и не могутъ быть независимы, какъ священники приходскіе, судьи должны доносить архіерею о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ для свѣдѣнія, или для утвержденія и для передачи въ епархіальный архивъ. Касательно избранія и обязанностей судей и ихъ кандидатовъ можно согласиться съ проектомъ комитета,—нужнымъ представляется только правило, на такой случай, когда и судья и кандидатъ будутъ отведены, или же не будутъ имѣть возможности заняться дѣлами по болѣзни, за смертію и пр., а также и касательно увольненія судьи и кандидата по прошеніямъ ихъ, чего могутъ потребовать ихъ собственныя обстоятельства“ [3]). Еще подробнѣе проясняется предметъ въ другомъ мнѣніи: „всѣ правила, изложенныя о духовныхъ мировыхъ судьяхъ, какъ органахъ низшей инстанціи духовнаго суда, о порядкѣ ихъ избранія и утвержденія и о кругѣ ихъ дѣятельности, не только не представляютъ ничего несоотвѣтственнаго свойствамъ церковнаго правосудія, но и оправдываются, съ одной стороны, потребностію современной общественной жизни, съ другой—примѣрами духовной-судебной практики какъ древней вселенской, такъ и въ особенности нашей отечественной церкви до патріаршества и при патріархахъ. Можно желать только слѣдующихъ поясненій и измѣненій: 1) чтобы мировые судьи, бывъ избраны духо-

---

[1]) Т. I, стр. 70.
[2]) Т. II, стр. 30.
[3]) Мн. епар. арх. Т. I, стр. 103.

венствомъ, подобно древнимъ періодевтамъ, по 57 пр. лаодикійскаго собора, состояли въ зависимости отъ своего архіерея и давали ему отчетъ въ своей судебной дѣятельности, дабы онъ могъ видѣть правоспособность ихъ къ исполненію служенія, возложеннаго на нихъ довѣріемъ духовенства; 2) чтобы кругъ юрисдикціи каждаго мирового судьи опредѣлялся однимъ уѣздомъ епархіи при густомъ населеніи, а при обширности района и сравнительно маломъ населеніи двумя уѣздами; 3) чтобы уменьшены были денежные штрафы, налагаемые мировымъ судьею на виновныхъ, со ста рублей до десяти, въ виду скудныхъ средствъ содержанія духовенства, особенно низшихъ членовъ причта, не только въ селахъ, но и въ городахъ, и 4) чтобы допускаемыя проектомъ комитета въ извѣстныхъ случаяхъ жалобы въ апелляціонномъ порядкѣ на рѣшенія мировыхъ судей приносимы были въ то судебное коллегіальное учрежденіе, при каѳедрѣ архіерея, которое, составляя первую инстанцію духовнаго суда, замѣнило для мирового института существующую въ свѣтскомъ судѣ вторую инстанцію мирового суда, называемую съѣздами мировыхъ судей“ [1]). Въ слѣдующемъ мнѣніи усматриваются также свои особенности: „по требованію близости суда къ мѣсту подсудности учрежденіе участковыхъ духовныхъ судей, въ качествѣ уполномоченныхъ отъ своего епископа, совмѣстно съ его епископскою властію, которой ближайшимъ образомъ они служатъ, и которой непосредственно подчиняются, какъ его уполномоченные. Такое отношеніе ихъ къ своему епископу не можетъ повредить свободѣ и независимости дѣйствій участковаго суда. Та и другая достаточно ограждаются: а) выборомъ судей, предположеннымъ въ проектѣ судебной реформы; б) значительною самостоятельностію судей; в) надзоромъ надъ судьями высшей духовно-судебной инстанціи, и г) общественнымъ мнѣніемъ, въ виду котораго будутъ совершаться дѣйствія духовныхъ судей. По требованію скорости суда также удобоприложимо для выборныхъ участковыхъ судей свободное уполномочіе не только въ опредѣленіи судебнаго приговора, но и въ его исполненіи, безъ непосредственнаго вмѣшательства епископа, но съ тѣмъ условіемъ,

[1]) Мнѣн. епарх. арх. т. I, стр. 143—144.

чтобы каждый духовный судья, по крайней мѣрѣ въ каждую треть года, представлялъ ему свой отчетъ по рѣшенію дѣлъ, подсудныхъ ему. Епископу же, какъ главному судьѣ въ своей паствѣ, подаются отзывы и апелляціи на приговоры судей въ опредѣленныхъ судебнымъ уставомъ случаяхъ, которые и разсматриваются въ епархіальномъ судѣ, какъ второй инстанціи“ [1]).

Отвергая и опорочивая учрежденіе духовно-окружныхъ судовъ, какъ учрежденія противоканоническаго, малополезнаго и обременительнаго по отдаленности для духовенства, мнѣнія, высказывающія по этому предмету свои сужденія, предлагаютъ замѣнить ихъ епархіальными судами и на различныхъ условіяхъ. Общимъ въ ряду этихъ условій оказывается то, что епархіальный судъ долженъ быть свой въ каждой епархіи, при чемъ одни мнѣнія представляютъ его отдѣльнымъ отъ консисторіи учрежденіемъ, другіе мыслятъ его отдѣленіемъ въ консисторіи, иные вообще судомъ епархіальнымъ съ примѣненіемъ къ нему положеній комитета о духовно-окружныхъ судахъ. Такъ въ одномъ изъ мнѣній говорится: „гораздо бы лучше и удобнѣе, вмѣсто новыхъ окружныхъ судовъ (для нѣкоторыхъ епархій вмѣстѣ) въ каждой епархіи отдѣлить отъ консисторіи особую коллегію, или духовный судъ для гласнаго и открытаго судопроизводства по дѣламъ онаго“ [2]). Въ другомъ мнѣніи изъясняется: „судъ епархіальный коллегіальный можетъ быть въ видѣ суднаго отдѣленія консисторіи, съ секретаремъ послѣдней и съ гласнымъ производствомъ. Такой только судъ можетъ вполнѣ доставить духовенству ту пользу, для достиженія которой комитетъ предполагаетъ судъ окружной. Судьи такіе могутъ собираться въ камерахъ попечительствъ, кои собираются рѣдко, и могутъ довольствоваться тою же канцеляріею, какая нынѣ занимается судными дѣлами безъ всякаго ущерба порядку, при хорошемъ наблюденіи [3]). Въ новомъ видѣ, хотя и съ именемъ „судебнаго отдѣленія духовной консисторіи“, епархіальный судъ представляется въ мнѣніи, которое требуетъ „организацію, уставъ и формы судопроизвод-

---

[1]) Там. т. II, стр. 58—59.
[2]) Т. I, стр. 24—22. 66.
[3]) Т. I, стр. 103—104; ср. Т. II, стр. 357.

ства въ немъ совершенно обновить соотвѣтственно улучшенному судопроизводству въ судебныхъ установленіяхъ по вѣдомствамъ гражданскому, военному и морскому. Присутствіе этого суда, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіерея, или его викарія, могутъ составить три выборные отъ духовенства судьи пресвитерскаго сана, съ особымъ секретаремъ. Въ самыхъ обширныхъ епархіяхъ къ тремъ судьямъ можетъ быть присоединенъ еще одинъ, также выбранный духовенствомъ. Для усиленія значенія этихъ судей, какъ довѣренныхъ отъ избирателей, можно присвоить всѣмъ имъ въ совокупности, въ случаѣ несогласія всего ихъ собранія съ приговоромъ архіерея, голосъ равный голосу архіерея и затѣмъ переносить дѣло на разсмотрѣніе судебнаго отдѣленія святѣйшаго Синода“ [1]). Съ новыми оттѣнками изображаются устройство и дѣятельность этого суда въ слѣдующемъ мнѣніи: „для выдѣленія судебныхъ дѣлъ отъ смѣшенія ихъ въ духовныхъ консисторіяхъ съ дѣлами другихъ категорій, въ видахъ примѣненія духовнаго суда къ общегражданскому, весьма полезно учрежденіе суда епархіальнаго, независимаго отъ консисторій, на подобіе гражданскихъ окружныхъ судовъ... Такое учрежденіе сообразно съ церковными канонами, основными обычаями и преданіемъ отечественной церкви; оно требуется многочисленностію дѣлъ, подлежащихъ судебному рѣшенію, близостію подсудимыхъ и ихъ подчиненностію своему мѣстному суду; оно несомнѣнно съ большимъ удобствомъ и очевидною пользою замѣнитъ духовно-окружные судьи. Этотъ судъ не страдаетъ недостатками относительно близости и скорости суда, рѣшая одни дѣла окончательно, другія неокончательно по указанію судебнаго устава и слѣдуя формамъ и порядкамъ новаго судопроизводства. Члены его, не менѣе трехъ, избираются на 6 лѣтъ и утверждаются судебнымъ отдѣленіемъ святѣйшаго Синода, по представленію мѣстнаго архіерея. При этомъ судѣ полагается по штату канцелярія съ дѣлопроизводителемъ. Отношенія его къ епархіальному епископу такія же, какъ отношенія педагогическаго собранія семинарскаго правленія (т. е. по уставу 1867 г.)... Рѣшенія

---

[1]) Т. I, стр. 146—147.

епархіальнаго суда, утвержденныя мѣстнымъ епископомъ, приводятся немедленно въ исполненіе; приговоры, встрѣтившіе затрудненіе къ утвержденію, сдаются епископомъ къ пересмотрѣнію, и если затѣмъ члены суда остаются при постановленномъ ими рѣшеніи, то все дѣло препровождается съ отзывомъ въ судебное отдѣленіе святѣйшаго Синода... Такимъ образомъ епархіальный судъ въ предполагаемой его постановкѣ выполнитъ назначеніе, какое предоставляется духовно-окружнымъ судамъ въ новомъ проектѣ. Онъ разрѣшаетъ протесты на постановленія участковыхъ судей; онъ самостоятельно разсматриваетъ и рѣшаетъ дѣла, ему подлежащія; онъ передаетъ частные протесты на себя въ судебное отдѣленіе святѣйшаго Синода, которое будетъ составлять для него первую инстанцію по дѣламъ, превышающимъ епархіальную власть... съ учрежденіемъ епархіальныхъ судовъ вмѣсто окружныхъ, лѣстница духовно-судебныхъ инстанцій устанавливается естественнѣе и ближе къ прежнему ихъ порядку, имѣющему за собою вѣковую ихъ исторію; новые принципы юридической науки получаютъ примѣненіе, не нарушая характера духовнаго суда“ [1]).

Учрежденіе судебнаго отдѣленія святѣйшаго Синода также вызвало замѣчанія въ мнѣніяхъ епархіальныхъ архіереевъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ, именно въ тѣхъ, которыя вообще противъ проекта, осуждается это учрежденіе; въ другихъ же мнѣніяхъ подаются голоса и за и противъ этого учрежденія въ томъ видѣ, какъ оно проектировано комитетомъ; въ нѣкоторыхъ же мнѣніяхъ предлагаются исправленія и для этого учрежденія. Мнѣнія, одобряющія проектированное учрежденіе, или вообще признаютъ его „естественнымъ“, „представляющимъ полную гарантію правосудія“ въ видѣ высшей инстанціи духовнаго суда и „къ осуществленію неудобства не представляющимъ“, или же приводятъ отъ себя нѣкоторыя разъясненія. Въ одномъ изъ мнѣній по сему предмету излагается: „что касается проектируемой высшей духовно-судебной инстанціи, какъ-то судебнаго отдѣленія при святѣйшемъ Синодѣ, то съ необходимостію и пользою таковой судебной инстанціи совершенно можно

---

[1]) Т. II, стр. 59—62.

согласиться. Судебное отдѣленіе святѣйшаго Синода, отвѣчая въ извѣстной степени идеѣ отдѣленія суда отъ администраціи, составитъ высшую общерусскую, церковную судебную инстанцію, которая имѣетъ разсматривать и рѣшать всѣ дѣла высшаго разбора, за исключеніемъ немногихъ, предоставляемыхъ соединенному присутствію святѣйшаго Синода. Затѣмъ свободное время не останется у судебнаго отдѣленія въ потерѣ: оно будетъ посвящено постановленіямъ законодательнаго свойства, которыхъ неминуемо потребуетъ практика новаго суда. Такой важности занятіе какъ нельзя болѣе прилично судебному синодальному отдѣленію, по его спеціальному характеру и назначенію“ [1]). Мнѣнія, не сочувствующія учрежденію судебнаго отдѣленія святѣйшаго Синода, не одобряютъ сего потому, что видятъ въ немъ умаленіе власти святѣйшаго Синода. Чрезъ подобное предположеніе „настоящій святѣйшій Синодъ обращается лишь въ отдѣленіе, т. е. въ обыкновенное присутственное мѣсто“, а это кажется мнѣнію низведеніемъ святѣйшаго Синода со степени патріарха, на какой разумѣетъ его вся православная церковь [2]). Другія подобнаго же направленія мнѣнія, не одобряя предположеній проекта, предпогагаютъ свои измѣненія. Одно изъ таковыхъ мнѣній выражается: „судя по единству святѣйшаго Синода, нераздѣльному въ дѣлахъ своихъ, не слѣдуетъ учреждать особаго судебнаго отдѣленія въ немъ, потому что это проектируемое отдѣленіе можетъ быть замѣнено особымъ судебнымъ управленіемъ въ полной зависимости отъ святѣйшаго Синода. Чрезъ это верховная власть синода не будетъ раздѣлена, а между тѣмъ будетъ довольно облегчена, если будутъ поступать въ него частныя мнѣнія отъ судебнаго управленія“. Такое управленіе предполагается образовать „въ видѣ учебнаго комитета или хозяйственнаго управленія подъ вѣдѣніемъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, опытныхъ въ знаніи каноническаго права и юриспруденціи, въ зависимости оныхъ лицъ отъ святѣйшаго Синода“ [3]). Характерно и слѣдующее мнѣніе, которое, оцѣнивая предначертанія комитета на основаніи

---

[1]) Т. II, стр. 62.
[2]) Т. I, стр. 108.
[3]) Т. I, стр. 22. 19.

указаннаго ему святѣйшимъ Синодомъ предписанія, требовавшаго „примѣнить начала современнаго свѣтскаго суда къ будущему духовному суду настолько, насколько это оказывается возможнымъ и полезнымъ“, находитъ болѣе подходящею къ этому критерію постановку духовнаго суда въ двухъ высшихъ инстанціяхъ: въ судебномъ отдѣленіи и въ общемъ собраніи святѣйшаго Синода. Здѣсь по крайней мѣрѣ, продолжаетъ мнѣніе, по дѣламъ о лицахъ епископскаго сана постановка суда будетъ канонична; такъ какъ судебное присутствіе, долженствующее, по проекту, состоять изъ трехъ членовъ для разбора дѣлъ объ архіереяхъ согласно церковнымъ канонамъ, будетъ состоять изъ однихъ епископовъ. Но и по всѣмъ прочимъ дѣламъ въ сихъ инстанціяхъ духовный судъ, рѣшающій духовныя дѣла, хотя будетъ и смѣшанный—епископо-пресвитерскій, но все-таки болѣе епископскій, чѣмъ пресвитерскій, потому что и по другимъ всѣмъ дѣламъ въ судебное присутствіе будутъ входить двѣ трети лицъ епископскаго сана, и только лишь одна треть пресвитерскаго. Если что въ этомъ случаѣ представляется не имѣющимъ основанія въ древнихъ церковныхъ канонахъ, такъ это именно то, что лица пресвитерскаго сана въ высшихъ инстанціяхъ, также какъ и въ духовно-окружныхъ судахъ, наравнѣ съ епископами, будутъ имѣть участіе не только въ предварительныхъ совѣщаніяхъ, но и въ окончательныхъ постановленіяхъ судебныхъ рѣшеній. Между тѣмъ извѣстно, что на древнихъ соборахъ пресвитеры могли имѣть только совѣщательный голосъ, а рѣшительныя постановленія принадлежали лишь однимъ епископамъ и тѣмъ изъ пресвитеровъ, кои представляли собою своихъ епископовъ. Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ является передъ нами постановка проектированнаго комитетомъ духовнаго суда, когда смотримъ на нее съ точки зрѣнія позднѣйшаго церковно-отечественнаго законодательства. Помянутое равноправіе членовъ духовнаго суда пресвитеровъ съ епископами въ составленіи судебныхъ рѣшеній съ точки зрѣнія церковно-общественнаго законодательства представляется явленіемъ нормальнымъ, ибо имѣетъ основаніе въ духовномъ регламентѣ Петра I, равно какъ въ судебной практикѣ святѣйшаго Синода, гдѣ лица пресвитерскаго сана въ рѣше-

ніяхъ судебныхъ дѣлъ имѣютъ равносильный голосъ съ митрополитами и архіереями“ [1]).

Проектированное комитетомъ общее собраніе обоихъ отдѣленій святѣйшаго Синода для разсмотрѣнія дѣлъ по жалобамъ на приговоры судебнаго отдѣленія святѣйшаго Синода, постановляемые онымъ въ качествѣ первой инстанціи и для суда надъ членами и присутствующими святѣйшаго Синода, одобряется лишь въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя не возражаютъ противъ учрежденія судебнаго отдѣленія святѣйшаго Синода. По этому предмету одно изъ мнѣній разсуждаетъ такъ: „проектируемое соединенное присутствіе всего Синода русской церкви съ его отдѣленіями административнымъ и судебнымъ, для дѣлъ особенной важности, обѣщаетъ торжественность и авторитетъ высшаго безъапелляціоннаго судилища съ гарантіею его вѣрности и безпристрастія, чего давно ожидаютъ вся русская церковь и общество“ [2]).

Учрежденіе прокурорскаго надзора, въ видѣ особаго института, при духовныхъ судахъ осуждается и опорочивается въ мнѣніяхъ епархіальныхъ архіереевъ, причемъ одни изъ мнѣній выражаются объ этомъ учрежденіи съ видимою сдержанностію, называя его роскошью въ судахъ духовнаго вѣдомства, требующею много денегъ, безъ настоятельной въ томъ нужды [3]); учрежденіемъ безъ всякой надобности, не могущимъ замѣнить нынѣшнихъ благочинныхъ, если послѣдніе усердно и добросовѣстно исполняютъ свои обязанности [4]), неблагонадежнымъ для охраненія церковныхъ законовъ, какъ состоящихъ изъ лицъ свѣтскихъ, незнакомыхъ съ божественными и церковными канонами [5]), и вообще сомнительнымъ относительно надобности, удобства и пользы для участія въ епархіальномъ надзорѣ за духовенствомъ и паствою [6]). Другія мнѣнія, показывая неумѣстность сего учрежденія въ отношеніи къ церкви и

---

[1]) Т. II, стр. 406.
[2]) Т. II, стр. 62.
[3]) Т. I, стр. 40—41.
[4]) Т. I, стр. 23—24, ср. 109.
[5]) Т. I, стр. 263, 265.
[6]) Т. I, стр. 151—152.

ея строю, обращаютъ вниманіе на несообразность свѣтскаго прокурорскаго надзора при духовныхъ судахъ съ властію епархіальнаго архіерея, указываютъ на несогласіе съ церковными канонами, задачами и свойствами духовнаго суда. Указавъ по своему пониманію несообразность учрежденія духовныхъ судей, одно изъ мнѣній продолжаетъ: „еще больше несообразности въ томъ, что проектъ отнимаетъ у архіереевъ церковный судъ и предоставляетъ его свѣтскимъ лицамъ прокурорамъ. Это все равно, что у отца семейства отнять власть надъ дѣтьми и предоставить ее посторонним опекунамъ, которые не знаютъ ни характера дѣтей, ни обычаевъ и обстоятельствъ семейства“ [1]). Въ другомъ мнѣніи подобная же тема раскрывается такъ: „прокурорскій надзоръ въ томъ видѣ, въ какомъ проектированъ комитетомъ, стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ канонами и обычаями вселенской церкви, по которымъ надзоръ за службою духовныхъ лицъ и ихъ жизнію принадлежитъ главнымъ образомъ епископу, который наблюдаетъ за своею епархіею и самъ непосредственно, и чрезъ консисторію и благочинныхъ. Учрежденіе же прокурорскаго надзора въ духовныхъ судахъ подчиняетъ духовенство надзору свѣтскаго чиновника, который не имѣетъ на это никакого каноническаго права“ [2]). Слѣдующее мнѣніе видитъ неудобства разсматриваемаго учрежденія съ практическихъ сторонъ. Оно говоритъ: „проектируемые свѣтскіе прокуроры при духовныхъ пресвитерскихъ судахъ не много принесутъ пользы,—но несомнѣнно, что они будутъ возбуждать столкновеніе окружнаго суда съ епархіальною властію и держать въ безусловномъ подчиненіи судей, особенно въ началѣ при маломъ знакомствѣ ихъ съ законами [3]). Еще рѣзче высказывается то мнѣніе, которое полагаетъ, что свѣтскіе прокуроры по своему вліянію захватятъ въ свои руки весь судъ. Это мнѣніе умозаключаетъ; „прокуроръ въ окружномъ судѣ почти тоже, что епархіальный архіерей въ своей епархіи, или даже болѣе. Имѣя университетское образованіе и юридическія познанія, онъ обязанъ преслѣдовать виновныхъ изъ духовенства, обвинять

---

[1]) Т. I, стр. 131—132.
[2]) Т. II, стр. 53.
[3]) Мн. епар. арх. т. II, стр. 368.

подсудимыхъ, карать ихъ и миловать, имѣть надзоръ за скоростію и правильностію производства дѣлъ, за ихъ направленіемъ во всѣхъ его проявленіяхъ,—съ архіереемъ онъ равный, хотя не имѣетъ хиротоніи и ея правъ, но иногда можетъ кассировать опредѣленіе епископа, самъ въ тоже время никому не подчиненъ кромѣ оберъ-прокурора святѣйшаго Синода. Прокуроръ съ такими правами будетъ безъ сомнѣнія имѣть духовный судъ въ своихъ рукахъ, члены суда будутъ несамостоятельными дѣятелями, а только его помощниками и подъ его надзоромъ. Такимъ образомъ духовный судъ потеряетъ окончательно свой характеръ: онъ будетъ судъ обыкновенный, отдѣленіе окружнаго суда по дѣламъ духовенства,—церковный судъ въ рукахъ мірянина. Не будетъ ли власть прокурора ограничиваться властію архіерея—такъ какъ и тотъ и другой могутъ какъ бы конкурировать въ обвиненіи и защитѣ подсуднаго? Но это самое породитъ между ними постоянныя неудовольствія. На одинъ и тотъ же проступокъ духовнаго лица архіерей будетъ смотрѣть съ своей, а прокуроръ съ своей точки зрѣнія, и гдѣ архіерей найдетъ преступленіе, тамъ прокуроръ можетъ не найти его и наоборотъ. Мнѣніе вообще сомнѣвается, чтобы судъ съ прокурорами былъ и правѣе и скорѣе нынѣшняго суда съ секретарями консисторій„ [1]). Приведенныхъ разсужденій достаточно, чтобы судить о характерѣ и направленіи мнѣній епархіальныхъ преосвященныхъ относительно учрежденія прокурорскаго надзора при духовныхъ судахъ. А потому не станемъ удлинять разсужденія выписками изъ тѣхъ мнѣній, кототорыя охуждаютъ учрежденіе прокурорскаго надзора въ самой его идеѣ и признаютъ его недопустимымъ по вреду и гибельности для церкви и духовенства [2]).

Въ отношеніи къ судопроизводству мнѣнія епархіальныхъ архіереевъ не отличаются ни богатствомъ, ни разнообразіемъ сужденій. Дѣло въ томъ, что въ отношеніи къ судопроизводству мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ касаются по преимуществу двухъ предметовъ: во-первыхъ, отмѣны обязательнаго значенія теоріи фор-

---

[1]) Мн. епар. арх. т. II, стр. 297—298.
[2]) Мн. епар. арх. Т. II, стр. 205; ср. стр. 403—414.

мальныхъ доказательствъ съ предоставленіемъ судьямъ права постановлять рѣшенія по внутреннему убѣжденію, слагающемуся изъ совокупнаго разсмотрѣнія обстоятельствъ, и, во-вторыхъ, допущенія публичности и гласности въ судопроизводствѣ съ устраненіемъ канцелярской тайны и канцелярскаго производства. Въ отношеніи къ первому изъ этихъ предметовъ мнѣнія возражаютъ противъ нѣкоторой неясности въ постановкѣ дѣла, а не существа рѣшенія. Комитетъ въ своемъ рѣшеніи объ отмѣнѣ дѣйствія теоріи формальныхъ доказательствъ на духовномъ судѣ и въ предоставленіи судьямъ права постановлять приговоры по внутреннему убѣжденію руководился какъ разсужденіями составителей судебныхъ уставовъ по сему предмету, такъ и собственными соображеніями, заимствованными отъ свойствъ суда духовнаго. Составители судебныхъ уставовъ такъ объясняли разность рѣшенія дѣлъ по теоріи доказательствъ съ рѣшеніемъ по внутреннему убѣжденію: „основаніемъ уголовнаго приговора о винѣ или невинности подсудимаго можетъ быть или положительный законъ, или такъ называемая теорія законныхъ доказательствъ, или законъ нравственный, совѣсть, или внутреннее убѣжденіе судей. По теоріи законныхъ доказательствъ судья не можетъ ни обвинять подсудимаго, когда не открыто требуемыхъ закономъ доказательствъ, ни оправдывать его, когда такія доказательства обнаружены. По началу внутренняго убѣжденія отъ судей требуется только то, чтобы они постановили приговоръ по совѣсти, основываясь не на теоретическихъ умозрѣніяхъ, а на томъ убѣжденіи, къ которому привело ихъ тщательное соображеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ совокупности. Разность между тѣмъ и другимъ способомъ постановленія приговоровъ очевидна и касается самаго существа. Постановленія закона, какъ теорія, при всей ихъ внутренней несомнѣнности, не могутъ обнять и предусмотрѣть всѣ событія дѣйствительной практики, сопровождающія ихъ условія и оттѣнки, отъ которыхъ зависятъ сила и совершенство доказательствъ въ каждомъ данномъ случаѣ; посему эти постановленія и не могутъ быть почитаемы за непреложную норму въ примѣненіи къ каждому данному случаю многообразной дѣйствительности; равнымъ образомъ и постановленные при руководствѣ одними такими правилами

приговоры не могутъ быть признаны безошибочными, правильными и вообще удовлетворительными. Законъ для показанія силы доказательствъ дѣлитъ ихъ на совершенныя, исключающія по его мысли всякую возможность признать невинность подсудимаго, и несовершенныя, не исключающія означенной возможности; соотвѣтственно сему тотъ же законъ или признаетъ осужденіе подсудимаго несомнѣннымъ, или только вмѣняетъ ему преступленіе въ подозрѣніе. Но можно ли сказать, что не только одно, а даже нѣсколько совершенныхъ доказательствъ таковы, что ими совершенно исключается возможность невинности подсудимаго, особенно если имѣть въ виду указанія закона? Напр. законъ относитъ къ числу совершенныхъ доказательствъ собственное признаніе подсудимаго, — но извѣстны примѣры, когда невинный, по особому отношенію къ преступнику, принималъ на себя его вину и сознавался въ преступленіи; равнымъ образомъ законъ считаетъ совершеннымъ доказательствомъ свидѣтельство двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, не отведенныхъ подсудимымъ и совершенно согласныхъ въ своихъ показаніяхъ; но извѣстно, что двое свидѣтелей, по предварительной стачкѣ, къ осужденію оклеветаннаго третьимъ лицомъ, могутъ дать и даютъ согласное, но несправедливое свидѣтельство. Несмотря на такое противорѣчіе положительныхъ указаній закона съ дѣйствительными явленіями опыта, судья, стѣсненный закономъ, тѣмъ не менѣе не можетъ предпочесть собственное убѣжденіе, сложившееся въ немъ непосредственно подъ вліяніемъ разсмотрѣнія самаго дѣла, буквально выраженнымъ требованіямъ положительнаго закона. Отсюда и происходили въ прежней судебной практикѣ такія явленія: судьи, сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, получаютъ полное убѣжденіе, что подсудимый виновенъ, но по неимѣнію въ виду доказательствъ, признаваемыхъ закономъ за совершенныя, принуждены были оставлять подсудимаго только въ подозрѣніи; равнымъ образомъ и не имѣя надлежащаго убѣжденія въ винѣ подсудимаго и раздѣляя полное убѣжденіе на счетъ его невинности, судьи тѣмъ не менѣе, въ виду доказательствъ совершенныхъ, исключающихъ по закону всякую возможность сомнѣнія въ виновности подсудимаго, должны были признать его виновнымъ.

Вслѣдствіе сего въ прежней судебной практикѣ происходило какъ то, что вообще много было случаевъ оставленія въ подозрѣніи,— такъ и то, что не мало было и такихъ, когда обращенные уже въ каторжную работу или на поселеніе, впослѣдствіи по обнаруженіи новыхъ обстоятельствъ разсмотрѣннаго преступленія, или по новымъ жалобамъ, признавались невинными и возвращались изъ ссылки [1]). Какими невыгодами для правосудія сопровождалось примѣненіе теоріи формальныхъ доказательствъ на судѣ свѣтскомъ,— тѣ же самыя неудобства имѣютъ мѣсто и на судѣ духовномъ, вслѣдствіе примѣненія той же теоріи, какъ объ этомъ съ рѣшительностію засвидѣтельствовалъ государственный совѣтъ въ отношеніи къ дѣламъ бракоразводнымъ [2]). Но также теорія стѣсняетъ духовные суды и въ постановленіи приговоровъ по дѣламъ о проступкахъ и преступленіяхъ лицъ духовнаго званія, изрекаемыхъ на основаніи данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, безъ всякой новой ихъ провѣрки. Посему отмѣна законныхъ доказательствъ, допущенная въ отношеніи къ суду свѣтскому, имѣетъ всю свою умѣстность и въ отношеніи къ суду духовному, который также нуждается въ улучшеніи. Способъ постановленія приговоровъ по внутреннему убѣжденію судей, а не по руководству теоріи формальныхъ доказательствъ безспорно заслуживаетъ предпочтенія. Правила обыкновенно обязываютъ судей внѣшнимъ образомъ подвести обстоятельства дѣла подъ извѣстные, установленные признаки, безъ разбора внутренняго значенія, какъ всѣхъ ихъ въ совокупности, такъ и каждаго въ отдѣльности; между тѣмъ, какъ внутреннее убѣжденіе открываетъ возможность свободно вникать въ сущность разсматриваемаго преступленія и самостоятельно оцѣнивать силу и значеніе каждаго доказательства въ частности и всѣхъ ихъ въ совокупности. А оцѣнка живымъ воззрѣніемъ и непосредственнымъ чувствомъ того, что право и истинно въ каждомъ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, преимуществуетъ предъ формальнымъ опредѣленіемъ правилами, какъ бы послѣднія ни были обдуманы,

---

[1]) См. мотивы къ ст. 766. Уст. угол. суд. въ суд. уст. изд. госуд. канцеляр. Т. III.

[2]) Журн. соед. деп. по проекту уст. угол. суд. № 47, стр. 96.

ибо правила не могутъ обнять и предусмотрѣть всѣ случаи преступленія и особенно сопровождающія каждое изъ нихъ условія. Посему замѣна теоріи живымъ воззрѣніемъ, оказываясь желательною и на духовномъ судѣ, не возбуждаетъ противъ себя возраженій со стороны каноновъ и практики вселенской церкви. Основнымъ началомъ вмѣненія виновному преступленія по канонамъ церкви представляются именно непосредственное воззрѣніе судьи на преступленіе и живая оцѣнка нравственнаго состоянія преступника. Начертывая правила для примиренія съ церковью падшихъ и устанавливая для нихъ опредѣленные роды церковныхъ наказаній, каноны замѣчаютъ: „позволительно епископу и человѣколюбнѣе нѣчто устроити“ (1 всел. пр. 12), или „епископы да имѣютъ власть, испытавъ образъ обращенія, человѣколюбствовати, или большее время покаянія приложити: паче всего да испытуется житіе предшествующее искушенію и послѣдовавшее за онымъ, и такъ да размѣряется человѣколюбіе“ (Ап. пр. 5). Начертывая правила вообще для разрѣшенія духовно-преступившихъ, каноны повелѣваютъ: „вопервыхъ, разсматривати расположеніе согрѣшившаго и наблюдати, къ здравію ли онъ направляется, или напротивъ собственными нравами привлекаетъ къ себѣ болѣзнь и какъ между тѣмъ учреждаетъ свое поведеніе“ (VI всел. пр. 102). Каноны церкви вообще по духу содержащихся въ нихъ предписаній предоставляютъ внутреннему убѣжденію судьи, по совокупности многоразличныхъ обстоятельствъ, вмѣнить или не вмѣнить виновному преступленіе, усилить или ослабить и даже вовсе отмѣнить наказаніе. По практикѣ вселенской церкви, какъ она изображается въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ, требовалось „тщательное изслѣдованіе о преширающихся (тяжущихся) и сначала объ обвиняющемъ.., одному ему, хотя бы онъ былъ добросовѣстенъ, предписывалось не вѣрить, ибо это противозаконно, а требовалось, чтобы были у него и другіе свидѣтели, подобные ему по поведенію, какъ говоритъ законъ: *при устѣхъ двою и трехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (Втор. XIX, 15). Должно изслѣдовать и ихъ поведеніе, ибо часто случается, что двое и бо́льшее число свидѣтелей о злѣ и согласно утверждаютъ ложь..; свидѣтели должны быть кротки, негнѣвливы,

справедливы, любовны, цѣломудренны, воздержны, не злы, вѣрующіе, благочестивые, ибо свидѣтельство таковыхъ по самому поведенію ихъ твердо и по образу ихъ жизни истинно. А кто не таковъ, тѣхъ свидѣтельствъ не принимайте, хотя бы и казались они согласными въ обвиненіи, ибо въ законѣ повелѣвается: *да не будеши со многими на злобу, да не пріимати слуха суетна, да не приложишися къ множеству превратити праведное* [1]) (Исх. XXIII, 1. 2). Если въ приведенномъ наставленіи указывается съ осмотрительностію и испытаніемъ относиться къ показанію многихъ свидѣтелей, то ясно, что мѣста св. Писанія (Втор. XIX, 15; Мѳ. XVIII. 16, 17; Іоан. VII, 17) и апостольскихъ правилъ, выставляющія, какъ совершенно достаточное для утвержденія истины доказательство, показаніе двухъ или трехъ свидѣтелей, не могутъ представлять препятствія къ установленію на духовномъ судѣ правила о произнесеніи судьями приговора по внутреннему убѣжденію, основанному на разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ ихъ совокупности. Никто, конечно, не станетъ утверждать, будто отвергать два или три свидѣтельскія показанія, которыя основаны на догадкахъ и предположеніяхъ, или даны вслѣдствіе подкупа, угрозъ и насилій, значило бы противорѣчить св. Писанію; а потому никто не станетъ защищать вмѣненія виновному преступленія на основаніи однихъ только внѣшнихъ формальныхъ признаковъ, безъ внутренняго при этомъ убѣжденія въ дѣйствительности вины осуждаемаго. Утвердившись при помощи изложенныхъ соображеній въ мысли о необходимости измѣнить существующій въ духовныхъ судахъ способъ удостовѣренія въ истинѣ вины или невиновности подсудимаго, комитетъ пришелъ къ заключенію, что всякія правила о доказательствахъ должны быть отмѣнены, и судьи должны судить по внутреннему убѣжденію. При этомъ комитетъ буквально пояснилъ: „само собою разумѣется, что научные выводы и теоріи о значеніи и силѣ доказательствъ могутъ и должны приниматься въ руководство для правильнаго и согласнаго съ дѣйствительностію убѣжденія, но эти выводы, какъ дѣло науки, а не законы, не должны быть

---

[1]) См. постанов. апостольскія, стр. 30—31; ср. 67—68. Казань, 1864 г.

обязательны въ той же степени, въ какой обязателенъ законъ, требующій прямого и неуклоннаго исполненія“ [1]).

Мнѣнія епархіальныхъ архіереевъ, останавливая вниманіе на такомъ нововведеніи, указываютъ на нѣкоторую неясность и неполноту въ формулированіи принятаго въ этомъ нововведеніи начала. Въ одномъ изъ умѣренныхъ мнѣній заявлено: „между внутреннимъ убѣжденіемъ и разсматриваніемъ формальныхъ доказательствъ не должно быть противорѣчія, если первое является вслѣдствіе тщательнаго разсмотрѣнія изслѣдованныхъ обстоятельствъ, а второе повѣряется здравымъ разсудкомъ, убѣждающимся въ истинѣ. Неужели въ судахъ не нужно обращать вниманія на количество и качество свидѣтелей? Противное сему можно относить къ судьямъ слѣпымъ, или глухимъ, или не понимающимъ дѣла“ [2]). Въ другомъ мнѣніи высказывается сомнѣніе относительно полнаго примѣненія на духовномъ судѣ правила объ отмѣнѣ теоріи формальныхъ доказательствъ. Здѣсь пишется: „духовнымъ судьямъ и духовнымъ судамъ дается право рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію, которое можетъ сложиться изъ разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла, а не на основаніи законныхъ или формальныхъ доказательствъ. Основанія, по которымъ принято это правило въ свѣтскихъ судебныхъ уставахъ, весьма уважительны; потребность въ примѣненіи этого начала къ духовному суду сознается всѣми, въ томъ числѣ и лицами, производящими нынѣ духовный судъ. Но какъ этимъ началомъ совершенно отмѣняется теорія доказательствъ, имѣющая въ своемъ основаніи заповѣдь Господа Іисуса Христа (Мѳ. XVIII, 15—16; Іоан. VIII, 17) и правила св. апостолъ (2 Кар. 13, 1; Апост. пр. 75), то произнести рѣшительное сужденіе по этому предмету трудно. Поэтому, полагаетъ мнѣніе, не должно ставить въ вину духовнымъ судамъ, если они рѣшаютъ какое-либо дѣло, не стѣсняясь формальными доказательствами, по внутреннему своему убѣжденію, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при слѣдствіи и судѣ; но не слѣдуетъ также возводить подобные случаи въ общее правило и прямо выражать его, подъ именемъ

---

[1]) См. объясн. запис. къ проекту, ч. III, стр. 18. 22. 41—42.
[2]) Мн. епар. арх., т. I, стр. 27.

главнаго начала, въ уставѣ духовнаго судопроизводства. Чрезъ это сохранится подобающее уваженіе къ каноническимъ началамъ духовнаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ дано будетъ духовнымъ судамъ необходимое оружіе противъ лицъ, небоязненно нарушающихъ присягу“ [1]). Какъ бы въ противовѣсъ приведенному разсужденію въ третьемъ мнѣніи заявляется: „введеніе въ духовный судъ положеній объ отмѣнѣ теоріи формальныхъ доказательствъ требуется и временемъ и справедливостію; удержаніе на духовномъ судѣ теоріи формальныхъ доказательствъ было бы для настоящаго времени ни чѣмъ не объяснимою странностію“ [2]). Признавая правило объ отмѣнѣ теоріи доказательствъ и практичнымъ, и согласнымъ съ церковными и государственными законами, равно полезнымъ въ примѣненіи къ жизни, одно изъ мнѣній высказываетъ сожалѣніе о томъ, что по смыслу нѣкоторыхъ статей проекта вводимое правило „можетъ имѣть значеніе только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ“.., Поэтому настоящее мнѣніе, предлагая свои для духовнаго суда преобразованія, заключаетъ: „и обвинительный процессъ по преступленіямъ духовныхъ лицъ, противъ судебныхъ обязанностей, и слѣдственный процессъ по тяжебнымъ искамъ вслѣдствіе различныхъ правонарушеній духовными лицами будутъ гораздо ближе подходить къ древнимъ каноническимъ и новѣйшимъ научнымъ основаніямъ, если окончательные приговоры о виновности или невиновности подсудимыхъ будутъ постановляемы по внутреннему убѣжденію, основанному не столько на такъ называемой теоріи формальныхъ доказательствъ, сколько на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при слѣдствіи и судѣ, посредствомъ отобранія показаній отъ подсудимыхъ, свѣдущихъ людей, свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ“ [3]). Одно изъ мнѣній, называя „вполнѣ справедливымъ и законнымъ требованіе, чтобы приговоръ суда составлялся по внутреннему убѣжденію судей“, выражаетъ желаніе, чтобы „на убѣжденіе духовныхъ судей о качествѣ подсуднаго имъ дѣла вліяло только самое дѣло, а не пренія прокуратуры и за-

---

[1]) Мн. епар. арх., т. II, стр. 208—209.
[2]) Чит. мн. епар. арх. т. I, стр. 413—417.
[3]) Мн. епар. арх., т. II, стр. 420. 426.

щиты, гдѣ неравенство препирающихся легко можетъ вредно отразиться на убѣжденіяхъ судей и на ихъ приговорѣ“ [1]).

Отмѣняя дѣйствіе теоріи формальныхъ доказательствъ на духовномъ судѣ, комитетъ отмѣнилъ, какъ ея послѣдствіе, и возможность третьяго, какъ бы средняго между осуждающимъ и оправдывающимъ условнаго приговора, выражавшагося оставленіемъ виновнаго въ подозрѣніи. Основаніемъ недопущенія такого приговора на будущее время послужило то, что ни въ канонахъ древней церкви, ни въ уставѣ духовныхъ консисторій нѣтъ понятія объ оставленіи подсудимыхъ въ подозрѣніи, что практика духовныхъ судовъ въ этомъ отношеніи развилась подъ вліяніемъ свѣтскаго суда. Каноны церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда яснаго раскрытія преступленій и ясныхъ доказательствъ виновности нѣтъ, освобождая обвиняемаго, оставляютъ дѣло на его совѣсти. Вотъ какъ въ одномъ изъ древнихъ правилъ выражено это начало: „пресвитеръ, аще согрѣшивъ тѣломъ, произведенъ и исповѣдуетъ, что согрѣшилъ прежде рукоположенія, да не священнодѣйствуетъ. Аще же самъ не исповѣдуетъ и обличенъ быти явно не можетъ, властенъ самъ въ себѣ (Неокес. пр. 9). Подобнымъ правиломъ и руководился святѣйшій Синодъ, въ случаѣ неясности и нетвердости доказательствъ отдавая преступленіе на совѣсть подозрѣваемому лицу [2]). Одно изъ мнѣній высказываетъ по этому поводу свое „pium desideratum“: „неудобно, говоритъ оно, оставлять въ подозрѣніи лицъ, не обличенныхъ надлежащимъ образомъ въ преступленіи, но и нельзя оставлять ихъ безъ вниманія на будущее время. Отъ неоставленія въ подозрѣніи зависитъ не малое число оправдываемыхъ преступниковъ за такія дѣла, которыя не должны быть извиняемы на судѣ. Желалось бы вмѣсто оставленія въ подозрѣніи положить какую-либо гарантію касательно судимыхъ, чтобы не подавать имъ повода къ повторенію преступленій“ [3]).

Допущеніе публичности и гласности судопроизводства въ духовныхъ судахъ вызываетъ оживленныя возраженія. Въ этихъ возра-

---

[1]) Мн. епар. арх. т. I, стр. 152.
[2]) См. объясн. записк., ч. III, стр. 43—44.
[3]) Мн. епар. арх., т. I, стр. 27.

женіяхъ одни изъ мнѣній высказываются вообще противъ публичности и гласности въ духовномъ судѣ, другія соглашаются допустить гласность, но только такъ сказать сословную; нѣкоторые, высказываясь въ пользу публичности, указываютъ на вредъ гласности. Разберемся поближе съ этими мнѣніями. Закрытость духовныхъ судовъ обыкновенно выставляется какъ одна изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности нынѣшняго духовнаго суда, а потому упреки въ канцелярской тайнѣ слышатся по адресу духовнаго суда съ разныхъ сторонъ. Комитетъ по преобразованію духовно-судебной части къ числу ярко бросающихся въ глаза недостатковъ нынѣшняго судопроизводства отнесъ закрытость дѣйствій суда, съ объясненіемъ, что вслѣдствіе этого недостатка „всѣ распоряженія духовнаго суда не только не возбуждаютъ надлежащаго довѣрія въ обществѣ, но и вызываютъ множество предположеній отнюдь не въ пользу духовнаго правосудія и его служителей“; тотъ же недостатокъ является и причиною того, почему „духовный судъ мало производитъ отрезвляющаго и нравственно-воспитательнаго вліянія на подчиненную ему среду, не ограждая и самъ себя въ правильной дѣятельности“ [1]). Поставляя гласное производство суда въ числѣ весьма важныхъ обезпеченій независимости членовъ духовнаго суда, читанная въ комитетѣ 7 мая 1870 года записка объ измѣненіяхъ въ устройствѣ церковнаго суда такъ изъяснялась по этому „капитальнѣйшему по ея отзыву, изъ вопросовъ, предлежавшихъ обсужденію и разрѣшенію комитета“. Выходя изъ положенія, что „начало гласности“ судопроизводства, введенное въ наши свѣтскіе суды, не только желательно и удобопріемлемо въ духовныхъ судахъ, но и имѣетъ оправданіе въ св. Писаніи, записка не допускаетъ возможности „какихъ либо сомнѣній относительно возстановленія этого начала въ духовныхъ судахъ“ и, мотивируя свое предложеніе, изъясняетъ: „Апостолъ Павелъ, преподавая епископу Тимоѳею разныя наставленія, между прочимъ опредѣляетъ и образъ епископскаго суда надъ пресвитеромъ въ слѣдующихъ словахъ: *обвиненіе на пресвитера не иначе при-*

---

[1]) Объясн. записк. ч. III, стр. 9—10.

нимай, какъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ: согрѣшающихъ предъ всѣми обличай, чтобы и прочіе страхъ имѣли“ (1 Тим. V, 19. 20). По объясненію записки, въ этомъ наставленіи апостолъ заповѣдуетъ производить надъ согрѣшающими судъ, существенное содержаніе и главную цѣль котораго составляетъ изобличеніе согрѣшающихъ *гласно предъ всѣми* съ цѣлію устрашенія симъ и прочихъ, разумѣя здѣсь публичное раскрытіе дѣла и наказаніе, въ присутствіи не только пресвитерскаго при епископѣ собора, но и общества [1]) для возбужденія во всѣхъ нравственнаго дѣйствія страха и трепета за свое спасеніе. Согласна съ заповѣдію апостола была и практика, какую предписывалъ апостолъ для частныхъ случаевъ суда. Гласность послѣдняго видимъ въ самомъ первомъ частномъ случаѣ церковнаго суда апостола надъ коринѳлянином кровосмѣсникомъ, котораго апостолъ предписываетъ въ общемъ собраніи предать сатанѣ (1 Кор. V, 5). Соборы древней церкви, на которыхъ были производимы и судныя дѣла, никогда не противились гласности, а всегда происходили въ присутствіи клириковъ и мірянъ, начиная съ древнихъ соборовъ, бывшихъ въ разныхъ мѣстахъ и въ Карѳагенѣ при св. Кипріанѣ, который, приглашая и народъ къ судебному изслѣдованію дѣла о клирикахъ, находилъ это полезнымъ и цѣлесообразнымъ. На тирскомъ соборѣ, гдѣ происходилъ судъ о св. Аѳанасіи александрійскомъ, всѣ изслѣдованія происходили публично, и историкъ Созоменъ пишетъ: „послѣ многихъ засѣданій совѣтъ сдѣлался наконецъ шумнымъ и мятежнымъ, обвинители и люди, толпившіеся въ судилищѣ, кричали, что Аѳанасія непремѣнно надобно низвергнуть, какъ волшебника, обидчика и человѣка недостойнаго священства. Поэтому лица, поставленныя царемъ для соблюденія благочинія на соборѣ, опасаясь, чтобы они не бросились на обвиняемаго епископа и не умертвили его, тайно вывели его изъ судилища“ [2]). Св. Василій Великій въ 34 прав. ясно указываетъ, что отцы только въ видѣ исключенія запретили явными творити женѣ прелюбодѣйствовавшихъ и сознавшихся въ этомъ, или обличенныхъ, дабы сіе не было при-

---

[1]) См. записк. стр. 31—32.

[2]) Созоменъ, Церк. истор. кн. II, гл. 25, стр. 140 рус. перевод.

чиною смерти обличенныхъ. Отсюда записка выводитъ то общее заключеніе, что „для всѣхъ прочихъ открытое обличеніе, согласно апостольской заповѣди, имѣло мѣсто и было обычно“. Въ отношеніи къ образу производства суда, гласному или негласному, церковь, по замѣчанію записки, не имѣла своихъ непреложныхъ правилъ, а слѣдовала тѣмъ правиламъ, какія въ данное время приняты были въ государствѣ. Христіанство явилось въ то время, когда въ судахъ римской имперіи допущена была широкая, почти безграничная гласность; по этой причинѣ и церковные суды въ первые вѣка производятся открыто, гласно. Съ перемѣною въ этомъ отношеніи практики, съ постепеннымъ устраненіемъ гласности изъ свѣтскихъ судовъ и церковные суды дѣлаются мало по малу закрытыми. Поэтому въ V вѣкѣ церковный судъ, даже на соборахъ, производился уже при закрытыхъ дверяхъ. Впрочемъ и послѣ того времени, когда гласность въ свѣтскихъ судахъ была ограничена, церковные соборы нѣкоторыхъ странъ [1]) подтверждаютъ, чтобы епископы кромѣ клириковъ приглашали съ собою на соборъ и мірянъ. Съ прекращеніемъ доступа въ церковныя судилища для мірянъ, они долгое время оставались открытыми для клириковъ. Въ IX в. въ Римѣ на судѣ, гдѣ производилось дѣло о пресвитерѣ-кардиналѣ, при папѣ засѣдаютъ епископы и пресвитеры, стоятъ діаконы и прочій клиръ [2]). Синоды архіереевъ при константинопольскихъ патріархахъ въ XIV в. производятъ судъ гласно въ присутствіи клириковъ, монашествующихъ и мірянъ. По отзыву одного иностраннаго очевидца, писателя о греческой церкви, и нынѣ константинопольскій патріархъ, въ качествѣ епархіальнаго архіерея, производитъ соборно судъ по всѣмъ дѣламъ лицъ, къ его епархіи принадлежащихъ, и для отправленія правосудія въ концѣ каждой недѣли держитъ два публичныя засѣданія [3]). Гласность соборныхъ дѣяній имѣла различныя основанія и цѣли. Она допущена была съ тою цѣлію, чтобы народъ могъ знать о постановленіяхъ архіереевъ,

---

[1]) Напр. Таррагонскій въ Испаніи. 516.

[2]) Baronii, Annales eclesi. ad ann. 853 n. 37.

[3]) Zwei offentliche Gerichtssitzungen Maurer, Das Griechische Volk. I, 593.

и чтобы міряне могли подавать здѣсь свои жалобы на неисправимыхъ клириковъ. Въ русской церкви нѣтъ примѣровъ гласнаго церковнаго суда. Христіанство явилось у насъ тогда, когда въ греческой церкви церковный судъ былъ производимъ въ закрытыхъ засѣданіяхъ... Въ первой четверти настоящаго столѣтія у насъ была практикуема гласность другого рода. До 1821 г. былъ законъ оглашать во всеобщее свѣдѣніе неблагочинные поступки духовныхъ лицъ, въ церквахъ учиненные, въ страхъ и предостереженіе другимъ [1]). И теперь уже священники подлежатъ гласному суду въ окружныхъ судахъ. На основаніи приведенныхъ указаній не допускалось мѣста для какихъ либо сомнѣній относительно возможности возстановленія въ духовныхъ судахъ начала, заповѣданнаго апостоломъ, употреблявшагося соборами и введеннаго въ наши свѣтскіе суды [2]).

Въ томъ же комитетѣ при обсужденіи настоящаго вопроса высказывалось и другое мнѣніе, которое, указывая на необходимость раздѣленія двухъ видовъ гласности—полной и неполной, доказывало возможность допущенія только неполной гласности, и по слѣдующимъ соображеніямъ. Правосудіе въ судахъ достигается не одною гласностію, а другими средствами, особенно въ случаяхъ, въ которыхъ гласность неудобна. Въ духовномъ судѣ гласность не всегда можетъ быть умѣстна, потому что этотъ судъ вѣдомственный, имѣющій подобіе семейнаго суда и характеръ домашній, а потому такой судъ, какъ исключающій умѣстность оглашенія, не всегда долженъ быть судомъ общественнымъ, гласнымъ. Допущеніе полной гласности въ духовныхъ судахъ едва ли будетъ совмѣстно съ сохраненіемъ и поддержаніемъ должнаго уваженія къ служителямъ церкви и ея религіи, такъ какъ оглашеніе предосудительныхъ поступковъ служителей церкви, иногда вслѣдствіе ложныхъ и неосновательныхъ обвиненій, можетъ произвести не малый соблазнъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослабить и уваженіе къ духовному сану, особенно если въ печати будетъ являться воспроизведеніе судебныхъ процессовъ о предосудительныхъ поступкахъ духовенства. Изъ того положенія, что въ уголовныхъ судахъ подлежащія имъ

---

[1]) Имен. указ. 3 іюня 1821 г.

[2]) См. записк. объ измѣненіяхъ въ устройствѣ церковн. суда стр. 31—36.

преступленія духовныхъ лицъ судятся гласно, никакъ нельзя выводить заключенія, чтобы и церковь оглашала предосудительныя дѣянія своихъ служителей; особенно это нежелательно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется смѣшанное населеніе, православное съ неправославнымъ, враждебно относящимся къ служителямъ православной церкви. Впрочемъ и въ сплошномъ православномъ населеніи отъ оглашенія, при допущеніи въ духовныхъ судахъ гласности, предосудительныхъ поступковъ духовенства, уваженіе къ нему не возрастетъ, а упадетъ. Притомъ допущеніе полной гласности въ духовныхъ судахъ не можетъ быть признано согласнымъ съ заповѣдію апостола, наставлявшаго: *на пресвитера хулы не пріемли, развѣ при двою или тріехъ свидѣтеляхъ*. Апостолъ указываетъ здѣсь порядокъ принятія обвиненій на пресвитера и вовсе не говоритъ о гласности и публичномъ производствѣ суда надъ нимъ. Свѣтское наше законодательство строго оберегаетъ женскую честь отъ оглашенія и воспрещаетъ публично производить судъ по дѣламъ о богохуленіи, оскорбленіи святыни и порицаніи вѣры, объ оскорбленіи родственниковъ, о преступленіи противъ правъ семейственныхъ и о дѣйствіяхъ, соединенныхъ съ соблазномъ. Въ военномъ вѣдомствѣ есть судъ товарищей-офицеровъ, судъ совершенно закрытый, семейный. Въ рим.-католическомъ и протестантскомъ вѣроисповѣданіи духовныя лица этихъ вѣроисповѣданій судятся судомъ негласнымъ, закрытымъ, несмотря на то, что формы гласнаго судопроизводства выработаны и приняты въ государствахъ этихъ вѣроисповѣданій. Доказывая на основаніи такихъ соображеній неудобство допущенія полной гласности въ духовныхъ судахъ, мнѣніе настаивало допускать только неполную гласность, которая ограничивалась бы допущеніемъ къ судебному разбирательству извѣстнаго класса лицъ; напр. при разбирательствѣ дѣла по взаимнымъ жалобамъ клириковъ могутъ быть допускаемы духовныя лица, при разбирательствѣ дѣла по жалобамъ свѣтскихъ лицъ на духовныя—могутъ быть допускаемы кромѣ духовныхъ лицъ сельскіе старшины, церковные старосты, члены церковныхъ попечительствъ, родственники, приглашенные по желанію подсудимыхъ, чины судебнаго вѣдомства [1]).

[1]) Объясн. записк., ч. II, стр. 147—148.

При окончательномъ рѣшеніи этого вопроса комитетъ заключилъ допустить гласность въ духовныхъ судахъ прежде всего для того, чтобы утвердить и поддержать общественное довѣріе къ духовному суду и искоренить противъ него предубѣжденіе, которое выражается въ мнѣніи, будто этотъ судъ дѣйствуетъ пристрастно. Судъ твердъ и плодотворенъ довѣріемъ къ нему общества, но довѣріе поколеблено, ослаблено,—скрывать этого невозможно, а потому оставить этотъ судъ закрытымъ, и притомъ рядомъ съ открытыми свѣтскими судами, значило бы не произвести реформы. Допущеніе гласности необходимо и въ интересахъ судей, потому что гласность есть одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и вѣрныхъ обезпеченій внимательности и добросовѣстности судей, которые при постоянномъ занятіи однимъ и тѣмъ же дѣломъ естественно могутъ охладѣть, отнестись не всегда съ достойнымъ вниманіемъ. Вліяніе гласности въ этомъ случаѣ будетъ благодѣтельно: она предостережетъ судью отъ невнимательности и равнодушія, поддержитъ его на должной высотѣ призванія и побудитъ вникнуть въ разсмотрѣніе самаго обыкновеннаго дѣла. Гласность благодѣтельна и въ интересахъ подсудимыхъ тѣмъ, что вымышленныя и неблагонамѣренныя обвиненія нигдѣ столь побѣдоносно и торжественно не отражаются къ посрамленію ложныхъ обвинителей, какъ на судѣ открытомъ, гласномъ. Гласность неизлишня и въ видахъ предупрежденія проступковъ и удержанія духовенства отъ дѣяній ему несвойственныхъ, ибо всякій, имѣя въ виду гласный судъ, остережется въ своемъ поведеніи и поступкахъ, тогда какъ мало надежды на сдержанность въ томъ случаѣ, когда имѣетъ мѣсто предположеніе, что судить за проступокъ будутъ закрытымъ, семейнымъ, товарищескимъ судомъ. Гласность вообще даетъ возможность судить о достоинствахъ судей и произвольности ихъ дѣйствій. Въ военныхъ судахъ наравнѣ съ свѣтскими допущена гласность въ полныхъ и широкихъ размѣрахъ, товарищескіе суды относятся только къ извѣстному спеціальному роду дѣлъ, не заключающихъ въ себѣ элементовъ уголовной подсудности. Ссылка на практику западныхъ вѣроисповѣданій не имѣетъ силы, ибо тамъ клирики судятся однимъ закрытымъ судомъ только за проступки противъ духовно-нравственнаго ихъ служенія; юрисдикція же на-

шихъ духовныхъ судовъ гораздо шире. Присутствіе на духовномъ судѣ однихъ только духовныхъ лицъ не сдѣлало бы его судомъ открытымъ, и положеніе его было бы подобно положенію нынѣшнихъ свѣтскихъ судовъ, когда тѣ разсматриваютъ дѣла, къ которымъ по закону допускаются родственники обвиняемыхъ, обвинители и чины судебнаго вѣдомства. Опасенія, будто чрезъ допущеніе гласнаго суда можно произвести соблазнъ и уронить уваженіе къ духовенству, сами собою подаютъ при мысли, что судебная гласность есть не единственный путь, посредствомъ коего оглашаются проступки и неприличныя дѣянія духовныхъ лицъ. Молва о такого рода поступкахъ и дѣяніяхъ распространяется иногда еще задолго до судебнаго ихъ оглашенія, и притомъ съ невѣроятными искаженіями и преувеличеніями, особенно въ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ подобныя дѣйствія быстро становятся извѣстными. Оглашеніе этихъ поступковъ на судѣ въ ложномъ свѣтѣ скорѣе можетъ способствовать къ устраненію тѣхъ неправильныхъ толковъ, которые могли возникнуть по слухамъ и вымысламъ. Соблазнъ происходитъ отъ самаго преступнаго, постыднаго и неприличнаго дѣянія, а не отъ суда, анализирующаго это дѣяніе, соблазнъ котораго судъ долженъ уничтожить и пресѣчь, опредѣливъ подавшему такой соблазнъ точную мѣру возмездія въ видѣ наказанія для успокоенія возмущенной общественной совѣсти. Въ подтвержденіе можно привести слова св. Іоанна Златоуста, въ которыхъ онъ изъясняетъ наставленія св. апостола Павла Тимоѳею (1 Тим. гл. V, ст. 19—20). Объясняя содержащееся здѣсь наставленіе именно о гласности суда и ея безвредности, св. Златоустъ выражается: „ужели не больше будетъ соблазна, когда предъ всѣми станешь обличать? не больше, отвѣчаетъ св. отецъ, потому что, когда грѣхъ учиненъ и не будутъ видѣть наказанія, больше станутъ соблазняться; ибо, какъ отъ того, что согрѣшившіе остаются не наказанными, многіе согрѣшаютъ,— такъ и отъ того, что они бываютъ наказываемы, многіе исправляются“ [1]). На основаніи приведенныхъ соображеній комитетъ призналъ возможнымъ проектировать правило какъ о томъ, что судебныя засѣданія для рѣшенія дѣлъ происходятъ публично,

[1]) Ср. объясн. записк., ч. II, стр. 150—152.

за исключеніемъ случаевъ, имѣющихся быть указанными въ законѣ, такъ и о томъ, что рѣшеніе суда, состоявшееся публично, можетъ быть оглашаемо и обсуждаемо въ печати, равнымъ образомъ и отчеты духовно-судебныхъ установленій публикуются во всеобщее свѣдѣніе.

Противъ этихъ положеній комитета и основаній для нихъ и возражаютъ мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ. Особенно подробно разбираетъ и разсматриваетъ этотъ вопросъ слѣдующее мнѣніе, которое, затрогивая предметъ съ разныхъ сторонъ, предлагаетъ свои разсужденія съ горячею въ нихъ убѣдительностію. Останавливаемся на этомъ вопросѣ съ мыслію, чтобы въ подробности уяснить его для любопытствующихъ. Сужденія по этому вопросу такъ обычны въ духовной средѣ, и обращенія къ нему такъ настойчивы, что на немъ полезно остановиться. „Судъ надъ духовными лицами, говоритъ разсматриваемое мнѣніе, проектируется гласный, публичный въ томъ предположеніи, что гласное судопроизводство будетъ дѣйствовать благотворно на самихъ судей, на подсудимыхъ и на общество. Благотворныя послѣдствія публичности суда надъ духовными лицами весьма сомнительны, а вредъ отъ этой публичности не подлежитъ сомнѣнію и очевиденъ“. Оспаривая благодѣтельныя послѣдствія гласности для судей, мнѣніе замѣчаетъ, что „если судьями будутъ лица, достойныя своего высокаго назначенія, и въ этомъ сомнѣваться нельзя при выборѣ судей, то для таковыхъ совершенно не нужно искусственное возбужденіе вниманія къ дѣламъ посредствомъ присутствія публики; если же судьями окажутся люди недостаточно проникнутые сознаніемъ своего долга, то присутствіе посторонних будетъ развлекать ихъ. Вообще, по отзыву мнѣнія, присутствіе на судѣ множества постороннихъ людей можетъ только развлекать вниманіе судей, стѣснять ихъ въ производствѣ слѣдствія и даже оказывать давленіе на свободу и самостоятельность ихъ рѣшеній“. Не соглашаясь съ предположеніемъ, что публичность судопроизводства будетъ оказывать благотворное дѣйствіе на службу и поведеніе духовенства, мнѣніе поясняетъ: „никто не скажетъ, что съ того времени, какъ введены у насъ публичные суды, у насъ уменьшились проступки и преступленія. Люди, когда совершаютъ какой либо проступокъ и преступленіе, обыкновенно не думаютъ о

гибельныхъ его послѣдствіяхъ, потому что почти всегда совершаютъ ихъ или по немощи, или по увлеченію, или по страсти. Если же и является у приступающаго къ проступку или преступленію мысль о наказаніи за него, то обыкновенно онъ отгоняетъ ее надеждою скрыть свое беззаконное дѣйствіе отъ людей. Поэтому позоръ публичнаго суда только увеличиваетъ наказаніе, налагаемое закономъ на виновнаго, но не предупреждаетъ и не уменьшаетъ проступковъ и преступленій. Люди, подвергшіеся позору публичнаго суда, дѣлаются даже болѣе способными къ новымъ проступкамъ и преступленіямъ, потому что у нихъ притупляется чувство стыда. Такимъ образомъ не только виновные, даже и невинные люди, подвергшись публичному суду, могутъ ослабѣвать въ своемъ служеніи и поведеніи. Если польза публичнаго суда увеличиваетъ наказаніе, налагаемое затѣмъ на виновнаго, то этотъ позоръ для невиннаго лица, подвергшагося суду, есть величайшее несчастіе. При публичномъ разбирательствѣ дѣла весьма легко открываются передъ публикою дѣла, поступки, привычки, наклонности, семейныя и домашнія отношенія подсудимыхъ, вообще все то, что само въ себѣ не заключаетъ ничего преступнаго, но что мы обыкновенно тщательно скрываемъ отъ посторонннихъ глазъ. Публичное разоблаченіе жизни духовныхъ лицъ поведетъ только къ пересудамъ, также къ потерѣ и той доли уваженія, которымъ еще пользуется духовенство“. Возражая противъ благотворнаго вліянія гласности на общество, мнѣніе выражается: „Хамъ со своимъ потомствомъ подвергся проклятію за безстыдный взглядъ на наготу отца своего; такъ и христіанское общество получитъ не пользу, а вредъ отъ разоблаченія передъ нимъ немощей и недостатковъ духовныхъ отцевъ его. Ослабляется власть начальника надъ подчиненными отъ публичнаго обнаруженія его недостатковъ, страдаетъ дисциплина въ училищѣ и уменьшается нравственное вліяніе учителя надъ учениками, когда предъ ними обличаются слабости учителя, колеблется послушаніе дѣтей родителямъ, когда передъ дѣтьми обнаруживаются немощи ихъ родителей. Потому всѣ признаютъ дѣломъ безтактнымъ, вреднымъ, непозволительнымъ обличать въ чемъ либо худомъ начальниковъ предъ подчиненными, учителей предъ учениками, родителей передъ дѣтьми. Несравненно

болѣе безтактно, вредно обличать въ проступкахъ и преступленіяхъ отцовъ духовныхъ передъ ихъ духовными дѣтьми. Власть начальника надъ подчиненными, учителя надъ учениками, родителя надъ дѣтьми можетъ быть возстановлена внѣшними средствами, но возстановленіе внѣшними средствами духовной власти духовнаго отца надъ духовными дѣтьми невозможно. Духовныя дѣти открываютъ духовному отцу свои задушевныя тайны, слушаютъ его, повинуются ему только тогда, когда вѣрятъ въ его нравственныя достоинства; какъ скоро публично обнаружатся его слабости, немощи, проступки, нельзя и думать о какомъ либо довѣріи, искренней откровенности, душевномъ уваженіи и послушаніи къ нему духовныхъ дѣтей; онъ сдѣлается для своихъ прихожанъ не духовнымъ отцомъ въ собственномъ смыслѣ, а только оффиціальнымъ исполнителемъ ихъ христіанскихъ требъ. И можетъ ли самъ духовный пастырь, публично обличенный въ какихъ либо проступкахъ, съ дерзновеніемъ наставлять, вразумлять, обличать своихъ пасомыхъ, когда на свои поученія можетъ ожидать такого отвѣта: *врачу, исцѣлися самъ*. Такимъ образомъ публичность суда надъ духовными лицами будетъ самымъ вѣрнымъ средствомъ подорвать довѣріе, душевное уваженіе и послушаніе духовныхъ дѣтей къ своимъ духовнымъ отцамъ“. Въ дозволеніи печатать и обсуждать рѣшенія духовнаго суда по дѣламъ духовенства мнѣніе видитъ нужду только для издателей газетъ и журналовъ, которые получатъ въ этомъ новый матеріалъ для своихъ изданій къ вящшему позору и осмѣянію всего православнаго духовенства и для нанесенія вреда вѣрѣ и церкви Христовой. Это самый вѣрный путь, говоритъ мнѣніе, уничтожить въ народѣ всякое довѣріе, всякое уваженіе и послушаніе къ православному духовенству, а чрезъ это и къ самой православной вѣрѣ и церкви. „Страшнѣе всего, жаловался св. Григорій Богословъ, что обвиненіе не останавливается на насъ однихъ, но простирается даже на высокое и досточтимое наше таинство (христіанскую вѣру); ибо одни насъ однихъ упрекаютъ въ порокахъ, оставляя безъ укоризны наше ученіе; другіе же, особенно когда встрѣчаютъ много худыхъ людей между удостоенными предстоятельства, обвиняютъ самый законъ, будто бы онъ

учитъ злонравію“ [1]). „Почитающій священника, пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ, почитаетъ и Бога; не почитающій же священника мало по малу дойдетъ до того, что и на Бога дерзко возстанетъ“ [2]). Направляя стрѣлы противъ публикаціи отчетовъ духовно-судебныхъ учрежденій, которые дадутъ готовый и драгоцѣнный матеріалъ для осмѣянія и позора духовенства, а съ нимъ и православной церкви, мнѣніе заканчиваетъ: „Такимъ образомъ, въ угоду людского принципа гласности, проектъ отдаетъ на позоръ и посмѣяніе міру все православное русское духовенство, а вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ въ жертву честь, славу и благоденствіе православной отечественной церкви“ [3]). По другому мнѣнію, въ гласности суда много сторонъ хорошихъ, по которымъ желательно, чтобы судебныя засѣданія для рѣшенія дѣлъ въ духовныхъ судахъ происходили публично; это было бы однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ опровергнуть распускаемые нынѣ ложные слухи о несправедливости, господствующей будто бы въ духовныхъ судахъ. Но въ гласности есть и опасная сторона въ томъ, что гласный судъ имѣетъ вредное вліяніе на народъ. Онъ развращаетъ воображеніе любопытныхъ, притупляетъ въ нихъ нравственное чувство и ослабляетъ ужасъ къ грѣхамъ и преступленіямъ. Въ гласныхъ судахъ слабые научаются изворотамъ и обманамъ для совершенія и скрытія преступленій. Чрезъ слушаніе процессовъ народъ отвлекается отъ исполненія своихъ обязанностей, отъ посѣщенія храмовъ Божіихъ и пріобрѣтаетъ страсть къ хожденію на суды, какъ на зрѣлища... Еще болѣе вредно для народа публичное производство суда надъ священниками, особенно когда священникъ уличается или обличается въ неблаговоѣніи къ святынѣ, священнодѣйствіямъ; проступки одного обыкновенно относятся ко всѣмъ священникамъ, виновнымъ и невиновнымъ, и чрезъ это не только ослабляется, но истребляется совсѣмъ уваженіе къ духовенству и самой вѣрѣ. Гласное судопроизводство можетъ быть пагубно для священниковъ; послѣ публичнаго позора, хотя бы священникъ и оправдался, онъ

---

[1]) Твор. ч. II, стр. 238 по русск. перев.
[2]) Златоустъ на 2 Тим. Бесѣд. по перев. 2.
[3]) См. мнѣн. епарх. арх. т. I, стран. 43—48.

уже не можетъ дѣйствовать съ тою ревностію, съ какою желалъ и долженъ бы дѣйствовать. По симъ причинамъ необходимо, чтобы предполагаемая гласность въ духовныхъ судахъ, по возможности, была ограничена“ [1]). Ограниченія гласности въ духовномъ судѣ, но не совершенной ея отмѣны, требуетъ и мнѣніе, которое замѣчаетъ: „гласное производство духовнаго суда можетъ быть допущено, но не въ такой широтѣ, какъ гласное производство свѣтскаго суда. При разбирательствѣ дѣлъ въ духовномъ судѣ могутъ присутствовать духовныя лица, но не свѣтскія, такъ какъ для послѣднихъ едва ли можетъ быть отъ сего какое либо назиданіе“ [2]). Анализируя виды гласности, одно изъ мнѣній говоритъ: „публичность требуетъ открытыхъ дверей, объявленій при входѣ въ судебное мѣсто и публикацій въ газетахъ“, и затѣмъ заключаетъ: „было бы ближе къ свойствамъ, цѣлямъ и потребностямъ духовнаго суда, если бы за нимъ оставлены были только два первыя условія, а потому и слова проекта „происходятъ публично“ были замѣнены словами—„происходятъ при открытыхъ дверяхъ“ [3]). Нѣкоторыя изъ мнѣній вовсе не усматриваютъ никакихъ неудобствъ въ допущеніи гласности и публичности въ духовномъ судѣ въ томъ случаѣ, если на мѣсто духовно-окружныхъ судовъ будутъ учреждены епархіальные суды. Въ этихъ судахъ для гласности, требующейся новыми судебными установленіями, не можетъ быть никакого препятствія. Здѣсь, въ средѣ извѣстной, даже можетъ быть болѣе гласности, и она можетъ оказаться болѣе благотворною, чѣмъ въ проектируемыхъ духовно-окружныхъ судахъ. Каждый приговоръ, открыто объявленный въ присутствіи публики, долженъ быть напечатанъ. Эта гласность и служитъ порукою, что рѣшенія епархіальнаго суда, неменѣе проектируемыхъ духовно-окружныхъ судовъ, будутъ чужды административнаго произвола [4]). Однородныя мысли высказаны и въ другомъ мнѣніи. „Гласность и въ епархіальномъ судѣ возможна во всѣхъ степеняхъ (присутствіе

---

[1]) Мнѣн. епарх. арх. т. II, стр. 215—216.
[2]) Т. I, стр. 92.
[3]) Там. стр. 399.
[4]) Мнѣн. епарх. арх. т. II, стран. 61.

публики, печатное обсуживаніе процессовъ). Въ этомъ судѣ гласность имѣла бы болѣе дѣйствительное значеніе, такъ какъ мѣстному духовенству епархіи несравненно удобнѣе было бы посѣщать эти суды и наблюдать за правотою ихъ дѣйствій, съ упроченіемъ довѣрія духовенства къ своему суду“ [1]).

Духовныя консисторіи въ своихъ мнѣніяхъ о „проектѣ духовно-судебной реформы“ значительно отступаютъ отъ сужденій епархіальныхъ преосвященныхъ, представляя крупныя особенности въ своихъ предположеніяхъ относительно лучшаго и желательнаго устройства духовной администраціи и суда. Въ общемъ направленіи консисторскія мнѣнія не съ тѣмъ единодушіемъ и рѣшительностію, какъ сужденія епархіальныхъ архіереевъ, охуждаютъ и отвергаютъ проектъ преобразованія и предначертанную въ немъ реформу. Изъ 29 консисторскихъ мнѣній только нѣкоторыя отвергаютъ проектъ, какъ не отвѣчающій, по ихъ воззрѣніямъ, существу и цѣли предположеннаго преобразованія, хотя и не отрицаютъ необходимости въ улучшеніи епархіальныхъ порядковъ. Другія мнѣнія, привѣтствуя реформу, критикуютъ однако проектъ; при чемъ одни изъ этихъ мнѣній, обращая вниманіе на начала, на коихъ развитъ проектъ, указываютъ на неудовлетворительность его со стороны недостаточно полнаго и послѣдовательнаго проведенія принятыхъ началъ; другія останавливаются на частностяхъ проекта и по нимъ предлагаютъ замѣчанія съ цѣлію желательныхъ исправленій въ проектѣ, — третьи вообще одобрительно относятся къ проекту и оставляютъ послѣдній безъ замѣчаній.

Мнѣнія, отвергающія проектъ, но не отрицающія присутствія въ нынѣшнемъ церковномъ управленіи извѣстнаго рода недостатковъ, предполагаютъ устранить ихъ „безъ ломки каноническихъ основъ епархіальнаго управленія“. По одному изъ таковыхъ мнѣній всѣ безпорядки въ епархіальномъ управленіи легче, проще и съ неменьшею пользою можно исправить, не прибѣгая къ задуманной реформѣ. А именно 1) произволъ епархіальныхъ архіереевъ въ епархіаль-

---

[1]) Там. стр. 384.

ныхъ дѣлахъ, буде онъ существуетъ, ограничить закономъ, надзоромъ и контролемъ, или ревизіею подобно тому, какъ это дѣлается въ настоящее время въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ. Вѣдь и по каноническимъ правиламъ епископы не самодержавные владыки въ церкви. На нихъ допускаются жалобы, противъ суда ихъ дозволены аппелляціи—короче, они также подсудны, какъ и всѣ прочіе. 2) Для огражденія безправности консисторій надо дать имъ большую власть, по крайней мѣрѣ такую, какую имѣютъ гражданскія губернскія управленія, поставить ихъ въ такое же отношеніе къ епархіальнымъ архіереямъ, въ какомъ находятся губернскія управленія къ мѣстнымъ начальникамъ губерній. Надо предоставить имъ право въ тѣхъ случаяхъ, когда расходятся въ мнѣніяхъ съ архіерейскими резолюціями, при исполненіи послѣднихъ: а) въ исходящихъ бумагахъ прописывать и свое мнѣніе, б) сообщать эти мнѣнія св. Синоду или оберъ-прокурору, в) предавать гласности и г) для большаго безпристрастія въ рѣшеніи дѣлъ и для устраненія подозрѣній въ раболѣпствѣ нынѣшнихъ членовъ консисторій предъ епархіальными архіереями, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависитъ опредѣленіе и увольненіе ихъ, прибавить къ нимъ выборныхъ членовъ отъ духовенства съ правомъ судей или присяжныхъ. 3) Въ устраненіе взяточничества и самоуправства секретарей консисторій, поставить на эти должности людей съ высшимъ образованіемъ, людей испытанной честности и спеціально знакомыхъ съ гражданскимъ и церковнымъ законовѣдѣніямъ. 4) Произволъ въ рѣшеніи дѣлъ и составленіи судебныхъ приговоровъ духовныхъ консисторій происходитъ отъ того, что консисторіи не имѣли и доселѣ не имѣютъ свода церковныхъ законоположеній; вслѣдствіе сего епархіальныя опредѣленія нерѣдко основываются, по необходимости, на однихъ соображеніяхъ съ обстоятельствами дѣла, или на примѣненіи къ гражданскимъ законамъ. Тутъ и юристъ поставится въ затрудненіе и не можетъ отрѣшиться отъ личныхъ убѣжденій. Дабы устранить этотъ ощутительный недостатокъ необходимо составить полный систематическій церковный судебникъ и снабдить имъ епархіальныя управленія. 5) Медленность въ дѣлопроизводствѣ зависитъ отъ устарѣлой, но доселѣ остающейся во всей своей силѣ

многосложной канцелярской процедуры, которая производитъ то, что самая пустая бумага должна пройти 10—11 канцелярскихъ мытарствъ до окончательнаго рѣшенія; при несоблюденіи же установленной формальности самое правое рѣшеніе теряетъ свою силу. 6) Замкнутость духовнаго судопроизводства требуетъ отворить двери присутствія и дѣла будутъ рѣшаться гласно, судные приговоры объявляться публично. Судъ церковный не боится гласности. По такимъ нововведеніямъ мнѣніе желало бы произвести преобразованіе, не колебля каноническихъ основъ и не отступая отъ вѣковой практики вселенской церкви [1]).

Другое изъ мнѣній, охуждающихъ проектъ, обращая вниманіе на недостатокъ свободы и независимости въ мнѣніяхъ суда отъ вліянія администраціи, признаетъ достаточнымъ для устраненія этого недостатка отмѣнить нынѣ дѣйствующую статью устава духовныхъ консисторій, по которой архіерей можетъ отмѣнить опредѣленіе консисторіи и постановить свою резолюцію, которая и приводится въ исполненіе. Существованіе этого правила, по мнѣнію, болѣе вредно, чѣмъ благодѣтельно отзывается на дѣлѣ правосудія. Оно отнимаетъ у членовъ консисторіи охоту и энергію серьезно заниматься дѣломъ и отстаивать свое убѣжденіе, при неудобствѣ стать въ противорѣчіе съ мнѣніемъ архіерея. Съ отмѣною этаго правила члены теперешняго духовнаго суда не только пріобрѣли бы больше нравственной силы и независимости, но и получили бы новое побужденіе внимательнѣе и серьезнѣе разсматривать дѣла, такъ какъ въ случаѣ несогласія архіерея дѣло переходило бы на разсмотрѣніе высшей судебной инстанціи, а при такомъ порядкѣ каждая сторона — архіерей и члены суда старались бы внимательно разсматривать обстоятельства дѣла, основательно взвѣшивать свои заключенія. Отмѣна упомянутаго правила, установленіе взамѣнъ его другого правила, чтобы каждое опредѣленіе консисторіи, несогласное съ мнѣніемъ архіерея, восходило на разсмотрѣніе высшей судебной инстанціи, гласность, выборное начало судей, несмѣняемость ихъ иначе, какъ по суду,

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. т. I, стр. 180—182.

и право постановлять рѣшеніе по внутреннему убѣжденію, учрежденіе особыхъ защитниковъ—вотъ, по этому мнѣнію, условія, которыми вполнѣ гарантируется достиженіе цѣлей правосудія [1]).

Мнѣнія, обращающія вниманіе на недостаточно полное и послѣдовательное проведеніе началъ, которыя были приняты въ основу преобразованія суда гражданскаго, выражаетъ сожалѣніе, что „начала, выработанныя современною юридическою наукою и положенныя въ основаніе современнаго гражданскаго судоустройства и судопроизводства въ проектѣ преобразованія духовнаго суда, не вездѣ проведены съ надлежащею послѣдовательностію, и потому нѣкоторыя положенія проектированы безъ надлежащей твердости, въ видѣ уступокъ, которыя для пользы дѣла и въ виду общаго направленія проекта не должны быть допущены [2]). Къ числу такихъ положеній отнесены только постановленія проекта, въ которыхъ выражено и проводится начало отдѣленія суда отъ администраціи и судебной власти отъ административной въ лицѣ епархіальнаго архіерея. По этому предмету мнѣніе высказываетъ слѣдующія соображенія: „Основное начало преобразованныхъ свѣтскихъ судовъ состоитъ въ отдѣленіи судебной власти отъ администраціи. Примѣненіе этого начала къ духовному суду, повидимому, не согласуется съ сложившимся понятіемъ о власти епископа, который признается правителемъ и судьею въ своей епархіи. Но при внимательномъ обсужденіи предмета оказывается, что ни каноны, ни практика церкви не представляютъ препятствія къ примѣненію новаго начала юридической науки къ суду духовному. Всю полноту власти епископа надъ клиромъ и паствою справедливо относить къ первымъ вѣкамъ церкви христіанской, когда вѣрующіе находились внѣ покровительства государственныхъ законовъ, и христіанскія общины жили своею отдѣльною жизнію. Когда же церковь вошла въ союзъ съ государствомъ и стала, такъ сказать, душею его, власть епископа, неизмѣнная въ своихъ іерархическихъ правахъ, измѣнялась и ограничивалась соотвѣтственно государствен-

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. т. I, стр. 295—296.
[2]) Мнѣн. дух. конс. т. I, стр. 110—149.

ному строю и общимъ гражданскимъ правамъ. Такъ, съ установленіемъ церковнаго раздѣленія областей, соотвѣтственно гражданскому ихъ раздѣленію, иной кругъ власти принадлежалъ патріарху, иной митрополиту или архіепископу, иной епископу и наконецъ хорепископу. Власть епископа ограничивалась епископскою властію всѣхъ высшихъ ея наименованій и соборами, на которыхъ, между прочимъ, изслѣдовались и жалобы клириковъ на епископовъ и производился судъ надъ самими епископами (Акт. пр. 20)... Посему ничего не будетъ противнаго обычаямъ и канонамъ древней церкви, если въ соотвѣтствіе древнимъ помѣстнымъ соборамъ, въ обширной церкви русской, будутъ учреждены духовно-окружные суды. Церкви, сохраняющей коренные каноны и постановленія, принадлежитъ право раскрывать и распространять ихъ новыми правилами, сообразно обстоятельствамъ и состоянію вѣрующихъ. Реформа, оказавшаяся благотворною въ судахъ свѣтскихъ, не можетъ не быть таковою и въ судѣ духовномъ. Воздавая Божія Богови и Кесарева Кесареви, церковь благоговѣйно чтитъ волю помазанниковъ Божіихъ, и законы ихъ, непротивные слову Божію и устрояющіе благо общее, всегда принимаетъ въ руководство и по своему управленію“ [1]). Въ другомъ мнѣніи, безъ спора принимающемъ правильность примѣненія къ духовному суду начало раздѣленія судебной и административной власти въ лицѣ епархіальнаго архіерея, по поводу предоставленія послѣднему проектомъ права утверждать и духовныхъ судей и членовъ духовно-окружныхъ судовъ въ качествѣ своихъ уполномоченныхъ, пишется: „Высшая власть въ церкви есть сама церковь (Мѳ. XVIII, 15—17; Дѣян. XI, 1—18; XV, 4—19), глава коей Богъ. Прежде епископъ уполномочивалъ пресвитеровъ творить судъ; по проекту также предположено полномочіе отъ власти епископа. Причиною этого указывается то обстоятельство, что право суда въ церкви издревле принадлежало епископамъ, — но церковь есть учрежденіе не мертвое, а живое, живое Божіе царство, коего святыя цѣли не во вся-

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. т. I, стр. 479—480.

комъ мѣстѣ, не у всякаго народа, не во всякое время достигаются непремѣнно одними и тѣми же средствами: посему пригодное для церкви въ одно время у извѣстнаго народа, въ тоже самое время у другого народа, или у того же самаго народа въ другое время, при измѣнившихся обстоятельствахъ и условіяхъ жизни можетъ быть нецѣлесообразнымъ. Вслѣдствіе сего церковь то вводила, по требованію мѣста и времени, разные обычаи и порядки, то отмѣняла ихъ, когда находила не достигающими цѣли“ [1]). Къ изложенному надо прибавить, что вообще въ мнѣніяхъ духовныхъ консисторій замѣтно предносится мысль возможно полнаго примѣненія и послѣдовательнаго проведенія начала отдѣленія суда отъ администраціи и судебной отъ административной власти въ лицѣ епархіальнаго архіерея [2]).

Вмѣстѣ и параллельно съ симъ въ тѣхъ же мнѣніяхъ высказывается и другая мысль о возможномъ уравненіи въ правахъ участія въ судѣ лицъ пресвитерскаго сана съ епископами. Въ одномъ изъ мнѣній эта мысль выражена и развита слѣдующимъ образомъ: „Консисторія не видитъ достаточнаго основанія на то, чтобы предсѣдателями окружныхъ судовъ были непремѣнно лица епископскаго сана. По ея мнѣнію можетъ занимать это мѣсто съ достоинствомъ, честію и успѣхомъ для дѣла какой либо ученый протоіерей, или архимандритъ, пользующійся при извѣстности и авторитетомъ... Консисторія не видитъ достаточныхъ данныхъ и къ тому, чтобы, согласно проекту, въ судебномъ отдѣленіи св. Синода, было членовъ архіерейскаго сана двѣ трети, и пресвитерскаго одна треть. По мнѣнію консисторіи число членовъ пресвитерскаго сана въ этой инстанціи духовнаго суда не должно быть такъ ограничиваемо потому, что сюда будутъ входить дѣла, большею частію касающіяся лицъ пресвитерскаго и діаконскаго становъ и другихъ низшихъ членовъ духовнаго вѣдомства; а такія дѣла своими характеристическими чертами и подробностями могутъ быть болѣе знакомы пресвитерамъ, чѣмъ епископамъ“ [3]).

---

[1]) Подробнѣе смотр. мнѣн. дух. конс. т. I, стр. 51—52. 60—63.
[2]) Мнѣн. дух. конс. т. I, стр. 14—15; 20—21; 122—126; 131—133.
[3]) Мнѣн. дух. конс. по 1 стр. 190 — 191 ср. 53. 127 — 136; 143—145.

Подъ вліяніемъ же мысли о возможномъ ограниченіи епископской власти въ судныхъ дѣлахъ не нравится консисторіямъ и та постановка, которая проектирована комитетомъ для разрѣшенія вопроса о преданіи виновныхъ суду и прекращеніи дѣла. По этой постановкѣ епархіальному архіерею предоставляется право утверждать и не утверждать заключенія прокурора о преданіи суду, или прекращеніи дѣла и измѣненіи подсудности. Усматривая въ такой постановкѣ подрывъ значенію и силѣ прокурорской власти, а также правильности и законности дѣйствій правосудія, мнѣнія высказываютъ свои соображенія съ особою настойчивостію. „Въ вопросѣ о преданіи обвиняемыхъ суду, епархіальный архіерей, по сравненію съ судомъ свѣтскимъ, будетъ представлять собою обвинительную камеру — судебную палату. Но судебная палата есть учрежденіе коллегіальное и чисто судебное, въ которомъ обвинительный актъ прокурора или заключеніе о прекращеніи дѣла подвергается обсужденію цѣлаго собранія судей, и утвержденіе или отмѣна обвинительнаго акта получаетъ чрезъ то силу судебнаго опредѣленія, не допускающаго нареканія въ его справедливости. А по проекту духовно-судебнаго преобразованія право окончательнаго преданія суду, или признанія невинности подсудимаго ввѣряется одному лицу и притомъ административному, а потому неудивительно, если общество можетъ относиться недовѣрчиво къ такому единоличному опредѣленію,—тѣмъ болѣе, если принять въ соображеніе, что къ сужденію епархіальнаго архіерея о виновности или невиновности подсудимаго невольно можетъ примѣшиваться административный взглядъ, болѣе или менѣе строгій или снисходительный, судя, напримѣръ, по мѣсту, какое подсудимый занимаетъ въ духовной іерархіи, по отношенію его къ епархіальному управленію и по служебной дѣятельности его въ кругу администраціи. Въ добавокъ къ этому предоставленіемъ такого обширнаго права, какъ преданіе суду или признаніе невинности подсудимаго, одному административному лицу, прокурорская власть поставляется въ зависимость отъ администраціи и такимъ образомъ подрывается значеніе и сила ея, тогда какъ эта власть, по существу своему, должна быть вполнѣ самостоятельною, какъ составляющая основу суда и охрану администраціи, и

въ свѣтскомъ судопроизводствѣ этотъ аттрибутъ прокурорской власти охраняется со всею строгостію". Вслѣдствіе сего мнѣніе находитъ болѣе соотвѣтственнымъ началу отдѣленія обвинительной власти отъ администраціи предоставить право окончательнаго преданія суду или прекращенія дѣла судебному отдѣленію святѣйшаго синода, какъ высшей судебной инстанціи и по самому положенію своему имѣющей авторитетъ внушающаго къ себѣ полное общественное довѣріе суда [1]). Слѣдующее мнѣніе предоставляетъ одной прокурорской власти право преданія суду и прекращенія дѣла, устраняя отъ участія въ семъ актѣ епархіальнаго архіерея. Таковое участіе, въ чемъ бы оное ни выражалось, мнѣніе находитъ стѣснительнымъ для прокурорской дѣятельности, опаснымъ для правильнаго направленія дѣла и вреднымъ для правосудія тѣмъ, что епархіальный архіерей, пользуясь правомъ утвердить и не утвердить обвинительный актъ или заключеніе о прекращеніи дѣла, будетъ имѣть поводъ избавлять отъ суда, кого пожелаетъ, хотя бы то и виновнаго, и не допускать до суда нѣкоторыхъ дѣлъ и обстоятельствъ, хотя бы они и вопіяли о правосудіи. Опасенія свои мнѣніе въ этомъ случаѣ простираетъ до того, что рѣшается утверждать, если проектированныя отношенія прокурорской власти къ епархіальному архіерею и наоборотъ останутся въ силѣ,—то прокурорскій надзоръ въ духовномъ вѣдомствѣ будетъ только именемъ безъ значенія, отдѣленіе судебной власти отъ административной и судъ скорый и правый для многихъ дѣлъ будетъ desideratum, если бы прокуроръ и духовно-окружный судъ захотѣли быть самостоятельными, — то отъ усмотрѣнія епархіальнаго архіерея зависитъ направлять дѣла въ судѣ и у прокурора [2]).

Консисторскія мнѣнія, обращающія вниманіе на частности проекта, всего болѣе преслѣдуютъ практическую сторону, стараясь отмѣтить и указать практическія удобства и неудобства въ проектированномъ преобразованіи по сравненію его съ настоящимъ положеніемъ вещей. Особенное вниманіе духовныхъ консисторій въ этомъ отношеніи привлекаетъ постановка слѣдствен-

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. стр. 20—21.
[2]) Тоже, стр. 60—67.

ной части въ духовномъ вѣдомствѣ, какъ начальнаго и по ихъ мнѣнію главнаго акта судебнаго процесса. Комитетъ по преобразованію духовно-судебной части, не учреждая особыхъ слѣдователей при духовныхъ судахъ, производство слѣдствій по духовно-судебнымъ дѣламъ отнесъ къ обязанностямъ духовныхъ судей. Представляя такое устройство слѣдственной части въ духовномъ вѣдомствѣ мало обезпечивающимъ дѣло правосудія и вообще недостигающимъ цѣли, мнѣнія предлагаютъ или учредить особыхъ слѣдователей, или признать таковыми слѣдователями проектированныхъ комитетомъ кандидатовъ духовныхъ судей. Неудовлетворительная постановка слѣдственной части представляется однимъ изъ существеннѣйшихъ и крупнѣйшихъ недостатковъ нынѣшняго духовнаго суда, вызывая противъ себя жалобы и сѣтованія съ разныхъ сторонъ. Поэтому вопросъ этотъ съ особеннымъ единодушіемъ затрогивается, обсуждается и разсматривается въ мнѣніяхъ духовныхъ консисторій. Въ одномъ изъ таковыхъ мнѣній по настоящему предмету пишется: „первый актъ судебной дѣятельности составляетъ предварительное слѣдствіе, представляющее собою фундаментъ, на которомъ устрояется судебный процессъ. Если фундаментъ слабъ, то и зданіе непрочно. Нужно устранить отъ этой части зданія все, что можетъ раслабить ее, дабы впослѣдствіи не повредилось самое зданіе. А соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей священнослужителя участковаго судьи и слѣдователя, притомъ же человѣка, обязаннаго попеченіемъ о домѣ и семействѣ, какъ и вообще соединеніе разнородныхъ обязанностей въ одномъ лицѣ, едвали можетъ быть признано обстоятельнымъ, благопріятствующимъ удовлетворительному устройству слѣдственной части въ духовномъ вѣдомствѣ. Со всею вѣроятностію можно ожидать, что обязанности слѣдователя нерѣдко будутъ возлагаться духовными судьями на ихъ кандидатовъ подъ предлогомъ болѣзни и за другими препятствіями, а кандидаты, находясь въ тѣхъ же условіяхъ жизни, будутъ предъявлять свои права на уклоненіе отъ порученій; такимъ образомъ возникнутъ взаимныя пререканія, которыя нужно будетъ разбирать начальству. А между тѣмъ производство слѣдствій и въ настоящее время въ духовномъ вѣдомствѣ, поручаемое священникамъ, всегда

считалось и считается бременемъ неудобоносимымъ, частію потому, что оно отвлекаетъ ихъ отъ исполненія прямыхъ обязанностей священнослужительскихъ и пастырскихъ, и отъ семейныхъ заботъ по дому и хозяйству, частію потому, что оно, отзываясь полицейскимъ характеромъ, несвойственно лицу, облеченному священнымъ саномъ; а главнымъ образомъ потому, что признавалось и признается дѣломъ, крайне неудобнымъ при отсутствіи въ слѣдователяхъ-іереяхъ спеціальной подготовки къ этого рода дѣятельности. Существующая нынѣ епархіальная практика производства слѣдствій, должно сознаться, болѣе всего даетъ себя чувствовать своею неудовлетворительностію и вызываетъ настоятельную необходимость въ правильномъ и прочномъ ея устройствѣ, чуждомъ всякихъ, парализующихъ ея элементовъ, а такое устройство тогда только возможно, когда будетъ устранено соединеніе должностей въ одномъ лицѣ судьи іерейскаго сана. Позволительно высказать и то соображеніе, что если бы это устраненіе осуществилось, что перестали бы сами собою существовать весьма многіе случаи въ слѣдственной практикѣ, затрогивающіе въ средѣ духовенства нравственно-общественныя связи родства, кумовства, товарищества, дружбы и другихъ солидарныхъ отношеній, слѣдователи были бы менѣе доступны для безпрерывно-повторяющихся нынѣ отводовъ со стороны участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, а положеніе судей іерейскаго сана, освобожденныхъ отъ обязанностей производить слѣдствія, сохранило бы на себѣ болѣе духовный отпечатокъ, и судебная дѣятельность ихъ была бы успѣшнѣе и для цѣлей правосудія благотворнѣе. На основаніи высказанныхъ соображеній мнѣніе консисторіи полагаетъ болѣе благопотребнымъ учредить особый институтъ духовныхъ слѣдователей съ кандидатами; замѣщеніе должностей этого института сдѣлать безсрочнымъ и открытымъ для лицъ, свободныхъ отъ священнослужительскихъ обязанностей, съ высшимъ образованіемъ въ духовныхъ академіяхъ, а по нуждѣ и для студентовъ духовныхъ семинарій съ богословскимъ образованіемъ, обезпечивъ содержаніе ихъ достаточными средствами, а служеніе—назначеніемъ отъ правительства. Такихъ слѣдователей съ спеціальнымъ призваніемъ понадобится, по заключенію мнѣнія, не болѣе двухъ или трехъ для

густо населенныхъ епархій, кромѣ епархій съ столичными городами и расположенныхъ на большихъ пространствахъ“ [1]). Учрежденія особыхъ „не духовныхъ слѣдователей“ требуетъ и другое мнѣніе, которое, развивая мысль, что духовный судья не всегда можетъ быть хорошимъ слѣдователемъ, указываетъ для судебныхъ слѣдователей избирательный цензъ—образованіе въ духовной академіи и семинаріи съ званіемъ студента [2]). Слѣдующее мнѣніе, показывая неудобства возложенія на духовныхъ судей обязанностей слѣдователя, предлагаетъ производство слѣдствій по духовно-судебнымъ дѣламъ пріурочить къ обязанности кандидатовъ духовныхъ судей, какъ постоянное и опредѣленное ихъ занятіе съ тѣмъ, чтобы эти кандидаты были какъ бы особые слѣдователи съ назначеніемъ имъ, какъ и духовному судьѣ, содержанія по штату; такой кандидатъ, въ случаѣ нужды, исполняетъ за судью и судейскія обязанности [3]). Есть мнѣніе, которое требуетъ назначенія не одного, а двухъ кандидатовъ при каждомъ духовномъ судьѣ для правильнаго и безостановочнаго отправленія, кромѣ судейскихъ, и обязанностей слѣдователя на томъ основаніи, что у духовныхъ судей за множествомъ судныхъ дѣлъ можетъ недоставать времени для производства предварительныхъ слѣдствій, а производить большую часть слѣдствій по цѣлому участку одному кандидату не легко, особенно если судебные участки въ епархіи будутъ большіе, напр. на цѣлый уѣздъ одинъ [4]).

Устройство низшей инстанціи духовнаго суда въ лицѣ духовнаго судьи привѣтствуется мнѣніями духовныхъ консисторій, какъ учрежденіе суда близкаго и нужнаго. При этомъ одни изъ мнѣній требуютъ большей самостоятельности и независимости духовныхъ судей отъ епархіальныхъ архіереевъ, — другіе наоборотъ видятъ недостатокъ въ предоставляемой духовнымъ судьямъ комитетомъ самостоятельности и требуютъ полнаго подчиненія духовныхъ судей епархіи архіерею,—нѣкоторыя изъ мнѣній разбираютъ и вопросъ

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. т. I, стр. 330—332.
[2]) Тамъ же, стр. 157—161.
[3]) Тамъ же, стр. 117—122. 127; ср. стр. 13—14. 347.
[4]) Мнѣн. дух. конс. стр. 473—473.

объ избраніи духовныхъ судей, внося свои поправки. Разъясненіе этихъ частностей, не представляя существенной пользы для дѣла, удлинило бы разсужденія, а потому, не обращая вниманія въ эту сторону, отмѣтимъ, что есть мнѣнія, которыя вообще находятъ учрежденіе низшей инстанціи въ томъ видѣ, какъ она проектирована комитетомъ, неудовлетворительнымъ для суда надъ духовными лицами. Выходя изъ мысли, что духовныя лица, по характеру исполняемыхъ ими обязанностей состоятъ на особой духовной службѣ, находятся въ особомъ административномъ подчиненіи духовнаго начальства, равнымъ образомъ и проступки ихъ являются нарушеніемъ обязанностей или духовнаго сана и званія, или духовной должности, одно изъ мнѣній полагаетъ неумѣстнымъ учрежденіе въ духовномъ вѣдомствѣ духовныхъ судей съ изъятіемъ въ семъ случаѣ дѣлъ о маловажныхъ проступкахъ духовенства изъ вѣдѣнія духовнаго начальства. На семъ основаніи это мнѣніе, въ качествѣ первой и ближайшей къ мѣсту инстанціи для разбора дѣлъ по проступкамъ меньшей важности, предлагаетъ учредить въ каждомъ уѣздѣ епархіи, подъ надзоромъ епархіальнаго начальства, особые дисциплинарные суды, подобные учрежденіямъ, извѣстнымъ въ новыхъ судебныхъ уставахъ, подъ именемъ полковыхъ и полицейскихъ судовъ, совѣтовъ присяжныхъ и совѣтовъ судебныхъ приставовъ. Такіе суды, подъ именемъ духовныхъ совѣтовъ, могли бы состоять каждый—изъ предсѣдателя и членовъ, назначаемыхъ по выбору на трехлѣтній срокъ, и разбирать дѣла словесно съ тѣмъ, чтобы приговоры этихъ судовъ, въ случаѣ обжалованія сторонами, разсматривались въ качествѣ суда второй степени — въ духовныхъ консисторіяхъ. Разбирательству духовныхъ совѣтовъ, по указанію мнѣнія, могутъ подлежать: 1) дѣла о такихъ проступкахъ противъ священно-церковно-служительской должности и обязанностей священнаго сана и духовнаго званія, взысканія за которыя не превышаютъ административной власти епархіальнаго архіерея; 2) дѣла о наносимыхъ духовными лицами духовнымъ же и свѣтскимъ лицамъ оскорбленіяхъ въ ст. 130 — 141 уст. наказ. налаг. мировыми судьями. Изъ дѣлъ гражданскаго свойства: 1) дѣла по спорамъ и жалобамъ, возникающимъ между священно-церковно-служителями изъ

пользованія движимою или недвижимою церковною собственностію и 2) дѣла относительно мѣры вознагражденія причту за произвольныя требы, въ случаѣ возникшихъ по сему предмету несогласій между причтомъ и прихожанами. Разсмотрѣнію духовной консисторіи могутъ подлежать: 1) дѣла по отзывамъ и протестамъ на постановленія духовныхъ совѣтовъ, 2) дѣла о проступкахъ духовныхъ лицъ противъ священно-церковно-служительской службы и противъ особыхъ должностей по епархіальному управленію, а также противъ обязанностей священнаго сана и духовнаго званія, за которые положены: а) заключеніе въ монастырь на время до 3-хъ мѣсяцевъ, б) перемѣщеніе съ одного мѣста на другое, в) запрещеніе въ священнослуженіи до трехъ мѣсяцевъ, г) удаленіе отъ мѣста безъ воспрещенія занять новое, д) удаленіе отъ мѣста съ запрещеніемъ священнослуженія до трехъ мѣсяцевъ и е) исключеніе причетниковъ изъ духовнаго званія. Затѣмъ духовно-окружному суду, по мнѣнію, могутъ подлежать дѣла по отзывамъ и протестамъ на рѣшенія духовныхъ консисторій и прочія дѣла о проступкахъ духовенства, влекущихъ высшіе виды наказаній, начиная съ строгаго выговора, вносимаго въ формуляръ и т. д. Производство дисциплинарныхъ дѣлъ въ духовномъ совѣтѣ и духовной консисторіи должно быть согласовано съ порядкомъ, установленнымъ для дѣлъ, подвѣдомыхъ духовно-окружному суду въ качествѣ первой инстанціи. Причемъ постановленія духовнаго совѣта по дѣламъ о проступкахъ противъ священно-церковно-служительской службы и обязанностей священническаго сана и духовнаго званія, которыми опредѣляются эпитиміи, или запрещенія въ священнослуженіи до 2-хъ недѣль, или денежный штрафъ свыше 3-хъ рублей представляются совѣтомъ на разсмотрѣніе и окончательное рѣшеніе епархіальнаго архіерея; прочія же рѣшенія считаются окончательными. Постановленія духовнаго совѣта по дѣламъ о личныхъ оскорбленіяхъ чести, за которыя опредѣляются одни лишь замѣчанія, или выговоры безъ внесенія въ послужной списокъ, или денежное взысканіе не свыше 15 рублей, считаются окончательными и не могутъ быть обжалованы. Всѣ приговоры епархіальной консисторіи по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ, по объявленіи подсудимымъ, должны

представляться на разсмотрѣніе епархіальнаго архіерея. Епархіальный архіерей утверждаетъ приговоръ, если на оный не подано отзыва, и если онъ представляется правильнымъ, и при этомъ можетъ смягчить наказаніе одною или двумя степенями, принимая во вниманіе прежнюю безпорочную службу подсуднаго и обстоятельства, уменьшающія его вину; въ случаѣ же обжалованія приговора кѣмъ либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, или признанія приговора неправильнымъ, епархіальный архіерей дѣлаетъ распоряженіе о передачѣ дѣла на окончательное рѣшеніе въ духовно-окружный судъ. Постановленія духовной консисторіи по отзывамъ на рѣшенія духовныхъ совѣтовъ должны быть представляемы на разсмотрѣніе и окончательное рѣшеніе епархіальнаго архіерея. Въ учрежденіи особыхъ судовъ для лицъ монашествующаго и для духовенства вѣдомствъ придворнаго и военнаго мнѣніе не усматриваетъ надобности. Лица монашествующія и принадлежащія къ духовенству придворному и военному, по дѣламъ объ оскорбленіяхъ чести, наносимыхъ ими духовнымъ и свѣтскимъ лицомъ, могутъ подлежать суду мѣстныхъ духовныхъ совѣтовъ епархіальнаго вѣдомства. За прочіе же маловажные проступки противъ священнаго сана и духовнаго званія и противъ правилъ иноческой жизни монашествующіе могутъ быть подвергаемы взысканіямъ или въ административномъ порядкѣ—настоятелями и благочинными монастырей, или въ порядкѣ дисциплинарномъ по рѣшенію монастырскаго совѣта, состоящаго изъ настоятеля и двухъ старшихъ членовъ братствъ... Лица духовенства придворнаго и военнаго за проступки противъ службы, могутъ подлежать или административнымъ взысканіямъ своего начальства, или суду епархіальному по ст. 1066 уст. угол. суд. Но преданіе ихъ суду должно совершаться не иначе, какъ по постановленіямъ мѣстной консисторіи, какъ высшаго въ епархіи коллегіальнаго мѣста, управляющаго дѣлами духовнаго благоустройства примѣнительно къ ст. 1088 уст. угол. суд., на основаніи которой по постановленіямъ губернскихъ правленій предаются суду должностныя лица административныхъ вѣдомствъ, опредѣляемыя не только губернскими, но и имъ равными властями. Къ разсмотрѣнію же предварительныхъ слѣдствій о проступкахъ сихъ лицъ, консисторія

должна приступать только по сообщеніямъ главныхъ священниковъ, нынѣ протопресвитера военнаго и морского духовенства, или духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ по принадлежности [1]). Находитъ неудовлетворительнымъ устройство низшей инстанціи по проекту комитета и другое мнѣніе, которое, возражая противъ другихъ предположеній проекта, признаетъ невозможнымъ устроить низшую инстанцію суда безъ непосредственнаго участія епархіальнаго архіерея, а потому предлагаетъ, что не будетъ противно каноническимъ постановленіямъ, если епархіальный архіерей для совмѣщенія съ другими обязанностями по управленію церкви и паствы — труднаго дѣла правосудія, назначитъ для производства суда по всѣмъ дѣламъ, кои комитетъ предоставляетъ судьямъ, по своему усмотрѣнію, отдѣльно отъ консисторіи двухъ или трехъ сотрудниковъ изъ заслуженныхъ пресвитеровъ, которые, смотря по важности дѣла, или подъ личнымъ его предсѣдательствомъ, или вмѣсто его, будутъ разсматривать какъ обвиненія, приносимыя ему на духовныхъ лицъ, — такъ и оправданія сихъ послѣднихъ, вызывая ихъ на судъ, и, по ихъ указанію, свидѣтелей, и затѣмъ постановлять рѣшенія, которыя, по утвержденіи епископа, должны имѣть законную и обязательную для подсудимыхъ силу. Обязанностію такихъ судей будетъ дѣлать представленія въ высшую инстанцію какъ по аппеляціоннымъ отзывамъ подсудимыхъ, такъ и по существу дѣла, если таковыя будутъ подлежать разсмотрѣнію высшаго суда. Такой составъ епископскаго суда, заключаетъ мнѣніе, какъ практическій и бывшій въ употребленіи древней церкви, удобенъ и для настоящаго времени. Въ соотвѣтственность сему и для того собственно, чтобы не всѣ безъ исключенія дѣла начинались у архіерея, возможно учредить должность судей іерейскаго сана по одному въ каждомъ уѣздѣ для разбирательства и окончательнаго рѣшенія дѣлъ меньшей важности, дозволивъ притомъ духовенству, по своему усмотрѣнію, выбирать ихъ изъ среды себя установленнымъ порядкомъ. Утвердительно можно сказать, что у этихъ судей и не особенно важныхъ дѣлъ будетъ очень достаточно. Ду-

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. т. I, стр. 104—109.

ховенство и по дѣламъ между собою и по отношеніямъ къ прихожанамъ—служебнымъ и житейскимъ часто и неизбѣжно подвергается непріятнымъ столкновеніямъ, и все, что прежде оставалось безъ суда и даже безъ жалобы, при учрежденіи ближайшаго и доступнаго суда, появится у судей [1]). Нѣкоторыя изъ мнѣній находятъ проектированную комитетомъ низшую инстанцію духовнаго суда неудовлетворительною, частію потому, что духовному судьѣ предоставляется право разбирать дѣла какъ о низшихъ клирикахъ, такъ и о священнослужителяхъ, частію потому, что вообще юрисдикція, предоставляемая духовному судьѣ пресвитеру, очень обширна. Вслѣдствіе сего въ первомъ случаѣ предлагается признать за духовнымъ судьею право разсматривать и рѣшать дѣла о низшихъ клирикахъ частію окончательно, частію съ правомъ апелляціи въ высшую инстанцію; по дѣламъ же о священнослужителяхъ духовный судья судейскихъ приговоровъ не постановляетъ, а даетъ только мнѣнія или въ формѣ заключеній о прекращеніи дѣла, или въ формѣ обвинительныхъ актовъ для дальнѣйшаго направленія дѣла, каковыя мнѣнія и представляетъ епархіальному архіерею на его усмотрѣніе, или для наложенія взысканія въ порядкѣ административномъ, или для передачи дѣла, смотря по его важности, въ коллегіальный судъ [2]). Въ послѣднемъ случаѣ мнѣніе, представляя возраженія, не предлагаетъ способовъ для устраненія указаннаго неудобства [3]).

Учрежденіе духовно-окружныхъ судовъ — одного на нѣсколько епархій—не одобряется въ мнѣніяхъ духовныхъ консисторій главнымъ образомъ по неудобству этихъ судовъ, вслѣдствіе ихъ отдаленности и несоотвѣтствія ихъ съ принятымъ порядкомъ епархіальнаго управленія. Вслѣдствіе сего мнѣнія духовныхъ консисторій предлагаютъ замѣнить проектированные духовно-окружные суды епархіальными, но съ различнымъ устройствомъ. Такъ напр. одно изъ мнѣній проектируетъ образовать епархіальный судъ „изъ епархіальнаго архіерея и двухъ членовъ пресвитеровъ, съ предо-

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. т. I, стр. 250—252.
[2]) Мнѣн. дух. конс. стр. 333—343.
[3]) Тамъ же, стр. 347—348.

ставленіемъ епархіальному архіерею права или самому присутствовать въ судѣ, или уполномочить для сего своего викарія". Обвинительную власть предъ этимъ судомъ сосредоточить въ прокурорѣ съ тѣмъ, чтобы тѣ права, которыя по проекту предоставлены епархіальному архіерею, были отнесены къ консисторіи, которая при разсмотрѣніи обвинительнаго акта прокурора, или заключенія его о прекращеніи дѣла, или объ измѣненіи подсудности постановленіе о согласіи своемъ съ обвинительнымъ актомъ и заключеніемъ прокурора, или о замѣнѣ заключенія прокурора обвинительнымъ актомъ, дѣлаетъ независимо отъ епархіальнаго архіерея, или съ утвержденія викарнаго епископа, если не онъ предсѣдателемъ суда, и затѣмъ поддерживаетъ свое обвиненіе въ епархіальномъ судѣ чрезъ одного изъ своихъ членовъ [1]). Слѣдующее мнѣніе существенно отступаетъ отъ предыдущаго предложенія. Отклоняя учрежденіе духовно-окружныхъ судовъ, какъ не сочувственныхъ духовенству, и предлагая замѣнить ихъ епархіальными, мнѣніе въ устраненіе административнаго вліянія на судебныя отправленія проектируетъ, чтобы „епископъ, управляющій епархіею, какъ лицо административное, представляя собою власть обвинительную, не участвовалъ въ судѣ, замѣняя себя делегатомъ-епископомъ, какимъ можетъ быть викарій, заступающій предсѣдательское мѣсто епархіальнаго епископа. Допуская мысль объ отдѣленіи суда отъ администраціи, мнѣніе оставляетъ епархіальнаго архіерея при дѣлахъ административныхъ, а на обязанность викарія возлагаетъ отправленіе духовнаго правосудія въ предѣлахъ епархіи. Устроя такъ епархіальный судъ, мнѣніе увѣряетъ, что, „состоя изъ епископа съ соборомъ пресвитеровъ, такой судъ не отступалъ бы отъ постоянной практики вселенской церкви и, въ нѣкоторой степени, былъ бы воспроизведеніемъ церковнаго суда въ древней парикіи [1]). Нельзя не отмѣтить своего рода особенности въ мнѣніи, которое, предлагая въ каждомъ епархіальномъ городѣ учредить окружный судъ „съ назначеніемъ въ члены протоіереевъ или пресвитеровъ, избранныхъ изъ всей епархіи и утвержденныхъ святѣйшимъ Синодомъ подъ предсѣдательствомъ ви-

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. стр. 387—388.

карнаго архіерея, гдѣ онъ есть, или епархіальнаго“ и для устраненія опасенія за самостоятельность епархіальнаго суда при предсѣдательствѣ въ немъ епархіальнаго или викарнаго архіерея, указываетъ на надобность постановить, чтобы „голосъ предсѣдательствующаго не признавать окончательно рѣшающимъ дѣла всякаго рода, хотя бы и было на то согласіе всѣхъ членовъ суда. Дѣла меньшей важности голосъ архіерея пусть рѣшаетъ окончательно, а по дѣламъ большей важности, и именно: о лишеніи священнаго сана и монашества, исключеніи изъ духовнаго званія, низведеніи навсегда священнослужителя на низшую степень церковнослужителя и... вообще по всѣмъ дѣламъ, которыя епархіальный судъ разсматриваетъ въ качествѣ суда низшей инстанціи, голосъ архіерея окончательной силы рѣшенія не имѣетъ, хотя бы и всѣ члены суда съ нимъ согласились. Здѣсь должны быть допущены со стороны обвиняемыхъ апелляціи, а со стороны обвинительной власти протесты. Во всякомъ же случаѣ, по дѣламъ второй категоріи, если члены суда съ мнѣніемъ архіерея не согласны въ большинствѣ, хотя бы не было ни апелляціи, ни протеста, дѣло передается на разсмотрѣніе высшей инстанціи духовнаго суда предсѣдательствующимъ“ [2]). Новую постановку коллегіальный епархіальный судъ получаетъ и въ мнѣніи, которое замѣчаетъ: „предсѣдательство епархіальнаго епископа въ епархіальномъ судѣ съ единолично рѣшающимъ голосомъ, внѣ всякаго сомнѣнія не осуществимо, такъ какъ оно было бы равносильно отрицанію коллегіальнаго устройства и юрисдикціи суда, какъ отдѣльнаго судебнаго учрежденія, имѣющаго существовать и дѣйствовать въ силу закона“. Поэтому мнѣніе предлагаетъ: „предсѣдательскую должность въ епархіальномъ судѣ предоставить лицу пресвитерскаго сана, неподчиненнаго мѣстному епископу, каковую должность желательно сдѣлать безсрочною, а взамѣнъ священнослужительскаго мѣста сохранить за лицами, занимающими эти должности, право перемѣщенія изъ одной епархіи въ другую на ту же судебную должность по ихъ желанію и усмо-

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. стр. 451—452.
[2]) Мнѣн. дух. конс. стр. 465—467.

трѣнію святѣйшаго Синода по судебному отдѣленію“ [1]). Отдѣльно и особо отъ мнѣній другихъ консисторій смотритъ на предметъ то мнѣніе, которое предлагаетъ вмѣсто проектируемыхъ многихъ окружныхъ судовъ по провинціямъ, учредить одинъ общій судъ въ С.-Петербургѣ съ особыми отдѣленіями. Сущность этого мнѣнія заключается въ слѣдующемъ. Представляя открытіе духовно-окружныхъ судовъ одного на нѣсколько епархій выгоднымъ и удобнымъ только для духовенства той епархіи, гдѣ этотъ судъ будетъ находиться, обременительнымъ, неудобнымъ и далекимъ для духовенства другихъ епархій, входящихъ въ кругъ сего суда, и находя самыхъ членовъ такого суда, какъ лицъ избираемыхъ отъ епархій, по юридической неподготовленности и юридической неопытности мало надежными для защиты интересовъ ихъ избирателей при другихъ неудобствахъ, мнѣніе предлагаетъ „учредить высшую инстанцію суда, подъ предсѣдательствомъ архіерея въ С.-Петербургѣ, съ столькими отдѣленіями, сколько нужно по числу дѣлъ и по потребностямъ епархій. Отдѣленія эти могутъ именоваться различно, напр. отдѣленіе кіевское и соединенныхъ съ нею епархій, казанское, литовское и пр. Правда, для большей части лицъ, ищущихъ суда или имѣющихъ дѣло въ судѣ, трудно будетъ являться въ Петербургъ, особенно напр. съ Кавказа или изъ Сибири,—но явка въ окружный судъ лицъ, имѣющихъ въ немъ дѣло, не необходима“. Накопленія дѣлъ въ этомъ судѣ нельзя ожидать съ одной стороны по причинѣ его отдаленности, съ другой—бѣдности духовенства,—та и другая не благопріятствуютъ размноженію дѣлъ; за исключеніемъ сего опасенія, всѣ выгоды, говоритъ мнѣніе, на сторонѣ суда, когда бы онъ открытъ былъ въ С.-Петербургѣ. Вотъ эти выгоды: 1) судъ будетъ близокъ къ центру правительственной власти, 2) для него потребуется одинъ предсѣдатель въ архіерейскомъ санѣ; 3) судьи-священнослужители могутъ быть избраны изъ лучшаго с.-петербургскаго духовенства съ желаемыми качествами; 4) судьи эти будутъ производить судъ, не прекращая исполненія своихъ главныхъ обязанностей по приходамъ; 5) денежный расходъ на содержаніе суда и лицъ при немъ, имѣющихъ отправлять правосудіе, сократится до

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. стр. 338—339.

цифры весьма незначительной; 6) свѣтскія лица, нужныя для сего рода, какъ-то: прокуроры и ихъ помощники, дѣлопроизводители, секретари и проч., всегда окажутся такіе, какихъ совсѣмъ нельзя найти въ провинціяхъ, и отношеніе этихъ лицъ къ высшей инстанціи, какъ постоянное и безпрепятственное, будетъ сопровождаться желаемыми результатами для правосудія. Само собою очевидно, прибавляетъ мнѣніе, что при такой постановкѣ суда „послѣдній будетъ награжденъ полнымъ довѣріемъ духовенства всей имперіи, такъ какъ трудно представить причины, почему бы духовенство могло не довѣрять столь высокому судилищу, находящемуся въ самомъ центрѣ духовнаго просвѣщенія и жизненности и имѣющему наилучшую обстановку“. Мнѣніе не останавливается на одномъ этомъ предложеніи, напротивъ, озабочиваясь лучшимъ устройствомъ судебной части по епархіямъ и облегченіемъ духовенства для сношеній съ судомъ центральнымъ, замѣчаетъ: „во-первыхъ, дабы окружный судъ могъ удобнѣе исполнять свои обязанности, полезнымъ представляется учредить въ каждой епархіи, до трехъ разъ въ году, съѣзды духовныхъ судей, на которыхъ возложить рѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ, которыя по проекту отнесены къ окружному суду, но которыя удобнѣе было бы оставить за духовными судьями, такъ чтобы къ вѣдѣнію окружнаго суда относились жалобы и протесты не на единицу судебную, т. е. на каждаго духовнаго судью, но на цѣлый съѣздъ, или составъ судей, и восходили болѣе важныя дѣла, оканчивающіяся низведеніемъ въ причетническую должность и лишеніемъ сана. Таковыхъ дѣлъ бываетъ въ каждой епархіи каждогодно небольшое число, а слѣдовательно можно надѣяться, что столичный судъ не будетъ излишне обремененъ дѣлами; сверхъ того, при серьезности дѣла, онъ станетъ гораздо выше во мнѣніи общества и въ частности самого духовенства имперіи. Во-вторыхъ, „для облегченія духовенства въ сношеніяхъ его съ окружнымъ судомъ признается полезнымъ исходатайствовать предъ высшею властію употребленіе простой бумаги, вмѣсто гербовой, и пересылку протестовъ или жалобъ, чрезъ посредство духовныхъ судей, безъ платежа почтовыхъ пошлинъ“ [1]).

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. стр. 2—7.

Учрежденія судебнаго отдѣленія святѣйшаго Синода и общаго собранія святѣйшаго Синода консисторіи въ своихъ мнѣніяхъ почти не касаются, если не принимать въ соображеніе тѣхъ замѣчаній, по которымъ требуется уравненіе числа членовъ пресвитерскаго сана съ епископами. Нѣкоторыя изъ мнѣній прямо замѣчаютъ, что „относительно судопроизводства въ высшихъ инстанціяхъ духовнаго суда, какія по благоусмотрѣнію святѣйшаго Синода признаны будутъ удобными и полезными въ общихъ видахъ благоустройства духовнаго вѣдомства, консисторія не считаетъ себя вправѣ представлять своего мнѣнія“ [1]).

Къ особенностямъ нѣкоторыхъ мнѣній по этому предмету надо отнести соображенія о необходимости допущенія и въ духовныхъ судахъ кассаціоннаго порядка производства. Одно изъ мнѣній, въ виду справедливости, полагало бы предоставить подсудимымъ священнослужителямъ право, при окончательномъ рѣшеніи о нихъ дѣла въ судебномъ отдѣленіи, приносить отзывы въ кассаціонномъ порядкѣ въ общее собраніе двухъ отдѣленій святѣйшаго Синода, а подсудимымъ низшимъ клирикамъ, при окончательномъ рѣшеніи о нихъ дѣлъ въ епархіальномъ судѣ, приносить жалобы въ кассаціонномъ порядкѣ судебному отдѣленію святѣйшаго Синода [2]). Комитетъ призналъ излишнимъ учрежденіе въ духовномъ вѣдомствѣ кассаціоннаго суда, подобнаго правительствующему сенату. Основаніе для сего комитетъ нашелъ прежде всего въ канонахъ церкви, по коимъ „высшій судъ, пересматривая рѣшеніе суда низшаго, обыкновенно вновь выслушивалъ тоже самое дѣло и такимъ пересмотромъ исправлялъ допущенныя низшимъ судомъ отступленія отъ закона“. За симъ комитетъ принялъ на видъ и практическую сторону дѣла, что возможныя пререканія между духовными и свѣтскими судами попрежнему будутъ разрѣшаться правительствующимъ сенатомъ при участіи духовнаго правительства, что возможныя нарушенія законовъ въ самыхъ духовныхъ судахъ будутъ исправляться при пересмотрѣ дѣла высшимъ судомъ, и что вообще при малочисленности дѣлъ и лицъ подсудныхъ духовному суду не

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. стр. 253.
[2]) Мнѣн. дух. конс. стр. 341—342. 340.

представляется надобности въ учрежденіи особой кассаціонной инстанціи [1]). Мнѣніе консисторіи, настаивая на примѣненіи къ духовному суду кассаціоннаго порядка пересмотра дѣла, и отклоняя соображенія комитета, между прочимъ, говоритъ: „малочисленность вообще дѣлъ и лицъ, подсудныхъ духовнымъ судамъ, говоритъ въ пользу возможности учрежденія кассаціоннаго пересмотра дѣлъ. Такой пересмотръ, не касаясь дѣлъ, вчинаемыхъ въ судебномъ отдѣленіи при святѣйшемъ Синодѣ, и дѣлъ, окончательно разсматриваемыхъ здѣсь по апелляціямъ въ качествѣ второй инстанціи, могъ бы быть допущенъ только относительно дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ въ духовно-окружныхъ судахъ. Дѣла, неокончательно рѣшенныя, могутъ поступать въ судебное отдѣленіе по апелляціямъ, причемъ обсужденіе будетъ касаться и формы судопроизводства... При сословности духовнаго суда, сколько не естественно ожидать наклонности къ усиленію наказаній, и слѣдовательно къ возбужденію жалобъ со стороны осужденныхъ, столь же естественно предполагать обратную наклонность къ излишней снисходительности, а потому и возбужденія кассаціонныхъ протестовъ и жалобъ со стороны обвинительной власти. Но эта самая возможность протестовъ сдѣлаетъ только правосуднѣе взысканія и осмотрительнѣе судопроизводство, и такимъ образомъ уменьшитъ самые случаи вольныхъ или невольныхъ ошибокъ, а съ ними протестовъ и жалобъ. Настаивая на такихъ мотивахъ и въ такомъ объемѣ на кассаціонномъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ въ духовномъ судѣ, мнѣніе прибавляетъ: „для судебнаго отдѣленія при святѣйшемъ Синодѣ по небольшому количеству и рѣдкости возникновенія дѣлъ ему подсудныхъ, въ качествѣ первой инстанціи суда, едва ли окажется обременительнымъ разсмотрѣніе въ особыхъ собраніяхъ, или въ особомъ отдѣленіи кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ, по существу своему несложныхъ, а между тѣмъ на первое, по крайней мѣрѣ время, устраненіе кассаціоннаго порядка обжалованія приговоровъ можетъ оказаться для многихъ случаевъ равнымъ отказу въ правосудіи“ [2]).

---

[1]) Объясн. запис. ч. II, стр. 1617.
[2]) Мнѣн. дух. конс. т. I, стр. 33—38.

Учрежденіе прокурорскаго надзора при духовныхъ судахъ вызываетъ различныя отношенія и сужденія въ мнѣніяхъ духовныхъ консисторій. Одни изъ этихъ мнѣній проходятъ молчаніемъ и оставляютъ безъ замѣчаній учрежденіе прокурорскаго надзора при духовныхъ судахъ. Другія, обращая на это учрежденіе особое вниманіе, находятъ его неумѣстнымъ, излишнимъ и безполезнымъ нововведеніемъ. Третьи, признавая это учрежденіе имѣющимъ резоны для его существованія, требуютъ болѣе правильной, цѣлесообразной и согласной съ существомъ прокурорской оффиціи постановки. Неумѣстность учрежденія прокурорскаго надзора при духовныхъ судахъ указывается въ его несоотвѣтствіи существу дѣла, каковое несоотвѣтствіе объясняется тѣмъ, что проступки, за которые духовныя лица подвергаются духовному суду, суть проступки по должности, преслѣдованіе коихъ и въ свѣтскомъ законодательствѣ возлагается на начальство виновныхъ, а не на прокуроровъ. Отступать отъ такого порядка вещей въ духовномъ судѣ нѣтъ никакой необходимости къ крайнему униженію духовенства и церковной власти, которой принадлежатъ надзоръ за дисциплиною церкви и преслѣдованіе виновныхъ въ ея нарушеніи [1]). Излишество сего учрежденія видится въ томъ, что духовныя лица, какъ члены гражданскаго общества, по преступленіямъ гражданскимъ состоятъ подъ общимъ прокурорскимъ надзоромъ, а какъ служители алтаря Господня и строители таинъ Божіихъ они находятся подъ наблюденіемъ раздаятелей благодатныхъ даровъ епископовъ. Нуженъ былъ бы подобный институтъ, если бы епархіальные епископы не съ должною строгостію смотрѣли за жизнью и поступками ввѣреннаго имъ духовенства, но они имѣютъ неослабное смотрѣніе за духовенствомъ и не оставляютъ безъ преслѣдованія и наказанія не только важныя преступленія, но и малозначительные проступки противу благоповеденія и исправности по службѣ. Изъ многихъ примѣровъ видно, что епархіальные архіереи въ своихъ приговорахъ о проступкахъ духовныхъ лицъ бываютъ строже, чѣмъ высшая правительственная власть святѣйшаго Синода, который въ большинствѣ случаевъ, при пересмотрѣ поступающихъ къ нему судныхъ дѣлъ,

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. стр. 325—327.

постановляетъ опредѣленія снисходительнѣе рѣшеній епархіальныхъ“. Безполезность прокурорскаго института при духовныхъ судахъ указывается въ томъ, что прокурорами будутъ лица свѣтскаго, а не духовнаго званія, но свѣтское лице едва ли можетъ усвоить себѣ понятіе о сущности проступка священнослужителя или инока, особенно если онъ не получилъ образованія въ духовно-учебномъ заведеніи; равнымъ образомъ и въ наблюденіи за примѣненіемъ закона къ такого рода проступкамъ окажется малополезнымъ лице постороннее съ спеціально-юридическимъ образованіемъ, ибо духовнымъ судьямъ по существу разсматриваемыхъ ими проступковъ необходимы не юридическія, а каноническія свѣдѣнія [1]). Отклоняя на основаніи приведенныхъ соображеній учрежденіе прокурорскаго надзора при духовныхъ судахъ, мнѣнія полагаютъ, что соединяемыя съ прокурорскою оффиціею обязанности, какъ то обвиненіе на судѣ, съ удобствомъ могутъ быть выполнены при разбирательствѣ дѣлъ у духовныхъ судей мѣстнымъ благочиннымъ и лицемъ, принесшимъ жалобу,— а при разсмотрѣніи дѣла на судѣ епархіальномъ—консисторіею въ лицѣ секретаря, которому въ помощь, гдѣ много дѣлъ, можетъ быть назначенъ помощникъ съ содержаніемъ отъ казны [2]). Для того, чтобы при сосредоточеніи обвинительной власти въ консисторіи, не послѣдовало смѣшенія обвинительной власти съ судебною, предлагается епархіальнаго архіерея, которому „въ церкви принадлежитъ положеніе судьи, а не обвинителя“, устранить отъ участія въ возбужденіи дѣлъ и предварительномъ разслѣдованіи оныхъ такъ, чтобы консисторія безъ участія епархіальнаго архіерея назначала и слѣдствія и постановляла опредѣленія о преданіи суду [3]). Мнѣнія, допускающія умѣстность существованія прокурорскаго надзора при духовныхъ судахъ и не усматривающія ничего соблазнительнаго и оскорбительнаго для духовнаго сана въ томъ, что свѣтское лице будетъ обвинителемъ духовнымъ, настаиваютъ на предоставленіи прокурорскому надзору возможно большей, чѣмъ указалъ комитетъ, и полной свободы дѣйствій, особенно въ актѣ разрѣшенія вопроса

---

[1]) Мнѣн. дух. конс. стр. 468—469.
[2]) Тамъ же, стр. 468—469.
[3]) Мнѣн. дух. конс. стр. 327—328.

о преданіи обвиняемыхъ суду и прекращеніи дѣлъ [1]). Объ этихъ заявленіяхъ рѣчь была уже выше.

Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ духовныхъ консисторій, равно и епархіальныхъ преосвященныхъ затронутъ и разсматривается вопросъ о томъ, что комитетъ неправильно и произвольно полагаетъ различіе между проступками духовныхъ лицъ вообще и проступками тѣхъ же духовныхъ лицъ, занимающихъ еще какія либо должности,—и сообразно съ этимъ устанавливаетъ два порядка возбужденія дѣлъ и судопроизводства—общій для проступковъ и преступленій вообще духовныхъ лицъ, и особый для проступковъ и преступленій тѣхъ же лицъ, но по должности духовно-судебной и духовно-административной. Неправильность, неудобства и невыгоды сего такъ изъясняются въ одномъ изъ консисторскихъ мнѣній: „Если бы комитетъ не составилъ себѣ ошибочнаго понятія о духовенствѣ на столько служебномъ, что въ немъ начальственному надзору подлежитъ не только служебная дѣятельность, но и самая жизнь служащихъ лицъ, и примѣнилъ бы къ сему по преимуществу особому вѣдомству особый порядокъ судопроизводства, какой принятъ для вѣдомства военно-сухопутнаго и морского, то въ духовномъ вѣдомствѣ установился бы слѣдующій порядокъ, существующій въ помянутыхъ вѣдомствахъ: а) не всѣ преступленія и проступки сдавались бы въ судъ, а только важнѣйшіе изъ нихъ, проступки же маловажные подлежали бы взысканіямъ въ административномъ порядкѣ; б) судебные чины, въ силу начала отдѣленія административной власти отъ судебной, не вмѣшивались бы въ дѣла административныя, а судъ и прокурорскій надзоръ не возбуждали бы собственною властію никакихъ дѣлъ по нарушенію духовными лицами обязанностей службы и званія; в) всѣ донесенія и сообщенія о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ, а также просьбы о вознагражденіи за вредъ и убытки, ими причиненные, обращались бы къ ихъ начальству, и тѣ только обвиненія подлежали бы судебному преслѣдованію, которыя признаны таковыми отъ начальства обвиняемыхъ лицъ и отъ него переданы въ судъ; по той же

---

[1]) Тамъ же, стр. 20—21.

причинѣ предварительныя слѣдствія по дѣламъ сего рода, когда въ нихъ встрѣчается надобность, вчинались бы не иначе, какъ по распоряженію начальства обвиняемыхъ, производились бы довѣренными отъ него лицами и подъ его надзоромъ и представлялись бы тому же начальству на его постановленіе о преданіи суду, или о разрѣшеніи дѣлъ въ административномъ порядкѣ. Ясно, что при такомъ порядкѣ судебнаго преслѣдованія административное начальство сохранило бы въ достаточной мѣрѣ власть надъ подчиненными, чтобы поддерживать порядокъ и исправность въ службѣ, а служащіе могли бы быть свободны какъ отъ обвиненій несправедливыхъ, не имѣющихъ основанія въ служебной ихъ дѣятельности, такъ и отъ вмѣшательства посторонней власти въ кругъ этой дѣятельности. Напротивъ при дѣйствіи общаго порядка производства всѣ священники, діаконы и церковнослужители призываются къ отвѣтственности и суду мимо своего епархіальнаго начальства. Исключеніе будетъ только для тѣхъ, не многихъ лицъ въ епархіи, которыя признаны должностными“ [1]).

Любопытно взглянуть на тѣ основанія, по которымъ комитетъ допустилъ такое раздѣленіе между лицами духовнаго сана и ихъ проступками и преступленіями. Изъ справокъ съ мемуарами комитета оказывается, что онъ остановился на принятомъ рѣшеніи послѣ продолжительныхъ преній двухъ состязавшихся мнѣній по вопросамъ: 1) духовныя лица суть ли должностныя въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаются дѣйствительно должностныя лица свѣтскихъ званій, и преступныя дѣянія духовныхъ лицъ вообще, подсудныя духовному суду, должно ли считать проступками противъ должности въ тѣсномъ смыслѣ, и 2) должны ли къ преслѣдованію этихъ лицъ по всѣмъ преступленіямъ быть приложены правила, которыми по судебнымъ уставамъ руководствуются на судѣ по преступленіямъ должностей? Въ разъясненіе рѣшеній этихъ вопросовъ сторонники одного мнѣнія выражали: „въ русскомъ законодательствѣ какъ церковномъ, такъ и государственномъ священно-и церковнослужители признаются лицами, состоящими не только въ административномъ

[1]) Мнѣн. дух. конс. стр. 483—485; ср. стр. 90 — 104. Мнѣн. епарх. арх. т. II, стр. 212—215. 298—299.

подчиненіи духовному начальству, но и въ положеніи служебномъ, тождественномъ съ положеніемъ должностныхъ лицъ свѣтскаго вѣдомства; кромѣ обязанностей нравственныхъ и общегражданскихъ, они исправляютъ еще особыя, свойственныя имъ, какъ лицамъ, состоящимъ на служеніи церкви обязанности, опредѣляющіяся въ церковныхъ правилахъ и государственныхъ постановленіяхъ (ст. 1017 уст. угол. суд. ст. 1560 и 1581 т. IX зак. сост.) и составляющія спеціальный родъ службы, извѣстный подъ именемъ духовной или церковной. Изъ числа этихъ духовно-служебныхъ обязанностей однѣ чисто духовнаго свойства и касаются ученія вѣры, совершенія таинствъ и христіанскаго богослуженія,— другія наоборотъ имѣютъ гражданскій характеръ, однородный съ обязанностями службы государственной, каковы вообще обязанности относительно храненія и расходованія церковныхъ суммъ, свидѣтельствованія и веденія приходорасходныхъ книгъ и т. д. Ко всѣмъ этимъ обязанностямъ и на мѣста службы священно и церковнослужители опредѣляются тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ въ законѣ къ опредѣленію лицъ на службу государственную... О службѣ этихъ лицъ ведутся послужные списки у ихъ начальства; за безпорочную выслугу установленныхъ сроковъ они получаютъ пенсіи, а за отлично усердную службу удостоиваются наградъ... Все это заставляетъ признать священноцерковнослужителей должностными лицами, наравнѣ съ прочими чиновниками духовнаго вѣдомства, и преступленія ихъ противъ обязанностей духовной или церковной службы отнести къ числу преступленій противъ должности—должностныхъ". Сторонники другого мнѣнія, настаивая на необходимости въ составѣ духовныхъ лицъ различать вообще духовныхъ лицъ и въ частности между ними должностныхъ, изъясняли: „лица духовнаго сана отличествуютъ отъ собственно должностныхъ лицъ духовнаго вѣдомства тѣмъ, что первые возложеннымъ на нихъ званіемъ, правами и обязанностями служатъ обществу церкви, удовлетворяя ему въ его духовныхъ нуждахъ, способствуя ему въ отношеніяхъ къ вѣрѣ и благодати церкви,—въ то время какъ собственно должностныя лица имѣютъ другое назначеніе въ церкви: своими обязанностями они отвѣтствуютъ за внѣшнее благоустройство церкви. Лица духовнаго

сана вообще являются представителями духовной, благодатной, божественной стороны церкви, при отсутствіи ихъ церковь утрачиваетъ признаки божественнаго установленія на землѣ; соотвѣтственно сему собственно должностыя лица въ церкви являются оффиціальными исполнителями порученій власти и отъ отсутствія ихъ церковь не утрачиваетъ внутренняго духовнаго характера. Первыя дѣйствуютъ въ церкви по силѣ особаго благодатнаго поставленія (χειροτονίας), низводящаго на нихъ тайнодѣйственныя дарованія,—послѣднія на основаніи начальственнаго полномочія, свидѣтельствующаго о довѣріи къ нимъ власти; первыя различаются по степенямъ,—послѣднія—по важности занимаемыхъ ими должностей, существенное различіе между ними не въ названіи только, а въ существѣ отправляемыхъ обязанностей. Къ такому различію поименованныхъ лицъ приводятъ самыя правила церкви, которыя прямо раздѣляютъ духовныхъ лицъ на два порядка, относя къ первому епископа, хорепископа, пресвитера, діакона и вообще лицъ, числящихся въ клирѣ,—ко второму—эконома, экдика и вообще лицъ, имѣющихъ при духовномъ званіи какую либо должность. Въ отношеніи къ первымъ правила церкви выражаются, что они рукополагаются (χειροτονήσει), т. е. получаютъ особыя благодатныя дарованія для служенія въ церкви, въ отношеніи къ послѣднимъ употребляютъ выраженія, что они производятся (προβάλλοιτο), которымъ обозначается начальственное утвержденіе извѣстнаго лица въ церковной должности [1]). Зонара, раскрывая смыслъ этого правила, говоритъ: „настоящее правило перечисляетъ тѣхъ, которые рукополагаются, и тѣхъ, которые производятся“ [2]). Седьмое правило трульскаго собора, отличая церковныя должности отъ степеней священства, не только поставляетъ первыя ниже послѣднихъ, но и показываетъ, что должности имѣютъ совершенно другое назначеніе въ церкви, чѣмъ степени священнаго сана,—первыя вообще бываютъ отличіями временными, случайными. На основаніи такихъ признаковъ должностныя лица въ духовномъ вѣдомствѣ должны быть отличаемы отъ лицъ, имѣющихъ только духовный санъ. Со-

---

[1]) IV всел. собор. пр. 2.
[2]) Συνταγμ. τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανονων. Т. II, σελ. 218—219.

отвѣтственно сему и проступки духовныхъ лицъ вообще, по справедливости, могутъ быть названы преступленіями церковными, допущенными въ противность духовному сану и нарушающими права и обязанности іерархическаго служенія. Наоборотъ, проступки должностныхъ духовныхъ лицъ, учиняемые противъ ихъ должности, суть опущенія противъ порядка и исправности въ исполненіи порученія начальства. Поэтому тѣ и другіе проступки должны быть различаемы и въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ можетъ и долженъ быть примѣненъ различный порядокъ возбужденія дѣлъ [1]).

Изъ изложеннаго видно, что комитетъ въ основаніе раздѣленія духовныхъ лицъ на два порядка принялъ то, что въ составѣ духовныхъ лицъ, одни исключительно исполняютъ духовныя обязанности,—другія сверхъ сихъ обязанностей несутъ особыя по порученію отъ начальства должности, а потому тѣ и другія лица находятся въ различномъ, такъ сказать двоякомъ отношеніи къ начальству и отвѣтственности передъ нимъ. Равнымъ образомъ и проступки тѣхъ и другихъ лицъ получаютъ различное значеніе: свойственные вообще духовнымъ лицамъ проступки представляютъ группу нарушеній, возникающихъ изъ пренебреженія обязанностями духовнаго сана, званія и служенія, — свойственные въ частности духовнымъ лицамъ, занимающимъ особыя должности, проступки образуютъ преступленія, возникающія изъ нарушеній возложеннаго на нихъ начальствомъ порученія. Перваго рода проступки суть нарушенія, общія всѣмъ духовнымъ лицамъ, а проступки второго рода суть спеціальныя упущенія по извѣстной должности. Поэтому для преслѣдованія перваго рода проступковъ, общихъ всѣмъ духовнымъ лицамъ, комитетъ примѣнилъ общій порядокъ,—для отвѣтственности же за спеціальныя преступленія по должности принялъ особый порядокъ судопроизводства. Для характеристики высказываемыхъ противъ сего возраженій, полезно привести слѣдующее разсужденіе. „Церковною должностію называется, по опредѣленію канонистовъ, право и власть совершать какое либо опредѣленнымъ образомъ указанное служеніе въ церкви. Большая часть церковныхъ должностей касаются совершенія священнослуженія, одни изъ этихъ

[1]) См. подр. объясн. запис. ч. III, стр. 53—73.

должностей называются священнослужительскими, другія церковно-служительскими. Лицъ духовнаго сана, имѣющихъ только званія, степени священнаго сана безъ связанной съ ними опредѣленной должности, не существуетъ и не можетъ существовать по 6 правилу IV всел. собор., которымъ постановлено: „рѣшительно никого ни въ пресвитера, ни во діакона, ниже въ какую степень церковнаго чина не рукополагать иначе, какъ съ назначеніемъ рукополагаемаго именно къ церкви градской, или сельской, или къ мученическому храму или къ монастырю“, т. е. рукополагать не иначе, какъ съ назначеніемъ рукополагаемому опредѣленной должности, должностной дѣятельности. О рукополагаемыхъ же безъ точнаго назначенія (ἁπλυτῶς, ἀπολελυμένως, absolute, т. е. на правахъ свободно священствующаго, безъ опредѣленнаго назначенія должности, или должностной служебной дѣятельности) святый соборъ опредѣлилъ: поставленіе ихъ почитать недѣйствительнымъ и послѣ не допускать ихъ до служенія къ посрамленію поставившихъ ихъ“ [1]).

Нѣкоторыя изъ мнѣній вмѣсто составленнаго комитетомъ проекта духовно-судебной реформы признаютъ удовлетворяющимъ цѣли и согласнымъ съ церковными канонами особый проектъ книги „Предполагаемая реформа церковнаго суда“. По отзыву мнѣній, этотъ проектъ, въ противность проекту комитета, составленъ на основаніи противоложнаго принятому комитетомъ принципа, защищаемаго членомъ комитета А. Ѳ. Лавровымъ и вполнѣ раздѣляемаго мнѣніями [2]). Заявленіе это требуетъ того, чтобы на немъ остановиться, такъ какъ сочувствіе особому проекту книги „Предполагаемая реформа церковнаго суда“ вообще предносится въ мнѣніяхъ, изъ которыхъ многія можно признать составленными подъ вліяніемъ означенной книги. Но какъ эта книга, по засвидѣтельствованію ея издателя, принадлежитъ перу бывшаго члена комитета А. Ѳ.

---

[1]) Мнѣн. епарх. арх. т. II, стр. 214—215. Приведенное разсужденіе едва ли достигло цѣли. Оно не доказало тождественности наименованій и служенія степеней священства съ названіями и обязанностями должностей, исполняемыхъ духовными лицами по порученію начальства, въ то время, какъ этой тождественности противятся и каноны церкви и толкованіе на нихъ законовѣдовъ. См. пр. 7 всел. собор. VI толк. на него и по 17 апост. прав.

[2]) Мн. епарх. арх. т. I, 301—302.

Лаврова, такъ и особый проектъ этой книги надо признать произведеніемъ того же лица.

Къ особенностямъ этого проекта, при сравненіи его съ предложеннымъ комитету вначалѣ тѣмъ же А. Ѳ. Лавровымъ проектомъ, надо отнести то, что въ особомъ проектѣ нѣтъ уже предположеній ни о почетныхъ духовныхъ судьяхъ, ни объ ихъ собраніяхъ для разсмотрѣнія жалобъ на приговоры и рѣшенія дѣйствительныхъ духовныхъ судей, ни о дополнительныхъ судьяхъ въ епархіальныхъ судахъ,—самое право выбора судей значительно ограничено и стѣснено относительно состава избирателей. Существенная отличительная черта особаго проекта заключается въ организаціи обвинительной власти. Въ епархіальныхъ судахъ эта власть предоставляется духовнымъ консисторіямъ, благочиннымъ и частнымъ лицамъ,—въ судебномъ отдѣленіи святѣйшаго Синода и въ соборѣ—святѣйшему правительствующему Синоду и частнымъ лицамъ. Въ опредѣленныхъ случаяхъ и мѣрѣ къ участію въ обвинительной власти приглашаются синодальныя конторы и главные священники гвардіи и гренадеръ, арміи и флота, которыхъ замѣняетъ нынѣ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства. Распредѣляя отдѣльныя функціи обвинительной власти, особый проектъ предварительныя слѣдствія о духовныхъ лицахъ допускаетъ возбуждать не иначе какъ по предписаніямъ духовной консисторіи, или святѣйшаго правительствующаго Синода, причемъ въ консисторію о возбужденіи слѣдствій относятся и синодальныя конторы и главные священники о лицахъ, состоящихъ въ ихъ вѣдомствѣ, подсудныхъ епархіальнымъ судамъ. Распоряженія духовной консисторіи о предварительномъ слѣдствіи не восходятъ на разсмотрѣніе и утвержденіе архіерея, который предсѣдательствуетъ въ судѣ. Получивъ слѣдственное дѣло, консисторія, по обозрѣніи онаго, постановляетъ заключеніе или о прекращеніи дѣла, или объ измѣненіи подсудности, или о преданіи обвиняемаго суду и предлагаетъ оныя для дальнѣйшаго движенія епархіальному суду, куда вносятся консисторіею и обвинительные акты о преданіи суду. Указанныя дѣйствія консисторіи также не восходятъ на разсмотрѣніе и утвержденіе архіерея, имѣющаго предсѣдательствовать въ судѣ. Въ дѣлахъ

о состоящихъ въ вѣдомствѣ синодальныхъ конторъ и главныхъ священниковъ духовныхъ лицахъ, подсудныхъ епархіальному суду, право преданія суду принадлежитъ синодальнымъ конторамъ и главнымъ священникамъ. По дѣламъ о лицахъ, подлежащихъ судебному отдѣленію святѣйшаго Синода, право преданія суду принадлежитъ святѣйшему правительствующему Синоду, а по дѣламъ подсуднымъ собору право преданія суду принадлежитъ части членовъ святѣйшаго правительствующаго Синода и судебнаго отдѣленія Синода, которые затѣмъ уже не входятъ въ составъ судебнаго по этому дѣлу засѣданія. Въ исполненіи обязанностей обвиненія передъ судомъ духовная консисторія дѣйствуетъ чрезъ своего секретаря, а святѣйшій правительствующій Синодъ пользуется содѣйствіемъ оберъ-прокурора и подвѣдомыхъ ему чиновъ. По дѣламъ, разсматриваемымъ въ епархіальномъ судѣ подъ предсѣдательствомъ архіерея, рѣшающую силу имѣетъ голосъ предсѣдателя [1]).

Отмѣченныя особенности проекта, выдѣляя его изъ массы предначертаній, предложенныхъ въ мнѣніяхъ епархіальныхъ архіереевъ и духовныхъ консисторій, отличаютъ и отъ проекта комитета тѣмъ, что разсматриваемый проектъ повидимому вооружается противъ свѣтскаго прокурорскаго надзора при духовныхъ судахъ, въ дѣйствительности же облзываетъ консисторію дѣйствовать въ поддержаніи обвиненій чрезъ секретарей, а святѣйшій Синодъ обращаться къ содѣйствію оберъ-прокурора и подвѣдомыхъ ему чиновъ, очевидно выражая тѣмъ признаніе необходимости свѣтскихъ, а не духовныхъ обвинителей на духовномъ судѣ, дѣйствующихъ подъ начальствомъ оберъ-прокурора святѣйшаго Синода. Равнымъ образомъ и власть епархіальнаго архіерея, въ видахъ соблюденія авторитета которой и написана самая книга „Предполагаемая реформа церковнаго суда“, то уничижается чрезъ устраненіе ея отъ начальныхъ судебныхъ дѣйствій, каковы акты возбужденія судебнаго преслѣдованія и преданія суду, то возвышается до совершеннаго уничтоженія суда, чрезъ предоставленіе епархіальному архіерею крава рѣшающаго голоса въ епархіальныхъ судахъ. По поводу су-

---

[1]) Предпол. рефор. церк. суд. В. 11 § 44 стр. 337 § 67—69 стр. 339—340 § 78—86 стр. 341 § 92 стр. 342 § 99.

щественнаго предположенія, отличающаго эти проекты, не безъинтересно привести мнѣніе одной изъ консисторій, которое гласитъ: „главный затруднительный вопросъ, по которому бы новый проектъ не выдержалъ критики—это вопросъ о выдѣленіи судебныхъ дѣлъ и разбирательства ихъ изъ подъ власти епархіальнаго архіерея. Но поступаясь нѣкоторою властію въ этомъ вопросѣ, епархіальный архіерей въ тоже время выигрывалъ бы болѣе свободнаго времени на выполненіе прямой и существенной своей обязанности—учить и наставлять своихъ пасомыхъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія, съ большею внимательностію слѣдить за пастырями въ дѣлѣ исполненія ихъ долга; въ настоящее время, надо полагать, и сами епархіальные архіереи тяготятся рѣшеніемъ и разбирательствомъ дѣлъ судебныхъ, отнимающихъ не мало времени, которое могло бы употребляться съ большею пользою на благо своей паствы. При этомъ епархіальному архіерею, лицу монашествующему, приходится встрѣчаться съ такими проявленіями злой воли человѣческой, на которыя и лицу свѣтскому, безъ оскорбленія нравственнаго чувства, наталкиваться неудобно; особенно это должно сказать о дѣлахъ, по коимъ полагается наложеніе церковныхъ покаяній [1]).

Особый проектъ книги „Предполагаемая реформа церковнаго суда“ содержитъ отдѣльную главу о судопроизводствѣ непосредственно архіерейскомъ. По дѣламъ сего рода епархіальный архіерей вызываетъ къ себѣ обвиняемаго, испытываетъ его совѣсть и отпускаетъ на мѣсто, или съ пастырскимъ вразумленіемъ, или налагаетъ приличную епитимію, которую виновный проходитъ или на мѣстѣ службы или въ архіерейскомъ домѣ до двухъ недѣль. Это судопроизводство совершается не публично, и привлекаемый къ нему за проступокъ должности и благоповеденія можетъ, предварительно суда архіерейскаго, просить себѣ суда формальнаго. На приговоры сего рода жалобъ не допускается, и случаи судимости не вносятся въ послужные списки [2]). Настоящія постановленія о судопроизводствѣ непосредственно архіерейскомъ представляютъ видоизмѣненіе ст. 155 уст. дух. конс. о судопроизводствѣ непосред-

[1]) Мн. дух. конс. т. I, стр. 343.
[2]) Предпол. рефор. церк. суд. В. 11, стр. 333—334. §§ 58—61.

ственно архіерейскомъ, къ коему отнесены: а) проступки невѣдѣнія и нечаянности, требующіе исправленія и очищенія совѣсти священнослужительской іерархическимъ дѣйствіемъ архіерея и неудобоподвергаемые гласности и формамъ обыкновеннаго суда, б) вообще проступки противъ должности и благоповеденія, не соединенные съ явнымъ вредомъ и соблазномъ, замѣченные въ священнослужителѣ, котораго прежнее поведеніе было неукоризненно, в) жалобы, приносимыя именно съ тѣмъ, чтобы неправильно поступившаго исправить архипастырскимъ судомъ и наказаніемъ безъ формальнаго дѣлопроизводства. Эти же самые проступки и особый проектъ относитъ къ суду непосредственно архіерейскому [1]).

Проектъ комитета не содержитъ правилъ о судопроизводствѣ непосредственно архіерейскомъ, но онъ перечисляетъ наказанія, которыя могутъ быть налагаемы безъ суда подлежащими духовно-административными властями. Къ этимъ наказаніямъ относятся: замѣчанія, выговоры, безъ внесенія въ послужной списокъ и временное испытаніе въ архіерейскомъ домѣ до двухъ недѣль [2]). Настоящее постановленіе проектировано комитетомъ взамѣнъ ст. 155 уст. дух. конс. о непосредственномъ архіерейскомъ судопроизводствѣ, съ одной стороны потому, что статья устава признана изложенною неопредѣленно такъ, что можетъ подавать поводъ къ недоразумѣніямъ, съ другой потому, что комитетъ нашелъ достаточнымъ удержать мысль статьи устава, не воспроизводя ея буквальнаго изложенія. Комитетъ вообще на основаніи началъ отдѣленія судебной власти отъ административной, призналъ необходимымъ, примѣнительно къ статьѣ устава дух. конс. о непосредственно архіерейскомъ судопроизводствѣ, и въ видахъ сохраненія прерогативъ административной власти, предоставить непосредственному усмотрѣнію этой власти безъ суда налагать извѣстныя взысканія, ограничивъ оныя, въ виду исключительности положенія духовныхъ лицъ, самыми низшими степенями [3]).

Одно изъ мнѣній епархіальныхъ архіереевъ, осуждая комитетъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 330, § 53.
[2]) Проект. ст. 58 пр. 2.
[3]) См. объясн. запис. ч. III, стр. 33—34.

за отмѣну статьи устава дух. конс. о непосредственно архіерейскомъ судопроизводствѣ, требуетъ не только сохраненія, но и расширенія дѣйствій архипастырскаго суда. Сущность, объемъ и порядокъ дѣйствій этого суда мнѣніе изъясняетъ такимъ образомъ: „нынѣ по консисторскому уставу архіерей, дѣйствуя властію сего суда, можетъ поручить довѣренному священнослужителю произвести негласное дознаніе о лицѣ, подлежащемъ сему суду; засимъ, вызвавъ обвиняемаго къ себѣ, испытывать его совѣсть и, смотря по проступкамъ и по признакамъ раскаянія, отпускать на мѣсто съ пастырскимъ вразумленіемъ, или притомъ наложить и епитимію на мѣстѣ или въ архіерейскомъ домѣ до 2 недѣль. Въ епархіяхъ, расположенныхъ на большихъ пространствахъ, архіерей можетъ поручить вразумленіе обвиняемаго довѣреннымъ духовнымъ лицамъ. Признавая необходимымъ сохранить все сіе и на будущее время, мнѣніе сверхъ того находитъ желательнымъ и полезнымъ расширить кругъ дѣйствія сего суда въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ. Этотъ судъ могъ бы дѣйствовать въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ не только вмѣсто и взамѣнъ формальнаго суда, но совмѣстно съ нимъ и послѣ него. По формальному суду духовное лице можетъ быть оправдано. Но это еще не значитъ, чтобы послѣ сего и для совѣсти его не было нужды въ очищеніи и умиротвореніи чрезъ судъ непосредственно архіерейскій. Клирикъ, враждующій противъ другого и причинившій ему оскорбленіе, можетъ остаться необвиненнымъ по формальному суду за недостаткомъ ясныхъ противъ него уликъ и доказательствъ. Но не долженъ бы таковой оставаться безъ очищенія совѣсти и особенно не долженъ бы приступать къ совершенію божественной службы, не примирившись съ ближнимъ. И это умиреніе, какъ внутреннее дѣйствіе очищенія совѣсти священнослужителя, по мнѣнію, могло бы быть достигаемо судомъ духовника и, въ случаѣ безуспѣшности его, архипастырскимъ непосредственнымъ судомъ. Наши времена конечно значительно удалились отъ древней искренности, простоты и прямоты христіанскихъ отношеній и намѣреній. Но должно ли еще болѣе удаляться отъ этихъ прекрасныхъ отличительныхъ свойствъ древности въ область чисто и всецѣло внѣшнюю, или же напротивъ

должно по возможности стремиться къ возвращенію сихъ святыхъ свойствъ въ наши нынѣшнія церковныя отношенія? Очевидно, что должно стремиться къ послѣднему и не превращать церковь въ чисто внѣшнее обыкновенное чиновническое учрежденіе, а служителей ея въ церковныхъ чиновниковъ во всемъ подобныхъ чиновникамъ государственной службы и отличаемыхъ только—мундиромъ другого покроя. Предетавляется возможнымъ и обѣщающимъ благія послѣдствія, чтобы сему архипастырскому суду подчинены были всѣ проступки, или лучше сказать всѣ грѣхи духовныхъ лицъ противъ благоповеденія и всякое нарушеніе благоговѣнія во время отправленія богослуженія, а затѣмъ всѣ проступки духовныхъ лицъ противъ должности, за исключеніемъ, разумѣется, подсудныхъ свѣтскому суду, должны подлежать духовному суду. Проступки или грѣхи перваго рода, т. е. противъ благоповеденія и противъ благочинія, формальному духовному суду должны подлежать только тогда, когда обвиняемые будутъ преданы сему суду самимъ архіереемъ или не захотятъ подвергнуться архипастырскому суду. Органъ сего суда, какъ само-собою разумѣется, есть епархіальный архіерей. Ему, какъ дух. начальнику всѣхъ клириковъ, должна принадлежать и этого рода власть. Но при обширности нашихъ епархій и при многочисленности духовныхъ лицъ каждой епархіи, было бы весьма затруднительно и для архіерея и для духовныхъ лицъ, если бы всѣ дѣла сего рода положено было разсматривать непосредственно и лично самому архіерею въ качествѣ единственнаго духовнаго судьи въ епархіи. Естественными помощниками епархіальнаго архіерея въ производствѣ сего духовнаго суда представляются общіе духовники духовныхъ лицъ, а въ случаѣ надобности и другіе священники, получившіе на то полномочіе отъ архіерея. Судъ этотъ долженъ быть судъ не власти, а исключительно совѣсти, судъ тайный и отнюдь не гласный, не требующій ни свидѣтелей, ни уликъ, по крайней мѣрѣ большею частію. Взысканія за проступки сего рода, т. е. за проступки противъ благоповеденія и благоговѣнія въ церкви, не могутъ быть карательныя, но только внушенія, замѣчанія и выговоры. Само собою разумѣется, что меньшіе и тайные проступки подвергаются тайнымъ епитиміямъ, а большіе и

явные—явнымъ. За малые или тайные проступки и грѣхи могутъ налагать епитиміи и духовники своею властію, а за явные не иначе, какъ только архіерей. Границею епитимій можно полагать клиросное послушаніе въ монастырѣ, а въ важныхъ случаяхъ запрещеніе священнослуженія. Соединяя изложенныя соображенія, мнѣніе формулируетъ слѣдующія положенія. „Сему суду должны подлежать всѣ духовныя лица епархіи по проступкамъ невѣдѣнія и нечаянности (ст. 155 уст. дух. конс.) и по проступкамъ противъ благоповеденія и благочинія. Проступки нечаянности и невѣдѣнія архипастырскому суду подлежатъ во всѣхъ случаяхъ, а проступки противъ благоповеденія и благочинія только въ тѣхъ ихъ видахъ и степеняхъ, когда не влекутъ за собою тяжкихъ церковныхъ наказаній, каковы перемѣщеніе священнослужителя съ одного мѣста на другое, запрещеніе священнослуженія на долгое время, удаленіе отъ мѣста и прочія болѣе тяжкія наказанія. Образъ производства сего суда состоитъ въ личномъ и негласномъ испытаніи архіереемъ совѣсти духовнаго лица. Производство сего рода епархіальный архіерей можетъ поручать общимъ духовникамъ духовныхъ лицъ, или довѣреннымъ священникамъ. Послѣдствіями сего суда могутъ быть внушенія, замѣчаніе и выговоръ, поклоны наединѣ или въ церкви, клиросное или другое послушаніе въ архіерейскомъ домѣ, монастырѣ или соборной церкви, а въ важныхъ и тайныхъ случаяхъ запрещеніе священнослуженія. На приговоры архіерея, полагаемые въ порядкѣ сего суда, жалобы не допускаются, и таковые случаи не вносятся въ послужные списки. Привлекаемый къ непосредственному архіерейскому суду по дѣлу о проступкѣ противъ благоповеденія или благочинія, прежде сего суда и вмѣсто сего суда, можетъ просить себѣ суда формальнаго“ [1]). Другія мнѣнія указываютъ только нѣкоторыя неясности въ проектированномъ комитетомъ правилѣ о наложеніи духовно-административными властями наказаній [2]), и при этомъ одно изъ мнѣній подробнѣе другихъ разсуждаетъ: „въ проектѣ не объяснено, въ какихъ именно случаяхъ можетъ имѣть примѣненіе оставляемое духовному начальству право налагать на подчи-

[1]) Мнѣн. епарх. арх. т. I, стр. 85—89.
[2]) Тамъ же, стр. 26. 109. 203—204.

ненныхъ взысканія. Если эти же самыя взысканія имѣетъ право налагать и духовный судья, только подъ другимъ именемъ—подъ именемъ наказаній, то сами собою возможны будутъ и недоразумѣнія какъ для духовнаго начальства, такъ и для духовныхъ судей, именно возможно будетъ для духовнаго лица за какой нибудь проступокъ или вовсе остаться безъ наказанія, или получить наказаніе дважды, когда между начальствомъ и судьею не состоится предварительнаго соглашенія о томъ, кто изъ нихъ возьметъ на себя трудъ разъяснить обстоятельства даннаго проступка, сужденіе объ его важности, наложеніе взысканія или наказанія и наблюденія за исполненіемъ его рѣшенія“ [1]).

При разработкѣ проекта предполагавшагося преобразованія духовнаго суда возбуждался вопросъ о возстановленіи соборнаго начала въ церковномъ управленіи русской церкви. Въ особомъ проектѣ книги „предполагаемая реформа церковнаго суда“ изложены предуказанія на установленіе соборнаго суда въ русской церкви, въ качествѣ высшей судебной инстанціи, для разсмотрѣнія дѣлъ по жалобамъ на приговоры судебнаго отдѣленія святѣйшаго Синода, постановленные послѣднимъ въ качествѣ первой инстанціи, и для суда надъ членами и присутствующими святѣйшаго Синода. Такимъ соборнымъ судомъ въ проектѣ представляется „общее собраніе членовъ Правительствующаго Синода и суднаго онаго отдѣленія“ съ присоединеніемъ опредѣленнаго числа епархіальныхъ архіереевъ по очереди. Такое собраніе именуется „соборомъ“, въ немъ предсѣдательствуетъ первенствующій членъ святѣйшаго Синода [2]). Въ проектѣ, который былъ предложенъ комитету его членомъ А. Ѳ. Лавровымъ, мысль о соборѣ была выражена съ большею настойчивостію, ясностію и опредѣленностію. Въ своемъ докладѣ референтъ привелъ не только основные мотивы этой мысли, но и полное ея развитіе. Выходя изъ положенія, что въ настоящее время святѣйшій Синодъ есть послѣдняя и высшая инстанція церковнаго суда для всей русской церкви, ре-

---

[1]) Мнѣн. епарх. арх. т. I, стр. 403.

[2]) Предпол. реформ. цер. суд. Вып. II, стр. 320, § 26—27; ср. стр. 308, § 3—4, стр. 333, § 57.

ферентъ развивалъ: „опытъ послѣдняго времени свидѣтельствуетъ, что были недовольствующіеся судомъ святѣйшаго Синода, подавали просьбы на Высочайшее Имя. Просьбы эти изъ коммиссіи прошеній препровождаются въ святѣйшій Синодъ, который и подвергаетъ дѣло новому разсмотрѣнію, т. е. судитъ самого себя, потому что иного исхода изъ этого положенія нѣтъ“. Нынѣ, при общемъ пересмотрѣ началъ церковнаго судоустройства, не излишнимъ представляется вопросъ и о томъ: „не было ли бы признано полезнымъ, для устраненія вышеуказанной аномаліи, въ случаяхъ жалобъ на судъ святѣйшаго Синода составлять одинъ разъ въ году соединенное присутствіе Правительствующаго и суднаго отдѣленій святѣйшаго Синода, съ приглашеніемъ еще 12 архіереевъ, по особому, установленному для сего, порядку, и именовать такое присутствіе соборомъ?“ Съ утвердительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, продолжалъ референтъ, и съ принятіемъ этой мысли „осуществилось бы правило древней церкви о пересмотрѣ рѣшеній меньшихъ соборовъ большими и о присоединеніи въ такомъ случаѣ къ прежнимъ судьямъ новыхъ“. Кромѣ сего святѣйшій Синодъ въ вышеуказанномъ составѣ, усиливаемомъ приглашеніемъ архіереевъ, или соборъ и по необходимости долженъ быть второю инстанціею, апелляціонною въ отношеніи къ рѣшеніямъ, постановляемымъ суднымъ отдѣленіемъ Синода въ качествѣ первой инстанціи. Въ такомъ именно качествѣ судное отдѣленіе святѣйшаго Синода будетъ дѣйствовать по жалобамъ на епархіальныхъ архіереевъ, равно и по преступленіямъ епархіальныхъ архіереевъ, открываемымъ другими путями и способами. Рѣшать такія дѣла въ одной инстанціи и не допустить обращенія къ суду бо́льшаго собора было бы и менѣе соотвѣтственно правиламъ и практикѣ древней церкви, вообще допускавшей разсмотрѣніе дѣлъ въ трехъ инстанціяхъ,—и едвали всегда было бы успокоительно для лицъ судимыхъ. Мотивируя свое предложеніе, референтъ обращался за доказательствами и къ параллели, указывая, что „для принятія этого порядка есть основаніе въ практикѣ греческой церкви XIV вѣка, а именно: митрополитъ Кесаріи Каппадокійскій Василій, подвергшись суду патріаршаго собора, обратился съ жалобою противъ патріарха къ имие-

ратору. Императоръ, признавъ жалобу неправильною и себѣ неподсудною, пригласилъ патріарха константинопольскаго, находившагося въ то время въ Никеѣ, созвать прибывшихъ тогда въ Никею архіереевъ, сколько ихъ есть, и пригласить въ Никею патріарха антіохійскаго съ его епископами, для общаго разсмотрѣнія дѣла. Такимъ образомъ составился соединенный судъ двухъ патріаршихъ Синодовъ". Указавъ далѣе на параллель для своего предложенія въ судебныхъ уставахъ, референтъ предложилъ очеркъ дѣятельности собора для уясненія развиваемой мысли. „Въ случаѣ признанія уважительною жалобы, принесенной на рѣшеніе суднаго отдѣленія святѣйшаго Синода, дѣло вновь пересматривается въ соединенномъ составѣ всего святѣйшаго Синода. Для сего одинъ разъ въ теченіе года (именно съ 10 по 25 іюня) московскіе члены святѣйшаго Синода отправляются въ С.-Петербургъ и составляютъ общее присутствіе. Въ слѣдующій годъ с.-петербургскіе члены Синода такимъ же образомъ составляютъ соединенное присутствіе въ Москвѣ. Составъ святѣйшаго Синода кромѣ сего усиливается приглашеніемъ еще 12 призываемыхъ къ сему жребіемъ епархіальныхъ архіереевъ русскихъ, за исключеніемъ сибирскихъ, грузинскихъ, архангельскаго и оренбургскаго, освобождаемыхъ отъ сей обязанности по причинѣ затруднительности путешествія. Призванные къ участію въ одинъ годъ освобождаются отъ сей обязанности въ теченіе слѣдующаго года, и избраніе производится жребіемъ изъ всѣхъ архіереевъ, за исключеніемъ исполнявшихъ сію обязанность въ предшествующемъ году. При чемъ архіереи, имѣющіе званіе членовъ Синода и присутствующіе въ Синодѣ, присутствуютъ въ соборѣ обязательно. Кромѣ епархіальныхъ архіереевъ приглашаются въ соборъ викарные архіереи—мѣстные, мѣстный каѳедральный протоіерей и старѣйшій архимандритъ епархіи. Дѣла, признанныя подлежащими разсмотрѣнію и рѣшенію святѣйшаго Синода въ усиленномъ составѣ, первоприсутствующимъ Синода, не позднѣе мѣсяца предъ открытіемъ засѣданій Синода, т. е. 10 мая, разсылаются къ архіереямъ, имѣющимъ присутствовать въ синодскихъ засѣданіяхъ для приготовленія къ докладу. Докладъ производится устно архіереемъ, приготовляющимъ дѣло къ докладу. При семъ

допускается и чтеніе документовъ, имѣющихъ особую важность въ дѣлѣ. По выслушаніи доклада даетъ заключеніе членъ Синода, исполняющій обязанности наблюденія и обвиненія. Обвиняемый и его защитники могутъ быть допускаемы къ представленію своихъ объясненій, имъ принадлежитъ и послѣднее слово. Соборъ русской церкви рѣшаетъ судныя дѣла въ трояком̀ качествѣ. Во-первыхъ — въ качествѣ первой и единственной инстанціи—дѣла о проступкахъ и преступленіяхъ членовъ Синода во всем̀ъ, что́ касается исполненія ими ихъ синодальныхъ обязанностей. Во-вторыхъ—въ качествѣ второй и послѣдней инстанціи—всѣ дѣла, вчинаемыя въ судномъ отдѣленіи святѣйшаго Синода, какъ 1-й инстанціи—дѣла объ архіереяхъ, членахъ духовнаго суда и совѣта. Въ третьихъ—въ качествѣ третьей инстанціи—въ крайнихъ исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло, уже разсмотрѣнное въ двухъ инстанціяхъ, перешло на судъ Императорскаго Величества. Рѣшенія собора почитаются окончательными и никакому обжалованію не подлежатъ. Если бы признано было, заключалъ референтъ, святѣйшимъ Синодомъ за полезное въ сем̀ъ усиленном̀ъ собраніи обсудить какой-либо церковно-административный вопросъ, то по испрошеніи на сіе Высочайшаго соизволенія, вопросы сіи обсуждаются въ особыхъ, по окончаніи судныхъ, засѣданіяхъ, въ коихъ присутствуетъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго Синода. Сіи засѣданія закрытыя“ [1]).

Мысль объ образованіи собора на вышеизложенныхъ основаніяхъ была высказана комитету, какъ предложеніе образовать высшую судебную инстанцію надъ судным̀ъ отдѣленіем̀ъ святѣйшаго Синода, въ видѣ чрезвычайнаго и экстраординарнаго суда, который дѣйствовалъ бы въ особыхъ, исключительныхъ случаяхъ. Поэтому настоящая мысль и содержавшееся въ ней предложеніе были разсмотрены, взвѣшены и обсуждены комитетом̀ъ только въ виду цѣли предложенія, т. е. со стороны потребности, удобства и пользы осуществленія сего предложенія для дѣлъ судныхъ. Вслѣдствіе сего при обсужденіи цѣли и существа сего предложенія, комитетъ прежде всего задался вопросом̀ъ: нужно ли учреждать сверхъ трехъ проек-

[1]) См. Записку «нѣсколько соображеній объ измѣненіяхъ въ устройствѣ церковнаго суда» стр. 55—59».

тированныхъ инстанцій—духовныхъ судей, духовно-окружныхъ судовъ и судебнаго отдѣленія святѣйшаго Синода,—еще четвертую и послѣднюю инстанцію, и если настоитъ въ этомъ необходимость, то въ какомъ видѣ могла бы быть организована эта инстанція? Въ отвѣтъ на первый изъ сихъ вопросовъ высказано, что дѣла о лицахъ архіерейскаго сана до сихъ поръ составляли и будутъ составлять самое рѣдкое исключеніе, такъ что нѣтъ поводовъ и основаній учреждать новую надъ судебнымъ отдѣленіемъ святѣйшаго Синода высшую инстанцію, въ которой если и можетъ быть какая либо потребность, то самая ограниченная. Притомъ, въ виду уваженія и довѣрія къ синодальному суду, надлежало бы рѣшенія его сдѣлать въ каждомъ случаѣ безъапелляціонными; тѣмъ болѣе, что размноженіе числа инстанцій дѣйствуетъ вообще болѣе вредно, чѣмъ благодѣтельно въ дѣлѣ правосудія. Комитетъ не согласился съ этимъ заключеніемъ въ виду соображеній, что въ настоящее время, по существующему устройству въ русской церкви, лица архіерейскаго сана поставлены въ болѣе стѣсненное положеніе относительно правъ суда, чѣмъ всѣ прочіе священнослужители. Въ то время, какъ послѣдніе, недовольные судомъ епархіальнаго начальства, могутъ возводить свое дѣло до суда святѣйшаго Синода, лицо архіерейскаго сана, сужденное и недовольное судомъ, лишено возможности принести куда либо жалобу, хотя бы и сознавало себя вполнѣ невиннымъ. Подобное положеніе вещей, оказываясь неудовлетворительнымъ съ точки зрѣнія общей справедливости, представляется несообразнымъ съ канонами древней церкви, по правиламъ и практикѣ которой и архіерею было предоставлено право искать суда въ двухъ инстанціяхъ: въ областномъ соборѣ митрополіи и въ большемъ соборѣ архіереевъ нѣсколькихъ митрополій, впослѣдствіи соборѣ патріаршемъ. Посему не только справедливо, но и согласно съ практикою древней церкви, предоставить архіерею право апелляціи на судъ Синода. Что же касается другого вопроса, именно вопроса о томъ, въ какомъ видѣ могла бы быть образована желаемая инстанція, то при обсужденіи его взвѣшены были соображенія и за и противъ предложенія объ образованіи собора изъ соединеннаго присутствія святѣйшаго Синода, съ присоединеніемъ къ

сему составу опредѣленнаго числа епархіальныхъ архіереевъ. Съ одной стороны было сознано, что учрежденіемъ такого собранія было бы дѣйствительно оживлено начало соборности въ нашей русской церкви и отчасти былъ бы возстановленъ порядокъ соборнаго разрѣшенія дѣлъ, имѣвшій мѣсто въ древней церкви. Вмѣстѣ съ симъ воспріяло бы силу и то древне-церковное правило, по которому рѣшенія меньшаго собора должны быть пересматриваемы бо́льшимъ соборомъ. Желательный соборный порядокъ разсмотрѣнія важнѣйшихъ церковно-судныхъ дѣлъ, напр. дѣла о расколахъ и ересяхъ, по обвиненіямъ на архіереевъ, имѣлъ дѣйствительно мѣсто въ древней русской же церкви,—какъ и нынѣ соблюдается въ церквахъ сербской и румынской. Возстановленіе сего порядка принесло бы великую пользу тѣмъ, что благотворно повліяло бы не только на судебную часть, но и на теченіе всѣхъ церковно-правительственныхъ дѣлъ въ русской церкви. При общемъ совѣщаніи іерарховъ русской церкви, эти дѣла получили бы болѣе правильное и внушительное рѣшеніе, бывъ подвергнуты болѣе разностороннему и болѣе полному обсужденію. Съ другой стороны было обращено вниманіе на то, что учрежденіе собора только изъ нѣсколькихъ, приглашаемыхъ по жребію епархіальныхъ архіереевъ, не можетъ дать такому установленію имени собора въ его истинномъ, каноническомъ значеніи; соборъ тѣмъ главнымъ образомъ и отличествуетъ отъ всякаго другого собранія іерарховъ, что въ соборѣ имѣютъ долгъ принимать участіе всѣ наличные епископы, а не нѣкоторые только, и притомъ съ правами равнаго голоса. Учрежденіе предполагаемаго собора на выраженныхъ условіяхъ представляется не совсѣмъ послѣдовательнымъ въ виду того, что святѣйшій Синодъ, по идеѣ его учрежденія, есть также собраніе предстоятелей церкви, приглашаемыхъ для засѣданія. Учрежденіе собора если желательно, то болѣе для дѣлъ не судебнаго, а административнаго характера, для разрѣшенія вопросовъ догматическихъ, законодательныхъ и дисциплинарныхъ, для обсужденія и разрѣшенія коихъ и собирались соборы древней церкви, разсматривавшіе и судныя дѣла (Ап. 37. Ант. 20. 1 всел. 5 и др.). Учрежденіе собора собственно для дѣлъ судебнаго характера, не имѣя достаточныхъ основаній, не

можетъ быть признано и цѣлесообразнымъ, такъ какъ предполагаемый соборъ не можетъ дѣйствовать постоянно и по требованію обстоятельствъ; въ отношеніи же къ суднымъ дѣламъ желательно, чтобы было постоянное учрежденіе, способное во всякое время, по требованію нужды, проявлять свою дѣятельность. Отклонивъ на основаніи изложенныхъ соображеній предложеніе объ учрежденіи повременнаго собора въ русской церкви, на который собирались бы епархіальные архіереи по вызову, комитетъ, для удовлетворенія необходимости имѣть высшую инстанцію, въ которой бы пересматривались дѣла, вчинаемыя въ судебномъ отдѣленіи святѣйшаго Синода, призналъ достаточнымъ образовать таковую инстанцію изъ соединеннаго присутствія обоихъ отдѣленій святѣйшаго Синода, назвавъ оное „Общимъ собраніемъ святѣйшаго Синода“ [1]).

Затронутая комитетомъ мысль объ учрежденіи повременныхъ соборовъ въ русской церкви не осталась незамѣченною со стороны епархіальныхъ преосвященныхъ и духовныхъ консисторій. Въ мнѣніяхъ тѣхъ и другихъ обращается вниманіе на этотъ предметъ и представляется желательнымъ вообще оживить соборное управленіе въ русской церкви и необходимымъ собрать архипастырей даже для обсужденія предположенной духовно-судебной реформы. Въ одномъ изъ мнѣній епархіальныхъ архіереевъ послѣдняя мысль, въ видѣ заключительнаго желанія правильнаго разрѣшенія поднятаго вопроса, выражена такимъ образомъ: „въ виду важности дѣла, благонадежнѣе было бы вызвать въ С.-Петербургъ нѣсколько болѣе свободныхъ (у коихъ имѣются викаріи) епархіальныхъ преосвященныхъ и поручить имъ въ исключительное занятіе пересмотръ и исправленіе проекта основныхъ положеній по преобразованію духовно-судебной части“ [2]). Въ подобномъ духѣ, съ подобнымъ же намѣреніемъ таже мысль выражена и въ одномъ изъ мнѣній духовныхъ консисторій: „если уже невозможно откладывать разрѣшеніе вопроса о реформѣ духовнаго суда, то для разрѣшенія его слѣдуетъ созвать соборъ изъ всѣхъ россійскихъ архипастырей, такъ чтобы они могли обмѣняться личными взглядами, подвергнуть во-

---

[1]) Подроб. см. объясн. записку къ проекту, ч. II, стр. 85—90
[2]) Мнѣн. епарх. архіер. т. I, стр. 71.

просъ взаимному всестороннему обсужденію и преніямъ и затѣмъ уже дать разрѣшеніе. Этого требуютъ величайшая важность задачи и необходимость въ крайне осторожномъ разрѣшеніи оной“ [1]).

Мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ, затрогивая вообще вопросъ о необходимости и желательности возстановленія и оживленія соборнаго начала въ русской церкви, или разрѣшаютъ его, въ предѣлахъ задачъ и цѣлей духовнаго суда, или разсматриваютъ безотносительно, въ виду общихъ потребностей и нуждъ русской церкви, или разъясняютъ исключительно въ интересахъ желательнаго улучшенія въ порядкахъ жизни и строѣ управленія русской церкви. Соотвѣтственно такому различію воззрѣній, затронутый предметъ обсуждается и разсматривается съ разныхъ сторонъ. Въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя видятъ въ соборахъ лучшій способъ устройства духовнаго суда по канонамъ древней церкви, идея собора значительно съуживается и видоизмѣняется. Въ одномъ изъ таковыхъ мнѣній указывается,—какъ на весьма удобный и вполнѣ согласный съ канонами церкви, способъ облегчить святѣйшій Синодъ въ разсмотрѣніи жалобъ на рѣшенія консисторій,—на учрежденіе окружныхъ судовъ, которые должны состоять изъ четырехъ или пяти архіереевъ округа, вызываемыхъ по очереди, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіерея, согласно съ церковными канонами. На первый разъ, полагаетъ мнѣніе, можно бы открыть округа три или четыре, напр. въ Москвѣ, Кіевѣ, Казани. На это не потребуется большихъ расходовъ отъ казны [2]). Другое мнѣніе предполагаетъ достаточнымъ для судныхъ дѣлъ и удовлетворительнаго устройства духовнаго суда, только въ случаѣ надобности (образовывать) судъ собора бо́льшаго, съ прибавленіемъ къ святѣйшему Синоду на время нѣсколькихъ епархіальныхъ архіереевъ [3]).

Мнѣнія, усматривающія въ собраніи епархіальныхъ архіереевъ лучшій способъ удовлетворенія нуждъ и потребностей рус. церкви устройства церковныхъ дѣлъ, настаиваютъ на необходимости предоставленія епархіальнымъ архіереямъ права совѣщаться другъ съ другомъ

---

[1]) Мнѣн. духов. конс. стр. 455.
[2]) Мнѣн. епарх. архіер. т. II, стр. 276.
[3]) Мнѣн. епарх. архіер. т. I, стр. 103.

по возникающимъ вопросамъ, равно и по возбужденному вопросу духовно-судебной реформы. „Для разсужденія, заявляетъ одно изъ мнѣній, о столь важномъ предметѣ всего справедливѣе и благотворнѣе было бы учредить съѣзды архіереевъ, чтобы священноначальники въ совѣщаніяхъ другъ съ другомъ могли со всѣхъ сторонъ обсудить предполагаемую реформу и чрезъ то облегчить святѣйшій Синодъ въ его трудахъ. Архіереи въ Россіи разъединены и удалены другъ отъ друга. Естественно, что при такомъ положеніи они не могутъ сохранить совершеннаго единства въ развитіи подробностей по отзывамъ о дѣлахъ церковнаго управленія. Взирая на одинъ и тотъ же предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, подъ вліяніемъ неодинаковыхъ внутреннихъ впечатлѣній, они не могутъ не давать разнорѣчивыхъ отзывовъ, которые могутъ показаться заключающими въ себѣ какое-то разномысліе и, повидимому, опровергающими другъ друга. Людямъ, нерасположеннымъ къ церкви и іерархіи, можетъ чрезъ это представиться поводъ осуждать архіереевъ и воспользоваться изъ мнѣній ихъ тѣмъ, что̀ ближе подходитъ къ собственнымъ ихъ видамъ и интересамъ. Такимъ образомъ отъ разъединенности архіереевъ св. церковь не только не получаетъ никакой пользы; напротивъ терпитъ весьма великій ущербъ. Посему, заключаетъ мнѣніе, нужно, весьма нужно учредить съѣзды архіереевъ и предоставить имъ, по ихъ усмотрѣнію, входить въ личное совѣщаніе между собою о всѣхъ, особенно важнѣйшихъ предметахъ церкви, и собираться, кто съ кѣмъ изъ нихъ пожелаетъ каждый годъ, по крайней мѣрѣ на мѣсячный срокъ и въ мѣстахъ, которыя они изберутъ для съѣздовъ. Польза отъ такихъ собраній несомнѣнна для отечественной церкви“ [1]). Въ подобномъ же направленіи высказывается и другое мнѣніе, которое полагаетъ: „основныя положенія преобразованія духовно-судебной части въ православной церкви должны быть составлены на основаніи церковныхъ правилъ, примѣнительно къ потребностямъ настоящаго времени. А эти примѣненія должны быть указаны соборомъ всѣхъ архіереевъ русской церкви; это единственный вѣрный способъ разрѣшенія задачи, предложенной на разсмотрѣніе комитета. Нынѣ особенно становится не-

[1]) Мнѣн. епарх. архіер. т. I, стр. 180—182. 227—228.

обходимымъ возстановить основное начало управленія церковію чрезъ помѣстный соборъ. Это нужно для уясненія ученія и правъ церкви православной, для утвержденія единомыслія, для повѣрки общимъ голосамъ церкви личныхъ мнѣній и воззрѣній и для рѣшенія недоумѣній. При отсутствіи общенія, епископы русской церкви лишены теперь взаимнаго обмѣна и повѣрки своихъ мыслей. Во всѣхъ сословіяхъ теперь образуются съѣзды для рѣшенія дѣлъ ихъ касающихся. Почему же только одни епископы не собираются для рѣшенія дѣлъ церковныхъ, тогда какъ это требуется, съ самаго начала церкви, священными правилами (Ап. 37, 1 всел. 5. IV всел. 19. Ант. 20). Сколько отъ этого было бы истинной пользы не только для епископовъ, но для церкви и государства“ [1])?

Мнѣнія, развивающія идею собора, какъ необходимаго начала лучшаго строя церковной жизни, обращаютъ вниманіе на внутреннее состояніе церкви и ея положеніе. Они говорятъ: „нельзя не отдать комитету справедливой похвалы за то, что имъ выражена мысль о современной нуждѣ возстановить древніе областные соборы. Эти соборы были между прочимъ при митрополичьихъ каѳедрахъ и признавались безусловно необходимыми для благоустройства церкви. Необходимость эта, при настоящемъ положеніи русской церкви, открывается со всею очевидностію. Въ отечествѣ нашемъ разныя общества и учрежденія пользуются правомъ собранія для обсужденія своихъ дѣлъ; русскіе же православные епископы не имѣютъ взаимнаго общенія и обмѣна мыслей, необходимаго по важности дѣлъ, въ чемъ упрекаютъ нашу церковь представители и писатели другихъ христіанскихъ исповѣданій. Собраніе епископовъ въ такихъ священныхъ городахъ, какъ Москва и Кіевъ, не только напоминало бы собою, но и воскресило бы древніе частные соборы и оказалось бы весьма полезнымъ по вопросамъ догматическимъ, законодательнымъ, административнымъ, миссіонерскимъ, по всѣмъ вопросамъ, касающимся внѣшняго и внутренняго состоянія русской православной церкви. Такіе соборы были-бы вполнѣ сообразны и съ достоинствомъ православной русской церкви. Они своими соображеніями и совѣщаніями также давали бы матеріалъ для святѣйшаго

[1]) Мнѣн. епарх. архіер. т. II, стр. 276—277.

Синода и сообщали бы новое столь желательное движеніе русской церковной жизни. Собраніе такихъ мѣстныхъ частныхъ соборовъ въ настоящее время и при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія не представитъ ни малѣйшихъ затрудненій, незначительныя же денежныя издержки и трата небольшого времени, къ тому же для каждаго епископа чрезъ годъ или два, покрылись бы великою пользою для дѣлъ церковныхъ“ [1]). Слѣдующее мнѣніе требуетъ вообще возстановленія въ современной жизни церкви древнихъ порядковъ въ виду ихъ благоплодности. „Настоящія судоустройство и судопроизводство въ церкви признаны неудовлетворяющими современнымъ потребностямъ. Отъ чего бы, продолжаетъ мнѣніе, вмѣсто придумыванія новыхъ началъ и основаній для церковнаго суда не обратиться къ древнимъ порядкамъ, заслуживающимъ полнаго вниманія и уваженія уже по самой древности и особенно потому, что ихъ держалась нѣкогда вся церковь Христова... Въ древности на соборахъ областныхъ разсматривались и рѣшались не одни судныя дѣла, а и дѣла, касающіяся вѣры, церковнаго богослуженія, церковной администраціи и вообще всей церковной жизни. Наша церковь въ настоящее время, не менѣе древней, имѣетъ нужду въ подобныхъ совѣщаніяхъ и разсужденіяхъ, которыя никогда не могутъ быть замѣнены формальными донесеніями и предписаніями. Наши раскольники, существующіе едва ли не во всѣхъ епархіяхъ, молокане, штундисты, крещеные татары, совращающіеся въ магометанство, предстоящее въ недалекомъ будущемъ, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и теперь уже весьма ощутительное оскудѣніе кандидатовъ священства, соотвѣтствующихъ высокому служенію пастыря и пр. и пр. все это и подобное требуютъ серьезныхъ обсужденій и притомъ мѣстныхъ, незамѣнимыхъ никакими указными предписаніями. Возстановленіе древнихъ порядковъ церковной жизни, не смущая ничьей совѣсти, могло бы служить и лучшею гарантіею правосудія, на сколько вообще оно достижимо при настоящемъ состояніи; ибо каждое опредѣленіе мѣстнаго или епархіальнаго суда, которымъ недовольна та или другая сторона, могло бы быть пересмотрѣно на судѣ областномъ, могло бы возбудить и вообще къ болѣе благо-

[1]) Мнѣн. епарх. архіер. т. II, стр. 62—63.

творной дѣятельности въ сферѣ церковной жизни“ [1]). Одно изъ мнѣній, выходя изъ мысли „о церкви, какъ божественномъ учрежденіи и въ тоже время общественномъ союзѣ, пребывающемъ въ непрерывномъ взаимодѣйствіи съ государствомъ, намѣчаетъ даже самые виды желательныхъ соборовъ и ихъ составъ. Оно допускаетъ: „малый соборъ (постоянный) или судное отдѣленіе святѣйшаго Синода въ Петербургѣ изъ епископовъ, пресвитеровъ, клириковъ и мірянъ, съ свойственными тѣмъ и другимъ и третьимъ полномочіями. Великій соборъ (повременный) изъ епископовъ, по возможности, всея Россіи, изъ лицъ пресвитерскаго сана, клириковъ и мірянъ въ Москвѣ. Въ соотвѣтствіе принципу отдѣленія судебной власти отъ административной сей соборъ по своимъ дѣяніямъ, можетъ раздѣляться на два отдѣленія—церковно-правительственное и церковно-судное“ [2]).

Затронутая комитетомъ и разъясненная въ мнѣніяхъ епархіальныхъ архіереевъ съ разныхъ сторонъ мысль о желательномъ возстановленіи соборнаго начала въ управленіи и устройствѣ дѣлъ русской церкви является распространенною въ сознаніи русскаго общества и въ особенности его лучшихъ представителей. Въ пятидесятыхъ годахъ извѣстный церковный писатель и человѣкъ весьма близкій къ дѣламъ церковнаго управленія А. Н. Муравьевъ въ „Запискѣ о состояніи православной церкви въ россіи“, изложивъ свои соображенія объ исправленіи нѣкоторыхъ сторонъ церковной жизни, коснулся и вопроса объ оживленіи соборнаго начала въ русской церкви въ видѣ архіерейскихъ съѣздовъ. Намекая на недостатокъ должныхъ „взаимныхъ отношеній“ между епархіальными и викарными преосвященными, авторъ замѣчаетъ: „это происходитъ отъ недостатка взаимнаго общенія между архіереями нашими, которые были бы чрезвычайно для нихъ полезны: потому что старшіе наставляли младшихъ въ такихъ вопросахъ, которые не всегда можно излагать письменно“. Напоминая, что въ прежнія времена церкви были ежегодно двукратныя собранія областныхъ епископовъ, собственно для нѣкоторыхъ предметовъ дисциплины или

[1]) Мнѣн. епарх. архіер. т. II, стр. 320—321.
[2]) Мнѣн. епарх. архіер. т. II, стр. 425—426.

благочинія церковнаго, а равно для догматовъ и противъ ересей созывались помѣстные и областные соборы, авторъ записки продолжаетъ: „хотя святѣйшій Синодъ и замѣняетъ у насъ постоянный соборъ, но онъ обремененъ текущими дѣлами, и все изъ него истекающее облечено формальностію закона, которая не можетъ быть усвоена всѣмъ маловажнымъ случаямъ церковной жизни“. Указавъ, что въ гражданскихъ дѣлахъ собираются многообразные комитеты для разсужденія о какой-либо правительственной мѣрѣ, при непрестающемъ дѣйствованіи правительственныхъ мѣстъ, облеченныхъ властію, авторъ въ подкрѣпленіе и развитіе занимающей его мысли продолжаетъ: „у кого же лучше въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могли бы найти себѣ совѣтъ и рѣшеніе на многіе случайные вопросы по епархіи молодые епископы, если не у ближайшихъ старшихъ архіепископовъ, или первенствующихъ членовъ, которые, по своему постоянному присутствію въ святѣйшемъ Синодѣ, могутъ яснѣе видѣть направленіе дѣлъ; новопосвященные же архіереи иногда на всю жизнь остаются безъ совѣта,—потому что не могутъ найти его у своихъ подчиненныхъ“. Высказывая сѣтованія и удивленіе по тому обстоятельству, что даже сосѣдніе съ Москвою архіереи не навѣщаютъ Москвы, для поклоненія ея святынѣ и совѣщанія съ ея архипастыремъ, т. е. митрополитомъ Филаретомъ, кромѣ случайно проѣзжающихъ въ Петербургъ для присутствованія въ святѣйшемъ Синодѣ, и не ищутъ свиданія съ московскимъ святителемъ во время его разъѣздовъ по епархіи и въ города, смежные съ предѣлами сосѣднихъ епархій, авторъ въ такомъ недостаткѣ общительности видитъ причину того, что „наши епископы, по состоянію своего одиночества, требующаго какого бы то ни было общенія, часто подпадаютъ подъ вліяніе неблагонамѣренныхъ изъ своихъ подчиненныхъ, особенно домашнихъ письмоводителей, или секретарей консисторіи, что̀ весьма вредно для епархіи, такъ какъ люди его, хотя и происходятъ также изъ духовнаго званія, но стоятъ на гораздо низшей степени образованія и нравственности и могутъ быть только исполнителями подъ руководствомъ преосвященныхъ, не пользуясь однако полною довѣренностію, которая почти всегда ихъ превозноситъ и увлекаетъ въ корыстные виды, бросающіе непріятную тѣнь на самыхъ еписко-

повъ и на консисторіи“. Невыгоды такого разобщеннаго отношенія между епископами, авторъ изображаетъ слѣдующими красками: „при обращеніи постоянно въ одной и той же рамкѣ консисторскихъ дѣлъ, самый кругъ понятій у архіереевъ невольнымъ образомъ стѣсняется; вмѣсто того, чтобы дѣятельно проникать въ нужды церковныя, они облекаются, какъ бронею, въ консисторскія дѣла, и становятся недоступными, кромѣ какъ для своихъ присныхъ, или для нѣсколькихъ почетныхъ лицъ въ губерніи... Грустно видѣть такое расположеніе въ причтѣ духовномъ, которое могло бы исцѣлиться взаимнымъ общеніемъ съ равными себѣ, если бы отъ времени достигло до его слуха не лестное, но твердое слово, разсѣевающее недоумѣнія“. При этомъ авторъ какъ „странность“ отмѣчаетъ и то явленіе, что „епархіальные архіереи, переходя съ каѳедры на каѳедру, какъ будто избѣгаютъ взаимнаго свиданія, и вновь поступающій выжидаетъ отъѣзда своего предмѣстника, чтобы прибыть, хотя бы могъ воспользоваться его опытностію, очень необходимою при вступленіи въ новую епархію“. Предначертывая какъ бы планъ желательнаго взаимообщенія архіереевъ, авторъ указываетъ самые центры, въ которыхъ удобнѣе всего и съ успѣхомъ могли бы осуществляться эти общенія. Онъ пишетъ: „экзархъ Грузіи, заступая мѣсто прежняго католикоса, какъ архіепископъ всея Грузіи, съ пользою служитъ такимъ общительнымъ духовнымъ центромъ для подчиненныхъ ему епископовъ Имеретіи, Мингреліи, Грузіи и Абхазіи, кромѣ собственнаго викарія, и его пастырскими заботами оживаетъ церковь грузинская. Москва и Кіевъ, гдѣ также украшены пастырскими добродѣтелями старцы-митрополиты, и старшіе епископы, Казанская епархія—на востокѣ и Виленская—на западѣ Россіи, могли бы дѣйствовать столь же поразительно на окружающія ихъ епархіи, по крайней мѣрѣ на ближайшія; а это дѣйствовало бы на благочиніе церковное и на самые расколы, потому что опытность старшихъ помогала бы младшимъ. Такъ доселѣ бываетъ на востокѣ, гдѣ титло архіепископа и митрополита не есть только одна личная степень, но какъ у насъ въ Грузіи—выражаетъ нѣкоторое преимущество старшаго надъ младшимъ, при равенствѣ степеней епископскихъ въ служеніи“ [1]).

[1]) Русск. Архив. 1883 г. кн. II, стр. 191—197.

Записка А. Н. Муравьева „о состоянiи православной церкви въ Россiи“ получала оффиціальный ходъ [1]). Митрополитъ Филаретъ, по поводу этой записки и содержащихся въ ней сужденій о недостаткахъ церковной жизни, высказалъ нѣсколько своихъ замѣчаній. Относительно затронутой и развитой въ запискѣ мысли объ оживленіи въ русской церкви соборнаго начала, московскій святитель замѣчилъ: „предположеніе созвать помѣстный соборъ принадлежитъ къ древнему характеру церковнаго управленія, и можетъ принести пользу, если будетъ приведено въ исполненіе искусно и вѣрно“, но при этомъ, подвергая критикѣ предположенія записки, говоритъ: „надобно ли выражаться такъ тяжело, что соборъ составляется для исправленія безпорядковъ по духовному вѣдомству? Не лучше ли выразиться скромнѣе, что соборъ составляется по древнему обычаю для совѣщанія о дѣлахъ церковныхъ къ вящшему благоустройству духовенства и паствы“. Свой взглядъ на возможность созванія собора и пользу взаимныхъ сношеній архіереевъ, митрополитъ Филаретъ выразилъ въ такихъ словахъ: „всѣхъ епископовъ собрать на соборъ неудобно. По пространству государства, епископы дальнихъ епархій, кромѣ времени собора, много времени должны употребить на путешествіе къ мѣсту собора и обратно, вслѣдствіе чего обширныя области надолго останутся безъ епископскаго надзора. Посему ближайшіе къ мѣсту собора епископы могутъ быть призваны почти всѣ, а дальные по одному изъ двухъ или трехъ епархій, дабы остающіеся могли наблюдать за епархіями отсутствующихъ. И въ древней церкви бывало, что нѣкоторые епископы не присутствовали на соборахъ; но потомъ присоединялись своимъ согласіемъ къ опредѣленіямъ соборовъ. Можно предусматривать, что не безъ затрудненія будетъ собираніе отъ архіереевъ мнѣній и дѣйствованіе ихъ на соборѣ, отчасти только извѣстное по актамъ древнихъ соборовъ, и совсѣмъ неизвѣстное многимъ изъ нихъ на опытѣ. Впрочемъ отъ сего увеличится только трудъ собора: но не угрожаетъ сіе послѣдствіями неблагопріятными. Въ древней церкви къ удобству, стройности и единству дѣйствованія на соборѣ приготовляли постоянныя отношенія епископовъ

[1]) См. Собр. мнѣн. митроп. Филарета, т. IV, стр. 141.

епархіи или городовъ къ областному митрополиту, или архіепископу на основаніи 34 правила апостольскаго. Въ россійской церкви сего нѣтъ. Духовный регламентъ видѣлъ нужду въ таковыхъ сношеніяхъ для совѣтовъ и разрѣшенія недоумѣній епископовъ, но предписалъ совѣтываться только съ сосѣдними епископами, что и необязательно и неблагонадежно. Прежде, по собственному сознанію нужды, епархіальные преосвященные входили въ довѣренныя совѣщательныя сношенія съ старѣйшими и опытнѣйшими и преимущественно съ первенствующими членами святѣйшаго Синода; но съ нѣкотораго времени такія сношенія уменьшились по причинамъ, которыя излагать здѣсь неумѣстно“ [1]).

Въ то время, какъ московскій святитель съ нѣкоторою сдержанностію относился къ осуществленію мысли о созваніи собора, предуказывая своего рода неудобства къ успѣшному осуществленію этой мысли, — другіе іерархи русской церкви съ особеннымъ одушевленіемъ высказывали и настоятельно проводили туже мысль, предуказывая въ созваніи русскихъ архипастырей на соборъ главное и лучшее средство для благоустройства и разрѣшенія дѣлъ церковныхъ. Въ статьѣ „Богословскаго Вѣстника“, подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи недавняго прошлаго“ на основаніи подлинной переписки выяснено, что въ то время, когда митрополитъ Филаретъ „съ свойственною ему осторожностію“ и „съ нѣкоторымъ опасеніемъ“ высказывалъ мысль о необходимости взаимнаго общенія между епископами, современные ему іерархи русской церкви „съ свободою и откровенностію“ дѣлились своими сообщеніями о необходимости и пользѣ соборнаго совѣщанія русскихъ архипастырей. Вотъ какъ, между прочимъ, по этому предмету высказывался прежде бывшій ректоръ с.-петербургской академіи, тогда нижегородскій епископъ, а впослѣдствіи харьковскій архіепископъ преосвященный Нектарій. Въ письмѣ къ костромскому епископу Платону онъ восторженно писалъ: „О! какъ бы было хорошо намъ, поставленнымъ пасти Церковь Христову, особенно мнѣ малоопытному и скудоумному, имѣть живое общеніе не письменно, на усты къ устамъ собесѣдованіе другъ съ другомъ? Но

[1]) Собр. мнѣн. Филарета, митр. т. IV, стр. 147—149.

увы и этого блага необходимаго для церкви, завѣщаннаго намъ примѣромъ апостоловъ и постановленіями отцовъ и святителей—мы лишены! Какъ не успѣвать и не торжествовать врагамъ церкви, когда мы дѣйствуемъ порознь, безъ всякаго взаимнаго общенія“ [1]). Нѣкоторые изъ іерарховъ съ сѣтованіемъ отзывались о сдержанности митрополита Филарета относительно осуществленія мысли о соборѣ. Кіевскій митрополитъ Арсеній въ свое время писалъ костромскому епископу Платону: „на замѣчаніе мое, что мы отъ него ожидаемъ движенія водъ Силоамскихъ для возстановленія и укрѣпленія членовъ разслабленныхъ, и мы всѣ охотно примкнемъ къ нему“, онъ отвѣтилъ мнѣ, что „подумаетъ, но съ этою думою примѣтно и въ гробъ сошелъ, не оказавъ намъ ни малѣйшей помощи“ [2]). По мысли кіевскаго владыки дѣло о соборѣ должно было начаться не сверху, а снизу при помощи вѣрнаго и законнаго, по его мнѣнію, средства. Это средство кіевскій митрополитъ Арсеній указывалъ въ слѣдующемъ: „теперь архіереямъ дозволяются взаимныя сношенія въ восьмидневный срокъ; для чего бы не воспользоваться этимъ разрѣшеніямъ сосѣднимъ епископамъ и двоимъ и троимъ изъ нихъ, согласившись, не войти въ святѣйшій Синодъ съ общимъ представленіемъ о настоятельной нуждѣ провинціальнаго собора съ одной стороны, такому же числу епископовъ—съ другой, третьей и т. д.? И когда бы такихъ представленій набралось достаточное количество, тогда святѣйшій Синодъ естественно посчѣшилъ бы удовлетворить такому общему хотайству представителей церкви“ [3]). Преемникъ митрополита Филарета на московской каѳедрѣ преосвященный Иннокентій, въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1869 году, повергалъ на Высочайшее воззрѣніе мысль о созваніи собора и получилъ въ отвѣтъ отъ государя: „это дѣло великое, когда нибудь я соберу васъ поговорить объ этомъ“ [4]).

Высказывая съ откровенностію и раздѣляя съ единодушіемъ

---

[1]) «Богослов. Вѣстн.», 1892 г., май, стр. 292.
[2]) «Русск. Архив.» 1892 г., № 2, стр. 222.
[3]) Там. стр. 222.
[4]) «Богослов. Вѣстн.» 1892 г., май, стр. 300.

мысль о созваніи собора и необходимости взаимнаго общенія, русскіе архипастыри не касались условій постояннаго практическаго осуществленія этой мысли. Митрополитъ Филаретъ съ своей стороны указывалъ даже на неудобства и затрудненія къ осуществленію этой мысли. Въ приведенныхъ разсужденіяхъ вообще слышится болѣе теоретическій, чѣмъ практическій интересъ; эти разсужденія отвѣчаютъ болѣе на вопросъ, что необходимо и весьма нужно созвать соборъ и оживить соборное начало управленія въ русской церкви, — но не раскрываютъ условій приведенія въ исполненіе желательныхъ и благодѣтельныхъ предположеній. Въ пополненіе къ этому и вообще для уясненія практической стороны вопроса въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ» [1]), помѣщена особая статья „О соборномъ управленіи въ христіанской церкви". Статья эта видимо была написана по поводу возбужденнаго и разрѣшившагося въ то время вопроса о духовно-судебной реформѣ. Въ этой статьѣ, съ выясненіемъ общихъ началъ церковнаго строя древней вселенской церкви, дѣлается примѣненіе этихъ началъ къ положенію русской отечественной церкви. По выраженному въ этой статьѣ мнѣнію необходимо „чтобы русская церковь была раздѣлена на округа или митрополіи съ тѣмъ, чтобы каждую осень всѣ епископы округа соединялись въ соборъ окружной; для приготовительныхъ къ собору работъ въ каждой епархіи должны быть съѣзды избранныхъ отъ духовенства и мірянъ, на коихъ нѣкоторые вопросы могли бы быть окончательно рѣшаемы съ утвержденія епископа, а нѣкоторые — восходить къ соборному сужденію. Въ свою очередь и на окружномъ соборѣ должны быть окончательно рѣшаемы только нѣкоторыя дѣла,—а нѣкоторыя возводимы къ бо́льшему собору, какимъ является постоянный Синодъ. Порядокъ возведенія дѣлъ къ бо́льшему собору предполагается такой: „въ концѣ окружнаго собора избранный соборомъ архіерей, взявъ съ собою дѣла, соборомъ нерѣшенныя, журналы засѣданій собора и отчетъ митрополита по управленію митрополіею, обязывается ѣхать въ Синодъ для присутствованія и продолженія синодальнаго засѣданія". Выгоды и благодѣтельныя послѣдствія осуществленія

[1]) См. кн. IV за 1870 г. октябрь—декабрь.

такой программы указываются слѣдующія. Во-первыхъ, святѣйшій Синодъ получитъ характеръ собора въ томъ смыслѣ, что если не всѣ епископы русской церкви будутъ засѣдать въ Синодѣ, то по крайней мѣрѣ всѣ митрополіи, или округа будутъ имѣть своихъ представителей и получать ясное понятіе о дѣлахъ, людяхъ и особенностяхъ всѣхъ частей отечественной церкви и испытывать живое съ нею сношеніе. Далѣе русскіе епископы освободятся отъ гнетущаго одиночества, мертвящаго ихъ самихъ и жизнь епархій. Наконецъ Синодъ, соборы, съѣзды обнимутъ всю русскую церковь, возвративъ ей прежнюю жизненность; ибо каждый членъ церкви будетъ находиться въ дѣйствіи, занятъ и болѣе важными и менѣе важными, общими и частными предметами. Дабы предначертанная программа церковнаго устройства воспріяла полное свое примѣненіе, для сего необходимо, чтобы Синодъ обладалъ свойствами бо́льшаго собора, т. е. имѣлъ въ своемъ составѣ больше членовъ, нежели сколько таковыхъ насчитывается въ наибольшемъ изъ окружныхъ соборовъ. При чемъ предсѣдателемъ собора и вмѣстѣ первостоятелемъ всего епископства русской церкви долженъ быть митрополитъ того города, гдѣ водворенъ будетъ Синодъ; на имя такого предсѣдателя подаются въ Синодъ всѣ просьбы, за его подписомъ производится вся переписка съ архіереями и главными начальниками частей государственнаго управленія. Учрежденіе поименованныхъ соборовъ—епархіальнаго, окружнаго и синодальнаго удовлетворяло бы всѣмъ потребностямъ церковной жизни въ сферѣ церковно-законодательной, церковно-правительственной и церковно-судной. Въ настоящее время при современномъ устройствѣ русской церкви чувствуется недостатокъ посредствующаго органа, именно митрополичьяго или окружнаго суда, существовавшаго въ древнее время и весьма полезнаго въ томъ отношеніи, что этотъ судъ, оставаясь судомъ мѣстнымъ, не будетъ обремененъ множествомъ дѣлъ и будетъ ближе знать обстоятельства разбираемыхъ дѣлъ; этотъ судъ съ одной стороны облегчитъ судъ Синоду, снявъ съ него бремя рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ, съ другой — обезпечитъ интересы правосудія, открывъ подсудимымъ надежду на перенесеніе дѣлъ въ высшую инстанцію. При учрежденіи посредствующаго

органа, Синодъ не терялъ бы времени и не тратилъ силъ на дѣла маловажныя, а всегда стоялъ бы на высотѣ общественнаго положенія, занимаясь общецерковными дѣлами въ области законодательства, управленія и суда церковнаго“ [1]).

Выраженныя въ предначертанной программѣ мысли встрѣтили сочувствіе въ мнѣніяхъ епархіальныхъ архіереевъ по проекту духовно-судебной реформы. Въ одномъ изъ таковыхъ мнѣній по этому предмету пишется: „мысль о современной нуждѣ возстановить древніе областные соборы занимала и занимаетъ доселѣ многихъ досточтимыхъ людей, принадлежащихъ къ русской церкви. Такъ по данному предмету встрѣчаются замѣчательныя мысли въ статьѣ, помѣщенной въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей „о соборномъ управленіи въ христіанской церкви“, и заслуживающей особеннаго вниманія при судебной реформѣ“ [2]). Въ другомъ изъ мнѣній можно находить даже нѣкоторую параллель съ послѣднимъ изъ пунктовъ предначертанной программы въ томъ, что это мнѣніе также требуетъ учрежденія средней инстанціи, между судомъ епархіальнымъ и святѣйшимъ Синодомъ, предполагая, согласно канонамъ церкви, организовать эту инстанцію изъ епископовъ, или ихъ уполномоченныхъ и признавая за нею право разсуждать не объ однихъ судныхъ дѣлахъ, а вообще о нуждахъ церковныхъ по примѣру древнихъ соборовъ. Съ такимъ учрежденіемъ, по увѣренію мнѣнія, отечественная церковь получила бы новыя силы для новой болѣе совершенной жизни [3]).

Статья „о соборномъ управленіи въ христіанской церкви“ въ свое время обратила на себя вниманіе духовной печати. Отзывчивое въ свое время на всѣ вопросы церковной жизни „Православное Обозрѣніе“ по поводу этой статьи помѣстило замѣтку, которая главнымъ образомъ была посвящена разбору и оцѣнкѣ приведенныхъ въ статьѣ каноническихъ основаній въ защиту высказанныхъ въ ней предположеній; но рядомъ съ этимъ въ замѣткѣ высказаны

---

[1]) «Чтенія въ Общ. истор. и древн. росс.» 1870 г., кн. IV, стр. 1—2. 3—4.

[2]) Мнѣн. епар. архіер. т. II, стр. 46.

[3]) Мнѣн. епарх. архіер. т. II, стр. 175—176.

и сужденія по занимающему насъ предмету. Развивая положеніе, что „соборность церковнаго управленія есть основное, характеристически церковное, каноническое начало, которое съ особенною настойчивостію и постоянствомъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ церковной жизни, проводится въ церковномъ законодательствѣ, и никогда, въ эпохи самаго сильнаго преобладанія государственной и церковной централизаціи въ Византіи, не предавалось полному забвенію“—замѣтка оттѣняетъ: „въ нашей отечественной церкви, до учрежденія святѣйшаго Синода, въ болѣе или менѣе постоянныхъ и правильныхъ формахъ повторяется проявленіе соборности на низшихъ и высшихъ ея степеняхъ, въ приходахъ и при митрополитахъ и патріархахъ всероссійскихъ, въ постоянныхъ или повременныхъ соборахъ и совѣтахъ... Со времени учрежденія святѣйшаго Синода соборное начало весьма ослабѣло въ нашемъ церковномъ управленіи. По словамъ замѣтки, на низшихъ степеняхъ, въ приходскихъ общинахъ, съ уничтоженіемъ выборнаго порядка и съ устраненіемъ мірянъ отъ участія въ дѣлахъ приходскихъ, оно проявляется слишкомъ слабо; въ епархіяхъ подмѣнено началомъ коллегіальнымъ, съ совершеннымъ уничтоженіемъ самостоятельности членовъ коллегіи, и можно сказать, совсѣмъ исчезло, уступивъ свое мѣсто единоличному управленію. Средней или окружной степени въ управленіи совсѣмъ нѣтъ, и наши митрополиты носятъ только имя безъ каноническаго значенія. На высшей ступени соборность, за исключеніемъ внѣшней формы, мало сохранила своихъ каноническихъ свойствъ, лишена значенія церковнаго представительства, не самостоятельна и подмѣнена коллегіальностію, притомъ не основанною на выборномъ началѣ. Синодъ является у насъ учрежденіемъ, не имѣющимъ себѣ подобія ни въ одной церкви; начало соборное въ немъ слито съ единоличнымъ и имъ однимъ замѣнены и личная власть патріарха и ограничивающая ее власть соборная. Ненормальность такого порядка, продолжаетъ замѣтка, была сознаваема даже въ самыя тяжкія времена для церковной жизни. Едва только миновалъ терроръ Бироновщины и нѣмецкаго владычества въ прошедшемъ столѣтіи, и императрица Елисавета вступила на престолъ, какъ два члена Синода, возстановленнаго

при ней въ прежнихъ правахъ высшаго правительственнаго учрежденія, Амвросій Юшкевичъ и Арсеній Маціевичъ подали государынѣ докладъ, въ которомъ говорили, что если уже не угодно будетъ возстановить патріаршество, то по крайней мѣрѣ нужно назначить въ Синодъ президента и этимъ хотя нѣсколько приблизить наше церковное управленіе къ характеру управленія церкви восточной. Составители доклада, прибавляетъ замѣтка, и не мечтали въ то время о возстановленіи канонической, широкой соборности; подъ гнетомъ свѣжихъ еще воспоминаній о тяжеломъ рабствѣ, они хлопотали только объ устраненіи отъ Синода орудій этого рабства, о пресѣченіи способовъ къ порабощенію... Елисавета Петровна не уважила этихъ представленій и оставила Синодъ въ прежнемъ видѣ. Прошедшее столѣтіе было самымъ неблагопріятнымъ временемъ для самостоятельнаго развитія церковной жизни. Едва настали лучшія и болѣе свободныя времена мысль о канонической соборности снова воскресаетъ въ умахъ лучшихъ людей. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія вопросъ о необходимости созванія мѣстныхъ соборовъ для дѣлъ вѣры и нуждъ церкви, независимо отъ постояннаго, небольшого собора въ лицѣ святѣйшаго Синода, серьезно занималъ покойнаго московскаго митрополита Филарета... Прошло еще нѣсколько времени, и идея соборности снова воскресаетъ изъ забвенія, становится предметомъ общаго обсужденія, начинаетъ сказываться даже въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, какъ-то: приходскихъ попечительствахъ, благочинническихъ, уѣздныхъ и епархіальныхъ съѣздахъ духовенства, въ оживленіи выборнаго начала и т. п., духъ соборности хотя слабо, но даетъ себя чувствовать въ направленіи общественной мысли и въ церковно-правительственныхъ распоряженіяхъ“ [1]).

Приведенныя разсужденія замѣтки „Православнаго Обозрѣнія“ можно признать общими мыслями, раздѣляемыми современною печатію, въ которой слышатся сѣтованія на ослабленіе соборнаго начала въ русской церковной жизни, и на оскудѣніе въ ней иниціативы единодушнаго и единомысленнаго дѣйствованія. Отдѣльныя начинанія въ этомъ направленіи оказываются малоплодными. Въ

[1]) «Правосл. Обозр.» 1871 года, апрѣля, стр. 565—569.

церковномъ дѣлѣ, для нравственнаго воспитанія народа и общества, необходимо совмѣстное дѣйствованіе по обще одобренному плану, а не единичные шаги съ предвзятою цѣлію. Соборность есть примиреніе частнаго общимъ, и залогъ успѣшнаго направленія каждаго предпріятія...

На ряду съ мыслію о возстановленіи соборнаго начала въ церковномъ управленіи, въ проектахъ по этому предмету высказывается и предположеніе о необходимости, для успѣшнаго примѣненія и дѣйствованія этого начала, раздѣленія Россіи на митрополіи и округа. Предположеніе о раздѣленіи Россіи на церковные округа въ свое время возникало въ правительственныхъ сферахъ. Приснопатятный митрополитъ Филаретъ въ замѣчаніяхъ на составленную записку А. Н. Муравьева „О состояніи православной церкви въ Россіи“ упоминаетъ о слѣдующемъ обстоятельствѣ: „Въ Бозѣ почившій императоръ Александръ Первый имѣлъ мысль соединить по нѣскольку епархій въ округа, имѣющіе одного старшаго епископа, къ которому епархіальные въ трудныхъ случаяхъ и обращались бы для совѣта, и который имѣлъ бы надъ ними наблюденіе и давалъ имъ совѣты къ разрѣшенію недоумѣній и къ исправленію открывающихся погрѣшностей и безпорядковъ. По Высочайшему повелѣнію составленный о семъ учрежденіи проектъ остановленъ былъ на пути въ Таганрогъ и не имѣлъ дальнѣйшаго движенія“ [1]). По засвидѣтельствованію автора „Записокъ о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московскаго“ мысль о раздѣленіи Россіи на округа въ церковномъ отношеніи была развита почившимъ архипастыремъ въ его проектѣ о раздѣленіи духовнаго управленія въ Россіи на девять церковныхъ округовъ. Этотъ проектъ былъ составленъ митрополитомъ по порученію въ Бозѣ почившаго императора Александра I для согласованія епархіальнаго управленія съ гражданскимъ въ то время, когда государь возъимѣлъ намѣреніе раздѣлить имперію на генералъ-губернаторства. Представленный митрополитомъ проектъ остался безъ осуществленія и высказанное въ этомъ проектѣ предположеніе въ подробностяхъ неизвѣстнымъ. По засвидѣтельствованію того же автора, московскій святитель

[1]) Мнѣн. митр. Филар. т. IV стр. 149.

признавалъ повременныя собранія русскихъ іерарховъ полезными въ томъ отношеніи, что „личныя волею неволею всегда болѣе искренія, нежели заочныя на бумагѣ объясненія, скорѣе, удобнѣе ближе раскроютъ истину и положатъ твердое основаніе къ правильному сужденію и къ справедливому постановленію рѣшенія“ [1]).

Есть и научное предположеніе о томъ, что въ Россіи дѣйствительно нѣкогда, хотя временно, существовало митрополичье управленіе съ раздѣленіемъ Россіи на епархіи, примѣнительно къ практикѣ греческой церкви [2]). Основаніемъ для такого предположенія принимается росписаніе епархій, сохранившееся отъ временъ царя Ѳеодора Алексѣевича [3]). Росписаніе это представляется составленнымъ царемъ по совѣщанію съ тогдашнимъ патріархомъ Іоакимомъ, съ тѣмъ, чтобы „для украшенія святыя церкви и для спасенія и просвѣщенія христіанъ быти и именоватись архіереомъ по степени, и коемуждо архіерею имѣти въ своей епархіи епископовъ, подвластныхъ имъ, а святѣйшему патріарху, отцемъ отцу имѣти многихъ епископовъ, яко главѣ и пастырю“. Авторъ статьи „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ [4]) насчитываетъ „три попытки водворить въ Россіи византійскую законченность высшаго церковнаго управленія; но всѣ они оказались неуспѣшными. Первая изъ этихъ попытокъ, по словамъ автора, была при учрежденіи въ Россіи патріаршества, когда соборъ 1589 г. постановилъ учредить подъ патріархомъ 4 митрополіи, 6 архіепископій и 8 епископій, примѣнительно къ незабытымъ еще тогда княженіямъ, великимъ и малымъ [5]). Вторая попытка, продолжаетъ авторъ, принадлежитъ собору 1667 г., когда греческіе патріархи, съ одной стороны признавая самою дѣйствительною мѣрою къ искорененію раскола увеличеніе числа епархій и потому уменьшеніе ихъ территорій, а съ другой—имѣя въ виду „яко да исполнится Великаго Государя

---

[1]) Сушковъ, Записки о жизни и времени святителя Филарета митр. Москов. стр. 194—196. М. 1868 г.

[2]) «Русская Бесѣда» 1857 г. кн. III, стр. 13. Статья Бѣляева по поводу статьи Лохвицкаго «Церковная администрація» въ «Русск. Вѣстн.» за 1857 г.

[3]) П. С. З. Т. II, № 898; ноябрь 27 дня 1681 г.

[4]) «Русск. Вѣстн.» 1891 г. апрѣль, стр. 4—42.

[5]) Собр. госуд. грам. и догов. Т. II, № 59, стр. 98.

Царя и В. Князя Ѳеодора Іоанновича всея Россіи повелѣніе и великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича... по Бозѣ ревностное желаніе, постановили, тоже примѣнительно къ бывшимъ удѣльнымъ княженіямъ и къ покореннымъ въ послѣ удѣльное время царствамъ, набросить на россійскую державу сѣть византійскаго церковнаго управленія". При третьей попыткѣ завести въ Россіи византійское іерархическое устройство, утверждаетъ авторъ статьи, прямо была высказана истинная причина неуспѣшности всѣхъ этихъ попытокъ, именно та, что митрополиты и архіепископы воспротивились царскому предложенію учредить митрополіи съ подвластными имъ епископіями „дабы въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разгласія и межъ себя распри и высости, и въ томъ несогласіи и нестроеніи святой церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны" [1]). Объ этихъ попыткахъ авторъ статьи „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи" заговариваетъ не съ тѣмъ, чтобы показать какъ русское правительство заботилось о водвореніи началъ лучшихъ отношеній въ управленіи русской церкви, а съ цѣлію доказать невозможную въ сущности мысль, что „всероссійскіе патріархи, поднявшись честію на ступень выше всероссійскихъ митрополитовъ, спустились, по силѣ и обширности власти, на ступень ниже своихъ предшественниковъ", и что предпринимавшіяся попытки для сравненія всероссійскаго патріарха съ константинопольскимъ путемъ водворенія въ русской церкви византійскихъ порядковъ высшаго церковнаго управленія „всегда разбивались требованіями разума и давленіемъ силы вещей". По представленію того же автора выходитъ, что „перемѣна высшаго церковнаго управленія, происшедшая при Петрѣ Великомъ, положившая конецъ жизненному проявленію соборнаго начала въ русской церкви, была „не столько личнымъ дѣломъ" великаго преобразователя, сколько „совершеннымъ по разуму русскаго народа выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей". Едвали состоятельно подобное разсужденіе въ виду противорѣчія его всему ходу историческаго развитія каноническихъ формъ церковнаго управленія, сознанныхъ въ законодательствѣ вселенской церкви.

[1]) Там. стр. 5—6.

Каноническія формы отъ простѣйшихъ, съ развитіемъ церковной жизни, восходили къ сложнѣйшимъ; при чемъ главнымъ отличіемъ послѣдующихъ отъ предъидущихъ служили съ одной стороны бо́льшее и бо́льшее расширеніе преимуществъ старѣйшихъ предстоятелей, съ усвоеніемъ имъ особаго вліянія на дѣла христіанской церкви, съ другой—дальнѣйшее развитіе соборнаго начала съ постепеннымъ разнообразіемъ его примѣненія въ церковной практикѣ. На высшей ступени развитія каноническихъ формъ церковнаго управленія, такъ сказать при заключительной стадіи его организаціи во вселенской церкви, мы наблюдаемъ съ одной стороны, что старѣйшіе предстоятели христіанской церкви, украсившись титломъ патріарха, получили значеніе главы и отца отцовъ съ особыми правами власти, съ другой—соборное начало, испытавъ разнообразное примѣненіе, воспріяло силу неослабнаго дѣйствованія. Патріархъ, какъ инціатива полномочій церковной власти, и рядомъ съ нимъ соборъ епископовъ, какъ неотдѣлимый отъ патріарха органъ самостоятельнаго обсужденія церковныхъ вопросовъ, представляютъ тѣ коренные устои, которые успѣла развить древняя вселенская церковь и на которыхъ прочно можетъ утверждаться канонический строй управленія каждой помѣстной церкви. „Соборно-патріаршая форма церковнаго устройства“, заключаетъ одно изъ сочиненій свое обозрѣніе формъ устройства православной церкви, „представляетъ собою наиболѣе совершенную форму организаціи высшаго помѣстнаго церковнаго управленія, выработанную на чисто церковной почвѣ, путемъ долгаго жизненнаго опыта и мудростію каноническаго законодательства“, и къ этому прибавляетъ „съ точки зрѣнія благочестиваго православно-народнаго сознанія оно есть образецъ церковнаго устройства, достойный желанія и домогательствъ (лучше будетъ сказать подражанія). Такъ какъ она предполагаетъ довольно обширную помѣстную церковь съ многочисленною іерархіею, то обыкновенно въ православныхъ славянскихъ церквахъ стремленіе къ введенію ея обнаруживалось въ моменты наивысшаго подъема церковно-національнаго духа. Въ Болгаріи, Сербіи и древней Руси патріаршая форма церковнаго управленія дѣйствовала въ наибольше счастливые моменты церковно-національнаго существованія этихъ

княжествъ. И въ новой Россіи, послѣ отмѣны патріаршества установленіемъ святѣйшаго Синода, она долгое время не переставала быть предметомъ искреннихъ желаній какъ въ средѣ іерархіи, такъ и простого православнаго народа. Даже и въ настоящее время, хотя и прекратилось повидимому всякое выраженіе этихъ pia desideria, но кажется можно быть увѣреннымъ, что возстановленіе патріаршества,—если бы оно вдругъ послѣдовало,—встрѣчено было бы всеобщимъ сочувствіемъ“ [1]). Приведеннымъ разсужденіемъ утверждается мысль, противная увѣренію автора статьи „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“; равнымъ образомъ и указываемыя тѣмъ же авторомъ, не имѣвшія успѣха, попытки, по его мнѣнію, водворить византійскіе порядки церковнаго управленія въ русской церкви и своею безуспѣшностію подготовлявшіе будто бы церковную реформу Петра I, слѣдуетъ понимать иначе, чтобы правильно судить объ ихъ безуспѣшности.

При первой изъ указанныхъ попытокъ вовсе не имѣлось въ виду и не предлагалось мысли о томъ, чтобы „набрасывать на россійскую державу сѣть византійскаго церковнаго управленія“. На соборѣ 1589 г., по поводу учрежденія въ Россіи патріаршества, шла рѣчь о томъ, чтобы въ параллель возвышенію старѣйшаго предстоятеля русской церкви на „превысочайшій степень патріарха“ возвысить и каѳедры другихъ русскихъ іерарховъ, умноживъ количество митрополій и архіепископій и увеличивъ общее число епископій. Соборъ въ своихъ разсужденіяхъ буквально высказалъ слѣдующее: „по великой вѣрѣ и по произволенію истиннаго рачителя благочестію Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича всея великія Россіи самодержца и многихъ государствъ Государя и обладателя, на утвержденіе совершеннаго ради благочестія, святыя и непорочныя христіанскія вѣры и въ почесть превеликаго престола партріарша царствующаго града Москвы, Пречестнѣйшій Іеремія, милостію Божію, архіепископъ Константинополя, новаго Рима и вселенскій патріархъ и святѣйшій Іовъ патріархъ царствующаго града Москвы и всея Россіи, со всѣми митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игу-

[1]) О формахъ устройства правосл. церкви стр. 279. М. 1891 г.

мены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ великороссійскаго и греческаго царствія совѣтоваша и соборнѣ уложиша быти въ великомъ россійскомъ царствѣ четыремъ митрополитамъ въ приснопамятныхъ и богоспасаемыхъ градѣхъ (Новгородѣ, Казани, Астрахани, Ростовѣ) и близь царствующаго града Москвы на Крутицахъ, шесть архіепископовъ (Вологдѣ, Суздалѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ, Рязани, Твери) и восемь епископовъ (Псковѣ, Ржевѣ, Устюгѣ, на Бѣлоозерѣ, Коломнѣ, Брянскѣ, Черниговѣ, Дмитровѣ) [1]). Въ настоящемъ постановленіи разсуждается объ умноженіи, по нуждамъ русской церкви, митрополій, архіепископій и епископій; при чемъ каждая изъ епархій, для которой предположенъ особый архіерей, мыслится отдѣльною и трактуется самостоятельною. На соборѣ московскомъ 1667 г., въ присутствіи восточныхъ патріарховъ, разсматривался тотъ же вопросъ и, въ видахъ дѣйствительнаго осуществленія предположеній царя Ѳеодора Іоанновича и Алексѣя Михаиловича, опредѣлено: „повелѣваемъ коемуждо митрополиту имѣти подъ собою епископы, по святымъ правиламъ, ради конечнаго исправленія церковнаго и спасенія душъ человѣческихъ: новгородскаго митрополита въ епархіи въ Каргополѣ быти епископу, въ Городецкѣ или въ Устюжнѣ епископу быти. Казанскаго митрополита въ епархіи на Уфѣ епископу быти. Ростовскаго митрополита въ епархіи на Угличѣ быти епископу. Крутицкаго митрополита въ епархіи на Ливнахъ епископу быти. Рязанское архіепископство преложихомъ на митрополію и впредь утвердихомъ митрополіи быти, въ той же епархіи повелѣхомъ на Воронежѣ быти епископу, въ Тамбовѣ епископу же. А жити тѣмъ епископомъ коемуждо подъ своимъ архіереемъ, въ своихъ епархіяхъ въ опредѣленныхъ имъ градахъ, въ монастыряхъ и владѣти того монастыря вотчинами, и творити все по благословенію и повелѣнію своихъ имъ митрополитовъ, а безъ воли ихъ ничего не творити, кромѣ священнодѣйствія и хиротоніи и прочихъ, яже повелѣваютъ имъ святыя правила. Къ тому же благословляемъ и утверждаемъ: суздальскому архіепископу Суздальскій уѣздъ весь, да Юрьевопольскій въ его епархіи, а Тарусса и Калуга съ прочими въ патріар-

[1]) Собр. госуд. грам. и догов. т. II, № 58, стр. 98.

шею область. Подобнѣ и въ прочихъ епархіяхъ, обрѣтающіяся иныхъ епархій церкви управляти тѣхъ епархій архіереомъ, гдѣ въ которой епархіи будетъ пристойно“ [1]). Изъ буквальнаго смысла приведеннаго постановленія слѣдуетъ, что оно учреждаетъ вспомогательныхъ епископовъ въ обширнѣйшихъ епархіяхъ знатнѣйшихъ послѣ патріарха русскихъ іерарховъ и разграничиваетъ предѣлы всѣхъ прочихъ епархій. Особаго въ этомъ опредѣленіи предложенія со стороны восточныхъ патріарховъ о введеніи въ русскомъ государствѣ системы областнаго митрополичьяго управленія не усматривается, а видится распоряженіе о необходимости существованія въ нѣкоторыхъ обширнѣйшихъ епархіяхъ вспомогательныхъ епископовъ, поставляемыхъ подъ власть и начало главныхъ и старѣйшихъ, на основаніи церковныхъ правилъ и всегдашней церковной практики. Поэтому въ послѣдующей исторіи и не встрѣчается указаній на то, чтобы въ русской церкви съ этого времени воспріяла дѣйствіе и была примѣнена система областнаго митрополичьяго управленія,—напротивъ имѣются доказательства того, что со временъ большого московскаго собора 1667 г. и на почвѣ его опредѣленій возникли и развились викаріатства въ русской церкви [2]). Характернѣе въ этомъ отношеніи является предложеніе царя Ѳеодора Алексѣевича московскому собору 1681 г. Выразивъ предъ отцами собора мысль о необходимости открытія новыхъ епископій для насажденія христіанства въ виду „умноженія церковныхъ противниковъ“ и по причинѣ обширности нѣкоторыхъ епархій, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ предложилъ собору „чтобы каждому митрополиту имѣти въ своей епархіи епископовъ, подвластныхъ имъ, а святѣйшему патріарху отцемъ отцу, имѣти многихъ епископовъ, яко главѣ и пастырю, а въ которыхъ градѣхъ быти епископомъ, и отъ чего имъ имѣти довольство, и то предложено имянно“. Предложеніе царя объ умноженіи епископій соборъ принялъ, а предложеніе относительно подчиненія другъ другу епископовъ отринулъ. Въ соборномъ отвѣтѣ сказано: „Великому Го-

---

[1]) Дѣян. моск. собор. 1666—1667 г. ч. II, стр. 85—86. М. 1881 г.

[2]) Примѣры см. Истор. Россійск. іерарх. т. I, въ статьяхъ о викаріаствахъ разныхъ епархій.

сударю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу бьютъ челомъ митрополиты и архіепископы, чтобы Великій Государь милостивно къ архіерейскому чину разсмотрѣніе положилъ, и вновь гдѣ въ пристойныхъ мѣстахъ въ далекихъ городахъ и многонародныхъ архіереовъ устроити, архіепископовъ или епископовъ, особыми ихъ епархіями, а не подъ митрополиты быти подвластнымъ, для того, чтобы въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разгласія, и межъ себѣ распри и высости, и въ томъ несогласіи и въ нестроеніи святой церкви пріобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны. И сего ради примѣнялсь къ изволенію Великаго Государя, общимъ совѣтомъ и согласіемъ великаго господина святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго, преосвященныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ на соборѣ приговорили вновь быти архіереомъ“ (перечисляются далѣе города каѳедръ и способы ихъ содержанія) [1]). Изъ буквальнаго смысла этого опредѣленія нельзя извлечь, что оно утверждалось на подлинномъ пониманіи византійскаго склада, и имѣло въ виду водворить въ отечественной церкви законченность высшаго церковнаго управленія на почвѣ началъ грѣческой церкви; еще менѣе позволительно думать, что наши іерархи, отказываясь отъ принятія царскаго предложенія въ полномъ его видѣ, выразили противленіе тѣмъ стихіямъ, которыя привзошли въ русскую церковь съ патріаршествомъ. По мысли царскаго предложенія данъ былъ и архіерейскій отвѣтъ: предлагалось не византійскіе порядки водворить, съ раздѣленіемъ Россіи на области на почвѣ каноническихъ началъ, для образованія самостоятельныхъ центровъ духовной власти, а предполагалось умножить число епископовъ въ епархіяхъ митрополитовъ въ зависимости отъ нихъ, безъ самостоятельнаго дѣйствованія въ церкви вопреки церковнымъ правиламъ. Сего соборъ и не раздѣлилъ, и бившіе великому государю челомъ митрополиты и архіепископы просили царя „въ пристойныхъ мѣстахъ и дальнихъ городахъ и многонародныхъ архіереовъ устроити, архіепископовъ, или епископовъ особыми ихъ епархіями, а не подъ митрополиты быти подвластнымъ для того, чтобы въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церков-

[1]) А. И. т. V, № 75, стр. 110—111.

наго разгласія и межъ себя распри и высости, и въ томъ несогласіи и въ нестроеніи святой церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны“. Мысль ясная. Она гласитъ, что опора правъ власти и авторитета епископовъ не въ подвластности, или неподвластности ихъ митрополиту, а въ отдѣльности, самостоятельности и независимости епархій, средоточіемъ духовной жизни коихъ служатъ епископскія каѳедры. Авторъ статьи „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ приписалъ россійскимъ іерархамъ то, чему они и не думали противорѣчить. Россійскіе іерархи дѣйствовали въ духѣ каноническихъ правилъ, и не колебали той завѣщанной древнею церковію догмы, по которой патріархъ, сосредоточивающій въ своихъ рукахъ инціативу церковнаго управленія, и соборъ іерарховъ разныхъ наименованій, своимъ совѣтомъ поддерживающій патріарха въ его начинаніяхъ, представляютъ наилучшія, сознанныя самою вселенскою церковію и освященныя ея законодательствомъ гарантіи правильнаго направленія, развитія и теченія дѣлъ церковныхъ. Отклоняя предложеніе царя, россійскіе епископы стояли за іерархію и за свободное обсужденіе дѣлъ церковныхъ. Того же желаютъ и тѣ строго православные люди и наши архипастыри, которые говорятъ и разсуждаютъ о необходимости созывать по временамъ мѣстные соборы для дѣлъ вѣры и нуждъ церкви, независимо отъ постоянно существующаго, небольшого собора въ лицѣ святѣйшаго Синода [1]). Рѣчи и сужденія этихъ лицъ повидимому получаютъ правительственный отголосокъ въ тѣхъ съѣздахъ епархіальныхъ архіереевъ, которые были созваны въ Кіевѣ, Казани и Иркутскѣ. Съѣзды эти, по существу дававшихся имъ порученій, занимались обсужденіемъ духовно-религіозныхъ нуждъ тѣхъ епархій, архіереи которыхъ приглашались къ участію въ этихъ собраніяхъ; но результаты занятій этихъ съѣздовъ, по разсмотрѣніи и одобреніи ихъ святѣйшимъ Синодомъ, получили значеніе руководственныхъ распоряженій. Подобное же значеніе можно приписать и съѣздамъ противораскольническихъ миссіонеровъ, собиравшихся въ Москвѣ для обсужденія мѣръ противо-

[1]) См. Сушковъ, Записки о жизни и времени Филарета, митрополита московскаго, стр. 194.

дѣйствія развитію раскола и сектантства. Тѣ и другіе съѣзды привѣтствуются какъ явленія, указывающія на оживленіе совѣщательнаго, соборнаго начала въ дѣятельности пастырей русской церкви. Отдавая этимъ съѣздамъ должное значеніе въ дѣлѣ освѣженія уходящихъ въ глубину забвенія порядковъ каноническаго строя церковной жизни, прибавимъ, что дѣйствительное возстановленіе идеи соборнаго управленія въ русской церкви по началамъ каноническимъ относитъ ожиданія къ будущему.

Мысль объ оживленіи соборнаго начала въ русской церкви лежала и въ основѣ возникшаго въ 1865 г. предположенія относительно измѣненія существующаго порядка разрѣшенія жалобъ на рѣшенія святѣйшаго Синода. Въ имянномъ учредительномъ указѣ, установлявшемъ „Духовную коллегію, т. е. соборное правительство съ властію“, всякія духовныя дѣла во всероссійской церкви управлять повелѣвалось: „всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ всякаго чина духовнымъ и мірскимъ имѣть сіе за важное и сильное правительство и у него крайнія дѣлъ духовныхъ управы рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться, и указовъ его слушать во всемъ, подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ коллегій“ [1]). Въ грамотахъ восточныхъ патріарховъ объ учрежденіи святѣйшаго Синода возвѣщалось, что учрежденный въ русскомъ государствѣ Синодъ „есть и называется нашимъ во Христѣ братомъ, святымъ и священнымъ Синодомъ отъ всѣхъ благочестивыхъ и православныхъ христіанъ священныхъ и мірскихъ, начальствующихъ и подначальныхъ и отъ всякаго сановнаго лица. Онъ имѣетъ право совершать и установлять тоже, что и четыре апостольскихъ святѣйшихъ патріаршихъ престола“ [2]). Такимъ образомъ по самой идеѣ учрежденія святѣйшій Синодъ долженъ былъ представить высшее и рѣшительное судилище по дѣламъ и вопросамъ церковной жизни съ правами авторитета патріаршихъ престоловъ. При такомъ положеніи никакія жалобы и заявленія неудовольствій на рѣшенія Синода не могли имѣть мѣста.

---

[1]) П. С. П и Р. по вѣд. прав. испов. т. I, № 1, стр. 2.
[2]) Тамъ же т. III, № 1115, стр. 161—162.

На практикѣ, долженъ былъ возникнуть и въ дѣйствительности существуетъ такой порядокъ вещей, по которому святѣйшій Синодъ совмѣщаетъ въ себѣ два вида и какъ бы степени суда,— судъ высшій по дѣламъ, восходящимъ на разсмотрѣніе святѣйшаго Синода изъ епархіальныхъ учрежденій, и судъ ординарный по дѣламъ, возникающимъ въ самомъ святѣйшемъ Синодѣ и рѣшаемымъ имъ самимъ. Въ первомъ случаѣ судъ святѣйшаго Синода дѣйствительно является судомъ высшимъ и окончательнымъ,—въ послѣднемъ—рѣшенія его могутъ вызывать мысль о желательности новаго пересмотра. Вслѣдствіе сего были и являются недовольные судомъ святѣйшаго Синода, которые и обращаются съ жалобами на Высочайшее Имя, примѣнительно къ существовавшей въ прежнее время въ свѣтскихъ судахъ практикѣ, по которой, несмотря на то, что по закону послѣднею ординарною инстанціею былъ правительствующій Сенатъ, приносились жалобы и на Сенатъ и даже на Государственный Совѣтъ Его Императорскому Величеству. При этомъ надо замѣтить, что правительствующій Сенатъ при его устройствѣ представлялъ то преимущество, по сравненію съ святѣйшимъ Синодомъ, что по разсмотрѣніи извѣстнаго дѣла въ одномъ изъ его департаментовъ, оно могло перейти и быть перенесено на рѣшеніе общаго собранія Сената. Въ святѣйшемъ Синодѣ для разсмотрѣнія приносимыхъ на его рѣшенія жалобъ установился мало по малу такой порядокъ, по которому подаваемыя на Высочайшее имя на рѣшенія святѣйшаго Синода по дѣламъ, подлежащимъ его вѣдѣнію, жалобы препровождаются къ оберъ-прокурору святѣйшаго Синода, коимъ представляются на Высочайшее усмотрѣніе справки и объясненія, и буде, вслѣдствіе таковыхъ справокъ и объясненій, признается нужнымъ пересмотръ дѣла, рѣшеннаго Синодомъ, въ такомъ случаѣ объявляется Синоду Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ дѣла, въ противномъ же случаѣ поступившая на Высочайшее Имя жалоба оставляется безъ послѣдствій. Такой порядокъ разрѣшенія жалобъ на рѣшенія святѣйшаго Синода установился съ конца первой четверти текущаго столѣтія. Съ теченіемъ времени этотъ порядокъ нѣсколько измѣнился въ томъ отношеніи, что въ большей части случаевъ, жалобы на рѣшенія

святѣйшаго Синода, присылаемыя къ синодальному оберъ-прокурору, непосредственно предлагаются святѣйшему Синоду, который, по выслушаніи таковыхъ жалобъ, или постановляетъ опредѣленіе объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на пересмотръ дѣла, а также и на отмѣну прежняго рѣшенія, или же объ оставленіи жалобы безъ удовлетворенія. Въ томъ и другомъ случаѣ сущность дѣла одинакова: обжалованное рѣшеніе подвергается пересмотру того самаго установленія, которое постановило оное рѣшеніе. Вслѣдствіе сего святѣйшій Синодъ, постановившій рѣшеніе, и синодальный оберъ-прокуроръ, признавшій такое рѣшеніе правильнымъ, подвергая снова собственному пересмотру окончательно разрѣшенное дѣло, являются судьями своихъ собственныхъ дѣйствій. Такой порядокъ вещей, обративъ на себя вниманіе оберъ-прокурора (графа Д. А. Толстаго), побудилъ его повергнуть на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе предположеніе объ измѣненіи существующаго порядка разрѣшенія жалобъ на рѣшенія святѣйшаго Синода. Во всеподданнѣйшей запискѣ по этому предмету синодальный оберъ-прокуроръ, указавъ съ одной стороны на то, что изображенный порядокъ пересмотра жалобъ на рѣшенія Синода не можетъ не стѣснять какъ самихъ присутствующихъ, такъ и синодальнаго оберъ-прокурора, съ другой—на то, что тотъ же порядокъ, навлекая въ общественномъ мнѣніи нареканіе на постановленныя такимъ образомъ рѣшенія, какъ-бы они правильны ни были, возбуждаетъ недовѣріе и даже неуваженіе къ духовному суду, изъяснялъ, что такой порядокъ не соотвѣтствуетъ и каноническимъ постановленіямъ о порядкѣ разсмотрѣнія обжалованныхъ рѣшеній высшихъ духовныхъ установленій. А именно по каноническимъ постановленіямъ (II всел. пр. 6 и друг.) дѣло, рѣшенное напр. однимъ соборомъ, не подвергается, вслѣдствіе неудовольствія на его рѣшенія, обсужденію и рѣшенію того же собора, но должно быть перенесено къ другому собору, бо́льшему прежняго. Соотвѣтственно сему и во избѣжаніе неудобства существующаго порядка разрѣшенія жалобъ на рѣшенія святѣйшаго Синода, по мнѣнію оберъ-прокурора, представлялось бы возможнымъ постановить, что эти жалобы должны разрѣшаться по большинству голосовъ, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ двухъ

третей епархіальныхъ архіереевъ, коимъ, примѣнительно къ порядку, установленному въ правительствующемъ Сенатѣ, должны быть разсылаемы въ мѣста ихъ пребыванія печатные экземпляры записокъ изъ дѣлъ и жалобъ". Предположенія синодальнаго оберъ-прокурора Высочайше повелѣно разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ, составленомъ изъ членовъ и присутствующихъ святѣйшаго Синода, а также нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ государства [1]).

Авторъ „Записокъ о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московскаго", надо думать, имѣетъ въ виду настоящее обстоятельство, когда сообщаетъ, что предполагалось, въ случаѣ жалобы на приговоры Синода, созывать епархіальныхъ начальниковъ, въ числѣ 24 изъ старѣйшихъ по іерархіи и менѣе отдаленныхъ отъ Петербурга. При невозможности же имъ собраться, станутъ требовать отъ нихъ мнѣнія на письмѣ по предложеннымъ дѣламъ и жалобамъ. Правило это легко примѣнить и къ инымъ важнымъ случаямъ, вопросамъ, столкновеніямъ и т. п. [2]). Равнымъ образомъ и въ комитетѣ по преобразованію духовно-судебной части заявлено было о томъ же обстоятельствѣ: „въ концѣ 1865 г. былъ учрежденъ комитетъ изъ членовъ святѣйшаго Синода и нѣсколькихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ съ цѣлію разрѣшить вопросъ: не признано ли будетъ полезнымъ жалобы на рѣшенія святѣйшаго Синода съ печатными выписками изъ самыхъ дѣлъ разсылать къ епархіальнымъ архіереямъ и такимъ образомъ надъ судомъ Синода учредить въ нѣкоторомъ смыслѣ высшую инстанцію въ соборномъ, хотя и заочномъ судѣ всѣхъ или многихъ епархіальныхъ архіереевъ" [3]).

Высочайше учрежденный 14 октября 1865 года особый Комитетъ въ засѣданіи 18 ноября, по разсмотрѣніи и обсужденіи изложенныхъ во всеподданнѣйшей запискѣ синодальнаго оберъ-прокурора предположеній объ измѣненіи существующаго порядка разрѣшенія жалобъ на рѣшенія святѣйшаго Синода, пришелъ къ различнымъ по сему предмету мнѣніямъ.

---

[1]) См. отнош. оберъ-прокурора с.-петерб. м. Исидору 18 октября 1865 г. № 2583. Рукоп. спб. дух. акад. № 22.

[2]) Сушковъ, Записки о жизни Филарета м. м., стр. 195—196.

[3]) См. Записк. чит. 7 мая въ засѣд. ком. стр. 55.

Нѣкоторые изъ членовъ сего комитета находили предложенный новый порядокъ пересмотра рѣшеній святѣйшаго Синода неудобнымъ и несогласнымъ съ общимъ духомъ законовъ Имперіи и съ постановленіями нашей церкви. Въ разъясненіе неудобства сего порядка, означенные члены указывали на то, что мнѣнія о правильности, или неправильности рѣшеній св. Синода, отбираемыя по епархіямъ отъ каждаго архіерея порознь, при подчиненіи ихъ святѣйшему Синоду, и при совершенной отъ него зависимости, едва ли, по слабости человѣческой, всегда будутъ соотвѣтствовать предположенной цѣли. Кромѣ того печатаніе записокъ изъ дѣлъ и жалобъ, разсылка ихъ въ епархіи, иногда весьма отдаленныя, и наконецъ ожиданія заключеній отъ каждаго изъ архіереевъ—все это неизбѣжно повлечетъ за собою значительную медленность къ напрасному отягощенію просителей, которые нерѣдко удаляются отъ мѣстъ и слѣдственно въ ожиданіи рѣшенія ихъ участи остаются безъ средствъ къ пропитанію. Далѣе изъ собранныхъ такимъ способомъ личныхъ мнѣній каждаго архіерея порознь, выраженныхъ безъ предварительнаго совѣщанія съ прочими и безъ тѣхъ преній, которыя, проясняя мысли, при взаимныхъ уступкахъ, нерѣдко ведутъ къ достиженію единогласія, вѣроятно весьма рѣдко составится требуемое большинство голосовъ; а если во избѣжаніе разнообразія въ отзывахъ архіереевъ, ограничить сужденія ихъ одними отвѣтами на предложенные Синодомъ вопросы, безъ права входить въ оцѣнку самой постановки этихъ вопросовъ, то это значило бы разрушать всякую свободу мнѣній, навязывая такъ сказать извѣстный взглядъ на дѣло. При разномысліи мѣстныхъ архіереевъ, или при существенныхъ оттѣнкахъ въ ихъ мнѣніяхъ, постановлять окончательное заключеніе долженъ все тотъ же святѣйшій Синодъ; слѣдовательно необходимость въ пересмотрѣ имъ своихъ рѣшеній останется та-же, какъ и прежде. Введеніе предполагаемаго новаго порядка потрясло бы довѣріе къ прежнимъ рѣшеніямъ святѣйшаго Синода, уронило бы въ общественномъ мнѣніи его достоинство и значеніе, возбудило бы сомнѣніе въ отношеніи дѣлъ, уже окончательно имъ рѣшенныхъ, а при злонамѣренныхъ лжетолкованіяхъ легко можетъ повести къ новымъ разномысліямъ и расколамъ въ

нашей церкви. Разсматривая со стороны правильности и законности предполагаемый порядокъ разрѣшенія жалобъ на святѣйшій Синодъ, тѣ же члены находили, что по основнымъ нашимъ законамъ „Императоръ, яко христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры и блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочестія“. Согласно съ этимъ, по правиламъ Духовнаго Регламента, члены Синода въ присягѣ своей произносятъ слова: „исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самаго Всероссійскаго Монарха“. Изъ этого начала совершенно послѣдовательно истекаетъ какъ то, что жалобы на Синодъ подаются Государю Императору,—такъ и то, что по дѣлу, рѣшенному Синодомъ, можетъ быть объявлено Высочайшее повелѣніе или соизволеніе на пересмотръ дѣла вновь. По дѣламъ, пересматриваемымъ и вообще по дѣламъ всякаго рода, святѣйшій Синодъ нерѣдко пользовался своимъ правомъ требовать заключенія отсутствующихъ архіереевъ по своему выбору, и полученныя отъ нихъ донесенія принималъ въ соображеніе при окончательномъ рѣшеніи. Нынѣ предполагается это право святѣйшаго Синода превратить въ обязанность, и жалобы на его рѣшенія непремѣнно отдавать на судъ всѣхъ, или двухъ третей архіереевъ. При обязательности приговора сихъ послѣднихъ для святѣйшаго Синода, ясно, что такимъ образомъ была бы у насъ введена новая духовно-судебная инстанція, поставленная выше самаго святѣйшаго Синода и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ допущенъ родъ апелляціи на его рѣшенія. Но можно ли учредить подобную инстанцію на предполагаемыхъ началахъ? По правиламъ церковнымъ (всел. II пр. 6) недовольные рѣшеніемъ епископовъ области обращаются къ бо́льшему собору въ своей области. Святѣйшій Синодъ не есть какой-либо соборъ мѣстныхъ епископовъ области,—но имѣетъ соборную власть во всей русской церкви, — посему одни, подвѣдомые Синоду архіереи, хотя бы всей Россіи, не составятъ еще въ отношеніи къ нему требуемаго собора великія области. Притомъ святѣйшій Синодъ учрежденъ въ Россіи взамѣнъ патріарха, за Синодомъ оставленъ титулъ „святѣйшества“, и восточные патріархи называютъ его „возлюблен-

нымъ о Господѣ братомъ". При такомъ значеніи Синода и даже высшемъ, „понеже соборъ есть" (какъ сказано въ Регламентѣ), можно ли допустить мысль, чтобъ собраніе подчиненныхъ могло стать высшимъ надъ нимъ судьею? Предположеніе посылать дѣла на заключеніе архіереевъ въ мѣста ихъ жительства, безъ созванія ихъ въ одно мѣсто, противорѣчило бы укоренившемуся въ церкви и въ общественномъ мнѣніи понятію о соборѣ, и большинству голосовъ, такимъ образомъ отобранныхъ, нельзя даже и приписать значеніе постановленія соборнаго. Ежели въ древней церкви иногда случались примѣры, что нѣкоторые изъ епископовъ присылали на соборъ письменныя мнѣнія, то это составляло только изъятіе; общее же правило всегда было то, что соборъ былъ созываемъ, и большинство членовъ его состояло на лицо; собору же заочному никогда не бывало примѣра въ церкви православной. Обративъ далѣе вниманіе на указываемую стѣснительность для святѣйшаго Синода по существующему порядку пересматривать свои же рѣшенія, а также несогласіе сего порядка съ принятымъ для правительствующаго Сената и съ церковными законами, тѣ же члены разсуждали: коль скоро рѣшеніе постановлено такимъ судомъ, на который уже нѣтъ апелляціи, а дозволено только въ крайности прибѣгать къ Императорскому Величеству; то удовлетвореніе жалобъ можетъ состоять единственно въ Высочайшемъ соизволеніи на пересмотръ и исправленіе рѣшенія тѣмъ же высшимъ въ государствѣ судомъ, которымъ оно постановлено. Такой судъ, облеченный по самому составу своему всею силою Монаршаго довѣрія, будетъ всегда желать только одного достиженія истины, а для этого конечно не стѣснится и тѣмъ, если достигнетъ ея путемъ пересмотра своего рѣшенія, особенно когда въ дѣлѣ окажутся новыя стороны, или такіе факты и обстоятельства, которые прежде не имѣлись въ виду. Иначе, допуская мысль о необходимости разбирать жалобы на высшій судъ непремѣнно въ какой-либо еще высшей инстанціи, пришлось бы учреждать надъ сею послѣднею еще другую, надъ этою опять третью инстанцію и т. д. Въ правительствующемъ Сенатѣ рѣшенія департаментовъ пересматриваются по жалобамъ въ общемъ собраніи Сената; это обстоятельство не

можетъ служить къ опроверженію существующаго въ настоящее время порядка пересмотра рѣшеній святѣйшаго Синода въ немъ самомъ; ибо въ Синодѣ нѣтъ департаментовъ, и значеніе его, какъ высшаго духовнаго судилища, осталось и послѣ учрежденія Государственнаго Совѣта тѣмъ же, какимъ оно было во время Петра I. Къ тому же не рѣдки случаи, когда и Государственному Совѣту повелѣвается снова пересмотрѣть дѣла, единожды уже окончательно въ немъ рѣшенныя. Существующій нынѣ порядокъ пересмотра рѣшеній святѣйшаго Синода, вполнѣ согласуясь съ его достоинствомъ, какъ коллегіи, замѣнившей патріарха россійскаго, не противорѣчитъ и правиламъ церкви (Всел. IV пр. 9), по которымъ судебною инстанціею считается престолъ царствующаго Константинополя; при чемъ нигдѣ нѣтъ указаній, чтобы духовенство одной константинопольской епархіи, даже и созванное на дѣйствительный соборъ, могло быть высшею инстанціею въ отношеніи къ своему патріарху. Предложивъ изложенныя соображенія, высказавшіе оныя члены не находили ни побужденій, ни основанія измѣнять тотъ порядокъ, который существуетъ полтора вѣка и неоднократно подтверждался Высочайшими повелѣніями, а потому полагали и на будущее время сохранить тотъ же порядокъ съ предположеніемъ, что отъ собственной воли святѣйшаго Синода всегда будетъ зависѣть по приносимымъ на его рѣшенія жалобамъ входить въ сношеніе и совѣщаніе съ тѣмъ или другимъ, или нѣсколькими по его усмотрѣнію, изъ епархіальныхъ архіереевъ.

Одинъ изъ совѣщавшихся членовъ, сознавая безвредность предположенія о предоставленіи епархіальнымъ преосвященнымъ всѣмъ, или нѣкоторымъ изъ нихъ, разбирать приносимыя на рѣшенія святѣйшаго Синода жалобы и не прекословя сему предложенію, не раздѣлялъ убѣжденія, что это предположеніе полезнѣе и правильнѣе соблюдаемаго порядка и сообразнѣе съ достоинствомъ святѣйшаго Синода, какъ высшаго духовнаго суда, какъ постояннаго собора въ россійской церкви. Раскрывая свою мысль, этотъ членъ изъяснилъ: по церковнымъ правиламъ рѣшенія меньшаго собора могутъ подлежать суду бо́льшаго собора, но въ тѣхъ же правилахъ нѣтъ основанія, по которому судъ епископовъ, какъ-бы ни было велико ихъ число, въ

ихъ отдѣльности и безъ высшаго іерархическаго лица во главѣ ихъ, можно было бы признать за судъ соборный и притомъ высшій суда святѣйшаго Синода, въ которомъ предсѣдательствуютъ высшія іерархическія лица—митрополиты, и котораго рѣшенія епархіальные архіереи должны принимать безпрекословно. Требовать отъ епархіальныхъ архіереевъ предварительныхъ мнѣній для постановленія рѣшенія въ святѣйшемъ Синодѣ по какому-либо важному предмету—это и полезно и правильно и дѣлается въ настоящее время. Для того же, чтобы жалобы на рѣшенія духовныхъ судовъ были обсуждаемы и окончательно рѣшаемы, согласно съ церковными правилами, по которымъ рѣшенія меньшаго собора подлежатъ суду собора бо́льшаго, по мнѣнію этого члена, надлежитъ принять слѣдующее: 1) жалобы на рѣшенія епархіальныхъ начальствъ предоставить разбирать московской синодальной конторѣ, которая составляетъ малый соборъ, и которую приличнѣе наименовать московскимъ отдѣленіемъ святѣйшаго Синода; 2) недовольнымъ рѣшеніями московскаго синодальнаго отдѣленія предоставить право обращаться къ святѣйшему Синоду, какъ бо́льшему собору, котораго рѣшенія должны быть почитаемы за окончательныя. Въ случаѣ, будетъ признано нужнымъ, придать рѣшеніямъ святѣйшаго Синода, какъ собора бо́льшаго, бо́льшую силу и значеніе при разсмотрѣніи жалобъ на московское синодальное отдѣленіе, можно назначить одинъ мѣсяцъ въ году и на это время приглашать для присутствованія въ святѣйшемъ Синодѣ нѣкоторыхъ изъ преосвященныхъ тѣхъ епархій, которыя соединены съ Петербургомъ желѣзными дорогами.

Большинство членовъ,—не раздѣляя высказанныхъ въ предшествующихъ мнѣніяхъ соображеній и вполнѣ соглашаясь съ предположеніемъ, изложеннымъ во всеподданнѣйшей запискѣ синодальнаго оберъ-прокурора по сему предмету,—въ устраненіе высказанныхъ противъ сего предположенія возраженій, а также въ разъясненіе существа и цѣлесообразности принимаемаго предположенія, остановилось на слѣдующихъ соображеніяхъ. Общая и вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не существенная мысль, представленная въ опроверженіе предполагаемаго порядка разрѣшать жалобы на рѣшенія святѣйшаго Синода, заключается въ томъ, что этотъ порядокъ не

соотвѣтствуетъ достоинству и значенію святѣйшаго Синода, какъ высшаго, со времени его учрежденія, духовнаго судилища въ Россіи. Дѣйствительно, святѣйшій Синодъ, по идеѣ его учрежденія въ Духовномъ Регламентѣ, представляется „высшимъ судилищемъ“ и въ грамотахъ восточныхъ патріарховъ именуется „возлюбленнымъ о Господѣ братомъ“ и имѣетъ значеніе высшее патріарха „понеже соборъ есть“, — тѣмъ не менѣе, несмотря на такое значеніе святѣйшаго Синода, самодержавная власть, учредившая это установленіе, признала возможнымъ и необходимымъ отклонить первоначально усвоенное ему право безотчетнаго и окончательнаго рѣшенія судныхъ дѣлъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Это дѣйствіе верховной власти уронило ли достоинство святѣйшаго Синода, если даже признавать его по значенію выше патріарха, понеже соборъ есть. Напротивъ, это дѣйствіе верховной власти, какъ приближающееся къ требованію каноническихъ правилъ, допускающихъ жалобы даже на соборы, не заключаетъ въ себѣ ничего несоотвѣтствующаго достоинству святѣйшаго Синода. Опасенія относительно того, — что „введеніе новаго порядка пересмотра рѣшеній святѣйшаго Синода можетъ потрясти довѣріе къ прежнимъ рѣшеніямъ святѣйшаго Синода, уронить его достоинство и значеніе въ общественномъ мнѣніи, возбудить сомнѣнія касательно дѣлъ, прежде рѣшенныхъ, и повести къ разномыслiямъ и расколамъ“,—большинство членовъ признало напрасными и излишними, потому что при опасеніяхъ подобнаго рода надлежало бы навсегда отказаться отъ всякаго рода улучшеній, измѣненій и преобразованій по судебной части въ виду предположеній, что вновь введенный порядокъ можетъ потрясти довѣріе къ рѣшеніямъ суда, постановленнымъ на основаніи прежняго порядка, и возбудить сомнѣнія въ отношеніи дѣлъ, окончательно имъ рѣшенныхъ. Въ частности по поводу мысли, что новый порядокъ уронитъ достоинство и значеніе святѣйшаго Синода въ общественномъ мнѣніи, большинство членовъ, согласно съ мнѣніемъ высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, засвидѣтельствовало, что „достоинство и значеніе святѣйшаго Синода, какъ духовнаго судилища, роняется въ общественномъ мнѣніи именно вслѣдствіе нынѣ существующаго порядка разрѣшенія жалобъ, вве-

деннаго собственно въ послѣднія тридцать лѣтъ, ибо, какъ выразился покойный митрополитъ въ своемъ мнѣніи по настоящему дѣлу: „подтвержденіе обжалованнаго рѣшенія тѣмъ же собраніемъ, которымъ оно постановлено, не убѣдительно для жалующихся, а измѣненіе рѣшенія тѣмъ же собраніемъ, которымъ оно постановлено, вредитъ достоинству сего собранія во мнѣніи общественномъ". Возбуждаетъ крайнее недоумѣніе и мысль о томъ, что предполагаемый порядокъ разсмотрѣнія жалобъ на рѣшенія святѣйшаго Синода можетъ повести къ разномысліямъ и расколамъ, когда предполагается съ одной стороны отмѣна обычая, подрывающаго общественное довѣріе къ святѣйшему Синоду и внушающаго неуваженіе къ духовному суду, съ другой — замѣна такого порядка новымъ, который приближается, насколько это возможно по мѣстнымъ обстоятельствамъ русской церкви, къ установленному каноническими правилами порядку. Большинство членовъ выражаетъ при этомъ надежду, что „новый порядокъ, открывая давно желаемую возможность къ общему и совокупному дѣйствованію пастырей отечественной церкви и къ выраженію мысли и голоса ея, хотя въ дѣлахъ судныхъ, при дальнѣйшемъ благоразумномъ развитіи этого благодѣтельнаго начала, успокоитъ и умиритъ съ церковію и нѣкоторые толки въ самомъ старообрядчествѣ, или расколѣ". Извѣстно, что раскольники упрекаютъ православную церковь въ недостаткѣ единенія и въ отсутствіи всякаго общенія между пастырями церкви, и что это именно обстоятельство побуждаетъ ихъ чуждаться православной іерархіи. Неубѣдительно и заявленіе, что при зависимости епархіальныхъ архіереевъ отъ святѣйшаго Синода и человѣческой слабости трудно ожидать отъ нихъ свободы въ мнѣніяхъ, ибо и въ древней церкви епископы всегда находились въ зависимости какъ отъ первыхъ епископовъ области — митрополитовъ, такъ и отъ собора, и тѣмъ не менѣе ни эта зависимость, ни слабость человѣческая не препятствовали каждому епископу порознь свободно и самостоятельно выражать свой рѣшительный голосъ, когда по дѣламъ церковнымъ онъ требовался отъ епископовъ. Поэтому нѣтъ основанія предполагать, что только современные и будущіе епископы русской церкви, вслѣдствіе зависимости отъ святѣйшаго Синода, не испол-

нятъ, по слабости человѣческой, долга своего по отношенію къ дѣламъ церкви, имъ ввѣряемымъ. Не опасна и медленность въ собираніи мнѣній отъ архіереевъ, — ибо она можетъ быть устранена какъ надлежащими распоряженіями о безотлагательномъ напечатаніи и разсылкѣ записокъ,—такъ и назначеніемъ опредѣленнаго срока для доставленія преосвященными отзывовъ, согласно о томъ мнѣнію митрополита московскаго. Не подрываетъ существа предположенія и мысль, что при отсутствіи личныхъ совѣщаній епископовъ между собою трудно достигать единогласія ихъ въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ. Судебная практика не показываетъ, что единомысліе въ мнѣніяхъ по судебнымъ дѣламъ проистекало во всѣхъ или хотя въ большей части случаевъ, вслѣдствіе словесныхъ совѣщаній и преній между судьями,—взаимныя же уступки въ мнѣніяхъ хотя и могутъ вести къ единогласію, но въ дѣлахъ собственно судебныхъ, и притомъ судебно-духовныхъ, едвали даже полезны и желательны; ибо въ дѣлахъ сего рода существенная важность заключается не въ личномъ воззрѣніи судей (какъ это бываетъ въ дѣлахъ административныхъ), а въ правильномъ примѣненіи разума закона, или сущности церковнаго правила по соображенію обстоятельствъ дѣла. Напрасны и преждевременны опасенія и относительно того, что ограниченіе сужденія епископовъ одними отвѣтами на вопросы, предложенные святѣйшимъ Синодомъ по каждому дѣлу, можетъ разрушить свободу ихъ мнѣній, ибо если святѣйшему Синоду будетъ предоставлено составить подробныя правила въ разъясненіе основнаго положенія, изложеннаго во всеподданнѣйшей запискѣ синодальнаго оберъ-прокурора, то нѣтъ сомнѣнія, что святѣйшій Синодъ при начертаніи таковыхъ правилъ совершенно устранитъ возможность какихъ бы то ни было вопросовъ, вытекающихъ изъ существа дѣла, а ограничится указаніемъ въ правилахъ, что каждый епископъ, пользуясь полнымъ правомъ свободно и самостоятельно излагать какъ причины, основанія и побужденія, по коимъ онъ признаетъ рѣшеніе Синода правильнымъ или неправильнымъ, такъ и свое убѣжденіе относительно примѣненія законовъ къ дѣлу, подлежащему обсужденію, обязывается однако въ заключеніе своего мнѣнія положительно точно и ясно сказать: полагаетъ

ч

ли онъ оставить въ силѣ обжалованное рѣшеніе, или же признаетъ подлежащимъ отмѣнѣ, и въ семъ послѣднемъ случаѣ, согласно ли ходатайству, изъясненному въ жалобѣ. Начертаніе такого правила устранитъ предполагаемое неудобство. Неумѣстно и предположеніе, будто съ введеніемъ новаго порядка Синоду необходимо будетъ пересматривать свои рѣшенія и постановлять заключеніе при разномысліи архіереевъ, или существенныхъ оттѣнкахъ въ ихъ мнѣніяхъ. Дѣло въ томъ, что святѣйшій Синодъ по поводу свода мнѣній епархіальныхъ архіереевъ, и счета голосовъ, согласныхъ и несогласныхъ съ его рѣшеніемъ, не будетъ имѣть надобности входить въ пересмотръ своего рѣшенія, чтобы постановить еще какое-то свое собственное окончательное рѣшеніе по существу дѣла,—а долженъ будетъ только засвидѣтельствовать, что по большинству голосовъ епархіальныхъ архіереевъ по такому-то дѣлу состоялось такое-то рѣшеніе, которое и подлежитъ исполненію. При такомъ способѣ дѣйствованія со стороны святѣйшаго Синода неумѣстны ни пересмотръ своего рѣшенія, ни постановленіе окончательнаго рѣшенія.

Относительно замѣчаній на счетъ правильности и неправильности предположеннаго порядка и въ частности той общей мысли, — что предполагаемый порядокъ несогласенъ съ законами Имперіи и постановленіями нашей церкви,—большинство членовъ высказалось, что этотъ порядокъ ни въ чемъ не противорѣчитъ законамъ Имперіи и постановленіямъ нашей церкви, даже если предположить, что жалобы на святѣйшій Синодъ, вслѣдствіе этого порядка, могутъ быть приносимы не Государю Императору, и что по дѣламъ, рѣшеннымъ Синодомъ, не могутъ уже быть объявлены Высочайшія повелѣнія и вообще откроется возможность не утруждать Особы Его Императорскаго Величества ни принесеніемъ жалобъ, ни испрашиваніемъ Высочайшихъ соизволеній. Развѣ верховной власти не принадлежитъ право въ отмѣну существующаго порядка пересмотра Синодомъ своихъ рѣшеній установить другой порядокъ, болѣе сообразный съ требованіями отечественной церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствующій, на сколько возможно по мѣстнымъ обстоятельствамъ русской церкви, каноническимъ постановле-

ніямъ, именно тотъ порядокъ, какой предложенъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. Верховная власть совершенно вправѣ измѣнить или отмѣнить существующій порядокъ, подобно тому, какъ она признала полезнымъ отмѣнить жалобы на Правительствующій Сенатъ, коихъ по новымъ судебнымъ уставамъ не допускается. Указываемое противорѣчіе предполагаемаго порядка церковнымъ канонамъ въ томъ,—что по правиламъ церковнымъ (Всел. 11 пр. 6) недовольные рѣшеніемъ епископовъ области обращаются къ бо́льшему собору великія области, но одни подвѣдомые святѣйшему Синоду архіереи, хотя бы и всей Россіи, не составляютъ еще въ отношеніи къ нему требуемаго собора великія области — ибо святѣйшій Синодъ не есть какой-либо соборъ мѣстныхъ епископовъ области, а имѣетъ соборную власть во всей Россіи, — не можетъ быть сочтено умѣстнымъ. Возраженіе это основано на предположеніи, что великая область, о которой говорится въ церковномъ правилѣ, имѣетъ по своему качеству высшее значеніе, въ сравненіи съ обыкновенною простою областію. Между тѣмъ въ указанномъ правилѣ высшее значеніе, усвояемое бо́льшему собору епископовъ великія области, въ сравненіи съ соборомъ епископовъ простой области, основывается исключительно на бо́льшемъ ихъ числѣ; ибо въ этомъ правилѣ говорится объ округѣ, имѣющемъ меньшее число епископовъ, и объ округѣ, имѣющемъ большее число епископовъ. Означенное возраженіе вообще имѣло бы силу въ томъ случаѣ, если бы святѣйшій Синодъ состоялъ изъ всѣхъ епископовъ Россіи; тогда дѣйствительно не было бы возможности обращаться къ бо́льшему числу епископовъ. При настоящемъ же положеніи, когда святѣйшій Синодъ состоитъ только изъ немногихъ епископовъ, обращеніе къ бо́льшему ихъ числу вполнѣ законно и нисколько не противорѣчитъ силѣ выше приведеннаго церковнаго правила. Мысль о томъ, будто архіереи со всей Россіи не могутъ въ отношеніи къ святѣйшему Синоду, какъ подвѣдомые ему, составить бо́льшаго собора, не имѣетъ силы въ виду примѣровъ православной церкви древней и нашей, когда дѣйствіе митрополитовъ по 1 прав. III всел. собор. и патріарховъ (съ которыми сравнивается святѣйшій Синодъ), по примѣру митрополитовъ, были обсуждаемы

соборомъ при участіи епископовъ подвѣдомыхъ имъ. Въ понятіи о святѣйшемъ Синодѣ, какъ соборѣ, допускается преувеличеніе. Святѣйшій Синодъ, говорятъ, не есть какой-либо соборъ мѣстныхъ епископовъ области, а имѣетъ соборную власть во всей Россіи и не только равенъ патріархамъ, но и выше ихъ, понеже соборъ есть. Въ настоящемъ случаѣ, конечно, святѣйшій Синодъ ставляется въ качествѣ собора высшаго, чѣмъ, какимъ былъ бы соборъ, составленный изъ всѣхъ архіереевъ. Ни восточные патріархи, ни наши никогда не усвояли себѣ значенія высшаго, чѣмъ авторитетъ собора всѣхъ, подвѣдомыхъ имъ архіереевъ. Равнымъ образомъ приводимое въ защиту существующаго порядка пересмотра рѣшеній святѣйшаго Синода каноническое будто бы основаніе, что этотъ порядокъ не противорѣчитъ церковнымъ правиламъ (Всел. IV пр. 9), по которымъ послѣднею судебною инстанціею считается престолъ царствующаго Константинополя, не оправдывается дѣйствительною справкою съ указаннымъ канономъ. Дѣло въ томъ, что этотъ канонъ не имѣетъ того значенія, въ какомъ онъ приводится. Канонъ разсуждаетъ о порядкѣ суда въ томъ случаѣ, когда епископъ, или клирикъ имѣетъ неудовольствія на митрополита области, и предписываетъ обращаться въ этомъ случаѣ или къ экзарху великія области (вмѣщавшей нѣсколько митрополій), или же къ престолу царствующаго града Константинополя и предъ нимъ судиться. Въ обсуждаемомъ предположеніи вопросъ не о томъ, къ кому подавать жалобу на митрополита, а о томъ, кому жаловаться на рѣшеніе святѣйшаго Синода, съ которымъ сравниваютъ патріаршій престолъ царствующаго Константинополя. Объ этомъ вопросѣ правило не говоритъ и въ немъ нѣтъ указаній, чтобы духовенство одной константинопольской патріархіи могло быть высшею инстанціею въ отношеніи къ своему патріарху. Сущность защищаемой мысли болѣе была бы подтверждена положительнымъ, а не отрицательнымъ способомъ доказательства, т. е. если бы было указано, что въ правилахъ церковныхъ гдѣ-либо говорится, что напр. митрополитъ или патріархъ, въ случаѣ неудовольствія, объявленнаго на его рѣшеніе, снова самъ пересматриваетъ прежнее свое рѣшеніе. Но такого указанія въ церковныхъ правилахъ конечно

нельзя найти, точно также, какъ нельзя указать, чтобы и нынѣ гдѣ-либо существовало, за исключеніемъ святѣйшаго Синода, судебное учрежденіе, изрекающее судъ о своихъ рѣшеніяхъ.

Въ числѣ второстепенныхъ доводовъ противъ принятія предполагаемаго порядка указываютъ на то, что Синодъ и прежде требовалъ заключенія отъ архіереевъ, принималъ ихъ въ соображеніе, а нынѣ полагаютъ превратить это правило въ обязанность. Въ виду сего указанія большинство членовъ соглашаясь, что дѣйствительно были случаи, когда преимущественно по вопросамъ законодательнымъ святѣйшій Синодъ требовалъ заключенія отъ епархіальныхъ архіереевъ, разъяснило, что въ настоящемъ порядкѣ требованія мнѣній епархіальныхъ архіереевъ нѣтъ ничего общаго съ предполагаемымъ порядкомъ; ибо при настоящемъ порядкѣ зависитъ совершенно отъ самого Синода принять или не принять въ уваженіе, тѣ заключенія, которыя даны епархіальными архіереями,— напротивъ при новомъ порядкѣ мнѣніе архіерея даже по жалобѣ, принесенной на рѣшеніе святѣйшаго Синода, будетъ выражать рѣшительный его по дѣлу голосъ, котораго уже нельзя будетъ по произволу принять или не принять въ уваженіе. Въ большинствѣ же такихъ голосовъ будетъ сказываться голосъ самой церкви. При томъ позволительно замѣтить, что существующій нынѣ порядокъ истребованія заключеній отъ епархіальныхъ архіереевъ, въ томъ числѣ даже отъ отсутствующихъ синодальныхъ членовъ, рѣшительно отличается отъ порядка истребованія заключеній высшими государственными установленіями отъ лицъ, принадлежащихъ по своему званію къ ихъ составу. Всѣ министры по званію своему присутствуютъ въ Сенатѣ, тѣмъ не менѣе истребованныя отъ нихъ сенатомъ мнѣнія исчисляются въ общемъ счетѣ голосовъ сенаторовъ не только при рѣшеніи дѣлъ въ департаментѣ сената, но даже и въ общемъ его собраніи. Мнѣніе же епархіальнаго архіерея, даже имѣющаго званіе синдальнаго члена, истребованное Синодомъ по какому либо дѣлу, въ счетъ голосовъ его рѣшающихъ, не пріемлется и можетъ быть оставлено Синодомъ безъ послѣдствій. Находятъ, что предположеніе посылать дѣла на заключеніе архіереевъ безъ созванія ихъ въ одно мѣсто противорѣчитъ понятію о со-

борѣ, и большинству голосовъ такимъ образомъ собранныхъ нельзя приписать постановленія соборнаго, тѣмъ болѣе, что судъ епископовъ, въ ихъ отдѣльности и безъ высшаго іерархическаго лица, нѣтъ основанія признавать за судъ соборный, и притомъ высшій суда святѣйшаго Синода, въ которомъ присутствуютъ высшія іерархическія лица и митрополиты. По поводу сего замѣчанія большинство членовъ, выходя изъ мысли, что названіемъ собора напр. помѣстнаго выражается между прочимъ участіе въ дѣлахъ его всѣхъ помѣстныхъ церквей, участіе или въ лицѣ предстоятелей—епископовъ сихъ церквей, или чрезъ ихъ пословъ, или же чрезъ письменныя ихъ посланія, высказалось: „хотя созваніе всѣхъ епископовъ русской церкви, или ихъ пословъ было бы весьма желательно для блага церкви во многихъ отношеніяхъ,—тѣмъ не менѣе созваніе ихъ изъ всѣхъ предѣловъ обширной Имперіи въ одно мѣсто неудобно, какъ высказался по этому предмету преосвященный митрополитъ Филаретъ: „путешествіе епископовъ, разсмотрѣніе дѣлъ и возвращеніе оставили бы епархіи, особенно отдаленныя, на долгое время безъ архіерея, къ великому затрудненію управленія и къ остановкѣ епархіальныхъ дѣлъ, требующихъ неукоснительнаго разрѣшенія собственно архіереемъ“. Въ виду такихъ обстоятельствъ, по необходимости, вмѣсто созванія архіереевъ, предстоитъ ограничиться посылкою къ нимъ на заключеніе печатныхъ записокъ изъ дѣлъ и жалобъ. Въ заключеніяхъ епископовъ, такимъ способомъ полученныхъ, будутъ выражаться мысль и голосъ церкви и общее совокупное дѣйствованіе ея предстоятелей—пастырей. А въ этомъ и заключаются существенныя условія всякаго помѣстнаго собора. Мысль о томъ, что судъ такого собора, безъ высшаго во главѣ его лица, нельзя признать за судъ соборный, притомъ высшій суда святѣйшаго Синода, ослабляется тѣмъ, что въ святѣйшемъ Синодѣ постоянно присутствуетъ одинъ митрополитъ, и что слѣдовательно, если необходимо, чтобы на подобіе святѣйшаго Синода, въ числѣ собора епископовъ русской церкви находились высшія іерархическія лица, то таковыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи всегда будетъ больше, чѣмъ въ самомъ Синодѣ. Предположеніе о томъ, чтобы жалобы на рѣшенія епархіальныхъ начальствъ предоставить разбирать москов-

ской синодальной конторѣ, какъ меньшему собору, съ предоставленіемъ недовольнымъ такимъ рѣшеніемъ обращаться къ святѣйшему Синоду, какъ бо́льшему собору, не соотвѣтствуетъ духу и сущности каноническихъ постановленій и неудобоисполнимо. Соборъ, по силѣ церковныхъ каноновъ, долженъ состоять изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, такъ что безъ особо уважительныхъ причинъ, воспрещается неучастіе сихъ епископовъ въ дѣлахъ собора (1 Всел. 5, Аѳин. 20, Лаод. 40, IV Всел. 19, VI Всел. 8). Но какъ русская церковь нераздѣлена на области, къ которымъ приписано опредѣленное число епархій,—то малый соборъ, на основаніи каноническихъ постановленій, надлежало бы составить изъ всѣхъ русскихъ епархіальныхъ архіереевъ по той причинѣ, что всѣ они, по дѣламъ ихъ епархій, состояли бы въ вѣдѣніи и были бы подсудны, согласно выше изложенному предположенію, сему малому собору; но такой соборъ, какъ составленный изъ всѣхъ епископовъ русской церкви, былъ бы соборомъ бо́льшимъ святѣйшаго Синода, въ которомъ присутствуютъ не всѣ епископы, подлежащіе въ свою очередь вѣдѣнію малаго собора. Такимъ образомъ не представлялось бы возможнымъ на малый соборъ—состоящій изъ большаго числа епископовъ, жаловаться святѣйшему Синоду, состоящему изъ меньшаго числа епископовъ.

На основаніи приведенныхъ соображеній, не находя побужденій сохранять существующій порядокъ разрѣшенія жалобъ на святѣйшій Синодъ, введенный въ послѣднія тридцать лѣтъ и вредящій достоинству сего установленія, большинство членовъ, согласно съ мнѣніемъ митрополита Филарета, полагало: въ замѣнъ существующаго порядка разрѣшенія жалобъ на святѣйшій Синодъ по дѣламъ суднымъ, принять предложенный синодальнымъ оберъ-прокуроромъ какъ приближающійся, на сколько возможно, по мѣстнымъ условіямъ отечественной церкви, къ требованіямъ каноническимъ, и заключающійся въ томъ, чтобы жалобы на Синодъ по этимъ дѣламъ разрѣшались по большинству голосовъ всѣхъ, а если это невозможно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, то двухъ третей членовъ епархіальныхъ архіереевъ, для каковой цѣли разсылать къ нимъ печатныя записки изъ дѣлъ и жалобъ. Въ развитіи сего

основнаго положенія, буде оно удостоится Высочайшаго утвержденія, предоставить святѣйшему Синоду, составить подробныя правила съ тѣмъ, чтобы по одобреніи Его Императорскимъ Величествомъ, руководствоваться ими на будущее время по настоящему предмету.

На представленномъ особымъ комитетомъ на Высочайшее благоуваженіе журналѣ 17 декабря 1865 г. послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: „исполнить по мнѣнію большинства“.

Возбужденный вопросъ живо интересовалъ предстоятелей русской церкви, и осуществленіе высказанныхъ въ разрѣшеніе этого вопроса предположеній представлялось весьма желательнымъ. Вотъ какъ между прочимъ по сему предмету высказался въ письмѣ къ архіепископу костромскому Платону высокопреосвященный митрополитъ кіевскій Арсеній, самъ лично принимавшій участіе въ засѣданіяхъ комитета при обсужденіи настоящаго вопроса. Митрополитъ писалъ: „Вотъ для новаго года интересная наша новость, которая, надѣюсь, васъ порадуетъ также, какъ она радуетъ насъ, ибо не безъ борьбы досталась намъ. Отнынѣ по жалобамъ на святѣйшій Синодъ рѣшенія будутъ зависѣть не отъ канцеляріи святѣйшаго Синода, подъ эгидою Высочайшихъ повелѣній—а отъ разсужденія всѣхъ русскихъ епископовъ, къ которымъ будутъ присылаться печатныя записки о дѣлахъ на ихъ усмотрѣніе. Это значитъ, что дѣло отъ меньшаго собора переносится на разсмотрѣніе суда большаго — отъ Синода ко всему сонму епископовъ. Не правда ли, заключалъ свое сообщеніе маститый іерархъ, что такой порядокъ обѣщаетъ впослѣдствіи плоды добрые, лишь бы наша братія добрѣ поняла и умѣла тѣмъ пользоваться. Sat sapicati“ [1]).

Въ разсужденіяхъ Высочайше учрежденнаго комитета по вопросу о новомъ порядкѣ разрѣшенія жалобъ на рѣшенія святѣйшаго Синода съ опредѣленностію высказана мысль, что святѣй-

[1]) См. Русс. Архивъ 1892 г. февраль, стр. 219. Письма митр. кіевск. Арсенія. Письмо 23 отъ 24 декабря 1865 г.

шій Синодъ, со времени его учрежденія, испытывалъ тѣ или другія измѣненія въ его положеніи и правахъ. Въ сужденіяхъ означеннаго комитета буквально заявлялось: „нельзя безусловно признать, что значеніе Синода осталось тѣмъ же донынѣ, какимъ было при его основателѣ“. Довольно указать на то, что Синодъ при Петрѣ I составлялъ, какъ и Сенатъ, установленіе, рѣшеніемъ котораго должны были довольствоваться потому, что оно не могло быть обжаловано. Это однако продолжалось только до царствованія императрицы Екатерины II. При этомъ упомянутый комитетъ, утверждаясь на основномъ законѣ государства (ст. 42 Зак. Осн. ч. 1 т. 1 Св. Зак. 1857 г.), полагалъ, что, „Государю Императору, какъ Верховному блюстителю всякаго въ отечественной церкви благочинія, принадлежитъ верховная и окончательная власть въ отмѣну, или измѣненіе существующаго порядка церковнаго управленія и суда, установлять порядокъ другой, болѣе соотвѣтствующій благочинію церковному. На семъ основаніи, признавъ коллегіальное управленіе русскою церковію болѣе для нея полезнымъ, нежели управленіе единоличное—патріаршее, Петръ I учредилъ святѣйшій Синодъ. На томъ же основаніи признавъ, что на Синодъ надлежало бы допустить жалобы, верховная власть дозволила приносить жалобы на рѣшенія Синода, хотя это было не согласно съ Духовнымъ Регламентомъ, по которому жалобы на Синодъ не допускались“. Такое признаніе Высочайше учрежденнаго комитета по столь важному предмету подаетъ поводъ и указуетъ нить къ разсужденію объ измѣненіяхъ, какія испытывалъ святѣйшій Синодъ за время своего существованія и какихъ можно желать и ожидать въ будущемъ.

Учрежденіе святѣйшаго Синода послѣдовало среди общей, предпринятой Петромъ Великимъ государственной реформы и вслѣдъ за совершившимися преобразованіями въ государственной сферѣ. Руководящею нитью во всѣхъ предначертаніяхъ великаго преобразователя было стремленіе возвысить русское государство, устроивъ его организацію на началахъ послѣдовательнаго проведенія идеи государства и правящей имъ власти. Результатами такой реформы, по мысли преобразователя, должны были достигаться государственная

польза, обезпечиваться благо подданныхъ и создаваться общее благоденствіе. Въ виду такихъ цѣлей Петръ не щадилъ усилій своей царственной личности и напряженности своего разносторонняго генія. Въ одномъ изъ своихъ указовъ (16 апрѣля 1702 г.) Петръ Великій выражаетъ такой взглядъ на предпринимаемую имъ реформу. „Со вступленія нашего на престолъ, всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе... Для сей цѣли мы побуждены были въ самомъ управленіи учинить нѣкоторыя нужныя и ко благу земли нашей служащія перемѣны“ [1]). Воодушевляясь этими мыслями, Петръ Великій твердо держалъ знамя предпринятой реформы и неотступно проводилъ идею монархической власти.

Съ какими намѣреніями была предпринята Петромъ Великимъ общегосударственная реформа, съ тѣми же мыслями осуществлялъ онъ свои преобразовательныя предначертанія и въ духовной средѣ. Побудительною причиною этихъ преобразованій Высочайшій манифестъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи представляетъ заботу преобразователя о лучшемъ устройствѣ духовной части, соотвѣтственно съ послѣдовавшими исправленіями въ сферѣ государственной. Упомянутый манифестъ гласитъ: „между многими, по долгу богоданныя намъ власти попеченьми о исправленіи народа нашего и прочихъ подданныхъ намъ государствъ, посмотря и на духовный чинъ и видя въ немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти нашей возъимѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще, толикая отъ Него получивъ благоспѣшества во исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго“. Воспріявъ подъ вліяніемъ такой заботы попеченіе объ исправленіи чина духовнаго, великій преобразователь, „не видя лучшаго къ тому способа, паче соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ“, установляетъ „Духовную Коллегію, т. е. духовное соборное правительство, которое имѣетъ вся-

[1]) П. С. З, т. IV, № 1910.

кія духовныя дѣла въ Всероссійской церкви управлять". Установленіе такого правительства властію монарха показываетъ, что усвояемое ему полномочіе зависитъ не отъ сокрытаго въ немъ и присущаго ему внутренняго авторитета, а отъ учреждающей его власти, которая въ Регламентѣ представляется стражемъ и охранителемъ силы, правильности и законности его распоряженій. Оправдывая учрежденіе Духовнаго Коллегіума, какъ „совершеннѣйшаго и лучшаго, нежели единоличное, правительство, наипаче въ государствѣ монархическомъ, яковое есть наше россійское", Регламентъ между прочими доводами замѣчаетъ: „сіе же наипаче сильно есть, когда Коллегіумъ правительское подъ державнымъ монархомъ есть и отъ монарха установлено. Явѣ бо здѣ, что Коллегіумъ не есть нѣкая факція, тайно на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но на добро общее повелѣніемъ Самодержца".

Учреждаемое на такихъ началахъ Духовное Коллегіумъ должно было и по природѣ приблизиться къ строю общегосударственныхъ учрежденій. Регламентъ заявляетъ: „Коллегіумъ правительственное не что ино есть, токмо правительское собраніе, когда дѣла нѣкія собственныя, не единому лицу, но многимъ, къ тому угоднымъ и отъ высочайшей власти учрежденнымъ, подлежатъ къ управленію. Ино же есть Коллегіумъ единовременное, ино же всегдашнее... Всегдашнее Коллегіумъ есть, когда имяннымъ нѣкимъ дѣламъ, часто или всегда въ отечествѣ бываемымъ, опредѣляются ко онымъ управленію, число нѣкое довольное мужей. Таковое было церковное синедріонъ въ ветхозавѣтной церкви въ Іерусалимѣ, и гражданскій судъ ареопаговъ въ Аѳинѣхъ, и иныя въ томъ же городѣ правительствующія собранія, нарицаемыя дикастеріи. Подобнѣ и во многихъ иныхъ государствахъ, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ. Таковыя различныя коллегіи, по различію дѣлъ и нуждъ государственныхъ, державнѣйшій Царь всероссійскій Петръ I премудрѣ на пользу отечества державы своея уставилъ въ лѣто 1718. А яко христіанскій государь, правовѣрія же и всякаго въ церкви святѣй благочинія блюститель, посмотрѣвъ и на духовныя нужды и всякаго лучшаго управленія онымъ возжелавъ, благоволилъ уставити и Духовное Коллегіумъ, которое бы прилежно и непрестанно

наблюдало, еже на пользу церкви, да вся по чину бываютъ, и да не будутъ нестроенія, еже есть желаніе апостола, а паче самого Бога благоволеніе“. Такъ въ приведенныхъ разъясненіяхъ не оставляется сомнѣнія въ томъ, что учреждаемое Духовное Коллегіумъ поставляется въ разрядъ прочихъ коллегій, вызванныхъ къ бытію державною волею монарха для нуждъ государства съ тою существенною особенностію, что Духовное Коллегіумъ назначено удовлетворять религіознымъ потребностямъ государства чрезъ управленіе дѣлами россійскія церкви. Тотъ же характеръ учрежденія сказывается и въ существѣ усвояемыхъ ему правъ. „Повелѣваемъ, гласилъ учредительный манифестъ, всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ всякаго чина духовнымъ и мірскимъ имѣть сіе за важное и сильное правительство и у него крайнія дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться и указовъ его слушать во всемъ, подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ Коллегій“. Итакъ, Духовное Коллегіумъ, по идеѣ его учрежденія, должно было представлять церковное правительство, которое, бывъ установлено монархомъ на ряду съ прочими государственными коллегіями, должно было отправлять свою дѣятельность подъ державною волею монарха для религіозныхъ цѣлей государства и на духовное благо его подданныхъ.

Историческія обстоятельства замѣны патріаршаго управленія синодальнымъ и учрежденія Духовнаго Коллегіума, какъ высшаго правительственнаго органа, послѣдовало, какъ выразился Петръ I въ посланіи къ константинопольскому патріарху, „по многому здравому разсужденію и совѣту какъ съ духовными, такъ и мірскими чинами государства“. Послѣдовавшая 16 октября 1700 г. смерть престарѣлаго патріарха Адріана открыла Петру Великому случай, не назначая умершему въ его санѣ преемника, поставить во главѣ управленія русской церкви тогдашняго рязанскаго и муромскаго митрополита Стефана Яворскаго, въ качествѣ „экзарха святѣйшаго патріаршаго престола съ званіемъ блюстителя и администратора“. Не беремся рѣшать: было ли такое распоряженіе со стороны Петра отвѣтомъ на обращенное къ нему донесеніе князя Курбатова, или оно выражало осуществленіе личныхъ намѣреній

великаго преобразователя, ставившаго предъ собою сложную задачу церковной реформы. Извѣщая Петра Великаго, находившагося въ то время подъ Нарвою о смерти патріарха, Курбатовъ между прочимъ писалъ: „покойному патріарху въ болѣзнь трудно было за всѣмъ смотрѣть, отъ чего происходили безпорядки въ духовномъ управленіи. Избраніемъ архимандритовъ и игуменовъ освященнаго чина людей завѣдывалъ архидіаконъ, который, какъ тебѣ извѣстно, самъ собою править не можетъ, гдѣ же ему избирать? Назначеніемъ патріарха думаю повремѣнить... Опредѣленіе въ священный чинъ можно поручить хорошему архіерею съ пятью учеными монахами. Для надзора же за всѣмъ и для собиранія домовой казны надобно непремѣнно назначить человѣка надежнаго: тамъ большіе безпорядки. Также зѣло нужно распорядиться о монастырскихъ и архіерейскихъ имѣніяхъ: надобно учредить особливый расправный приказъ для сбора и храненія казны, которая теперь погибаетъ въ прихотяхъ владѣтелей. Школа, бывшая подъ надзоромъ патріарха и подъ управленіемъ монаха Палладія въ растройствѣ; ученики числомъ 150 человѣкъ очень недовольны, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться; потолки и печи обвалились. Могъ бы я о другомъ многомъ донести, да очень боюсь враговъ. Изъ архіереевъ для временнаго управленія думаю хорошъ будетъ холмогорскій Аѳанасій; изъ мірскихъ для смотрѣнія за казною и сбора ея очень хорошъ бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, или стольникъ Дмитрій Петровичъ Протасьевъ“ [1]). Назначенному мѣстоблюстителю патріаршаго престола вмѣнялось въ обязанность въ важныхъ случаяхъ совѣщаться съ другими епископами, которые вызывались для сего поперемѣнно въ Москву, и именовать таковое собраніе „освященнымъ соборомъ“. Вѣдомство Стефана Яворскаго, какъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, ограничено дѣлами, которыя „въ патріаршемъ приказѣ— разрядѣ были и впредь будутъ въ расколѣ и въ какихъ противностяхъ церкви Божіей и въ ересяхъ“; всѣ же прочія, сосредоточивавшіяся въ патріаршемъ приказѣ, дѣла, составлявшія кругъ бли-

[1]) Соловьевъ, Истор. Росс. Т. XVI стр. 116—117 изд. 1865 г. ср. Устряловъ, Истор. Петр. Вел. Т. IV, прилож. 4 стр. 36.

жайшаго вѣдомства патріарха, распредѣлены по другимъ приказамъ [1]). Назначенный мѣстоблюститель видимо стѣснялся своимъ положеніемъ и неоднократно докучалъ Петру объ увольненіи его отъ дѣлъ, но великій преобразователь, оставляя подобныя докуки безъ отвѣта, неуклонно шелъ по пути задуманной имъ замѣны единоличнаго управленія коллегіальнымъ. Мысль объ устройствѣ такого управленія съ опредѣленностію была высказана Петромъ Великимъ въ 1718 г. 20 ноября въ его резолюціи на докладные пункты мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, когда тотъ жаловался на обремененіе дѣлами, поступавшими къ нему изъ вдовствующихъ епархій. Давая высочайшій отвѣтъ на докладные пункты Яворскаго, Петръ между прочимъ замѣтилъ: „для лучшаго впредь управленія мнится быти удобно духовной коллегіи, дабы удобнѣе такія великія дѣла исправлять было возможно“. Въ томъ же высочайшемъ отвѣтѣ заключалось и повтореніе повелѣнія, чтобы Яворскій ѣхалъ въ Петербургъ для жительства, куда поочередно будутъ призываемы и епархіальные архіереи для вѣдомства общихъ церковныхъ дѣлъ [2]). Умѣстно замѣтить, что еще въ 1711 г., когда Петръ во второй разъ путешествовалъ по Европѣ, въ Торгау, гдѣ происходило бракосочетаніе сына его Алексѣя, онъ познакомился съ Лейбницемъ, подавшемъ Петру мысль ввести коллегіальныя учрежденія. Въ проектѣ объ устройствѣ коллегій, необходимыхъ для государства Его Величества, поданномъ Петру Великому Лейбницемъ, упоминается и коллегія духовная, предназначавшаяся для управленія дѣлами церковными [3]).

---

[1]) См. имянной указъ 12 декабря 1700 г. о закрытіи патріаршаго приказа—разряда П. С. З. т. IV № 1818.

[2]) П. С. З. Т. V № 3237 п. 5. Надо замѣтить, что еще указомъ отъ 16 іюля 1718 г. преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому, повелѣвалось жить въ Петербургѣ, а при немъ въ первой очереди быть Игнатію, епископу суздальскому, а прочихъ архіереевъ отпустить въ свои епархіи, а по прошествіи первой чреды, въ С.-Петербургѣ архіереямъ пріѣзжать по очереди противъ того, какъ въ Москву пріѣзжали.

[3]) Костомаровъ, Петръ Вел. стр. 118 изд. 1886 г. Соловьевъ Ист. Росс. Т. XVI стр. 186. Упоминаніе о семъ встрѣчается и у Филарета, митр. москов. См. Собр. мнѣн. т. IV стр. 145 т. VII.

Полное и фактическое осуществленіе высказанной Яворскому мысли послѣдовало не прежде, какъ по начертаніи и утвержденіи Регламента, или устава духовныя коллегіи. Обстоятельства составленія, исправленія и подписи Духовнаго Регламента и слѣдуетъ признать предуготовительными мѣрами въ учрежденіи святѣйшаго правительствующаго Синода. Составленіе проекта Духовной Коллегіи было поручено Петромъ Великимъ тогдашнему псковскому архіерею Ѳеофану Прокоповичу, который и исполнилъ данное ему порученіе къ 1720 г., наименовавъ свой трудъ „Духовнымъ Регламентомъ“ [1]). Трудъ Ѳеофана прежде всего рецензировалъ и исправлялъ 11 февраля 1720 г. самъ Петръ, затѣмъ 23 февраля правительствующій Сенатъ совмѣстно съ преосвященными архіереями. Препровождая въ Сенатъ Регламентъ въ собственноручномъ указѣ на имя оберъ-секретаря Петръ повелѣвалъ: „по полученіи сего объяви Преосвященнымъ архіереомъ и господамъ Сенату, дабы проектъ духовной коллегіи, при семъ вложенный, завтра выслушали, такъ ли оному быть,—и ежели что не такъ покажется, то бы ремарки поставили и на каждой ремаркѣ экспликаціи—вины дѣла“ [2]). Цензура преосвященныхъ архіереевъ и Сената не представила затрудненій для принятія проекта. Поэтому Петръ далъ повелѣніе Сенату „понеже вчерась я слышалъ, что проектъ о духовной коллегіи какъ архіереи, такъ и вы слушали и приняли всѣ за благо; того ради надлежитъ архіереомъ и вамъ оный подписать, который и я закрѣплю, а лучше бы два подписать и одинъ оставить здѣсь, а другой послать для подписанія архіереомъ“ [3]). Относительно этой подписи въ концѣ Духовнаго Регламента имѣется слѣдующее послѣсловіе: „сія вся здѣ написанная, первѣе самъ Всероссійскій монархъ, Его Царское Священнѣйшее Величество слушать предъ собою чтомая, разсуждать же и исправлять благоволилъ сего 1720 году февраля 11 дня, а потомъ по указу Его Величества преосвященные архіереи, архимандриты, купно же и правительствующіе сенаторы слушали же и, разсуждая, исправляли сего же февраля 23 дня. Таже

---

[1]) См. *И. А. Чистовича* «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» стр. 70.

[2]) Бумаги и письма Петра I, изд. Бычковымъ стр. 400.

[3]) Там. стр. 400.

въ утвержденіе и во исполненіе непреложное, по приписаніи рукъ присутствующихъ духовныхъ и сенаторскихъ персонъ, и самъ Его Царское Величество своею собственною рукою подписать изволилъ“ [1]). Для подписанія регламента прочими архіереями и архимандритами посылались особыя коммиссіи изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ Москву, Вологду и Казань, куда особыми указами и вызывались лица, долженствовавшія дать свои подписи. Въ наказахъ посланнымъ для отобранія подписей между прочимъ добавлялось: „если кто изъ архіереовъ и архимандритовъ и игуменовъ сталъ бы уклоняться отъ подписанія,—у того взяли бы письменное объясненіе о причинѣ уклоненія“ [2]). Подписаніе регламента длилось въ теченіе всего 1720 г., бывъ окончено въ декабрѣ. Тогда же назначенные въ оное (духовное) правительство члены, которые не были въ С.-Петербургѣ, позваны были указомъ изъ Москвы и имѣли пребываніе на Александро-Невскомъ подворьѣ [3]).

25 января 1721 г. послѣдовалъ царскій манифестъ объ учрежденіи духовной коллегіи, а въ началѣ февраля того же года Его Величество еще разъ изволилъ прослушать уже подписанный всѣми, кому надлежало, Духовный Регламентъ, аппробавалъ оный. По принятіи установленной присяги, назначенные въ коллегію члены 9 февраля имѣли предуготовительную къ открытію дѣйствій коллегіи сессію на Александро-Невскомъ подворьѣ, а 14 февраля послѣ литургіи и молебна въ С.-Петербургѣ, при многочисленномъ стеченіи народа въ Троицкомъ соборѣ, послѣдовало самое открытіе дѣйствій „духовнаго соборнаго правительства“. Въ журналѣ перваго засѣданія объ этомъ сказано: „по молебномъ въ Троицкомъ соборѣ нѣніи при многонародномъ установленіи духовнаго соборнаго правительства объявленіи отправленномъ, изволилъ Царское Пресвѣтлое Величество Высшею своею монаршею особою въ ономъ синодѣ присутствовать со всѣми министры и во время того присутствія поданы Его Величеству отъ всѣхъ оныхъ сего духовнаго правительства коллегіатовъ, первое тогда на мѣстахъ

---

[1]) П. С. З. и П. Т. I стр. 30—31.
[2]) Опис. док. и дѣл. св. Синода т. I № 56. 71. 82.
[3]) Там. № 151 стр. 137.

своихъ по порядку засѣданіе имѣвшихъ, пункты о воспоминаніи въ церковныхъ служеніяхъ духовнаго собранія и о письменномъ до Сената и до коллегій отправленія и о прочихъ требованіяхъ; при томъ же поданъ Его Величеству требуемымъ въ оный синодъ секретарямъ и подъячимъ реестръ. И на то предложеніе резолюція подписана собственною Его Величества рукою и вписана та подлинно въ учрежденной на то книгѣ". Первымъ пунктомъ своего доклада синодальные члены вопрошали Его Пресвѣтлое Царское Величество. „Въ церковныхъ служеніяхъ, гдѣ было патріаршеское имя возносимо, вмѣсто того, правительствующаго духовнаго собранія именованіе возносить ли по нижеслѣдующей формѣ: о святѣйшемъ правительствующемъ собраніи, честнѣмъ пресвитерствѣ и прочее. И сей титулъ святѣйшій никому же партикулярно не присвоится, но токмо всецѣлому собранію". По этому пункту Высочайшая резолюція гласила: „о святѣйшемъ Синодѣ, или о святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ" [1]). О томъ же собраніи на другой день въ тогдашнихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ было объявлено слѣдующее: „сего февраля въ церкви Живоначальныя Тройцы на литургіи было народное собраніе великое какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина, при которомъ и самъ Его Царское Величество высокою своею особою присутствовать изволилъ и предика была объ объявленіи начинающейся духовныя коллегіи, которую читалъ архіепископъ псковскій [2]). А по окончаніи оной служили молебенъ опредѣленныя быти въ оной коллегіи особы, а именно президентъ и два вице-президента, четыре совѣтника и четыре ассессора. По окончаніи сея церемоніи, Его Величество съ вышереченными особы и съ министры изволили быть въ той коллегіи, гдѣ оныя особы посажены были указомъ Его Величества по мѣстамъ, какъ имъ сидѣть при судѣ" [3]).

---

[1]) П. С. Пост. и С. Т. I № 2 стр. 33.

[2]) Предика была на слова изъ Евангелія: *избрахъ васъ и положихъ, да вы идете и плодъ принесете, а плодъ вашъ пребудетъ*, (Іоан. XV, 16). Въ ней между прочимъ проповѣдникъ учрежденіе новаго русскаго церковнаго правительства выставлялъ плодомъ мысли, вложенной въ сердце монарха самимъ Богомъ, и просилъ, чтобы государь сдѣлалъ это новое правительство крѣпкимъ, сильнымъ и безпечальнымъ.

[3]) *Пекарскій*, Наук. и Литер. при Петрѣ т. II № 478.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что учрежденіе духовной коллегіи, получившей съ самаго начала ея дѣйствій наименованіе „святѣйшаго правительствующаго Синода“, обставлено было всѣми признаками законности сего установленія. Самъ государь, тогдашніе представители русской церкви и іерархіи, высшее духовенство, представители свѣтской власти, можно сказать при всеобщемъ свидѣтельствѣ русскаго народа, одобрили, утвердили и узаконили это учрежденіе на всѣ грядущія времена и для послѣдующихъ поколѣній. Высочайшій манифестъ, именуя это учрежденіе „духовнымъ соборнымъ правительствомъ“, а духовный регламентъ, изображая оное учрежденіе „правленіемъ соборнымъ“, равно и сами члены, именуя сіе установленіе „духовнымъ соборнымъ правительствомъ“, повидимому не сомнѣвались въ томъ, что учрежденный Петромъ Великимъ коллегіумъ находится въ строгомъ согласіи съ коренными правилами вселенской церкви, предписывающими держаться соборнаго порядка въ управленіи дѣлами духовными и совѣщаться о нуждахъ церковныхъ [1]). Испрашивая вновь учрежденному духовному Синоду признанія отъ вселенскихъ патріарховъ и принятія сего Синода въ междуцерковный союзъ, Петръ Великій писалъ константинопольскому патріарху слѣдующее: „Образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ такъ и въ Новомъ завѣтѣ благочестивыхъ царей воспріявъ попеченіе и ревность объ исправленіи церковномъ и чина духовнаго и не видя къ тому лучшаго способа, паче соборнаго правительства... заблагоразсудили уставить съ властію равнопатріаршескою духовный Синодъ, т. е. высшее духовное соборное правительство для управленія всероссійскія государста нашего церкви изъ достойныхъ, духовныхъ особъ какъ архіереевъ, такъ и киновіарховъ, число довольное, и опредѣлили объ ономъ указомъ нашимъ всѣмъ нашимъ подданнымъ всякаго чина какъ духовнаго, такъ и мірскаго имѣть за важное и сильное правительство и повиноватися во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ оному Синоду, какъ то чинили прежде бывшимъ всероссійскимъ патріархомъ. Оному же духовному Синоду опредѣлили мы, чрезъ учиненную инструкцію, дабы святую церковь управляли во всемъ по

[1]) Апост. 37. 1 всел. 5. Ант. 20 и др.

догматомъ святыя православныя каѳолическія церкви греческаго исповѣданія неотмѣнно, и оные догматы имѣли бы за правило непогрѣшимое своего правленія, въ семъ оные и присягою въ святѣй соборной церкви цѣлованіемъ святаго креста и подписаніемъ саморучнымъ себя обязали. И уповаемъ, что Ваше Всесвятѣйшество, какъ первый архіерей православныя каѳолическія восточныя церкви, сіе наше учрежденіе и сочиненіе духовнаго Синода за благо признать изволите и о томъ прочимъ блаженнѣйшимъ патріархомъ сообщеніе учините. И—понеже мы всемилостивѣйше повелѣли тому святѣйшему духовному Синоду съ Вашимъ Всесвятѣйшествомъ о всякихъ духовныхъ дѣлахъ сношеніе и корреспонденцію имѣть,— и тако просимъ и Ваше Всесвятѣйшество да изволитъ съ онымъ Синодомъ о касающихся до пользы церковной духовныхъ дѣлахъ корреспонденцію и сношеніе, яко же напредь сего со всероссійскими патріархи имѣли, содержать, и еже, въ чемъ возжелаютъ отъ Вашего Всесвятѣйшества какого благаго совѣта къ пользѣ и лучшему устроенію церковному, въ томъ ихъ для общей христіанства пользы не оставить, за что мы съ особливою нашею къ Вашему Всесвятѣйшеству склонностію въ требованіяхъ вашихъ всякое снисхожденіе оказывать обѣщаемъ“ [1]). На это посланіе Петра Великаго, восточные патріархи: константинопольскій Іеремія и антіохійскій Аѳанасій отвѣчали тожественными по содержанію и изложенію грамотами. „Мѣрность наша по благодати и власти всесвятаго, животворящаго и священноначальствующаго Духа утверждаетъ, закрѣпляетъ и объявляетъ, что учрежденный благочестивѣйшимъ и кротчайшимъ самодержцемъ святымъ царемъ всей Московіи, Малой и Бѣлой Россіи и всѣхъ сѣверныхъ, восточныхъ, западныхъ и многихъ новыхъ странъ государемъ властителемъ, государемъ Петромъ Алексѣевичемъ Императоромъ, во святомъ Духѣ возлюбленнымъ и вожделеннымъ намъ братомъ, Синодъ въ Россійскомъ святомъ великомъ государствѣ есть и нарицается нашимъ во Христѣ братомъ святымъ и священнымъ Синодомъ отъ всѣхъ благочестивыхъ и православныхъ христіанъ—священныхъ и мірскихъ, начальствую-

[1]) См. Царскія и патріаршія грамоты объ учрежд. св. Синода стр. 2—4. Спб. 1838 г.

щихъ и подначальныхъ и отъ всякаго сановнаго лица. Онъ имѣетъ право совершать и установлять тоже, что и четыре апостольскихъ святѣйшихъ патріаршихъ престола. Совѣтуемъ, побуждаемъ и предписываемъ ему хранить и держать неизмѣнными обычаи и правила священныхъ, вселенскихъ святыхъ семи соборовъ и прочее содержимое святою вселенскою церковію и пребудетъ непоколебимымъ во вѣки". Съ отвѣтною граматою Императору Петру константинопольскій патріархъ Іеремія адресовалъ посланіе святѣйшему Синоду. Въ этомъ посланіи именуя Синодъ „благочестивѣйшимъ, священнымъ и православнѣйшимъ Россійскимъ святымъ Синодомъ, возлюбленнымъ братомъ", патріархъ между прочимъ увѣдомлялъ, что Александрійскій патріархъ отошелъ въ вѣчныя обители, а Іерусалимскій заболѣлъ и лежитъ на одрѣ. „Посему, продолжалъ патріархъ, осталось каждому изъ насъ отдѣльно укрѣпить и утвердить священному сему Синоду прошеніе, и, согласно съ утвердительною грамотою, мѣрность наша подтверждаетъ, а равно и братъ нашъ, блаженнѣйшій патріархъ Антіохійскій, какъ видно и его подтвержденіе. Затѣмъ мы имѣемъ попеченіе и о томъ, чтобы и отъ остальныхъ послѣдовало утвержденіе, если потребуется, ибо довольно и этого. Если же и иное что потребуется, то Вы можете свободно насъ увѣдомить" [1]).

Описанныя обстоятельства учрежденія святѣйшаго Синода и признанія его со стороны восточныхъ патріарховъ свидѣтельствуютъ объ особенныхъ заботахъ преобразователя поставить созданное имъ учрежденіе на подобающую высоту. Въ государствѣ это учрежденіе, по мысли преобразователя, должно было пользоваться положеніемъ и правами высшаго церковнаго правительства и судилища по дѣламъ церковнымъ. Внѣ государства, именно въ междуцерковныхъ сношеніяхъ, оно считалось наслѣдникомъ и носителемъ равнопатріаршескихъ правъ. Преимущества высшаго церковнаго правительства и судилища принадлежали Синоду, какъ высшему органу управленія, простиравшему свою власть на всю россійскую церковь. Умаленіе его значенія въ этомъ отношеніи унижало бы его духовный авторитетъ и разрушало бы силу вліянія церкви. Равнопа-

[1]) П. С. П. Р. Т. III № 1115.

тріаршескія права необходимы были Синоду потому, что онъ заступалъ мѣсто предстоятеля автокеѳальной русской церкви, церкви отдѣльнаго народа и государства. Умаленіе этихъ правъ лишало бы русскую церковь ея отдѣльнаго голоса въ рѣшеніи дѣлъ и вопросовъ общецерковныхъ. Обставляя и оберегая такъ права Синода среди учрежденій собственнаго государства и въ междуцерковныхъ отношеніяхъ, Петръ съ опредѣленностію высказался и объ отношеніяхъ его къ государственной власти. Выходя изъ мысли, что „монарховъ власть есть самодержавная, которой самъ Богъ повелѣваетъ повиноваться за совѣсть“, Петръ раздѣлялъ убѣжденіе, что „Духовное Коллегіумъ“ только въ томъ случаѣ будетъ „наипаче сильно, когда подъ державнымъ Монархомъ и отъ Монарха уставлено“. Полагая въ правахъ и власти монарха оплотъ блага для подданныхъ и правды для учрежденій государственныхъ, Петръ тѣже требованія предъявилъ и вновь учрежденной имъ Духовной Коллегіи. Въ манифестѣ объ учрежденіи, обязывая Духовную Коллегію управлять духовными дѣлами Всероссійской церкви, по данному ей Регламенту, Петръ пояснилъ: „должна же есмь Коллегія сія и новыми впредь правилами дополнять Регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи; однако же дѣлать сіе должна Коллегія Духовная не безъ нашего соизволенія“. Въ присягѣ, особо составленной для членовъ, Петръ еще опредѣленнѣе высказался объ отношеніяхъ къ нему Духовной Коллегіи, обязавъ ея членовъ, „исповѣдывать съ клятвою крайняго судію Духовныя сея Коллегіи самого Всероссійскаго Монарха, Государя нашего всемилостивѣйшаго“. Смыслъ и цѣль сего обѣщанія ясны. Здѣсь какъ и во всей присягѣ слышится смѣшеніе обязанностей вѣрноподданнаго слуги съ долгомъ отвѣтственнаго предъ Богомъ и церковію служителя.

Тѣ заботы, съ которыми преобразователь старался обставить и оградить авторитетъ Синода, повидимому указывали на возможность возраженій. Духовный Регламентъ, представляя Духовный Коллегіумъ лучшимъ и совершеннѣйшимъ по самому его устройству правительствомъ, тѣмъ не менѣе указываетъ причины, по которымъ этотъ Коллегіумъ призванъ замѣнить патріаршество. Ука-

заніе этихъ причинъ и подробное ихъ изъясненіе заставляютъ предполагать въ современникахъ возможность сомнѣній на счетъ желательности и цѣлесообразности такой замѣны. Не безъ основанія полагаютъ, что Петръ не вдругъ послѣ смерти патріарха Адріана приступилъ къ осуществленію предносившейся ему задачи,—а съ замѣтною медлительностію, указывавшею на осторожность. Обращаютъ вниманіе на самое назначеніе мѣстоблюстителемъ патріаршего престола не Аѳанасія, холмогорскаго епископа, на котораго, какъ на кандидата, указывалъ князь Курбатовъ, а Стефана Яворскаго, незадолго до кончины патріарха Адріана поставленнаго рязанскимъ и муромскимъ митрополитомъ изъ игуменовъ Южнорусской Никольской пустыни. Разгадка сего въ томъ, что первый, происходя изъ великороссіянъ и стоя во главѣ „временнаго управленія русскою церковію“, могъ послужить опорою для всѣхъ несочувствовавшихъ предпринимавшейся реформѣ и выступить на защиту патріаршества. Назначеніе малоросса по происхожденію, чуждаго симпатій приверженцевъ стараго направленія, открывало болѣе простора для проведенія реформы. Въ Москвѣ издавна недружелюбно смотрѣли на пріѣзжихъ малороссовъ и къ ихъ учености, полученной подъ вліяніемъ католической науки, не питали особаго уваженія. Весьма образованнаго по тогдашнему времени Стефана Яворскаго, съ самаго начала приняли въ Москвѣ довольно холодно, что бы не сказать враждебно. „Изощренный завистію языкъ, писалъ Яворскій Петру, многіе доводы и поклепы на меня говорилъ: иные рекли будто я получилъ себѣ архіерейство за 3 т. червонныхъ золотыхъ, иные именовали меня еретикомъ, ляшенномъ и обливанцемъ“. Назначеніе такого лица экзархомъ святѣйшаго патріаршаго престола „съ званіемъ блюстителя и администратора“ прямо указывало на невозможность занятія имъ патріаршей каѳедры, а вмѣстѣ отодвигало и самую мысль о новомъ патріархѣ. Справедливость требуетъ замѣтить, что послѣдствія начавшихся реформъ не замедлили расположить и Яворскаго открыто перейти на сторону недовольныхъ реформами Петра I, какъ объ этомъ можетъ свидѣтельствовать его протестъ съ церковной каѳедры противъ учрежденія должности фискаловъ и другія его обличенія, направленныя

противъ преобразователя [1]). Достойно примѣчанія, что Петръ послѣ закрытія патріаршаго приказа—разряда и возстановленія монастырскаго приказа, до времени не предпринималъ ничего рѣшительнаго въ строѣ церковной администраціи. Смерть царевича Алексѣя, на котораго возлагались надежды противниковъ реформы, и въ дѣлѣ котораго былъ замѣшанъ и Яворскій, какъ бы была призывнымъ знакомъ къ рѣшительнымъ шагамъ преобразователя. Учрежденное Духовное Коллегіумъ, не смотря на всѣ предоставленныя ему права и преимущества, не снискало должнаго сочувствія современниковъ. Извѣстны глухіе и открытые протесты, въ которыхъ слышались горькіе упреки новому положенію вещей и похвалялись прежніе патріаршаго періода порядки. Общій тонъ этихъ протестовъ тотъ, что церковныя дѣла утратили свое прежнее теченіе и жизненность. Контроль государства стѣснилъ свободныя проявленія церковной сферы. Необходимо замѣтить, что коль скоро государство берется за осуществленіе религіозныхъ задачъ, то оно принимаетъ на себя неосуществимый одними его усиліями трудъ; наоборотъ и церковь, вторгающаяся въ отношенія государственныя, уклоняется отъ выполненія прямо предлежащей ей задачи. Въ планахъ великаго преобразователя, осуществленныхъ въ совершенной имъ церковной реформѣ, трудно указать иную цѣль, кромѣ принятаго намѣренія ограничить вѣдомство церкви и стѣснить ея вліяніе. Великій преобразователь за предносившеюся въ его сознаніи идеею всеобъемлющаго государства и правящей имъ власти, какъ бы забывалъ, что и церковь, назначенная для осуществленія ей одной предназначенныхъ цѣлей, имѣетъ право и должна пользоваться самостоятельностію въ достиженіи этихъ цѣлей путемъ предоставленныхъ ей средствъ, т. е. путемъ нравственнаго и духовнаго руководства жизнію и поведеніемъ людей, какой пользуется государство въ осуществленіи своихъ задачъ путемъ указанныхъ ему способовъ, т. е. путемъ устроенія внѣшней судьбы и благоденствія подданныхъ. Реформа Петра Великаго, поставивъ высшее церковное управленіе въ рядъ обыкновенныхъ

---

[1]) Чистовичъ, Ѳеофанъ 61. Кедровъ, Дух. Регл. 27—28.

государственныхъ учрежденій, какъ бы приглашала тѣмъ церковь быть проводникомъ воли и мыслей государства.

Авторъ статьи „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ [1]) проводитъ мысль, что „перемѣна высшаго церковнаго управленія, происшедшая при Петрѣ Великомъ, была не столько личнымъ его дѣломъ, сколько совершеннымъ по разуму русскаго народа выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей. Петръ I только далъ опредѣленную форму и узаконилъ то, что существовало и до него въ жизни нашего отечества, уже готово было разрѣшиться тѣми или другими послѣдствіями для слѣдующихъ поколѣній; геніальный государь только направилъ ходъ вещей въ данномъ направленіи“. Первое основаніе для своего заявленія статья указуетъ въ тѣхъ протестахъ, которые выражали русскіе епископы всякій разъ, когда заходила рѣчь о поднятіи у насъ значенія патріаршей власти и введенія на Руси византійскихъ порядковъ. Въ этихъ протестахъ, по заключенію статьи, русскіе епископы, подвигаясь несочувствіемъ къ патріаршему авторитету, выражали рѣшительное нежеланіе имѣть надъ собою патріарха, яко главу, и стремились къ той реформѣ въ высшемъ церковномъ управленіи, которая и осуществлена Духовнымъ Регламентомъ. Приводимъ буквальныя разсужденія статьи. „Въ такомъ противленіи (протестахъ) справедливѣе будетъ видѣть доблесть русскихъ іерарховъ, дѣйствительную ихъ разумную заботу единственно о благѣ церкви по русскому православному понятію о ней, а не по тѣмъ представленіямъ, которыя проникли къ намъ съ учрежденіемъ патріаршества и сердечно восприняты были не только самими русскими патріархами, особенно Никономъ, но и царями и повидимому главнымъ образомъ царями. Личный характеръ Ѳеодора Іоанновича, Алексѣя Михаиловича и Ѳеодора Алексѣевича очень извѣстенъ: это люди чувства и воображенія. А такіе люди плѣняются внѣшностью предмета, а не его внутреннимъ содержаніемъ. Не въ этихъ вѣнценосцахъ сосредоточивался современный имъ разумъ русской земли, и не они управляли силою вещей и ихъ теченіемъ, они стояли только у русла этого теченія, то восхищались его стройностію, то при-

[1]) Русск. Вѣстн. 1891 г. апрѣль стр. 2—14.

ходили въ смущеніе и растерянность, когда оно принимало неожиданное непонятное для нихъ направленіе: управляли этимъ теченіемъ „думцы“, т. е. „люди мыслящіе“, но стоявшіе къ кормилу правленія не близко“. Въ данномъ случаѣ: „церковный вопросъ, поднятый еще Іоанномъ III и получившій при Іоаннѣ IV такое опредѣленное теченіе, что ни Годуновъ ни Никонъ не въ силахъ были направить его разрѣшеніе въ другомъ направленіи, сталъ достояніемъ людей мыслящихъ до-Петровскаго времени настолько, что при попыткѣ царя Ѳеодора Алексѣевича рѣшить его въ направленіи, противномъ разуму народа, митрополиты и архіепископы, участвовавшіе въ соборѣ 1681 г., своимъ челобитьемъ разрушили воздвигавшіеся оплоты, преградившіе путь силѣ вещей, и такимъ образомъ еще до воцаренія Петра Великаго сдѣлали то, чему онъ въ Духовномъ Регламентѣ только далъ опредѣленную, законную, и вслѣдствіе этого обязательную форму. Потому, продолжаетъ статья, можетъ быть уничтоженіе у насъ патріаршества и встрѣчено было народомъ сдержанно-спокойно, что въ строѣ церковной жизни епархіи не только не произошло существеннаго измѣненія, но власть и честь епископа еще болѣе возвышены, и уничтожены были всѣ поводы „къ разгласію, распрямъ и высости“ среди архіерейскаго чина, о чемъ до Духовнаго Регламента много помышляли не только думцы свѣтскаго чина, но и думцы духовнаго чина. А потому реформа высшаго церковнаго управленія, совершившаяся при Петрѣ I, справедливо должна быть разсматриваема не какъ личное только его дѣло“. Второе основаніе для своего заявленія статья намѣчаетъ въ томъ, что, по мысли Петра Великого, русская церковь, не переставая быть православною, можетъ оставаться безъ единоличнаго управленія, безъ патріарха и даже безъ митрополитовъ“, и что авторъ Духовнаго Регламента, высказываясь въ статьѣ о „винахъ“ Духовнаго Коллегіума, что въ церкви правительство не монархическое есть, хотя не договариваетъ до конца своей мысли, однако его идеалъ церковнаго устройства виденъ. Это идеалъ первенствующей церкви Христовой, пока она еще не находилась въ союзѣ и подъ покровительствомъ государства, которое, какъ языческое, было ея врагомъ“. Чрезъ уничто-

женіе патріаршества, по увѣренію разсматриваемой статьи, съ указаніемъ въ Духовномъ Регламентѣ на опасности для государства отъ единоличнаго церковнаго управленія въ странѣ, полной невѣжества, Петръ Великій оборонялъ самодержавіе, это освободительное начало въ жизни русскаго народа отъ всѣхъ угрожавшихъ опасностію самому государству началъ и не дѣлалъ нападенія на церковь, а „защищалъ“ государство противъ внутреннихъ враговъ, прикрывавшихъ свои преступныя цѣли именемъ и благомъ церкви. Для наглядности приводимъ и на этотъ разъ буквально разсужденія статьи. „Самодержавіе можно назвать освободительнымъ началомъ въ жизни русскаго народа, которое, укрѣпляясь постепенно, въ лицѣ Петра Великого увидѣло наконецъ необходимость въ рѣшительномъ ударѣ союзу всѣхъ началъ, угрожавшихъ опасностію самому государству. Такимъ ударомъ и было уничтоженіе патріаршества съ указаніемъ въ Духовномъ Регламентѣ на опасности для государства отъ единоличнаго церковнаго управленія въ странѣ, полной невѣжества... Въ виду такого положенія вещей, Петру Великому не оставалось другого исхода, какъ только не касаясь основнаго, церковнаго устройства и даже церковнаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно организовалось до IV вѣка, когда церковь жила не въ союзѣ съ государствомъ, а внѣ государства, имѣя въ немъ своего гонителя, уничтожить оказавшееся опаснымъ для государства патріаршее правленіе и замѣнить его соборнымъ, обязавъ каждаго члена учрежденнаго собора вѣрноподданническою присягою, т. е. уничтожить только тѣ плевелы, которые ко времени Петра Великаго не только разрослись, но и начали препятствовать росту пшеницы. Это было не нападеніе на церковь со стороны государства, а самозащита послѣдняго, предпринятая не противъ церкви, а противъ внутреннихъ враговъ, прикрывавшихъ свои преступныя цѣли именемъ и благомъ церкви“.

Безъ преувеличенія можно и должно сказать, что по представленію статьи „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ Петръ Великій, уничтожая на Руси патріаршество и замѣняя оное Духовнымъ Коллегіумомъ, дѣйствовалъ „по разуму русскаго народа“, выразителями сокрытыхъ желаній котораго были „думцы“ какъ свѣтскаго чина „люди

мыслящіе", такъ и духовнаго чина „архіереи и митрополиты". Духовный Регламентъ, начертанный при Петрѣ, по указанію идеала древней вселенской церкви до IV вѣка, союза ея съ государствомъ, выражалъ и узаконялъ завѣтныя стремленія самихъ русскихъ архіереевъ, которые и прежде выражали желаніе видѣть церковное управленіе на Руси такимъ, какимъ оно было установлено Петромъ Великимъ. Никто, сколько извѣстно, не высказывалъ подобныхъ воззрѣній на реформу „нашего высшаго церковнаго управленія при Петрѣ Великомъ", никто въ дѣйствительности и не допускалъ такихъ противорѣчій въ сужденіяхъ. Статья гласитъ, что реформа нашего церковнаго управленія, была предпринята Петромъ Великимъ для „самозащиты" государства противъ его враговъ, прикрывавшихъ свои злые замыслы „именемъ и благомъ церкви", и въ то же время заявляетъ, что она предпринята по указанію „идеала первенствующей христіанской церкви" и на почвѣ „церковнаго устройства и управленія, сформировавшихся до IV вѣка, когда церковь жила внѣ союза съ государствомъ", предпринята добавляетъ съ тѣмъ, чтобы въ предотвращеніе подобныхъ опасеній для государства, члены новаго духовнаго соборнаго правительства, бывъ связаны вѣрноподданническою присягою, признавали „крайнимъ судіею" своей коллегіи государственнаго правителя. Кажется въ такого рода реформѣ трудно усматривать „духъ свободной первенствующей церкви" и „проведеніе соборнаго начала въ учреждаемой коллегіи", а слышится нѣчто другое, указующее на предполагаемое ограниченіе церковной свободы и на подчиненіе теченія церковныхъ дѣлъ сторонней волѣ... Разсматриваемая статья повидимому за это и похваляетъ церковную реформу Петра Великаго, представляя эту реформу послѣдовательно завершительнымъ актомъ всей многовѣковой драмы русской исторіи, разумъ событій которой статья опять изъясняетъ своеобразно, но не правдиво. Вотъ, по воззрѣнію статьи, внутренняя нить философіи русской исторіи. Русскіе митрополиты, приходившіе въ Россію изъ Греціи и состоявшіе подъ властію константинопольскаго патріарха, не считали себя русскими подданными,—а потому и жили на договорномъ правѣ съ московскими князьями, подобно удѣльнымъ князьямъ. Царь Іоаннъ III, низложивъ митрополита Зосиму,

вручилъ противъ обычая митрополиту Симону жезлъ въ церкви, съ особою при этомъ рѣчью, положивъ этимъ поступкомъ перваго русскаго самодержца конецъ договорныхъ къ нему отношеній всероссійскихъ митрополитовъ. Іоаннъ IV далъ сему направленію такое опредѣленное теченіе, что ни Годуновъ, ни Никонъ не могли противостоять. Слѣдовавшіе за Грознымъ русскіе государи: Ѳеодоръ Іоанновичъ, Алексѣй Михайловичъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ, какъ люди чувства и воображенія, плѣняясь внѣшностію предмета, восторгаясь пышностію и величіемъ патріаршества, не были носителями „современнаго имъ разума русской земли“. Этотъ разумъ хранили „думцы“ и „мыслящіе люди“, въ томъ числѣ и „русскіе архіереи“ которые, отвергнувъ всѣ попытки ко введенію на Руси византійскихъ порядковъ, пришедшихъ къ намъ съ патріаршествомъ, тѣмъ самымъ подготовили путь и опредѣлили направленіе совершенной Петромъ Великимъ церковной реформѣ. Въ своей реформѣ Петръ Великій очищалъ церковь отъ несвойственныхъ ей наслоеній и возвышалъ ея духовную власть, призывая въ данной членамъ духовной коллегіи, какъ подданныхъ государства, присягѣ—„во всѣхъ дѣлахъ сего Духовнаго Правительственнаго Собранія искать всегда самыя сущія истины и самыя сущія правды, полагая всѣмъ мыслямъ, и словамъ и дѣйствіямъ своимъ, яко вину конечную, славу Божію и спасеніе душъ человѣческихъ и всей церкви созиданіе“, а не власть мірскую. Петръ въ своей реформѣ довершилъ начатое его предшественниками созиданіе русскаго государства на началахъ самодержавія, оградивъ его и его власть отъ угрожавшихъ нападеній въ лицѣ крѣпнувшей и возраставшей власти патріарха.

По представленію статьи выходитъ, что патріаршество на Руси болѣло недугами крамолъ и нестроеній для государства, что патріаршая власть служила очагомъ бѣдствій и опасеній для государственной власти. Къ счастію исторія не представляетъ намъ такихъ примѣровъ, и разсматриваемая статья не приводитъ ихъ, кромѣ поступка устюжскаго архіепископа Александра, отлучившаго отъ церкви воеводу Кикина за дѣйствованіе по указамъ Великаго Государя, и расчетовъ царевича Алексѣя Петровича, думавшаго, по полученіи престола, уничтожить дѣло своего отца. Можно думать,

что подкладкою всѣхъ подобныхъ сужденій о „патріаршествѣ“ и „патріаршей власти“, какъ въ этомъ случаѣ дѣлаетъ намекъ и Духовный Регламентъ, служатъ исторія патріарха Никона и обнаружившіяся во время этой исторіи событія. Не говоря о томъ, что возвышенію Никона содѣйствовала сама государственная власть въ лицѣ царя Алексѣя Михайловича, замѣтимъ, что патріархъ Никонъ, оправдывая свое отреченіе отъ престола и удаленіе изъ Москвы, словомъ, свою размолвку съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, высказывалъ крайне рѣзкія и преувеличенныя сужденія о превосходствѣ „священства предъ царствомъ“ и „власти духовной передъ свѣтской“, но эти сужденія были плодомъ возбужденнаго состоянія духа Никона и слѣдствіемъ причиненныхъ ему обидъ и огорченій. Изложивъ въ подробности воззрѣнія Никона на отношенія церкви и государства, власти духовной и свѣтской, на излишнія притязанія послѣдней, авторъ статьи „Сужденіе большого Московскаго собора 1667 г. о власти царской и патріаршей“, составленной по поводу статьи Русскаго Вѣстника „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“, дѣлаетъ такой выводъ: „эти воззрѣнія Никона не могли имѣть особенно важнаго и серьезнаго значенія: Никону какъ человѣку увлеченія и крайностей, плохо знавшему и соблюдавшему мѣру во всемъ, человѣку съ болѣзненно развитымъ самолюбіемъ, вездѣ и всюду ставившимъ на первомъ планѣ свое личное я и съ точки зрѣнія личнаго положенія смотрящаго на всѣ совершающіяся вокругъ его событія, — трудно было браться за рѣшеніе такого сложнаго и щекотливаго вопроса, какъ вопросъ объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ Будь церковь при Никонѣ (чего однако нельзя сказать) дѣйствительно низведена на степень заурядnаго государственнаго учрежденія, во всемъ зависящаго отъ свѣтскихъ властей, предъ которыми духовныя власти—іерархи ничего не значатъ, и тогда бы протестъ Никона не поправилъ бы дѣла“ [1]). А если такъ, то и нельзя исторіи патріарха Никона полагать въ основу побудительныхъ причинъ реформы высшаго церковнаго управленія при Петрѣ Вели-

[1]) См. Богословскій Вѣстникъ 1892 г. іюнь, стр. 511.

комъ и видѣть въ этой реформѣ „самозащиту государства“ противъ внутреннихъ его враговъ, прикрывавшихъ свои преступныя цѣли именемъ и благомъ церкви“. Петру предлежало не государство защищать отъ нападеній во имя церковнаго авторитета, а церковь спасать отъ заполонившаго ее „мірскаго воинства“. Русская церковь во весь протекшій до реформы Петра Великаго періодъ, въ лицѣ стоявшихъ за ея права и интересы, боролась именно за освобожденіе своей среды отъ свившаго себѣ здѣсь утиное гнѣздо мірскаго воинства въ лицѣ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ и вмѣстѣ служилыхъ людей государства. Не мѣсто здѣсь раскрывать причины этого характернаго для русской церкви явленія,—но въ подтвержденіе дѣйствительности этого историческаго факта необходимо засвидѣтельствовать, что всякій разъ, какъ только поднимался серьезно вопросъ объ исправленіи церковныхъ нестроеній, причина сего обыкновенно указывалась въ томъ, что „церковное управленіе“ попало въ руки не духовныхъ особъ, а свѣтскихъ чиновниковъ, которые постепенно заполоняли вѣдомство церкви. Къ XVI в. наплывъ свѣтскихъ людей въ вѣдомство церкви возросъ до того, что на соборѣ Московскомъ 1503 г. ростовскій попъ Георгій Скрипица открыто говорилъ отцамъ этого собора „господа священноначальницы неблагословно надсматриваете за вѣрными людьми... назираете церковь Божію по царскому сану земнаго царя, боярами, дворецкими, недѣльщиками, подводчиками, а не по достоинству святительскому“ [1]). Грозный на Стоглавомъ соборѣ, который былъ созванъ имъ съ цѣлію лучшаго устройства дѣлъ церковныхъ, держитъ такую рѣчь предъ отцами собора: „ у васъ, святителіе, бояре и дьяки и тіуны съ десятинниками и недѣльщики судятъ и управу чинятъ не прямо и волочатъ и продаютъ съ ябедника съ одного, а десятинники по селамъ поповъ продаютъ безъ милости, и дѣла составляютъ съ ябедника, и церкви Божія отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многія пусты и безъ пѣнія: достоитъ вамъ святителемъ вельми о семъ порадѣти и запретити, чтобы христіанскому и священному чину напрасно продажи не было и

---

[1]) Чтенія въ Общ. Истор. и древн. росс. за 1847 г.

отъ десятинниковъ тяжкихъ налоговъ не было и порядныхъ дѣлъ съ ябедника жъ не было“ [1]). По поводу царскаго предложенія соборъ далъ особое постановленіе о святительскомъ судѣ. Достойно примѣчанія, что въ развитіи этого постановленія нашло мѣсто и распоряженіе царя о томъ „да митрополиту жъ и архіепископамъ и епископамъ безъ царева вѣдома, бояръ отъ себя и дворецкихъ не отсылати, и въ тѣхъ мѣста иныхъ не поставляти... а у котораго святителя изведутца бояре и дворецкіе, и имъ избирати отъ тѣхъ же родовъ, а не будетъ отъ тѣхъ родовъ, и имъ отъ иныхъ родовъ избирати, коемуждо ихъ да обсылаются съ царемъ, и повелитъ которымъ царь быти въ боярехъ и въ дворецкихъ, и святителю у себя тѣхъ и держати, а безъ царева вѣдома однолично, бояръ и дворецкихъ не держати. А у которыхъ святителей изведутся бояре и дворецкіе, а отъ тѣхъ родовъ, или отъ иныхъ родовъ, такихъ у нихъ не будетъ, которымъ пригоже въ тѣхъ мѣсто быть въ боярехъ и въ дворецкихъ, и имъ о томъ бити челомъ царю, чтобы государь пожаловалъ, избралъ у себя и далъ имъ которымъ будетъ пригоже въ томъ чину быти; а безъ царева вѣдома однолично, бояръ и дворецкихъ не поставляти, да и дьяковъ бы имъ у себя держати съ царева жъ вѣдома, которымъ будетъ пригоже, съ бояры всякія дѣла дѣлати, чтобы было бережно“ [2]). Смыслъ сего распоряженія тотъ, что съ этого времени прекращались права духовныхъ властей по своему усмотрѣнію принимать къ себѣ на службу для высшихъ должностей лицъ свѣтскаго званія безъ указа государя, и что служба этихъ лицъ въ вѣдомствѣ церкви становилась вполнѣ государственною службою. Не безъ основанія поэтому изслѣдователи замѣчаютъ, что „со временъ Стоглаваго собора всѣ епархіальные архіереи находились въ очень большой зависимости отъ свѣтской власти. Эта зависимость выражалась не только въ томъ, что каждый архіерей назначался на епархію по выбору и указу собственно государя, что по указу государя каждый архіерей обязанъ былъ посвящать въ своей епархіи въ архимандриты, игумены и протопопы лицъ, не

---

[1]) Стоглавъ стр. 7 въ V глав. Цер. вопр.
[2]) А. И. т. 1. № 155, стр. 279—280.

имъ избранныхъ, а указанныхъ ему государемъ,—но шла гораздо дальше, простираясь на всѣ отрасли архіерейскаго епархіальнаго управленія... Въ силу постановленія Стоглаваго собора свѣтская власть окончательно присвоила себѣ право назначать и увольнять важнѣйшихъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ и не только чиновниковъ простаго епархіальнаго архіерея, но и самого патріарха“ [1]). Въ запискѣ о царскомъ дворцѣ, чиноначаліи, церковныхъ чинахъ и пр. (1610—1613) прямо говорится: „а въ справедливости въ духовныхъ дѣлахъ судитъ его (патріаршій) бояринъ, да дворецкій, да съ нимъ два дьячка и доводятъ дѣла предъ него (патріарха), а казначей собираетъ и завѣдуетъ казну патріаршу,—а дается бояринъ, дворецкій и дьяки отъ государя“ [2]). На основаніи опредѣленій Стоглаваго собора при каѳедрахъ архіерейскихъ были образованы два судилища, одно изъ духовныхъ—другое изъ свѣтскихъ лицъ подъ руководствомъ боярина. Послѣднее, въ качествѣ особаго отдѣленія, имѣло мѣсто и въ патріаршемъ приказѣ-разрядѣ и завѣдывало судными дѣлами патріарха. Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича, создавъ Монастырскій приказъ, спеціально для суда надъ духовными лицами, начиная съ митрополитовъ и архіепископовъ и прочихъ лицъ духовенства по жалобамъ и искамъ на нихъ постороннихъ, еще болѣе расширило вліяніе свѣтской власти надъ предстоятелями и служителями церкви [3]). Посему если нельзя извинять Никона, говорившаго въ раздраженіи, за рѣзкость его тона противъ соборнаго Уложенія,—то справедливость требуетъ прислушаться къ голосу другихъ предстоятелей русской церкви, вѣщавшихъ болѣе въ тонѣ скорби и сѣтованія. Нѣкоторые изъ нихъ предъ лицемъ собора и наединѣ предъ восточными патріархами письменно заявляли: „Вы, говорили они патріархамъ, находясь подъ насильственнымъ владычествомъ христоненавистныхъ Агарянъ, за свое терпѣніе и страданіе, несомнѣнно имѣете получить награду и вѣнецъ отъ праведнаго мздовоздаятеля и вѣнценосца — Спасителя; а мы несчастные и ублажаемые за то, что

---

[1]) Богосл. Вѣстн. 1892 г. Августъ стр. 183—184, прим.
[2]) А. И. т. II, № 355.
[3]) См. Улож. царя Алексѣя Михаиловича гл. XIII.

находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія, и хотя много тяжкаго по неволѣ переносимъ отъ властей, но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше церкви, хотя и не имѣемъ въ умѣ той мысли, чтобы пришлось намъ терпѣть такія несправедливости и оскорбленія въ благополучное царствованіе богохранимаго и добропобѣднаго Царя нашего, государя Алексѣя Михаиловича, боимся за будущее, опасаемся, чтобы послѣдующіе государи, не зная смысла патріаршаго постановленія, не погрѣшили, послѣдуя просто буквѣ, которая часто убиваетъ... Посему какъ врачи души безкорыстные, дайте намъ цѣлительныя лѣкарства, возливая елей и вино“ [1]). Приведенныя мысли высказывали два архіерея—крутицкій митрополитъ Павелъ и рязанскій архіепископъ Иларіонъ, почитавшіеся столпами собора. Для уясненія приведенныхъ мыслей необходимо присовокупить, что восточные патріархи въ присланныхъ ими до Московскаго собора 1667 года отвѣтахъ по вопросу объ отношеніяхъ власти свѣтской и духовной, или власти царской и патріаршей, выразились нѣсколько иначе, чѣмъ постановилъ упомянутый соборъ. Въ общемъ смыслѣ восточные патріархи засвидѣтельствовали, что царская власть выше духовной, что царь, какъ намѣстникъ Божій на землѣ, преимуществуетъ предъ патріархомъ, который на равнѣ со всѣми прочими подданными обязанъ безусловнымъ царю повиновеніемъ во всемъ, ибо всякое повелѣніе, идущее отъ царя, будетъ ли то словесное, или письменное, „законъ есть“ и требуетъ себѣ отъ всѣхъ безпрекословнаго повиновенія [2]). Такое разсужденіе патріарховъ смутило русскихъ архіереевъ. Вслѣдствіе сего присутствовавшіе на соборѣ патріархи: Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій признали необходимымъ составить особое „изъясненіе“ на прежній отвѣтъ о правахъ и обязанностяхъ царя и патріарха. Въ этомъ разъясненіи патріархи писали: „во 2-й убо главѣ патріаршескихъ свитковъ (отвѣтовъ) обрѣтается: яко патріархъ да покорится царю во всѣхъ грацкихъ дѣлехъ и является о семъ, яко ума-

[1]) Богосл. Вѣст. 1892 г. Октябрь стр. 58—59.
[2]) См. Подр. Богосл. Вѣст. за 1892 г. Августъ, стр. 185—188.

ляется патріаршій санъ, обаче со раздѣленіемъ имать разумѣтися писанное въ сей главѣ. Зане яко ина убо суть церковная, догмацкая и правилная, ина же суть грацкая, внѣшняя и правная къ доброму правленію и исправѣ царствію. Ибо во внѣшняя, правная, грацкая лѣпотствуетъ, яко патріархъ да не противится отнюдь царю, но да едино гласитъ и да едино мыслитъ, яко быти миръ и тихость въ царствіи и да не сѣются зизаніи и соблазны, и будетъ двуначаліе, яко бо ино да хощетъ царь и ино патріархъ... Къ церковнымъ же, къ догмацкимъ и къ правилнымъ не имать отнюдь покорится царю патріархъ, зане есть законъ одушевленъ и живый гласъ правилъ... Сего убо ради такими раздѣленьми престанетъ всякое сопротивленіе. Почто имать царь, да покорится патріарху? И почто имать патріархъ да покорится царю? Сія рѣчь, яко патріархъ, да не вступитца въ царскія вещи царскаго двора и да не отступитъ внѣ предѣлъ церковныхъ, яко же и царь имать, да хранитъ чинъ свой... Два свѣтильника суть въ мірѣ: солнце и луна, обаче солнце да властвуетъ днемъ, и луна да перевозсіяетъ нощь; и никогда солнце изыде отъ обычнаго чина своего, ниже луна премѣни теченія своя и естество свое, но всегда любезно движутся и хранятъ предѣлы, иже Творецъ всѣхъ положи имъ сопреодоленіе и непреложное повелѣніе. Такимъ образомъ имать и патріархъ управитися съ царемъ и царь съ патріархомъ ради трелюбезнаго сего единомыслія и мира, иже обдержитъ вкупѣ земная вся и небесная, божественная жъ и человѣческая“ [1]). Въ духѣ патріаршаго „изъясненія“ Московскій соборъ 1667 г., послѣ продолжительныхъ разсужденій и издалъ свое постановленіе, которое тѣми же патріархами, по отобраніи согласія прочихъ архіереевъ, изречено: „И такъ да будетъ положенъ конецъ слову. Да будетъ признано заключеніе, что царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ въ церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилась цѣлаго и непоколебимаго въ вѣкъ стройность церковнаго учрежденія“. Всѣ архіереи воскликнули: „сіе есть мнѣніе богоносныхъ отецъ! такъ мыслимъ и всѣ; да живетъ на многія лѣта добропобѣдный и непо-

[1]) Гиббенетъ, Историческое изслѣд. дѣла патріарха Никона, ч. II, стр. 1039—1040.

бѣдимый нашъ царь, да продолжатся на многія лѣта и ваша жизнь и благоденствіе святѣйшіе и блаженнѣйшіе“ [1]). Въ приведенномъ постановленіи соборъ съ опредѣленностью выразилъ мысль, что онъ признаетъ церковь самостоятельнымъ и независимымъ отъ государства учрежденіемъ, которое имѣетъ особаго независимаго представителя, обязаннаго самостоятельно дѣйствовать въ дѣлахъ церковныхъ, какъ царь въ дѣлахъ гражданскихъ, относительно коихъ патріархъ долженъ согласоваться съ волею государя и подчиняться его законамъ. Подобное постановленіе собора было строгимъ выраженіемъ изначальнаго и вмѣстѣ всегдашняго ученія Христовой церкви, начиная съ примѣра самаго ея основателя, продолжая поведеніемъ апостоловъ, первыхъ устроителей Христовой Церкви, и кончая ученіемъ отцевъ и учителей и цѣлыхъ соборовъ христіанской церкви. Христосъ Спаситель училъ и наставлялъ, что Его царство, разумѣя подъ симъ свою Церковь, не отъ міра сего и существуетъ для особыхъ цѣлей (Іоаннъ XVIII, 36 — 37), и при этомъ живя въ условіяхъ римскаго гражданства, платилъ дань Кесарю (Матѳ. XXII, 17—21. Марк. XI, 14—17) и уклонялся отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла гражданскія (Лук. XII, 13—14), научая своихъ послѣдователей въ своихъ поступкахъ проводить высшія начала жизни. Св. Златоустъ свидѣтельствуетъ: „Христосъ ввелъ свои законы не для испроверженія общаго гражданскаго устройства, а для исправленія и улучшенія онаго“ [2]). Ученики Господа св. апостолы, насаждая новый порядокъ въ жизни людей, настоятельно внушали всѣмъ повиноваться мірскимъ властямъ, поставляя въ семъ волю Божію (Петр. II, 13—14. 15—17. Рим. XIII, 1—7). Но заповѣдуя повиновеніе власти, св. апостолы указывали и предѣлы этому повиновенію въ томъ, чтобы оно не сопровождалось нарушеніемъ обязанностей христіанина и не служило къ посрамленію имени Божія. На семъ основаніи апостолы не исполнили требованія іудейскаго синедріона, запрещавшаго имъ говорить и учить объ имени Іисуса Христа; но, подвергшись преслѣдованіямъ, продолжали исполнять пору-

---

[1]) Богосл. Вѣст. 1892 г. октябрь, стр. 62—63.
[2]) Толк. на Посл. къ Римл. бесѣд. 23, стр. 552.

ченную имъ миссію (Дѣян. IV, 19. 20. V, 29). Согласно поведенію св. апостоловъ, отцы и учители церкви разъясняютъ цѣль и предѣлы повиновенія власти. Св. Златоустъ научаетъ: „когда слышишь *воздадите Кесарева Кесареви*, то разумѣй подъ симъ только то, что ни мало не вредитъ благочестію, ибо все, противное благочестію, есть уже не дань Кесарю, а оброкъ и дань діаволу“ [1]). Противленіе заповѣдямъ Божіимъ не позволяетъ покоряться начальствующимъ [2]), учитъ и блаженный Ѳеодоритъ. Александрійскій епископъ Ѳеона наставлялъ одного изъ царедворцевъ: „повелѣнія императора, которыя не противны Закону Божію, принимайте, какъ повелѣнія Божіи, и исполняйте ихъ также съ любовію, страхомъ и охотою“ [3]). Ожидая содѣйствія государственной власти въ дѣлѣ устроенія своего земнаго существованія, Церковь на своихъ соборахъ съ опредѣленностію указывала и предѣлы, до которыхъ можетъ простираться это содѣйствіе. На первомъ вселенскомъ соборѣ первому христіанскому государю такъ былъ разъясненъ этотъ вопросъ отъ лица присутствовавшихъ отцевъ: „Тебѣ, государь, Богъ ввѣрилъ царство, а намъ поручилъ дѣла церкви. Какъ тотъ, кто отнялъ бы у тебя твою имперію со властію, оказался бы противникомъ Бога, даровавшаго ихъ тебѣ,— такъ и ты остерегайся присвоять что-либо изъ принадлежащаго церкви. Намъ не позволено распоряжаться земнымъ владычествомъ,—но и ты, государь, не имѣешь права курить ѳиміамъ въ церкви“. Правила церкви, вообще удерживая и охраняя ея служителей отъ вмѣшательства въ дѣла гражданскія и принятія мірскихъ должностей, разъясняютъ, когда и участіе мірской свѣтской власти въ дѣлахъ церковнаго управленія представляется нежелательнымъ (Ап. 6—30, Лѳин. 11. VII, 3 и др.). Вообще соборы древней христіанской церкви держатся тѣхъ же воззрѣній, которыя выразилъ въ своемъ постановленіи и соборъ Московскій. На основаніи сего постановленія русскіе епископы и возвысили голосъ противъ существовавшихъ нестроеній и рѣшились примѣнить

---

[1]) Толк. на Матѳ. гл. Ш, стр. 204.
[2]) Твор. ч. 7, стр. 139.
[3]) См. Хр. Чт. 1828 г. ч. XX кн. II, стр. 168.

его на практикѣ. Послѣдствіемъ сего и было общее требованіе собора о невмѣшательствѣ свѣтскихъ лицъ въ дѣла суда надъ лицами духовными. „Совѣтовахомъ впредь быти судьей духовныхъ дѣлъ и духовныхъ лицъ духовному человѣку, сирѣчь архимандриту съ другими искусными мужами въ патріаршемъ, равно и въ архіерейскихъ домахъ, въ духовныхъ дѣлахъ судити и разсуждати духовныя лица, сирѣчь священническаго и монашескаго чина, яко да не возлагаютъ отнынѣ священниковъ и монаховъ въ мірскія судилища, ниже да судятъ мірскіе люди освященнаго монашескаго чина и всякаго церковнаго причта, яко же запрещаютъ св. правила“ [1]). Послѣдствіемъ сего распоряженія было открытіе на патріаршемъ дворѣ новаго Приказа духовныхъ дѣлъ, въ которомъ до сліянія его съ патріаршимъ приказомъ—разрядомъ, и сосредоточивались судныя дѣла надъ духовенствомъ [2]). Открытіе этого приказа повлекло за собою закрытіе Монастырскаго приказа. Соборъ Московскій 1675 г., подтвердивъ постановленіе предыдущаго, издалъ общее постановленіе о невмѣшательствѣ свѣтскихъ лицъ въ дѣла церковнаго вѣдомства, исключая случаевъ исполненія полицейскихъ обязанностей [3]). Всѣ эти распоряженія, выражая желанія представителей русской церкви, одобрялись и государственною властію, безъ мысли со стороны послѣдней о посягательствѣ церкви на права государства. Поэтому реформѣ Петра Великаго, если она развивала свои предначертанія въ „духѣ и по указанію воззрѣній представителей русской церкви“, предлежало вести свои улучшенія въ указанномъ направленіи, безъ вмѣшательства въ дѣла церкви, подъ видомъ самозащиты государства отъ мнимыхъ притязаній.

Воззрѣнія статьи „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ поражаютъ вообще своею неправотою относительно предшествующаго хода русской исторіи, послужившаго будто бы поводомъ и основою для церковной реформы Петра Великаго. Прежде всего необходимо заявить, что во всемъ ходѣ русской исторіи незамѣтно

---

[1]) П. С. З. и 1. № 412 и 37 и 38.

[2]) См. Выписки др. рос. церк. правъ и привил. стр. 13—15 рукоп. Спб. дух. Акад. ср. Чт. Общ. Истор. и др. 1847 г., № 4.

[3]) А. Э. т. IV № 204.

ни тайнаго, ни явнаго соревнованія въ правахъ и преимуществахъ со стороны церковной власти съ свѣтскою. Это общепризнанный историческій фактъ, давшій то направленіе нашей исторіи, какое она въ дѣйствительности имѣла. Исторія патріарха Никона, для правильнаго ея пониманія, требуетъ событія ея времени поставлять въ связь по преимуществу съ развитіемъ внутренней жизни русской церкви, а не съ установленіемъ отношеній ея къ государству и государственной власти. Поэтому Никонъ хотя лично и подвергся осужденію, но начинанія патріарха Никона не осуждены Московскимъ соборомъ. Въ этомъ сказался свой разумъ... Наша до-московская, удѣльно-вѣчевая, раздроблен-ная Русь своимъ сплоченіемъ и объединеніемъ обязана по преимуществу церкви и ея предстоятелямъ, въ особенности старѣйшимъ изъ нихъ—митрополитамъ. По общему признанію юридической науки церковь много содѣйствовала возникновенію и развитію русскаго государства на началахъ права и справедливости. Представители русской церкви были первыми стражниками русской земли, отстанвали ея цѣлость среди княжескихъ междоусобицъ, и спасали отъ ханскихъ хищниковъ въ монгольскій погромъ. При посредствѣ церкви и ея служителей русскій народъ знакомился съ началами гражданственности и государственнаго уклада. Первые русскіе христіанскіе князья, отводя широкое поле для дѣйствій духовнаго суда по дѣламъ и отношеніямъ чисто гражданскимъ, открывали тѣмъ свободный просторъ вліянію церкви на жизнь семейную, общественную, и государственную словомъ, на всѣ стороны гражданскаго быта. И—надо отдать справедливость предстоятелямъ и служителямъ церкви въ томъ, что они, внѣдряя и проводя въ русскій государственный строй идеи гражданскаго уклада, не посягали при этомъ на отличительныя особенности русскаго народа и на права государственной власти. Предстоятели русской церкви были первыми и главными сподвижниками русскихъ князей въ собираніи русской земли и насажденіи въ ней идей и началъ самодержавія. Можно сказать, что съ самыхъ первыхъ дней, когда Русь приняла христіанство, русское общество изъ устъ предстоятелей церкви услышало проповѣдь, что князь не представитель только дружины, а избранникъ и судья Божій, орудіе божественнаго промысла, услышало словомъ библейскій церковный взглядъ

на власть государственную. Эта проповѣдь не умолкала и во все послѣдующее время, выражаясь и въ словахъ и въ дѣйствіяхъ представйтелей церкви и ихъ сподвижниковъ. Такъ, въ періодъ удѣльной разрозненности и во времена монгольскаго ига, власть всероссійскаго митрополита, опиравшаяся на власть епархіальныхъ епископовъ, была единственнымъ оплотомъ, противостоявшимъ ужасамъ междоусобицы и бѣдствіямъ татарскаго погрома. И—эта власть съ достоинствомъ выполнила возложенную на нее исторіею и указанную божественнымъ Промысломъ миссію. Она взлелѣяла русское государство и воспитала его власть до подобающаго роста и могущества. Содѣйствуя постепенному возрастанію русскаго государства подъ сѣнію церкви своимъ авторитетомъ, предстоятели русской церкви въ тоже время служили укрѣпленію власти правящей государствомъ и уясненію лика его правителя, какъ помазанника Божія и непосредственнаго слуги божественнаго Промысла. Воспитавъ русское государство до роста Московскаго царства, и возвысивъ княжескую власть до московскаго единодержавія, представители церковной власти какъ-бы сознали свою миссію выполненною и свою задачу исчерпанною, уступивъ поле дѣйствованія власти государственной. Во весь протекшій періодъ русской исторіи духовная власть всецѣло служила интересамъ и возвышенію свѣтской. Послѣдняя въ свою очередь сознательно пользовалась услугами первой для поддержанія собственнаго авторитета. Вспомнимъ лишь отношенія Іоанна Калиты, основателя Москвы, къ митрополиту Петру и отношенія митрополита Алексія къ Димитрію Донскому. Возмужавшее Московское государство съ окрѣпшею въ немъ властію, принявъ на себя заботу дальнѣйшаго уклада русской земли, не могло оставить безъ вниманія церкви съ ея властію, составлявшихъ внутренній цементъ всѣхъ общественныхъ отношеній. Іоаннъ III своими стремленіями къ византійскому цесарству повидимому заслонялъ авторитетъ церкви. Іоаннъ IV, занявшись уясненіемъ прерогативъ царской власти, призналъ необходимымъ оградить и права церковной власти въ лицѣ современнаго ему митрополита Аѳанасія, давъ на имя сего послѣдняго жалованную грамоту, которую затѣмъ царь Борисъ подтвердилъ патріарху Іову; подобныя грамоты въ свою очередь послѣдующіе

цари давали московскимъ патріархамъ [1]). Если уже настоитъ надобность находить юридическія отношенія между церковною и государственною властію, — то подтвержденіемъ сего скорѣе могутъ служить грамоты, выдаваемыя русскими царями московскимъ патріархамъ, ибо эти грамоты давались именно въ огражденіе правъ патріарха, какъ духовнаго главы въ отношеніи къ его церковнымъ людямъ. Возвышеніе и расширеніе власти московскихъ государей потребовали возвышенія и расширенія преимуществъ власти церковной въ лицѣ патріарха. Учрежденіе патріаршества было не умаленіемъ власти всероссійскихъ митрополитовъ, а возвышеніемъ предстоятеля русской церкви на превысочайшей степень. Какъ московское самодержавіе резюмируетъ въ себѣ прошлое русской исторіи, развивавшееся при дѣятельномъ участіи церкви и ея предстоятелей,—такъ московское патріаршество есть результатъ возвысившагося значенія Москвы и ея царя. Прежде власть церкви служила возвышенію власти государства—теперь власть государства потребовала возвышенія власти церкви для выполненія той наслѣдованной отъ Византіи догмы, по которой царь и патріархъ суть два нераздѣльныя начала правильнаго уклада общественной и государственной жизни. Патріаршество принесло съ собою многое для русской церкви, словомъ все, чего ей не доставало, какъ церкви автокефальной, долженствовавшей занять мѣсто въ междуцерковныхъ отношеніяхъ. Прежде всего патріаршество возвысило предстоятеля русской церкви до такой степени, что поставило его по правамъ и по достоинству рядомъ съ прочими старѣйшими предстоятелями христіанской церкви, въ томъ смыслѣ, что голосъ этого предстоятеля необходимо требовался для того, чтобы рѣшеніе прочихъ предстоятелей востока получило значеніе и силу общецерковнаго, обязательнаго для всей православной церкви рѣшенія. Далѣе вся русская церковь съ учрежденіемъ патріаршества получила видъ законченной въ церковномъ каноническомъ смыслѣ организаціи съ самостоятельною иниціативою возбужденія и рѣшенія церковныхъ вопросовъ. Кромѣ того патріархъ, какъ духовный глава церкви, и окружающій его соборъ іерарховъ представляли такіе

[1]) См. Собр. государ. грам. и договор. т. 11. № 73, т. III, об. 73.

устои русской церковной жизни, при которыхъ теченіе ея могло совершаться ровно и съ успѣхомъ. Періодъ патріаршества безспорно былъ и почитается самымъ богатымъ явленіями во всѣхъ сторонахъ церковнаго благоустройства: тогда русская церковь внутри и внѣ благоукрасила свое существованіе. Предпринимавшіяся въ видахъ такого благоустройства попытки умноженія епископскихъ каѳедръ и возвышенія нѣкоторыхъ изъ нихъ на степень митрополій, если и не осуществились вполнѣ, то не потому, что русскіе іерархи противились чрезъ то расширенію власти патріарха, а по другимъ причинамъ, указывавшимъ на невозможность съ послѣдовательностію примѣнить къ Россіи при разбросанности ея пространства систему областнаго церковнаго управленія древней церкви. И въ настоящее время, при умножившемся числѣ епископскихъ каѳедръ, подобныя предположенія, если бы взялись за ихъ осуществленіе, встрѣтили бы практическія затрудненія, хотя нельзя не признать, что для оживленія церковныхъ отношеній образованіе окружныхъ центровъ церковнаго управленія не можетъ не быть не желательнымъ. Патріаршество унесло съ собою много начинаній, осуществленіе которыхъ принесло бы свои благодѣтельные плоды. Московскіе цари Ѳеодоръ Іоанновичъ, Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ сочувствовали идеѣ патріаршества не потому, что ихъ представляютъ людьми чувства и воображенія, способными плѣняться внѣшностью, а потому, что видѣли въ патріаршествѣ силу, подымавшую Россію на высоту ея внутренняго духовнаго роста. Патріаршество, какъ извѣстно, помогло Россіи выдти изъ затруднительнаго положенія во время междуцарствія и снова окрѣпнуть. Оно не мѣшало и поименованнымъ вѣнценосцамъ править Россіею по завѣтамъ предковъ наслѣдственнымъ отъ прародителей царствомъ. Они видѣли въ патріархѣ лучшаго споспѣшника своихъ начинаній, а въ окружавшемъ патріарха соборѣ іерарховъ надежныхъ совѣтниковъ даже въ земскихъ дѣлахъ, на ряду съ думою боярскою. Петръ Великій, вознамѣрившись править русскимъ государствомъ на другихъ началахъ, а не на тѣхъ, на которыхъ правили его предки, отмѣнилъ учрежденія древней Россіи, въ томъ числѣ не пощадилъ и патріаршества. Послѣднее особенно грозно выступало

предъ реформаторскими взорами Петра потому, что съ нимъ было связано очень много традицій не только въ церковной, но и въ политической сферѣ. Патріархъ, какъ въ нѣкоторомъ смыслѣ апотеоза народной политической жизни до-Петровской Россіи, могъ представить преобразователю большія затрудненія не только въ проведеніи реформъ, но и въ послѣдствіяхъ ихъ осуществленія. При особенной привязанности русскаго народа къ церкви, давшей ему начала гражданственности—при всегдашнемъ довѣріи къ церковной власти, наблюдающей его духовныя блага, подобныя затрудненія могли породить непреодолимыя препятствія. На это и указываетъ составитель Духовнаго Регламента, когда въ ряду причинъ учрежденія духовной коллегіи и вмѣстѣ замѣны патріаршаго управленія синодальнымъ полагаетъ и слѣдующую: „Велико и сіе, еже отъ соборнаго правительства не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго, ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной; но, великаго высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то вторый государь, самодержцу равный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство и се самъ собою народъ тако умствовати обыклъ. Что же егда еще и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огнь подложатъ? Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца, яко на верховнаго пастыря, въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ, и льстятъ себѣ окаянные, что они по самаго Бога поборствуютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ аще бы и на кровопролитіе устремилися. Такому же въ народѣ мнѣнію вельми ради, и не простые, но коварные человѣцы; тіи бо на государя своего враждующе, егда увидятъ ссору государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и подъ видомъ церковной ревности, не сумнятся подносить руки на Христа Господня, и къ тому же безумію, яко

къ дѣлу Божію, подвигаютъ простой народъ. Что-же, когда еще и самъ пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ... Таковому злу въ соборномъ духовномъ правительствѣ нѣтъ мѣста; ибо нѣсть здѣ и на самомъ президентѣ великія и народъ удивляющія славы, нѣсть лишнія свѣтлости и позора, нѣсть высокаго о немъ мнѣнія, не могутъ ласкатели безмѣрными похвалами возносити его; понеже что либо таковымъ правительствомъ доброе дѣлается, не возможно единому президенту воспользоваться. Самое имя президентъ не гордое есть, не иное бо что значитъ только предсѣдателя—не можетъ убо ниже самъ о себѣ, ниже кто иный о немъ помыслити. А когда еще видитъ народъ, что соборное сіе правительство монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ уставлено есть, то и паче пребудетъ въ кротости своей и вельми отложитъ надежду имѣти помощь къ бунтамъ своимъ отъ чина духовнаго". Отмѣняя по этимъ соображеніямъ патріарха и поставлял на его мѣсто Духовное Коллегіумъ, нельзя сказать, чтобы такою перемѣною реформа Петра удовлетворяла „разуму русскаго народа" и въ особенности „желаніямъ русскихъ епископовъ".

Авторъ статьи „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи" заявляетъ, что Петръ I, производя перемѣну въ нашемъ высшемъ церковномъ управленіи, раздѣлялъ убѣжденіе, что „русская церковь, не переставая быть православною, можетъ оставаться безъ единоличнаго управленія, безъ патріарха и даже безъ митрополитовъ", что „составитель Духовнаго Регламента, при начертаніи послѣдняго, руководился идеаломъ церковнаго устройства первенствующей церкви Христовой, пока она еще не находилась въ союзѣ и подъ покровительствомъ государства, которое, какъ языческое, было ея врагомъ". Вообще, по увѣренію автора упомянутой статьи, реформа Петра Великаго, „не касаясь основного церковнаго устройства и даже церковнаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно организовалось до IV вѣка, когда церковь жила не въ союзѣ съ государствомъ, а внѣ государства, имѣя въ немъ своего гонителя, уничтожила только оказавшееся опаснымъ для государства патріаршее правленіе и замѣнила его соборнымъ, обязавъ каждаго члена учреж-

даемаго собора вѣрноподданническою присягою“ [1]). Подобныя заявленія, въ виду важности затронутаго ими предмета, требуютъ того, чтобы на нихъ остановиться.

Воззрѣнія Петра Великаго, какъ правителя государства и царя русскаго народа [2]), выражены въ высочайшемъ манифестѣ объ учрежденіи Духовной Коллегіи и въ царской грамотѣ къ константинопольскому патріарху Іереміи. Въ первомъ документѣ Петръ I выражаетъ мысль, что онъ рѣшился на замѣну прежняго патріаршаго правленія новымъ, въ виду превосходства соборнаго правительства предъ единоличнымъ „понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому же ненаслѣдственная власть, того ради вящше небрегутъ“. Въ этихъ словахъ манифеста предносится мысль о необходимости особаго порядка въ церковномъ управленіи и подчиненіи послѣдняго извѣстнымъ свойственнымъ ему нормамъ. Манифестъ отдаетъ предпочтеніе соборному способу правленія и въ сообразность съ этимъ учреждаетъ „лучшее правительство“ въ видѣ „Духовнаго Коллегіума“. Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Іереміи Петръ слѣдуетъ общепринятымъ воззрѣніямъ на церковное управленіе. Онъ признаетъ и называетъ константинопольскаго патріарха „первымъ православныя каѳолическія церкви архипастыремъ“, отъ котораго вкупѣ съ прочими блаженнѣйшими патріархами востока зависѣло признаніе учрежденнаго Петромъ Духовнаго Сунода. Самому Духовному Суноду Петръ испрашиваетъ утвержденія и признанія за нимъ извѣстнаго положенія потому, что онъ наслѣдникъ патріаршескихъ правъ, и что авторитетъ его долженъ утверждаться на томъ повиновеніи, какое прежде было чинимо „всероссійскимъ патріархамъ“. Порядокъ сношеній съ „всероссійскими патріархами“ полагается въ основу и сношеній съ Духовнымъ Сунодомъ. „Просимъ“, выражается грамота, „Ваше Всесвятѣйшество да изволитъ съ онымъ Сунодомъ о касающихся

---

[1]) Рус. Вѣст. 1891 г. Апрѣль, стр. 8. 9. 13.

[2]) Не беремъ при этомъ въ соображеніе пасмѣшливыхъ забавъ съ шутовскимъ патріархомъ Никитою Зотовымъ и шутовскаго собора для выбора новаго патріарха на мѣсто умершаго Зотова. (Рус. Вѣстн. 1891 г. Ноябрь стр. 193—194).

до пользы церковной духовныхъ дѣлахъ, корреспондевцію и сношеніе, яко же напредъ сего со всероссійскими патріархи имѣли, содержать". Если для учрежденнаго Духовнаго Сунода Петръ домогался отъ константинопольскаго и прочихъ восточныхъ патріарховъ „равнопатріаршескихъ правъ" и на авторитетѣ, какимъ въ междуцерковныхъ отношеніяхъ пользовались всероссійскіе патріархи, старался основать и междуцерковное положеніе Духовнаго Сунода, то должно быть яснымъ, что великій преобразователь высшаго церковнаго управленія въ русской церкви не стоялъ на почвѣ безразличія воззрѣній на организацію церковнаго управленія. Если допустить вмѣстѣ съ авторомъ статьи „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи", что Петръ Великій держался мысли объ излишествѣ для русской церкви патріарховъ и митрополитовъ, то, вмѣстѣ съ другимъ авторомъ статьи „о преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I", написанной по поводу первой, слѣдуетъ признать, что „осуществись вполнѣ приписываемая Петру Великому мысль, и мы въ настоящее время имѣли бы у себя церковь православную и апостольскую, не зараженную монархическимъ правительственнымъ началомъ, т. е. церковь не только безъ патріарха и митрополитовъ, но если продолжить логически недовершенный планъ Петра и недосказанную мысль автора разсматриваемой статьи,—то, конечно, и безъ епископовъ" [1]). Таковъ выводъ послѣдовательнаго проведенія приписанной Петру Великому, какъ преобразователю высшаго церковнаго управленія, мысли автором статьи „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи".

Странность сужденій этого автора сказывается и въ томъ случаѣ, когда онъ полагаетъ, что „составитель Духовнаго Регламента, при начертаніи послѣдняго, имѣлъ въ виду идеалъ первенствующей церкви". Странность эта еще болѣе обнаруживается при дѣйствительности, что составитель Духовнаго Регламента напередъ отказывается отъ этой мысли тѣмъ, что предполагаемое имъ къ учрежденію Духовное Коллегіумъ сравниваетъ „съ церковнымъ синедріономъ ветхозавѣтной церкви въ Іерусалимѣ", „гражданскимъ

---

[1]) Русс. Вѣст. 1891 г. Ноябрь стр. 177.

судомъ ареопаговъ въ Аѳинѣхъ“ и вообще „съ правительствующими въ томъ же городѣ собраніями, именуемыми дикастеріями“. Вмѣстѣ съ тѣмъ приравнивал „Духовное Коллегіумъ“ къ другимъ, учрежденнымъ въ русскомъ государствѣ Петромъ Великимъ, коллегіямъ, и именуя первое безразлично и „всегдашнимъ Сунодомъ“ и „Синедріономъ“, составитель Духовнаго Регламента, при начертаніи послѣдняго, видимо не имѣлъ передъ собою идеала первенствующей церкви и не соображался съ требованіями послѣдняго. Если бы онъ имѣлъ передъ собою идеалъ этой церкви, то ему, приводимъ слова изъ статьи „о преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I“, естественнѣе и цѣлесообразнѣе „было бы сослаться въ оправданіе своего Духовнаго Коллегіума, на примѣръ первенствующей христіанской церкви, а не на іудейскій синедріонъ и языческій ареопагъ и дикастеріи“. „Впрочемъ, слова той же статьи, вѣдь и Лютеръ и другіе протестантскіе реформаторы, разоряя церковь, полагали, что они преобразовываютъ ее по примѣру первенствующей церкви Христовой“ [1]). Позволительно, вопреки увѣреніямъ статьи „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“, прибавить, что составитель Духовнаго Регламента, при организаціи вызываемаго къ жизни Духовнымъ Регламентомъ учрежденія, вовсе не заботился о соотвѣтствіи послѣдняго требованіямъ идеала управленія древней, словомъ, первенствующей церкви. По изображенію правилъ и практики и вообще по требованію основныхъ началъ церковнаго строя высшее церковное управленіе въ первенствующей церкви, т. е. до союза ея съ государствомъ, въ апостольскихъ правилахъ представляется въ такомъ видѣ: „Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ (ἐν αὐτοῖς πρῶτον) и признавати его, яко главу (ὡς κεφαλὴν), и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи, и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ. Ибо тако будетъ единомысліе и прославится Богъ о Господѣ во Св. Духѣ, Отецъ и Сынъ и Св. Духъ“ (пр. 34).

---

[1]) Русск. Вѣстн. 1891 г. Ноябрь стр. 178—179.

Составитель „опыта курса церковнаго законовѣдѣнія“, изъясняя настоящій канонъ, пишетъ: „Апостольское правило въ каждомъ христіанскомъ народѣ (ἔθνος), составляющемъ частную или помѣстную церковь, представляетъ нѣсколько епископовъ, изъ которыхъ каждый управляетъ ввѣреннымъ ему удѣломъ паствы (παροίκια), состоящимъ изъ нѣсколькихъ городовъ, или селеній (χῶρα), а всѣ сіи епископы имѣютъ надъ собою одного начальствующаго епископа, яко главу, который между ними есть первый (ὁ ἐν αὐτοῖς πρῶτος). Въ отношеніи къ апостольскому вѣку и временамъ, ему ближайшимъ, первыми епископами въ помѣстныхъ церквахъ, безъ сомнѣнія, почитались первые преемники апостольскіе, самими апостолами поставленные, особенно въ знатнѣйшихъ мѣстахъ, извѣстныхъ тогда странъ и областей. Таковыми являются въ исторіи дѣяній апостольскихъ Іаковъ въ Іерусалимѣ, Тимоѳей въ Ефесѣ, главномъ городѣ всей Малой Азіи, Титъ на островѣ Критѣ“. Старяясь изъяснить значеніе начальствующаго епископа, тотъ же авторъ продолжаетъ: „называя этихъ первенствующихъ епископовъ главами своихъ церквей, апостольское правило даетъ разумѣть здѣсь не власть ихъ неограниченную и совершенно независимую, но только главное начальствованіе, старѣйшинство, первенство голоса въ дѣлахъ церковныхъ; ибо какъ подчиненнымъ епископамъ не позволяется дѣлать ничего, особенно важнаго, безъ вѣдома и разсужденія главы, — такъ и самому главному епископу внушается ничего не дѣлать безъ общаго разсужденія и согласія другихъ епископовъ“ [1]). Словомъ, по апостольскому правилу, церковное управленіе сосредоточивается въ рукахъ епископовъ, изъ коихъ каждый непосредственно и ближайшимъ образомъ завѣдуетъ только дѣлами опредѣленнаго предѣла; всѣ же находятся подъ зависимостію старѣйшаго, занимающаго между ними положеніе главы и пользующагося преимущественнымъ значеніемъ. Въ изъясненіе разсматриваемаго апостольскаго правила Зонара пишетъ: „настоящее правило повелѣваетъ, чтобы первенствующихъ епископовъ въ каждой епархіи, т. е. архіереевъ митрополій, прочіе епи-

---

[1]) Опыт. кур. церк. законов. Т. I, стр. 177—178.

скопы той же епархіи почитали главою и безъ нихъ не дѣлали ничего такого, что имѣетъ отношеніе къ общему состоянію церкви... впрочемъ и первенствующему епископу правило не позволяетъ, по злоупотребленію честію, превращать оную въ преобладаніе, дѣйствовать самовластно и безъ общаго согласія своихъ сослужителей... ибо правило хочетъ, чтобы архіереи были единомыслимы, связуемы союзомъ любви". Основаніе для такого порядка вещей Зонара указуетъ въ томъ, что „какъ тѣла движутся неправильно, или даже и совсѣмъ дѣлаются безполезными, если голова не сохраняетъ своей дѣятельности въ здоровомъ состояніи; такъ и тѣло церковное будетъ двигаться безпорядочно и неправильно, если первенствующій въ немъ членъ, занимающій мѣсто головы, не будетъ пользоваться подобающею ему честію". Въ томъ же смыслѣ изъясняетъ настоящее правило и Вальсамонъ, прибавляя въ заключеніе: „воспрещеніе первенствующему епископу дѣлать что нибудь безъ вѣдома его епископовъ разумѣется не обо всемъ, что онъ имѣетъ дѣлать, а только объ одномъ, превышающемъ власть; ибо если скажемъ это, то рукополагающій будетъ поставленъ ниже рукополагаемаго, такъ какъ ему возбранено будетъ совершенно дѣлать что либо безъ вѣдома своихъ подчиняемыхъ, а для нихъ необходимо присутствіе первенствующаго только въ дѣлахъ превышающихъ ихъ власть, что̀ неумѣстно" [1]). Апостольское правило, какъ изъясняютъ его толкователи, идеалъ управленія первенствующей Христовой церкви полагаетъ въ согласіи и единомысліи епископовъ, объединяемыхъ въ своей дѣятельности подъ начальствомъ перваго или старѣйшаго между ними. Этотъ идеалъ не былъ мертвою буквою закона, напротивъ осуществлялся на практикѣ и разрѣшался въ дѣйствительныхъ фактахъ. Толкователи разсматриваемаго апостольскаго правила замѣчаютъ, что „правило предписываетъ, чтобы о предметахъ, превышающихъ власть каждаго изъ епископовъ въ отдѣльности, всѣ они, собравшись у старѣйшаго, вмѣстѣ разсуждали и принимали мнѣніе, всѣми признаваемое за

---

[1]) Прав. св. Апост. съ толкованіями въ русск. перев. стр. 75. 77. М. 1876 г.

лучшее, а дѣла собственной церкви и подвѣдомыхъ ей мѣстъ каждый епископъ самъ по себѣ дѣлалъ отдѣльно“ [1]). Въ такомъ видѣ мы и наблюдаемъ дѣятельность предстоятелей первенствующей церкви по церковному управленію, при разрѣшеніи возникавшихъ въ то время церковныхъ вопросовъ. Церковный историкъ Евсевій разсказываетъ, что при разсмотрѣніи вопроса о времени празднованія Пасхи Ѳеофилъ въ Кесаріи Палестинской, Наркисъ въ Іерусалимѣ, Палма (амастрійскій) въ Понтѣ, Иринеи (ліонскій) въ Галліи, Поликратъ (ефесскій) въ Малой Азіи, всѣ они, какъ епископы главныхъ въ гражданскомъ и знаменитыхъ въ церковномъ отношеніи городовъ, созывали къ себѣ сосѣднихъ епископовъ для совѣщаній объ означенномъ предметѣ. Подобнымъ же образомъ поступали Викторъ въ Римѣ, Вакхилъ въ Коринѳѣ, столицѣ Ахаіи [2]). Поименованные пастыри, собирая у себя епископовъ, вели предсѣдательство на этихъ собраніяхъ и вообще наблюдали за общимъ ходомъ дѣлъ церковныхъ. На основаніи этой практики и образовался еще въ первенствующей церкви обычай, по которому епископы главныхъ городовъ въ гражданскихъ провинціяхъ и областяхъ занимали такое положеніе, что преимуществовали передъ прочими почетомъ, уваженіемъ и вліяніемъ на ходъ церковныхъ дѣлъ. Къ нимъ обращались за совѣтами въ недоумѣнныхъ случаяхъ, и отъ нихъ ожидали указаній по вопросамъ церковной дисциплины и церковнаго благоустройства. Историческія свидѣтельства открываютъ очень ранніе слѣды дѣйствія этого обычая. Церковный историкъ Евсевій о св. Иринеѣ говоритъ, что онъ былъ епископодъ надъ гальскими церквами [3]). Діонисій Коринѳскій, у того же Евсевія, Филиппа, гортинскаго епископа, представляетъ главнымъ епископомъ критскихъ церквей [4]). Св. Аѳанасій великій о своемъ предшественникѣ по каѳедрѣ епископской—Діонисіи Александрійскомъ, жившемъ за 60 лѣтъ до никейскаго собора, разсказываетъ, что онъ имѣлъ надзоръ за церквами ливійскими и пен-

---

[1]) Там. стр. 75.
[2]) Евсевій, Церк. Истор. кн. V, гл. 23. 24. по русск. перев.
[3]) Церк. Истор. V. 23.
[4]) Там. IV. 23.

тапольскими и во время распространенія заблужденій ереси Савелія старался предохранить отъ нихъ епископовъ сихъ областей своими посланіями [1]). О св. Петрѣ, епископѣ александрійскомъ, тотъ же св. Аѳанасій замѣчаетъ, что онъ низложилъ Мелетія, ликопольскаго епископа въ Ѳиваидѣ, вмѣстѣ съ общимъ соборомъ епископовъ [2]), а по словамъ св. Епифанія управлялъ дѣлами по всему Египту, Ѳиваидѣ, Ливіи и Пентаполю [3]). О св. Кипріанѣ, епископѣ карѳагенскомъ, св. Григорій Богословъ замѣчаетъ, что онъ былъ вселенскимъ епископомъ, предстоятельствовалъ не только въ карѳагенской церкви, но и въ другихъ предѣлахъ вселенныя [4]). Собственныя письма этого отца показываютъ, что онъ пользовался авторитетомъ не только между карѳагенскими, но нумидійскими и мавритинскими епископами, собиралъ ихъ на соборы и препровождалъ опредѣленія послѣднихъ къ исполненію. Подобными же преимуществами пользовались въ своихъ мѣстахъ епископы: римскій, антіохійскій, ефесскій, кессарійскій. Вотъ въ какихъ очевидныхъ фактахъ заявляетъ себя нашему наблюденію идеалъ древней первенствующей церкви до союза ея съ государствомъ, отмѣченный и въ ея положительномъ каноническомъ законодательствѣ. Основныя черты этого идеала, при дальнѣйшемъ поступательномъ его развитіи, послужили главнымъ каноническимъ базисомъ митрополичьей, экзаршей и патріаршей формъ церковнаго управленія, сознанныхъ, одобренныхъ и завѣщанныхъ древнею вселенскою нераздѣленною церковію—церквамъ послѣдующаго времени, въ томъ числѣ и нашей русской отечественной.

Въ виду вышеприведенной справки оказывается, что авторъ статьи „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ высказываетъ неправду, когда полагаетъ, что „составитель Духовнаго Регламента, при начертаніи послѣдняго, соображался съ идеаломъ первенствующей церкви, до союза послѣдней съ государствомъ“. Приведенная справка указуетъ, что творецъ учредительнаго акта Духовной Кол-

---

[1]) S. Athanasii, Opera t. I. pag. 552, de sententia Dionysii.
[2]) Ibid. pag. 605.
[3]) Epiphan. Haeres. 68.
[4]) Григор. Богосл. Слово 18.

легіи не только не имѣлъ передъ глазами йдеала первенствующей церкви—чтобы подражать ему; напротивъ въ своихъ предначертаніяхъ прямо отстранялся отъ него. Вопреки этому идеалу онъ вводилъ въ составъ Духовной Коллегіи членовъ различныхъ церковныхъ степеней, одѣляя каждаго изъ нихъ, съ нарушеніемъ іерархическаго порядка подчиненности, одинаковымъ значеніемъ и отличая совершенно не церковными наименованіями: президента, вицепрезидентовъ, совѣтниковъ и ассесоровъ. Вмѣстѣ съ симъ онъ настойчиво проводилъ мысль, что заступающій мѣсто президента (предсѣдательствующаго) не пользуется никакимъ преимуществомъ передъ прочими сосѣдателями и буквально говоритъ: „самое имя президентъ не гордое есть, не иное бо что значитъ, токмо предсѣдателя: не можетъ убо ниже самъ о себѣ, ниже кто иный о немъ высоко помышляти... не токмо единъ нѣкто отъ сосѣдателей, но и самъ президентъ или предсѣдатель подлежати имать суду своея братіи, т. е. томужде Коллегіумъ, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ“. Всѣ эти и подобныя поясненія какъ бы согласуются съ требованіями церковныхъ каноновъ, предупреждающихъ произволъ въ дѣйствіяхъ старѣйшихъ предстоятелей церкви, — въ дѣйствительности же здѣсь выражена предвзятая мысль унизить значеніе имени и уничтожить права предсѣдателя учрежденнаго Коллегіума.

Въ предвзятыхъ сужденіяхъ о руководственныхъ началахъ церковной реформы Петра Великаго, авторъ статьи „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ утверждаетъ, что эта реформа, „не касаясь основнаго церковнаго устройства и даже церковнаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно организовалось до IV вѣка, только уничтожила оказавшееся опаснымъ для государства патріаршее правленіе и замѣнила его соборнымъ“. Мысль о соборномъ характерѣ Духовнаго Коллегіума, предначертаннаго въ Духовномъ Регламентѣ, такъ серьезно высказывается и раздѣляется авторомъ, статьи „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ что онъ почелъ даже необходимымъ сдѣлать особое поясненіе: „съѣзжаться въ Россіи, при ея обширности и ея путяхъ сообщенія въ XVIII вѣкѣ, хотя разъ въ годъ, какъ требуется канонами, было невозможно: постоянный соборъ, въ виду этого, былъ необходимостію

тогда, да и теперь эта необходимость не исчезла“ [1]). Итакъ, по автору разсматриваемой статьи, Духовное Коллегіумъ организовано на соборномъ началѣ и есть постоянный соборъ; между тѣмъ самъ составитель Духовнаго Регламента выражаетъ сомнѣніе относительно соборнаго характера создаваемаго имъ учрежденія и не называетъ его соборомъ. Обыкновенное на устахъ составителя Духовнаго Регламента названіе создаваемаго имъ учрежденія есть наименованіе „Духовное Коллегіумъ“, и только въ видѣ поясненія сего обычнаго названія употребляются наименованія „правительское коллегіумъ“, „правленіе соборное всегдашнее“, „всегдашній сѵнодъ“, „сѵнедріонъ“. Различіе этихъ наименованій, предполагая неустойчивость въ воззрѣніяхъ автора на его созданіе, указываетъ на наклонность его вообще видѣть въ создаваемомъ установленіи правительственное учрежденіе для завѣдыванія дѣлами церковными въ государствѣ Россійскомъ. Какъ пояснительное наименованіе „Духовное Соборное Правительство“ усвояютъ Духовной Коллегіи и высочайшій учредительный манифестъ“, равно и царская грамота къ константинопольскому патріарху. Равнымъ образомъ и восточные патріархи нарекли его „священнымъ и святымъ Сѵнодомъ“. Сами члены Духовной Коллегіи именовали свое присутствіе „Духовное Соборное Правительство“, „Духовное Правительство“, „Духовное Собраніе“ и предлагали въ молитвенныхъ возношеніяхъ именовать оное „о святѣйшемъ правительствующемъ собраніи“, которое замѣнено собственноручною резолюціею Петра Великаго „о святѣйшемъ Сѵнодѣ“ или „о святѣйшемъ правительствующемъ Сѵнодѣ“. Кажется ясно, что признакъ соборности приписывался сему учрежденію только по формѣ, въ виду собирательнаго состава его членовъ, въ противоположность единоличному правленію, а не по существу и характеру началъ, положенныхъ въ основу сего учрежденія. Отличительныя черты совокупнаго, совѣщательнаго, словомъ соборнаго веденія дѣлъ церковныхъ намъ извѣстны изъ догмы вышеприведеннаго и разсмотрѣннаго 34 апостольскаго канона, изъясняющаго въ общемъ смыслѣ основныя, примитивныя начала церковнаго строя и

---

[1]) Русск. Вѣстн. 1891 г. Апрѣль стр. 13 и прим.

управленія. Апостольскій же 37 канонъ устанавливаетъ обычную внѣшнюю форму примѣненія этихъ началъ. Онъ гласитъ: „дважды въ году да бываетъ соборъ епископовъ, и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія. Въ первый разъ въ четвертую недѣлю Пятидесятницы; а во вторый, октября во вторый надесять день“. Догма сего правила повторена и въ другихъ канонахъ вселенской церкви съ разъясненіями, что мѣстные епископы всѣ обязываются принимать участіе въ соборахъ подъ опасеніемъ наказанія, что повременные соборы созываются митрополитомъ и происходятъ въ его присутствіи, что свѣтскіе начальники не должны полагать препятствія въ созваніи этихъ соборовъ [1]). Внутреннюю сущность этихъ требованій составитель „Опыта курса церковнаго законовѣдѣнія“ изъясняетъ такъ: „апостольское правило, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, которые могли требовать парочитаго собранія пастырей, установляетъ въ каждой области или помѣстной церкви ежегодные соборы, которые полагаются двукратные въ году, въ весеннее и осеннее время“ [2]). При изъясненіи 20 пр. Апт. собора тотъ же авторъ подробно распространяется о кругѣ дѣятельности и пользѣ учрежденія этихъ соборовъ. Онъ говоритъ: „составленіе ежегодныхъ соборовъ изъ всѣхъ областныхъ епископовъ съ митрополитами было въ древнія времена весьма важнымъ и необходимымъ дѣломъ по многимъ отношеніямъ: здѣсь поддерживалось общеніе и единеніе между пастырями церкви; здѣсь они излагали свои недоумѣнія по разнымъ церковнымъ дѣламъ и рѣшали ихъ общимъ голосомъ; здѣсь соединеннымъ вниманіемъ обозрѣвали состояніе всей мѣстной церкви и опредѣляли необходимыя мѣры къ его улучшенію; составляли общія правила для церковнаго управленія; изслѣдовали несогласія и недоумѣнія между самими епархіальными начальствами, повѣряли ихъ дѣйствія, принимали и обсуждали жалобы и доносы на нихъ отъ недовольныхъ, судили самихъ епископовъ, входили

---

[1]) I всел. пр. 5. IV всел. пр. 19. VI всел. 8. VII всел. 6. Апт. 20. Карѳ. 27.

[2]) Опыт. курс. церк. законов. т. I, стр. 183.

въ сношеніе съ другими церквами и т. д. По этимъ причинамъ правило о составленіи ежегодныхъ соборовъ постоянно повторяется между другими церковными правилами; а обязанность созывать ихъ возлагается на митрополитовъ, съ правомъ дѣлать замѣчанія епископамъ, не посѣщавшимъ этихъ соборовъ безъ уважительныхъ причинъ. Антіохійское правило присовокупляетъ, что такіе соборы должны были состоять непремѣнно подъ предсѣдательствомъ митрополитовъ, а епархіальнымъ епископамъ самимъ собою, безъ митрополитовъ, составлять соборы не дозволялось. Причина—та, что митрополиты были главноначальствующими въ областномъ церковномъ управленіи и въ дѣлахъ, касавшихъ цѣлой области, имѣли и первенство голоса и главную обязанность попеченія о церковномъ благоустройствѣ. Отъ митрополитовъ зависѣло и назначеніе мѣста для соборовъ“ [1]). Изъ соображенія указанныхъ правилъ и предложенныхъ на нихъ разъясненій необходимо извлечь, что отличительными признаками церковныхъ соборовъ должно признать: 1) повременность этихъ собраній, 2) наличность предмета подлежащаго обсужденію, 3) участіе всѣхъ епископовъ области или мѣстной церкви одушевляемыхъ стремленіемъ къ единодушію и единомыслію, 4) присутствіе старѣйшаго между ними въ качествѣ предсѣдателя и руководителя соборными разсужденіями, 5) непринужденность совѣщаній, разрѣшающихся выясненіемъ искомой истины и правды, 6) отсутствіе внѣшняго вмѣшательства и 7) самодовлѣемость соборныхъ постановленій, принимаемыхъ къ обязательному исполненію и непререкаемому руководству, въ силу ихъ внутренняго авторитета. Чтобы судить на такихъ ли началахъ соборности образовано Духовное Коллегіумъ по идеѣ его учрежденія, для сего надлежитъ обратиться за разъясненіемъ къ Духовному Регламенту. Опредѣляя составъ, образъ дѣйствій и взаимныя отношенія членовъ Духовнаго Коллегіума, Регламентъ говоритъ: „число особъ правительствующихъ довольно есть 12. Быть же лицамъ разнаго чина: архіереомъ, архимандритамъ, игуменамъ, протопопомъ, изъ котораго числа тремъ архіереомъ, а прочихъ чиновъ, сколько которыхъ взыщется. Смотрѣть сего, чтобы архимандриты и протопопы не были

[1]) Опыт. курс. церк. законов. т. I стр. 411—412.

въ чину сего собранія, которые подручни суть нѣкоему архіерею, въ семъ же собраніи обрѣтающемуся, ибо таковый архимандритъ или протопопъ будетъ непремѣнно наблюдать, къ которой сторонѣ судимой приклоненъ есть епископъ его; къ той и тотъ архимандритъ и протопопъ приклоненъ будетъ, и такъ двѣ или три особы будутъ уже одинъ человѣкъ". Если въ организованномъ такимъ образомъ учрежденіи станемъ отыскивать и находить идею соборности и начала соборнаго церковнаго управленія, то должны напередъ отказаться отъ мысли и права называть вещи ихъ собственными именами. Составитель Духовнаго Регламента не обинуясь показуетъ, что онъ не думаетъ заботиться о единодушіи и единомысліи, лежащихъ въ основѣ соборныхъ совѣщаній, а ревнуетъ о чемъ-то другомъ, совершенно чуждомъ духу соборныхъ разсужденій. Доказывая превосходство своего учрежденія, какъ соборнаго правительства предъ всякимъ другимъ, составитель регламента пишетъ: „сіе наипаче полезно, что въ Коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду! Како могутъ сложитися въ заступленіе винной, или къ осужденію невинной стороны, гдѣ аще и будетъ единъ отъ нихъ къ лицу судимому пристрастенъ, или яростенъ, обаче другой и третій и прочіи отъ гнѣва и пристрастія того свободны. Како же и мзда одолѣти можетъ, гдѣ не по власти, но по правильнымъ и важнымъ причинамъ дѣло вершится и единъ другаго, аще благословной вины мнѣнія своего не покажетъ, зазорится, да не познанъ будетъ въ мздопріимствѣ своемъ... Се же наипаче, когда Коллегіумъ состоится въ таковыхъ лицахъ, которымъ отнюдь невозможно тайно всѣмъ слагатися, сіесть: аще будутъ лица разнаго чина и званія: епископы, архимандриты, игумены и отъ властей бѣлаго священства [1]). Во истину не видѣть здѣ, како таковые другъ другу и открывати дерзнутъ коварное

---

[1]) По засвидѣтельствованію издателя Духовнаго Регламента (П. С. П. и Р. Т. I изд. втор. 1879 г. стр. 5 прим.) въ подлинномъ рукописномъ экземплярѣ сего памятника въ семъ мѣстѣ имѣется приписка: «а что еще къ тому опасенію угоднѣйше, аще и отъ мірскаго чина присовокуплены будутъ къ духовнымъ честныя и благоразумныя особы».

нѣкое умышленіе, не токмо что согласится на неправость". Во всемъ этомъ разсужденіи составителемъ Духовнаго Регламента не выражено особыхъ принциповъ, кромѣ обиднаго недовѣрія къ будущимъ дѣятелямъ Духовнаго Коллегіума. Посему остается непонятнымъ, чѣмъ руководился авторъ статьи „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи" въ своихъ сужденіяхъ о существѣ и характерѣ церковной реформы при Петрѣ I. Вопреки этому сужденію о реформѣ Петра Великаго отзывается авторъ статьи „о преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I", написанной по поводу статьи „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи". Этотъ авторъ съ откровенностію замѣчаетъ: „хотя на словахъ въ Духовномъ Регламентѣ и сопровождающемъ его манифестѣ отдается предпочтеніе соборному правительству передъ единоличнымъ, и Духовное Коллегіумъ отожествляется съ соборнымъ духовнымъ правительствомъ; однако же, на самомъ дѣлѣ, коллегіальное управленіе, какъ разумѣли его Петръ и ближайшій его въ этомъ дѣлѣ вдохновитель и пособникъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, съ правленіемъ соборнымъ ничего общаго не имѣетъ. Въ каноническихъ соборахъ участвуютъ всѣ епископы подвластныхъ юрисдикціи собора областей, участвуютъ въ силу самаго своего сана, не по праву только, но по обязанности, каждый участникъ собора призывается свободно высказать свое мнѣніе и произнести свой судъ. Начала, одухотворяющія соборы, суть: любовь и единодушіе. Петровское же Духовное Коллегіумъ образовано было изъ небольшаго числа людей разнаго чина и званія... которые всѣ назначались свѣтскою властію; при чемъ разночинный составъ этого учрежденія, какъ безъ всякаго стѣсненія пояснено въ Духовномъ Регламентѣ, имѣлъ цѣлію затруднить членамъ Коллегіи входить между собою въ коварныя умышленія и стачки. Поэтому, замѣчаетъ авторъ, „если церковь русская остается еще не монархическою, а соборною, то это не благодаря петровской реформѣ и Духовному Регламенту, а вопреки имъ... Какъ въ первенствующей церкви апостольской, такъ и въ церквахъ патріаршихъ IV и всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ—высшею, законоуставною и судебною властію были и суть соборы областные, помѣстные и вселенскіе. Въ церквахъ патріар-

шихъ православныхъ, какъ во времена святыхъ патріарховъ Аѳанасія Александрійскаго, Іоанна Златоустаго, такъ и донынѣ церковное управленіе, несмотря на присутствіе въ нихъ патріарховъ, продолжаетъ быть не монархическимъ, а соборнымъ, ибо, во-первыхъ, патріархи избираются и получаютъ свое освященіе отъ соборовъ и судятся соборами, во-вторыхъ, при патріархахъ обычно есть постоянные Сѵноды, и въ третьихъ, важнѣйшія дѣла отдаются ими на рѣшеніе и на судъ соборовъ, въ которыхъ и понынѣ нерѣдко участвуютъ представители не одной какой-либо, а нѣсколькихъ помѣстныхъ церквей. И наша русская церковь, какъ во времена всероссійскихъ митрополитовъ, такъ затѣмъ и при всероссійскихъ патріархахъ была не монархическою церковію, а соборною, доказательствомъ чему служатъ соборы 1589, 1667 и 1681 г. и даже самъ патріархъ Никонъ, какого бы онъ ни былъ высокаго о своемъ санѣ мнѣнія, и какія бы не приписывались ему честолюбивые замахи, однако же онъ не считалъ себя ни духовнымъ монархомъ, ни папою, ибо не отрицалъ своей подсудности власти правильно составленнаго собора. А что такой соборный и іерархическій строй русской церкви, бывшій только конечнымъ исполненіемъ церковнымъ, равно какъ то уваженіе, которымъ пользовались въ народѣ первосвятители русской церкви, не представляли никакой опасности для государства, это доказывается всею нашею политическою и церковною исторіею и всего болѣе исторіею и развязкою столкновеній московскихъ государей съ предстоятелями русской церкви: ни св. Филиппъ, ни Никонъ, ни Адріанъ, ни Стефанъ Яворскій не призывали народъ къ бунту; они обращались только къ самимъ государямъ съ словами увѣщанія, къ чему обязывалъ ихъ пастырскій долгъ, и дѣлали это явно только тогда, когда молчаніе ихъ было бы для вѣрующихъ соблазномъ. И не только пренебреженіе къ святительскимъ совѣтамъ, но даже пристрастный надъ ними судъ и самое святоубійство вызывали со стороны народа только нравственное осужденіе, а не матеріальное возмездіе. Но Петръ не признавалъ никакого суда надъ собою и въ церкви; считалъ себя крайнимъ судіею во всемъ и хотѣлъ, чтобы не только

въ государствѣ, но и въ церкви воля его была закономъ [1]). Ставя весь епископскій чинъ въ безусловное и полное подчиненіе Духовному Коллегіуму и ставя себя самого крайнимъ судіею этого Коллегіума, Петръ тѣмъ самымъ именно и дѣлалъ церковное наше управленіе монархическимъ и упразднялъ въ немъ соборное начало“ [2]). Приведеннымъ, основаннымъ на историческихъ фактахъ, разсужденіемъ осуждается мнѣніе автора статьи „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ относительно принципіальныхъ основъ церковной реформы Петра Великаго.

Существенную заслугу этой реформы авторъ названной статьи указуетъ въ томъ, что реформа Петра уничтожила „оказавшееся опаснымъ для государства патріаршее правленіе“ и прибавляетъ, что уничтоженіе патріаршества Петромъ Великимъ было „рѣшительнымъ ударомъ союзу всѣхъ началъ, угрожавшихъ опасностію государству“ и вмѣстѣ пораженіемъ „внутреннихъ его враговъ, прикрывавшихъ свои преступныя цѣли именемъ и благомъ церкви“ [3]). Подобныя заявленія, потрясая основы нашей исторіи, обязываютъ вникнуть въ сущность учрежденія вообще патріаршества въ христіанской церкви и раскрыть значеніе московскаго патріаршества для русской церкви, дабы судить имѣлись ли въ идеѣ учрежденія послѣдняго опасные для русскаго государства и его власти залоги?

Патріархами въ христіанской церкви называются старѣйшіе ерархи, сосредоточивавшіе въ своихъ рукахъ инціативу высшаго ціерковнаго управленія. Такими патріархами въ древней церкви были іерархи Рима, Константинополя, Александріи, Антіохіи и Іерусалима, — каѳедры которыхъ служили средоточіемъ церковнаго управленія отдѣльныхъ церковныхъ округовъ; при чемъ іерархи Рима и Константинополя пользовались особыми, предоставленными ихъ каѳедрамъ преимуществами [4]). Каѳедры Рима, Александріи и Антіохіи и

---

[1]) Въ подтвержденіе сего авторъ ссылается на повелѣніе Петра Великаго о преданіи церковной анаѳемѣ Стефана Глѣбова (Русс. Вѣст. 1891 г. Ноябрь стр. 181. 189—190 П. С. П. и Р. т. I № 179 изд. 1879 г.).

[2]) Русс. Вѣст. 1891 г. Ноябрь стр. 180—181.

[3]) Русс. Вѣст. 1891 г. Апрѣль стр. 12. 13.

[4]) Желающему предоставляемъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ

ихъ іерархи начали возвышаться и выдѣляться въ ряду прочихъ со времени развитія системы церковнаго управленія, соотвѣтственно политическимъ народнымъ и территоріальнымъ условіямъ Римскаго государства, на пространствѣ котораго благоустроялась христіанская церковь. Особое положеніе этихъ каѳедръ и ихъ іерарховъ призналъ и утвердилъ первый вселенскій Никейскій соборъ въ 6 правилѣ. Возвышеніе каѳедры и іерарха константинопольскихъ послѣдовало въ силу особыхъ каноническихъ постановленій [1]) въ соотвѣтствіе и параллель каѳедрѣ и іерарху римскому, по вниманію къ тому обстоятельству, что Константинополь былъ столицею Византійской имперіи и почитался новымъ и вторымъ Римомъ. Возвышеніе каѳедры Іерусалима и ея іерарха совершилось въ силу особаго уваженія къ сему городу, какъ бы средоточію христіанской вѣры и мѣсту важнѣйшихъ событій христіанской церкви. Взаимное отношеніе всѣхъ поименованныхъ іерарховъ и междуцерковное положеніе ихъ каѳедръ опредѣлены VI вселенскимъ Трульскимъ соборомъ (пр. 36). Взаимное отношеніе въ частности іерарховъ римскаго и константинопольскаго и ихъ каѳедръ разъяснено константинопольскимъ соборомъ (879 г.), бывшемъ въ храмѣ Премудрости Слова Божія и именующимъ себя вселенскимъ (пр. 1). Постановленія соборовъ христіанской церкви въ этомъ отношеніи находили подтвержденіе со стороны законовъ государства; послѣдніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ своими распоряженіями предваряли постановленія первыхъ. Въ византійскомъ законодательствѣ выраженъ такой взглядъ на патріаршій санъ и соединенныя съ нимъ преимущества. Въ Эпанагогѣ императоровъ Василія Македонянина и его сыновей Льва и Александра патріархъ называется живымъ и одушевленнымъ образомъ Христа, словомъ и дѣломъ отображающемъ истину. Назначеніе патріарху указуется въ томъ, чтобы сохранить въ благочестіи и святой жизни ввѣренныхъ его руководству, обратить къ православной вѣрѣ и единенію

въ нашихъ книгахъ «Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію». Спб. 1872 г. и «О каноническомъ элементѣ въ церковномъ управленіи». М. 1882 г.

[1]) См. II всел. пр. 3. IV всел. пр. 9. 17. 28. VI всел. пр. 36.

съ церковію всѣхъ еретиковъ, а также и невѣрныхъ просвѣтить свѣтомъ истинной вѣры и дѣлами правой жизни. Конечною цѣлію патріарху поставляется спасеніе ввѣренныхъ ему душъ и жизнь во Христѣ съ сораспинаніемъ міру. Отличительными свойствами патріарха показуется то, чтобы онъ былъ учителемъ, всегда ровенъ въ обращеніи съ высшими и низшими и кротокъ со всѣми, послушными ученію, но обличителемъ въ отношеніи къ непокорнымъ. Для сохраненія истины, непоколебимости догматовъ и благочестія онъ долженъ говорить предъ царями и не смущаться. За патріархомъ признается обязанность изъяснять постановленное соборами, а вмѣстѣ и право наблюдать, относится ли постановленное къ одной области, или ко всей церкви. Какъ государство, подобно человѣку, состоитъ изъ частей и членовъ,—важнѣйшія же и необходимѣйшія части суть царь и патріархъ,—такъ вслѣдствіе сего миръ и благоденствіе подданныхъ относительно души и тѣла зависятъ отъ единомыслія и согласія во всемъ государственной и церковной власти. Каждому патріарху въ отдѣльности принадлежатъ забота и попеченіе о всѣхъ митрополіяхъ и епископіяхъ, монастыряхъ и церквахъ, равно разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ,—патріарху константинопольскому предоставлено право раздавать ставропигіи и разрѣшать возникающія несогласія въ предѣлахъ другихъ патріархатовъ [1]). Изъ приведеннаго постановленія вытекаетъ, что патріаршій санъ представляетъ вершину въ церковныхъ учрежденіяхъ, и самъ патріархъ является носителемъ и распорядителемъ церковныхъ полномочій по всѣмъ отношеніямъ церковной жизни, являясь высшимъ духовнымъ пастыремъ, отцемъ и учителемъ ввѣренныхъ его попеченію душъ, а вмѣстѣ и главнымъ начальникомъ, правителемъ и судіею подвѣдомыхъ ему установленій и лицъ. Разъясняя причины учрежденія при константинопольскомъ патріархѣ разныхъ должностныхъ лицъ, Вальсамонъ говоритъ: „глава святѣйшей Божіей церкви, послѣ первой безначальной и вѣчной и безмѣрно могущественнѣйшей главы Господа нашего Іисуса Христа, духовный женихъ ея

---

[1]) Zachariae, Epanagoge pag. 67—68. ср. Ius. Graeco-Rom. t. IV. pag. 182—184. Συνταγμ. τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανον. t. IV. pag. 428—429.

въ настоящее время есть святѣйшій вселенскій патріархъ“ [1]). Указуя на такое значеніе патріаршаго сана въ христіанской церкви, Вальсамонъ имѣлъ въ виду вселенскаго константинопольскаго патріарха. Но на востокѣ христіанской церкви во времена того же Вальсамона господствовало и было распространеннымъ убѣжденіе о необходимости пяти патріарховъ, выразившееся въ особомъ ученіи о пентархіи патріарховъ. По этому ученію патріархи суть какъ бы нѣкія великія свѣтила, которыя Богъ поставилъ на тверди церкви, для освѣщенія всей земли, дабы управлять днемъ и ночью и раздѣлять между свѣтомъ и между тьмою. Власть патріарховъ всеобъемлюща въ церкви, и осужденнаго ими не въ состояніи никто разрѣшить. Они—главы церкви и поэтому не могутъ исчезнуть, если, паче чаянія, двѣ изъ этихъ главъ падаютъ,—слѣдуетъ прибѣгать къ тремъ остальнымъ, если три,—надо прибѣгать къ двумъ, если же четыре,—надо прибѣгать къ одной, которая пребываетъ въ главѣ всѣхъ, въ храмѣ Бога нашего, и она можетъ возстановить прочее тѣло церкви. Христосъ въ своемъ тѣлѣ, которое есть церковь, помѣстилъ столько патріаршихъ каѳедръ, сколько чувствъ въ смертномъ тѣлѣ каждаго; если всѣ эти каѳедры—одной воли, то въ совершенномъ составѣ церкви не будетъ ни въ чемъ недостатка, подобно тому, какъ смертное тѣло не испытываетъ недостатка ни въ чемъ, если всѣ пять чувствъ остаются цѣлы и въ общемъ здравіи. Сравненіе пятерицы патріарховъ съ пятью чувствами человѣческаго тѣла представляется обыкновеннымъ у писателей, при разсужденіи о пентархіи патріарховъ, въ виду опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній и необходимости существованія въ христіанской церкви для правильнаго отправленія церковной жизни и дѣятельности.

Возвышенное ученіе о патріаршемъ санѣ и особое значеніе патріарховъ въ христіанской церкви должны были послужить исходными мыслями при учрежденіи патріаршества въ Россіи. Историческія обстоятельства учрежденія у насъ патріаршества извѣстны, и намъ нѣтъ надобности ихъ повторять; настоитъ необходи-

---

[1]) Σύνταγμ. τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόν. t. IV. pag. 533.

мость, воспользовавшись нѣкоторыми изъ этихъ обстоятельствъ, указать мотивы сего учрежденія, которые однако изъясняются различно [1]). Болѣе правильнымъ и обстоятельнѣе развитымъ оказывается тотъ мотивъ, по которому учрежденіе московскаго патріаршества представляется необходимымъ результатомъ послѣдовательнаго возвышенія Россіи и роста Московскаго государства,—а съ нимъ возростанія русской церкви и возвышенія ея предстоятелей [2]). Признавая въ этомъ мотивѣ подготовительную и какъ бы почвенную основу, къ которой прививалась и на которой проводилась мысль учрежденія патріаршества въ русской церкви, мы побуждаемся указать какъ тѣ основныя соображенія, которыя руководили русскими при исканіи патріаршества, такъ и тѣ дальнѣйшія цѣли, которыя они хотѣли осуществить въ этомъ учрежденіи. Историками сознано, что по паденіи Константинополя православная Россія, подъ управленіемъ своихъ могущественныхъ государей, стала главною представительницею и единственною охранительницею православія во всемъ мірѣ. Такъ понимали ее сами русскіе, также смотрѣли на нее и всѣ православные востока и юга, стонавшіе подъ игомъ иновѣрцевъ и искавшіе въ ней себѣ покрова помощи и утѣшеній. Вмѣстѣ съ симъ и русскіе государи, по признанію самихъ представителей православнаго востока, считались единственными защитниками и покровителями всѣхъ православныхъ и заняли положеніе прежнихъ импе-

---

[1]) Карамзинъ (Истор. Госуд. Росс. т. X стр. 116—125) и Костомаровъ (Русс. истор. въ жизнеопис. В. Ш. стр. 580 изд. 1874 г.) учрежденіе русскаго патріаршества приписываютъ Борису Годунову, желавшему патріаршимъ саномъ почтить своего друга Іова, тогдашняго московскаго митрополита. Митрополитъ Платонъ (Церк. истр. т. II. стр. 92—93. 99—100 изд. 1805 г.) указываетъ на константинопольскаго патріарха Іеремію, какъ на главнаго виновника учрежденія патріаршества. Филаретъ, архіепископъ черниговскій (Истор. русс. церк. т. IV стр. 5—10), видитъ главнаго виновника въ тогдашнемъ царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, отличавшемся, какъ извѣстно, благочестіемъ и набожностію.

[2]) Такое мнѣніе выражаетъ преосвященный Макарій (Истор. церк. т. X кн. 1 стр. 3—7), развиваетъ авторъ статьи объ учрежденіи патріаршества въ Россіи (Приб. къ Твор. св. отц. т. XVIII стр. 297—319 за 1859 г.) и подробно излагаетъ П. Ѳ. Николаевскій въ изслѣдованіи: «Учрежденіе патріаршества въ Россіи» стр. 9—26.

раторовъ Византіи [1]). При такомъ взглядѣ на Россію и ея государя не замедлило возникнуть ученіе о самой Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ [2]). Умѣстно замѣтить, что и въ Византіи въ свое время при спорахъ о преимуществахъ патріаршихъ престоловъ константинопольскаго и римскаго, въ особенности по отпаденіи запада отъ единства съ востокомъ, высказывалось и защищалось ученіе о Константинополѣ какъ новомъ и второмъ Римѣ, наслѣдовавшемъ преимущества Рима древняго. Отсюда естественно было и Москвѣ, по паденіи Константинополя, считаться наслѣдницею величія павшей Византіи и продолжательницею ея задачи въ дѣлѣ утвержденія христіанской церкви и охраненія православной вѣры. Между тѣмъ въ дѣйствительности Москва и не отвѣчала павшей Византіи въ церковномъ отношеніи тѣмъ, что въ ней не было патріарха. Недостатокъ этотъ сознавали какъ сами русскіе цари, такъ давали имъ чувствовать константинопольскіе патріархи. Вспомнимъ примѣръ Грознаго, который, короновавшись царскимъ вѣнцомъ отъ руки русскаго митрополита Макарія, какъ бы не довольствуясь этимъ, обратился чрезъ особое посольство въ Константинополь къ тамошнему патріарху съ просьбою, прислать грамоту, соборно утверждающую его царское вѣнчаніе. Въ обращеніи Грознаго къ константинопольскому патріарху видятъ стремленіе получить со стороны представителей востока оффиціальное признаніе за московскимъ царемъ званіе наслѣдника и преемника византійскихъ императоровъ; но и при наличности этого стремленія необходимо предположить, что Грозный признавалъ величіе и важность патріаршаго сана. Въ тонѣ этого признанія и отвѣтилъ Грозному константинопольскій патріархъ Іосифъ, заявляя, что „вѣнчаніе митрополита не крѣпоствуетъ“, что такое дѣйствіе предлежитъ совершить только римскому и кон-

---

[1]) Муравьевъ, Сношенія Рим. съ Восток. т. 1 стр. 105—106. Макарій, Истор. русс. церк. т. X кн. 1 стр. 6—7 изд. 1881 г. м. Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку стр. 30—33. М. 1885 г.

[2]) Прав. Соб. 1863 г. Мартъ стр. 344, гдѣ помѣщено извѣстное посланіе старца Филоѳея, игумена псковскаго Елеазаровскаго монастыря къ великому князю Василію Ивановичу.

стантинопольскому патріархамъ [1]). Для восполненія этой догмы, патріархъ и предлагалъ Грозному повторить надъ нимъ царское вѣнчаніе чрезъ митрополита евгрицкаго, какъ патріаршаго экзарха [2]). Грозный не согласился на предложеніе патріарха принять новое вѣнчаніе,—но онъ не поставилъ передъ собою и вопроса объ учрежденіи московскаго патріаршества, какъ полагаютъ, потому, что не желалъ усиленія духовной власти въ государствѣ, дабы не открыть ей чрезъ это вмѣшательства въ царскія дѣла [3]). Подобное нежеланіе тѣмъ не менѣе не помѣшало Грозному возвысить значеніе всероссійскаго митрополита среди подчиненныхъ ему архіепископовъ и епископовъ. Извѣстно, что, по предложенію Грознаго, Московскій соборъ 1564 г. предоставилъ всероссійскому митрополиту нѣкоторыя внѣшнія отличія, которыхъ онъ прежде не имѣлъ. Въ своемъ предложеніи собору Грозный указывалъ на то, что московскій митрополитъ есть глава всѣмъ архіепископамъ и епископамъ русскимъ, однакоже „его высокопрестольной степени предъ архіепископы и епископы почести еще нѣтъ“. Слова сіи хотя и не возвышаютъ авторитета митрополита, тѣмъ не менѣе указуютъ на то, что и коронованный царь не измѣнилъ своего взгляда на положеніе представителя власти духовной [4]). А потому надо признать, что Грозный, если не возбуждалъ вопроса о возвышеніи предстоятеля русской церкви на высоту его самостоятельнаго положенія въ междуцерковныхъ отношеніяхъ, то не полагалъ и препятствій развитію преимуществъ митрополита, какъ главы русской церкви. Сынъ и преемникъ Грознаго возбудилъ и разрѣшилъ этотъ вопросъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Воспользовавшись въ 1586 г. пріѣздомъ въ Москву антіохійскаго патріарха Іоакима, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, какъ извѣстно, по совѣту съ царицею и боярами, самъ началъ чрезъ боярина Бориса Годунова переговоры съ Іоакимомъ объ учрежденіи въ Россіи патріаршества. Обращаетъ

---

[1]) Муравьевъ, Сношенія Россіи съ Восток. т. I. стр. 105—106. Вивліоѳика т. XVI стр. 119—122.

[2]) Каптеревъ, Характеръ отношеній Рос. къ прав. вост. стр. 25—29.

[3]) П. Ѳ. Николаевскаго, Учрежден. патріарш. въ Россіи стр. 36.

[4]) А. И. т. I № 173. Русс. Истор. Библ. т. III. стр. 211.

вниманіе порученіе царя, съ которымъ Годуновъ былъ отправленъ къ патріарху для переговоровъ. Чрезъ Годунова царь просилъ патріарха, чтобы тотъ: „посовѣтовался съ святѣйшимъ патріархомъ цареградскимъ, а пресвятѣйшій бы патріархъ посовѣтовалъ о томъ великомъ дѣлѣ, т. е. чтобы устроить въ московскомъ государствѣ россійскаго патріарха, со всѣми патріархи... и со архіепископы и епископы, и со архимандриты и со игумены и со всѣмъ священнымъ соборомъ, да и во святую гору и въ синайскую о томъ обослалися, чтобы далъ Богъ такое великое дѣло въ нашемъ русскомъ государствѣ устроилося и, помысля бы о томъ, намъ объявилъ, какъ тому дѣлу пригоже состояться“ [1]). Въ приведенныхъ словахъ обрисовывается взглядъ русскаго царя, какъ онъ понималъ и желалъ мыслить своего будущаго патріарха. Призывая къ участію и желая, такъ сказать, заинтересовать въ семъ дѣлѣ весь православный востокъ, русскій царь очевидно хотѣлъ имѣть такого патріарха, который бы по своему положенію возвышался на всемъ православномъ востокѣ и былъ вліятельнымъ представителемъ православія. По замыслу учрежденія и по соображенію тогдашняго бѣдственнаго состоянія восточныхъ патріарховъ, московскій патріархъ долженъ былъ, опираясь на поддержку царской власти, пользоваться церковнымъ авторитетомъ на всемъ христіанскомъ востокѣ, и быть представителемъ интересовъ православной вѣры. Не смотря на выраженное патріархомъ Іоакимомъ одобреніе намѣренія царя и заявленную имъ готовность послужить сему дѣлу, учрежденіе московскаго патріаршества однако замедлилось... Неожиданное для русскихъ прибытіе въ Россію константинопольскаго іерарха Іереміи оживило вопросъ о московскомъ патріаршествѣ. Опуская детальныя обстоятельства [2]) веденія перего-

---

[1]) Макарій, Истор. русс. церк. т. X кн. 1 стр. 10—11.

[2]) Между этими обстоятельствами слѣдуетъ упомянуть о заботливости, съ которою русскіе напередъ старались узнать образъ мыслей патріарха Іереміи, прежде чѣмъ начинать съ нимъ переговоры на счетъ учрежденія въ Москвѣ патріаршества, а также принять во вниманіе и осторожность, съ которою велись самые переговоры съ патріархомъ. Такое поведеніе со стороны русскихъ указывало на то, что въ переговорахъ о патріаршествѣ скрывались какія-то особыя цѣли и намѣренія.

воровъ по сему дѣлу, остановимъ вниманіе на томъ фактѣ, что и патріархъ Іеремія выражалъ желаніе остаться въ Россіи, и русскіе не противились его намѣренію. Смыслъ сего факта не трудно уразумѣть. Съ оставленіемъ патріарха Іереміи въ званіи русскаго патріарха, русскіе достигали двухъ цѣлей: съ одной стороны учрежденія московскаго патріаршества,—съ другой—возведенія русскаго іерарха на высоту междуцерковныхъ отношеній, ибо съ переселеніемъ патріарха Іереміи въ Россію, въ Москвѣ не только водворилось бы патріаршее достоинство, но на каѳедрѣ русскаго іерарха явился бы константинопольскій патріархъ, пользовавшійся въ христіанской церкви особыми преимуществами. Домогаясь сего, русскіе однако не могли не сознавать, что положеніе константинопольскаго патріарха и его каѳедры во вселенской церкви опредѣлено вселенскими соборами (II всел. 3. IV всел. 9. 17. 28. VI всел. 36) и пріурочено къ царствующему Константинополю, и что появленіе на каѳедрѣ московскаго патріарха іерарха константинопольскаго притомъ грека по происхожденію могло проложить путь къ притязаніямъ грековъ на эту каѳедру, какъ принадлежащую Константинополю. Поэтому не противясь имѣть своимъ патріархомъ Іеремію,—русскіе предлагали ему устроить свою резиденцію во Владимірѣ, дабы сохранить московскій престолъ для будущихъ преемниковъ Іереміи русскихъ по происхожденію. Мысль эта слышится и въ царскомъ предложеніи Іереміи и въ отвѣтѣ послѣдняго на это предложеніе. Царь совѣщался съ боярами: „буде похочетъ быти въ нашемъ государствѣ цареградскій патріархъ Іеремія, и ему быти патріархомъ въ начальномъ мѣстѣ Владимірѣ, а на Москвѣ митрополиту по прежнему, а буде не похочетъ цареградскій патріархъ быти во Владимірѣ—ино бы на Москвѣ учредити патріарха изъ Московскаго собору, кого Господь Богъ благословитъ“. Іеремія, какъ извѣстно, не согласился патріаршествовать во Владимірѣ, вдали отъ царскаго трона, и отвѣчалъ: „будетъ на то воля благочестиваго государя, чтобы мнѣ быти въ его государствѣ, и азъ не отмещуся; только мнѣ во Владимірѣ быти невозможно, потому что патріархъ при государѣ всегда; а то, что за патріаршество, если жить не

при государѣ, тому статься никакъ невозможно“ [1]). Исходъ сихъ переговоровъ окончился тѣмъ, что патріархъ Іеремія рѣшился поставить русскимъ патріарха изъ русскихъ. И въ отвѣтѣ патріарха Іереміи Годунову о готовности поставить русскаго патріарха, и въ „уложенной граматѣ“ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи и въ грамотахъ объ утвержденіи московскаго патріаршества, присланныхъ съ востока, развивается одна главная мысль та, что учрежденіе въ Россіи патріаршества совершилось по вниманію къ особому положенію Московскаго государства и въ частности его правителя. Въ „уложенной граматѣ“ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи эта мысль отъ лица константинопольскаго патріарха Іереміи выражена въ такихъ словахъ: „По истинѣ въ тебѣ благочестивомъ царѣ пребываетъ Духъ Святый и отъ Бога такая мысль тобою будетъ приведена въ дѣло... Ибо древній Римъ палъ аполлинаріевою ересью, а второй Римъ—Константинополь находится въ обладаніи внуковъ агарянскихъ, безбожныхъ турокъ, твое же великое Россійское царство, третій Римъ, превзошло всѣхъ благочестіемъ, и всѣ благочестивыя царства собрались въ твое единое, и ты одинъ подъ небесами именуешься христіанскимъ царемъ во всей вселенной, у всѣхъ христіанъ и, по Божію Промыслу, по милости Пречистыя и по молитвамъ новыхъ чудотворцевъ россійскаго царства: Петра, Алексія, Іоны и по твоему царскому прошенію у Бога, твоимъ царскимъ совѣтомъ сіе превеликое дѣло исполнится“ [2]). Основная мысль сего заявленія совпадаетъ съ общею каноническою догмою, по которой и въ древней христіанской церкви, при возвышеніи извѣстныхъ каѳедръ, и въ особенности каѳедры константинопольской, придавалось особое значеніе нахожденію тѣхъ каѳедръ въ важнѣйшихъ гражданскихъ и политическихъ центрахъ. Отвѣчая этой догмѣ, учрежденіе московскаго патріаршества по тому же заявленію служило отчасти восполненію ученія о пентархіи патріарховъ, нарушеннаго отпаденіемъ Рима отъ церковнаго единства. Тоже заявленіе вмѣстѣ съ симъ намекало и на

---

[1]) Макарій, Истор. русск. церк. т. X, кн. 1 стр. 23. Муравьевъ, Сношенія Россіи съ Востокомъ т. I, стр. 200—201.

[2]) Макарій, Истор. русс. церк. т. X, кн. I стр. 40 ср. Собр. госуд. грам. и догов. т. II. № 59.

дальнѣшія цѣли учрежденія московскаго патріаршества. Авторъ книги „Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ подходитъ къ этимъ цѣлямъ, когда начиная главу „объ учрежденіи въ Россіи патріаршества“, пишетъ: „Какъ наслѣдникъ павшей Византіи Москва должна была перенести къ себѣ не только достоинства византійскихъ императоровъ— сдѣлать своего государя царемъ,—но перенести въ Москву и патріаршее достоинство, сдѣлать своего митрополита патріархомъ. Византійскія представленія требовали, чтобы рядомъ съ царемъ всегда существовалъ и патріархъ, это было необходимо для полноты христіанскаго царства. Въ силу этого представленія болгарскіе и сербскіе государи, принимая титулъ императоровъ, въ тоже время всегда учреждали у себя и патріаршество... Русскіе въ этомъ случаѣ стояли также на почвѣ византійскихъ воззрѣній, и потому у нихъ, вслѣдъ за утвержденіемъ на Руси царскаго достоинства, естественно явилась мысль и объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества... Русскимъ желалось, чтобы рядомъ съ русскимъ царемъ существовалъ и московскій патріархъ, и чтобы какъ московскій царь былъ преемникомъ и наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ, такъ бы и московскій патріархъ сталъ преемникомъ и наслѣдникомъ константинопольскихъ патріарховъ“ [1]). По представленію автора выходитъ, что русскіе, домогаясь учрежденія въ Москвѣ патріаршества, имѣли въ мысляхъ и желали видѣть въ своемъ патріархѣ преемника правъ и преимуществъ константинопольскаго патріарха. Данныя изъ исторіи учрежденія московскаго патріаршества какъ будто не противятся сему предположенію. Обращеніе царя Ѳеодора Іоанновича къ патріарху Іоакиму съ просьбою о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ, мы видѣли, носило особый характеръ, указывавшій—какъ русскій царь высоко мыслитъ своего патріарха. Переговоры съ патріархомъ Іереміею нельзя сводить къ тому, будто русскіе, чтобы склонить патріарха Іеремію на учрежденіе патріаршества въ Москвѣ, искусно воспользовались высказаннымъ отъ него желаніемъ самому остаться въ Россіи, изъявили притворную готовность оста-

[1]) Каптеревъ, Характер. отношеній Росс. къ правосл. востоку, стр. 34—35.

вить его у себя, и когда тотъ формально далъ свое согласіе, поставили дѣло такъ, чтобы онъ взялъ назадъ свое желаніе. Готовность Іереміи остаться патріархомъ въ Россіи служила выраженіемъ намѣренія патріарха удовлетворить желанію русскихъ. Противодѣйствіе сему намѣренію со стороны грековъ, сопровождавшихъ патріарха, обнаруживало пониманіе греками этихъ цѣлей [1]). Все это въ совокупности показываетъ, что русскіе искали не только патріарха, но и патріарха съ извѣстнымъ положеніемъ въ составѣ іерархіи вселенской церкви. Это въ свою очередь подтверждается тѣмъ недовольствомъ [2]), которое русское правительство выразило по поводу полученія съ востока грамоты константинопольскаго собора (1590) объ утвержденіи московскаго патріаршества, назначавшей московскому патріарху послѣднее мѣсто въ ряду патріаршихъ престоловъ. Русское правительство, какъ извѣстно, обращалось на востокъ къ патріархамъ съ просьбою о предоставленіи московскому патріарху по крейней мѣрѣ третьяго мѣста въ составѣ восточной іерархіи. Въ письмѣ къ константинопольскому патріарху Іереміи по сему поводу писалось: „великій государь совѣтовавъ съ патріархомъ Іовомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложивъ и утвердивъ навѣки, чтобы и во всякой соборной и апостольской церкви царь-

---

[1]) См. объ этомъ. Макарій, Истор. рус. церк. т. X, кн. I, стр. 13. 20 и др. Каптеревъ, Характер. отнош. Росс. къ прав. вост. гл. 11. П. Ѳ. Николаевскій, Учрежденіе патр. въ Россіи, стр. 63 и дал.

[2]) Упоминая объ этомъ обстоятельствѣ авторъ «Учрежденія патріаршества въ Россіи» пишетъ: «Въ Москвѣ думали и надѣялись, что учрежденіемъ въ ней патріаршества русское царство и русская церковь возвысятся въ глазахъ всего христіанскаго міра, что русское государство, какъ единственное православное тогда царство, замѣнитъ собою царство римское и греческое, что при единственномъ тогда православномъ государѣ будетъ центромъ такое патріаршество, которое бы соотвѣтствовало величію царства. Мысль о величіи этого царства отчасти поддерживалъ въ умахъ русскихъ самъ патріархъ Іеремія во время пребыванія въ Россіи, когда онъ открыто заявлялъ, что здѣсь прилично быть первому вселенскому патріарху (стр. 118). При встрѣчѣ съ патріархомъ Іовомъ, на другой день хиротоніи послѣдняго, Іеремія первымъ прося себѣ благословенія у Іова, говорилъ послѣднему: «во всей подсолнечной одинъ благочестивый царь; впередъ что Богъ изволитъ; здѣсь подобаетъ быть вселенскому патріарху; а въ старомъ Цареградѣ за наше согрѣшеніе вѣра христіанская изгоняется отъ невѣрныхъ турокъ» (стр. 97—98).

ствующаго града Москвы и во всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царства, на божественныхъ службахъ, поминать во первыхъ тебя, великаго господина, святѣйшаго Іеремію, архіепископа Константинополя, Новаго Рима и вселенскаго патріарха, во Св. Духѣ старѣйшаго нашего брата, потомъ александрійскаго патріарха, потомъ Его Великого Государя Россійскаго царствія, царствующаго града Москвы и всея Россіи патріарха... Потомъ антіохійскаго и іерусалимскаго патріарха“ [1]). Обращеніе это не имѣло успѣха, ибо и новый константинопольскій соборъ 1593 г. не нашелъ возможнымъ предоставить русскому патріарху третьяго мѣста, а указалъ ему числиться послѣ іерусалимскаго патріарха [2]).

Соображая все сказанное объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, необходимо заключить, что этимъ учрежденіемъ отнюдь не затрогивались прерогативы царской власти, и не вносилось въ церковь ничего враждебнаго интересамъ государства, наоборотъ учрежденіе московскаго патріаршества служило необходимымъ дополненіемъ къ возвышенному положенію русскаго государя и конечнымъ исполненіемъ идеи русскаго царства. Разсказавъ исторію учрежденія патріаршества въ Россіи, митрополитъ Макарій дѣлаетъ такой заключительный выводъ относительно сего учрежденія. Онъ пишетъ: „основаніемъ сего послужило сознаніе, которое вмѣстѣ съ царемъ раздѣляли и его подданные, что ветхій Римъ, съ подчиненными ему на западѣ церквами,—какъ выражались тогда,—палъ отъ ереси аполлинаріевой, Новый Римъ, Константинополь, и всѣ патріаршія церкви на востокѣ находились во власти безбожныхъ турокъ, а великое царство русское расширилось, процвѣтало и благоденствовало, и православная вѣра въ немъ сіяла для всѣхъ, какъ солнце. И потому царь находилъ справедливымъ почтить церковь русскую учрежденіемъ въ ней патріаршества, и патріаршимъ престоломъ украсить свой царствующій градъ Москву и возвеличить все свое царство“ [3]). Итакъ, московское патріаршество по идеѣ его учре-

---

[1]) Муравьевъ, Спош. Росс. съ Восток. т. I. стр. 256. Др. Росс. Вивліоѳ. т. XII. стр. 396.

[2]) См. П. Ѳ. Николаевскаго, Учрежд. патр. въ Россіи стр. 118—132.

[3]) Макарій, Ист. русс. цер. т. X, кн. I. стр. 51—52.

жденія служило къ возвышенію русскаго государства и украшенію столицы русскаго царства. Такъ смотрѣлъ на это учрежденіе главный его двигатель царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, такъ думали окружавшіе государя русскіе люди, думцы земли русской; такъ судили объ этомъ дѣлѣ и представители православнаго востока, признавшіе и утвердившіе учрежденіе московскаго патріаршества. Словомъ, московское патріаршество своимъ учрежденіемъ съ одной стороны отвѣчало высокому положенію русской церкви, подготовленному всею предшествующею исторіею, съ другой — предуказывалось бѣдственнымъ состояніемъ православныхъ церквей востока, зависѣвшимъ отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ Константинополя. Дальнѣйшими же цѣлями сего учрежденія служили съ одной стороны — желаніе русскаго правительства создать въ русскомъ патріаршествѣ средоточіе для поддержанія православія,—съ другой—поставить русское государство и въ церковномъ отношеніи на мѣсто павшей Византіи. Къ этому были направлены стремленія русскаго правительства при учрежденіи русскаго патріаршества. Если эти стремленія и не осуществились въ томъ отношеніи, что московскій патріархъ не занялъ высшаго положенія въ междуцерковныхъ отношеніяхъ,—во всякомъ случаѣ русская церковь и русское государство въ патріаршествѣ пріобрѣли многое для своего духовнаго роста. Съ учрежденіемъ патріаршества предстоятель русской церкви взошелъ на такую высокую степень, выше которой нѣтъ въ православной церкви, ставъ „братомъ православныхъ восточныхъ патріарховъ... сочиннымъ и сопрестольнымъ и равнымъ имъ по сану и достоинству“. Вмѣстѣ съ симъ русская церковь, представлявшая дотолѣ митрополію, составную часть патріархата, стала сама отдѣльнымъ патріархатомъ и самостоятельною отраслію церкви вселенской. Русское государство нашло въ патріаршествѣ свою долю выгоды въ томъ, что оно явилось законченнымъ въ своей организаціи по плану его зодчихъ, и что его церковный предстоятель и духовный глава, поднявшись въ глазахъ всего христіанскаго міра, возвысился въ понятіяхъ собственныхъ сыновъ русской церкви, бывшихъ и подданными государства,—а съ этимъ возвышеніемъ онъ пріобрѣлъ бо́льшее влія-

ніе на дѣла и бо́льшій авторитетъ на уваженіе къ его распоряженіямъ. Все это невѣсомыя, но живо осязаемыя блага въ общемъ ходѣ исторической жизни. Русскіе чтили своего патріарха, какъ духовнаго главу и пастыря, и возвышали его, какъ дѣйствительнаго патріарха, обладающаго всею полнотою и чести и власти патріаршей, по сравненію съ восточными патріархами, находившимися подъ игомъ невѣрныхъ [1]). Все это неоспоримые историческіе факты, какъ истинно и то, что патріаршество своимъ существованіемъ, своимъ значеніемъ и своими принципами оставило глубокіе слѣды въ церковномъ сознаніи и пустило глубокіе корни въ церковную жизнь. Отвѣтствуя на приглашеніе Парижской Сорбонны положить конецъ раздѣленію церквей, Стефанъ Яворскій писалъ: „аще бы мы и восхотѣли сему злу коимъ либо образомъ забѣжати, возбраняетъ намъ канонъ апостольскій, который епископу безъ своего старѣйшины ничтоже, а паче, въ толь великомъ дѣлѣ церковномъ, творить попускаетъ. Престолъ же святѣйшаго патріаршества россійскаго празденъ и вдовствующій быти мнимъ, яко извѣстно есть иностраннымъ, и сего ради епископамъ безъ своего патріарха хотѣти что либо замышляти тожде было бы, аки бы членамъ безъ своея главы хотѣти движетися, или безъ первыя вины или движенія въ звѣздахъ свое теченіе совершати. Сей есть предѣлъ крайній, который въ настоящемъ дѣлѣ больше намъ не попущаетъ глаголати что либо йли творити“ [2]). Отвѣтъ Стефана Яворскаго Сорбоннѣ напоминаетъ примѣръ египетскихъ епископовъ, которые даже на Халкидонскомъ соборѣ отказались подписать посланіе папы Льва по той причинѣ, что во главѣ ихъ не было старѣйшаго предстоятеля по низложеніи соборомъ Діоскора александрійскаго [3]). Если сопоставимъ эти факты, то получимъ убѣжденіе, что патріаршество оживляло и закрѣпляло основныя церковныя начала въ нашемъ церковномъ управленіи, и что уже поэтому оно не могло представлять опасности для государства и покровительствовать внутреннимъ его врагамъ, если таковые были, давая имъ возможность „прикрывать свои преступныя цѣли именемъ и благомъ церкви“.

---

[1]) См. Каптеревъ, Харак. отнош. Россіи къ вост. стр. 56—59.
[2]) Сочиненія Самарина т. V, стр. 278—279.
[3]) IV всел. пр. 30 и толкованія на него.

Возводя подобное обвиненіе на патріаршество, авторъ статьи „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ беретъ на себя непростительный предъ наукою грѣхъ, а представляя составителя Духовнаго Регламента проводникомъ въ предначертаніяхъ послѣдняго идеала первенствующей церкви, утверждаетъ неизвинительную предъ исторіею неправду. Объявляя вообще реформу Петра въ области нашего высшаго церковнаго управленія приближеніемъ послѣдняго къ идеалу древней вселенской церкви, тотъ же авторъ высказываетъ совершенно произвольную и предвзятую мысль. По соображенію сказаннаго необходимо заключить, что реформа Петра на тѣхъ началахъ, которыя предначертаны въ Духовномъ Регламентѣ, уничтожая патріаршество, лишала государство и церковь учрежденія, на которое русскимъ правительствомъ было употреблено столько усилій именно въ видахъ его пользы и конечнаго исполненія идеи русскаго государства. Производя такую перемѣну, реформа Петра Великаго отметала традиціи и преданія прежняго русскаго царства и предуказывала послѣднему новыя задачи и цѣли въ будущемъ. Что же касается въ частности перемѣнъ, произведенныхъ этою реформою въ нашемъ высшемъ церковномъ управленіи, по предначертаніямъ составителя Духовнаго Регламента, — объ этомъ уже высказано категорическое сужденіе. Авторъ изслѣдованія о жизни и времени Ѳеофана Прокоповича, бывшаго составителя Духовнаго Регламента, пишетъ: „Рѣшившись учредить новую форму церковнаго правленія, государь поручилъ Ѳеофану составить уставъ Духовной Коллегіи, который въ 1719 г. и былъ имъ написанъ подъ заглавіемъ Духовный Регламентъ... Главное побужденіе къ учрежденію Духовной Коллегіи заключалось въ томъ, что церковь, при патріаршемъ управленіи, была независимою отъ государства, и лицо патріарха какъ бы равнялось лицу государя. Петру казалось это отношеніе неправильнымъ и не безопаснымъ. А потому онъ рѣшился ввести церковь въ общій порядокъ государственной жизни, подчинить ее общей системѣ государственнаго правленія, какъ одну изъ ея вѣтвей, и духовное правительство сдѣлать коллегіей, наряду съ прочими коллегіями. Званіе патріаршее уничтожалось само собою. Члены духовной

коллегіи, исключая особенный родъ ихъ дѣлъ, становились такими же начальниками въ своемъ вѣдомствѣ, какъ другіе—въ своихъ управленіяхъ, даже съ тѣми же названіями президента, вицепрезидентовъ, совѣтниковъ и ассесоровъ, какъ и въ прочихъ коллегіяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ церковь и духовенство становились въ общую подсудность государству по всѣмъ своимъ дѣламъ и интересамъ, исключая церковныхъ догматовъ и каноновъ. Члены духовной коллегіи должны были, вступая въ эту должность, кромѣ общей присяги по церковному званію, приносить особую присягу на вѣрность государю по званію членовъ коллегіи“ [1]). По засвидѣтельствованію автора выходитъ, что причины уничтоженія патріаршества лежали внѣ самаго патріаршества, и что послѣднее своимъ паденіемъ увлекло и русскую церковь къ новому положенію, которое коснулось жизненности и самостоятельности ея отправленій. Вводя такую перемѣну, реформа Петра Великаго видимо развивала свои предначертанія не по идеалу древней вселенской Церкви и мало соображалась съ особенностями основнаго церковнаго строя. Планы этой реформы были другіе, какъ показали послѣдствія ея осуществленія, и сказать въ особыхъ явленіяхъ.

Представляя Духовную Коллегію учрежденіемъ для завѣдованія церковными дѣлами государства подъ авторитетомъ учредившей его государственной власти, Реформа Петра Великаго, напередъ опредѣляла судьбу сего учрежденія и предуказывала возможность измѣненій въ его составѣ и положеніи. Исторія существованіи Св. Сѵнода, со времени его учрежденія, представляетъ не мало моментовъ, когда Сѵнодъ, по указаніямъ учредившей его власти, испытывалъ тѣ или другія измѣненія въ своемъ составѣ и положеніи.

По предначертаніямъ Духовнаго Регламента составъ Святѣйшаго Сѵнода былъ опредѣленъ слѣдующимъ образомъ. „Правитель-

---

[1]) И. Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 70—71.

ствующихъ особъ“ въ Духовномъ Коллегіумѣ полагалось 12. Они должны были принадлежать къ лицамъ разнаго чина, т. е. избираться изъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ; между ними архіереевъ полагалось три, прочихъ же чиновъ „сколько которыхъ достойныхъ сыщется“. При этомъ предписывалось наблюдать, чтобы назначаемые въ составъ членовъ Духовнаго Коллегіума архимандриты и протопопы не находились въ подчиненіи засѣдавшаго въ Коллегіумѣ архіерея, какъ объяснилъ Регламентъ потому, что „таковый архимандритъ или протопопъ будетъ непремѣнно наблюдать, къ которой сторонѣ судимой приклоненъ есть епископъ, къ той и тотъ архимандритъ, или протопопъ приклоненъ будетъ, и такъ двѣ или три персоны будутъ единъ человѣкъ“. По именному учредительному указу 25 января 1721 г. опредѣлено быть въ Духовномъ Коллегіумѣ „единому президенту, двоимъ вицепрезидентамъ, четыремъ совѣтникамъ, четыремъ ассесорамъ“; при этомъ повелѣвалось президенту имѣть „единъ съ прочими равный голосъ“ на томъ основаніи, что по Духовному Регламенту, онъ долженъ былъ подлежать суду своея братіи, „аще въ чемъ знатно погрѣшитъ“ [1]). Въ предначертанный Духовнымъ Регламентомъ и опредѣленный учредительнымъ указомъ составъ Духовнаго Коллегіума, при его открытіи, были назначены членами слѣдующія лица: президентъ Стефанъ (Яворскій), митрополитъ рязанскій и муромскій, бывшій мѣстоблюститель патріаршаго престола, два вицепрезидента: Ѳеодосій (Яновскій), архіепископъ велико-новгородскій и великолуцкій, Ѳеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ псковскій и нарвскій, составитель Духовнаго Регламента, четыре совѣтника, архимандриты первѣйшихъ монастырей: Симонова — Петръ Смѣлинъ, Ипатскаго—Гавріилъ Бужинскій, Новоспасскаго—Іероѳей Прилукскій и Высокопетровскаго—Леонидъ; четыре ассесора: протопопы Троицкаго собора—Іоаннъ Семеновъ и Петропавловскаго—Петръ Григорьевъ, іерей Анастасій Кондоиди, впослѣдствіи, согласно его прошенію, по указу Святѣйшаго Сунода, постриженный въ монашество съ именемъ Аѳанасія, и іеромонахъ Варлаамъ Овсяниковъ, вскорѣ (10 марта 1721 г.) игуменъ Угрѣнскій, исполнявшій до 1 января 1722 г. и

[1]) П. С. П. и Р. т. I стр. 28 и 2.

обязанности оберъ-секретаря [1]). Къ поименованнымъ членамъ прежде другихъ были назначены: грекъ Анастасій Михаиловъ, онъ же Наусій, и монахъ Ѳеофилъ Кроликъ, съ возведеніемъ его въ

---

[1]) Для уясненія порядка, коимъ были назначены въ Сѵнодъ членами поименованныя лица, необходимо замѣтить, что со стороны сенаторовъ было предложено Его Цесарскому Величеству быть въ Духовной Коллегіи: Президентъ изъ митрополитовъ, вицепрезидентовъ изъ архіепископовъ 2, совѣтниковъ изъ архимандритовъ 4, ассессоровъ изъ протопоповъ 3, да изъ греческихъ черныхъ священниковъ 1. Всего 11. И на то мнѣніе о жалованьи онымъ указъ учинить, которая дача имѣетъ быть съ тѣмъ, что они могутъ получить архіереи изъ епархій, архимандриты изъ монастырей, а протопопы и съ жалованьемъ. А которыхъ епархій архіереямъ и монастырей архимандритамъ и протопопамъ въ оныхъ чинахъ быть, о томъ указомъ не опредѣлено, а безъ того дачу жалованья, къ получаемому ихъ доходу положить невозможно». За симъ относительно предполагавшихся въ Духовную Коллегію членовъ пояснено: «Въ Духовной Коллегіи архіерей: президентъ Стефанъ митрополитъ Рязанскій: вицепрезиденты, архіепископы: Ѳеодосій Новгородскій, Ѳеофанъ Псковскій, совѣтники, архимандриты: Петръ Симоновскій, Леонидъ Петровскій, Іероѳей Донской, Гавріилъ Ипацкаго монастыря, ассессоры, протопопы: Іоаннъ Троицкій, Петръ іерей самсоновскій, да греческій черный священникъ, а о четвертомъ, какъ Духовная Коллегія за благо разсудитъ». Въ концѣ сего документа собственноручная приписка Петра I слѣдующая «сихъ призвавъ въ Сенатъ объявить также указъ и вручить присягу». Изъ сопоставленія сего документа съ предложеннымъ перечнемъ членовъ Св. Сѵнода при его открытіи, слѣдуетъ заключить, что послѣдній, изъ ассессоровъ именно Варлаамъ Овсяниковъ былъ назначенъ Св. Сѵнодомъ, согласно распоряженію государя. Для выясненія фактической стороны вопроса полезно присовокупить, что въ первомъ за открытіемъ Св. Сѵнода засѣданіи, бывшемъ 16 февраля 1721 г., присутствовали и подписались подъ опредѣленіемъ слѣдующіе члены и въ такомъ порядкѣ: Ѳеодосій архіепископъ Новгородскій и архимандритъ Александро-Невскій, Ѳеофанъ архіепископъ Псковскій, Петръ архимандритъ Симоновскій, Гавріилъ — Ипацкій, Леонидъ — Петровскій, Іероѳей—Донской, іерей Анастасій Кондоиди, Иванъ протопопъ Троицкій, Петръ протопопъ Петропавловскій ассессоръ и оберъ-секретарь іеромонахъ Варлаамъ Овсянниновъ». Подписи президента нѣтъ; этой подписи вообще не встрѣчается подъ Сѵнодальными опредѣленіями. Отсюда надо заключить, что Стефанъ Яворскій не принималъ участія въ засѣданіяхъ Св. Сѵнода. Въ пересмотрѣнныхъ нами копіяхъ Сѵнодальныхъ опредѣленій прямо замѣчается, что имѣются подписи такихъ то членовъ «кромѣ президента». Для отличія синодальныхъ совѣтниковъ какъ предъ синодальными ассесорами, такъ и прочихъ монастырей предъ архимандриты Высочайше повелѣно имъ носить на себѣ кресты, подобно архіереямъ, каковое повелѣніе подтверждалось и послѣ (П. С. П. и Р. т. V. № 1703).

іеромонаха [1]). Въ первоначальномъ составѣ Святѣйшій Сунодъ просуществовалъ недолго, и вообще составъ его членовъ не долго продержался на опредѣленной для него нормѣ. Измѣненія начались съ того, что 27 ноября 1722 г. умеръ президентъ Святѣйшаго Сунода, званіе котораго болѣе уже и не возобновлялось. Въ составѣ вицепрезидентовъ послѣдовала та перемѣна, что первый изъ нихъ, а именно архіепископъ Ѳеодосій Яновскій, 13 мая 1725 года, былъ отрѣшенъ отъ этой должности за „непотребные поступки, продерзостныя и непристойныя слова“ и сосланъ въ Корельскій монастырь на „неисходное жительство“ подъ карауломъ особо назначенной стражи [1]); мѣсто перваго вицепрезидента занялъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, переведенный съ псковской на новгородскую каѳедру. Вторымъ вицепрезидентомъ назначенъ, состоявшій въ званіи совѣтника, Ѳеофилактъ Лопатинскій, посвященный 24 февраля 1723 года изъ архимандритовъ Чудова монастыря въ архіепископа тверского и кашинскаго [2]). Въ составѣ совѣтниковъ и ассесоровъ произошли свои перемѣны. Леонидъ,

---

[1]) Высочайшій указъ о назначеніи Михаилова послѣдовалъ 21 января 1722 г., коимъ повелѣвалось «обрѣтающагося въ Москвѣ грека Анастасія Михаилова опредѣлить въ Св. Сунодъ, и чинъ и трактаментъ учинить ему по опредѣленію отъ того Св. Сунода». Во исполненіе сего указа Св. Сунодомъ 6 марта 1722 г. постановлено «означенному греку Анастасію Михаилову при Св. Сунодѣ имѣть званіе ассессоромъ, а трактаментъ ему учинить противъ сунодальныхъ ассессоровъ по шести сотъ рублевъ въ годъ (П. С. П. и Р. т. II. № 462 ср. Опис. докум. и дѣлъ т. II. стр. 118—119). Съ мая 1722 г. начинаютъ встрѣчаться подъ протоколами Св. Сунода, въ числѣ другихъ его членовъ и подпись назначеннаго ассессора въ такомъ видѣ «Анастасій Ноусій», обыкновенно же «Анастасій Михаиловъ». Не встрѣчается сія подпись съ мая 1723 г., и какъ бы вмѣсто этой подписи замѣчается подпись сунодальнаго ассесора сначала «іеромонаха или игумена Ѳеофила» а потомъ «архимандрита Чудова монастыря». Инициатива назначенія его въ сунодальные ассессоры усвояется Св. Синоду, который постановилъ: «Монаху Ѳеофилу Кролику, который былъ по указу Его Величества въ Прагѣ, быть въ Св. Правительствующемъ Сунодѣ у дѣлъ ассессоромъ, и окладъ ему опредѣлить ассессорскій съ нынѣшняго 722 г. и удостоить его въ діаконы и іеромонахи» (П. С. П. и Р. т. II. № 403 ср. Опис. докум. и дѣлъ т. II. стр. 353—354).

[1]) П. С. П. и Р. т. V № 1542 ср. П. С. З. т. VI № 4717

[2]) П. С. П. и Р. т. V № 1616.

архимандритъ Высокопетровскаго монастыря, 16 февраля 1722 г., назначенъ архіепископомъ сарскимъ и подонскимъ. Двое изъ бывшихъ ассесоровъ Святѣйшаго Сунода назначены совѣтниками, а именно, постриженный въ 1722 г. въ монашество съ именемъ Аѳанасія, Анастасій Кондоиди, получилъ это званіе 25 декабря 1725 г., когда онъ уже послѣ игуменства въ ярославскомъ Толгскомъ монастырѣ (съ 26 февраля 1722 г.) состоялъ архимандритомъ ярославскаго Спасскаго монастыря (съ 8 іюля 1723 г.) и Ѳеофилъ Кроликъ, назначенный на мѣсто Ѳеофилакта Лопатинскаго архимандритомъ Чудова монастыря (съ 28 іюня 1723 г.). Бывшій ассесоръ игуменъ Варлаамъ Овсяниковъ, по указу государя, 5 февраля 1723 г. былъ арестованъ, затѣмъ обнаженъ „монашества и священства“ и окончилъ дни свои въ тюрьмѣ Соловецкаго монастыря [1]). Ассесоръ Іоаннъ Семеновъ, Троицкій протопопъ, 28 іюня 1723 г. опредѣленъ судьею тіунской конторы, съ устраненіемъ отъ званія сунодскаго ассесора; на его мѣсто вызванъ въ Св. Сунодъ ассесоромъ архимандритъ Калязинскаго монастыря Рафандъ Заборовскій [2]). Таковъ былъ составъ Сунода въ первые годы его существованія, до конца царствованія его учредителя. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что изъ поименованныхъ членовъ преосвященный Леонидъ, архіепископъ сарскій и подонскій, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи московскую Духовную Дикастерію, дѣлами которой и управлялъ съ нѣкоторыми изъ архимандритовъ московскихъ монастырей [3]). Архимандритъ Чудова монастыря Ѳеофилъ Кроликъ завѣдывалъ дѣлами московскаго Сунодальнаго Правленія Канцеляріи пока это учрежденіе не поступило также подъ вѣдѣніе того же Леонида, архіепископа сарскаго и подонскаго [4]). Слѣдуетъ прибавить, что 12 января 1725 г. при концѣ своей жизни Петръ Великій, будучи на ассамблеѣ въ домѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Толстаго, при присутствіи въ то время

---

[1]) Опис. докум. и дѣлъ арх. Св. Сунод. т. III № 125 П. С. П. и Р. т. V. 1842 г. Чистовича,—Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время стр. 168—169. 179—180.

[2]) П. С. П. и Р. т. V. № 1630.

[3]) Там. т. II. № 508 ср. т. VI. № 3954.

[4]) П. С. П. и Р. т. V. № 2873.

и прочихъ сѵнодальныхъ членовъ, указалъ „въ С.-Петербургѣ, съ содержащими чреду священнослуженія архіереями, быть и изъ архимандритовъ, которые въ чинъ архіерейства избираемы быть могли бы, въ годовой же священнослуженія чредѣ, по двѣ персоны, которымъ и засѣдать въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ съ членами по обыкновенію [1]). Въ исполненіе сего Высочайшаго указа на 1725 г. Святѣйшимъ Сѵнодомъ и были вызваны вмѣстѣ съ Епифаніемъ, епископомъ бѣлгородскимъ и обоянскимъ, архимандриты Ипатскаго монастыря изъ Костромы Серапіонъ и Спасскаго монастыря изъ Казани Іона Салникѣевъ [2]), а на 1726 г. были приглашены архимандриты Спасо-Прилукскаго монастыря Арсеній и Горицкаго Переяславскаго Левъ (Юрловъ). По поводу вступленія въ Сѵнодъ вызваннаго изъ Казани архимандрита Іоны Салникѣева встрѣчаемся съ такимъ распоряженіемъ Святѣйшаго Сѵнода относительно введенія Іоны въ должность члена Святѣйшаго Сѵнода и порядка его занятій и положенія. „Разсуждая объ обрѣтающемся въ С.-Петербургѣ въ годовой священнослуженія чредѣ Спасскаго монастыря, что̀ въ Казани, архимандритъ Іонѣ Сальникѣевъ, который въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ съ членами засѣдаетъ и во всѣхъ разсужденіяхъ присутствуетъ, Святѣйшій Сѵнодъ приказали: для вѣрности ему, архимандриту, подобно какъ члену сѵнодальному, учинить присягу по обыкновенію, и для того отправленъ онъ съ сѵнодальнымъ ассесоромъ Аѳанасіемъ, архимандритомъ спасо-ярославскимъ и съ секретаремъ Михаиломъ Дудинымъ, которые по возвращеніи объявили, что онъ къ оной присягѣ въ Троицкомъ соборѣ приведенъ, и потомъ опредѣлили: при собраніяхъ въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ членовъ, пріѣздъ и выѣздъ его архимандрита записывать и протоколы къ крѣпленію его предлагать по обыкновенію съ членами неотмѣнно, и другимъ впредь исполнять потомужъ неотложно“ [3]). Отсюда видно, что вызываемые архимандриты во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ принимали участіе въ засѣданіяхъ Святѣйшаго Сѵнода, под-

---

[1]) П. С. П. и Р. т. IV. № 1452.
[2]) Там. № 1452.
[3]) П. С. П. и Р. т. V. № 1536.

писывались подъ его опредѣленіями, и вообще приравнивались къ прочимъ членамъ Святѣйшаго Сунода [1]).

Изображенныя перемѣны въ устройствѣ Святѣйшаго Сунода, отодвигая его отъ предначертаній Духовнаго Регламента, продолжались въ началѣ царствованія Екатерины I, готовившей Суноду крупную реформу. До осуществленія этой реформы въ составѣ Св. Сунода встрѣчаемся съ слѣдующими перемѣнами. Назначенному судьею тіунской конторы, съ устраненіемъ отъ званія сунодальнаго ассесора, Троицкому протопопу Іоанну Семенову, снова предписано Сунодомъ сохранять прежнее званіе и въ канцелярскихъ бумагахъ „именовать его сунодальнымъ ассесоромъ и тіунской конторы судьею“ [2]). Вызванный въ 1723 г. въ Святѣйшій Сунодъ ассесоромъ архимандритъ Калязинскаго монастыря Рафаилъ Заборовскій 9 августа 1725 г. назначенъ и затѣмъ рукоположенъ во епископа псковскаго, съ возведеніемъ въ званіе сунодальнаго совѣтника [3]). Въ томъ же же 1725 г. въ числѣ совѣтниковъ Святѣйшаго Сунода является Георгій Дашковъ, епископъ ростовскій и ярославскій, вызванный для сего изъ епархіи [4]). Такимъ образомъ наканунѣ ожидавшей Сунодъ въ царствованіе Екатерины I реформы, членами Святѣйшаго Сунода состояли слѣдующія лица—два вицепрезидента: Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій и великолуцкій и Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ тверской и кашинскій, совѣтники: Леонидъ, архіепископъ сарскій и подонскій, Георгій Дашковъ, епископъ ростовскій и ярославскій, Рафаилъ Заборовскій, епископъ псковскій и нарвскій, Петръ, архимандритъ Александроневскій, Гавріилъ, архимандритъ Троице-Сергіевскій, Ѳеофилъ, архимандритъ Чудовскій, Іероѳей, архимандритъ Новоспасскій, Аѳанасій, архимандритъ

---

[1]) Жалованье синодальнымъ членамъ было опредѣлено въ слѣдующемъ размѣрѣ: Президенту три тысячи, вице-президентамъ по двѣ тысячи пяти сотъ, совѣтникамъ по тысячи и ассесорамъ по шести сотъ съ тѣмъ, что они могутъ получить изъ своихъ мѣстъ, а именно архіереи изъ епархій, архимандриты изъ монастырей и протопопы съ ихъ жалованьемъ (П. С. П. и Р. т. I. № 225. 325).

[2]) П. С. П. и Р. т. V. № 1601 ср. опис. докум. и дѣлъ т. III. № 314.

[3]) П. С. П. и Р. т. V. № 1630.

[4]) Там. № 1638.

Спасо-Ярославскій, ассесоры: протопопы С.-Петербургскихъ соборовъ Петропавловскаго Петръ Григорьевъ и Троицкаго Іоаннъ Семеновъ. Всѣхъ этихъ членовъ застала реформа Сѵнода при Екатеринѣ I. Высочайшимъ манифестомъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, даннымъ на имя Святѣйшаго Сѵнода, императрица Екатерина, въ исполненіе неосуществленныхъ предначертаній Петра I за его смертію, повелѣла сѵнодальное правленіе раздѣлить „на два апартамента“ съ тѣмъ, чтобы первый состоялъ „въ шести персонахъ архіереевъ“, въ числѣ коихъ указано быть новгородскому Ѳеофану, рязанскому Ѳеофилакту, воронежскому Іосифу, вологодскому Кондоидію и Игнатію, бывшему суздальскому, которымъ засѣданіе свое имѣть по степенямъ епархій ихъ“. Основаніе и цѣль такой реформы въ Высочайшемъ манифестѣ изъяснены такимъ образомъ: „понеже высокославныя памяти Императорское Величество Государь (Петръ I), имѣя попеченіе о исправленіи чина духовнаго, уставилъ Духовную Коллегію (то есть Духовное Соборное Правительство), чтобъ по Регламенту всякія духовныя дѣла во всероссійской Церкви управляли; но когда въ томъ Духовномъ Собраніи, по докладнымъ пунктамъ, послѣдовали другія дѣла, а именно: 1) въ управленіи вотчинъ, 2) въ сборахъ съ нихъ доходовъ, 3) всякія по дѣламъ расправы, 4) что того Духовнаго Собранія первые члены имѣютъ правленіе своихъ епархій,—то отъ того оное Духовное Собраніе стало быть отягощено, отъ чего и въ управленіи духовныхъ дѣлъ учинилось помѣшательство, что тогдажъ усмотря Его Величество высокославныя памяти Государь Императоръ соизволилъ воспріять было намѣреніе, чтобы то Духовное Собраніе паки оставить точію при единомъ правленіи въ духовныхъ дѣлахъ, дабы церковное правленіе и ученіе во славу имени Божія въ наилучшее происходило, но то Его Императорскаго Величества соизволеніе къ исполненію не достигло причиною его кончины. И для того, мы, Екатерина императрица и самодержца всероссійская, подражая трудамъ его, высокославныя памяти Государя Императора, къ исполненію благаго его намѣренія повелѣли нынѣ раздѣлить сѵнодальное правленіе на два апартамента“. Первому изъ этихъ апартаменту, долженствовавшему, какъ сказано, состоять „въ шести персонахъ архіереевъ“, повелѣвалось управлять

всякія духовныя дѣла всероссійской Церкви содержать въ добромъ порядкѣ и благочиніи духовныхъ, такожъ типографію, и имѣть тщаніе о печатаніи книгъ, которыя согласны были съ церковными преданіями. Вмѣстѣ съ этою коренною реформою предполагалось относительно имѣвшихъ засѣдать въ этомъ апартаментѣ сунодальныхъ членовъ то, чтобы они довольствовались опредѣленнымъ по этимъ должностямъ жалованьемъ и не касались епархій, дабы „отъ того въ надлежащемъ ихъ управленіи помѣшательства не было“; для управленія же епархіями предполагалось опредѣлить викаріевъ съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе „о всемъ отвѣтъ давали и рапортовали въ духовныхъ дѣлахъ въ первомъ, а о земскихъ и экономіи во второмъ апартаментѣ“ [1]).

Останавливаясь на содержаніи этого Высочайшаго манифеста и вникая въ сущность предположенной въ немъ реформы, нельзя не замѣтить, что манифестъ съ одной стороны указываетъ на непослѣдовательность проведенія Петромъ Великимъ его реформы въ отношеніи къ Святѣйшему Суноду въ томъ, что онъ, по учрежденіи его, снова предоставилъ въ вѣдѣніе духовной власти дѣла, которыя при уничтоженіи патріаршества отошли въ вѣдомство свѣтскихъ учрежденій, съ другой — стремится исправить эту непослѣдовательность чрезъ отчисленіе отъ синодальнаго вѣдом-

---

[1]) П. С. П. и Р. т. V. № 1819. Обозрѣніе «втораго апартамента» не входитъ въ программу нашего изслѣдованія, тѣмъ не менѣе находимъ нелишнимъ замѣтить, что онъ былъ образованъ также изъ шести лицъ. Въ составъ его вошли: Алексѣй Баскаковъ, бывшій оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сунода, Кириллъ Чичеринъ, занимавшій должность президента камеръ конторы сунодальнаго правительства, Иванъ Топильскій, состоявшій за ассесора въ Московской Сунодальнаго Правленія Канцеляріи, Логинъ Щербачевъ, служившій въ С.-Петербургѣ у полиціймейстерскихъ дѣлъ и Алексѣй Владыкинъ, бывшій сунодальнымъ дворецкимъ». Въ этомъ апартаментѣ указано быть суду и расправѣ, такожъ смотрѣнію сборовъ и экономіи и прочее тому подобное по примѣру прежде бывшаго патріаршаго разряда и другихъ тогда бывшихъ въ патріаршемъ вѣдомствѣ приказовъ. Этотъ апартаментъ по духовнымъ дѣламъ долженъ былъ относиться къ Святѣйшему Суноду, а о свѣтскихъ писать Высокому Сенату. Вскорѣ этотъ апартаментъ былъ именованъ «Коллегіею Экономіи Сунодальнаго Правленія», каковымъ наименованіемъ понижалось его положеніе сравнительно съ Святѣйшимъ Сунодомъ и вмѣстѣ указывалось на зависимость его отъ Сунода (П. С. П. и Р. т. V. № 1843).

ства вотчинныхъ и сопряженныхъ съ ними судебно-гражданскихъ дѣлъ и сосредоточеніе вниманія Святѣйшаго Сунода на однихъ предметахъ, касавшихся вѣры и церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположенная реформа, повидимому, возвышала Святѣйшій Сунодъ въ каноническомъ отношеніи тѣмъ, что только лицъ архіерейскаго сана приглашала засѣдать въ этомъ учрежденіи; въ дѣйствительности же она не соображалась съ каноническими принципами, ибо устраняла членовъ Святѣйшаго Сунода отъ управленія епархіями и низводила ихъ на степень безъепархіальныхъ архіереевъ, какъ бы лишая ихъ тѣмъ церковнаго предстоятельства и дѣлая представителями государства для завѣдыванія дѣлами церкви. Мысль объ устраненіи сунодальныхъ членовъ отъ управленія ихъ епархіями, какъ ни была сама по себѣ нова и малоосуществима, тѣмъ не менѣе горячо раздѣлялась. Вслѣдъ за приведеннымъ Высочайшимъ манифестомъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ объявленъ Сенату особый указъ, коимъ повелѣвалось „въ епархіи и монастыри къ управителямъ послать указы съ нарочными немедленно, чтобы о томъ, что архіереямъ, которые въ Сунодѣ засѣдать будутъ, до епархіи ни чѣмъ касаться не велѣно, а велѣно быть викаріямъ, вѣдали и исполняли, и ежели отъ нихъ архіереевъ въ епархіи и монастыри присылаться будутъ о чемъ указы или письма, по тѣмъ бы не исполняли“ [1]). Выполненіе этого распоряженія на практикѣ поставляло епархіи и синодальныхъ членовъ въ крайне затруднительное положеніе тѣмъ, что оставляло первыя безъ архіереевъ, послѣднихъ безъ всякаго содержанія. Вслѣдствіе сего Сунодъ вынужденъ былъ войти въ Верховный Тайный Совѣтъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ испрашивалъ „милостивой и милосердной Ея Императорскаго Величества резолюціи“ по слѣдующимъ пунктамъ: 1) „понеже викаріевъ еще нѣтъ, того ради сумнительно есть, что имъ сунодальнымъ архіереямъ править ли дѣла епаршескія до опредѣленія викаріевъ, или отселѣ и викаріевъ не дожидаясь отъ всѣхъ дѣлъ отстать; 2) указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно сунодальнымъ архіереямъ жалованьемъ

---

[1]) П. С. З. т. VII. № 4927.

довольствоваться, а епархій ни въ чемъ не касаться, а имъ и за двѣ трети настоящаго года жалованья еще не дано и впредь не опредѣлено, а изъ епархій получать отселѣ ничего не возможно, и какъ имъ сунодальнымъ архіереямъ пребывать—недоумѣваютъ; 3) церковнымъ служителемъ и ризницѣ и домовой всякой посудѣ, и что надлежитъ къ поѣзду, быть бы при нихъ изъ домовъ архіерейскихъ по прежнему, ибо безъ того обойтися невозможно". Въ разрѣшеніе сего доклада указомъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта дано знать: 1) „покамѣстъ въ епархіи опредѣленныхъ въ Сунодъ членовъ викаріи опредѣлены будутъ, до тѣхъ мѣстъ, въ тѣхъ епархіяхъ случающіяся духовныя дѣла управлять тѣмъ сунодальнымъ членамъ каждому въ своей, понеже де викаріи еще не выбраны и чтобъ отъ того остановки въ дѣлахъ не было; 2) жалованье сего года на прошедшія двѣ трети выдать тѣмъ сунодальнымъ членамъ, до предбудущаго о ихъ штатѣ опредѣленія, по прежнимъ ихъ окладамъ, кто что получалъ изъ доходовъ сунодальной Камеръ-конторы; 3) церковнымъ и домовымъ служителемъ, такожъ ризницѣ и всякой посудѣ до предбудущаго опредѣленія, быть отъ домовъ ихъ архіерейскихъ (по прежнему); а что чего при комъ будетъ, тому имѣть описныя книги въ другомъ апартаментѣ" [1]). Настоящею резолюціею повидимому только отодвигалось дѣло устраненія сунодальныхъ членовъ отъ управленія епархій впредь до опредѣленія викаріевъ,—въ дѣйствительности же подобное предположеніе не осуществилось.

Назначенные въ составъ Святѣвшаго Сунода шесть архіереевъ не носили названій ихъ предшественниковъ, а именовались вообще „сунодальными членами, сунодальными архіереями", засѣдая сообразно степенямъ своихъ епархій. Изъ назначенныхъ въ Святѣйшій Сунодъ архіереевъ не всѣ воспользовались этимъ положеніемъ. Воронежскій епископъ Іосифъ, въ концѣ 1726 г., до прибытія въ Святѣйшій Сунодъ, заболѣлъ и умеръ. Мѣсто покойнаго осталось незанятымъ, и Святѣйшій Сунодъ въ составѣ пяти архіереевъ продолжалъ свою дѣятельность во все время царствованія Екатерины I и ея преем-

---

[1]) П. С. П. и Р. т. V № 1843.

ника Петра II, пока одинъ изъ нихъ, именно Аѳанасій (Кондоиди), епископъ вологодскій (14 іюня 1727 г.), не былъ уволенъ въ епархію. Оставаясь въ составѣ четырехъ членовъ, коими были Ѳеофанъ новгородскій, Георгій ростовскій, Ѳеофилактъ рязанскій и Игнатій, митрополитъ коломенскій, Святѣйшій Сѵнодъ вступилъ въ царствованіе Анны Іоанновны, и испыталъ въ началѣ этого царствованія новую крупную перемѣну въ своемъ составѣ. По вступленіи на престолъ, именно 20 мая 1730 г., императрица Анна дала „духовному Правительствующему Сѵноду“ слѣдующій указъ: „Всѣмъ извѣстно, коимъ образомъ блаженныя памяти Его Императорское Величество, Дядя нашъ Петръ Великій Правительствующій духовный Сѵнодъ учредилъ и регламентами принадлежащими удовольствовалъ, который тогда состоялъ въ довольномъ числѣ персонъ, а нынѣ оной Сѵнодъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ прежде былъ, — того ради прилежно о томъ, яко зѣло благопотребномъ, дѣлѣ разсуждая, благоизволяемъ оный Сѵнодъ въ добрый порядокъ привесть. Того ради повелѣваемъ духовному Правительствующему Сѵноду, снесшись съ Правительствующимъ Сенатомъ, общимъ совѣтомъ учинить слѣдующее: первое, толикому ли числу персонъ быть въ Сѵнодѣ, коликое положено въ регламентѣ, или еще прибавить, и по скольку изъ какихъ чиновъ быть. Второе, персонамъ опредѣленнымъ въ Сѵнодѣ, непремѣннымъ ли быть, или перемѣннымъ, и ежели разсуждено будетъ быть перемѣннымъ, то во сколько времени перемѣнять. Третье, выбрать кандидатовъ по именамъ, и для избранія въ число, какое опредѣлено будетъ, и оное, все учиня духовному Сѵноду обще съ Сенатомъ, представить намъ для конфирмаціи. А понеже нынѣ число персонъ въ Сѵнодѣ зѣло малое, только четыре обрѣтается, и такому малому числу вступить въ совѣтъ съ Сенатомъ невозможно, того ради повелѣваемъ духовному Сѵноду, для совѣту вышеписанныхъ дѣлъ, взять въ прибавокъ изъ духовныхъ персонъ, которыя нынѣ есть въ Москвѣ, шесть персонъ, людей къ тому достойныхъ, и прилежно стараться немедленно по вышеписанному указу учинить, дабы въ настоящихъ духовныхъ дѣлахъ остановки и непорядку не было“ [1]). Въ испол-

[1]) П. С. П. и Р. т. VII № 2324.

неніе сего указа Святѣйшій Сунодъ распорядился: „для немедленнаго по оному дѣйствія къ сунодальнымъ нынѣ обрѣтающимся въ Москвѣ тремъ членамъ (это были Ѳеофанъ новгородскій, Ѳеофилактъ тверской и Игнатій коломенскій), въ прибавокъ быть духовнымъ персонамъ преосвященнымъ архіереямъ Леониду, епископу сарскому и подонскому, Питириму, архіепископу нижегородскому и алаторскому, Іоакиму, епископу суздальскому и юрьевскому, да архимандритамъ нижеписанныхъ монастырей: Троицкаго - Сергіева Варлааму, Новоспасскаго—Евѳимію, Савино-Старожевскаго—Досиѳею, Петровскаго-Высокаго—Сергію, Горицкаго—Иларіону. О всѣхъ этихъ лицахъ сообщено и Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ“ [1]). Въ то время какъ Сунодъ и назначенныя имъ „духовныя персоны“ готовились къ предстоящей конференціи съ Сенатомъ, императрица 7 іюня словесно повелѣла Ѳеофану новгородскому объявить Суноду ея указъ, чтобы „избраннымъ для совѣту духовнымъ персонамъ, доколѣ съ Правительствующимъ Сенатомъ конференціи произойдутъ, и окончаніе дѣла будетъ, съ сего времени для надлежащаго въ Святѣйшемъ Сунодѣ дѣлъ исправленія всѣмъ пріѣзжать въ сунодальное собраніе и, слушая дѣлъ, резолюцію общую чинить съ прежними настоящимъ членамъ и приговоры подписывать“ [2]).

9 іюня 1730 г. открылась конференція Суноda съ Сенатомъ. Сунодальный источникъ, которымъ мы пользуемся, не даетъ полныхъ, а представляетъ лишь отрывочныя по этому предмету свѣдѣнія. Изъ этихъ свѣдѣній узнаемъ, что на конференціи присутствовали всѣ изъ назначенныхъ съ духовной стороны лица, кромѣ горицкаго архимандрита Иларіона, со стороны Сената—четверо сенаторовъ графъ Головкинъ, князь Черкаскій, князь Голицынъ и генералъ-фельдмаршалъ Трубецкой. Изъ нихъ графъ Головкинъ предлагалъ: „сунодальнымъ членамъ быть перемѣннымъ: четыремъ архіереямъ, двумъ россійскимъ, двумъ другихъ націй, четыремъ архимандритамъ и двумъ протопопамъ, всего десяти персонамъ“. Князь Черкаскій съ своей стороны пояснилъ:

---

[1]) См. Дѣло Св. Сунод. 20 мая 1730 г. № 11. П. С. П. и Р. т. VII № 2324.

[2]) Дѣло Св. Сунод. 20 мая 1730 г. № 11. П. С. П. и Р. т. VII № 2334.

„ежели архіереямъ быть перемѣннымъ, чтобъ меньше четырехъ; а ежели непремѣннымъ, то и больше“. Графъ Головкинъ и князь Голицынъ настаивали, чтобы всѣхъ вдругъ не перемѣнять. Трубецкой предлагалъ: „перемѣнять не вдругъ и не по одному, но по третямъ. Ежели быть архіереямъ шести, то перемѣнять по два въ отпускъ, хотя и перемѣннымъ быть, да обратный“. Всѣ сенаторы предполагали „перемѣнять чрезъ два года“. Въ заключеніе разсужденій конференція согласилась только относительно числа, утвердивъ быть одиннадцати членамъ мѣстнымъ, въ томъ числѣ шести архіереямъ, пяти архимандритамъ, а протопопамъ и игуменамъ не быть, оставя чередныхъ по два архимандрита—годовыми. Относительно же того, быть ли членамъ перемѣннымъ или неперемѣннымъ, соглашенія на этой конференціи не послѣдовало. Поэтому рѣшено было собраться 11 іюня, изготовивъ съ обѣихъ сторонъ проекты для общаго разсмотрѣнія. Предположенной конференціи не состоялось; но 11 іюня Сунодъ посылалъ въ Сенатъ своего секретаря Василія Тишина съ объявленіемъ, что для возобновленія конференціи имѣетъ быть предложенъ отъ Сунода проектъ съ мнѣніемъ, быть ли членамъ перемѣннымъ или неперемѣннымъ, и что проектъ этотъ „за нѣкоторымъ малымъ исправленіемъ еще не совершенъ“. На это заявленіе Тишина со стороны Сената объяснено, что Сенатъ никакого проекта предлагать не будетъ, а должно быть предложено отъ Сунода на будущей конференціи надлежащее мнѣніе. 26 іюня сунодальные члены вновь ходили на конференцію и внесли въ Правительствующій Сенатъ мнѣніе, которое принялъ государственный канцлеръ графъ Головкинъ. Въ чемъ состояло это мнѣніе и на чемъ остановилась конференція, синодальный источникъ не объясняетъ [1]). Авторъ историческаго очерка „Святѣйшій Сунодъ“, помѣщеннаго во второй книгѣ „Внутренній бытъ русскаго государства“, составленнаго по документамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, подробно излагаетъ ходъ и результатъ бывшей конференціи. Изъ помѣщенныхъ здѣсь свѣдѣній

---

[1]) См. дѣло арх. св. Сунод. 20 мая 1730 г. № 11. На этомъ дѣлѣ основалъ свой разсказъ и авторъ изслѣдованія «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» стр. 281—282.

оказывается, что Сунодъ, настаивая на несмѣняемости сунодальныхъ членовъ, представилъ Сенату мнѣніе, изложенное въ 18 пунктахъ. Мнѣніе это не приведено, но разъяснено, что Сенатъ за разрѣшеніемъ этого вопроса обратился къ самой Государынѣ съ докладомъ, въ которомъ раскрывалъ спорный вопросъ съ своей точки зрѣнія, опровергая доводы Святѣйшаго Сунода. Сенатъ докладывалъ Государынѣ: „хотя отъ Сената, для лучшаго Вашего Императорскаго Величества интереса, представлено было, чтобы въ Сунодѣ членамъ быть съ перемѣною; но Сунодъ усиленно тому противорѣчитъ, и требуетъ, чтобы всѣмъ онымъ членамъ быть безперемѣнно". Старался указать причину этого, Сенатъ пояснялъ: „изъ сего видно, что ни для чего того, только бы тѣмъ получить большую власть и силу, о чемъ, будучи на другой конференціи, подалъ свое разсужденіе на письмѣ, состоящее въ 18 пунктахъ, которыми пространно и разными образами толкуютъ все въ единой матеріи, приводя то, чтобы быть членамъ непремѣннымъ, изъ котораго ихъ разсужденія Сенатъ, усмотря къ большей силѣ и власти ихъ желаніе, принужденъ Вашему Императорскому Величеству, по своей всеподданнической рабской должности, очищая предъ Богомъ и предъ Вашимъ Величествомъ души своея и совѣсти, донести. При предкахъ Вашего Императорскаго Величества вначалѣ митрополиты всероссійскіе, потомъ святѣйшіе патріархи, которые по тому правленію, такожъ и по лицу своему, яко первопрестольные всероссійскія церкви, силу и власть имѣли. И понеже отъ единой персоны не безъ страсти и не безъ погрѣшенія происходило и впредь бы происходить могло, о семъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Дядя Вашего Императорскаго Величества, Государь Императоръ Петръ Великій, въ указѣ прошлаго 1721 г. написать изволилъ и въ Духовномъ Регламентѣ ясно изображено и напечатано... того ради его Величество, посмотря на духовный чинъ и видя въ немъ многое нестроеніе и великую въ дѣлахъ его скудость, воспріялъ попеченіе о исправленіи онаго, и не видя лучшаго къ тому способа, паче соборнаго правительства, установилъ Духовную Коллегію, то есть духовное соборное правительство, которому по данному регламенту всякія духовныя дѣла во всероссійской церкви управлять, и въ той

Коллегіи, по примѣру прочихъ коллегій, опредѣлить изволилъ одного президента, двухъ вицепрезидентовъ, совѣтниковъ и ассесоровъ по четыре,—итого одиннадцать особъ". Раскрывъ далѣе, какъ Суноду сначала было предоставлено завѣдываніе архіерейскими и монастырскими вотчинами съ сборами и судами, и какъ затѣмъ это завѣдываніе было ограничено и потомъ совершенно прекращено съ раздѣленіемъ Сунода на два апартамента и съ предоставленіемъ этихъ дѣлъ вѣдѣнію Коллегіи Экономіи, Сенатъ продолжалъ: „и по тому опредѣленію въ Сунодѣ, для одного того духовнаго и церковнаго правленія, разсуждаемъ, что весьма надлежитъ членамъ быть премѣннымъ; а ежели быть непремѣннымъ, то не произошли бы таковыя опасности, каковы въ Регламентѣ, на 6 и 7 листахъ, Его Императорское Величество изобразить и напечатать указали. И—хотя тѣ опасности къ одной персонѣ употреблены, а не ко всему духовному правительству, однакожъ ясной и у всѣхъ еще въ памяти образъ тому былъ". Въ подтвержденіе этой мысли Сенатъ указалъ на примѣръ Ѳеодосія Яновскаго, архіепископа новгородскаго, бывшаго вицепрезидентомъ Святѣйшаго Сунода, и на то, что „и при нынѣшнемъ сунодскомъ правленіи на нѣкоторыхъ сунодскихъ персонъ, которыя сами въ Сунодѣ присутствуютъ, явились какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ мірскихъ многіе доносы и челобитья... и по тѣмъ доносамъ еще не изслѣдовано, для того, что члены въ Сунодѣ еще не премѣнны... и ежели впредь сунодальные члены будутъ безъ перемѣны, то бы хотя отъ нихъ кому какія продерзости и обиды происходили, бить челомъ и доносить на нихъ не посмѣютъ"... На разсужденіе Сунода о томъ, что „ежели де сунодальные члены премѣнны будутъ, то во всякой перемѣнѣ нужно будетъ мѣсяцъ, другой и третій дожидаться, покамѣстъ новые осмотрятся; но и тогда за обычайными къ прежнимъ и вновь текущимъ дѣламъ быть вскорѣ не могутъ, Сенатъ замѣчалъ: „то представленіе за важное почтено быть не можетъ, понеже въ Сунодѣ не другое какое либо свѣтское и разныхъ дѣлъ правленіе, токмо одно духовное и церковное состоитъ. А духовное правленіе не точію архіереомъ приличествуетъ въ своей епархіи знать, но и прочимъ духовнымъ особамъ тогда, какъ они еще по степенямъ своимъ въ начальство происходятъ, каковыхъ по

достоинству въ Сѵнодѣ членами и опредѣлять должно, и каждый архіерей такія духовныя дѣла въ своей епархіи управляетъ, развѣ который такого важнаго дѣла одинъ рѣшить не можетъ, о такихъ Сѵноду представлять долженъ. И тако каждому вновь пришедшему архіерею или архимандриту присматриваться и обучаться церковнымъ дѣламъ нужды быть не можетъ. Къ томужъ перемѣна быть имѣетъ не всѣмъ вдругъ, но по нѣкоторой части въ годъ и всегда большая часть будетъ старыхъ, нежели новыхъ. Развѣ бы разсуждать такимъ образомъ, что когда духовная особа въ Сѵнодъ членомъ опредѣляется, тогда оной духовному правленію и обучаться должно; тобъ по такому разсужденію членамъ непремѣннымъ быть бы надлежало, для того, что прежде того не знали и другими перемѣниться никѣмъ". Разсуждая по данному вопросу, Сенатъ въ своемъ докладѣ государынѣ затрогивалъ и другіе предметы, напримѣръ указывалъ на то, что „не точію въ епархіяхъ и монастыряхъ, но и въ самой Москвѣ, гдѣ ваша императорская резиденція, многое церковное неустройство происходитъ и никакого церковнаго благочинія по уставамъ церковнымъ не имѣется", и предлагалъ императрицѣ „повелѣть, по примѣру тому, какъ въ Сенатѣ дѣла повелѣно раздѣлить по департаментамъ, такъ и въ Сѵнодѣ смотрѣніе въ Москвѣ за церквами Божіими и церковными служители раздѣлить по частямъ, дабы всякій членъ свою опредѣленную часть наблюдалъ и непорядки отвращалъ". Какъ былъ принятъ докладъ Сената въ Императорскомъ кабинетѣ, остается неизвѣстнымъ. По крайней мѣрѣ изъ этого доклада съ ясностью видно, какъ Сенатъ, высшее государственное учрежденіе, смотрѣлъ на Сѵнодъ и мыслилъ о членахъ и дѣлахъ послѣдняго... На этомъ эпизодѣ и заканчивались работы конференціи Сената съ Сѵнодомъ по устройству присутствія Святѣйшаго Сѵнода. Конференціею согласно рѣшенъ былъ лишь одинъ вопросъ о количествѣ постоянныхъ членовъ и степеняхъ ихъ священства: рѣшено быть одиннадцати членамъ, изъ архіереевъ не менѣе шести, а остальные должны быть изъ низшихъ степеней духовной іерархіи, непремѣнно изъ архимандритовъ. Замѣчаютъ, что бывшіе на конференціи іерархи не хотѣли допустить въ присутствіе Сѵнода членовъ изъ бѣлаго священства и выразили

свое нежеланіе въ слѣдующей формѣ: „а протопопамъ при такомъ высокомъ правленіи быть не надлежитъ того ради, что они отъ степени архіерейскаго гораздо нижнія, и въ дѣлахъ архіерейскихъ и монастырскихъ никакого искусства не имѣютъ“ [1]).

Возбужденный Высочайшимъ указомъ вопросъ объ устройствѣ Святѣйшаго Сунода и разрѣшенъ былъ Высочайшимъ же указомъ, даннымъ Суноду 21 іюля 1730 г. слѣдующаго содержанія: „указали мы нынѣ быть членамъ въ Духовномъ Правительствующемъ Сунодѣ: изъ архіереевъ новгородскому Ѳеофану, крутицкому Леониду, нижегородскому Питириму, суздальскому Іоакиму, изъ архимандритовъ: харьковскому Платону, новоспасскому Колетію, Переяславля-Залѣскаго, горицкому Иларіону; изъ протопоповъ: Успенскому Ивану, Благовѣщенскому Ивану жъ“ [2]). Изъ назначенныхъ въ Сунодъ членами архіереевъ въ Москвѣ не было въ то время Питирима нижегородскаго. Поэтому 25 іюля по докладу Сунода государыня особо повелѣла „сунодальному члену преосвященному Питириму, архіепископу нижегородскому и алаторскому, по прибытіи изъ епархіи въ Москву, квартиру вседомовнѣ имѣть въ московскомъ каменномъ, что̀ въ Китаѣ-городѣ ростовскаго архіерея подворьѣ, а кромѣ его преосвященнаго архіепископа на то подворье постоемъ не опредѣлять никого“ [3]). Равнымъ образомъ по докладу Сунода 16 сентября послѣдовалъ указъ о перемѣщеніи назначеннаго въ Сунодъ членомъ архимандрита Новоспасскаго монастыря Колетія (Евѳимія) въ Чудовъ монастырь“. Всѣ поименованные сунодальные члены вступили въ отправленіе сунодскихъ дѣлъ и значатся подъ всеподданнѣйшими докладами Сунода въ такомъ порядкѣ: Ѳеофанъ новгородскій, Леонидъ крутицкій, Питиримъ нижегородскій, Іоакимъ суздальскій,

---

[1]) Внутр. Быт. Русск. Государ. кн. II, стр. 269—274 ср. Соловьевъ, Истор. Росс. т. XIX стр. 286—287 по изд. 1885 г. Здѣсь между прочимъ сообщается, что при обсужденіи возбуждался со стороны Сунода вопросъ объ опредѣленіи въ епархіи викаріевъ, съ тѣмъ, чтобы члены Сунода были непремѣнными. На это Сенатъ замѣчалъ, что назначеніе викаріевъ потребуетъ лишняго расхода и непремѣнные члены, отъѣзжая на время для осмотра епархій, не будутъ имѣть должнаго смотрѣнія за ввѣренными имъ епархіями и т. д.

[2]) П. С. П. и Р. т. VII, № 2355.

[3]) П. С. П. и Р. т. VII. № 2357.

архимандритъ чудовскій, Платонъ, архимандритъ харьковскій, Иларіонъ, архимандритъ горицкій, Іоаннъ, протопопъ Успенскій, и Іоаннъ, протопопъ Благовѣщенскій [1]).

Въ начертанномъ указомъ императрицы Анны Іоанновны устройствѣ Св. Сѵнода, отступавшемъ совершенно отъ учрежденія императрицы Екатерины I, позволительно усматривать поворотъ къ предположеніямъ Духовнаго Регламента, а вмѣстѣ, какъ и думаютъ, подозрѣвать близкое и дѣятельное участіе въ такой перемѣнѣ и въ назначеніи поименованныхъ сѵнодальныхъ членовъ главнаго и вліятельнаго изъ нихъ Ѳеофана Прокоповича. Этому предположенію не противорѣчатъ и факты. Въ началѣ слѣдующаго 1731 г. мы встрѣчаемся съ докладомъ, въ которомъ Сѵнодъ, ходатайствуя о назначеніи сѵнодальнымъ членамъ жалованья, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ государыню (ежели явится Ея Величеству непротивно) „о именованіи рангами обрѣтающимся въ Сѵнодѣ членамъ (кромѣ президентскаго званія, понеже о томъ Сѵнодъ требованія не имѣетъ) Государя Петра Перваго указы нынѣ подтвердить“ [2]). Ранговъ государыня не возобновила, а жалованьемъ сѵнодальныхъ членовъ наградила, назначивъ „сѵнодальнымъ членамъ за особливый ихъ при дѣлахъ сѵнодскихъ трудъ“ давать новгородскому архіепископу прежній его вицепрезидентскій окладъ 2,500 р., прочимъ же тремъ архіереямъ каждому по 1,500 р., тремъ архимандритамъ по 1,000 р., двумъ протопопамъ ассесорскаго по 600 р. [3]). 5 іюня 1732 г. Св. Сѵнодъ докладывалъ государынѣ о вызовѣ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія двухъ архимандритовъ по силѣ указа Петра I съ тѣмъ, чтобы одному изъ двоихъ архимандритовъ „для обученія и присмотрѣнія къ дѣламъ засѣданіе имѣть въ Сѵнодѣ съ членами,—а второму въ С.-Петербургскомъ Духовномъ Правленіи“, съ назначеніемъ каждому по пятисотъ руб. на содержаніе въ С.-Петербургѣ. Государыня утвердила докладъ Сѵнода. Въ исполненіе сего

---

[1]) Изъ означенныхъ сѵнодальныхъ членовъ Іоакимъ архіепископъ ростовскій и ярославскій и протопопъ Успенскаго собора Іоаннъ Максимовъ остались въ Москвѣ при управленіи сѵнодальныхъ дѣлъ (П. С. П. и Р. т. VII. № 2520).

[2]) П. С. П. и Р. т. VII. № 2415.

[3]) Там. № 2506.

14 того же іюня со стороны Св. Сѵнода было сдѣлано распоряженіе о вызовѣ въ годовую чреду соборнаго служенія двухъ архимандритовъ, синодальной области костромскаго Богоявленскаго монастыря архимандрита Іону и архангельской епархіи Соловецкаго монастыря архимандрита Варсанофія. Послѣдній по прибытіи въ С.-Петербургъ и былъ назначенъ къ присутствованію въ Св. Сѵнодъ, гдѣ наравнѣ и на ряду съ членами послѣдняго подписывался и подъ сѵнодальными опредѣленіями и подъ всеподданнѣйшими докладами Св. Сѵнода, во время пребыванія его на чредѣ священнослуженія [1]).

Опредѣленное указомъ императрицы Анны Іоанновны число членовъ Святѣйшаго Сѵнода служило руководственною для Сѵнода нормою при восполненіи по временамъ оскудѣвавшаго его состава. Оскудѣніе это началось тѣмъ, что прежде другихъ синодальныхъ членовъ, утратили это званіе два архимандрита: чудовскій Евѳимій Колетій и Ипатскаго монастыря Платонъ Малѣновскій. Оба они подпали подъ слѣдствіе по дѣлу Рейбары, заподозрѣны въ неправославіи, устранены отъ настоятельства при монастыряхъ съ лишеніемъ и званія сѵнодальныхъ членовъ (1734 г.). Вмѣсто нихъ въ составѣ Святѣйшаго Сѵнода являются тоже два архимандрита чудовскій Ааронъ и симоновскій Амвросій, которые вскорѣ были назначены, первый архіепископомъ архангело-городскимъ, послѣдній—епископомъ вологодскимъ, который оставался въ Сѵнодѣ во все время царствованія Анны Іоанновны, и впослѣдствіи, какъ увидимъ, съ именемъ архіепископа новгородскаго, занималъ первенствующее мѣсто въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ. Въ 1736 г., согласно прошенію и докладу Святѣйшаго Сѵнода, уволенъ изъ числа сѵнодальныхъ членовъ Леонидъ, архіепископъ крутицкій, который при открытіи Сѵнода, въ званіи архимандрита Высокопетровскаго монастыря, занималъ мѣсто сѵнодальнаго совѣтника, и со времени назначенія на крутицкую епархію въ 1722 г., жилъ въ Москвѣ при отправленіи сѵнодальныхъ дѣлъ; въ 1732 г. Леонидъ, вмѣстѣ съ прочими членами Святѣйшаго Сѵнода переѣхалъ въ С.-Петербургъ, здѣсь въ 1734 году заболѣлъ, продолжая посѣщать за-

[1]) П. С. П. и Р. т. VII. № 2583. 2592.

сѣданія Сѵнода, а въ Мартѣ 1736 года онъ уволенъ отъ званія члена Святѣйшаго Сѵнода. 8 Сентября 1736 года скончался и Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій. Въ то время въ Сѵнодѣ находились: Питиримъ, архіепископъ нижегородскій, Амвросій вологодскій и Аароиъ архангело-городскій. Изъ нихъ прежде другихъ выбываетъ Аароиъ. 6 іюля 1737 г. Святѣйшій Сѵнодъ докладывалъ государынѣ: „Понеже именнымъ Вашего Императорскаго Величества... прошлаго 1730 г. Іюля 21 состоявшимся указомъ повелѣно въ Сѵнодѣ быть членами: архіереямъ четыремъ, архимандритамъ тремъ, протопопамъ двумъ персонамъ. А нынѣ въ Сѵнодѣ обрѣтается членовъ токмо пять персонъ, а именно: архіереевъ два, архимандритовъ два, протопопъ одинъ. Того ради у Вашего Императорскаго Величества Сѵнодъ всеподданнѣйше требуетъ: не соблаговолите ли Ваше Императорское Величество въ число сѵнодальныхъ членовъ опредѣлить обрѣтающагося въ С.-Петербургѣ Соловецкаго монастыря архимандрита Варсонофія. По сѵнодальному мнѣнію въ такомъ званіи быть онъ достоинъ. Болѣе да будетъ въ томъ высоко особливое Вашего Императорскаго Величества благоразсмотрѣніе“. На этомъ докладѣ Императрица подписала резолюцію: „учинить посему“. По назначеніи въ Сѵнодъ Варсонофія, составъ членовъ Святѣйшаго Сѵнода опредѣлился слѣдующимъ образомъ: Питиримъ, архіепископъ нижегородскій, Амвросій, епископъ вологодскій, Стефанъ, архимандритъ александроневскій, Варсонофій, архимандритъ соловецкій, и Іоаннъ, протопопъ Благовѣщенскій. Послѣдній вскорѣ ослабѣлъ и заболѣлъ отъ старости, такъ что Сѵнодъ 21 декабря 1737 г. обратился къ государынѣ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, представляя объ увольненіи „отъ синодальныхъ дѣлъ“ упомянутаго протопопа, ходатайствовалъ объ опредѣленіи на его мѣсто священника Благовѣщенскаго собора Михаила Сланскаго, когда послѣдній, согласно докладу Святѣйшаго Сѵнода, будетъ произведенъ въ протопопа с.-петербургскаго Петропавловскаго собора. Государыня, изъявивъ согласіе на перемѣщеніе Сланскаго къ Петропавловскому собору, 10 января 1738 г. указала быть въ Сѵнодѣ членомъ тогда-же назначенному къ Благовѣщенскому собору протопопомъ

Петру Семенову, т. е. тому, который при открытіи Святѣйшаго Сунода въ званіи іерея Самсоновскаго былъ назначенъ и потомъ въ званіи протопопа Петропавловскаго состоялъ ассесоромъ Святѣйшаго Сунода. Семеновъ немедленно вступилъ въ отправленіе обязанностей сунодальнаго члена. Изъ состоявшихъ въ Сунодѣ архіереевъ Питиримъ, архіепископъ нижегородскій, согласно его прошенію, 9 марта 1738 г. уволенъ въ епархію до будущаго мая мѣсяца того же года, но онъ уже не возвращался въ Сунодъ, который, за отъѣздомъ Питирима, остался при одномъ членѣ архіерейскаго сана. 8 ноября 1738 г. одинъ изъ сунодальныхъ членовъ, именно Никодимъ, архимандритъ Новоспасскій, назначенъ черниговскимъ епископомъ. Въ Сунодѣ остались: Амвросій, епископъ вологодскій, Стефанъ, архимандритъ Александроневскій, Варсонофій, архимандритъ Соловецкій, и Петръ, протопопъ Благовѣщенскій. Такой составъ Сунода далеко не отвѣчалъ ни идеѣ его учрежденія, ни характеру внѣшняго положенія. Поэтому 16 декабря того же года Святѣйшій Сунодъ нашелъ необходимымъ доложить государынѣ, что „въ правленіи принадлежащихъ до сунодальнаго правительства дѣлъ въ такомъ маломъ членовъ числѣ (ибо неравные бываютъ случаи, ово отъ воли Божіей кто изъ нихъ заболитъ, ово гдѣ либо къ служенію отлучится) быть никакъ не возможно. А нынѣ по усмотрѣнію насъ нижайшихъ къ засѣданію въ Сунодѣ признается быть достойнымъ и къ дѣламъ способнѣйшимъ обрѣтающійся въ С.-Петербургѣ въ чредѣ священнослуженія Кипріанъ, епископъ вятскій. Того ради Вашему Императорскому Величеству Сунодъ симъ всеподданнѣйше доноситъ: не соизволено-ль будетъ въ число сунодальныхъ членовъ опредѣлить помянутаго епископа вятскаго и за дальностью вятской епархіи для близости перевести его въ другую изъ близкихъ къ С.-Петербургу епархій“. На этомъ докладѣ рукою Государыни подписана слѣдующая резолюція: „оному Кипріану, епископу вятскому присутствовать въ Сунодѣ“. 10 января 1739 г. Стефанъ, архимандритъ Александроневскій, назначенъ епископомъ псковскимъ, съ оставленіемъ его и архимандритомъ Александроневскимъ и членомъ Святѣйшаго Сунода. Отмѣчаемъ эти данныя, какъ особенности

прежняго времени. Оставленіе Стефана въ званіи архимандрита Александроневскаго монастыря ставило его въ близкія отношенія къ дѣламъ сѵнодальнаго правленія, особенно въ то время, когда новгородская каѳедра, послѣ смерти Ѳеофана все еще оставалась вакантною. Продолжая съ настойчивостію проводить мысль о лучшемъ устройствѣ сѵнодальнаго правительства, Святѣйшій Сѵнодъ 4 мая 1739 г. вновь обратился къ государынѣ съ докладомъ, въ которомъ, указывая на то, что Кипріану, епископу вятскому, повелѣно присутствовать въ Сѵнодѣ, „а понеже, пояснялъ Сѵнодъ, вятская епархія отъ С.-Петербурга весьма отдаленна есть и затѣмъ въ ней епархіальному епископу надлежащаго по долгу званія своего смотрѣнія имѣть неудобно, того ради не соизволите-ли Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣть перевесть помянутаго Кипріана епископа въ коломенскую, а на его мѣсто Веніамина, епископа коломенскаго въ вятскую епархію“. Государыня повелѣла „учинить по представленію“. Такимъ образомъ за состоявшимися и сейчасъ указанными перемѣнами въ составѣ Святѣйшаго Сѵнода насчитывалось три архіерея: Амвросій вологодскій, Стефанъ псковскій, Кипріанъ коломенскій, одинъ архимандритъ Варсонофій Соловецкій и протоіерей Петръ Благовѣщенскій. Составъ этотъ почти въ половину не достигалъ установленной нормы. Въ этомъ составѣ старѣйшимъ представляется Амвросій вологодскій, который 29 мая 1740 г. назначенъ новгородскимъ епископомъ, а 3 августа того же года наименованъ архіепископомъ, и въ этомъ званіи занимаетъ первенствующее положеніе въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ. Изъ поименованныхъ членовъ Варсонофій архимандритъ Соловецкій назначенъ епископомъ архангелогородскимъ и выбылъ изъ Сѵнода. Послѣдствіемъ такого сокращенія состава Святѣйшаго Сѵнода было то, что именнымъ указомъ, объявленнымъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Святѣйшему Сѵноду повелѣвалось „къ избранію въ Сѵнодъ въ члены въ прибавокъ къ наличнымъ изъ архіереевъ и архимандритовъ представлять отъ Сѵнода кандидатовъ на каждое мѣсто по три персоны“. Въ силу этого указа Святѣйшій Сѵнодъ 4 августа 1740 г. обратился къ государынѣ съ докладомъ, въ коемъ „въ опредѣленное, по состо-

явшемуся 1730 г. 21 іюля указу, число синодальныхъ членовъ четырехъ архіереевъ, трехъ архимандритовъ, къ наличнымъ Амвросію, архіепископу новгородскому и Стефану, епископу псковскому и архимандриту александроневскому, представлялъ кандидатовъ епископовъ: Варсонофія архангелогородскаго, Гедеона смоленскаго, Симона суздальскаго, Пимена вологодскаго, Митрофана тверскаго и Савву коломенскаго, а архимандритовъ, за недостаткомъ способныхъ къ отправленію въ Сѵнодѣ дѣлъ, токмо по два человѣка сѵнодальной области монастырей: Рождествена, что во Владимірѣ, монастыря, архимандрита Павла, Чудова—Варлаама, Новоспасскаго—Антонія, Переяславля-Залѣсскаго, Горицкаго Аврамія, вологодской епархіи Корниліева монастыря — Θеофилакта, да Троицкаго-Сергіева монастыря намѣстника Антонія". Относительно послѣдняго кандидата Сѵнодъ пояснялъ: „ежели Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше указать изволите, оному намѣстнику съ прочими въ Сѵнодѣ присутствовать, то оный имѣетъ быть произведенъ въ архимандрита сѵнодальной же области въ Троицкій Ипацкій монастырь, что на Костромѣ". На семъ докладѣ рукою Государыни подписана резолюція: „изъ представленныхъ кандидатовъ присутствовать въ Сѵнодѣ въ С.-Петербургѣ Суздальскому епископу Симону, архимандритамъ Рождествена, что̀ во Владимірѣ монастыря, Павлу, Чудова—Варлааму, Вологодской епархіи Корнильева монастыря Θеофилакту да въ Москвѣ для управленія синодальныхъ дѣлъ Тверскому епископу Митрофану". Вновь назначенные поименованные сѵнодальные члены вступили въ отправленіе обязанностей возложеннаго на нихъ званія. Такимъ образомъ къ концу царствованія Анны Іоанновны, какъ и при началѣ онаго, Святѣйшій Сѵнодъ наполнился въ своемъ составѣ. Въ него входили три архіерея: Амвросій, архіепископъ новгородскій, Стефанъ, епископъ псковскій, Симонъ, епископъ суздальскій, три архимандрита: Павелъ рождественскій, Варлаамъ чудовскій, Θеофилактъ ипацкій и одинъ протопопъ благовѣщенскій Петръ. Подобное наполненіе Святѣйшаго Сѵнода опять послѣдовало не безъ мысли приближенія его состава къ предначертанной въ Духовномъ Регламентѣ нормѣ. Оттѣнокъ такого приближенія даетъ чувствовать слѣдующій до-

кладъ, съ которымъ Святѣйшій Сунодъ 3 іюня 1741 г. обратился къ государынѣ. Сунодъ писалъ и докладывалъ: „Бывшій въ Сунодѣ вицепрезидентъ покойный Θеофанъ, архіепископъ новгородскій, словесно объявилъ: въ 1722 г. высокославныя и вѣчнодостойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій Самодержецъ Всероссійскій указалъ: сунодальнымъ совѣтникамъ, какъ предъ сунодальными ассесоры, такъ и прочихъ монастырей предъ архимандриты учинить отмѣну таковую, дабы имъ носить при себѣ кресты, подобно какъ архіереямъ. И по этому Его Императорскаго Величества указу какъ тогда бывшимъ сунодальнымъ совѣтникамъ тремъ архимандритамъ кресты даны, такъ и послѣ того другимъ совѣтникамъ архимандритамъ кресты носить повелѣно. А предъ нынѣшнимъ временемъ бывшіе въ присутствіи въ Сунодѣ архимандриты чего ради крестовъ не носили неизвѣстно, а запрещенія о неношеніи имъ на себѣ крестовъ по справкамъ не имѣется“. Вслѣдствіе сего Святѣйшій Сунодъ просилъ отъ государыни указа „дабы нынѣ присутствующимъ и впредь будущимъ въ Сунодѣ членами архимандритамъ въ отмѣну отъ прочихъ архимандритовъ за честь главнаго духовнаго правительства кресты на себѣ носить всемилостивѣйше было повелѣно“. Посему докладу Высочайшею резолюціею отъ 22 Іюня 1741 г. повелѣно: „онымъ архимандритамъ по прежнему указу кресты носить позволяется токмо по тѣхъ мѣстъ, пока они въ Сунодѣ будутъ“. Вышеуказанный составъ Святѣйшаго Сунода продолжалъ держаться и при регентствѣ въ кратковременное царствованіе Іоанна Антоновича. Описанныя измѣненія въ составѣ Святѣйшаго Сунода показуютъ, что Сунодъ въ царствованіе Анны Іоанновны, не смотря на предпринимавшіяся почти непрерывныя попытки къ пополненію его состава, только въ началѣ и концѣ сего царствованія приблизился къ нормѣ, которая въ отмѣну реформы императрицы Екатерины, была предначертана имяннымъ указомъ императрицы Анны Іоанновны 21 іюля 1730 г.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны (1741—1761 г.) Св. Сунодъ не испытывалъ такихъ измѣненій, какія онъ пережилъ въ предыдущія царствованія со времени его учрежденія. Елисавета Петровна сама какъ бы неопустительно слѣдила за состояніемъ Св.

Сѵнода и не опускала изъ вида его интересовъ. Равнымъ образомъ и Св. Сѵнодъ, сознавая подобные взгляды государыни, предпринималъ попытки къ улучшенію положенія дѣлъ церковныхъ. Сохранилось извѣстіе, будто два члена Св. Сѵнода Амвросій Юшкевичъ, архіепископъ новгородскій, и Арсеній Маціевичъ [1]), епископъ ростовскій обращались къ государынѣ съ докладомъ, въ которомъ просили, что если Ея Величеству не угодно будетъ возстановить патріаршество, то по крайней мѣрѣ назначить въ Сѵнодъ президента, дабы тѣмъ, хотя нѣсколько, приблизить наше церковное управленіе къ характеру управленія церковію восточною. При этомъ докладъ касался и другихъ предметовъ, между прочимъ, упраздненія Коллегіи Экономіи [2]). Возстановленія патріаршества и назначенія въ Сѵнодъ президента не послѣдовало, завѣдываніе же архіерейскими и монастырскими вотчинами сосредоточилось въ Сѵнодальной Экономической канцеляріи. Въ общемъ положеніе Св. Сѵнода въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны представляется во многомъ измѣнившимся какъ относительно сношеній Св. Сѵнода съ государственною властію, такъ и—его внутренняго состава. Государыня непосредственно, чрезъ самихъ членовъ Св. Сѵнода, принимала и выслушивала доклады послѣдняго [3]) и въ присутствіи тѣхъ же членовъ обсуждала сѵнодальныя дѣла и давала по нимъ свои высочайшіе резолюціи и указы, которые за тѣмъ въ предложеніяхъ сѵнодальныхъ членовъ и объявлялись Св. Сѵноду. Какъ бы интересуясь лично и близко знать каждаго изъ сѵнодальныхъ членовъ, государыня настойчиво требовала, чтобы сѵнодальные члены

---

[1]) 28 мая 1742 г. встрѣчаемся съ такимъ объявленнымъ Св. Сѵноду Амвросіемъ, архіепископомъ новгородскимъ, Высочайшимъ указомъ, коимъ (п. 2) повелѣвалось: «Арсенія митрополита Тобольскаго (Сибирскаго) перевесть въ Ростовскую епархію и присутствовать ему въ Св. Сѵнодѣ членомъ».

[2]) Знаменскій, Истор. Русс. Цер. стр. 408. Прав. Обозр. 1871 г. Апр. стр. 367—369.

[3]) Такъ 27 мая 1743 г. Сѵнодальный членъ троицкій архимандритъ Кириллъ Флоринскій объявилъ Св. Сѵноду словесный Высочайшій указъ, коимъ повелѣвалось: «ежели какіе о дѣлахъ сѵнодальныхъ доклады быть имѣютъ къ подачѣ Ея Императорскому Величеству отъ Св. Сѵнода въ Петергофѣ,—отправлять оные съ сѵнодальними членами».

сами въ знаменитые праздники въ Высочайшемъ присутствіи произносили церковныя поученія и не одобряла тѣхъ случаевъ, когда они пыталась замѣнить себя другими проповѣдниками. Принимая живое участіе въ дѣлахъ Св. Сунода, назначеніи его членовъ, Государыня нерѣдко по своей иниціативѣ давала распоряженія, которыя въ подобныхъ случаяхъ и объявляла Суноду чрезъ своего духовника протоіерея Ѳеодора Дубянскаго. При подобномъ положеніи Сунодъ не испытывалъ ни оскудѣнія, ни недостатка въ своемъ составѣ, — за выбытіемъ, или временнымъ увольненіемъ однихъ входили въ составъ его другіе члены. Открытіе (1 сент. 1742 г.) самостоятельныхъ епископскихъ каѳедръ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, съ образованіемъ особыхъ Московской и С.-Петербургской епархій ставило замѣстителей этихъ каѳедръ, по самому мѣсту ихъ нахожденія, въ положеніе ближайшихъ и естественныхъ кандидатовъ на званіе сунодальныхъ членовъ для присутствованія въ Москвѣ и Петербургѣ [1]). Впрочемъ первые изъ замѣстителей с.-петербургской каѳедры Никодимъ, епископъ с.-петербургскій и шлиссельбургскій, и Ѳеодосій Янковскій не пользовались званіемъ сунодальныхъ членовъ; послѣдній при возведеніи его въ санъ епископа изъ намѣстниковъ Троицкаго Сергіева монастыря, получилъ наименованіе архіепископа с.-петербургскаго и шлиссельбургскаго, какъ собственноручно написала Государыня „для почтенія резиденціи архіепископъ“. При назначеніи (2 іюля 1750 г.) преемникомъ Ѳеодосію преосвященнаго Сильвестра, епископа костромскаго, послѣднему повелѣно было присутствовать въ Св. Сунодѣ членомъ. Назначеніе Сильвестра сунодальнымъ членомъ вызвало въ Сунодѣ разсужденіе о мѣстѣ, какое занимать ему въ засѣданіяхъ Св. Сунода. Въ разрѣшеніе этого вопроса Высочайшимъ указомъ отъ 24 іюля 1750 г., согласно мнѣнію Св. Сунода, повелѣно засѣдать Сильвестру послѣ новгородскаго архіепископа [2]). Назначеніе въ

---

[1]) Назначенный архіепископомъ московскимъ и сѣвскимъ Іосифъ Волгонскій, епископъ бѣлорусскій, былъ вмѣстѣ и членомъ Св. Синода, засѣдалъ въ Москвѣ.

[2]) Старѣйшинство положенія новгородскаго архіепископа видимо ограждалось. Такъ 18 марта 1745 г. при назначеніи Стефана псковскаго въ Новгородъ, вмѣстѣ съ симъ Высочайше поручалось ему со-

Сѵнодъ с.-петербургскаго архіепископа съ старѣйшинствомъ по новгородскомъ очевидно указывало на то, что за отсутствіемъ изъ С.-Петербурга новгородскаго, с.-петербургскій оставался старѣйшимъ между сѵнодальными членами. Такое положеніе для с.-петербургскаго архіепископа началось вскорѣ, ибо Стефанъ новгородскій 13 февраля 1751 г. уволенъ былъ въ епархію по болѣзни на годъ, каковой отпускъ, согласно его прошенію, былъ снова ему повторенъ и разрѣшенъ, такъ что Сильвестръ (Кулябка) за это время является старѣйшимъ въ числѣ сѵнодальныхъ членовъ. Достойно примѣчанія, что съ этого времени повторяются примѣры оставленія за сѵнодальными членами этого званія и по увольненіи ихъ отъ присутствованія въ Св. Сѵнодѣ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Такъ въ 1755 г. (9 ноября) при назначеніи въ Казань Гавріила (Кременецкаго), епископа коломенскаго, состоявшаго съ 1748 г. (5 апрѣля) въ званіи архимандрита новоспасскаго монастыря членомъ Св. Сѵнода, Высочайше повелѣно: „Преосвященнаго Гавріила епископа казанскаго въ бытіе въ казанской епархіи именовать и писать сѵнодальнымъ членомъ“. Равнымъ образомъ и въ 1758 г. (5 марта) при увольненіи изъ Сѵнода донскаго архимандрита Варлаама „по слабости здоровья и смотрѣнія монастыря и строенія нужныхъ въ немъ дѣлъ“ повелѣно: „уволить въ Донской монастырь вовсе, и ни къ какимъ дѣламъ по жизнь его не употреблять, а членомъ сѵнодальнымъ ему именоваться и писаться и въ собраніяхъ мѣсто имѣть, какое имѣлъ въ засѣданіи Св. Сѵнода“. Любопытно отмѣтить въ сѵнодальной практикѣ и тотъ фактъ, что въ январѣ 1752 г. былъ вызванъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ для присутствованія сѵнодальный членъ Иларіонъ, епископъ крутицкій. Затрудняясь исполнить это распоряженіе, Иларіонъ писалъ Св. Сѵноду о причинахъ своего отказа. Государыня, не уваживъ доклада, повелѣла „сѵнодальному члену Иларіону епископу крутицкому въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сѵнодѣ быть не отмѣнно, а на представленіе

вершить бракосочетаніе великаго князя Петра Ѳеодоровича, коего обучалъ Симонъ Тодоровскій, въ той же Высочайшей резолюціи переведенный въ Псковъ на мѣсто Стефана изъ Костромы и состоявшій также членомъ Св. Сѵнода.

его изъ Св. Сѵнода отписать выговоръ съ изъясненіемъ, что онъ не для того въ архіереи произведенъ, чтобы отъ неумѣренныхъ расходовъ долги наживать“. Заслуживаютъ быть отмѣченными и обстоятельства, сопровождавшія назначеніе сѵнодальнымъ членомъ Димитрія Сѣченова, извѣстнаго впослѣдствіи митрополита новгородскаго, бывшаго депутата отъ православнаго духовенства въ Коммиссіи составленія новаго уложенія. Димитрій прежде былъ епископомъ нижегородскимъ съ 1742 г. (13 сентября), но въ 1748 г. по болѣзни уволился отъ управленія епархіею и жилъ на покоѣ въ Раиѳской пустыни. Въ 1752 г. (24 февр.) Высочайше повелѣно: „Преосвященному бывшему нижегородскому епископу Димитрію быть въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ“. По поводу назначенія Димитрія сѵнодальнымъ членомъ, въ Сѵнодѣ возникъ вопросъ о предоставленіи Димитрію вновь епархіи. Предварительно разрѣшенія этого вопроса государыня потребовала отъ Св. Сѵнода точной справки съ церковными канонами: „ежели преосвященный Димитрій бывый епископъ нижегородскій пожелаетъ нынѣ паки имѣть епархію, то не противно ли будетъ св. правиламъ оную ему опредѣлить, о томъ съ точнымъ показаніемъ донесть за подписаніемъ Св. Правительствующаго Сѵнода присутствующими членами неумедля“. Возбужденный вопросъ разрѣшился тѣмъ, что 21 іюля того же года Димитрій, оставаясь сѵнодальнымъ членомъ, былъ назначенъ епископомъ рязанскимъ, а въ 1757 г. (22 октября) архіепископомъ новгородскимъ и занялъ первенствующее положеніе въ Св. Сѵнодѣ, при совмѣстномъ присутствіи и Сильвестра, архіепископа с.-петербургскаго. Пересматривая назначенія сѵнодальныхъ членовъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны легко подмѣтить, что званія сѵнодальныхъ членовъ удостоивались и къ присутствованію въ Св. Сѵнодъ приглашались архіереи, ближайшихъ къ Петербургу и Москвѣ епархій, такъ что въ отношеніи къ замѣстителямъ этихъ каѳедръ званіе сѵнодальнаго члена является какъ бы наслѣдственнымъ,—наоборотъ епископы отдаленныхъ отъ С.-Петербурга и Москвы епархій не пользовались этимъ званіемъ, хотя бы назначавшіяся на каѳедры этихъ епархій лица прежде и были удостоены этого

званія. Въ подтвержденіе этого предположенія укажемъ примѣры. Въ 1743 г. (24 февраля) бывшій сѵнодальный членъ Варлаамъ (Скамницкій) архимандритъ Чудова монастыря по назначеніи его вятскимъ епископомъ не сохранилъ сего званія, и на его мѣсто въ Св. Сѵнодъ назначенъ членомъ архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Кириллъ Флоринскій; равнымъ образомъ въ томъ же 1743 г. (10 сентября) бывшій сѵнодальный членъ Ѳеофилактъ архимандритъ Ипацкаго монастыря, по назначеніи воронежскимъ епископомъ, замѣненъ былъ Симономъ Тодоровскимъ, назначеннымъ въ Ипацкій монастырь настоятелемъ. Въ свою очередь бывшій сѵнодальный членъ Амвросій (Зертисъ-Каменскій) архимандритъ ставропигіальнаго воскресенскаго Новый Іерусалимъ именуемаго монастыря, по назначеніи его вологодскимъ епископомъ, хотя и оставленъ по прежнему архимандритомъ упомянутаго монастыря,—но о сохраненіи имъ званія сѵнодальнаго члена не сказано; это званіе Амвросій вновь получилъ по докладу Св. Сѵнода на каѳедрѣ епископа переяславскаго и дмитровскаго, на каковую каѳедру Амвросій былъ переведенъ въ томъ же 1753 г. (29 октября), не отъѣзжая въ Вологду. Назначавшіяся на каѳедры ближайшихъ къ Петербургу и Москвѣ епархій лица обыкновенно сохраняли званія сѵнодальныхъ членовъ или получали оныя вновь. Арсеній (Могилянскій), епископъ переяславскій и дмитровскій, по назначеніи его настоятелемъ Троице-Сергіевой Лавры на мѣсто умершаго Кирилла Флоринскаго назначенъ на его мѣсто членомъ Св. Сѵнода. Симонъ Тодорскій, архимандритъ ипацкій, по назначеніи въ 1745 г. костромскимъ и галицкимъ епископомъ оставленъ членомъ Св. Сѵнода. Платонъ (Григоровичъ), архимандритъ Воскресенскаго монастыря, по назначеніи его крутицкимъ архіепископомъ въ 1748 г. на мѣсто Платона (Малѣновскаго) призванъ присутствовать въ Св. Синодъ. Платонъ (Петроніевичъ), архимандритъ Рождествена, что во Владимірѣ, монастыря, бывшій съ 1742 г. (10 мая) членомъ Св. Сѵнода, съ назначеніемъ въ епископа владимірскаго, оставленъ по прежнему членомъ Св. Сѵнода. Гавріилъ (Кременецкій), архимандритъ новоспасскій, по назначеніи епископомъ коломенскимъ, оставленъ по прежнему присутствовать въ Св. Сѵнодѣ. Гавріилъ

получилъ званіе сѵнодальнаго члена въ 1743 г. при назначеніи его архимандритомъ новоспасскимъ. Засѣдавшіе въ Сѵнодѣ члены изъ архимандритовъ и архіереевъ не непрерывно въ немъ присутствовали,—напротивъ, по требованію нуждъ монастырскихъ и дѣлъ епархіальныхъ были увольняемы къ мѣстамъ ихъ служенія или на опредѣленное время, или впредь до обратнаго вызова.

Такимъ образомъ въ послѣднее время царствованія Елисаветы Петровны въ составъ Святѣйшаго Синода входили слѣдующія лица: Димитрій (Сѣченовъ) архіепископъ новгородскій, Веніаминъ (Григоровичъ) архіепископъ с.-петербургскій, Гедеонъ (Криновскій) епископъ псковскій, Амвросій (Зертисъ-Каменскій), архіепископъ крутицкій, Палладій епископъ рязанскій, Порфирій (Крайскій) епископъ коломенскій и Лаврентій архимандритъ Свято-Троицкія Лавры изъ придворныхъ іеромонаховъ. Лаврентій и скончался въ званіи архимандрита. Въ поименованномъ составѣ своихъ членовъ Святѣйшій Синодъ закончилъ царствованіе Елисаветы Петровны и встрѣтилъ вступленіе на престолъ Императора Петра III. Кратковременное царствованіе этого Государя (съ 30 декабря 1761 года по 27 іюня 1762 г.) не могло имѣть особаго вліянія на составъ Святѣйшаго Синода и произвести въ немъ крупныя измѣненія. При всемъ томъ надо отмѣтить, что 24 апрѣля 1762 года царскій духовникъ протоіерей Ѳеодоръ Дубянскій объявилъ Святѣйшему Синоду слѣдующій Высочайшій указъ: «преосвященному Аѳанасію (Вольховскому), епископу тверскому, быть синодальнымъ членомъ и присутствовать въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, а синодальному же члену преосвященному Амвросію, архіепископу крутицкому и архимандриту Воскресенскому Новоіерусалимскому, отсюда отъѣхать въ Москву, да обрѣтающихся здѣсь синодальныхъ же членовъ уволить преосвященнаго Порфирія, епископа коломенскаго, въ его епархію на два года, а Святотроицкаго Сергіева монастыря архимандрита Лаврентія въ оную Лавру до указу". Слѣдуетъ замѣтить, что тверскому Аѳанасію еще 13 января 1762 года Высочайше повелѣно было прибыть въ С.-Петербургъ для принесенія государю императору поздравленія; при чемъ находившихся

въ то время въ С.-Петербургѣ преосвященныхъ Іоасафа (Лисянскаго) архангелогородскаго и Іоанникія (Павлуцкаго) воронежскаго повелѣно уволить въ ихъ епархіи по отдаленности послѣднихъ. Такимъ образомъ за послѣдовавшими измѣненіями къ концу царствованія Петра III и при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II (28 іюня 1762 г.) въ составѣ Святѣйшаго Синода находились: Димитрій архіепископъ новгородскій, Веніаминъ архіепископъ с.-петербургскій, Гедеонъ епископъ псковскій, Палладій епископъ рязанскій и Аѳанасій епископъ тверскій.

Между поименованными членами, а также и присутствовавшими въ Москвѣ въ синодальной конторѣ первенствующимъ значеніемъ и старѣйшинствомъ пользовался новгородскій архіепископъ. По поводу предстоявшей и готовившейся коронаціи Екатерины, тогдашній синодальный оберъ-прокуроръ князь Алексѣй Козловскій, 8 августа 1762 года, предложилъ Святѣйшему Синоду Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „при встрѣчѣ и во время имѣемой быть Ея Императорскаго Величества коронаціи между прочими преосвященными первенствовать преосвященному новгородскому, понеже какъ онъ есть первый синодальный членъ, да и потому, что и напредь сего въ такихъ процессіяхъ оной епархіи преосвященные первенствующими находились, а преосвященному Тимоѳею митрополиту московскому, пояснялось далѣе въ указѣ, при будущемъ Ея Императорскаго Величества въ Москву вшествіи, встрѣтить съ крестомъ въ соборѣ“. Но первоначальнымъ распоряженіямъ (13 іюня 1762 года) по поводу коронаціи преосвященному Веніамину архіепископу с.-петербургскому повелѣно было остаться въ С.-Петербургѣ въ синодальной конторѣ; но потомъ 26 іюля того же года, преосвященный Веніаминъ былъ переведенъ въ Казань на мѣсто Гавріила (Кременецкаго), перемѣщеннаго въ С.-Петербургъ, съ назначеніемъ его членомъ Святѣйшаго Синода; при чемъ тому и другому повелѣно было прибыть въ Москву для присутствованія на коронаціи. Синодальная контора въ С.-Петербургѣ была поручена Тихону (Соколову) епископу кексгольскому и ладожскому, викарію новгородской епархіи,

котораго впослѣдствіи смѣнилъ Пахомій (Симанскій) епископъ тамбовскій.

Пребываніе Святѣйшаго Синода въ Москвѣ по поводу коронаціи продолжалось съ сентября 1762 года по іюль 1763 годъ. Въ это время въ составъ его присутствія входили: преосвященный Димитрій, который 8 октября 1762 года получилъ наименованіе митрополита новгородской епархіи, преосвященный Тимоѳей (Щербацкій) митрополитъ московскій, Гавріилъ архіепископъ с.-петербургскій, Гедеонъ епископъ псковскій, умершій впрочемъ въ іюнѣ 1763 г., Амвросій архіепископъ крутицкій, Палладій епископъ рязанскій, Аѳанасій епископъ тверскій, Мисаилъ архимандритъ новоспасскій. Въ этомъ составѣ значатся и синодальные члены, присутствовавшіе въ московской синодальной конторѣ. Къ этимъ членамъ, согласно докладу Святѣйшаго Синода, 17 мая 1763 года были назначены: московской академіи ректоръ, Заиконоспасскаго монастыря архимандритъ Гавріилъ (Петровъ) и вологодской епархіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря архимандритъ Симонъ (Лаговъ), который послѣ смерти вышеупомянутаго Мисаила, 20 октября 1764 года, былъ переведенъ въ Москву въ Новоспасскій монастырь. Отмѣчаемъ эти данныя съ мыслію, чтобы нагляднѣе представить тѣ перемѣны, которымъ подвергался Святѣйшій Синодъ въ продолжительное царствованіе императрицы Екатерины II, которое оставило свой слѣдъ на положеніи Святѣйшаго Синода сравнительно съ предшествующимъ временемъ.

Совершившіяся въ это царствованіе перемѣны наглядно подтверждаютъ мысль, что, по воззрѣніямъ государственной власти, Святѣйшій Синодъ представлялъ коллегію для завѣдыванія духовными дѣлами русскаго государства. Мысль эта отражается во всѣхъ перемѣнахъ, которыя пережилъ Святѣйшій Синодъ въ царствованіе Екатерины. Изъ этихъ перемѣнъ прежде всего заслуживаетъ быть отмѣченнымъ начертаніе штатовъ для Святѣйшаго Синода и московской его конторы. Штатъ этотъ былъ сочиненъ въ Высочайше учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ коммиссіи и Высочайше конфирмованъ 1 октября 1763 года. По этому штату въ составѣ Святѣйшаго Синода, независимо отъ московской его конторы, по-

ложено шесть членовъ; изъ нихъ архіереевъ 3, архимандритовъ 2, протопоповъ 1. Жалованья каждому изъ архіереевъ назначено по 1.500 руб., архимандритамъ каждому 1000 руб. и протопопу 600 руб. При чемъ въ штатѣ объяснено, что первенствующему изъ нихъ архіерею 2000 руб., потому что нынѣ президента въ Синодѣ нѣтъ, а прочимъ двумъ по 1500 р. Означенный штатъ вскорѣ, именно по Высочайше утвержденной 27 февраля 1764 года росписи, былъ измѣненъ въ томъ отношеніи, что было увеличено содержаніе синодальнымъ членамъ, а именно: первенствующему архіерею на 346 р. 71 кон., прочимъ двумъ архіереямъ—каждому на 259 руб. 55½ коп., архимандритамъ каждому 173 руб. 3¾ коп., протопопу на 103 р. 82¾ коп. [1]).

Для приведенія въ дѣйствіе вновь сочиненнаго и утвержденнаго штата и наполненія, согласно сему штату, состава Святѣйшаго Синода, Синодъ обратился къ государынѣ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ писалъ: „нынѣ дѣйствительно, кромѣ отсутствующихъ въ епархіи, въ присутствіи состоятъ въ Синодѣ архіереевъ два и архимандритовъ два, о коихъ и съ отсутствующими въ епархіи Синодъ подноситъ именной реестръ и всѣмъ ли онымъ дѣйствительно въ Синодѣ и конторѣ онаго въ присутствіи быть, или нѣкоторымъ изъ нихъ и какое жалованье получать, о томъ, Синодъ, оставляя въ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе, требуетъ Вашего Императорскаго Величества указа. А изъ протопоповъ къ присутствію въ Синодѣ достойнаго Синодъ, избравъ Вашему Императорскому Величеству представить имѣетъ впредь“. Настоящій докладъ подписали Димитрій митрополитъ новгородскій, Гавріилъ архіепископъ с.-петербургскій, Лаврентій архимандритъ Троицкія Лавры и Симонъ архимандритъ Кириллова монастыря, послѣ новоспасскій, которые и были на лицо въ присутствіи Святѣйшаго Синода. Отсутствующими и находившимися въ епархіяхъ состояли: Аѳанасій епископъ ростовскій, Палладій епископъ

[1]) Для сравненія сего штата съ прежнимъ, составленнымъ въ 1741 г. на бывшей Святѣйшаго Синода съ Правительствующимъ Сенатомъ конференціи, слѣдуетъ замѣтить, что по прежнему штату было положено: архіереевъ три, каждому по 1500 р., архимандритовъ два, каждому по 1000 р. и протопопу одному 600 р.

рязанскій и Порфирій епископъ коломенскій. На приложенномъ къ сему докладу реестрѣ членовъ присутствующихъ и отсутствующихъ государыня собственноручно противъ присутствовавшихъ въ то время въ Синодѣ и подписавшихъ настоящій докладъ написала: „онымъ быть въ присутствіи безперемѣнно“, противъ же показанныхъ отсутствующими архіереевъ начертала: „чрезъ два года смѣняясь, присутствовать по одному“. Въ исполненіе сего повелѣнія Синодъ 3 ноября 1763 года докладывалъ государынѣ, что изъ назначенныхъ членовъ къ прибытію въ С.-Петербургъ приглашается Аѳанасій епископъ ростовскій, который и является дѣйствительно присутствующимъ въ 1764—1765 гг. въ Святѣйшемъ Синодѣ. Въ концѣ 1765 года, именно 19 декабря, синодальный оберъ-прокуроръ князь Козловскій объявилъ Святѣйшему Синоду Высочайшій указъ, коимъ повелѣвалось въ предбудущій годъ присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ Иннокентію епископу псковскому, занявшему псковскую каѳедру послѣ Гедеона Криновскаго. Что касается остававшейся вакантною штатной должности синодальнаго члена изъ лицъ протоіерейскаго сана, то на таковую 17 мая 1764 года Синодъ предположилъ представить протопопа Іоанна Нарвскаго, который былъ переведенъ въ С.-Петербургъ изъ псковской епархіи. Въ основаніе своего представленія Синодъ указывалъ на то, что Нарвскій 9 мая говорилъ проповѣдь въ присутствіи Димитрія митрополита новгородскаго.

Достойно примѣчанія намѣреніе императрицы Екатерины раздѣлить Святѣйшій Синодъ на два: московскій и с.-петербургскій. 3 іюня 1763 года тогдашній синодальный оберъ-прокуроръ, князь Козловскій, всеподданнѣйше докладывалъ государынѣ императрицѣ о имѣющей за отбытіемъ Святѣйшаго Синода остаться въ Москвѣ синодальной конторѣ. По поводу этого доклада государыня дала особое повелѣніе, которое тотъ же оберъ-прокуроръ сообщилъ Святѣйшему Синоду въ слѣдующемъ предложеніи: „Ея Императорское Величество материнскимъ милосердіемъ въ разсужденіи происходящихъ отъ челобитчиковъ просьбъ и затрудненій дабы онымъ въ произведеніи до Санктъ-Петербурга излишнихъ убытковъ и волокиты быть не могло, повелѣваетъ оную въ

Москвѣ Святѣйшаго Синода контору оставить нынѣ надъ ближайшими къ Москвѣ епархіями на точномъ основаніи, какъ остается по Высочайшему Ея Императорскаго Величества благоволенію Правительствующаго Сената контора во всемъ непремѣнно, и буде изъ челобитчиковъ кто похощетъ дѣло свое апеллировать не въ ту контору, но прямо въ Синодъ, то имъ дозволить, а подъ апелляціею Святѣйшаго Синода остаться нижеслѣдующимъ епархіямъ, а именно: с.-петербургской, псковской, тверской, архангелогородской, устюжской и вологодской, и для того оное Высочайшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе, Ея Величество указать соизволила во Всероссійской Имперіи обнародовать".

Настоящее распоряженіе прежде, чѣмъ успѣло воспринять надлежащее дѣйствіе, было отмѣнено Высочайшимъ же указомъ, полученнымъ въ Синодѣ 29 октября 1763 года слѣдующаго содержанія: „Мы отъ 3 іюня сего года повелѣли оставшейся въ Москвѣ синодальной конторѣ имѣть апелляцію надъ ближайшими къ Москвѣ епархіями, не возбраняя притомъ челобитчикамъ апеллировать въ Синодъ, ежели кто пожелаетъ. Нынѣ же оставляемъ мы сіе отправлять одному токмо Синоду, а конторѣ синодальной отъ сего времени точнѣйше повелѣваемъ быть на томъ основаніи, какъ она прежде до состоянія вышеписаннаго нашего указа была" [1]).

По дѣламъ Святѣйшаго Синода не встрѣчается указаній, какія ближайшія причины вызвали приведенныя распоряженія. Остается отнести ихъ происхожденіе къ собственной иниціативѣ государыни императрицы, которая вообще съ рѣдкою рѣшительностію относилась къ вопросамъ церковной сферы.

Начертанный въ началѣ царствованія императрицы Екатерины штатъ Святѣйшаго Синода въ дѣйствительности или не наполнялся до нормы или подвергался измѣненію на практикѣ; при чемъ бывали времена и оскудѣнія состава Синода. Принятый въ руководство при первоначальномъ исполненіи начертаннаго штата принципъ, чтобы одни изъ членовъ перемѣнялись поочередно чрезъ два года, не всегда также вы-

---

[1]) Ср. П. С. З. № 11959.

держивался. На практикѣ встрѣчаемся съ тѣмъ явленіемъ, что извѣстныя лица, вступивъ въ составъ Святѣйшаго Синода, продолжаютъ оставаться въ немъ до конца своей жизни, или до полученія новаго назначенія, дѣлавшаго для нихъ затруднительнымъ дѣйствительное присутствіе въ Святѣйшемъ Синодѣ. Изъ наполнившихъ составъ Святѣйшаго Синода по вновь начертанному штату синодальныхъ членовъ преосвященный Димитрій оставался присутствующимъ въ Синодѣ, продолжая занимать первенствующее въ немъ положеніе, по день своей смерти, послѣдовавшей въ Москвѣ въ декабрѣ (11) 1767 года. Преосвященный Димитрій пользовался особымъ довѣріемъ и расположеніемъ императрицы. Между другими укажемъ тотъ случай, что когда императрица Екатерина готовилась послать въ Лейпцигъ нѣсколькихъ молодыхъ дворянъ для образованія наукамъ, она обратилась къ митрополиту со слѣдующимъ рескриптомъ: „Преосвященный митрополитъ Димитрій! намѣрена я нѣсколькихъ молодыхъ дворянъ послать на моемъ коштѣ для обученія разнымъ наукамъ въ Лейпцигѣ. И хотя за ними во всемъ, что до наукъ и поведенія ихъ касается, добрый присмотръ будетъ; однакожъ потребно, чтобы они и въ православной вѣрѣ наставляемы и къ должностямъ ея побуждаемы были. Есть тамъ правда православная церковь, но служба Божія отправляется въ ней на греческомъ, слѣдовательно, непонятномъ языкѣ; чего ради постарайтесь преосвященный избрать изъ іеромонаховъ человѣка разумнаго, ученаго, добронравнаго и хорошаго житія, который бы симъ молодымъ людямъ и духовникомъ быть и православному закону нашему ихъ обучать могъ (далѣе слѣдуетъ приписка рукой самой государыни), впрочемъ поручаю себя въ молитвы ваши, пребываю всегда вамъ доброжелательная Екатерина. 29-го генваря 1766 года“.

Смерть преосвященнаго митрополита Димитрія унесла старѣйшаго іерарха и первенствующаго члена Святѣйшаго Синода [1]). Государыня почему то медлила назначеніемъ покойному митрополиту преемника и замѣщеніемъ новгородской

[1]) Распоряженія по перевезенію тѣла покойнаго для погребенія въ Новгородъ и объ имуществѣ покойнаго были возложены императрицею на Иннокентія псковскаго.

каѳедры. Послѣ Димитрія старѣйшимъ въ Синодѣ оставался Гавріилъ (Кременецкій) архіепископъ с.-петербургскій, который не былъ въ эту сессію въ Москвѣ, а оставался въ С.-Петербургѣ согласно указу государыни, который былъ объявленъ Святѣйшему Синоду 15-го сентября 1766 году въ слѣдующей редакціи: „По Высочайшемъ отсутствіи изъ С.-Петербурга въ Москву, куда и Святѣйшему Правительствующему Синоду слѣдуетъ отправиться, синодальнымъ членамъ преосвященному Димитрію митрополиту великоновгородскому ѣхать въ Москву и присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ, Гавріилу архіепископу с.-петербургскому остаться въ С.-Петербургѣ и присутствовать въ синодальной конторѣ; въ Москвѣ же въ Святѣйшемъ Синодѣ присутствіе имѣть синодальному члену преосвященному Тимоѳею митрополиту московскому, а третьему архіерею изъ синодальныхъ членовъ—чередному или другому кому изъ преосвященныхъ архіереевъ быть, о томъ оставлено на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода, и ежели разсудится кому имянно, о томъ бы представить Ея Величеству отъ Синода докладомъ“. Митрополитъ Тимоѳей не вступалъ въ присутствіе Синода, ибо за болѣзнію 4 января 1767 года, по докладу Синода, былъ уволенъ отъ присутствія въ московской синодальной конторѣ. Мѣсто Тимоѳея какъ въ московской синодальной конторѣ, такъ и въ Святѣйшемъ Синодѣ, занялъ Амвросій (Зертисъ-Каменскій) архіепископъ крутицкій, который послѣ смерти, 18 апрѣля 1767 года, Тимоѳея занялъ и каѳедру московскую. Изъ другихъ первоначально, 21 декабря 1766 г., повелѣно присутствовать въ Москвѣ въ Святѣйшемъ Синодѣ синодальному члену Палладію рязанскому. Впослѣдствіи, а именно указомъ, отъ 22 генваря 1767 года повелѣно—какъ преосвященному псковскому, такъ и преосвященному Гавріилу (Петрову) епископу тверскому—ѣхать въ Москву съ тѣмъ, чтобы преосвященному псковскому напередъ заѣхать на время въ свою епархію. Изъ означенныхъ членовъ возвратился въ С.-Петербургъ въ Синодъ только Иннокентій псковскій, ибо указомъ отъ 16 января 1768 года государыня организовала присутствіе Синода слѣдующимъ образомъ. Она повелѣла: „къ присутствующимъ нынѣ въ Синодѣ членамъ Гавріилу архіепископу с.-петербургскому и

Симону архимандриту новоспасскому, которому токмо одинъ нынѣшній годъ присутствовать опредѣляется, повелѣваемъ членами же въ Синодѣ присутствовать Иннокентію (Нечаеву) епископу псковскому и Троицкой Сергіевой Лавры архимандриту Платону (Левшину) да гвардіи нашей протопопу Андрею (Михайлову)“. Гавріилъ занималъ первенствующее въ этомъ составѣ Святѣйшаго Синода положеніе до того времени, пока 22 сентября 1770 года не былъ перемѣщенъ въ Кіевъ митрополитомъ. При этомъ преосвященному Гавріилу повелѣно именоваться синодальнымъ членомъ. Новоспасскій архимандритъ Симонъ, по особому повелѣнію, оставленъ въ Синодѣ и на будущій 1769 годъ, въ концѣ котораго, именно по указу 23-го декабря, онъ назначенъ епископомъ костромскимъ. Троицкій архимандритъ Платонъ въ 1770 г. (22 сентября) былъ назначенъ архіепископомъ въ Тверь съ оставленіемъ по прежнему въ званіи архимандрита Троицкія Лавры и присутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ члена. Освободившееся за назначеніемъ новоспасскаго архимандрита Симона мѣсто синодальнаго члена занялъ Гавріилъ (Петровъ) епископъ тверскій, который въ слѣдующемъ 1770 г., послѣ Гавріила (Кременецкаго), назначенъ былъ архіепископомъ с.-петербургскимъ. Не лишне замѣтить, что этотъ Гавріилъ (Петровъ) уже прежде, послѣ смерти преосвященнаго Димитрія Сѣченова, былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ комиссіи по составленію новаго Уложенія и значится въ числѣ членовъ учрежденной комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ.

Перемѣны въ описанномъ составѣ Святѣйшаго Синода начались съ того, что 21 іюля 1774 года указомъ Екатерины къ присутствованію въ Синодѣ былъ назначенъ духовникъ государыни благовѣщенскій протопопъ Іоаннъ (Памфиловъ). Сему лицу по штату Синода не было оклада. Поэтому государыня 30-го сентября 1774 года повелѣла: „назначенному въ синодальные члены духовнику протопопу Іоанну производить жалованье по тысячѣ рублей въ годъ изъ доходовъ коллегіи экономіи“. 1 января 1775 года Гавріилъ, архіепископъ с.-петербургскій, назначенъ совокупно архіепископомъ и въ новгородскую епархію, съ наименованіемъ его „архіепископомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ“. 21 того же

января, Платонъ архіепископъ тверскій былъ переведенъ въ московскую епархію съ оставленіемъ его архимандритомъ Троицкія Сергіевы Лавры и присутствовалъ въ Синодѣ. Всѣ эти перемѣны совершились въ то время, когда Святѣйшій Синодъ находился въ Москвѣ. Поэтому 20 декабря 1775 г. мы встрѣчаемся съ такимъ собственноручно написаннымъ указомъ императрицы Екатерины: „при настоящемъ отбытіи нашемъ въ С.-Петербургъ всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовать въ Синодѣ архіепископамъ: новгородскому Гавріилу, московскому Платону и Иннокентію псковскому да протопопамъ духовнику и Преображенскому... позволяя между тѣмъ архіепископу московскому пробыть въ Москвѣ до великаго поста и во время сего пребыванія засѣдать ему въ здѣшней конторѣ“. Архіепископъ Платонъ, можно сказать, регулярно отъѣзжалъ въ Москву для исправленія дѣлъ епархіальныхъ. Такъ въ 1776 году (18 ноября) Платонъ, по поводу командированія его присутствовать при открытіи намѣстничества въ Калугѣ, указывая на необходимость ему для личнаго ознакомленія съ дѣлами побывать въ епархіи, просилъ государыню уволить его на годъ отъ присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ съ сохраненіемъ содержанія и съ правомъ засѣдать въ московской синодальной конторѣ. Екатерина разрѣшила ему это. Въ 1778 году въ октябрѣ Платонъ вновь обращался съ подобнымъ ходатайствомъ къ Екатеринѣ. Приведемъ самое его письмо, писанное по этому поводу государынѣ. Оно характеризуетъ и положеніе тогдашнихъ дѣлъ и заботу архіепископа объ его паствѣ. Архіепископъ писалъ: „Всеавгустѣйшая Монархиня! Всемилостивѣйшая Государыня! имѣя порученную мнѣ отъ Вашего Императорскаго Величества въ правленіе московскую епархію, ничемъ столь не озабочиваю себя, какъ чтобъ въ соотвѣтствіе богоугоднымъ Вашего Императорскаго Величества намѣреніямъ и учрежденіямъ быть исправнымъ порученныя должности исполнителемъ и право правити слово истины. Нынѣ въ отсутствіи отъ моея епархіи находясь, хотя по присылаемымъ дѣламъ надлежащее и чинію разсмотрѣніе, но по заочности во всякое дѣло, особливо же во избраніе достойныхъ во священники съ подобающимъ обстоятельствомъ взойти не могу: паче

же того градъ Москва, по многообразному дѣлъ стеченію, не рѣдко находитъ нужду въ словесномъ и персональномъ моемъ разбирательствѣ и наставленіи. Того ради Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу Высочайше повелѣть уволить меня въ мою епархію и притомъ всемилостивѣйше дозволить присутствовать мнѣ въ синодальной конторѣ съ нынѣ получаемымъ синодальнымъ жалованьемъ, такъ какъ и въ 1776 году при отъѣздѣ моемъ отсюда въ Москву, таковымъ же монаршимъ благоволеніемъ меня нижайшаго пожаловать изволили"... За увольненіемъ архіепископа Платона въ Москву, Святѣйшій Синодъ остался въ составѣ четырехъ членовъ: Гавріила архіепископа новгородскаго, Иннокентія архіепископа псковскаго, духовника государыни благовѣщенскаго протопопа Іоанна и Андрея, протопопа гвардіи преображенскаго. Къ описанному составу Синода въ 1780 г. (11 марта) былъ назначенъ состоящій на петергофской дорогѣ, Троицкой Сергіевой пустыни архимандритъ Іоасафъ (Заболотскій). Вскорѣ, именно въ 1781 году, умеръ Андрей (Михайловъ), протопопъ гвардіи преображенскій. На его мѣсто къ Преображенскому собору 9-го іюля 1781 года указано было Святѣйшему Синоду назначить находившагося въ Парижѣ священника Симеона Коронацкаго, который однако вступилъ въ присутствіе Святѣйшаго Синода лишь съ 8-го января 1783 года, когда ему всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ Синодѣ „на томъ же основаніи, какъ онаго Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка бывшій протоіерей Андрей Михайловъ присутствовалъ". До назначенія Коронацкаго, по смерти Михайлова, Синодъ съ 25 апрѣля 1782 года оставался при трехъ членахъ: двухъ архіепископахъ—Гавріилѣ новгородскомъ, Иннокентіи псковскомъ и духовникѣ государыни протопопѣ благовѣщенскомъ Іоаннѣ, — ибо означеннаго числа архимандритъ сергіевскій Іоасафъ былъ назначенъ епископомъ въ Нижній Новгородъ „съ оставленіемъ при немъ званія члена Синода". Изъ нихъ 22 сентября 1783 года первенствующій членъ Синода, архіепископъ Гавріилъ, былъ переименованъ митрополитомъ. Того же числа ростовскій епископъ Самуилъ, присутствовавшій въ московской синодальной конторѣ, назначенъ митрополитомъ кіевскимъ „съ

оставленіемъ ему именованія синодальнаго члена“, а Іоасафъ нижегородскій переведенъ въ Тверь съ тѣмъ же званіемъ. Означенныя перемѣны не произвели измѣненія въ составѣ наличныхъ членовъ Святѣйшаго Синода, остававшихся въ томъ же числѣ до 1788 года, когда повелѣно было присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ переведенному изъ Воронежа въ Тверь епископу Тихону (Малинину) съ жалованьемъ, какое по своему засѣданію въ Синодѣ получалъ архіепископъ псковскій. Вмѣстѣ съ Тихономъ и въ указѣ объ его назначеніи на тверскую каѳедру, назначенъ присутствовать въ Синодѣ Иринеи (Клементьевскій), архимандритъ ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря. 21 мая того же года призванъ къ присутствованію въ Синодѣ опредѣленный 15-го апрѣля протоіереемъ къ собору Преображенскому протоіерей Лукіанъ Протопоповъ на таковомъ же основаніи, какъ присутствовалъ (умершій) предмѣстникъ его Симеонъ Коронацкій. Въ новомъ своемъ составѣ Синодъ продолжалъ свою дѣятельность до 1792 года, когда 18 мая сего года повелѣно было епископу тверскому Тихону „быть архіепископомъ астраханскимъ съ сохраненіемъ и именованія члена Святѣйшаго Синода, а Иринею, тогда уже архимандриту новгородскаго Юрьева монастыря, указано быть епископомъ тверскимъ, съ составленіемъ его по прежнему у присутствія Святѣйшаго Синода“.

Архимандритомъ Иринеемъ начался прерванный до того рядъ присутствія въ Святѣйшемъ Синодѣ архимандритовъ. Ходатайствуя объ его назначеніи, Синодъ, между прочимъ, докладывалъ государынѣ. „По Высочайше конфирмованному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ 1763 году октября 1 дня штату положено быть въ Синодѣ членами двумъ архимандритамъ, съ жалованьемъ по оному жъ штату и по Высочайше утвержденному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ 764 году октября 27 дня, подносимому отъ коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ росписанію, каждому по тысячѣ по сту по семидесяти по три рубля съ копѣйками въ годъ; но нынѣ оба сіи мѣста состоятъ праздны; хотя же по особеннымъ имяннымъ Вашего Императорскаго Величества 774 года іюня 21 и сентября 30 числъ Высочайшимъ указамъ, всемилостивѣйше пожалованъ въ члены Синода Вашего Императорскаго Величества духов-

никъ Благовѣщенскаго собора протоіерей Іоаннъ съ жалованьемъ по тысячѣ рублей въ годъ, однако за включеніемъ и сего жалованья въ число положенной по штату на всѣхъ синодальныхъ членовъ суммы остается еще ежегодно не въ производствѣ отъ одного архимандрита сто семьдесятъ три руб. три копѣйки, три четверти, а отъ другого полный окладъ тысяча сто семьдесятъ три рубля три копѣйки три четверти, отъ обоихъ же тысяча триста сорокъ шесть руб. семь копѣекъ съ половиною. Въ сходствіе сего штатнаго положенія Синодъ пріемлетъ смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству: не угодно ли будетъ всемилостивѣйше повелѣть на одну изъ помянутыхъ вакансій опредѣлить въ члены Синода изъ архимандритовъ, имѣющихъ способность и къ сказыванію проповѣдей, къ чему по усмотрѣнію Синода оказываются достойными бывшіе здѣсь въ 1786 и 1787 годахъ по силѣ имянныхъ Вашего Императорскаго Величества 1769 г. августа 9 и 26 чиселъ указовъ на чредѣ священнослуженія и для сказыванія проповѣдей архимандриты монастырей: Ставропигіальнаго Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго Аполлосъ (Байбаковъ) и ростовской епархіи Борисоглѣбскаго Ириней". По назначеніи Иринея епископомъ въ Тверь, Синодъ, вновь указывая на штатъ Святѣйшаго Синода и въ соотвѣтствіе сему штату, ходатайствовалъ и послѣ повторялъ свои ходатайства о назначеніи въ Синодъ членами изъ архимандритовъ ставропигіальныхъ монастырей: Новоспасскаго Павла (Пономарева) и Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго Платона (Любарскаго). Утвержденъ былъ Павелъ (Пономаревъ) и пробылъ въ Синодѣ до назначенія его 12 февраля 1794 года епископомъ нижегородскимъ. На мѣсто его по докладу Синода 22 февраля 1794 года назначенъ былъ Меѳодій (Смирновъ) изъ архимандритовъ новоспасскихъ и присутствовалъ до 12 мая 1795 года, когда былъ назначенъ епископомъ воронежскимъ. Затѣмъ съ 20 мая 1795 г. слѣдовалъ Амвросій (Орлинъ) изъ новоспасскихъ же архимандритовъ, который 13 мая 1796 г. былъ назначенъ епископомъ вятскимъ. На мѣсто Амвросія Синодъ представлялъ новоспасскаго архимандрита Анастасія (Братановскаго). Докладъ этотъ былъ по-

данъ императрицѣ Екатеринѣ, но разрѣшенъ былъ 12 ноября 1796 года императоромъ Павломъ.

Кромѣ смѣны поименованныхъ архимандритовъ въ составѣ Святѣйшаго Синода послѣдовали другія перемѣны. 11 февраля 1795 года государыня, назначивъ священника Савву Исаева московскаго Благовѣщенскаго собора протоіереемъ, повелѣла ему быть своимъ духовникомъ и присутствовать въ Св. Синодѣ. 31 октября 1795 года всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ Синодѣ Амвросію (Подобѣдову) архіепископу казанскому. Амвросій вступилъ въ присутствіе Святѣйшаго Синода въ то время, когда въ немъ находилось на лицо три штатныхъ члена изъ архіереевъ: Гавріилъ митрополитъ новгородскій, Иннокентій архіепископъ псковскій и Ириней епископъ тверскій. Вслѣдствіе сего назначеніе Амвросія въ Синодъ вызвало особое высочайшее повелѣніе о содержаніи сему архіерею. А именно 24 октября 1796 г. государыня императрица повелѣла: „присутствующему въ Синодѣ архіепископу казанскому и свіяжскому Амвросію всемилостивѣйше повелѣваемъ, сверхъ окладовъ имъ получаемыхъ, производить по двѣ тысячи рублей на годъ изъ суммъ остающихся вообще отъ расходовъ по Синоду, доколѣ помянутый архіепископъ здѣсь пребываніе имѣть будетъ“.

Между синодальными членами, подобно Димитрію Сѣченову, и митрополитъ Гавріилъ пользовался особымъ положеніемъ. Приведемъ два рескрипта, разъясняющіе въ нѣкоторой степени отношеніе государыни къ нему и Иннокентію псковскому и вообще то, какъ государыня довѣрительно относилась къ современнымъ ей іерархамъ. Въ первомъ рескриптѣ она писала: „Преосвященный митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій! предположенія мои о заведеніи школъ по всей Имперіи до таковаго успѣха достигли, что коллегія объ установленіи народныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ нынѣшняго года намѣрена открыть главныя народныя училища въ двадцати пяти губерніяхъ. Но какъ нужно съ ними же вмѣстѣ ввести и ученіе нижнихъ классовъ,—то для сего необходимо имѣть сорокъ человѣкъ изъ духовныхъ семинарій, кои чрезъ три мѣсяца въ здѣшнемъ главномъ народномъ училищѣ могли бы навыкнуть способу для преподаванія ученія присвоенному.

Я знаю ваше усердіе къ службѣ мнѣ и ревность къ добру общему, а потому удостовѣрена, что ваше преосвященство примете трудъ поспѣшить доставленіемъ таковыхъ студентовъ изъ семинаріи епархій—вашей, псковской и другихъ самыхъ ближайшихъ, и что выборъ сихъ людей сдѣланъ будетъ со всѣмъ нужнымъ уваженіемъ на пользу дѣла. Ваше преосвященство согласитеся съ преосвященнымъ архіепископомъ псковскимъ, коего усердіе и добрая воля мнѣ извѣстны, и распорядите по лучшему вашему усмотрѣнію объ исполненіи. Пребываю вамъ доброжелательная Екатерина, 5 марта 1785 года". Во второмъ рескриптѣ государыня еще болѣе сложную задачу возлагала на митрополита. Она писала: „Преосвященный митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Гавріилъ! Какъ для снабженія остальныхъ шестнадцати губерній потребнымъ числомъ учителей къ открытію въ нихъ народныхъ училищъ и сверхъ того для посылки въ Англію ради обученія разнымъ полезнымъ знаніямъ потребно сто человѣкъ,—то и желаемъ, чтобы ваше преосвященство снеслися съ преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ и съ прочими архіереями о присылкѣ въ коммиссію народныхъ училищъ изъ кіевской духовной академіи тридцати, изъ черниговской и переяславской семинарій по пятнадцати, да изъ прочихъ ближнихъ епархій — сорока человѣкъ. Выбираемые къ сему люди должны уже имѣть довольныя основанія въ наукахъ, какія въ оныхъ духовныхъ училищахъ преподаются, и природными своими способностями обѣщать впредь вящшіе успѣхи въ тѣхъ занятіяхъ, коимъ они для главныхъ народныхъ училищъ будутъ обучаемы. При томъ поведеніе и нравы ихъ долженствуютъ соотвѣтствовать не отмѣнно качествамъ и способностямъ ихъ разума. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонна Екатерина. 30 октября 1786 г."

Императрица вообще старалась отличать выдававшихся своими заслугами іерарховъ. Съ этого времени начинаетъ входить въ практику награжденіе заслугъ іерарховъ почетнымъ титломъ члена Святѣйшаго Синода. Насколько намъ пришлось замѣтить первымъ изъ іерарховъ, удостоеннымъ этого титла, былъ Георгій Конисскій, епископъ могилевскій. Въ томъ самомъ указѣ, 22 сентября 1783 года, въ коемъ

Гавріилъ новгородскій переименованъ былъ митрополитомъ, Георгій Конисскій, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа, почтенъ наименованіемъ синодальнаго члена. Тѣмъ же титломъ 5 февраля 1790 года былъ пожалованъ Амвросій (Серебренниковъ) архіепископъ екатеринославскій, какъ выражено въ рескриптѣ „въ разсужденіи отличныхъ трудовъ и усердія въ прохожденіи должности“. Амвросій находился при арміи, дѣйствовавшей противъ Турціи, ему препоручалось и завѣдываніе паствою митрополіи молдо-влахійской. Званія члена Святѣйшаго Синода удостоился католикосъ грузинскій. Въ договорѣ съ карталинскимъ и кахетинскимъ царемъ Ираклiемъ, 29 сентября 1783 года, въ п. 8 изображено: „Въ доказательство особливаго монаршаго благоволенія къ его свѣтлости царю и народамъ его и для вящшаго соединенія съ Россіею сихъ единовѣрныхъ народовъ, Ея Императорское Величество соизволяетъ, чтобы католикосъ, или начальствующій архіепископъ ихъ состоялъ мѣстомъ въ числѣ россійскихъ архіереевъ въ осьмой степени и мѣстѣ послѣ тобольскаго, всемилостивѣйше жалуетъ навсегда ему титулъ Святѣйшаго Синода члена, о управленіи же грузинскія церкви и отношеніи, какое долженствуетъ быть къ Синоду россійскому, и о томъ составится особый артикулъ“. Кіевскіе митрополиты, хотя и не присутствовали въ Святѣйшемъ Синодѣ, именовались членами Святѣйшаго Синода, и буде не имѣли сего титла до назначенія, получали оное при возведеніи на каѳедру кіевской митрополіи.

Екатерина вообще внимательно относилась къ членамъ Синода и старалась отличить ихъ. Такъ синодальнымъ членамъ архіепископу казанскому Амвросію и псковскому Иннокентію она пожаловала кресты для ношенія на черномъ клобукѣ, каковою впрочемъ наградою вмѣстѣ съ ними отличила и тобольскаго архіепископа Варлаама (Петрова) роднаго брата митрополита Гавріила. Синодальный членъ Веніаминъ, архіепископъ казанскій, почтенъ титломъ митрополита слѣдующимъ собственноручнымъ указомъ императрицы отъ 23 января 1775 года. „Дознавъ твердо невинность преосвященнаго Веніамина архіепископа казанскаго по дѣламъ о мятежѣ тамошняго края, гдѣ онъ нагло обнесенъ былъ без-

дѣльникомъ Аристовымъ, въ награжденіе его добродѣтели, удовлетворяя тѣмъ самое правосудіе, всемилостивѣйше повелѣли ему быть отнынѣ митрополитомъ казанскимъ и носить по обычаю бѣлый клобукъ". Въ царствованіе Екатерины возъимѣло силу правило, чтобы лицо, однажды удостоенное званія синодальнаго члена; сохраняло оное навсегда. „Преосвященнаго Иннокентія, епископа псковскаго, говорилось въ указѣ 1 апрѣля 1767 года, по бытности его преосвященства въ присутствіи Святѣйшаго Синода, именовать и писать синодальнымъ членомъ, да и впредь кои отъ Ея Императорскаго Величества опредѣлены будутъ къ присутствованію въ Святѣйшемъ Синодѣ, тѣхъ, съ того времени именовать и писать синодальными же членами". Правило это въ точности соблюдалось, распространяя силу даже на тѣхъ, кои временно засѣдали въ синодальной конторѣ. Примѣромъ сему служитъ Парѳеній (Сопковскій), епископъ смоленскій, который присутствовалъ въ с.-петербургской синодальной конторѣ въ 1774—1775 г.г. по случаю отбытія Святѣйшаго Синода въ Москву и которому при отправленіи его на епархію указомъ 9 января 1776 года оставленъ навсегда титулъ члена Святѣйшаго Синода.

Въ царствованіе Екатерины Святѣйшему Синоду предоставлялось, наравнѣ съ Правительствующимъ Сенатомъ, пользоватъся вакаціоннымъ временемъ. 21 іюля 1766 года синодальный оберъ-прокуроръ Мелиссино предлагалъ Святѣйшему Синоду о высочайшемъ, послѣдовавшемъ по его докладу, соизволеніи, чтобы „Святѣйшему Синоду для нынѣшняго лѣтняго времени имѣть вакаціи на мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы синодальнымъ членамъ для текущихъ дѣлъ присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ по двѣ персоны съ перемѣною чрезъ двѣ недѣли... и впредь навсегда, когда Правительствующему Сенату повелѣно будетъ имѣть вакаціи, то бы и Святѣйшій Синодъ таковою же свободою пользовался". Подобныя высочайшія соизволенія повторялись и въ послѣдующіе годы. Для нагляднаго ознакомленія съ тѣмъ, какъ Синодъ пользовался этимъ вакаціоннымъ временемъ и какъ онъ исполнялъ разрѣшавшія ему свободу отъ занятій высочайшія повелѣнія, приведемъ послѣднее по сему предмету опредѣ-

леніе Святѣйшаго Синода изъ времени царствованія императрицы Екатерины. 14 іюля 1796 года тайный совѣтникъ синодальный оберъ-прокуроръ императорской академіи художествъ президентъ и кавалеръ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ словесно объявилъ, что Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣваетъ членамъ Синода сего іюля съ 15 слѣдующаго августа по 15 число воспользоваться свободою отъ присутствія въ Синодѣ, сообразно тому, какъ Генеральнаго Регламента 9-ю главою узаконено. Вслѣдствіе сего, когда разсуждаемо было, кому изъ синодальныхъ членовъ въ продолженіе того вакаціоннаго времени, на основаніи означенной Генеральнаго Регламента главы, имѣть въ Святѣйшемъ Синодѣ присутствіе, то изъ нихъ преосвященные Иннокентій архіепископъ псковскій, Ириней епископъ тверскій и Лукіанъ, протоіерей гвардіи преображенскій, объяснили, что они, перемѣняяся между собою, присутствіе въ Святѣйшемъ Синодѣ въ сіе вакаціонное время пріемлютъ на себя; однако и преосвященный Амвросій архіепископъ казанскій объяснился, что если въ сіе время случится какое дѣло не маловажное, времени не терпящее, то и онъ, по полученіи о семъ увѣдомленія, имѣетъ быть въ присутствіе. Приказали: о семъ записать въ журналъ и въ теченіе оной всемилостивѣйше пожалованной Святѣйшему Синоду вакаціи, присутствіе имѣть въ Святѣйшемъ Синодѣ помянутымъ синодальнымъ членамъ: преосвященнымъ Иннокентію, архіепископу псковскому, Иринею, епископу тверскому и Лукіану, протоіерею гвардіи преображенскому по вышепрописанному положенію, и сему присутствію быть по однажды въ каждой недѣлѣ; что же слѣдуетъ до дѣлъ, то изъ оныхъ докладывать сему присутствію только такія, кои хотя и маловажны, однако времени не терпятъ, такъ же и присылаемые въ извѣстіе. Есть ли же случится какое дѣло важное, и притомъ требующее полнаго собранія Святѣйшаго Синода, въ такомъ случаѣ по учиненіи повѣстокъ собираться всѣмъ синодальнымъ членамъ“. Независимо отъ вакаціоннаго времени синодальные члены пользовались съ высочайшаго соизволенія отпусками: архіереи—для обозрѣнія епархій и личнаго исправленія епархіальныхъ дѣлъ, а архимандриты—для устройства дѣлъ монастырскихъ. Подобные отпуски ино-

тда соображались съ поѣздками Святѣйшаго Синода въ Москву, и не лишали увольняемыхъ получаемаго ими содержанія по синодальной должности. Митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій обыкновенно пользовался отпусками въ Новгородъ въ лѣтнее и на довольно продолжительное время (съ мая по августъ). Въ 1796 году митрополитъ Гавріилъ, воспользовавшись отпускомъ съ 19 мая по 30 е августа, увѣдомлялъ затѣмъ Синодъ, что ему разрѣшено и осень провести въ Новгородѣ. Въ отсутствіе Гавріила между прочимъ, въ Святѣйшемъ Синодѣ разсматривался по высочайшему повелѣнію вопросъ о бракѣ дѣвицы, состоящей въ другой религіи, съ особами изъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества дому. Для обсужденія сего вопроса по высочайшему повелѣнію приглашался въ Синодъ архіепископъ бывшій словенскій Евгеній (Булгарисъ).

Императрица Екатерина, пользуясь услугами синодальныхъ членовъ, возлагала на нихъ особыя порученія. Такъ Иринею, епископу тверскому, императрица поручала принимать пастырское участіе въ открытіи губерніи курляндской генералъ-поручикомъ барономъ фонъ-деръ-Паленомъ и губерніи виленской и слонимской генераломъ княземъ Рѣпнинымъ, и для сего указывала Иринею отправиться въ первомъ случаѣ въ Митаву, въ послѣднемъ—въ Вильну. Относительно миссіи епископа Иринея въ томъ и другомъ случаѣ государыня въ рескриптахъ выражалась: „Я желаю, чтобы ваше преосвященство ко времени, когда имѣетъ быть означенное открытіе совершено, отправились туда и принесеніемъ тамъ въ православной церкви нашей Всевышнему молитвы благословили пастырски дѣло сіе Богу угодное и для людей его толико полезное“. Подобныя высочайшія порученія возглагались на митрополита московскаго Платона въ 1776 году по случаю открытія калужскаго намѣстничества и на синдальнаго члена ростовскаго архіепископа Самуила, присутствовавшаго въ московской синодальной конторѣ, по случаю открытія ярославскаго намѣстничества. Послѣдній говорилъ при этомъ случаѣ слово, обратившее вниманіе императрицы, которая повелѣла оное слово напечатать „съ наивѣрнѣйшею

корректурою“ и поднести Ея Величеству „нѣсколько экземпляровъ“.

Послѣдними высочайшими распоряженіями императрицы Екатерины по вѣдомству Синода, помѣченными 24 октября 1796 года, были именные указы Святѣйшему Синоду—первый о пожалованіи синодальнаго члена Иринея епископа тверскаго и кашинскаго архіепископомъ, второй — о назначеніи, какъ уже упомянуто, содержанія недавно предъ тѣмъ вызванному для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ Амвросію, архіепископу казанскому и свіяжскому. Указывая на послѣднія высочайшія повелѣнія императрицы, отмѣтимъ, что одною изъ первыхъ своихъ резолюцій, именно 17 мая 1763 г., по докладу Святѣйшаго Синода о замѣщеніи нѣкоторыхъ архіерейскихъ вакансій посредствомъ перемѣщенія епископовъ изъ однихъ епархій въ другія, Екатерина собственноручно изволила начертать: „изъяснить мнѣ—изъ одной въ другую епархію архіереевъ переводить не будетъ (ли) не согласовать (ся) узаконеніямъ, а на порожнія въ епархіи архіерейскія мѣста представлять на каждое по три кандидата изъ архимандритовъ не только въ знаніи Св. Писанія искусныхъ, но и поведенію такой великой должности искуснѣйшихъ, изъ которыхъ же и въ синодальные члены способнѣйшихъ назначать“. Выраженный въ этой резолюціи принципъ на практикѣ колебался въ томъ и другомъ отношеніи какъ въ виду раздѣленія епархій на классы по высочайше утвержденнымъ для нихъ штатамъ, такъ и вслѣдствіе того обстоятельства, что членовъ изъ архимандритовъ какъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, такъ и въ московской его конторѣ иногда не было по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ. Примѣры изъ синодской практики извѣстны. Относительно же московской синодальной конторы укажемъ слѣдующее обстоятельство. 1 марта 1792 года Святѣйшій Синодъ докладывалъ государынѣ: „По конфирмованному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ 1763 г. штату положено: въ московской синодальной конторѣ присутствовать архіерею одному, архимандриту одному и протопопу одному же. Нынѣ присутствуютъ въ ней синодальные члены митрополитъ московскій Платонъ, да московскаго же Успенскаго собора протопопъ Александръ, а второе членское мѣсто

по выбытіи въ 1782 году послѣдняго присутствовавшаго архимандрита [1]) состоитъ и по нынѣ праздно". Кандидатами на эту вакансію Синодъ представлялъ архимандритовъ Новоспасскаго Павла (Пономарева) и Воскресенскаго Новый Іерусалимъ именуемаго Платона (Любарскаго). Императрица утвердила послѣдняго, а первый, какъ видѣли выше въ томъ же 1792 году октября 11, по докладу Святѣйшаго Синода, былъ назначенъ членомъ въ Синодѣ. Оба эти архимандрита въ одномъ указѣ государыни отъ 6 февраля 1794 года были назначены епископами — Павелъ (Пономаревъ) въ Нижній-Новгородъ, Платонъ (Любарскій) въ Тамбовъ, но вслѣдствіе отказа тогдашняго тамбовскаго епископа Θеофила (Раева) отправиться на астраханскую каѳедру, 11 марта 1794 года перемѣщенъ въ Астрахань.

Послѣдній докладъ, съ которымъ Св. Синодъ 24 октября 1796 года обращался къ государынѣ императрицѣ, былъ подписанъ Гавріиломъ митрополитомъ новгородскимъ, Амвросіемъ архіепископомъ казанскимъ, Иннокентіемъ архіепископомъ псковскимъ, Иринеемъ епископомъ тверскимъ, духовникомъ Саввою Исаевымъ и Лукіаномъ протоіереемъ преображенскимъ. Въ этомъ докладѣ, какъ сказано, Синодъ ходатайствовалъ о назначеніи членомъ новоспасскаго архимандрита Анастасія (Братановскаго) на мѣсто Амвросія (Орлина), назначеннаго епископомъ въ Вятку. Докладъ этотъ былъ разрѣшенъ императоромъ Павломъ резолюціею 12 ноября 1796 г. „быть по сему". Вслѣдъ за симъ 16 ноября государь далъ Синоду указъ: „Духовнику нашему придворной церкви протоіерею Исидору Петрову повелѣваемъ присутствовать въ нашемъ Синодѣ". Назначая въ Синодъ Петрова, государь озаботился опредѣлить ему и содержаніе, — а потому указомъ придворной конторѣ повелѣлъ: „назначенному производить жалованье и прочее довольствіе противу получаемаго по нынѣ духовникомъ Саввою Исаевымъ, а равно ему и оному Исаеву производить тоже все его жалованье и прочее довольствіе,

---

[1]) Это былъ Дамаскинъ Семеновъ Рудневъ, архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря и академіи ректоръ; онъ былъ назначенъ членомъ конторы 10 апрѣля 1779 г., а 5 іюля 1782 г. епископомъ сѣвскимъ, викаріемъ московской епархіи.

что получалъ.“ При докладѣ сихъ высочайшихъ указовъ Синоду, присутствовавшій въ ономъ протоіерей Савва Исаевъ объяснилъ Синоду „о слабости своего здоровья, не позволяющей ему продолжать болѣе служенія; поэтому просилъ исходатайствовать ему отъ должности увольненіе“. Синодъ, докладывая о семъ государю, просилъ уволить Исаева „отъ всѣхъ его должностей съ произвожденіемъ по смерть его тѣхъ же самыхъ окладовъ, какіе онъ получалъ.“ На семъ докладѣ 18 ноября послѣдовала высочайшая резолюція „быть по сему“. Духовникъ Исидоръ Петровъ назначенъ„ купно и протоіереемъ московскаго Благовѣщенскаго собора“. Во время этихъ перемѣнъ Иринея тверскаго не было въ Синодѣ и въ С.-Петербургѣ. По указу Екатерины, отъ 10 августа 1796 года онъ, какъ сказано выше, былъ командированъ къ князю Рѣпнину по случаю открытія Виленской и Слонимской губерніи. По поводу вступленія императора Павла на престолъ, Иринеи привѣтствовалъ Его Величество, и въ отвѣтъ на это привѣтствіе получилъ слѣдующій рескриптъ: „Преосвященный архіепископъ Иринеи! Принесенное вами мнѣ поздравленіе и изъявленіе чувствованій вашихъ, усердія и преданности ко мнѣ, пріемлю съ благоволеніемъ, и благодарю васъ за оныя, спѣшу извѣстить васъ, что по измѣнившимся обстоятельствамъ присутствіе ваше въ Вильно сдѣлалось болѣе ненужнымъ, а потому и соизволяю, чтобы вы возвратились сюда. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный“. Митрополитъ Гавріилъ вскорѣ, именно вначалѣ 1797 г., отправился съ высочайшаго соизволенія въ Москву „для потребныхъ тамъ съ духовной стороны распоряженій къ Высочайшей коронаціи“. По совершеніи коронаціи (5 апрѣля 1797 г.) предъ возвращеніемъ императорской фамиліи въ С.-Петербургъ, Иринеи тверской 1 мая докладывалъ Синоду, что онъ съ высочайшаго соизволенія отправляется въ Тверь „для надлежащаго съ его стороны пріуготовленія по случаю предпріемлемаго чрезъ городъ Тверь обратнаго путешествія Императорской фамиліи“. Равнымъ образомъ и Амвросій съ тѣмъ же намѣреніемъ отправился въ свою епархію—въ Казань. Достойно примѣчанія, что преосвященному Амвросію и во время его пребыванія въ епархіи высочайше разрѣшено пользоваться

дарованнымъ въ 1796 г. жалованьемъ по званію присутствующаго въ Синодѣ. При приведеніи сего повелѣнія въ исполненіе возникло недоразумѣніе, въ разъясненіе котораго послѣдовало отъ придворной конторы синодальному оберъ-прокурору увѣдомленіе, что „таковое монаршее къ преосвященному Амвросію благоволеніе относится до производства всѣхъ тѣхъ окладовъ, какіе его преосвященство, будучи здѣсь получалъ“. Обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что членамъ Св. Синода Иннокентію архіепископу псковскому и Лукіану протопопу гвардіи Преображенскаго собора высочайше были пожалованы командорства,—первому по ордену Св. Александра-Невскаго, второму—по ордену Св. Анны. Пожалованное Иннокентію командорство состояло въ московской губерніи въ серпуховскомъ уѣздѣ изъ селеній: села Липатова, села Сопрунова, деревни Шугаревой и Лаврентьевой. Пожалованное Лукіану командорство находилось въ московской же губерніи въ дмитровскомъ уѣздѣ и состояло изъ селенія—деревни Степановой. Любопытно отмѣтить, что императоръ Павелъ „бывъ самовидцемъ благолѣпія и устройства, какое было введено преосвященнымъ митрополитомъ московскимъ Платономъ въ занимаемой имъ Виѳаніи, и отдавая справедливость трудамъ митрополита во славу Богу и на пользу церкви подъемлемыхъ, всемилостивѣйше повелѣлъ устроить въ Виѳаніи второклассный монастырь съ таковымъ положеніемъ и содержаніемъ, каковое для прочихъ втораго класса мужскихъ монастырей по изданнымъ штатамъ опредѣлено, для вящаго же распространенія преподаваемаго въ семинаріи Троицкія Лавры ученія, котораго полезные успѣхи Государь Императоръ самъ видѣлъ, учредить въ Виѳаніи таковую же семинарію въ числѣ ста человѣкъ учениковъ, на содержаніе коихъ пищею одеждою и прочимъ, такожъ на жалованье учителямъ, на потребныхъ къ тому служителей, на книги, уроки, свѣчи и прочее производить на четыре тысячи рублей. При этомъ на построеніе училища и покоевъ для житья учениковъ и учителей повелѣно отпустить тридцать тысячъ рублей въ три года по равнымъ частямъ, начиная съ нынѣшняго съ 1797 года“. Объ отпускѣ потребныхъ на все сіе суммъ данъ былъ высочайшій указъ государственному казначею тайному со-

вѣтнику барону Васильеву, — равно и о надѣленіи устрояемаго монастыря въ потребномъ количествѣ десятинъ сѣнокосной и лѣсной земли изъ казеннаго вѣдомства дано распоряженіе тайному совѣтнику генералъ-прокурору князю Куракину. Указанныя распоряженія, если и не касались непосредственно Св. Синода, то обрисовывали предначертанія государственной власти относительно круга синодальнаго вѣдомства. Необходимо прибавить, что не только въ годъ своей коронаціи, но и вообще во все время своего, правда кратковременнаго, царствованія императоръ Павелъ I не ослабѣвалъ въ мѣропріятіяхъ къ устройству духовнаго сословія въ матеріальномъ и моральномъ отнвшеніяхъ, прилагая попеченіе объ улучшеніи быта служащаго духовенства, призрѣніи его семействъ и образованіи духовнаго юношества. Въ этомъ отношеніи царствованіе императора Павла можно назвать временемъ, когда сѣялись лучшія сѣмена для будущаго произрастанія. Что касается въ частности Св. Синода, то и въ отношеніи къ нему ощущается нѣкоторое обновленіе. Прежде всего обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что государь императоръ большую часть своихъ распоряженій и повелѣній по вѣдомству Св. Синода обыкновенно посредственно или непосредственно обращалъ къ первенствующему или старѣйшему въ Синодѣ іерарху, такъ что эти распоряженія и повелѣнія приводились въ осуществленіе при посредствѣ и дѣятельномъ участіи получавшаго ихъ іерарха. При томъ всѣ эти распоряженія и повелѣнія отличались ясностію, опредѣленностію, свидѣтельствовавшими о рѣшительной иниціативѣ. Понятно, что для таковой миссіи требовался энергическій исполнитель. Между тѣмъ первенствующій іерархъ, митрополитъ Гавріилъ, при которомъ началось обѣщавшее кипучую дѣятельность, царствованіе Павла I, стоялъ на склонѣ своихъ лѣтъ, равно и другой, выдававшійся почти во все предшествовавшее царствованіе по Синоду дѣятель, архіепископъ псковскій Иннокентій, приближался къ закату своей жизни. Оставался только недавно призванный къ кормилу церковнаго правленія архіепископъ казанскій Амвросій. Вслѣдствіе сего мы и видимъ, что по мѣрѣ того, какъ отодвигаются и уходятъ первыя два лица, выдвигается личность послѣдняго. 17 января 1798 г.

Амвросій уже былъ въ С.-Петербургѣ и предлагалъ Святѣйшему Синоду полученное имъ отъ 18 декабря 1797 года слѣдующее высочайшее повелѣніе: „Преосвященный казанскій Амвросій находя пребываніе ваше сюда нужнымъ желаю, чтобы онымъ ваше преосвященство поспѣшили“. Не медлили исполненіемъ своихъ намѣреній и другіе іерархи. Иннокентій предупредилъ въ этомъ отношеніи Гавріила. Прежде всего Иннокентій отправился въ обычный отпускъ въ епархію съ разрѣшенія государя на столько времени, сколько будетъ необходимо для исправленія нужныхъ дѣлъ. Затѣмъ, спустя немного по возвращеніи, обратился къ государю съ просьбою объ увольненіи его отъ присутствія въ Синодѣ и управленія епархіальнаго. На эту просьбу императоръ Павелъ 9 октября 1798 года отвѣтилъ на имя Синода слѣдующимъ указомъ „Преосвященный Иннокентій архіепископъ псковскій и рижскій просилъ Насъ уволить его за старостію и болѣзнію отъ Синода и отъ управленія епархіальнаго. Мы не токмо всемилостивѣйше снисходимъ на сіе прошеніе его,—но еще въ несомнѣнный знакъ уваженія долговременнаго и радѣтельнаго его служенія престолу Божію и нашему Императорскому, восхотѣвъ оказать ему наше отличное благоволеніе, повелѣваемъ производить ему по смерть изъ суммъ на духовную часть положенныхъ, безъ малѣйшаго изъятія все то, что получалъ онъ до нынѣ, оставляя для всегдашняго его пребыванія то самое Псковское подворье, которое онъ нынѣ занимаетъ. На мѣсто его Синоду предоставляемъ избравъ кандидатовъ, представить ихъ намъ на утвержденіе“. Иннокентій недолго пользовался оказанными ему милостями; 24 января слѣдующаго 1799 года онъ скончался. Государь и по смерти сохранялъ милостивое расположеніе къ покойному, которое и засвидѣтельствовалъ въ именномъ указѣ 18 мая 1799 г., соизволивъ „въ знакъ монаршей милости къ покойному архіепископу псковскому Иннокентію оставшійся послѣ него бриліантовый крестъ, который Святѣйшимъ Синодомъ былъ назначенъ къ отдачѣ въ Псковскую ризницу, отдать родному племяннику покойнаго надворному совѣтнику Нечаеву“. Въ началѣ 1799 года началъ устраняться отъ дѣлъ Синода и митрополитъ Гавріилъ. Отъ 2 января онъ доносилъ Синоду,

что „минувшаго декабря 26 дня имѣлъ счастіе получить отъ Государя Императора повелѣніе отъѣхать ему въ Новгородъ для поправленія его здоровья“ [1]). Въ отсутствіе Гавріила старѣйшимъ въ Синодѣ оставался Амвросій, архіепископъ казанскій. На его имя и адресовались высочайшія повелѣнія и распоряженія. Къ этому времени значительно измѣнился прежній составъ Синода. Перемѣны эти прежде всего открываются тѣмъ, что въ концѣ 1797 года выбылъ изъ членовъ Святѣйшаго Синода новоспасскій архимандритъ Анастасій, который въ октябрѣ былъ назначенъ, а 20 декабря поставленъ епископомъ бѣлорусскимъ и могилевскимъ. На мѣсто Анастасія 21 генваря 1798 года былъ назначенъ Арсеній (Москвинъ), настоятель Калязинскаго монастыря, который въ томъ же году, именно 26 октября, былъ назначенъ епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородской епархіи. На мѣсто выбывавшихъ не замедляли являться въ Синодѣ новые члены. Указомъ 8 ноября 1798 года были назначены членами въ Синодъ: ростовскій архіепископъ Арсеній (Верещагинъ) и новгородской епархіи Антоніева Римлянина монастыря архимандритъ Ѳеофилактъ (Русановъ). Вмѣстѣ съ симъ среди бывшихъ въ Синодѣ членовъ послѣдовали измѣненія. Ириней тверскій, согласно докладу Святѣйшаго Синода, 13 октября былъ переведенъ въ псковскую епархію съ оставленіемъ при присутствіи въ Синодѣ по прежнему. Протоіерей Лукіанъ также, согласно докладу Святѣйшаго Синода, отъ лейбъ-гвардіи полковъ Преображенскаго собора съ 31 октября занялъ мѣсто протоіерея при московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ, освободившееся за смертію протоіерея Александра Левшина, родного брата митрополита Платона. Въ виду того обстоятельства, что протоіерей Левшинъ состоялъ и членомъ московской синодальной конторы, Синодъ въ началѣ слѣдующаго 1799 года входилъ къ государю съ докладомъ о томъ, чтобы назначенный къ Успенскому собору протоіерей Лукіанъ заступилъ послѣ Левшина и мѣсто члена въ синодальной конторѣ съ присвоеніемъ ему содержанія, которое получалъ Левшинъ. Докладъ Синода по этому пред-

[1]) Отсутствіе митрополита Гавріила продолжалось съ января по іюль, какъ свидѣтельствуютъ о семъ его подписи на синодскихъ протоколахъ.

мету государь разрѣшилъ 19 января слѣдующимъ именнымъ указомъ: „Апробуя поднесенный намъ докладъ Синода, всемилостивѣйше повелѣваемъ члену онаго большаго Успенскаго собора протопресвитеру Лукіану присутствовать въ московской Синодальной конторѣ, именуясь по прежнему Синода членомъ; жалованье же производить ему ежегодно, какое онъ получалъ нынѣ по Синоду (703 р. 82½ коп.) и сверхъ того прибавочныхъ по положенному по штату 764 года Успенскаго собора окладу (500 руб.) по примѣру его предмѣстника, умершаго протоіерея Левшина“. Указанными назначеніями не исчерпываются еще перемѣны, имѣвшія мѣсто въ составѣ Синода. 11 марта 1799 года высочайше повелѣно присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ Павлу, епископу тверскому, который въ то время находился въ С.-Петербургѣ и немедленно вступилъ въ присутствіе Синода. 16 мая онъ наименованъ архіепископомъ. 27 марта того же года назначенъ къ присутствованію въ Синодѣ и полевой оберъ-священникъ Павелъ Озерецковскій. 21 октября Ѳеофилактъ, уже иверскій въ то время архимандритъ, назначенъ епископомъ въ Калугу, и на освободившуюся архимандричью вакансію 19 ноября назначенъ присутствовать въ Синодѣ придворной церкви соборный іеромонахъ Михаилъ (Десницкій), съ производствомъ его въ архимандриты новгородской епархіи первоклассnаго Юрьева монастыря и съ припорученіемъ ему въ императорскомъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ должности законоучителя. Въ концѣ года умеръ ростовскій архіепископъ Арсеній и на его мѣсто 26 декабря перемѣщенъ Павелъ, архіепископъ тверскій, съ оставленіемъ по прежнему присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Среди всѣхъ указанныхъ перемѣнъ самою крупною была та, что 16 октября 1799 года Амвросій, архіепископъ казанскій, былъ назначенъ архіепископомъ с.-петербургскимъ, а митрополитъ Гавріилъ, оставленный при одной новгородской епархіи, былъ переименованъ новгородскимъ и олонецкимъ. Высочайшій указъ не объясняетъ причины такой перемѣны, кажется она скрывается въ личномъ желаніи митрополита, искавшаго удалиться и успокоиться. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ сего могутъ служить слѣдующіе факты. 2-го сентября

1799 года скончался кіевскій митрополитъ Іероѳей (Малицкій). По докладѣ о семъ государю, императоръ Павелъ предоставилъ Святѣйшему Синоду избрать кандидатовъ на мѣсто умершаго митрополита и Кіево-Печерскія Лавры архимандрита и представить о семъ докладъ. Высочайшее о семъ повелѣніе отъ 17 сентября было сообщено тогдашнему синодальному оберъ-прокурору Хвостову и заслушано Святѣйшимъ Синодомъ 23 сентября. Надо полагать, что при слушаніи сего высочайшаго повелѣнія обсуждался вопросъ и о кандидатахъ на мѣсто умершаго, предполагалось кіевскую каѳедру предоставить митрополиту Гавріилу. По крайней мѣрѣ отъ 24 сентября мы встрѣчаемся съ собственноручно подписаннымъ митрополитомъ Гавріиломъ письмомъ на имя синодальнаго оберъ-прокурора слѣдующаго содержанія: „Превосходительный Господинъ Димитрій Ивановичъ Милостивый Государь. Я довольно себя извѣдывая не нахожу силы, чтобы принять правленіе назначаемыя мнѣ епархіи. Мои лѣта и возобновляемые припадки обезнадеживаютъ, чтобы получить облегченіе. Я располагаюся просить увольненія отъ всѣхъ нынѣшнихъ моихъ должностей. Итакъ покорнѣйше прошу опредѣленіе и докладъ оставить и назначить для избранія другой день. Я съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства Милостиваго Государя усердный слуга и богомолецъ“. Подпись руки митрополита: „Гавріилъ М. Новгородскій“. 27-го сентября въ журналѣ Святѣйшаго Синода заключено: поднести государю императору докладъ о кандидатахъ, „на открывшуюся въ кіевской епархіи архіерейскую и Кіево-Печерскія Лавры архимандритскую вакансію“. Таковыми кандидатами были отъ Святѣйшаго Синода представлены второклассныхъ епархій архіереи: новороссійскій митрополитъ Гавріилъ (Бодони) и астраханскій архіепископъ Платонъ (Любарскій). Составленный Синодомъ докладъ былъ подписанъ всѣми присутствовавшими въ Синодѣ членами, кромѣ духовника Исидора Петрова. По сему докладу послѣдовалъ высочайшій указъ о назначеніи кіевскимъ митрополитомъ—Гавріила (Бодони). Митрополитъ Гавріилъ на самомъ дѣлѣ не замедлилъ исполненіемъ своего намѣренія, о которомъ писалъ оберъ-прокурору. Отъ 24-го ок-

тября 1799 года мы встрѣчаемся съ высочайшимъ повелѣніемъ императора Павла на обращенное къ Его Величеству письмо митрополита Гавріила Императоръ Павелъ писалъ митрополиту: „Преосвященный Гавріилъ, митрополитъ новгородскій и олонецкій! Письмо ваше я получилъ и соизволяя на отъѣздъ вашъ въ Новгородъ, желаю дабы силы ваши пришли въ лучшее состояніе и увѣряя васъ о всегдашнемъ моемъ къ вамъ благоволеніи, пребываю вамъ благосклонный". Остается документально не разъясненнымъ для насъ вопросъ: предваряло ли письмо митрополита Гавріила, на которое послѣдовалъ отвѣтъ, назначеніе с.-петербургскимъ архіепископомъ Амвросія и оставленіе митрополита Гавріила при одной новгородской епархіи, или письмо митрополита Гавріила своимъ содержаніемъ и подало поводъ къ послѣдовавшей перемѣнѣ. Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, что митрополитъ Гавріилъ тяготился управленіемъ двумя епархіями, по преклонности лѣтъ и болѣзненному состоянію искалъ отдыха и успокоенія отъ излишнихъ трудовъ. При докладѣ въ Синодѣ полученнаго рескрипта, разрѣшившаго отъѣздъ въ Новгородъ, митрополитъ Гавріилъ словесно объяснилъ, что онъ имѣетъ туда отправиться по первому зимнему пути. Митрополитъ пробылъ въ С.-Петербургѣ до праздниковъ Рождества, ибо на одномъ изъ протоколовъ отъ 21 декабря встрѣчается и его подпись, во главѣ прочихъ членовъ Синода. Въ 1800 году Гавріилъ видимо готовился къ совершенному покою. 19 декабря 1800 года послѣдовалъ именной высочайшій указъ Синоду, коимъ объявлялось „митрополита новгородскаго Гавріила отъ управленія епархіею увольняя, повелѣваемъ ему остаться въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ онъ нынѣ находится". Вмѣстѣ съ тѣмъ другимъ именнымъ указомъ того же 19 декабря давалось знать Синоду „соединяя какъ прежде было епархію новгородскую съ епархіей с.-петербургской, повелѣваемъ и сію первую равномѣрно вѣдать архіепископу с.-петербургскому Амвросію". Приведеннымъ высочайшимъ повелѣніемъ Амвросію ввѣрялось завѣдываніе на правахъ епархіальнаго архіерея новгородскою епархіею безъ измѣненія его положенія въ Синодѣ и въ іерархіи русской церкви. Подобная перемѣна послѣдовала въ то время, когда

Амвросій удостоился получить санъ митрополита. 10 марта 1801 года императоръ Павелъ далъ Синоду слѣдующій указъ. „Въ изъявленіе благоволенія нашего къ ревностному служенію первенствующаго въ Синодѣ нашемъ члена новгородскаго и с.-петербургскаго архіепископа Амвросія, всемилостивѣйше пожаловали мы ему бѣлый клобукъ для ношенія по обычаю, повелѣвая отъ нынѣ именоваться ему митрополитомъ". Этотъ указъ императора Павла былъ послѣднимъ высочайшимъ распоряженіемъ по духовному вѣдомству.

Такимъ образомъ въ концѣ царствованія императора Павла и въ началѣ правленія Александра I въ составѣ Святѣйшаго Синода находились слѣдующія лица: Амвросій митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, Павелъ архіепископъ ярославскій, Ириней архіепископъ псковскій, Варлаамъ архіепископъ грузинскій, духовникъ Исидоръ, протопресвитеръ Благовѣщенскій, Михаилъ архимандритъ юрьевскій и оберъ-священникъ Павелъ Озерецковскій. Изъ нихъ Варлаамъ, архіепископъ грузинскій, назначенъ присутствовать въ Синодѣ 21 января 1801 года „съ жалованьемъ и прочимъ содержаніемъ по сему мѣсту положеннымъ изъ суммъ на духовный департаментъ опредѣленныхъ". Между поименованными лицами митрополитъ Амвросій былъ не только первенствующимъ членомъ Святѣйшаго Синода, но и дѣйствительнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ правительственныхъ лицъ съ Синодомъ по дѣламъ и предметамъ духовнаго управленія. Въ разъясненіе того, какъ самъ императоръ Павелъ мыслилъ положеніе первенствующаго члена Святѣйшаго Синода, приведемъ его рескриптъ на имя Амвросія, отъ 27 мая 1800 года. Государь писалъ: „Преосвященный Амвросій, архіепископъ с.-петербургскій, узнавъ, что изъ тверской семинаріи, по требованію не дѣльному с.-петербургскаго гражданскаго губернатора, князя Мещерскаго, уволено десять человѣкъ семинаристовъ для опредѣленія въ статскую службу, повелѣваемъ вамъ сдѣлать преосвященному тверскому выговоръ, подтвердя ему при томъ, чтобы впредь, безъ особаго моего повелѣнія изъ сего званія въ другія отнюдь не поступали; вы же имѣйте неослабный надзоръ надъ тѣмъ, чтобы сія воля моя по всѣмъ епархіямъ равномѣрно

исполнялась". Амвросій предложилъ этотъ рескриптъ Святѣйшему Синоду для свѣдѣнія. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что сношеніе государя съ Святѣйшимъ Синодомъ по дѣламъ и вопросамъ вѣдомства послѣдняго совершалось главнымъ образомъ чрезъ и при посредствѣ первенствующаго члена Святѣйшаго Синода, и сами члены обращались къ государю или непосредственно, или чрезъ того же первенствующаго іерарха.

Для болѣе полной характеристики воззрѣній императора Павла на его отношенія къ Святѣйшему Синоду укажемъ слѣдующій фактъ. 8 іюля 1799 года Святѣйшій Синодъ докладывалъ государю императору: „По объявленной Синоду 7 марта сего мѣсяца Вашего Императорскаго Величества волѣ объ избраніи на открывшуюся въ Синодѣ вакансію въ оберъ-прокуроры человѣка заступить и исполнять должность сію достойнаго, Синодъ, по общему разсужденію членовъ его къ заступленію въ оному мѣста оберъ-прокурора находитъ съ своей стороны достойными по извѣстной ревности и усердію къ службѣ Вашего Императорскаго Величества: 1) Сената 4 департамента оберъ-прокурора Димитрія Хвостова, 2) юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ президента дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Вейдемейра и 3) бывшей с.-петербургской палаты суда и расправы 2 департамента предсѣдателя статскаго совѣтника Матѳея Бородина. Всемилостивѣйшій Государь! Синодъ, представляя помянутыхъ кандидатовъ въ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, осмѣливается всеподданнѣйше просить всемилостивѣйшаго указа объ утвержденіи одного изъ нихъ по Высочайшей Вашего Императорскаго Величества волѣ". Настоящій докладъ былъ подписанъ всѣми, бывшими въ то время на лицо въ Синодѣ членами. Указомъ 10 іюня былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода 4 департамента Сената оберъ-прокуроръ Димитрій Хвостовъ. Фактъ подобнаго назначенія въ Синодъ оберъ-прокурора резюмируетъ въ себѣ многія детальныя указанія на положеніе дѣлъ въ то время...

Въ первые годы царствованія императора Александра I Св. Синодъ оставался въ прежнемъ составѣ и при прежнемъ положеніи. Первенствующій членъ Св. Синода митропо-

литъ новгородскій и с.-петербургскій Амвросій по прежнему являлся посредникомъ въ сношеніяхъ съ Синодомъ по дѣламъ и вопросамъ его вѣдомства. Назначеніе въ октябрѣ (21) 1803 г. оберъ-прокуроромъ въ Синодъ князя Голицына сразу измѣнило положеніе дѣлъ. Голицынъ сталъ на первомъ планѣ. Высочайшія повелѣнія объявлялись Синоду чрезъ Голицына, въ его редакціи и за его подписью. Голицынъ видимо принималъ на себя трудъ думать за Синодъ и присвоять инціативу направленія синодальныхъ дѣлъ. Послѣдствіемъ сего было то, что большая часть высочайшихъ повелѣній по вѣдомству Синода послѣдовала по словеснымъ, или письменнымъ докладамъ оберъ-прокурора, который и исполнялъ ихъ отъ своего лица и имени. Вліяніе оберъ-прокурора отражалось и на составѣ Св. Синода, въ которомъ къ концу 1803 года начались и перемѣны. Прежде всего высочайшимъ рескриптомъ отъ 7 октября былъ уволенъ въ епархію ярославскій архіепископъ Павелъ, котораго пребываніе въ его епархіи Государь находилъ нужнымъ „для пользы ввѣренной ему духовной паствы“. Къ присутствованію въ Св. Синодѣ 4 декабря назначенъ Меѳодій (Смирновъ), епископъ тульскій и бѣлевскій, который 31 декабря того же года былъ переведенъ въ Тверь и 8-го мая 1804 г. наименованъ архіепископомъ. Мотивомъ для перемѣщенія Меѳодія въ Тверь Синодъ указывалъ то, что „по присутствію его въ Синодѣ, по ближайшему разстоянію тверской епархіи къ С.-Петербургу. управленіе оною можетъ быть съ лучшею удобностію и выгодою для отправленія епархіальныхъ дѣлъ и производства ставленниковъ въ священно-церковно-служительскія званія“. 11 декабря 1803 г. послѣдовало и назначеніе кіевскимъ митрополитомъ Серапіона, архіепископа казанскаго, съ пожалованіемъ его вмѣстѣ и членомъ Святѣйшаго Синода. Въ началѣ 1804 года января 16-го князь Голицынъ объявилъ Святѣйшему Синоду, что государь императоръ соизволилъ Святѣйшаго Синода члену оберъ-священнику протоіерею Павлу Озерцковскому „за усердную его службу производить въ добавокъ къ получаемому имъ нынѣ жалованью изъ положеннаго по штату въ Св. Синодѣ двумъ архимандритамъ слѣдующее на одного годовое жалованье по тысячѣ по сту

по семидесяти по три рубля по три коп. съ тремя четвертями, начиная съ 1 января сего года". Такимъ, благопріятнымъ для Озерецковскаго, распоряженіемъ закрывалась возможность назначенія въ Св. Синодъ членовъ изъ архимандритовъ, которыхъ дѣйствительно и не встрѣчается по выбытіи изъ Синода Юрьевскаго монастыря архимандрита Михаила (Десницкаго), съ назначеніемъ его 6 іюля 1802 года епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородской епархіи. Съ 1805 г. Озерецковскій, по званію синодальнаго члена, получилъ новую высочайшую милость, которою „изъ уваженія того, что члены Св. Синода имѣютъ жительство въ казенныхъ зданіяхъ, повелѣно оберъ-священнику Озерецковскому производить сверхъ получаемаго имъ жалованья на наемъ дома по тысячѣ пяти сотъ руб. каждогодно изъ суммъ на духовный департаментъ положенныхъ". Въ половинѣ 1805 года послѣдовала перемѣна и относительно порядка назначенія въ Синодъ архіереевъ. 13 іюля сего года князь Голицынъ представилъ Св. Синоду высочайшее повелѣніе о томъ, что государь императоръ, желая знать лично преосвященныхъ, управляющихъ епархіями, предположилъ вызывать по одному изъ нихъ для жительства въ С.-Петербургѣ и присутствія по прибытіи въ Св. Синодѣ, до воспослѣдованія Высочайшей воли на обратное возвращеніе въ епархію. Къ сему Голицынъ присовокупилъ, что „Его Императорское Величество Высочайше указать ему соизволилъ объявить Св. Синоду, чтобы первоначально вызвать могилевскаго архіепископа Анастасія, выдавъ ему на проѣздъ тысячу рублей изъ суммы на духовный департаментъ положенной; на случай долговременнаго отбытія его изъ епархіи сдѣлать Св. Синоду для управленія оной зависящее со своей стороны распоряженіе". Настоящимъ высочайшимъ повелѣніемъ отчасти измѣнялся прежній порядокъ назначенія въ Синодъ для присутствованія членовъ, отчасти отмѣнялось и правило о постоянныхъ членахъ Св. Синода. Какъ бы то ни было, только по приведеніи сего правила въ дѣйствіе, званіе члена Св. Синода оставалось за тѣми, кои могли постоянно засѣдать въ Синодѣ, также за тѣмъ, кому оное званіе могло быть пожаловано. Вызванный для присутствованія могилев-

скій Анастасій не пробылъ и года, ибо вскорѣ былъ переведенъ въ Астрахань, и на его мѣсто 22 февраля 1806 г. „для жительства въ С.-Петербургѣ и присутствія въ Св. Синодѣ“ на томъ же основаніи былъ вызванъ пензенскій епископъ Гаій (Такаовъ). Анастасію 7 декабря было пожаловано званіе члена Св. Синода съ оставленіемъ его въ епархіи по отдаленности отъ С.-Петербурга. Въ концѣ того же 1806 г. (28 ноября) былъ вызванъ въ С.-Петербургъ и для присутствія въ Св. Синодѣ калужскій епископъ Ѳеофилактъ (Русановъ), на мѣсто пензенскаго епископа Гаія и на томъ же основаніи. Впрочемъ Ѳеофилакту, вслѣдствіе доклада Св. Синода, повелѣно остаться въ епархіи для окончанія объявленнаго въ томъ же году (26 октября) разбора священно-церковно-служительскихъ дѣтей. Такимъ образомъ къ началу 1807 года въ составъ присутствія Св. Синода входили: Амвросій, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, Ириней, архіепископъ псковскій, Меѳодій, архіепископъ тверской, Варлаамъ, архіепископъ грузинскій, Ѳеофилактъ, епископъ калужскій, духовникъ протопресвитеръ Сергій Ѳедоровъ и оберъ-священникъ Павелъ Озерецковскій. Изъ нихъ духовникъ Сергій Ѳеодоровъ назначенъ присутствовать въ Синодѣ 14 января 1806 года, когда онъ изъ сакелларія придворной церкви былъ наименованъ духовникомъ государя и протоіереемъ московскаго Благовѣщенскаго собора на мѣсто прежняго духовника умершаго Исидора Петрова. Изъ состава поименованныхъ членовъ прежде другихъ выбылъ (въ 1807 г.) оберъ-священникъ Озерецковскій, который скончался; а его мѣсто занялъ новый оберъ-священникъ Іоаннъ Державинъ, до назначенія—с.-петербургской Вознесенской церкви протоіерей. Державину, при назначеніи въ Синодъ, повелѣно производить сверхъ положенныхъ по штату Св. Синода протоіерею семи сотъ трехъ руб. восьмидесяти двухъ съ четвертью коп., на наемъ дома по тысячѣ пяти сотъ руб. Впослѣдствіи, 26 октября 1808 года, указано производить и ему добавочное содержаніе въ размѣрѣ архимандричьяго по штату Синода оклада т. е. 1173 р. $3^2/_4$ к. Равнымъ образомъ и мѣсто умершаго духовника Сергія Ѳеодорова занялъ съ 3 апрѣля 1808 г. новый духовникъ государя протопресвитеръ прежде придворнаго, а теперь московскаго

Благовѣщенскаго собора Павелъ Криницкій, которому повелѣно производить жалованье и прочіе оклады, каковые получалъ его предмѣстникъ изъ суммъ положенныхъ на духовный департаментъ. Съ 15 мая 1808 г. уволенъ, согласно прошенію, Св. Синода членъ Варлаамъ архіепископъ грузинскій, съ разрѣшеніемъ ему имѣть пребываніе въ Грузіи и съ пожалованіемъ ему пенсіона въ 2350 р. изъ государственнаго казначейства. Оставшійся въ Синодѣ калужскій епископъ Ѳеофилактъ 21 февраля 1808 г. всемилостивѣйше пожалованъ членомъ Св. Синода; при чемъ повелѣно производить ему изъ суммъ, на духовный департаментъ положенныхъ, по 1,759 р. 55¼ к. въ годъ. Въ 1809 г. по переименованіи архіепископомъ, Ѳеофилактъ 5 марта былъ назначенъ въ Рязань; при чемъ первенство рязанской епархіи было предоставлено лично другому старѣйшему члену Св. Синода Меѳодію, архіепископу тверскому, которому въ 1808 году высочайше былъ пожалованъ бриліантовый крестъ для ношенія на клобукѣ. Отмѣчаемъ этотъ, повидимому мало знаменательный, фактъ потому, что онъ указуетъ устойчивость въ то время строгой градаціи старѣйшинства въ іерархическомъ санѣ. Назначенные въ Синодъ членами оберъ-священникъ Державинъ и протопресвитеръ Криницкій и оставались въ этомъ званіи во все послѣдующее время царствованія Александра I, переживъ крупныя превращенія, которыя, какъ увидимъ, испыталъ Св. Синодъ въ это царствованіе. Другіе члены постепенно выбывали изъ Св. Синода и замѣнялись новыми. Въ октябрѣ (2) 1812 г. высочайше уволенъ, согласно прошенію, въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ, въ епархію синодальный членъ Меѳодій, архіепископъ тверской съ разрѣшеніемъ ему „пробыть въ епархіи столько времени, сколько нужно будетъ“. Впрочемъ, въ декабрѣ (8) того же года княземъ Голицынымъ было сообщено тверскому архіепископу высочайшее повелѣніе: „Государь Императоръ, находя, что по управленію епаршескими дѣлами присутствіе архіерея должно быть сопряжено съ вящшею пользою для паствы, и принявъ то въ соображеніе, что преосвященный Меѳодій такъ долго не былъ въ епархіи, повелѣлъ сообщить его преосвященству, чтобы онъ оставался въ епархіи ему

ввѣренной впредь до того, когда объ обратномъ его вызовѣ въ С.-Петербургъ дано будетъ повелѣніе". Сего повелѣнія и не послѣдовало; но 1 января 1813 г. княземъ Голицынымъ было объявлено Св. Синоду другое, коимъ указывалось присутствовать въ Св. Синодѣ минскому архіепископу Серафиму (Глаголевскому) на томъ же самомъ основаніи, на какомъ былъ вызванъ въ 1806 г. бывшій епископъ калужскій Ѳеофилактъ. Серафимъ, какъ въ свое время Ѳеофилактъ, не получалъ содержанія, пока 6 ноября 1813 г., какъ въ свое время относительно Ѳеофилакта, не послѣдовало особаго высочайшаго повелѣнія о производствѣ минскому архіепископу Серафиму „изъ общихъ суммъ на духовный департаментъ положенныхъ жалованья по штату Синода противу прочихъ членовъ во все то время, пока онъ будетъ присутствовать въ Синодѣ, считая его производство съ 1 генваря текущаго года". Въ декабрѣ того же года вызванъ присутствовать въ Синодъ и черниговскій архіепископъ Михаилъ (Десницкій) на томъ же самомъ основаніи, какъ и минскій архіепископъ Серафимъ. Михаилу также повелѣно производить содержаніе изъ суммъ на духовный департаментъ положенныхъ по штату Синода противъ прочихъ членовъ во все то время, пока онъ будетъ присутствовать въ Синодѣ. Вызовъ въ Синодъ Серафима и Михаила для присутствованія надо поставить въ связь прежде съ отсутствіемъ, а потомъ и съ совершеннымъ увольненіемъ изъ Синода рязанскаго архіепископа Ѳеофилакта. Послѣдній по высочайшему повелѣнію отъ 27 ноября 1812 г. былъ командированъ въ разоренныя во время нашествія Наполеона, епархіи для приведенія ихъ въ должный порядокъ. Отсутствіе Ѳеофилакта изъ Синода продолжалось до весны 1813 г. и 23 апрѣля сего года князь Голицынъ докладывалъ Св. Синоду: „Его Императорское Величество усмотрѣвъ изъ доклада моего, что архіепископъ рязанскій окончилъ данное ему порученіе по части возстановленія порядка въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ проходили войска непріятеля, Высочайше дозволилъ ему возвратиться въ С.-Петербургъ для присутствія въ Св. Синодѣ, а пребываніе имѣть на Ярославскомъ подворьѣ, которое занималъ прежде тверскій архіепископъ [1]). Въ

[1]) Какъ и при какихъ обстоятельствахъ Ѳеофилактъ исполнялъ Высочай-

ознаменованіе же монаршаго благоволенія за полезные труды Всемилостивѣйше пожаловать ему соизволилъ бриліантовый крестъ для ношенія на клобукѣ при рескриптѣ, коего списокъ у сего прилагаю для свѣдѣнія". Приведемъ и самый рескриптъ, чтобы видѣть, какъ цѣнилъ Государь заслуги доблестнаго и распорядительнаго іерарха. „Преосвященный Θеофилактъ архіепископъ рязанскій! Всегда съ удовольствіемъ взиралъ Я на отличную службу къ пользѣ церкви и отечества относящуюся, нынѣ, когда поручилъ вамъ возстановить разоренныя церкви и устроить участь служителей алтарей Господнихъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ хищная рука непріятеля оставила слѣды опустошенія, вы совершили дѣло сіе съ такимъ успѣхомъ, какого могъ Я ожидать отъ вашей дѣятельности. Въ ознаменованіе совершеннаго моего благоволенія препровождаю къ вамъ бриліантовый крестъ для ношенія на клобукѣ, оставаясь увѣреннымъ, что сіе послужитъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Пребываю къ вамъ благосклонный. Александръ. 4 апрѣля 1813 года". Обстоятельства, при которыхъ и рескриптъ, съ которымъ возвращался ко присутствованію въ Синодъ Θеофилактъ, повидимому, упрочивали его положеніе въ Синодѣ. Между тѣмъ въ дѣйствительности оказалось противное. Отъ 11 ноября того же года послѣдовалъ на имя Θеофилакта высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „Находя полезнѣйшимъ для епархіи пребываніе въ оной архипастыря, повелѣваю вамъ отправиться нынѣ же къ паствѣ вашей впредь до указа" [1]). Въ половинѣ декабря Θеофилактъ уѣхалъ въ епархію. Ярославское подворье, которое онъ занималъ, предоставлено для пребыванія черниговскаго архіепископа Михаила. Серафимъ и Михаилъ, призванные присутствовать въ Синодѣ, въ 1814 году въ день тезоименитства государя 30 августа высочайше были пожалованы въ члены Св. Синода. Въ тотъ же день, 30 августа, послѣдовалъ и высочайшій указъ о перемѣщеніи могилевскаго архіепископа Серафима въ Тверь съ оставле-

---

шее порученіе, см. въ книгѣ И. А. Чистовича «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи...» стр. 62–77. СПБ. 1894 г.

[1]) Объ обстоятельствахъ удаленія Θеофилакта отъ Синода см. упомянутую книгу И. А. Чистовича стр. 77–81.

ніемъ ему той степени, какая присвоена минской каѳедрѣ. Тверскій архіепископъ Меѳодій тогда же переведенъ во Псковъ на мѣсто Иринея, который обращался къ государю съ просьбою объ увольненіи его въ епархію; но государь императоръ, находя нужнымъ по состоянію здоровья и старости лѣтъ Иринея дать ему совершенное успокоеніе отъ дѣлъ, уволилъ его отъ управленія епархіею „и въ воздаяніе прежней не маловременной его службы повелѣлъ производить ему по смерть всѣ получаемые имъ оклады съ предоставленіемъ ему на выборъ имѣть пребываніе тамъ, гдѣ самъ онъ пожелаетъ“.

За послѣдовавшими такимъ образомъ перемѣнами въ составѣ Св. Синода, членами онаго въ 1815 — 1816 годахъ оставались: Амвросій, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, Михаилъ, архіепископъ черниговскій, Серафимъ, архіепископъ тверскій, духовникъ протопресвитеръ Павелъ Криницкій, оберъ-священникъ Іоаннъ Державинъ. Изъ нихъ Серафимъ и Михаилъ въ 1816 г. согласно ихъ желанію отлучались въ епархіи первый—съ 15 мая до первыхъ чиселъ сентября, послѣдній — съ 27 ноября на четыре мѣсяца „для обозрѣнія ввѣренной ему епархіи“. Въ составѣ поименованныхъ членовъ Св. Синодъ встрѣтилъ и ту, знаменательную по необычайнымъ для него послѣдствіямъ, реформу, когда при учрежденіи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“, дѣла вѣдомства Св. Синода были соединены съ дѣлами другихъ вѣроисповѣданій Имперіи въ одно управленіе подъ высшею дирекціею министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына.

Образованіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, отвѣчая идеѣ общаго учрежденія министерствъ, состоявшагося 25 іюня 1811 года, въ то же время намѣчало свои особыя, спеціальныя цѣли. Въ Высочайшемъ манифестѣ, 24 октября 1817 года, объ учрежденіи сего министерства было изображено:

„Желая, дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго провѣщенія съ

дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составѣ одного управленія подъ названіемъ: министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Само собою разумѣется, продолжалъ манифестъ, что къ оному присовокупятся и дѣла Святѣйшаго Правительствующаго Синода съ тѣмъ, чтобы министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія находился по дѣламъ симъ въ такомъ же точно къ Синоду отношеніи, въ какомъ состоитъ министръ юстиціи къ правительствующему сенату, кромѣ однако же дѣлъ судныхъ. Теченіе сихъ послѣднихъ подробно обозначено въ предначертанныхъ для сего министерства правилахъ.

„Находя устройство сего министерства сообразнымъ основанію общаго учрежденія министерствъ, и, внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта, утвердили мы вышеозначенныя правила для онаго, издаваемыя при семъ къ общему свѣдѣнію и исполненію.

„Распредѣленіе дѣлъ сего министерства по департаментамъ онаго и размѣщеніе чиновниковъ предоставляются усмотрѣнію и распоряженію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.“

Останавливаясь мыслію на семъ замѣчательномъ актѣ, видимъ, что онъ цѣль учрежденія министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія полагалъ въ основаніи истиннаго просвѣщенія на началахъ христіанства и въ обезпеченіи успѣховъ сего просвѣщенія духомъ христіанскаго благочестія. Для сего манифестъ призналъ необходимымъ дѣла по министерству народнаго просвѣщенія соединить съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ имперіи, въ томъ числѣ магометанскаго, еврейскаго и прочихъ вѣръ нехристіанскихъ. Особое упоминаніе манифестъ посвятилъ дѣламъ Святѣйшаго Синода, но не съ тѣмъ, чтобы выразить преимущественное значеніе просвѣтительнаго начала православной вѣры при посредствѣ и участіи Святѣйшаго Синода въ сферѣ народнаго образованія, а съ тѣмъ, чтобы опредѣлить отношеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія къ кругу дѣйствій Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Идею цѣлесообразности учрежденія сего министерства манифестъ указуетъ въ согласіи съ общимъ учрежденіемъ министерствъ, а возникновеніе сего ми-

нистерства оправдываетъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Распорядителемъ и отвѣтственнымъ представителемъ всего министерства манифестъ ставитъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, относя къ его правамъ и обязанностямъ распредѣленіе чиновниковъ и распорядокъ дѣлъ для производства. Понятно, что при такомъ предначертаніи объ образованіи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Святѣйшій Синодъ долженъ былъ занять сходственное съ правительственными органами прочихъ вѣроисповѣданій положеніе.

Такъ въ дѣйствительности и ставитъ Синодъ учрежденіе разсматриваемаго министерства, которое „въ кругѣ своихъ дѣйствій объемлетъ дѣла духовныя всѣхъ вѣроисповѣданій въ Россіи и дѣла, касающіяся до учебнаго образованія и усовершенствованія познаній“. По различію сихъ дѣлъ и для производства оныхъ учрежденіе начертало образовать въ министерствѣ два отдѣльныхъ департамента, подъ управленіемъ особаго для каждаго директора: департаментъ духовныхъ дѣлъ и департаментъ народнаго просвѣщенія. Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ въ 1 его отдѣленіи сосредоточились дѣла греко-россійскаго исповѣданія. Они распредѣлялись по двумъ столамъ, изъ коихъ въ первомъ сосредоточивались: 1) собраніе меморій Святѣйшаго Правительствующаго Синода; 2) доклады по части Святѣйшаго Синода и Коммиссіи духовныхъ училищъ государю императору; 3) годовые отчеты по Святѣйшему Синоду и Коммиссіи духовныхъ училищъ; 4) сношенія съ министрами и другими главное начальство имѣющими лицами, по препорученіямъ Святѣйшаго Синода и Коммиссіи духовныхъ училищъ; 5) сношенія съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода; 6) сношенія съ прокурорами синодальныхъ конторъ; 7) по духовнымъ дѣламъ исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру въ царствѣ польскомъ, о церквахъ и монастыряхъ ихъ тамъ состоящихъ; 8) по дѣламъ о единовѣрцахъ нашихъ въ Палестинѣ и иныхъ заграничныхъ мѣстахъ; 9) по духовнымъ миссіямъ въ иностранныхъ государствахъ; 10) по духовнымъ миссіямъ внутри государства; 11) по дѣламъ о вступленіи въ бракъ иностранцевъ съ русскими безъ принятія подданства; 12) о распоряженіяхъ по духовной части

касательно перевоза мертвыхъ тѣлъ. Во второмъ столѣ, по части исполнительной, производились дѣла: А) по Высочайшимъ повелѣніямъ: 1) объ опредѣленіи и увольненіи членовъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода; 2) о вызовѣ изъ епархій архіереевъ для временнаго присутствія въ Синодѣ; 3) о духовенствѣ и церквахъ придворныхъ въ обѣихъ столицахъ и уѣздахъ. Б) По представленіямъ Святѣйшаго Синода Высочайшими повелѣніями; 4) объ опредѣленіи и увольненіи присутствующихъ въ синодальныхъ конторахъ. В) По представленію министра; 5) объ опредѣленіи и увольненіи оберъ-прокурора и оберъ-секретарей Святѣйшаго Синода и правителя дѣлъ Коммиссіи духовныхъ училищъ; 6) объ опредѣленіи и увольненіи прокуроровъ въ синодальныхъ конторахъ. Г) По представленіямъ начальства: 7) о награжденіи духовныхъ особъ знаками монаршей милости; 8) о награжденіи свѣтскихъ чиновниковъ по духовной части служащихъ. Д) Дѣла общія: 9) о происшествіяхъ въ церквахъ; 10) о происшествіяхъ особой важности въ епархіяхъ, до духовной части относящихся; 11) составленіе списковъ чиновъ по духовному вѣдомству; 12) дѣла особенной тайнѣ надлежащія.

Перечень поименованныхъ дѣлъ показываетъ, что вновь учрежденное министерство имѣло обнять всѣ дѣла Святѣйшаго Синода и притомъ въ высшей и окончательной стадіи. Чтобы яснѣе понять и правильнѣе судить, какое значеніе по всѣмъ перечисленнымъ дѣламъ могъ имѣть департаментъ духовныхъ дѣлъ вновь учрежденнаго министерства, для сего необходимо принять въ соображенія тѣ отношенія, въ какія министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія ставился къ Святѣйшему Синоду. Въ особомъ наказѣ министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія эти отношенія опредѣлены такъ, что вообще министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, по званію своему, находится въ томъ же отношеніи къ Святѣйшему Правительствующему Синоду, въ какомъ генералъ-прокуроръ—къ правительствующему сенату; впрочемъ „сіе разумѣется только о правительственной части дѣлъ Синода, а не о судебной“. Министру безотлагательно представляются оберъ-прокуроромъ Синода надлежащія меморіи по дѣламъ, заслушаннымъ въ Синодѣ: при чемъ если по пред-

ставленной министру меморіи, онъ признаетъ нужнымъ по какому либо дѣлу, до правительственной части относящемуся, предложить свое мнѣніе для соображеній Синода, въ такомъ случаѣ дѣло снова предлагается Святѣйшему Синоду для разсмотрѣнія онаго совмѣстно съ мнѣніемъ министра. Въ случаѣ разномыслія членовъ Синода, не смотря на предложенное оберъ-прокуроромъ согласительное мнѣніе, послѣдній немедленно представляетъ министру подлинный протоколъ, съ своимъ заключеніемъ. Министръ въ такомъ случаѣ дѣйствуетъ по силѣ 2 п. инструкціи, данной оберъ-прокурору Синода 13 іюня 1722 г.[1]). Министръ входитъ въ сношеніе съ Синодомъ или непосредственно—чрезъ собственныя предложенія, или чрезъ оберъ-прокурора—по предложеніямъ послѣдняго. Доклады Синода по всѣмъ дѣламъ подносятся государю императору чрезъ министра, который доводитъ до свѣдѣнія государя о всемъ, что ему представляется отъ Синода. Вы-

[1]) Второй пунктъ означенной инструкціи гласилъ: «Накрѣпко смотрѣть, дабы Синодъ въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ. А ежели что увидитъ противное сему, тогда въ тотъ же часъ повелѣть предлагать Синоду явно, съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они, или нѣкоторые изъ тѣхъ не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили; а ежели не послушаютъ, то долженъ въ тотъ часъ протестовать, а иное дѣло остановить, и немедленно донесть намъ, естьли весьма нужное; а о прочихъ въ бытность нашу въ Синодѣ, или помѣсячно, или по недѣльно, какъ указъ имѣть будетъ. Такожъ надлежитъ оберъ-прокурору въ доношеніяхъ явныхъ, которыя онъ будетъ подавать намъ, осторожно и осмотрительно поступать, дабы напрасно кому безчестія не учинить. Такимъ образомъ, если увидитъ какое дѣло, хотя и противное ему покажется, да не ясно, или два вида имѣющее, то протестаціею остановяся, не тотчасъ доносить, но посовѣтоваться, съ кѣмъ онъ заблагоразсудитъ; и ежели увидитъ, что подлинно такъ, или болѣе изъяснить и сумнѣнія иновать не можетъ, то доносить намъ, однакожъ болѣе недѣли въ томъ не мѣшкать. А ежели дѣло ясно, то немедленно доносить въ нужныхъ, а въ протчихъ, какъ выше писано, такожъ не медля болѣе недѣли жъ, не отговариваясь никакими нуждами, развѣ мы будемъ въ отлученіи, то однакожъ посылать, въ тожъ время написаннымъ, и немедленно съ нарочнымъ послать. А ежели какое неправое доношеніе учинить по какой страсти, то будетъ самъ наказанъ по важности дѣла». Для уразумѣнія силы примѣненія настоящаго пункта въ данномъ случаѣ, необходимо замѣтить, что инструкція синодальному оберъ-прокурору списана въ свое время съ инструкціи сенатскому генералъ-прокурору и слѣдовательно трактуетъ собственно о дѣлахъ и отношеніяхъ Правительствующаго Сената. Поэтому примѣненіе этой инструкціи къ дѣйствіямъ синодальнаго оберъ-прокурора должно относить наше вниманіе къ общей мысли выраженныхъ въ ней предписаній, а не къ частнымъ ихъ разъясненіямъ.

сочайшія повелѣнія объявляются Синоду чрезъ министра, который и сносится съ министрами и главноначальствующими по дѣламъ Синода. Для сего оберъ-прокуроръ Синода представляетъ министру копіи съ синодальныхъ опредѣленій. Министръ представляетъ государю и отчеты по дѣламъ Синода и присутственныхъ мѣстъ ему подвѣдомственныхъ. Министръ для засѣданій имѣетъ въ Синодѣ особый столъ, за которымъ присутствуетъ и оберъ-прокуроръ. Прокуроры синодальныхъ конторъ находятся въ непосредственной зависимости отъ министра, а секретари духовныхъ консисторій доводятъ до его свѣдѣнія о всѣхъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ, или дѣлахъ особенной важности, независимо отъ донесеній оберъ-прокурору.

Если вникнуть въ сущность начертанныхъ отношеній министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія къ Святѣйшему Синоду, то надо признать, что министръ понимался внѣ Синода. Дѣятельность его была въ нѣкоторомъ смыслѣ контролирующая Синодъ и руководившая мнѣніемъ послѣдняго. Поэтому министръ съ одной стороны не замѣнялъ синодальнаго оберъ-прокурора, съ другой—и не оставлялъ ему функцій посредства въ сношеніяхъ Святѣйшаго Синода съ высочайшею властію, а также съ министрами и главноначальствующими въ другихъ вѣдомствахъ. Такое положеніе открывало министру путь къ высшему вліянію на дѣла и отношенія Святѣйшаго Синода, а потому и не могло не быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ стѣснительнымъ для Синода и его оберъ-прокурора, который хотя сохранилъ свое прежнее положеніе въ Синодѣ, но подъ непосредственнымъ подчиненіемъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Въ томъ же особенномъ наказѣ министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ которомъ опредѣлены степень и предѣлы власти министра духовныхъ дѣлъ и его отношенія къ Святѣйшему Правительствующему Синоду, разъяснены права и обязанности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

По этому разъясненію оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода по долгу своего званія, на основаніи 1 п. инструкціи [1]),

[1]) Въ п. 1. инструкціи оберъ-прокурора отъ 13 іюня 1722 г. сказано: оберъ-прокуроръ повиненъ сидѣть въ Синодѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы

сему званію данной 13 іюля 1722 года, обязывается наблюдать за порядкомъ и законнымъ производствомъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и рѣшенію Святѣйшаго Синода, не исключая и дѣлъ до судебной части относящихся. Въ случаѣ разногласія членовъ Синода по какому либо дѣлу, оберъ-прокуроръ обязывается дѣлать предложенія Синоду на законномъ основаніи для соглашенія, при безуспѣшности—представлять министру съ своимъ мнѣніемъ. Постановленія Синода приводятся въ исполненіе не прежде, какъ по просмотрѣ его протоколовъ на законномъ основаніи оберъ-прокуроромъ. Оберъ-прокуроръ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи и подчиненіи канцелярію Святѣйшаго Синода съ служащими при ней чинами а также секретарей духовныхъ консисторій. Отношенія оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія опредѣляются прежде всего тѣмъ, что онъ находится въ такомъ же подчиненіи къ министру, въ какомъ оберъ-прокуроръ правительствующаго сената къ генералъ-прокурору. Министру оберъ-прокуроръ безотлагательно представляетъ меморіи о дѣлахъ, заслушанныхъ въ Синодѣ, а также немедленно доводитъ до свѣдѣнія министра и о послѣдовавшемъ разногласіи членовъ Святѣйшаго Синода съ своимъ мнѣніемъ при протоколѣ Синода.

Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, равно и особенный наказъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія не коснулись состава Святѣй-

---

Синодъ свою должность хранилъ, и во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ синодскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно безъ потерянія времени по регламентамъ и указамъ отправлялъ, развѣ какая законная причина къ отправленію ему помѣшаетъ, что все повиненъ записывать въ свой журналъ; также накрѣпко смотрѣть, чтобы въ Синодѣ не на столѣ только дѣла вершались, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись, въ чемъ онъ долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указы получаетъ исполнено ль по нимъ въ то же время, въ которое начало и совершенство онаго исполнено быть можетъ, и буде не исполнено, то ему вѣдать надлежитъ, для какой причины, невозможность ли какая помѣшала, или по какой страсти, или за лѣностію, и о томъ немедленно Синоду предлагать долженъ. Для чего повиненъ имѣть книгу, въ которой записывать на одной половинѣ въ которой день какой указъ состоялся, а на другой половинѣ записывать, когда имъ по оному указу исполнено или не исполнено и для чего, и прочія обстоятельства нужныя вписать».

шаго Синода и оставили его безъ измѣненія. При всемъ томъ, повидимому, безучастномъ отношеніи, означенные акты предначертанными въ нихъ нововведеніями повреждали самую идею учрежденія Святѣшаго Синода. По этой идеѣ Синодъ представлялся важнымъ и сильнымъ правительствомъ, дѣйствовавшимъ подъ непосредственнымъ авторитетомъ и по указаніямъ государя. Между тѣмъ разсмотрѣнными актами Синодъ ставился подъ контроль министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, утрачивая до нѣкоторой степени и свое исключительное положеніе чрезъ приравненіе къ учрежденіямъ другихъ вѣроисповѣданій въ имперіи. Равнымъ образомъ и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода изъ „ока государева“ и „стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ“ становился уполномоченнымъ министра, обязываясь дѣйствовать по ближайшимъ указаніямъ послѣдняго. Подобное превращеніе установившагося порядка вещей не могло укрыться отъ проницательныхъ взоровъ современниковъ и не вызвать съ ихъ стороны осужденія. Свободнѣе другихъ мыслившій и высказывавшійся о нововведеніяхъ времени императора Александра, А. С. Стурдза такъ охарактеризовалъ учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Онъ говоритъ: „въ основаніе была положена свѣтлая мысль — сочетать навсегда науку съ религіей и скрѣпить благотворный между ними союзъ посредствомъ единства въ направленіи той и другой... Для сего придумали сложное министерство, бразды коего вручили единому лицу, доброму князю Голицыну, какъ будто возможно было основать что либо общественное на случайной личности. Итакъ, скроили платье по его росту, по его отношеніямъ къ государю и связямъ съ семействомъ царя. Этого мало. Мудрые законоположники или забыли, или притворились забывшими, что въ Россіи существуетъ господствующая церковь, около которой толпятся многоразличныя вѣроисповѣданія. Всѣ сіи разнородныя стихіи ввели въ графы новаго положенія: учредили два департамента: одинъ духовныхъ дѣлъ вообще, другой — народнаго просвѣщенія... Но самая грубая ошибка — впрочемъ умышленная — состояла въ томъ, что дѣла Синода и дѣла терпимыхъ религій, — даже мусульманства и язычества — уставили врядъ и распредѣлили по отдѣленіямъ и столамъ въ

одномъ и томъ же департаментѣ. Наконецъ для довершенія всѣхъ промаховъ, бывшій синодальный оберъ-прокуроръ, ставъ министромъ съ двумя бумажниками (портфелями), уступилъ мѣсто свое при Синодѣ другому лицу ниже себя—князю П. С. Мещерскому. Слѣдствіемъ такого необдуманнаго разпоряженія, продолжаетъ Стурдза, и было униженіе Синода, ибо оберъ-прокуроръ представлялъ въ немъ уже лицо министра, а не—царя и помазанника Божія, какъ то установлено было Духовнымъ Регламентомъ. Искра была брошена рукою коварныхъ зажигателей“ [1]). Эта искра, какъ извѣстно, скоро обратилась въ пламя, которое охватило всѣхъ выдававшихся въ то время представителей въ средѣ россійской іерархіи. Не станемъ распространяться объ этомъ, отчасти уже довольно извѣстномъ въ наше время, историческомъ моментѣ. Замѣтимъ, что высшіе тогдашніе представители этой іерархіи и пассивно и активно чувствовали и выражали тяготу бѣдственнаго для отечественной церкви времени и открыто указывали на его недуги. Современникъ описываемаго нововведенія, митрополитъ Амвросій, не имѣя силъ противостать новому теченію вещей, почелъ за лучшее удалиться отъ кормила правленія. Въ біографіяхъ его, замѣчаетъ И. А. Чистовичъ, пишутъ, и митрополитъ Филаретъ подтверждалъ это, что поводомъ къ увольненію Амвросія послужилъ гнѣвъ государя на употребленіе имъ 6 января омофора, опушеннаго горностаемъ и сдѣланнаго изъ покрова надъ гробницею великой княжны. Но, конечно, это былъ только предлогъ къ его увольненію. Настоящая же причина заключалась въ непріятностяхъ его съ княземъ Голицынымъ, покровительствовавшимъ всѣмъ сектамъ, не исключая хлыстовщины. Затѣмъ учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и соединеніе въ одномъ управленіи и сопоставленіе въ одномъ ряду православной церкви не только съ христіанскими исповѣданіями, но и съ магометанствомъ, іудействомъ и язычествомъ, совершившееся безъ участія и даже безъ вѣдома первенствующаго русскаго іерарха, не могло не вызвать въ немъ огорченія, которое увеличило еще болѣе ихъ взаимную непріязнь. На сторонѣ кн. Голицына была сила и власть,

[1]) Изъ книги И. А. Чистовича «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія» стр. 185—186.

и митрополитъ Амвросій сдѣлался ихъ жертвою [1]). Преемникъ Амвросія, митрополитъ Михаилъ также упалъ подъ недугами времени. Онъ скончался 21 марта 1824 года, какъ пишетъ И. А. Чистовичъ, изнемогшій въ борьбѣ съ „слѣпотствующимъ министромъ“ просвѣщенія. Болѣзнь его началась еще въ декабрѣ минувшаго года и была будто бы послѣдствіемъ сильнаго его столкновенія въ одномъ изъ засѣданій Синода съ княземъ Голицынымъ. Болѣзнь длилась три мѣсяца, то усиливалась, то ослабѣвала. За двѣ недѣли до кончины, но уже въ предчувствіи ея близости, митрополитъ Михаилъ написалъ къ государю письмо, въ которомъ откровенно изобразилъ всѣ опасности, которымъ подвергается церковь и въ заключеніе говорилъ: „Государь, когда дойдетъ до Васъ сіе посланіе, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего кромѣ истины не вѣщалъ я людямъ; наипаче теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь дать отчетъ Вышнему Судіи“. Такъ рѣшился говорить и писать царю старецъ, умудренный опытомъ жизни и безутѣшно снѣдаемый горемъ при видѣ окружавшей его мглы. Тогдашній ярославскій архіепископъ, впослѣдствіи московскій митрополитъ Филаретъ, въ письмѣ къ графу Потемкину, описывая тяжесть утраты, причиненной смертію митрополита Михаила, такъ выражался о печальномъ положеніи дѣлъ церковныхъ. Онъ писалъ: „преосвященнѣйшій митрополитъ Михаилъ взятъ отъ насъ къ высшему служенію... пустота и сиротство имъ оставленное велико. За нѣсколько дней до кончины его нѣкто видѣлъ во снѣ, что высокій столбъ съ вѣнцами наверху разрушился съ громомъ: сонъ, по моему мнѣнію, очень справедливый. Не могу описать вамъ всѣхъ мыслей о послѣдствіяхъ сего происшествія, которыя, какъ туманъ, закрывали отъ меня свѣтъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, или открывали мнѣ печальнѣйшіе виды... Ради блага многихъ помолитесь съ нами, чтобы Господь даровалъ намъ человѣка съ духомъ и силою Иліиною, ибо надобно проповѣдывать покаяніе и судъ и съ любовію и терпѣніемъ Христовымъ, ибо надобно миловать и утѣшать безъ надежды собственнаго утѣшенія“. Безнадежность, съ которою о дѣлахъ

---

[1]) См. книгу И. А. Чистовича стр. 183—184.

церковныхъ отзывался Филаретъ, требовала усиленной энергіи и рѣшительности отъ новаго первостоятеля русской церкви, какимъ былъ назначенъ Серафимъ. Послѣднему его собственная рѣшимость и обстоятельства поблагопріятствовали узрѣть Высочайшій указъ 15 мая 1824 года, который гласилъ: „назначивъ особаго министра народнаго просвѣщенія, повелѣваемъ дѣламъ Святѣйшаго правительствующаго Синода, до назначенія министра духовныхъ дѣлъ, имѣть то же теченіе, въ какомъ они находились до учрежденія сего министерства 24 октября 1817 года“. Этимъ Высочайшимъ указомъ было упразднено министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, но не были и не могли быть, какъ увидимъ, изглажены послѣдствія традицій, которыя успѣло заронить это министерство въ духовную среду...

Возникновеніе и дѣятельность министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія обыкновенно связываютъ съ именемъ и личностью князя А. Н. Голицына, прежде бывшаго оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, а затѣмъ ставшаго министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Слышатся предположенія, что для возвышенія князя Голицына и было проектировано павшее министерство. Справедливость и истинная оцѣнка этого историческаго момента побуждаютъ сказать, что учрежденіе павшаго министерства было данью увлеченія идеями вѣка, поглощавшими вниманіе тогдашнихъ политическихъ дѣятелей. Извѣстный уже намъ А. С. Стурдза намекаетъ на это увлеченіе, когда говоритъ, что въ учрежденіи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія „въ этомъ, вновь составленномъ обширномъ управленіи, видимо отражался недавно заключенный въ Парижѣ священный союзъ. Отвлеченную мысль сію надлежало облечь въ видимую форму, ввести въ объемъ государственныхъ учрежденій и согласить съ духомъ правительства и государства“. Утверждаясь на этой прикровенной идеѣ, учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ одной стороны усиливалось сочетать вѣру съ наукою, объединить церковь со школою, съ другой—стремилось привести къ строгому, какъ бы органическому единству, всѣ существовавшія въ государствѣ вѣроисповѣданія и

религіи, не полагая между ними различія и поставляя на ряду со всѣми прочими и господствующую церковь съ ея особымъ іерархическимъ устройствомъ. Учрежденное на такихъ началахъ и съ такими задачами министерство должно было служить къ наглядному со стороны правительства выраженію воспринятой имъ идеи священнаго союза. Этою идеею въ дѣйствительности былъ восторженно проникнутъ и пламенно согрѣтъ главный дѣятель вновь созданнаго министерства князь А. Н. Голицынъ. Послѣдній, какъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, обращался къ Государю Императору съ слѣдующимъ, собственною его рукою написаннымъ, докладомъ, ярко рисующимъ воззрѣнія и убѣжденія князя по сему предмету. Онъ писалъ:

„Въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста, 14 сентября 1815 года, Ваше Императорское Величество въ Парижѣ заключили съ своими союзниками священный союзъ, доселѣ въ обыкновенномъ ходу политическомъ небывалый.

„Въ немъ никакихъ мірскихъ видовъ нѣтъ, единственная его цѣль есть: признаніе великихъ государствъ владыками Іисуса Христа, единаго сущаго и грядущаго, Царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ. А согласіе разныхъ государей христіанскихъ исповѣданій признавать царствіе Господа на землѣ, и торжественный обѣтъ исполненія воли Его въ отношеніи между собою, равно какъ и въ управленіи отраслями единаго христіанскаго народа, есть столь важное событіе во времена наши, что всѣ послѣдствія онаго не могутъ быть обняты во всемъ пространствѣ. Онѣ еще конечно закрыты въ любвеобильномъ сердцѣ Господа нашего Іисуса Христа; но всякому тому ощутительно, кто хочетъ видѣть: что сей актъ нельзя не признать иначе, какъ предуготовленіемъ къ тому обѣщанному царствію Господа на землѣ, которое будетъ яко на небеси, и о коемъ церковь возсылаетъ ежедневныя моленія.

„По обнародованіи сего акта въ Россіи, Святѣйшимъ Синодомъ повелѣно напечатавъ его, поставить на стѣнахъ храмовъ, а индѣ вырѣзать на дскахъ; также заимствовать изъ онаго мысли для проповѣди.

„Въ дополненіе къ симъ распоряженіямъ я осмѣливаюсь

представить Вашему Императорскому Величеству: не соизволите ли признать полезнымъ впредь: каждое 14-е число сентября, то есть въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста, въ память подписанія Вами акта сего христіанскаго союза, читать его вмѣстѣ съ манифестомъ по оному случаю послѣдовавшимъ, въ градскихъ и сельскихъ церквахъ, дабы всѣмъ и каждому (исполнить) обѣтъ служенія Единому Господу, Спасителю, изреченный въ лицѣ Вашемъ за весь народъ, Богомъ ввѣренный Вашему Императорскому Величеству, ибо во второй статьѣ сего акта сказано: „что подданные должны имѣть единымъ правиломъ приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь. Почитать себя всѣмъ, какъ бы членами единаго народа христіанскаго“. Потомъ далѣе: „убѣждаются они съ нѣжнѣйшемъ попеченіемъ со дня на день утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человѣковъ Божественный Спаситель, это единственное средство для насажденія мира, который истекаетъ отъ доброй совѣсти, и который единъ проченъ.

„Отъ исполненія сихъ правилъ священнаго союза зависитъ исполненіе великихъ благословеній. Въ противномъ случаѣ страшиться должно правосудія милосердаго Царя и Господа Іисуса.

„И потому важность сего дѣла такова, что не можно довольно объ ономъ напоминать всѣми способами, дабы мы ежечасно помнили обѣтъ, предавались водительству сего спасающаго души наши Вождя, который единъ есть путь, истина и животъ.

„Изложивъ мысли мои, повергаю оныя на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества“. Подписано: князь Александръ Голицынъ.

На семъ докладѣ собственною рукою государя написано: „быть по сему“.

Соображая выраженныя въ приведенномъ докладѣ мысли синодальнаго оберъ-прокурора, назначавшагося министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, нельзя не признать, что онъ смотрѣлъ на священный союзъ, не какъ на программу политическихъ дѣйствій и отношеній между пред-

ставителями и правительствами государствъ, заключившихъ подобный союзъ, но какъ на коренной принципъ, полагавшійся въ основу народной жизни и международныхъ отношеній. Отсюда понятно стремленіе воспитывать народъ и развивать юношество въ пониманіи, сознаніи и проведеніи въ жизнь этого принципа. Въ виду достиженія этой цѣли и для упроченія самаго принципа надлежало прежде всего самому правительству представить опытъ и показать примѣръ наглядnаго для всѣхъ и каждаго примѣненія этого принципа. Такимъ примѣромъ и опытомъ со стороны правительства Александра Благословеннаго и было основанное на мнѣніи Государственнаго Совѣта, высочайше одобренное учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ которомъ объединялись всѣ вѣроисповѣданія безъ различія ихъ относительнаго достоинства и народностей къ нимъ принадлежащихъ, въ которомъ церковь и школа призывались за одно служить общему дѣлу народнаго просвѣщенія. Призрачность этого министерства при самомъ его возникновеніи предуказывалась тѣмъ, что оно утверждалось на зыбкой, отвнѣ заимствованной для него почвѣ. Непрочность его опредѣлялась тѣмъ, что оно усиливалось соединить разнообразные предметы и вовсе несоединимые организмы, каковы христіанство и мусульманство, язычество и іудейство, законъ Христовъ и начертаніе его скрижалей. Распаденіе того же министерства намѣчалось въ томъ, что судьба его обусловливалась интересами личности, паденіе которой неминуемо должно было повлечь и разрушеніе министерства. Въ отношеніи въ частности къ Св. Синоду судьба этого министерства не могла быть устойчива потому, что оно простирало свои права на кругъ такихъ дѣлъ, кои по самой ихъ природѣ не могли входить въ его компетенцію. Поэтому мы и видимъ, что съ самаго возникновенія этого министерства, оно возбудило противъ себя затаенную, но тѣмъ не менѣе рѣшительную оппозицію со стороны истинныхъ ревнителей интересовъ церкви. Эта оппозиція при благопріятныхъ обстоятельствахъ привела къ паденію министерства, бравшагося повѣрять мнѣніе Синода, и къ устраненію самого министра отъ дѣлъ синодальныхъ...

Положеніе Святѣйшаго Синода во время министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представляется во многомъ измѣнившимся, впрочемъ не относительно его состава, въ которомъ совершались обычныя измѣненія. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о новомъ штатѣ Святѣйшаго Синода и его конторы. Штатъ этотъ разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ по представленію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщеніи, который „во исполненіе Высочайшаго соизволенія, дабы канцелярія Святѣйшаго Синода была сравнена съ канцеляріею Правительствующаго Сената относительно окладовъ жалованья, составя проектъ штата для канцеляріи Святѣйшаго Синода и московской конторы, представилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта“. При этомъ „имѣя въ виду, что Высочайшее повелѣніе, объявленное генераломъ отъ артиллеріи графомъ Аракчеевымъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта, по которому должны быть возвышены оклады жалованья сенаторамъ, министръ сдѣлалъ сообразное положеніе и относительно того, какую можно произвесть прибавку къ жалованью членовъ и присутствующихъ Святѣйшаго Синода и московской онаго конторы“. Государственный Совѣтъ одобрилъ своимъ мнѣніемъ предположенія министра, которыя вмѣстѣ со штатами и удостоились Высочайшаго утвержденія 9 іюля 1819 г. По этимъ штатамъ въ Святѣйшемъ Синодѣ положены изъ архіереевъ четыре члена: первенствующій, другіе два, присутствующій архіерей — каждому изъ нихъ по 4.000 руб., изъ архимандритовъ два—каждому по 3.000 руб.; но при этомъ въ штатѣ замѣчено: „нынѣ ихъ не состоитъ, а положенные для нихъ оклады должны быть обращены одинъ арміи и флота оберъ-священнику, а другой Его Императорскаго Величества духовнику“; сверхъ сего изъ протоіереевъ одинъ съ жалованьемъ 3.000 руб. Всего на присутствіе Святѣйшаго Синода по этому штату исчислялось 25.000 р. Означенный штатъ и по составу членовъ и по окладамъ содержанія значительно разнился отъ штатовъ предшествующаго времени. Подъ вліяніемъ начинавшейся слагаться и устанавливавшейся практики этотъ штатъ, повидимому, придерживался прежнихъ традицій, въ дѣйствительности же прово-

дилъ другіе принципы. Вообще позволительно будетъ сказать, что начертаніе этого штата какъ бы соображено было съ тогдашнимъ наличнымъ составомъ Святѣйшаго Синода.

Предъ образованіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ составѣ Святѣйшаго Синода находились: Амвросій митрополитъ новгородскій, Михаилъ архіепископъ черниговскій, Серафимъ архіепископъ тверской, духовникъ Павелъ Криницкій и оберъ-священникъ Іоаннъ Державинъ. Къ нимъ слѣдуетъ присовокупить еще бывшаго экзарха Грузіи, митрополита Варлаама, который 14 мая 1817 г. уволенъ отъ управленія епархіальными дѣлами и отъ всѣхъ должностей въ Грузіи, вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, съ жалованьемъ по званію синодальнаго члена и съ сохраненіемъ производимыхъ ему въ пенсіонъ 2.350 руб. въ годъ. Пребываніе ему указано имѣть въ зданіи, принадлежащемъ духовному вѣдомству по усмотрѣнію епархіальнаго начальства. Изъ описаннаго состава прежде всѣхъ уходитъ первенствующій членъ митрополитъ Амвросій, который 26 марта 1818 г. согласно его прошенію „объ облегченіи его отъ многотрудныхъ должностей по слабости силъ“, высочайше былъ уволенъ отъ управленія с.-петербургскою, эстляндскою и финляндскою епархіями и оставленъ новгородскимъ митрополитомъ съ позволеніемъ ему жить въ Новгородѣ и съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ, какіе онъ получалъ, кромѣ содержанія по с.-петербургской епархіи и по Александро-Невской лаврѣ. Подлинный Высочайшій указъ гласилъ: „снисходя на прошеніе новгородскаго митрополита Амвросія о облегченіи его отъ многотрудныхъ должностей по слабости силъ, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ управленія с.-петербургской, эстляндской и финляндской епархій, оставляя его новгородскимъ. Согласно же съ желаніемъ, въ просьбѣ его изъясненнымъ, соизволяемъ и на пребываніе въ Новгородѣ, повелѣвая производить ему всѣ оклады, какіе онъ получаетъ нынѣ, кромѣ тѣхъ, кои слѣдовать будутъ заступающему его мѣсто по с.-петербургской епархіи и по Александро-Невской лаврѣ“. По силѣ сего указа митрополитъ увольнялся отъ присутствованія въ Св. Синодѣ и жилъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ вскорѣ, именно 20 мая, скончался. На

мѣсто Амвросія того же 26 марта былъ назначенъ сначала только „с.-петербургскимъ, эстляндскимъ и финляндскимъ митрополитомъ и Свято-Троицкія Александро-Невскія лавры архимандритомъ“ членъ Святѣйшаго Синода, черниговскій архіепископъ Михаилъ (Десницкій), которому 25 іюня повелѣно быть „купно и митрополитомъ новгородскимъ“. Съ назначеніемъ Михаила новгородскимъ митрополитомъ, ему повелѣно производить и положенное по штату жалованье „первоприсутствующаго члена Святѣйшаго Синода, яко занимающему первенствующее мѣсто“. Появленіе сего распоряженія объясняется тѣмъ, что этимъ окладомъ по смерть пользовался митрополитъ Амвросій. Говоря объ этой перемѣнѣ, не лишне для знакомства съ личными качествами новаго первенствующаго члена Святѣйшаго Синода и съ особыми, возлагавшимися на него, задачами служенія, какъ о томъ засвидѣтельствовано въ Высочайшемъ рескриптѣ, привести самый этотъ рескриптъ, который гласилъ:

„Преосвященный митрополитъ с.-петербургскій Михаилъ! Заслуги ваши церкви оказанныя, примѣрное благочестіе и украшающія душу вашу качества, обращали всегда на васъ мое вниманіе. При введеніи нынѣ васъ, въ важнѣйшее служеніе прежняго, пріятно для меня изъявить вамъ особенное уваженіе мое пожалованіемъ вамъ бѣлаго клобука съ крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Я молю Господа, да ниспошлетъ Онъ вамъ умноженіе силъ свыше къ прохожденію новаго поприща во славу и распространеніе царствія Христа Спасителя, да насаждаете паче и паче слова Его въ сердцахъ духовной паствы, вамъ ввѣряемой, да совершая во истинѣ дѣла обширнаго пастырскаго званія вашего, содѣлаетесь образомъ стаду и явльшемуся Пастыреначальнику, пріимете неувядаемый славы вѣнецъ“. Пребываю вамъ всегда благосклонный Александръ. Варшава. 26 марта 1818 г.

Содержаніе и направленіе приведеннаго рескрипта ясны. Остается ради любопытства прибавить, что оба указа и объ увольненіи Амвросія и о назначеніи Михаила написаны рукою князя Голицына. Въ августѣ (1) 1818 г. вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствія въ Святѣйшемъ Синодѣ на два года ярославскій архіепископъ Антоній (Знаменскій), кото-

рый 20 іюля 1820 г. уволенъ отъ управленія епархіею. Въ мартѣ (15) 1819 г. послѣдовала перемѣна и относительно члена Святѣйшаго Синода тверскаго архіепископа Серафима, который былъ назначенъ митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ и Свято-Троицкія Сергіевы лавры архимандритомъ. Мѣсто Серафима въ Твери занялъ ревельскій епископъ Филаретъ (Дроздовъ) съ „назначеніемъ его вмѣстѣ и членомъ Святѣйшаго Синода“. Въ Высочайшемъ рескриптѣ московскому митрополиту Серафиму, между прочимъ, изображено: „поручаю васъ Пастыреначальнику Господу нашему Іисусу Христу, да освѣщаетъ Онъ васъ болѣе и болѣе свѣтомъ Своимъ, и да дастъ силы пріуготовить сердца паствы вашей къ принятію царствія его во внутрь ихъ. Жатва многа: да поможетъ Господь вамъ быть добрымъ дѣлателемъ и споспѣшествовать къ умноженію таковыхъ же подъ направленіемъ вашимъ“. Надлежитъ отмѣтить, что съ назначеніемъ Серафима московскимъ митрополитомъ, ему повелѣно (23 марта 1819 г.) присутствовать въ московской синодальной конторѣ съ производствомъ жалованья по званію члена Святѣйшаго Синода, вмѣсто опредѣленнаго по званію члена московской синодальной конторы. На это Высочайшее распоряженіе нельзя смотрѣть, какъ на устраненіе митрополита Серафима отъ участія въ дѣлахъ Святѣйшаго Синода; напротивъ оно отвѣчало тогдашней практикѣ, по которой московскіе владыки, послѣ того, какъ митрополитъ Платонъ въ 1778 г. выпросилъ себѣ у императрицы Екатерины дозволеніе отъѣхать въ епархію, не призывались къ присутствованію въ Синодѣ. Преемникъ Платона и предшественникъ Серафима архіепископъ Августинъ (Виноградскій) все время оставался въ Москвѣ. Этому архипастырю, еще въ званіи викарія московской митрополіи, сначала по случаю болѣзни (13 іюня 1811 г.), а затѣмъ и послѣ смерти (28 декабря 1812 г.) митрополита Платона, поручено завѣдываніе дѣлами московской епархіи. Управленіе Августина оказалось настолько благодѣтельнымъ для разоренной въ то время Москвы, что указомъ отъ 30 августа 1814 года государь императоръ далъ слѣдующее повелѣніе: „за оказанныя услуги во время вторженія въ Москву непріятеля и за успѣшное приведеніе духовной части въ порядокъ всемилостивѣйше

пожаловали мы викарія московскаго епископа Августина архіепископомъ дмитровскимъ и архимандритомъ Свято-Троицкія Сергіевы лавры, повелѣвая ему именоваться членомъ Синода и управляющимъ московскою митрополіею". Особенный примѣръ возвышенія викарнаго епископа, который (3 марта 1819 г.) умеръ уже въ санѣ московскаго архіепископа. За выбытіемъ митрополита Серафима, при введеніи новаго штата, въ Синодѣ были: первенствующій членъ Михаилъ митрополитъ новгородскій, члены Синода—Варлаамъ митрополитъ и Филаретъ архіепископъ тверской, присутствующій Антоній архіепископъ ярославскій, духовникъ Криницкій и оберъ-священникъ Державинъ, которые занимали мѣста архимандритовъ. Изъ нихъ на мѣсто Антонія ярославскаго, какъ вызваннаго на два года, при приближеніи сего срока, а именно 5 іюня 1820 г., былъ вызванъ на томъ же основаніи, черниговскій архіепископъ Симеонъ (Смирновъ), который вскорѣ въ томъ же году былъ перемѣщенъ въ Тверь, на мѣсто Филарета, переведеннаго въ Ярославль, по увольненіи 12 іюля 1820 г. упомянутаго Антонія на покой отъ управленія епархіею въ Дервеницкій монастырь съ пенсіею, по ходатайству Синода, въ три тысячи руб. Филаретъ и не видалъ своей новой епархіи и только издалека привѣтствовалъ ея паству посланіемъ; ибо въ слѣдующемъ году послѣ Серафима былъ назначенъ московскимъ архіепископомъ. Не можемъ удержаться, чтобы не привести того доклада Святѣйшаго Синода, по которому Филаретъ былъ назначенъ въ Москву. 28 іюня 1821 г. Синодъ докладывалъ Государю. „Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія объявилъ Синоду Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе объ избраніи кандидатовъ на открывшуюся въ Московской епархіи архіерейскую вакансію и о представленіи объ оныхъ Вашему Величеству. Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія Синодъ единогласно избралъ въ сію епархію члена онаго, Филарета, архіепископа Ярославскаго: но какъ онъ проситъ освободить его отъ сего избранія, оставить при управленіи ввѣренною ему епархію, то Синодъ по важности Московской епархіи, находя нужнымъ избрать въ оную двухъ кандидатовъ, признаетъ достойными архіепископовъ присутствующаго въ

Синодѣ Симеона Тверскаго и Сергія Рязанскаго". Ходатайствуя объ утвержденіи одного изъ нихъ, Синодъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ государя: 1) что „какъ Московскій архіерей долженъ присутствовать въ тамошней Синодальной конторѣ, чтобы именоваться ему и членомъ Синода, съ полученіемъ положеннаго въ той конторѣ жалованья, и 2) чтобы на основаніи издавна утвердившагося обычая именовать назначеннаго вмѣстѣ и архимандритомъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры". Настоящій докладъ подписали: „Варлаамъ митрополитъ, Филаретъ архіепископъ Ярославскій, Симеонъ архіепископъ Тверской, духовникъ Павелъ Крницкій и оберъ-священникъ Іоаннъ Державинъ". На семъ докладѣ собственною рукою императора Александра было написано „быть Московскимъ архіепископомъ и Святотроицкія Сергіевы Лавры архимандритомъ преосвященному Филарету". Трудно сказать, таковъ ли былъ бы исходъ дѣла о замѣщеніи московской каѳедры при другомъ составѣ Синода и даже при участіи первенствующаго іерарха. Назначеніе Филарета московскимъ архіепископомъ повело 17 іюля 1821 г. къ перемѣщенію Симеона изъ Твери въ Ярославль, а Іоны (Павинскаго) орловскаго епископа въ Тверь, архіепископомъ, который тогда же (21-го іюля) былъ вызванъ въ Синодъ для присутствія. Эти назначенія и перемѣны состоялись въ то время, когда Серафимъ еще не вступалъ въ присутствіе Святѣйшаго Синода въ званіи первенствующаго. Серафимъ участвовалъ въ состоявшемся 1 октября 1821 г. назначеніи Іоны (Васильевскаго) астраханскаго архіепископа въ Грузію экзархомъ на мѣсто умершаго 19-го іюля 1821 года Ѳеофилакта (Русанова).

О назначеніи Серафима митрополитомъ с.-петербургскимъ, И. А. Чистовичъ замѣчаетъ, что оно „произошло подъ вліяніемъ Аракчеева, и что въ этомъ уже заключалось указаніе ему, какъ дѣйствовать далѣе и какъ относиться къ князю Голицыну и покровительствуемымъ имъ лицамъ и учрежденіямъ". Оставляя это показаніе на отвѣтственности его источника, замѣтимъ, что Высочайшій рескриптъ не указывалъ новому первенствующему члену Святѣйшаго Синода особыхъ задачъ. Онъ призывалъ новаго митрополита прибыть въ С.-Петербургъ и вступить на сіе новое поприще. „Служеніе Господу въ духѣ

Его, гласилъ рескриптъ государя, какъ я увѣренъ, равно для васъ на всякомъ мѣстѣ, куда Онъ васъ ни пошлетъ. Посему умоляю его Премилосердаго, да благословитъ Онъ сіе новое для васъ назначеніе, и да даруетъ вамъ силу и духъ творить дѣло Его по точной Его волѣ, въ неуклонномъ воззрѣніи на Него вести ввѣряемое вамъ стадо по Его пути и содѣйствовать всецѣло насажденію въ сердцахъ царствія Іисусъ Христова".

Митрополитъ Серафимъ началъ свою дѣятельность въ Синодѣ, въ качествѣ первенствующаго члена, въ то время, когда въ Синодѣ находились: Варлаамъ митрополитъ, бывшій экзархъ Грузіи, архіепископы—Симеонъ ярославскій, Іона тверской, духовникъ Криницкій и оберъ-священникъ Державинъ. Изъ нихъ архіепископъ Симеонъ съ 5 іюля 1822 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе на увольненіе въ епархію. На мѣсто Симеона былъ вызванъ московскій архіепископъ Филаретъ. Симеону во свидѣтельство Высочайшаго благоволенія была пожалована отъ Кабинета украшенная драгоцѣнными камнями панагія. Равнымъ образомъ и оставшемуся въ Синодѣ тверскому архіепископу Іонѣ 26 февраля 1823 г. повелѣно быть членомъ Св. Синода съ полученіемъ жалованья по сему званію положеннаго. Филаретъ долженъ былъ прибыть въ С.-Петербургъ въ іюлѣ, и для жительства ему назначено ярославское подворье. Пребываніе Филарета въ Синодѣ продолжалось до іюня 1823 г., когда послѣдовало Высочайшее соизволеніе на увольненіе его во ввѣренную епархію, и къ 1 августу Филаретъ отбылъ въ Москву въ двухгодичный, согласно его желанію, отпускъ. На этотъ отпускъ Филарета современники смотрѣли какъ на затаенное намѣреніе укрыться изъ Петербурга на время, когда положеніе князя Голицына начало колебаться [1]). На мѣсто Филарета и время отсутствія его изъ Петербурга былъ вызванъ въ Синодъ кишиневскій архіепископъ Димитрій Сулема, который однако не пробылъ въ Синодѣ предназначеннаго для него срока, — ибо 19 декабря 1824 г., по случаю вызова въ Синодъ кіевскаго митрополита Евгенія (Болховитинова), былъ уволенъ во ввѣренную ему кишиневскую епархію. Димитрій, слѣдовательно, былъ въ Синодѣ въ то время, когда состоялось за-

[1]) Чит. у И. А. Чистовича «Руков. дѣятели дух. просв.» стр. 225—228.

крытіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и когда въ синодальномъ присутствіи находились: Серафимъ митрополитъ, Варлаамъ митрополитъ, Іона архіепископъ тверской, духовникъ Криницкій и оберъ-священникъ Державинъ. Въ Высочайшемъ повелѣніи о вызовѣ кіевскаго митрополита Евгенія не содержится особыхъ поясненій относительно мотивовъ сего вызова. Тѣмъ не менѣе вызовъ этотъ, пишетъ въ своей книгѣ И. А. Чистовичъ, произвелъ въ духовномъ кругу движеніе и возбудилъ разные предположенія и толки. Калужскій епископъ Филаретъ (Амфитеатровъ), бывшій послѣ Евгенія кіевскимъ митрополитомъ, писалъ Филарету московскому: „Вызовъ кіевскаго митрополита по необычайности своей много заставляетъ думать. Желательно, чтобы хотя онъ заставилъ замолчать мечтателей. Впрочемъ одинъ Господь Іисусъ Христосъ—утвержденіе Своей церкви, и Онъ, вѣчная Премудрость Бога Отца, вѣрно найдетъ способъ извести въ свѣтъ истину ими же вѣсть судьбами“. Если принять въ соображеніе письмо юрьевскаго архимандрита Фотія къ митрополиту Евгенію по поводу вызова послѣдняго въ Синодъ, — то нельзя не признать, что этотъ вызовъ находился въ тѣсной связи съ событіями времени, какія имѣли мѣсто предъ—и послѣ паденія министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, равно и князя Голицына [1]). Замѣтимъ, что Высочайшій указъ о вызовѣ Евгенія былъ объявленъ Св. Синоду генераломъ отъ артиллеріи графомъ Аракчеевымъ. Митрополитъ Евгеній вмѣстѣ съ прочими членами Св. Синода подписалъ синодскіе протоколы какъ о кончинѣ императора Александра I, такъ и о воцареніи императора Николая I. Кромѣ Евгенія въ то время въ Синодѣ находились: Серафимъ митрополитъ, Іона архіепископъ тверской, Авраамъ архіепископъ ярославскій, духовникъ Криницкій и оберъ-священникъ Державинъ. Изъ нихъ архіепископъ Авраамъ 5 февраля 1825 г. былъ вызванъ на мѣсто митрополита Варлаама, бывшаго экзарха Грузіи, тогда же согласно его прошенію уволеннаго на покой въ московскій Даниловъ монастырь, коимъ Варлаамъ и управлялъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1830 году 18 декабря.

[1]) См. въ книгѣ И. А. Чистовича стр. 228 и слѣд.

Въ царствованіе императора Николая I Святѣйшій Синодъ пережилъ многое и въ особенности измѣнилась его внѣшняя обстановка въ дѣлѣ завѣдыванія отдѣльными частями управленія. Причина сего въ томъ, что министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, хотя и пало, но, по своемъ паденіи, оставило какъ бы въ наслѣдіе Святѣйшему Синоду то самое отдѣленіе департамента духовныхъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточивались дѣла по Святѣйшему Синоду, поступавшія въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія на усмотрѣніе и распоряженіе министра. Приходилось считаться съ этимъ наслѣдіемъ тѣмъ болѣе, что единовременно съ назначеніемъ особаго министра народнаго просвѣщенія — адмирала Шишкова и закрытія министерства духовныхъ дѣлъ былъ данъ комитету министровъ особый Высочайшій указъ, коимъ повелѣвалось, чтобы „первое отдѣленіе департамента духовныхъ дѣлъ, состоящее изъ двухъ столовъ по дѣламъ греко-россійскаго исповѣданія, находилось въ вѣдѣніи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода“. Такимъ распоряженіемъ предуказывалось и отчасти уже намѣчалось, что синодальный оберъ-прокуроръ имѣетъ занять положеніе бывшаго министра относительно дѣлъ синодальнаго вѣдомства и войти въ наслѣдіе его преимуществъ. Разъясненіе такой перемѣны не заставило себя долго ждать. 8 іюня 1824 года синодальный оберъ-прокуроръ князь П. С. Мещерскій предложилъ Святѣйшему Синоду отношеніе къ нему графа Аракчеева слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе Высочайшей Государя Императора воли изъ комитета гг. министровъ сообщено будетъ вашему сіятельству о послѣдствіяхъ Высочайшихъ указовъ, содержащихъ послѣднія перемѣны о теченіи духовныхъ дѣлъ“. При этомъ графъ Аракчеевъ сообщилъ высочайшую волю и о томъ, чтобы „дѣла Святѣйшаго Синода, подлежащія Высочайшему разсмотрѣнію и разрѣшенію, оберъ-прокуроръ присылалъ всегда Его Императорскому Величеству въ запечатанныхъ кувертахъ со слѣдующею надписью: „Его Императорскому Величеству—отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода,—въ собственныя руки“. Этимъ опредѣлялось положеніе оберъ-прокурора въ отношеніи къ Святѣйшему Синоду. Изъ предложенія того же оберъ-проку-

рора Святѣйшему Синоду, отъ 20 августа 1824 года, узнаемъ вообще порядокъ теченія дѣлъ по вѣдомству Святѣйшаго Синода. Оберъ-прокуроръ писалъ: „на основаніи Высочайшаго указа, даннаго комитету гг. министровъ въ 15 день мая сего года, принявъ въ вѣдѣніе мое 1 отдѣленіе бывшаго департамента духовныхъ дѣлъ, я имѣлъ счастіе представлять на Высочайшее разрѣшеніе о порядкѣ производства нѣкоторыхъ дѣлъ, вступающихъ въ отдѣленіе сіе на основаніи общаго учрежденія и учрежденія бывшаго духовнаго министерства и особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, даннымъ бывшему министру дѣйствительному тайному совѣтнику князю А. Н. Голицыну. Нынѣ генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ объявилъ мнѣ, что Государь Императоръ въ разрѣшеніе представленія моего, между прочимъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1-е. Вопросъ, — какой ходъ должны имѣть дѣла по тяжбамъ казны и частныхъ лицъ съ духовнымъ вѣдомствомъ объ имуществѣ и о людяхъ, отыскивающихъ вольности изъ частнаго владѣнія, по происхожденію ихъ изъ духовнаго званія, которыя доселѣ присылались изъ Правительствующаго Сената къ бывшему министру на предварительное его заключеніе,—разсмотрѣть въ комитетѣ гг. министровъ, которому о семъ уже Высочайшая воля объявлена. 2-е. Дѣла по комиссіи о сооруженіи въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя причислить къ предметамъ помянутаго 1-го отдѣленія, въ которомъ они производиться и разрѣшаться должны на прежнемъ основаніи по докладамъ моимъ, представляемымъ Государю Императору въ собственныя руки. 3-е. Что касается до 1-го отдѣленія департамента духовныхъ дѣлъ, то Его Императорскому Величеству угодно, чтобы оное оставалось въ настоящемъ его положеніи подъ именемъ отдѣленія духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода, а опредѣленія, увольненія и награды чиновниковъ сего отдѣленія производимы были на правилахъ общаго министерствъ учрежденія“.

Предоставленное приведенными Высочайшими повелѣніями отдѣленіе греко-россійскаго исповѣданія въ вѣдѣніе синодальнаго оберъ-прокурора образовало совершенно новое для вѣдомства Святѣйшаго Синода учрежденіе, въ которомъ сосре-

доточивались дѣла по части синодальнаго оберъ-прокурора. Въ этомъ отдѣленіи изготовлялись всеподданнѣйшіе доклады по дѣламъ Святѣйшаго Синода и за подписью оберъ-прокурора и начальника отдѣленія подносились на Высочайшее воззрѣніе. Въ томъ же порядкѣ и по той же формѣ писались предложенія Святѣйшему Синоду съ объявленіемъ Высочайшихъ повелѣній и другихъ предначертаній по вѣдомству Святѣйшаго Синода. Чрезъ то же отдѣленіе производилась переписка синодальнаго оберъ-прокурора съ прочими правительственными учрежденіями и лицами. Вообще отдѣленіе послужило своего рода почвою для развитія оберъ-прокурорской части и самостоятельныхъ предначертаній оберъ-прокурора, котораго положеніе съ этого времени начинаетъ приближаться къ значенію бывшаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Правда тогдашній оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода князь П. С. Мещерскій, при которомъ совершилась описанная перемѣна, повидимому, продолжалъ поддерживать прежнее теченіе синодальныхъ дѣлъ. Преемникъ его (съ 2 апрѣля 1833 г.) С. Д. Нечаевъ и въ особенности замѣститель послѣдняго (съ 25 іюля 1836 г.) Н. А. Протасовъ дали совершенно новое направленіе. Послѣдствіемъ сего было возникновеніе новыхъ, прежде не существовавшихъ при Святѣйшемъ Синодѣ, учрежденій съ непосредственнымъ подчиненіемъ послѣднихъ синодальному оберъ-прокурору. Изъ этихъ учрежденій первымъ по времени является контроль при отдѣленіи духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія. Назначеніемъ этого контроля была ревизія отчетовъ подвѣдомственныхъ Святѣйшему Синоду мѣстъ и лицъ по суммамъ, обращавшимся въ духовномъ вѣдомствѣ. Въ составъ этого контроля по тогда же одобренному штату входили: начальникъ счетной части, два контролера и нѣсколько канцелярскихъ служителей разныхъ ранговъ. Контроль имѣлъ самостоятельное значеніе въ томъ смыслѣ, что переписка по дѣламъ контроля производилась оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, при участіи начальника контрольной части. Впрочемъ учрежденіемъ контроля и ограничилась непродолжительная дѣятельность синодальнаго оберъ-прокурора Нечаева. Заступившій его мѣсто, сначала (24 февраля 1836 г.) въ качествѣ исправляю-

щаго должность, затѣмъ (съ 25 іюля 1836 г.) въ званіи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Н. А. Протасовъ сразу принялся за нововведенія по духовному вѣдомству. Прежде всего онъ озаботился устройствомъ особой при оберъ-прокурорѣ канцеляріи, независимо отъ отдѣленія греко-россійскаго исповѣданія. Любопытно ознакомиться съ мотивами, на основаніи которыхъ новый оберъ-прокуроръ ходатайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ о необходимости устройства при оберъ-прокурорѣ новаго учрежденія. Графъ Протасовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1 августа 1836 года писалъ: „на оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, при установленіи сей должности, возложены были различныя обязанности, которыя усугублялись по мѣрѣ распространенія круга дѣйствій Синода и вѣдомства онаго, съ теченіемъ времени обязанности сіи несравненно противу прежняго увеличились: во 1-хъ по учрежденіи коммиссіи духовныхъ училищъ, въ видѣ особаго духовнаго департамента важнаго по цѣли, многосложнаго по занятіямъ и средствамъ; и во 2-хъ по упраздненіи бывшаго министерства духовныхъ дѣлъ, ибо съ того времени обращены на оберъ-прокурора различныя обязанности, лежавшія на министрѣ, чрезъ котораго духовное и гражданское начальство сносилось по взаимнымъ надобностямъ; въ послѣднее же время оберъ-прокуроръ получилъ еще въ свое управленіе контроль по духовному вѣдомству. Наконецъ онъ обязанъ представлять отчетъ Вашему Императорскому Величеству о ходѣ дѣлъ по всему управленію.

„Для исполненія всѣхъ сихъ обязанностей оберъ-прокуроръ имѣетъ при себѣ 1-хъ—оставленное въ завѣдываніи его отъ бывшаго департамента духовныхъ дѣлъ одно отдѣленіе и 2-хъ—при дѣлахъ Святѣйшаго Синода канцелярію, состоящую изъ одного чиновника съ однимъ канцелярскимъ служителемъ. Между тѣмъ въ сихъ отдѣленіи и канцеляріи производится нынѣ дѣлъ и бумагъ почти вдвое болѣе противъ числа тѣхъ, которыя проходятъ чрезъ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій при 3-хъ отдѣленіяхъ съ особою канцеляріею.

„Въ сихъ, ограниченныхъ по числу чиновниковъ, отдѣленіи и канцеляріи, производятся нынѣ слѣдующія дѣла:

1—Исполненія по опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода и журналамъ коммиссіи духовныхъ училищъ, которыми предоставляется оберъ-прокурору о различнаго рода предметахъ или представлять на Высочайшее благоусмотрѣніе, или входить въ сношеніе съ лицами и мѣстами гражданскаго вѣдомства, или учинить какія либо распоряженія. 2—Разсмотрѣніе поступающихъ изъ Правительствующаго Сената на заключеніе оберъ-прокурора тяжебныхъ дѣлъ, до церковной собственности или людей духовнаго званія касающихся. 3—Разсмотрѣніе всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ на рѣшенія низшихъ мѣстъ духовнаго вѣдомства и Святѣйшаго Синода; собранія по онымъ справокъ съ самыми дѣлами; отписки по онымъ или доклады Вашему Величеству. 4—Разсмотрѣніе прошеній и жалобъ, подаваемыхъ на имя оберъ-прокурора по дѣламъ производящимся въ епархіяхъ, или въ Святѣйшемъ Синодѣ. 5—Различныя сношенія съ епархіальными начальствами и предписанія секретарямъ консисторій отъ оберъ-прокурора, въ качествѣ наблюдающаго за порядкомъ въ канцеляріяхъ среднихъ и низшихъ мѣстъ духовнаго вѣдомства. 6—Разсмотрѣніе донесеній о происшествіяхъ въ церквахъ, и о поведеніи духовенства, а также составленіе разныхъ, опредѣленныхъ уставами вѣдомостей и списковъ. 7—Производство дѣлъ по типографіямъ и книжнымъ лавкамъ. 8—Распоряженіе суммами: типографскими, бывшаго Библейскаго общества, штатными синодскими и всякаго рода чрезъ Синодъ переходящими. 9—Производство объ опредѣленіи и увольненіи чиновниковъ канцеляріи Святѣйшаго Синода и отдѣленія, а также всѣхъ секретарей консисторій. 10—О наградахъ чиновниковъ по всему вѣдомству, и 11—Собраніе свѣдѣній и составленіе годоваго отчета о распоряженіяхъ и ходѣ дѣлъ по всему духовному управленію.

„Такое разнообразіе главныхъ предметовъ, не касаясь другихъ не столько важныхъ, сосредоточивающихся въ отдѣленіи и канцеляріи, состоящей изъ одного чиновника съ канцелярскимъ служителемъ, сопряжено съ множествомъ переписки и требуетъ неминуемо трудовъ такихъ, которые очевидно внѣ способовъ отдѣленія и канцеляріи въ нынѣшнемъ положеніи. Отъ сего 1-е—не всѣмъ дѣламъ дается одинаковое

движеніе. Такъ какъ многосложныя дѣла по тяжбамъ о церковной собственности, поступающія изъ Правительствующаго Сената, поручаются къ разсмотрѣнію и производству чиновника особыхъ порученій, который не рѣдко командируется въ епархіи: то на время отсутствія его, иногда по роду порученія и продолжительнаго, дѣла сіи отъ рѣшенія которыхъ зависитъ достояніе церкви и частныхъ лицъ, остаются безъ движенія. 2-е—Не всѣ дѣла могутъ быть разсматриваемы съ тѣмъ подробнымъ соображеніемъ всѣхъ обстоятельствъ и вниманіемъ, которыхъ онѣ требуютъ, а другія не съ должною поспѣшностію производятся. 3-е—Нѣтъ способовъ разсматривать и повѣрять своевременно доставляемыхъ изъ епархій свѣдѣній,— тогда какъ въ будущемъ предвидится надобность привесть еще въ большую извѣстность различные предметы, входящіе въ составъ духовнаго вѣдомства, какъ собственно по церковному управленію, такъ и по экономической части онаго, относительно важныхъ церковныхъ имѣній въ Бессарабіи и Грузіи находящихся, о которыхъ доселѣ мало извѣстно. 4-е—Нѣтъ также способовъ ввесть должную отчетность въ дѣлопроизводствѣ, и нѣтъ возможности постоянно наблюдать за ходомъ дѣлопроизводства по канцеляріямъ среднихъ и низшихъ присутственныхъ мѣстъ духовнаго вѣдомства.

„Въ семъ положеніи, сколько терпятъ самыя дѣла, столько стѣсняется и оберъ-прокуроръ, который сверхъ всего вышеизложеннаго, управляя большими канцеляріями Святѣйшаго Синода и коммиссіи духовныхъ училищъ и контролемъ по всему духовному вѣдомству, — столь мало имѣетъ средствъ для исполненія обязанностей, на немъ собственно лежащихъ. Всѣ сіи обстоятельства поставляю обязанностью всеподданнѣйше повергнуть на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе, представляя при семъ, для отвращенія всѣхъ вышеизложенныхъ неудобствъ, слѣдующія, мѣрою существенной надобности опредѣляемыя, предположенія.

„1-е. Существующую нынѣ при дѣлахъ Святѣйшаго Синода оберъ-прокурорскую канцелярію упразднить, а вмѣсто оной по подносимому при семъ штату учредить, независимо отъ отдѣленія, особую при оберъ-прокурорѣ канцелярію.

„2-е. Въ сію канцелярію передать дѣла изъ оберъ-про-

курорской канцеляріи при дѣлахъ Святѣйшаго Синода,—и тѣ дѣла изъ отдѣленія, которыя по существу и важности подлежатъ особому производству, а также дѣла секретныя.

3-е. Для дѣлъ же судныхъ, требующихъ внимательнаго соображенія съ силою законовъ, учредить при оберъ-прокурорѣ, по примѣру другихъ вѣдомствъ, юрисъ-консульта въ подносимомъ штатѣ положеннаго, который по предписаніямъ оберъ-прокурора долженъ предварительно разсматривать всѣ судебныя дѣла и тяжебныя, присылаемыя изъ Правительствующаго Сената, а въ случаяхъ затруднительности и особой важности вопросовъ по онымъ составлять консультацію съ чиновникомъ, состоящимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, директоромъ канцеляріи, правителемъ дѣлъ коммиссіи духовныхъ училищъ и начальникомъ отдѣленія.

„Сумму 29.200 рублей, потребную къ ежегодному отпуску на предполагаемую канцелярію съ юрисъ-консультомъ, весьма удобно и справедливо отнесть на счетъ процентовъ съ капиталовъ коммиссіи духовныхъ училищъ: ибо чрезъ предполагаемую канцелярію имѣютъ проходить дѣла и всѣ тѣ распоряженія коммиссіи, которыя представляются на Высочайшее усмотрѣніе.

„Ревностное вѣрноподданническое стремленіе, прибавлялъ оберъ-прокуроръ, хотя нѣсколько оправдать высокое довѣріе Вашего Величества, и убѣжденіе опыта въ несоразмѣрности настоящихъ средствъ синодальнаго оберъ-прокурора съ кругомъ его обязанностей, поставили меня въ необходимость ходатайствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о Всемилостивѣйшемъ утвержденіи сего предположенія по мѣрѣ существенной необходимости составленнаго“. Подписано 1 августа 1836 года. Графъ Протасовъ. На вышеизложенномъ докладѣ послѣдовала собственноручная резолюція Государя Императора: „согласенъ“.

По приложенному къ докладу, тогда же Высочайше одобренному собственноручною резолюціею Государя: „быть по сему“ штату, положены въ составѣ вновь учрежденной канцеляріи слѣдующіе чины: директоръ канцеляріи, юрисъ-консультъ, два секретаря—старшій и младшій, два помощника

секретарей, журналистъ, онъ же и архиваріусъ, экзекуторъ онъ же и казначей, канцелярскихъ служителей высшаго разряда четыре, средняго—четыре, курьеровъ два, сторожей два. Потребная на сей составъ сумма въ количествѣ 29.200 руб. была заимствована, какъ сказано въ докладѣ, изъ процентовъ съ капиталовъ коммиссіи духовныхъ училищъ.

Образованная на сихъ началахъ и по указанному штату канцелярія оберъ-прокурора подверглась переустройству при томъ же оберъ-прокурорѣ графѣ Протасовѣ. 24 февраля 1839 года, докладывая Государю Императору о желательныхъ по главному духовному управленію преобразованіяхъ, графъ Протасовъ излагалъ свои предначертанія и относительно переустройства существовавшей при синодальномъ оберъ-прокурорѣ канцеляріи. Указывая на то, что „канцелярія оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода служитъ общею связію всѣмъ прочимъ непосредственно подчиненнымъ оберъ-прокурору канцеляріямъ, сосредоточивая сверхъ того въ себѣ наблюденіе за успѣшнымъ ходомъ дѣлъ даже и по всѣмъ консисторіямъ, оберъ-прокуроръ полагалъ полезнымъ, при предпринимаемыхъ преобразованіяхъ, дать тоже своевременное единство существовавшимъ при синодальномъ оберъ-прокурорѣ учрежденіямъ." Съ этою цѣлію графъ Протасовъ проектировалъ состоявшее особо при оберъ-прокурорѣ отдѣленіе прежде греко-россійскаго, нынѣ православнаго исповѣданія[1]), и отдѣленіе духовныхъ дѣлъ грекоуніатскаго исповѣданія [2]) ввести въ составъ канцеляріи оберъ-

[1]) Поучительно замѣтить, что со времени учрежденія и по паденіи Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кругъ вѣдомства Святѣйшаго Синода именовался дѣлами греко-россійскаго исповѣданія. Въ 1836 году 2 ноября синодальный оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ представилъ на Высочайшее утвержденіе образецъ бланокъ, гдѣ на будущее время наименованіе «греко-россійскаго исповѣданія» замѣнено «православнаго исповѣданія». Съ сего времени и продолжавшее существовать отдѣленіе духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія переименовано въ «отдѣленіе духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія».

[2]) Находимъ необходимымъ относительно сего отдѣленія сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія. Именнымъ указомъ Правительствующему Сенату 1 января 1837 г. повелѣно: «по уваженію тѣсной связи между дѣлами духовно-учебныхъ грекоунитскихъ заведеній, подчиненныхъ Коммиссіи духовныхъ училищъ и дѣлами самаго епархіальнаго управленія, и для удобства въ сношеніяхъ и единства въ направленіи, завѣдывать всѣми дѣлами греко-унитскаго исповѣданія оберъ-

прокурора Святѣйшаго Синода. По Высочайшемъ одобреніи сихъ предположеній, графъ Протасовъ не замедлилъ, именно 1-го марта 1839 года, представить проектъ новаго учрежденія канцеляріи оберъ прокурора со штатомъ оной. По этому учрежденію, канцелярія, управляясь на общемъ основаніи директоромъ, состоитъ изъ трехъ отдѣленій съ подраздѣленіемъ на столы [1]). Учрежденіе это и въ настоящее время сохраняетъ свое значеніе, испытавъ нѣкоторыя частныя измѣненія въ штатномъ составѣ.

Велѣдъ за устройствомъ особой канцеляріи для общаго дѣлопроизводства по оберъ-прокурорской части, графъ Протасовъ не замедлилъ приступить къ устройству и другихъ частей вѣдомства православнаго исповѣданія. Первѣе всего онъ обратилъ свое вниманіе на хозяйственную часть, для которой также стремился образовать особое учрежденіе. Съ этою цѣлію, докладывая 10 октября 1836 года государю императору объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства суммы, потребной на ежегодное содержаніе вновь оконченнаго постройкою синодальнаго зданія, графъ Протасовъ въ заключеніе своего доклада писалъ: „а чтобы впредь управленіе хозайственною частію въ синодальномъ зданіи и распоряженіе какъ ремонтною, такъ и другими суммами чрезъ Святѣйшій Синодъ переходящими, производились со всевозможною экономіею и при строгой отчетности, для сего представляется необходимо нужнымъ учредить изъ старшихъ чиновниковъ вѣдомства подъ непосредственнымъ наблюденіемъ оберъ-про-

---

прокурору Святѣйшаго Синода съ тѣми же правами и на томъ же основаніи, какъ оными доселѣ завѣдывалъ министръ внутреннихъ дѣлъ». Для удобства сего завѣдыванія и въ виду того, что духовныя дѣла греко-уніатскаго исповѣданія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ составляли часть предметовъ 1-го отдѣленія департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій,—оберъ-прокуроръ признавалъ необходимымъ учредить при немъ отдѣленіе духовныхъ дѣлъ греко-уніатскаго исповѣданія съ помѣщеніемъ онаго въ домѣ коммиссіи духовныхъ училищъ вмѣстѣ съ канцеляріею оберъ-прокурора и отдѣленіемъ духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія и съ утвержденіемъ для сего отдѣленія особаго штата въ составѣ одного начальника отдѣленія, двухъ столоначальниковъ и двухъ ихъ помощниковъ и четырехъ писцовъ. На сіи предположенія оберъ-прокурора и воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе 17 января 1837 года.

[1]) Перечень предметовъ занятій канцеляріи и пр. см. П. С. 3. 1839. № 12068.

курора хозяйственный комитетъ, подобно тѣмъ, какіе существуютъ въ Правительствующемъ Сенатѣ и другихъ мѣстахъ. Тому же комитету можно будетъ поручить и управленіе Синодальными типографіями, которыя имѣютъ довольно значительные капиталы и по многимъ отношеніямъ требуютъ большей противу прежняго попечительности объ оныхъ, и ближайшаго надъ ними надзора". Получивъ на сіе предположеніе Высочайшее соизволеніе, графъ Протасовъ 14 ноября 1836 года представилъ на Высочайшее благоусмотрѣніе проектъ „положенія о хозяйственномъ комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ". При этомъ синодальный оберъ-прокуроръ во всеподданнѣйшемъ докладѣ объяснялъ:

„Ваше Императорское Величество, при повелѣніи 10 октября сего года объ отпускѣ ежегодно изъ государственнаго казначейства денежной суммы для синодальнаго зданія, Высочайше соизволили на всеподданнѣйшее представленіе мое, чтобы для окончательнаго завѣдыванія какъ сею суммою, такъ и другими въ непосредственномъ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода состоящими, а также и синодальными типографіями, учрежденъ былъ изъ чиновниковъ по духовному вѣдомству служащихъ хозяйственный комитетъ, который бы дѣйствовалъ на основаніи опредѣленныхъ правилъ со строгою отчетностью.

„Во исполненіе сего составивъ проектъ положенія о хозяйственномъ комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ примѣнительно къ правиламъ, которыя предписаны въ руководство подобнымъ комитетамъ, существующимъ при Сенатѣ и другихъ мѣстахъ, я передалъ оный на сужденіе Святѣйшаго Синода, который по внимательномъ разсмотрѣніи правилъ, содержащихся въ проектѣ, нашелъ, что положеніе въ такомъ видѣ соотвѣтствуетъ предназначенной цѣли и достаточно для того чтобы установить правильное завѣдываніе денежными суммами и синодальными типографями, и поручилъ мнѣ ходатайствовать о Высочайшемъ утвержденіи онаго.

„Посему имѣю счастіе поднесть на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе проектъ положенія о хозяйственномъ комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ и штатъ онаго, поставляя долгомъ изъяснить, что по возлагаемому на сей комитетъ завѣдыванію библейскимъ имуще-

ствомъ и синодальными типографіями, штатное его содержаніе, на которое положено 9060 руб, не требуетъ новаго назначенія изъ казны, а обращается на доходы съ синодальныхъ типографій и на проценты съ библейскаго капитала въ томъ количествѣ, которое донынѣ получали въ Синодѣ прибавочнаго жалованья чиновники синодальной канцеляріи, занимавшіеся дѣлами библейскаго имущества.

„Убѣжденный опытомъ въ необходимости подобнаго учрежденія, существующаго во всѣхъ почти мѣстахъ, гдѣ сосредоточиваются значительныя суммы,—пріемлю смѣлость, по порученію Святѣйшаго Синода, всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго утвержденія подносимыхъ проектовъ, которые могутъ быть приведены въ исполненіе собственными средствами Синода безъ пособія отъ государственнаго казначейства“.

По приложенному къ сему докладу и Высочайше утвержденному штату комитета положены: члены и канцелярія. Въ составъ членовъ, безъ жалованья по сему званію, входили: чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, юрисъ-консультъ и правитель дѣлъ коммиссіи духовныхъ училищъ. Канцелярію составляли: правитель канцеляріи, бухгалтеръ, помощники правителя канцеляріи, двое писцовъ средняго оклада, два низшаго и одинъ смотритель синодальнаго зданія. Исправленіе занятій по этимъ должностямъ на первый разъ предполагалось предоставить чиновникамъ синодальной канцеляріи съ прибавкою положеннаго по штату комитета содержанія.

Учрежденный на сихъ началахъ хозяйственный комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ просуществовалъ недолго, ибо вскорѣ подвергся преобразованію, чрезъ присоединеніе къ нему по Высочайше утвержденному 20 января 1838 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, послѣдовавшему по представленію синодальнаго оберъ-прокурора, контроля отдѣленія духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія. При этомъ присоединеніи контроль образовалъ особое контрольное отдѣленіе при хозяйственномъ комитетѣ съ наименованіемъ контрольнаго отдѣленія. Вмѣстѣ съ симъ начертаны новые штаты для сего

отдѣленія и преподаны новыя правила для руководства въ особомъ Высочайше утвержденномъ „положеніи о присоединеніи контроля отдѣленія духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія къ хозяйственному комитету при Святѣйшемъ Синодѣ“ [1]). Въ 1839 году, по поводу предпринятыхъ общихъ

[1]) См. П. С. З. 1838 года № 10912. Мотивы такого преобразованія изложены во всеподданнѣйшемъ докладѣ 26 іюля 1837 г., въ которомъ оберъ-прокуроръ писалъ:

«На основаніи принятыхъ въ 1827 г. общихъ началъ отчетности по государству, учрежденъ въ исходѣ 1833 г. особый контроль для ревизіи отчетовъ подвѣдомственныхъ Св. Синоду мѣстъ и лицъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ синодальнаго оберъ-прокурора.

Изданнымъ тогда же приказомъ отчетности синодальнаго вѣдомства постановлено въ обязанность контроля производить ревизію отчетовъ съ 1834 г. съ тѣмъ, чтобы она оканчивалась за каждый годъ въ исходѣ слѣдующаго за тѣмъ года, и чтобы къ сему же времени былъ приготовленъ и представленъ въ государственный контроль на окончательную ревизію генеральный отчетъ о суммахъ и капиталахъ по вѣдомству Св. Синода.

Опытъ двухъ прошедшихъ лѣтъ показываетъ однако, что успѣхъ синодальнаго контроля вообще не соотвѣтствуетъ сему предпріятію.

Главнѣйшія причины сей неуспѣшности въ ревизіи заключаются въ несоразмѣрности штата контроля съ обширностью его занятій. Для приведенія сей части въ лучшее устройство представлялось два вопроса: или увеличить штатъ контроля прибавкою чиновниковъ и канцелярскихъ служителей, или, оставивъ его при нынѣшнемъ положеніи, освободить отъ повѣрки весьма значительное число отчетовъ поступающихъ отъ архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей въ штатныхъ суммахъ, повѣрка которыхъ, по маловажности сихъ суммъ, ограниченныхъ въ употребленіи положеніями, безъ сомнѣнія могла бы быть предоставлена мѣстному духовному начальству, подобно тому, какъ предоставлены его ревизіи суммы, поступающія отъ доброхотныхъ дателей Выс. конфирмованнымъ мнѣніемъ Госуд. Совѣта 16 ноября 1836 г.

Обстоятельства сіи сообщены были на уваженіе государственнаго контролера, который просилъ покорнѣйше распространить штатъ синодальнаго контроля.

Вмѣстѣ съ предположеніями о лучшемъ устройствѣ контроля по синодальному вѣдомству представлялось еще одно неудобство, которое слѣдуетъ устранить.

Неудобство сіе состоитъ въ недостаткѣ между контролемъ и синодальнымъ оберъ-прокуроромъ особой средней инстанціи, которая разсматривала бы всѣ дѣла по контролю, и изъ нихъ менѣе важные разсчеты окончательно, о важныхъ же представляла бы оберъ-прокурору.

Подобныя инстанціи существуютъ въ другихъ вѣдомствахъ подъ названіемъ общихъ присутствій департаментовъ или совѣтовъ. Но какъ въ вѣдѣніи синодальнаго оберъ-прокурора вовсе нѣтъ департаментовъ, имѣющихъ общія присутствія, кромѣ хозяйственнаго комитета, учрежденнаго при Св. Синодѣ въ прошедшемъ 1836 году,—то признано необходимымъ присоединить контроль къ сему комитету въ видѣ особаго отдѣленія на основаніяхъ, предложенныхъ въ прил. при семъ проектѣ.

преобразованій по главному духовному управленію, хозяйственный комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ съ контрольнымъ онаго отдѣленіемъ „для большаго удобства и соотвѣтствія“ преобразованы въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, положеніе и штаты коего Высочайше утверждены 1 марта 1839 года. При этомъ преобразованіи въ хозяйственное управленіе переданы съ одной стороны контроль по духовно-учебнымъ суммамъ, съ другой — переписка синодальнаго оберъ-прокурора по синодальному имуществу. Вообще по „Положенію“ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ непосредственно завѣдываетъ: 1) всѣми суммами и имуществами въ особомъ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода состоящими и хозяйственными по онымъ распоряженіями; 2) контролемъ по тѣмъ же суммамъ, равно и по прочимъ изъ государственнаго казначейства на духовное вѣдомство отпускаемымъ, и 3) контролемъ по суммамъ духовно-учебнаго вѣдомства“ [1]). На семъ основаніи хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ продолжаетъ существовать до настоящаго времени съ тою существенною перемѣною, что въ 1867 г., при образованіи особаго отдѣльнаго отъ прочихъ учрежденій контроля при Святѣйшемъ Синодѣ, въ семъ контролѣ сосредоточены всѣ дѣла, касающіяся контрольной части по вѣдомству православнаго исповѣданія.

Всѣ отдѣльныя предначертанія графа Протасова, какъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, группировались въ одной общей мысли устроить главное духовное управленіе на новыхъ началахъ. Съ этою цѣлію графъ Протасовъ всюду стремился внести свою преобразовательную иниціативу. Ста-

---

Донося о семъ Вашему Императорскому Величеству имѣю счастіе испрашивать Высочайшаго повелѣнія.

1) О сдѣланномъ сношеніи съ государственнымъ контролеромъ касательно синодальнаго контроля войти мнѣ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ.

2) О присоединеніи контроля къ хозяйственному комитету внесть также представленіе въ Совѣтъ, по сношенію о семъ предметѣ съ государственнымъ контролеромъ.

Резолюція: «Внесть въ Госуд. Совѣтъ на разсмотрѣніе» 26 іюля 1837.».

1) Подробнѣе см. П. С. З. за 1839 г. № 12071.

раясь ближе и непосредственно ознакомиться съ тѣми воззрѣніями, съ которыми вступалъ въ духовное вѣдомство графъ Протасовъ, и какія онъ стремился осуществить въ своихъ предначертаніяхъ, приведемъ его докладъ Государю Императору 22 февраля 1839 года. Въ этомъ докладѣ графъ Протасовъ изъяснялся:

„Съ самаго начала вступленія моего, по Высочайшей волѣ, въ настоящую должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, почитая священною обязанностію обратить все вниманіе на разныя части Всемилостивѣйше ввѣреннаго мнѣ управленія, я видѣлъ уже всю обширность предлежащей мнѣ дѣятельности, но только на опытѣ могъ открыть тѣ препятствія, которыя надлежало мнѣ преодолѣть на пути къ усовершенію столь важнаго вѣдомства, и вполнѣ убѣдиться, что нѣкоторыя изъ нихъ вовсе при настоящихъ средствахъ непреодолимы“.

Приступая къ раскрытію идеи своихъ предначертаній, графъ Протасовъ писалъ:

„Духовное православное вѣдомство, совершенно отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ отраслей правительства, состоя изъ частей, между собою разнородныхъ, имѣетъ свое особенное управленіе, свой судъ и полицію, свою систему обученія, свои источники доходовъ и свой контроль. Всѣ сіи части, несмотря на множество предшествовавшихъ благодѣтельныхъ постановленій правительства, требовали и еще долго будутъ требовать усиленныхъ мѣръ къ улучшенію ихъ: всѣ прежнія средства коснулись только высшаго и среднихъ слоевъ духовнаго званія, но не проникли до низшихъ, или основныхъ; сверхъ того многія изъ прежнихъ распоряженій были сдѣланы въ половину, иныя и вовсе оставлены. Вообще въ прошедшемъ столѣтіи, когда на всѣ классы народа, обращаемо было самое бдительное вниманіе правительства, когда всѣ части государственнаго управленія быстро совершенствовались, одно лишь званіе духовное было предоставлено, такъ сказать, самому себѣ, и только блаженныя памяти Государь Императоръ Александръ Павловичъ принималъ живое участіе въ образованіи его и Высочайше даровалъ новое устройство духовно-учебнымъ заведеніямъ въ надеждѣ, что обра-

зуемые въ нихъ служители слова Божія возвысятъ свой санъ въ глазахъ народа и чрезъ то подѣйствуютъ на утвержденіе въ паствѣ вѣры и нравственности. Но тридцатилѣтній опытъ далеко еще не представляетъ удовлетворительныхъ слѣдствій и заставляетъ изыскивать причины столь малой успѣшности мѣръ благодѣтельныхъ. Еще сельская, т. е. самая многочисленная часть духовенства пребываетъ въ невѣжествѣ и грубости нравовъ; не обезпеченная въ средствахъ безбѣднаго содержанія, она поневолѣ существуетъ такими доходами, изъ которыхъ удобно дѣлать злоупотребленія; надзоръ за нимъ не приведенъ еще въ надлежащую опредѣленность, самое епархіальное управленіе, а тѣмъ болѣе дѣлопроизводство, не имѣли доселѣ общихъ, единообразныхъ формъ, правильная отчетность въ суммахъ только лишь вводится въ духовенствѣ, а по нѣкоторымъ родамъ суммъ еще и вовсе не существуетъ; источники церковныхъ доходовъ требуютъ особаго вниманія правительства для ихъ усиленія; вся учебная часть совершеннаго преобразованія; духовный судъ, и что всего важнѣе, самые догматы церкви нуждаются въ изданіи книгъ, которыя служили бы основаніемъ православію и которыхъ доселѣ въ отечествѣ нашемъ не было. И всѣ сіи предметы требуютъ зрѣлыхъ соображеній и неусыпнаго надзора со стороны главнаго духовнаго управленія: чего и быть не можетъ безъ упрощеннаго устройства составляющихъ оное мѣстъ и безъ самаго правильнаго раздѣленія трудовъ между ними.

„При вступленіи моемъ въ настоящую должность, я нашелъ дѣлопроизводство главнаго духовнаго управленія, раздѣленнымъ между слѣдующими мѣстами: въ Святѣйшемъ Синодѣ, въ коммиссіи духовныхъ училищъ, въ отдѣленіи духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія, въ контролѣ духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія. Впослѣдствіи Вашему Императорскому Величеству благоугодно было ввѣрить мнѣ управленіе греко-унитскою частію, вмѣстѣ съ тѣмъ учреждено при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода особое отдѣленіе духовныхъ дѣлъ греко-унитскаго исповѣданія.

„Первое вниманіе мое обращено было на важнѣйшую изъ сихъ частей на дѣлопроизводство въ Синодѣ, гдѣ къ концу

каждаго года при всѣхъ прежнихъ мѣрахъ, оставались всегда сотни нерѣшенныхъ дѣлъ, гдѣ малѣйшія хозяйственныя подробности отвлекали вниманіе и оберъ-прокурора и самихъ членовъ отъ прямыхъ и важнѣйшихъ занятій.

„По всеподданнѣйшимъ докладамъ моимъ Ваше Императорское Величество Высочайше соизволили на порученіе одному изъ чиновниковъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ непосредственнаго надзора за дѣлопроизводствомъ синодальной канцеляріи и сверхъ того на учрежденіе хозяйственнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, принявшаго на свою отвѣтственность завѣдываніе синодальнымъ имуществомъ подъ главнымъ наблюденіемъ оберъ-прокурора, впослѣдствіи по присоединеніи къ нему контроля духовныхъ дѣлъ, образовавшаго между симъ послѣднимъ и между оберъ-прокуроромъ среднюю контрольную инстанцію, на правахъ министерскихъ департаментовъ къ великому облегченію дѣлъ сего рода, и канцелярію оберъ-прокурора, послужившую общею связію всѣмъ прочимъ вышеисчисленнымъ непосредственно подчиненнымъ оберъ-прокурору канцеляріямъ...

„Сіи мѣры произвели ожидаемыя послѣдствія. Нынѣ въ синодальной канцеляріи не только къ концу года не было ни одного нерѣшеннаго дѣла, но и вообще дѣла въ каждое время имѣютъ быстрое теченіе; усиленное наблюденіе за епархіальнымъ дѣлопроизводствомъ со стороны канцеляріи оберъ-прокурора, принесло также значительную пользу, такъ что между прочимъ, число однихъ дѣлъ, которыя производятся по Высочайшимъ повелѣніямъ, уменьшилось по всему духовному вѣдомству уже цѣлою третью. Съ тѣмъ вмѣстѣ составленъ подъ моимъ руководствомъ, принятъ Синодомъ и съ Высочайшаго соизволенія приведенъ въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, консисторскій уставъ, коимъ положены повсюду единообразныя правила суда и управленія; а для строгаго мѣстнаго надзора за исполненіемъ ихъ, составлены правила производства слѣдствій, сообразно потребностямъ духовнаго состоянія и составляется положеніе о благочинныхъ съ раздѣленіемъ епархій на благочинническіе округа: для чего собраны повсемѣстно подробныя свѣдѣнія о приходахъ, духовенствѣ, для возможнаго ослабленія расколовъ учреждаются

въ великомъ числѣ при церквахъ и монастыряхъ школы и наконецъ по волѣ Вашего Императорскаго Величества, приводится къ желательному концу предпріятіе издать въ свѣтъ основные уставы церкви Вселенской, долженствующіе даровать твердость и духовному суду и самому православію въ отечествѣ. Разрѣшивъ же Святѣйшему Синоду употреблять по внутреннему устройству консисторій мѣры, признанныя лучшими въ гражданскомъ вѣдомствѣ для приведенія всего запущеннаго въ порядокъ, Ваше Величество указали тѣмъ Синоду новыя средства къ благоустройству всѣхъ подвѣдомыхъ ему мѣстъ, для которыхъ синодальная канцелярія должна служить и образцомъ и лучшимъ разсадникомъ дѣлопроизводителей.

„Канцелярія Святѣйшаго Синода уже достигаетъ сей цѣли: останется лишь наблюдать, чтобы всѣ должности замѣщались чиновниками безкорыстными, опытными, дѣятельными, которые, опредѣляясь потомъ начальниками канцелярій въ епархіальныхъ мѣстахъ, распространили бы и тамъ съ собою духъ порядка и благородства.

„Но послѣ двухлѣтняго моего наблюденія, я не могу сказать, чтобы такимъ же образомъ духовныя нужды государства удовлетворялись устройствомъ управленія духовно-учебнаго.

„Вникая въ неуспѣшность дѣйствій Коммиссіи духовныхъ училищъ, обремененной многими важными предметами, я нашелъ слѣдующія къ тому причины въ самомъ ея устройствѣ.

„Коммиссію составляютъ тѣже лица, кои присутствуютъ въ Синодѣ. Ея обширною канцеляріею съ бухгалтеріею и контролемъ завѣдываетъ правитель дѣлъ, подъ главнымъ начальствомъ одного изъ членовъ съ гражданской стороны. Обязанность, лежавшая прежде на министрѣ духовныхъ дѣлъ, а потомъ съ другими его обязанностями перешедшая къ оберъ-прокурору.

„Такимъ образомъ сіе, по существу своему духовно-гражданское мѣсто, представляетъ въ духовномъ вѣдомствѣ отдѣльную отъ Синода власть, при установленіи коей безъ сомнѣнія имѣлось въ виду дать высшему духовно-учебному начальству болѣе свободы въ дѣйствіяхъ: но такое раздвоеніе высшаго духовнаго правительства необходимо отразилось и

на цѣломъ вѣдомствѣ его, сдѣлавъ повсюду духовно-учебную и епархіальную части одна другой чуждыми, и устранило духовныя училища отъ должнаго вліянія епархіальныхъ властей, такъ что вопреки духу церковныхъ правилъ нигдѣ учебныя заведенія не знали надъ собою прямой власти особъ архіерейскаго сана, кромѣ лишь тѣхъ, которыя по Высочайшимъ указамъ засѣдаютъ въ Коммиссіи. Но слѣдствія сего взаимнаго отчужденія замѣтны и въ самой Коммиссіи. Ея духовные члены, будучи епархіальными архіереями, привыкли взирать на учебную часть, какъ на нѣчто для нихъ постороннее, и даже, засѣдая въ Коммиссіи, не могутъ имѣть по собственнымъ епархіямъ прямого въ ней участія. Сверхъ сего всѣ они постоянно отвлекаются главными своими занятіями по званію членовъ и присутствующихъ въ Синодѣ и другими еще болѣе прямыми обязанностями управленія собственныхъ епархій. При недостаткѣ ихъ досуга и при множествѣ обременяющихъ Коммиссію разнородныхъ, особенно же экономическихъ предметовъ, ускользаетъ поневолѣ изъ виду главная обязанность ея по воспитанію юношества, которая требовала бы ихъ вниманія. Подобное неудобство устранено уже по Синоду учрежденіемъ хозяйственнаго комитета, гдѣ всѣ хозяйственные предметы предварительно съ полною отвѣтственностію обсуждаются, и легкіе рѣшаются, а важные постугаютъ въ Синодъ съ мнѣніемъ комитета. Но то же неудобство въ Коммиссіи, ничѣмъ доселѣ не отвращенное, затрудняетъ ее несравненно въ высшей степени, ибо и хозяйство Коммиссіи несравненно огромнѣе Синодальнаго. Отъ того терпитъ и самая хозяйственная часть, по коей дѣла, имѣя единожды на всегда опредѣленный ходъ, нуждаются въ быстротѣ исполненія, несовмѣстимой съ порядкомъ коллегіальнымъ, требующимъ согласія членовъ и ежедневнаго подписыванія опредѣленій, которыя, при невозможности ихъ собираться ежедневно, отправляются къ нимъ по домамъ. Не менѣе, наконецъ, терпитъ и часть контрольная. До вступленія моего въ должность оберъ-прокурора, оставалось не обревизованныхъ отчетовъ за 20 лѣтъ на 50 милліоновъ рублей, и необходимость требовала испросить учрежденія временнаго контрольнаго отдѣленія для исправленія запущеній. По всѣмъ

симъ причинамъ, могла ли Коммиссія когда либо приступить къ первоначально возложенной на нее, при самомъ ея учрежденіи, обязанности составить подробные штаты церковныхъ причтовъ и привести въ дѣйствіе способы, назначаемые для ихъ содержанія. Что оставалось предпринять мнѣ въ столь затруднительномъ положеніи? Истощивъ всѣ средства дать скорое движеніе дѣламъ ея, и видя, что собственное устройство ея противится желаемому ихъ ходу, я долгомъ счелъ, уже не медля далѣе, изложить предъ Вашимъ Величествомъ столь важное обстоятельство. Но и несмотря на всѣ вышеписанныя препятствія, я, между тѣмъ, спѣшилъ по возможности тѣми распоряженіями, которыя не терпѣли никакого отлагательства, отъ которыхъ зависитъ важнѣйшая часть ученія, дотолѣ не имѣвшая прочныхъ основаній; таковы были мѣры къ повсемѣстному улучшенію богословскаго преподаванія на твердомъ камени православія: вновь разсмотрѣны всѣ употребляемыя для сего книги, отобрано отъ всѣхъ ректоровъ мнѣніе касательно усовершенствованія и облегченія ученія и впредь до новаго устройства академій и семинарій постановлены для нихъ правила, могущія восполнить замѣченный въ нихъ недостатокъ единства и направленія къ главной цѣли духовнаго образованія

„Вполнѣ убѣжденный, что существованіе Коммиссіи духовныхъ училищъ, по вышеизложеннымъ причинамъ, вовсе не представляетъ на будущее время нужныхъ средствъ къ успѣшному ходу духовно-учебной части, какъ не представляло ихъ прежде, и получая отъ членовъ Святѣйшаго Синода согласные съ моими замѣчаніями отзывы, что между управленіемъ церкви и воспитаніемъ приготовляемаго къ служенію оной юношества должна существовать въ главныхъ распоряженіяхъ тѣсная, неразрывная связь, я считаю долгомъ повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества нижеслѣдующія мои предположенія:

„1) Коммиссію духовныхъ училищъ упразднить и всѣ предметы, касающіеся высшаго попеченія по учебной и хозяйственной части ея, передать Святѣйшему Синоду, усиливъ канцелярію его двумя экспедиціями.

„2) Для исполнительнаго производства всѣхъ таковыхъ

дѣлъ, исключая контрольныхъ, образовать при Святѣйшемъ Синодѣ духовно-учебное управленіе.

„3) Капиталамъ Коммиссіи духовныхъ училищъ именоваться отнынѣ духовно-учебными капиталами и быть имъ по прежнему отдѣльными отъ прочихъ суммъ духовнаго вѣдомства, состоя въ непосредственномъ завѣдываніи духовно-учебнаго управленія.

„4) Поелику состоящій при Святѣйшемъ Синодѣ хозяйственный комитетъ завѣдываетъ контролемъ духовнаго вѣдомства, то передать въ оный и контроль по суммамъ духовно-учебнымъ.

„5) Сей комитетъ, для большаго удобства и соотвѣтствія, преобразовать въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ.

„6) Какъ въ хозяйственномъ управленіи сосредоточится переписка оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода по синодальному имуществу, то передать въ оное и изъ канцеляріи оберъ-прокурора все дѣлопроизводство по сему предмету.

„7) Всѣ права коммиссіи духовныхъ училищъ передать по важнѣйшимъ предметамъ Святѣйшему Синоду, а по прочимъ духовно-учебному и хозяйственному управленіямъ на основаніи, изложенномъ въ проектахъ положеній оныхъ.

„При столь значительно упрощенномъ устройствѣ, съ упраздненіемъ коммиссіи духовныхъ училищъ, высшее завѣдываніе духовно-учебными дѣлами сосредоточится въ одномъ главномъ духовномъ правительствѣ Синодѣ, который будетъ имѣть болѣе удобства обращать все вниманіе свое на важнѣйшіе предметы воспитанія и хозяйства, не развлекаясь мелкими. За симъ и коллегіальный порядокъ, принося существенную пользу въ дѣлахъ важныхъ, не будетъ многосложностію формъ своихъ стѣснять движенія остальныхъ многочисленнѣйшихъ дѣлъ, большею частію требующихъ скораго исполненія, ибо они получатъ въ двухъ при Синодѣ управленіяхъ, подъ главнымъ начальствомъ оберъ-прокурора, теченіе быстрое, соотвѣтственное другимъ отраслямъ государственнаго управленія“.

Закрытіе коммиссіи духовныхъ училищъ и учрежденіе духовно-учебнаго управленія составляютъ, можно сказать, за-

ключительный моментъ административныхъ преобразованій по главному духовному управленію. Духовно-учебное управленіе наслѣдовало отъ коммиссіи духовныхъ училищъ исполнительное производство по духовно-учебнымъ дѣламъ. Въ частности по Высочайше утвержденному 1 марта 1839 года „Положенію“, на духовно-учебное управленіе возложено было производство дѣлъ съ одной стороны по учебно-воспитательной части, съ другой—по хозяйству духовно-учебныхъ заведеній, исключая контроля по духовно-учебнымъ суммамъ, который отнесенъ былъ къ хозяйственному управленію. Въ отношеніи къ означеннымъ дѣламъ дѣятельность духовно-учебнаго управленія ограничивалась по большей части формальнымъ собираніемъ справокъ и свѣдѣній, разсылкою предписаній. Вслѣдствіе сего это учрежденіе, сдѣлавшись сухимъ и безжизненнымъ, во время предпринятой въ 1867 году духовно-учебной реформы было закрыто. При этомъ закрытіи всѣ дѣла его по хозяйственной части духовно-учебныхъ заведеній перешли въ хозяйственное при Святѣйшемъ Синодѣ управленіе, — дѣла же по инспекторской части, а также и переписка по управленію духовно-учебными заведеніями перешли въ канцелярію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Для дѣлъ же строго учебнаго и педагогическаго свойства образованъ духовно-учебный комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, который и дѣйствуетъ въ настоящее время на основаніи преподанныхъ ему правилъ.

Такимъ образомъ въ царствованіе императора Николая I, благодаря предпріимчивой рѣшимости тогдашняго оберъ-прокурора, графа Н. А. Протасова, духовное вѣдомство постепенно обогащалось новыми административными учрежденіями, которыя, окружая Святѣйшій Синодъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ раздѣляли его дѣятельность. Главный виновникъ возникновенія создаваемыхъ учрежденій видѣлъ въ нихъ лучшіе способы къ вящшему благоустройству дѣлъ духовныхъ и съ убѣжденіемъ объ этомъ заявлялъ Высочайшей власти и открыто предъ нею свидѣтельствовалъ о благихъ послѣдствіяхъ произведенныхъ преобразованій. Въ подтвержденіе сего сошлемся на всеподданнѣйшій докладъ графа Протасова, которымъ онъ, ходатайствуя предъ Государемъ Императоромъ о

возвышеніи окладовъ содержанія директорамъ четырехъ мѣстъ главнаго духовнаго управленія и о приравненіи ихъ къ директорамъ министерскихъ департаментовъ, о благихъ плодахъ произведенныхъ перемѣнъ писалъ слѣдующее: „въ девять мѣсяцевъ съ того времени, т. е. съ 1 марта 1839 г., когда были утверждены штаты образованныхъ учрежденій, вмѣстѣ съ успѣхами дѣлопроизводства по всѣмъ четыремъ преобразованнымъ мѣстамъ главнаго духовнаго управленія, благія сихъ успѣховъ послѣдствія уже замѣтны и въ подвѣдомыхъ ему мѣстахъ (рѣчь объ устройствѣ возсоединенныхъ изъ уніи епархій). Нынѣ, когда ожиданія мои, продолжалъ оберъ-прокуроръ, подтвердились на дѣлѣ по всѣмъ четыремъ мѣстамъ, изъ которыхъ каждое по числу состоящихъ въ нихъ отдѣленій и чиновниковъ, равняется съ департаментами министерства, и коихъ директоры состоятъ съ директорами сихъ послѣднихъ въ одномъ классѣ, справедливо сравнять ихъ и въ окладахъ содержанія“. Государь 16 декабря 1839 года удостоилъ все сіе Высочайшаго соизволенія.

Въ то время, какъ совершались по духовному вѣдомству описанныя перемѣны, Святѣйшій Синодъ оставался какъ бы въ сторонѣ отъ нихъ и не принималъ въ нихъ дѣятельнаго участія, кромѣ того, что получалъ о нихъ, какъ о совершившемся фактѣ, свѣдѣнія въ предложеніяхъ оберъ-прокурора. Вслѣдствіе сего происшедшія перемѣны имѣли то значеніе для Синода, что чрезъ нихъ облегчалась дѣятельность послѣдняго по разнымъ отраслямъ синодальнаго правленія. Чтобы ближе ознакомиться съ составомъ присутствія Святѣйшаго Синода въ началѣ царствованія императора Николая I, полезно замѣтить, что первымъ актомъ по вступленіи на престолъ новаго государя было выраженіе высочайшей признательности старѣйшимъ іерархамъ русской церкви въ особо данномъ каждому изъ нихъ высочайшемъ рескриптѣ. Первенствующему члену Святѣйшаго Синода митрополиту Серафиму государь писалъ:

„Преосвященный митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Серафимъ! Подвигъ вашъ въ 14 день сего декабря, когда вы съ ревностію, достойною архипастырскаго сана вашего, не щадя живота своего, лично предстали предъ

толпою возстававшихъ противъ законной власти и гласомъ кроткихъ убѣжденій тщались преклонить заблудшихъ сихъ овецъ къ повиновенію, обратилъ мое на васъ вниманіе. Въ засвидѣтельствованіе онаго и въ знакъ признательности моей за то, жалую вамъ украшенную брилліантами панагію у сего препровождаемую. Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю вамъ всегда доброжелательный Николай“ 25 декабря 1825 года.

Кіевскому митрополиту Евгенію отъ того же числа государь писалъ:

„Преосвященный митрополитъ Кіевскій Евгеній! Обращая вниманіе мое на служеніе ваше церкви, престолу и отечеству, для котораго вы подвизались нынѣ въ 14 день декабря, когда подвергая жизнь свою опасности, раздѣляли оную вмѣстѣ съ преосвященнымъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ Серафимомъ, справедливымъ почитаю изъявить за то мою признательность. Въ ознаменованіе оной жалую вамъ украшенную драгоцѣнными камнями панагію. Пребываю доброжелательный Николай“.

Архіепископу, впослѣдствіи митрополиту московскому, Филарету государь писалъ:

„Преосвященный архіепископъ Московскій Филаретъ! Мнѣ пріятно было получить письмо ваше отъ 18 числа сего мѣсяца и видѣть въ немъ изъявленіе чувствъ преданности вашей и усердія, по случаю восшествія моего на прародительскій престолъ, и архипастырскія молитвы ваши къ Всевышнему Царю царствующихъ о благословеніи на начинающееся царствованіе мое. Примите благодарность мою за сіе, равно какъ и за доставленное мнѣ при томъ описаніе открытія хранившагося въ Успенскомъ соборѣ акта въ Бозѣ почившаго императора и любезнѣйшаго брата моего. Достоинства ваши были мнѣ извѣстны; но при семъ случаѣ явили вы новые доводы ревности и приверженности вашей къ отечеству и ко мнѣ. Въ воздаяніе за оныя всемилостивѣйше жалую вамъ брилліантовый крестъ, у сего препровождаемый, для ношенія на клобукѣ. Пребываю къ вамъ всегда доброжелательный Николай“.

Содержаніе и предметъ, котораго касаются, приведенные

рескрипты ясно указуютъ, что стоявшіе во главѣ управленія русской церкви іерархи вполнѣ отвѣчали высотѣ ихъ призванія. Вмѣстѣ съ симъ тѣ же рескрипты разъясняютъ, что Высочайшая власть съ полнымъ довѣріемъ относилась къ служителямъ Христова алтаря. Стараясь выяснить положеніе Святѣйшаго Синода въ царствованіе императора Николая I, необходимо прежде всего замѣтить, что Синодъ по своему составу обыкновенно сообразовался съ предначертанною для него нормою въ штатѣ 1819 года. Подписавшіе опредѣленіе Св. Синода о воцареніи императора Николая I синодальные члены присутствовали и на коронаціи государя императора. Перемѣны начались перемѣщеніемъ 6 ноября 1826 г. тверского архіепископа Іоны въ Казань, съ сохраненіемъ при немъ званія члена Св. Синода. На мѣсто его 7 ноября вызванъ рязанскій архіепископъ Филаретъ (Амфитеатровъ). 15 января 1827 г. уволенъ въ епархію и кіевскій митрополитъ Евгеній, который болѣе уже и не возвращался въ Синодъ. Заслуживаетъ вниманія докладъ оберъ-прокурора князя Мещерскаго о возвращеніи въ епархію ярославскаго архіепископа Авраама, вызваннаго въ Синодъ указомъ 12 іюля 1825 г. Докладывая о семъ обстоятельствѣ государю императору, оберъ-прокуроръ писалъ: „поелику доселѣ епархіальные архіереи, не имѣющіе званія членовъ, вызывались обыкновенно на два года, и таковое время послѣ указа объ архіепископѣ Авраамѣ истекло, то считаю долгомъ доложить о семъ Вашему Императорскому Величеству и съ тѣмъ вмѣстѣ испрашивать разрѣшенія: благоугодно-ли будетъ, чтобы онъ и далѣе присутствовалъ въ Синодѣ до повелѣнія, или же при увольненіи его въ епархію повелѣно будетъ вызвать какого другого архіерея, кого Ваше Величество назначить изволите“. Государь далъ повелѣніе: „архіепископа Авраама отпустить, а на мѣсто его вызвать епископа калужскаго“, какимъ въ то время былъ Григорій Постниковъ. Преосвященный Григорій, несмотря на то, что постепенно перемѣщался (1828 г.) въ Рязань, (1831 г.) въ Тверь, все время оставался въ Синодѣ, лишь на время, въ лѣтніе мѣсяцы, отъѣзжалъ во ввѣряемыя ему епархіи. Въ 1829 г., будучи рязанскимъ архіепископомъ, онъ получилъ званіе члена

Св. Синода. Въ 1837 г. 14 апрѣля онъ, согласно его прошенію по причинѣ разстроившагося здоровья, получилъ увольненіе отъ Синода на два года, считая срокъ сего увольненія съ половины мая. Но и чрезъ два года Григорій не возвратился въ Синодъ. 30 марта 1839 г. ему, согласно его просьбѣ, было дано Высочайшее разрѣшеніе оставаться въ епархіи до совершеннаго исправленія его здоровья. Почти одновременно съ Григоріемъ, а именно 13 апрѣля 1827 г. былъ вызванъ въ С.-Петербургъ и московскій митрополитъ Филаретъ, который, подобно Григорію и почти одновременно съ нимъ, отъѣзжалъ въ свою епархію, въ Москву, обыкновенно на лѣтніе мѣсяцы, захватывая иногда по обстоятельствамъ осенніе и зимніе мѣсяцы. Филаретъ московскій такимъ образомъ долгое время принималъ личное участіе въ дѣлахъ Св. Синода. Въ 1842 г. 2 мая, вслѣдъ за увольненіемъ Филарета кіевскаго, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, тогдашній оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ докладывалъ Государю: „Митрополитъ Московскій изъясняя, что по шестимѣсячномъ отсутствіи его изъ епархіи, въ настоящее время представляется надобность личнаго на мѣстѣ исполненія лежащихъ на немъ епархіальныхъ обязанностей, и что къ таковымъ обязанностямъ присоединяется и собственная его нужда, чтобы въ благопріятномъ климатѣ употребить врачебныя пособія къ поддержанію его здоровья, проситъ о всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи ему возвратиться въ Московскую епархію. Таковую просьбу митрополита Филарета, къ удовлетворенію коей, присовокуплялъ Пратасовъ, не усматривается препятствій, считаю долгомъ повергнуть на Высочайшее разрѣшеніе Вашего Императорскаго Величества“. Резолюція государя: „можетъ ѣхать“. Уволенный въ епархію митрополитъ Филаретъ и не возвращался болѣе въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Одновременно съ Филаретомъ московскимъ уволенъ изъ Синода и Филаретъ митрополитъ кіевскій. Сего Филарета мы видѣли уже присутствующимъ въ Св. Синодѣ, когда онъ былъ рязанскимъ архіепископомъ. Будучи 20 февраля 1828 г., когда засѣдалъ въ Синодѣ, назначенъ казанскимъ архіепископомъ, Филаретъ 27 февраля получилъ Высочайшее повелѣніе не медля отправиться

въ новую епархію. Оберъ-прокуроръ такъ изложилъ Св. Синоду сущность сего повелѣнія: „Государь Императоръ, получивъ свѣдѣнія о затрудненіяхъ, открывшихся въ Казанской епархіи по смерти тамошняго архіепископа Іоны, Высочайше повелѣть соизволилъ опредѣленному нынѣ же преемнику его преосвященному архіепископу Филарету ѣхать не медля въ означенную епархію“. Въ 1836 г. Филаретъ, по докладу оберъ-прокурора Нечаева, снова былъ вызванъ въ Синодъ, съ повелѣніемъ прибыть въ первыхъ числахъ мая. Во время этого пребыванія въ Синодѣ Филаретъ 17 іюня 1836 г. получилъ званіе члена Св. Синода, 10 сентября того же года переведенъ въ Ярославль, а 18 апрѣля 1837 г. назначенъ кіевскимъ митрополитомъ по смерти Евгенія. По назначеніи митрополитомъ, Филаретъ 2 мая 1837 г. уволенъ въ епархію для обозрѣнія оной съ іюня по октябрь, когда онъ долженъ былъ возвратиться въ Синодъ. Съ этого времени Филаретъ каждогодно отъѣзжалъ на время въ Кіевъ и возвращался въ Синодъ. 25 марта 1842 г. митрополитъ Филаретъ обратился къ тогдашнему оберъ-прокурору графу Протасову съ слѣдующимъ письмомъ; „Милостивый государь, графъ Николай Александровичъ! По преклонности лѣтъ моихъ и слабому здоровью, я чувствую себя не въ силахъ дѣлать ежегодныя поѣздки изъ Кіева въ С.-Петербургъ и совмѣстить управленіе ввѣренной мнѣ епархіи Кіевской съ присутствованіемъ въ Св. Синодѣ. Сверхъ сего здѣшній климатъ производитъ неблагопріятное вліяніе на мое здоровье, истощенное на поприще сорокачетырехлѣтней службы. Почему покорнѣйше прошу ваше сіятельство испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на увольненіе меня отъ присутствованія въ Св. Синодѣ и отправленіе въ Кіевъ въ первыхъ числахъ мая сего года, для всегдашняго пребыванія въ паствѣ и окончанія тамъ послѣднихъ дней моей жизни. Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Филаретъ, митрополитъ Кіевскій“. По всеподданнѣйшемъ о семъ письмѣ докладѣ государь императоръ 11 апрѣля 1842 г. Высочайше соизволилъ на увольненіе Филарета кіев-

скаго, согласно его прошенію, въ Кіевъ „къ исполненію лежащихъ на немъ по ввѣренной ему епархіи обязанностей“ [1]).

По увольненіи обоихъ Филаретовъ въ Синодѣ остались членами: митрополиты Серафимъ и Іона, архіепископъ рязанскій Гавріилъ и оберъ-священники: Музовскій и Кутневичъ. Изъ нихъ Іона вступилъ въ Синодъ въ 1832 г., когда онъ по слабости силъ просилъ уволить его отъ управленія епархіальными дѣлами,—но Св. Синодъ, принявъ во вниманіе знакомство бывшаго экзарха Грузіи съ дѣлами послѣдней, и нуждаясь въ его опытномъ совѣтѣ, исходатайствовалъ у государя разрѣшеніе сохранить ему званіе члена и присутствовать въ Св. Синодѣ. Рязанскій архіепископъ Гавріилъ былъ вызванъ въ Синодъ 13 апрѣля 1841 г. на одинъ годъ, но по отъѣздѣ митрополитовъ ему продленъ срокъ присутствованія

---

[1]) И. А. Чистовичъ: увольненіе обоихъ Филаретовъ въ епархіи ставляетъ въ связь съ извѣстнымъ дѣломъ о литографированномъ переводѣ Библіи протоіерея Павскаго (см. И. А. Чистовича, Руков. дѣлами дух. просвѣщенія стр. 340—341). Къ тому, что сказано у И. А. Чистовича по сему случаю, находимъ нелишнимъ привести разсказъ другаго лица, видимо близко стоявшаго къ дѣлу и близко знавшаго его ходъ. Это лицо разсказываетъ: «Въ началѣ 1842 г. однимъ монахомъ донесено было митрополитамъ С.-Петербургскому, Московскому и Кіевскому, присутствовавшимъ въ Синодѣ о распространеніи наполненнаго антихристіанскими мыслями литографированнаго при С.-Петербургской духовной академіи перевода Св. Писанія, и о необходимости издать отъ Синода вѣрный переводъ... Получивъ отъ Кіевскаго митрополита экземпляръ записокъ, графъ Протасовъ въ первое же засѣданіе доложилъ его Синоду... Въ Синодѣ Московскій и Кіевскій митрополиты поддерживали ту мысль, что нужно издать исправный переводъ В. З., а Кіевскій даже сильнѣе выражалъ эту мысль, чѣмъ Московскій. Прошло полторы недѣли, а протоколъ не является. Протасовъ попросилъ Московскаго митрополита написать проектъ протокола, объясняя, что канцелярія никакъ не совладаетъ съ этимъ дѣломъ... Филаретъ написалъ и даже подписалъ проектъ, который получилъ чрезъ это уже форму частнаго мнѣнія митрополита... Тогдашняго ректора С.-Петербургской академіи Аѳанасія уговорили написать противъ мысли двухъ митрополитовъ опроверженіе въ томъ смыслѣ, что эта мысль противна св. церкви и опасна для государства. Опроверженіе это дали подписать... митрополиту Серафиму. Потомъ, какъ мнѣніе Московскаго, такъ и опроверженіе, подписанное С.-Петербургскимъ митрополитомъ, Протасовъ представилъ Государю... Кончилось тѣмъ, что Государь уволилъ безвозвратно и Кіевскаго и Московскаго митрополита въ ихъ епархіи... Митрополиты узнали объ ошибкѣ уже тогда, когда должны были выѣзжать изъ Петербурга. Вмѣсто ихъ вызваны были два молодые епископа, не имѣвшіе ни авторитета, ни опытности.

еще на одинъ годъ, 5 іюля 1842 г., по личному докладу оберъ-прокурора. Тогда же, 16 мая, былъ вызванъ Никаноръ (Клементьевскій) епископъ волынскій, который по назначеніи его 17 января 1843 г. варшавскимъ архіепископомъ, съ оставленіемъ вмѣстѣ и волынскимъ и священно-архимандритомъ Почаевскія Лавры, отбылъ въ епархію съ званіемъ члена Св. Синода. Въ ноябрѣ 1841 г. Высочайше повелѣно присутствовать въ Св. Синодѣ въ теченіе одного года Венедикту (Григоровичу), бывшему викарію с.-петербургской епархіи епископу ревельскому, тогда же назначенному архіепископомъ олонецкимъ. По отъѣздѣ Никанора варшавскаго и Гавріила рязанскаго, вызываемъ былъ Парѳеній владимірскій архіепископъ, но по болѣзненному состоянію отказался отъ присутствованія; на его мѣсто вызванъ Иліодоръ епископъ курскій и бѣлгородскій [1]). Между первенствующими членами Св. Синода.

---

[1]) Для любопытствующихъ вотъ точный списокъ тѣхъ архіереевъ, которые, смѣняя другъ друга, присутствовали въ Св. Синодѣ въ послѣдующіе годы царствованія Государя Императора Николая I, при Оберъ-Прокурорѣ графѣ Н. А. Протасовѣ. Призванный къ присутствованію, упомянутый преосвященный Венедиктъ (Григоровичъ), оставался въ Синодѣ, на время отъѣзжая въ свою Олонецкую епархію, до 1847, когда на его мѣсто былъ вызванъ Иннокентій (Борисовъ) архіепископъ харьковскій. Одновременно съ упомянутымъ же Иліодоромъ (Чистяковымъ) присутствовалъ вызванный нѣсколько прежде его (23 января 1843 г.) Гедеонъ (Вишневскій) Полтавской архіепископъ. Изъ поименованныхъ лицъ Иннокентій, съ 1 марта 1848 г. уже Херсонскій архіепископъ, согласно прошенію, вслѣдствіе болѣзни, съ выраженіемъ Высочайшаго сожалѣнія, 29 апр. 1850 г. уволенъ въ епархію. На мѣсто Иннокентія былъ вызванъ Астраханскій архіепископъ, бывшій экзархъ Грузіи, Евгеній (Баженовъ), который и оставался въ Синодѣ до конца царствованія Николая I и получилъ увольненіе въ епархію, по вступленіи на престолъ Императора Александра II. Преосвященный Курскій Иліодоръ пробылъ въ Синодѣ до 1848 г., когда на его мѣсто 1 марта былъ вызванъ Игнатій (Семеновъ) архіепископъ Воронежскій. Преосвященный Гедеонъ Полтавскій оставался въ Синодѣ до 1849 г. и, получивъ увольненіе въ епархію, скончался 9 октября въ С.-Петербургѣ, гдѣ 20 января 1850 г. умеръ и Игнатій Воронежскій архіепископъ. На мѣсто Гедеона вызывался Іаковъ Нижегородскій архіепископъ, который, не окончивъ срока вызова, скончался въ С.-Петербургѣ 11 мая 1850 г. Мѣсто Игнатія Воронежскаго занялъ Григорій (Постниковъ) архіепископъ Казанскій, членъ Св. Синода, вызванный 25 февраля 1850 г. Григорій присутствовалъ въ Синодѣ, какъ увидимъ ниже, все остальное время своей жизни. На мѣсто умершаго Іакова Нижегородскаго вызывался Николай (Доброхотовъ) Тамбовскій епископъ, котораго смѣнилъ Іоаннъ (Доброзраковъ) архіепископъ Донской, вызванный 29 марта 1851 г. Онъ пробылъ въ Синодѣ

Митрополитъ Серафимъ, во все время своего первоприсутствія (1821—1843 г.) видѣвшій и пережившій столько перемѣнъ въ строѣ администраціи русской церкви, скончался 17 января 1843 г. ночью, какъ о томъ докладывалъ государю графъ Протасовъ, „безъ всякихъ предвѣстій объ его близкой кончинѣ, послѣ обычныхъ занятій дѣлами“. На мѣсто Серафима назначенъ Антоній (Рафальскій)—архіепископъ варшавскій, который по причинѣ болѣзни 4 ноября былъ уволенъ отъ управленія новгородскою епархіею и 16 ноября 1848 года скончался. За Антоніемъ слѣдовалъ Никаноръ (Клементьевскій), который сначала 4 ноября былъ назначенъ новгородскимъ, а за тѣмъ 17 ноября с.-петербургскимъ митрополитомъ. Никаноръ подобно Антонію не долго стоялъ во главѣ управленія русской церкви; онъ скончался 17 сентября 1856 г. въ годъ и послѣ коронаціи Императора Александра II.

Въ составѣ засѣдавшихъ въ Синодѣ оберъ-священниковъ происходили свои перемѣны. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что къ состоявшимъ на лицо и подписавшимъ опредѣленіе Святѣйшаго Синода о воцареніи императора Николая I, прежде другихъ былъ пріобщенъ духовникъ государя протоіерей Николай Музовскій, которому 21 августа 1826 года повелѣно быть членомъ Святѣйшаго Синода съ жалованьемъ по штату положеннымъ. Съ назначеніемъ Музовскаго въ Синодъ закрылась послѣдняя остававшаяся со времени начертанія въ 1819 г. штата, незанятою, протоіерейская вакансія. Впрочемъ къ тому времени скончался

одинъ годъ, и на его мѣсто вступилъ снова Иннокентій Херсонскій, вызванный 21 марта 1852 г. Иннокентій оставался въ Синодѣ не долго. Въ слѣдующемъ 1853 г. 31 марта, когда были продолжены сроки пребыванія въ Синодѣ, Григорію Казанскому и Евгенію Астраханскому, на мѣсто Иннокентія повелѣно прибыть Смарагду (Крыжановскому) Орловскому епископу срокомъ по 1 мая 1854 г. Смарагда смѣнилъ Аркадій Олонецкій епископъ, который по прибытіи въ Синодъ въ Маѣ 1854 г., временно былъ командированъ въ Архангельскъ по дѣламъ епархіальнымъ. Аркадій (Ѳеодоровъ) оставался въ Синодѣ во время кончины Императора Николая и вступленія на престолъ Государя Императора Александра II. На мѣсто Евгенія Астраханскаго 19 марта 1855 г. былъ вызванъ Ѳеодотій (Озеровъ) епископъ Симбирскій. Предложенный перечень наполненъ именами проспопамятныхъ, доблестныхъ іерарховъ отечественной Церкви.

членъ Святѣйшаго Синода оберъ-священникъ Державинъ. Вступленіе въ Синодъ его преемника представляетъ нѣкоторую особенность. По случаю предстоявшаго въ то время отъѣзда въ Москву на коронацію Святѣйшаго Синода, на время отсутствія послѣдняго, предположено было образовать временную синодальную контору съ назначеніемъ въ нее с.-петербургскаго викарія, епископа ревельскаго Никанора (Клементьевскаго), архимандрита и ректора академіи Іоанна (Доброзракова) и протоіерея петропавловскаго собора Стахія Колосова. На всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ государь императоръ, 3 іюня 1826 года, собственноручно написалъ: „согласенъ, до прибытія сюда оберъ-священника 1-й арміи, которому и вступить здѣсь на испытаніе въ должность полеваго оберъ-священника". Это былъ протоіерей Моджугинскій, прибывшій въ С.-Петербургъ въ августѣ и вступившій въ исправленіе должности оберъ-священника арміи и флотовъ и въ составъ членовъ временной синодальной конторы. По возвращеніи Святѣйшаго Синода изъ Москвы, когда временная синодальная контора была закрыта, и члены ея были обращены къ своимъ занятіямъ, Синодъ относительно протоіерея Моджугинскаго поручилъ оберъ-прокурору князю Мещерскому испросить Высочайшее соизволеніе: „присутствовать ли въ ономъ вызванномъ сюда на испытаніе протоіерею Моджугинскому и именоваться ли ему присутствующимъ, или членомъ онаго съ производствомъ положеннаго по штату жалованья, также и именоваться ли ему арміи и флотовъ оберъ-священникомъ, или состоять только въ сей должности". По сему докладу Высочайшею резолюціею повелѣно: „продолжать присутствовать и быть въ должности". 13 ноября того же 1826 года протоіерей Моджугинскій, по докладу оберъ-прокурора, Высочайше былъ утвержденъ оберъ-священникомъ арміи и флотовъ съ полученіемъ содержанія со дня перваго присутствія по пріѣздѣ. Упомянутый протоіерей Моджугинскій присутствовалъ недолго, въ 1829 году по обстоятельствамъ онъ былъ уволенъ и отъ Синода и отъ должности оберъ-священника съ помѣщеніемъ въ Валаамскій монастырь, откуда и просилъ о постриженіи его въ монашество. Преемникъ Моджугинскаго изъ придворныхъ протоіереевъ Мансветовъ не при-

сутствовалъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, гдѣ по увольненіи Моджугинскаго остались только Криницій и Музовскій. Къ нимъ присоединенъ былъ протоіерей В. И. Кутневичъ, который 19 декабря 1832 года, по смерти Мансветова, назначенъ былъ оберъ-священникомъ арміи и флотовъ. Вступленіе Кутневича въ Синодъ представляетъ эпизодъ, заслуживающій вниманія. Кутневичъ сначала былъ назначенъ для временнаго присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, по случаю отбытія на время въ епархію Филарета митрополита московскаго и Григорія архіепископа рязанскаго, и затѣмъ по возвращеніи ихъ оставленъ для постояннаго засѣданія въ Синодѣ. То и другое совершилось по особымъ докладамъ синодальнаго оберъ-прокурора С. Д. Нечаева. Доклады эти характеризуютъ тогдашнее положеніе дѣлъ, а потому любопытно ознакомиться съ ихъ содержаніемъ и мотивами. Ходатайствуя о назначеніи Кутневича, для временнаго присутствія, оберъ-прокуроръ писалъ:

„По штату Святѣйшаго Синода, Высочайше утвержденному въ 1819 г, присутствіе онаго должно состоять изъ 7-ми членовъ — четырехъ архіереевъ, двухъ архимандритовъ и одного протоіерея.

„Архіерейскія вакансіи заняты нынѣ преосвященными Серафимомъ, Филаретомъ, Іоною и Григоріемъ.

„На протоіерейскомъ мѣстѣ состоитъ нынѣ духовникъ Музовскій.

„Архимандриты съ давняго времени не присутствовали въ Синодѣ, да и назначать ихъ для сего было бы довольно неудобно по особенной трудности—согласить необходимую для судейскаго званія свободу въ мнѣніяхъ со строго наблюдаемымъ въ иноческомъ состояніи порядкомъ подчиненности іерархическому старшинству.

„Одна изъ архимандричьихъ вакансій остается по нынѣ за протопресвитеромъ Криницкимъ, другую занимали оберъ-священникъ арміи и флотовъ Державинъ, а потомъ Моджугинскій, сія послѣдняя остается теперь праздною.

„Такимъ образомъ нынѣ въ Синодѣ присутствуютъ: шесть членовъ. По увольненіи же преосвященныхъ Филарета и Григорія въ епархіи до 15 сентября, остается на лицо только четыре присутствующихъ. Изъ нихъ преосвященный Сера-

фимъ и оба духовника засѣдаютъ и въ Коммиссіи духовныхъ училищъ, а преосвященный Іона съ тѣми же духовными занимается еще въ особомъ Комитетѣ, временно составленномъ для разсмотрѣнія многосложной ревизіи всѣхъ церквей волынской, подольской и московской епархій.

„По преклоннымъ лѣтамъ и слабѣющимъ силамъ однихъ изъ сихъ членовъ, по другимъ обязанностямъ, лежащимъ на прочихъ, не уповаю, чтобы въ лѣтнее особенно время для каждаго засѣданія Синода и Коммиссіи духовныхъ училищъ собиралось необходимое для рѣшенія дѣлъ число членовъ, и правильную имѣю причину опасаться какъ бы не послѣдовало отъ того нѣкотораго замедленія въ дѣлахъ, при всѣхъ усиліяхъ моихъ къ надлежащему ускоренію ихъ хода.

„Выписывать для присутствованія въ Синодѣ какого-либо епархіальнаго архіерея на долгое время—было бы излишне, ибо въ половинѣ сентября, по возвращеніи митрополита московскаго и архіепископа тверскаго, все положенное штатомъ число архіереевъ будетъ снова въ присутствіи, а вызывать на короткое время, до ихъ прибытія было бы мало полезно, ибо сего скоро и исполнить нельзя за отдаленностію мѣстъ, и другими нужными при семъ распоряженіями; да и во всякомъ случаѣ отсутствіе архипастыря невыгодно для епархіи: опытъ достаточно показываетъ, что съ симъ вмѣстѣ возрастаютъ часто въ консисторіяхъ и вообще въ духовенствѣ нестроенія, безпорядки и самыя злоупотребленія.

„Но есть другой удобнѣйшій способъ отвратить настоящее затрудненіе и преподать даже вящшія средства къ успѣшнѣйшему производству дѣлъ по Синоду и Коммиссіи духовныхъ училищъ: можно было бы разрѣшить нынѣшнему оберъ-священнику армін и флотовъ протоіерею Кутневичу на все то время присутствовать въ обоихъ сихъ мѣстахъ по тому примѣру, какъ и всѣ предшественники его (кромѣ послѣдняго протоіерея Мансветова) засѣдали въ оныхъ. По Синоду это послужило бы и сокращеніемъ дѣлопроизводства въ отношеніи къ армейскому и флотскому духовенству, а Коммиссія пріобрѣла бы въ немъ сочлена, ближайшимъ образомъ знакомаго со всѣми подробностями нынѣшняго образованія духовныхъ училищъ, такъ какъ протоіерей Кутневичъ прохо-

дилъ весь курсъ ученія въ преобразованныхъ уже заведеніяхъ, самъ былъ профессоромъ духовной академіи, членомъ академическаго правленія и ревизоромъ семинарій.

„Самое начало управленія вѣдомствомъ оберъ-священника арміи и флотомъ показало въ немъ человѣка дѣятельнаго и весьма заботливаго о должномъ порядкѣ и справедливости: тѣмъ болѣе можно надѣяться, что участіе его въ дѣлахъ высшаго духовнаго правительства будетъ не безплодно.

„Мысль сію я сообщалъ всѣмъ старшимъ членамъ Синода: они единодушно ее одобрили и совѣтывали мнѣ исходатайствовать Вашего Императорскаго Величества соизволеніе предпочтительно на таковое распоряженіе“.

На семъ докладѣ послѣдовала Высочайшая резолюція: „согласенъ“. 3 іюля 1833 года.

Ходатайствуя о назначеніи Кутневича постояннымъ членомъ Синода, оберъ-прокуроръ Нечаевъ развивалъ тѣ же мотивы, дополняя ихъ соображеніями, что количество и важность дѣлъ въ Синодѣ быстро возрастаютъ отъ особенныхъ обстоятельствъ времени, а еще болѣе отъ энергическаго движенія, даннаго правительствомъ всѣмъ отраслямъ государственныхъ учрежденій, что „лучшимъ и удобнымъ способомъ для доставленія нынѣшнимъ членамъ Синода полезнаго сотрудника, представляется по примѣру прежнихъ оберъ-священниковъ арміи и флотовъ, помѣстить въ число постоянно присутствующихъ нынѣшняго преемника ихъ Кутневича, который съ пользою и достоинствомъ участвовалъ временно въ трудахъ Синода и Коммиссіи духовныхъ училищъ“. Подкрѣпляя свое ходатайство совершеннымъ одобреніемъ Святѣйшаго Синода, оберъ-прокуроръ о достоинствахъ Кутневича выражался: „оберъ-священникъ Кутневичъ въ разныхъ опытахъ доказалъ и честность своихъ правилъ, и ученость весьма основательную, и особенную къ занятіямъ службы способность. По ввѣренной ему обширной части дѣла пошли бы несравненно успѣшнѣе отъ личнаго его присутствія въ Синодѣ, не говоря уже о томъ, что онъ, бывъ уже членомъ консисторіи въ многолюдной московской епархіи, хорошо знакомъ съ устройствомъ епархіальнаго управленія, а принадлежа къ бѣлому духовенству, вѣрнѣе можетъ судить о

всѣхъ отношеніяхъ онаго". Государь 14 октября 1833 года утвердилъ представленіе оберъ-прокурора, назначивъ Кутневича членомъ Святѣйшаго Синода и коммиссіи духовныхъ училищъ. Кутневичъ занялъ архимандричью по штату вакансію, которую прежде занимали оберъ-священники Державинъ и Моджугинскій. Изъ трехъ такимъ образомъ засѣдавшихъ въ Синодѣ протоіереевъ первымъ выбылъ Криницкій, который скончался въ 1835 г. По смерти Криницкаго остались въ Синодѣ протоіерей Музовскій, назначенный послѣ Криницкаго протопресвитеромъ придворнаго и московскаго Благовѣщенскаго соборовъ, съ порученіемъ его управленію бывшихъ въ вѣдѣніи Криницкаго придворныхъ церквей и духовенства и съ сохраненіемъ званія оберъ-священника Главнаго штаба, завѣдывавшаго гвардейскимъ духовенствомъ, и протоіерей Кутневичъ, бывшій оберъ-священникъ арміи и флотовъ. Кутневичъ пережилъ царствованіе Николая I, а Музовскаго, умершаго 3 августа 1848 г., замѣнилъ протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, который, завѣдуя придворными церквами и духовенствомъ, въ то же время былъ оберъ-священникомъ Главнаго Штаба, а также гвардіи и гренадеръ. Въ 1849 г. Кутневичъ удостоенъ званія члена Св. Синода и сана протопресвитера. При концѣ царствованія императора Николая скончался тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Н. А. Протасовъ, а именно 16 января 1855 г. въ два часа дня. На докладѣ о семъ исправлявшаго тогда должность синодальнаго оберъ-прокурора тайнаго совѣтника Карасевскаго, Государь Императоръ Николай Павловичъ собственноручно изволилъ начертать: „искренно и душевно скорблю о потерѣ этого достойнаго и вѣрнаго слуги, котораго столь давно зналъ и уважалъ". Смерть Протасова открывала путь къ оцѣнкѣ его нововведеній по вѣдомству Св. Синода. Это и видимъ въ слѣдующее царствованіе.

Царствованіе Императора Александра II, ознаменовавшееся столь многими и крупными преобразованіями въ политической, общественной и народной жизни, не коснулось вѣдомства Святѣйшаго Синода. Между тѣмъ, про-

изведенныя графомъ Протасовымъ, по его иниціативѣ, съ Высочайшаго соизволенія, перемѣны въ средѣ духовнаго вѣдомства провели рѣшительную грань, отдѣлившую Синодъ отъ его прошедшаго. / Въ то время, какъ графъ Протасовъ восторгался своими нововведеніями по духовному вѣдомству, видѣлъ въ нихъ залогъ и обезпеченіе правильнаго и успѣшнаго теченія дѣлъ — современные цѣнители реформъ графа Протасова думали о нихъ иначе, словомъ не одобряли. Извѣстный церковный ревнитель А. Н. Муравьевъ, въ свое время много, говорившій и писавшій о перемѣнахъ графа Протасова по духовному вѣдомству, такъ отзывался о духѣ и направленіи его реформъ: „Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ, соединеннаго съ просвѣщеніемъ народнымъ, было первымъ нарушеніемъ Регламента Петра Великаго, ибо оно подчинило Синодъ свѣтскому вліянію министра, хотя весьма благонамѣреннаго и благочестиваго, каковъ былъ князь Голицынъ, но сихъ двухъ добродѣтелей недостаточно для управленія дѣлами церковными: необходима опытность духовная и соблюденіе тѣхъ основныхъ правилъ, соборныхъ и отеческихъ, на коихъ держится церковь православная, ибо она не можетъ быть управляема мимо епископовъ и безъ соборнаго совѣщанія. / По возникшимъ отъ того неустройствамъ духовнымъ, первенствующій членъ митрополитъ Серафимъ принужденъ былъ, при всемъ своемъ смиреніи, просить Государя Императора отпустить его на покой, если не возстановится прежній порядокъ управленія церковнаго. Порядокъ былъ возстановленъ, но кратковременное министерство оставило по себѣ неблагопріятный примѣръ для будущаго. Еще прежде министерства, въ началѣ сего столѣтія, при образованіи училищъ, учреждена была духовная комиссія при Святѣйшемъ Синодѣ, которая состояла изъ членовъ духовныхъ и свѣтскихъ; но первенствующій членъ Синода имѣлъ всю распорядительную часть, и одинъ, своимъ лицемъ, сносился со всѣми вѣдомствами по сему предмету. Митрополитъ Серафимъ, уже въ преклонные свои годы утомленный множествомъ дѣлъ, жаловался однажды оберъ-прокурору Нечаеву, что его одолѣваютъ дѣла духовной комиссіи, и, по пред-

ложенію сего оберъ-прокурора, произвольно уступилъ ему всю переписку, а чрезъ то и свою начальническую обязанность по сей комиссіи. Съ тѣхъ поръ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, имѣвшій только одинъ равный со всѣми голосъ въ комиссіи духовныхъ училищъ, сдѣлался на мѣсто первенствующаго члена совершеннымъ ея распорядителемъ. Но власть оберъ-прокурора приняла чрезвычайные размѣры, при уничтоженіи сей комиссіи, во время управленія графа Протасова, ибо тогда не только всѣ дѣла комиссіи перешли въ Синодъ, но при ономъ образовалось два особыхъ управленія, весьма обширныхъ—духовно-учебное и хозяйственное, а изъ бывшаго отдѣленія православныхъ дѣлъ при оберъ-прокурорѣ составилась обширная канцелярія, и все сіе съ директорами и вице-директорами, по образцу департаментовъ министерскихъ: такимъ образомъ устроилось опять полное министерство, хотя и безъ имени, но съ гораздо большими правами и преимуществами, нежели первое, ибо уже было потрясено то нравственное вліяніе, которымъ исконно пользовался Святѣйшій Синодъ“. Описавъ далѣе возникшія на практикѣ неудобства, коими сопровождалось учрежденіе духовно-учебнаго и хозяйственнаго управленій, ревнитель интересовъ церкви продолжалъ: „вообще число свѣтскихъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ и за оберъ-прокурорскимъ столомъ и въ разныхъ управленіяхъ и канцеляріяхъ, умножилось до чрезвычайности, безъ всякой нужды только для большаго подобія съ министерствомъ. Вслѣдствіе сего сократилось вліяніе Святѣйшаго Синода на всеобщее управленіе церкви . . . Члены Синода мало по малу . . . привыкли къ свѣтскому руководству. Одинъ только оберъ-прокуроръ имѣлъ слухъ царскій. При императрицѣ Екатеринѣ первенствующій членъ нерѣдко приглашался къ ея столу и такимъ образомъ имѣлъ случай бесѣдовать лично“. Вообще Муравьевъ открыто указывалъ разныя невыгодныя стороны тѣхъ перемѣнъ, которыя послѣдовали въ теченіи, положеніи и направленіи синодальныхъ дѣлъ со времени и во время оберъ-прокурорства графа Протасова. Снѣдаемый скорбію о дѣлахъ церковныхъ, Муравьевъ предлагалъ и мѣры къ улучшенію. Въ отношеніи къ Синоду онъ полагалъ необхо-

димымъ „для большаго успѣха въ дѣлопроизводствѣ имѣть въ присутствіи Святѣйшаго Синода настольный реестръ всѣхъ поступающихъ дѣлъ и уже рѣшенныхъ, доколѣ они еще не исполнены. Тогда каждый членъ можетъ лично усмотрѣть теченіе дѣлъ и требовать справокъ, а между тѣмъ первенствующій членъ, при началѣ каждаго мѣсяца, долженъ обращать особое вниманіе на то, приведены ли въ исполненіе всѣ рѣшенія Синода, бывшія въ теченіе мѣсяца. Вмѣстѣ съ симъ каждый изъ членовъ имѣетъ право входить съ предложеніями въ Синодъ, какъ это и прежде бывало, такъ какъ въ коллегіальномъ управленіи это есть выраженіе равенства членовъ между собою и подвигаетъ теченіе дѣлъ по особой заботѣ нѣкоторыхъ, болѣе опытныхъ изъ числа засѣдающихъ. При этомъ для возвращенія къ первобытному единству управленія духовнаго, необходимо упразднить . . . духовно-учебное и хозяйственное управленія весьма многосложныя и сдѣлать изъ нихъ по отдѣленію въ синодальной канцеляріи съ особымъ оберъ-секретаремъ для каждаго. Вслѣдствіе такихъ перемѣнъ, духовное образованіе подчинится опять прямо Синоду безъ посредства, и сократится много времени въ дѣлопроизводствѣ и много денегъ . . . Однимъ словомъ устроить все, какъ прежде было въ Синодѣ болѣе 130 лѣтъ. Такимъ образомъ очистится древле-коллегіальное управленіе отъ позднѣйшихъ министерскихъ формъ, которыя только нарушаютъ порядокъ дѣлопроизводства“. Въ отношеніи къ первенствующему члену Святѣйшаго Синода выражены пожеланія, чтобы онъ „хотя будучи только первымъ между равными ему архіереями, но по положенію стоящій во главѣ Святѣйшаго Синода, который поставленъ во главѣ всей россійской церкви, пользовался особеннымъ уваженіемъ всѣхъ архіереевъ, съ нѣкоторыми отеческими правами въ отношеніи ихъ. Если замѣтитъ онъ какіе-либо безпорядки по епархіямъ, то пишетъ прямо отъ себя къ архіереямъ, и каждый изъ нихъ долженъ обращаться къ нему за совѣтомъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Ему подчинены всѣ священники при миссіяхъ нашихъ за-границею, и онъ долженъ имѣть пастырскій надзоръ за всѣми духовными миссіями для обращенія иновѣрцевъ. Первенствующій членъ сносится также и съ патріархами восточ-

ными отъ лица Святѣйшаго Синода, если не имѣется нужды въ соборной граматѣ. Такимъ образомъ въ лицѣ его сосредоточится единство всей россійской церкви и возстановится древній порядокъ первенствующей церкви Христовой, когда, при равенствѣ епископовъ между собою, въ каждой области церковной, старшій митрополитъ служилъ для всѣхъ средоточіемъ и отечески направлялъ ихъ къ соблюденію правилъ соборныхъ".

Записку съ изложеніемъ своихъ предначертаній А. Н. Муравьевъ представлялъ тогдашнему оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу А. П. Толстому съ мыслію, что „одинъ лишь оберъ-прокуроръ можетъ вывести церковь изъ того положенія, въ какое она поставлена, явивъ себя графомъ Протасовымъ въ обратномъ смыслѣ". О своихъ предположеніяхъ А. Н. Муравьевъ ставилъ въ извѣстность и московскаго митрополита Филарета, въ мнѣніяхъ и отзывахъ котораго встрѣчаются слѣды замѣчаній на нѣкоторыя изъ предположеній Муравьева. Митрополитъ Филаретъ, представляя Муравьева „искреннимъ ревнителемъ православной церкви", о самыхъ его предположеніяхъ выражался: „я возражаю не противъ сущности вашихъ замѣчаній на стѣснительное положеніе синодальнаго дѣйствованія,—но противъ неточности изложенія, отъ которой могутъ произойти два неблагопріятныя послѣдствія: первое, что могутъ сдѣлать возраженія противъ сей неточности, и все ваше замѣчаніе окажется опроверженнымъ,—второе, что невѣрно означенная неправильность можетъ получить такое исправленіе, которое вновь будетъ неправильно и неудовлетворительно... я дѣлаю замѣчанія только на сомнительныя мѣста вашей записки и, слѣдственно, съ прочимъ ея содержаніемъ согласенъ. Мнѣ нѣтъ надобности переписывать всѣ ваши мысли и при каждой говорить, что это справедливо"... Главныя изъ своихъ замѣчаній митрополитъ Филаретъ направлялъ по поводу словъ «читалъ и исполнить», которыми обыкновенно синодальный оберъ-прокуроръ пропускаетъ опредѣленія Святѣйшаго Синода къ подписанію оныхъ членами Святѣйшаго Синода и къ исполненію по синодальной канцеляріи. Въ этихъ словахъ Муравьевъ усматривалъ крайнее усиленіе оберъ-прокурорской власти, когда замѣчалъ: „итакъ

два таинственныя слова «читалъ и исполнить», безъ всякаго даже числа, рѣшаютъ дѣла церковныя, самыя важныя, какъ и самыя обыкновенныя. Какой патріархъ пользовался столь неограниченною властію?..“ На это увѣреніе Муравьева митрополитъ Филаретъ разъяснялъ: слова „читалъ и исполнить“ вы представляете знаменіемъ чрезмѣрной власти оберъ-прокурора и произвола останавливать синодальныя рѣшенія. На сіе вамъ могутъ сказать: это не правда; это дѣло оберъ-прокурорскаго надзора за канцеляріею; такъ же поступаютъ и оберъ-прокуроры сената, и если долгъ оберъ-прокурора есть наблюдать, чтобы въ синодальныхъ рѣшеніяхъ не было несогласнаго съ государственными законами, то какъ можно ему исполнять сей долгъ, если синодскія рѣшенія будутъ исполняемы, не бывъ ему показаны?.. По моему мнѣнію вы могли бы сказать: оберъ-прокурору дано право писать на опредѣленіяхъ „читалъ“, прежде предложенія оныхъ къ подписанію, и прежде исполненія подписывать: „исполнить“. Это сдѣлано для порядка и надзора, а отнюдь не для того, чтобы онъ могъ рѣшеніе Синода оставить вовсе безъ дѣйствія. Оберъ-прокурору сената назначены даже сроки, противъ замедленія сего дѣйствія“... Муравьевъ не одобрялъ учрежденія хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ для завѣдыванія церковными и духовными капиталами. По сему предмету онъ писалъ: „Хотя и необходимо было обратить вниманіе на хозяйственный порядокъ по управленію синодальному, но члены Святѣйшаго Синода сдѣлались какъ бы чуждыми своему хозяйству при устройствѣ сего новаго т. е. хозяйственнаго управленія, и распоряженіе различными капиталами сосредоточилось въ рукахъ оберъ-прокурора“. Въ устраненіе сего Муравьевъ полагалъ: упразднивъ хозяйственное управленіе, дѣла по хозяйственной части Святѣйшаго Синода сосредоточить въ особомъ отдѣленіи канцеляріи Святѣйшаго Синода съ отдѣльнымъ оберъ-секретаремъ. По существу сего предположенія митрополитъ Филаретъ замѣчалъ: „управленіе огромными капиталами и многосложнымъ движеніемъ ихъ можно ли сосредоточить въ не очень важномъ лицѣ оберъ-секретаря? Такая отвѣтственность не можетъ лежать на такомъ лицѣ. А обременять Святѣйшій Синодъ тяж-

кою денежною отвѣтственностію удобно ли и было ли бы это іерархическое дѣло?“ Вообще митрополитъ Филаретъ тономъ своихъ замѣчаній на предположенія Муравьева старается болѣе ихъ исправить, чѣмъ опровергнуть. „Искренній, по словамъ митрополита Филарета, ревнитель православной церкви“ А. Н. Муравьевъ не успокоивался на томъ, что его мнѣнія о стѣснительномъ дѣйствованіи Святѣйшаго Синода дѣлались извѣстными въ духовной средѣ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ распространялъ ихъ и далѣе при помощи переписки, призывая къ сочувствію. При такомъ настойчивомъ образѣ дѣйствованія, заявленія А. Н. Муравьева всетаки носили болѣе академическій характеръ. Рѣшительнѣе думали поступать представители россійской іерархіи, которые одновременно съ А. Н. Муравьевымъ брались оцѣнивать произведенныя графомъ Протасовымъ реформы. Голосъ свой они направляли къ престолу. Въ одной изъ такихъ записокъ, обращенной на Высочайшее имя, читаемъ: „Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь! Вступленіе Вашего Императорскаго Величества (рѣчь къ императору Александру II) на прародительскій престолъ пробудили силы государственной жизни. Всѣ отрасли ея пришли въ движеніе, и по пути, указанному любовію Вашею, стали быстро стремиться къ благотворному преспѣянію. По той мѣрѣ, какъ стезя государственнаго развитія, озаряемая свѣтомъ истины, становилась свѣтлѣе и свѣтлѣе, недостатки, крывшіеся въ великомъ тѣлѣ общества, стали обнаруживаться рѣзче и возбуждать во всѣхъ благородныхъ душахъ, идущихъ за Вами, Государь, глубокое желаніе исправить ихъ, уврачевать болѣзни общества, разлить по всему организму его жизнь, чуждую страданій, исполненную ощущеніемъ сладости бытія, жизнь, невоспѣщаемую никакимъ уклоненіемъ въ своемъ развитіи, и дающую всѣмъ вкушать подъ державнымъ кровомъ Вашего Величества чувства общей любви и счастія, сколько это доступно на землѣ. При такомъ всеобщемъ движеніи къ совершенству, не могли остаться не замѣченными и нѣкоторые недостатки, существующіе въ духовенствѣ русскомъ. Стали появляться въ журналахъ статьи, въ которыхъ указывалось на нихъ то какъ бы мимоходомъ, то въ видѣ наме-

ковъ. А за-границею явилась цѣлая книжка, въ которой, какъ въ мрачной картинѣ, выставлены всякаго рода недостатки духовенства. Враги святой церкви, составляющей драгоцѣнное наслѣдіе Россіи, не замедлили воспользоваться этимъ разоблаченіемъ пороковъ сословія для своихъ старинныхъ цѣлей. Отъ недостатковъ духовенства они дѣлали заключеніе къ недостаткамъ св. церкви, и приглашали легкомысленныхъ разорвать праотеческій союзъ съ нею. Печальные, хотя немногіе опыты отпаденія нѣкоторыхъ заблудшихъ показываютъ, что древній змій нашелъ въ Россіи не одну Еву. Но какъ заключеніе отъ недостатковъ сословія, обстоятельствами поставленнаго въ неправильное положеніе, къ недостаткамъ самой церкви, созданной Господомъ, хранящимъ въ ней свою истинну неприкосновенною, неосновательно: такъ большею частію поверхностны, односторонни, преувеличены, несправедливы возгласы, направленные противъ духовнаго сословія. То, что составляетъ порокъ нѣкоторыхъ, представляется въ этихъ возгласахъ принадлежностію всѣхъ. То, что привилось къ нему какъ необходимость силою обстоятельствъ или положенія, въ какія оно поставлено, изображается въ нихъ, какъ свободное уклоненіе самаго сословія отъ пути, по которому оно должно шествовать. Съ другой стороны нельзя вполнѣ и отвергать этихъ порицаній. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выражается печальная истина. Недостатки въ духовенствѣ есть и иногда не малые... Зная причины всѣхъ безпорядковъ, существующихъ въ іерархіи и духовенствѣ, а съ другой стороны любя св. церковь, любя отечество, безпредѣльно любя Васъ, Государь, я допустилъ бы тяжкій грѣхъ предъ Богомъ, предъ людьми и предъ св. церковію, если бы остался безмолвнымъ зрителемъ бѣдственнаго положенія церкви и не возвысилъ предъ Вами, всемилостивѣйшій Государь, своего голоса, когда, по благосердію Вашему, Вы сдѣлали доступнымъ къ себѣ вопли всякихъ нуждъ и страданій. Выслушайте, Государь, голосъ человѣка, со всею искренностію сердца преданнаго Вамъ, голосъ истины, истекающій изъ глубины сознанія величія того, о чемъ онъ говоритъ. Дѣло касается св. церкви, слѣдовательно и вѣчнаго спасенія каждаго изъ Вашихъ подданныхъ и Васъ самихъ Государь“.

Приступая къ раскрытію самаго предмета, о которомъ авторъ желаетъ говорить, онъ пишетъ:

„Для того, чтобы извѣстное какое-либо общество дѣйствовало соотвѣтственно предположенной ему цѣли, необходимо, чтобы оно безпрепятственно пользовалось данными ему силами, и приводило въ исполненіе всѣ тѣ способы, которые нужны для осуществованія цѣли. Было бы крайне несправедливо, если бы мы, отправляя какого-либо человѣка въ далекій путь, связали назадъ его руки, а къ ногамъ приковали огромные чугунные шары и, кромѣ того, полагали страшныя преграды при каждомъ шагѣ его впередъ. Очевидно, что онъ въ своихъ движеніяхъ будетъ вялъ, измучится среди своихъ усилій приблизиться къ цѣли и всегда будетъ далекъ отъ нея. Обращая на современное намъ духовенство взоръ добросовѣстный и безпристрастный, неповрежденный никакими предубѣжденіями и страстями, мы не можемъ не сознаться, что весьма многіе въ духовномъ званіи стоятъ на самой высокой степени нравственнаго совершенства, многіе принадлежатъ къ образованнѣйшимъ людямъ, и многіе, перейдя изъ духовнаго въ свѣтское званіе, были самыми полезными дѣятелями на поприщѣ государственной службы. Слѣдовательно, если заключается въ св. церкви, повидимому, отсутствіе живой дѣятельности и благихъ предпріятій, если усматривается въ духовенствѣ даже какая-то нравственная дисгармонія жизни и дѣятельности съ своимъ долгомъ, то причинъ надобно искать не въ лицахъ, призванныхъ пасти церковь и не въ самомъ существѣ церкви. Ихъ надобно искать внѣ сословія духовнаго и самой церкви“. Отыскивая эти причины, авторъ не останавливается на изображеніи всего положенія св. церкви, а лишь показываетъ, какъ управляется церковь въ нашемъ отечествѣ, останавливаясь на высшемъ средоточіи жизни св. церкви—на Святѣйшемъ Синодѣ. Не находя во внѣшней обстановкѣ и внутреннемъ дѣлопроизводствѣ Св. Синода желательнаго для сего учрежденія устройства, авторъ подвигаетъ верховную власть вникнуть въ положеніе и теченіе дѣлъ церковныхъ, говоря: „св. церковь не есть человѣческое учрежденіе. Это есть царство Божіе на землѣ, царство вѣчной истины и добродѣтели, основанное Единороднымъ Сы-

номъ Божіимъ. Епископы совершаютъ не свое дѣло. Они суть только орудія, посредствомъ которыхъ Спаситель міра, вѣчный архіерей, продолжаетъ Самъ созидать въ человѣчествѣ жилище Божества. Препятствовать имъ въ дѣлахъ церкви, которыя сосредоточиваются въ одной цѣли—въ приведеніи всѣхъ и всего къ Отцу Небесному во Христѣ—значитъ препятствовать Самому Богу насаждать и развивать въ людяхъ божественную жизнь. Не человѣкъ управляетъ царствомъ Божіимъ на землѣ, а Самъ Сынъ Божій, основавшій его и изливающій въ него токи благодати изъ Своего божественнаго царства. Онъ Самъ видимо предстоитъ среди свѣтильниковъ (Апок. I, 12—13) и держитъ звѣзды церкви въ десницѣ Своей (Апок. I, 15)... Всѣ мы принадлежимъ къ этому царству; всѣ должны слушать нашего Іисуса Христа, Царя и Правителя сего царства, если не желаемъ быть исключены изъ него. Господь завѣщалъ сіе царство апостоламъ и преемникамъ ихъ (Лук. XXII, 29). Зная это, никто, кромѣ отступниковъ, никогда не дерзалъ возлагать рукъ своихъ на достояніе Божіе. Россія также всегда держалась порядка, утвержденнаго Іисусомъ Христомъ и существовавшаго въ церкви съ апостольскихъ временъ. Митрополитъ и епископы пасли въ ней церковь. Впослѣдствіи митрополитъ наименованъ былъ патріархомъ, имя перемѣнилось, но божественная благодать въ управленіи церковію оставалась также неразлучною съ нимъ, какъ и прежде,—ибо это было епископское лицо, посредствомъ таинства хиротоніи сдѣлавшееся органомъ Св. Духа въ дѣйствованіи на церковь. При Петрѣ I вмѣсто одного епископа, называвшагося патріархомъ, орудіями божественнаго управленія церкви сдѣлались нѣсколько епископовъ, подъ названіемъ Синода; число лицъ измѣнилось, но лица остались тѣ же, власть надъ церковію по прежнему восходила чрезъ епископовъ, Самимъ Богомъ указанныхъ для сей цѣли, къ Сыну Божію—единственной Главѣ церкви. Петръ Великій ни самъ своимъ лицемъ не вторгался въ управленіе россійскою церковію и никого изъ мірянъ не уполномочивалъ на такое вторженіе... И святѣйшіе восточные патріархи утвердили не что-либо иное, какъ именно Синодъ, состоящій изъ архіереевъ и архимандритовъ,

завѣщавъ ему твердо держаться правилъ, издревле содержимыхъ св. церковію, и требуя, чтобы Синодъ въ томъ видѣ, въ какомъ они утвердили, оставался непоколебимъ... Въ нынѣшнемъ россійскомъ Синодѣ мы не видимъ ни того состава, ни той власти, которые должны принадлежать ему по намѣренію его учредителя и которые учреждены восточными патріархами. Въ Синодѣ мы видимъ существенную перемѣну, дающую ему иной характеръ, а не тотъ, какой имѣлъ въ виду Петръ I, и какой признали за нимъ святѣйшіе патріархи. Перемѣна эта... тѣмъ важнѣе, чѣмъ важнѣе предметъ, котораго она касается, чѣмъ возвышеннѣе власть, дѣятельность которой этою перемѣною нарушается. Власть Синода— не человѣческая, а божественная, сила ея—въ собраніи архіереевъ, чрезъ которыхъ дѣйствуетъ Самъ Богъ въ управленіи церковію, основанною Имъ на землѣ"...

Въ источникѣ, коимъ пользуемся, имѣется программа церковнаго переустройства. Переустройство это, по предначертаніямъ, должно состоять въ томъ, что Святѣйшій Синодъ долженъ измѣнить самое свое наименованіе и принять имя „святѣйшаго правительствующаго постояннаго всероссійскаго собора..." Этотъсоборъ долженъ состоять изъ шестнадцати человѣкъ, въ числѣ коихъ одинъ первенствующій, одиннадцать завѣдующихъ управленіями — каждый по согласному назначенію Синода; четыре безъ управленія—какъ совѣтники, судьи и наблюдатели за всѣми дѣлами. Они же служатъ представителями собора, засѣдаютъ въ Комитетѣ Министровъ и въ Государственномъ Совѣтѣ при слушаніи въ нихъ дѣлъ духовнаго управленія или дѣлъ смѣшаннаго вѣдомства властей духовной и гражданской... Соборъ совмѣщаетъ въ себѣ частныя управленія: 1) управленіе для общаго дѣлопроизводства и сношеній съ двумя отдѣленіями—внутреннимъ и внѣшнимъ; 2) управленіе церковное общее; 3) управленіе церковное военное; 4) управленіе монастырское; 5) управленіе по дѣламъ раскола; 6) управленіе иностранныхъ исповѣданій, обращеній и миссіонерствъ; 7) управленіе духовно-законное и церковно-судебное; 8) управленіе общественнаго благочестія, народной нравственности и пр.; 9) управленіе духовно-воспитательное и учебное; 10) управленіе призрѣнія, благотвори-

тельности и милостыни; 11) управленіе цензуры и относящихся къ ней дѣлъ и 12) управленіе хозяйства, казны и контроля. Для каждаго управленія предлагается особая, точная, ясная и краткая программа, опредѣляющая кругъ вѣдомства и порядокъ производства дѣлъ. Члены собора предполагаются постоянные, безсрочные; завѣдующіе управленіями не смѣняются ранѣе 5—6 лѣтъ, кромѣ причинъ законноуважительныхъ. Перемѣщенія внутри собора изъ одного управленія въ другое, равно и назначеніе завѣдующихъ управленіями изъ четырехъ свободныхъ членовъ совершаются самимъ соборомъ по рѣшительному большинству мнѣній сообразно знаніямъ, опытности и спеціальнымъ способностямъ и склонностямъ лицъ. Свободные отъ завѣдыванія управленіями четыре члена, кромѣ указанныхъ выше, лежащихъ на нихъ весьма важныхъ обязанностей, посылаются соборомъ по усмотрѣнію важности обстоятельствъ на объѣзды, ревизіи, слѣдствія и т. п. Дѣла всѣхъ управленій окончательно рѣшаются соборомъ по большинству голосовъ, и по рѣшеніи приводятся въ исполненіе, исключая дѣлъ, которыя требуютъ общаго государственнаго обсужденія. Эти послѣднія вносятся въ Комитетъ Министровъ и тамъ поясняются и защищаются лицомъ, завѣдывающимъ управленіемъ, изъ котораго тѣ дѣла исходятъ, или же которому отъ собора поручено будетъ. Духовныя дѣла, входящія въ Государственный Совѣтъ, слушаются въ немъ, съ приглашеніемъ въ его присутствіе, для объясненій и защиты члена собора имъ назначаемаго... Для обсужденія предположеній, предначертаній и общей разработки какихъ-либо вопросовъ, соборъ образуетъ изъ своей среды совѣщанія, изъ числа членовъ по собственному усмотрѣнію, приглашаетъ въ эти совѣщанія, въ случаѣ нужды, и спеціалистовъ изъ какого бы то ни было званія. Для замѣщенія членовъ собора, выбывающихъ за смертію, на покой, назначеніемъ на епархіи, равно и для избранія архіереевъ на епархіи, или перемѣщенія изъ одной епархіи въ другую, соборъ руководится своими соображеніями и опытностію. При всѣхъ новыхъ назначеніяхъ и постановленіяхъ онъ представляетъ на Высочайшее утвержденіе два лица, избранныя соборомъ большинствомъ голосовъ. О перемѣщеніяхъ же изъ

одной епархіи въ другую только всеподданнѣйше доноситъ съ изложеніемъ причинъ. На мѣсто выбывшаго первоприсутствующаго избираются соборомъ, только не изъ своей среды, а изъ всѣхъ архіереевъ имперіи два лица, которыя затѣмъ представляются на Высочайшее утвержденіе, какъ кандидаты въ сіе званіе, окончательно соборомъ назначенные. Обязанности первоприсутствующаго временно, въ случаѣ его болѣзни, отсутствія и другихъ причинъ, исполняетъ старѣйшій изъ членовъ собора".

Изложенныя предначертанія касались переустройства всей высшей церковной администраціи. По нѣкоторымъ изъ этихъ предначертаній, или по однородным съ ними предположеніямъ, находимъ разсужденія въ мнѣніяхъ и отзывахъ преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго. Послѣдній разсуждаетъ именно о составѣ Святѣйшаго Синода. Желая опредѣлить число засѣдающихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, митрополитъ Филаретъ намѣчаетъ руководственныя для сего начала, полагая оныя въ томъ, что число засѣдающихъ не должно быть очень малое, потому что Святѣйшій Синодъ имѣетъ характеръ собора, и для удобства раздѣленія труда, также и для того, чтобы въ дѣлахъ важныхъ было довольно совѣта, какъ гласитъ Писаніе: „спасеніе во мнозѣ совѣтѣ", и наконецъ, съ тою цѣлію, чтобы синодальныя рѣшенія имѣли болѣе нравственнаго вѣса въ умахъ православнаго народа. Равнымъ образомъ число засѣдающихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ не должно быть и очень велико, по той причинѣ, что при множествѣ членовъ одного присутственнаго мѣста труднѣе въ сужденіи и въ дѣйствованіи достигать единства, которое особенно нужно въ управленіи церковномъ, и для того, чтобы немногіе епархіальные архіереи присутствованіемъ въ Святѣйшемъ Синодѣ отвлекаемы были отъ личнаго дѣйствованія въ епархіяхъ. Вмѣстѣ съ симъ митрополитъ Филаретъ полагалъ, что число засѣдающихъ архіереевъ должно быть болѣе числа архимандритовъ, такъ какъ въ случаѣ перевѣса въ составѣ Святѣйшаго Синода лицъ пресвитерской степени можетъ легко случиться, что постановляемыя по большинству голосовъ рѣшенія будутъ рѣшеніями лицъ пресвитерской степени, а это показывало бы,

что пресвитеры управляютъ церковными дѣлами и епископами къ извращенію іерархическаго порядка. Руководствуясь изложенными началами, митрополитъ Филаретъ признавалъ соотвѣтствующимъ этимъ началамъ слѣдующій составъ Святѣйшаго Синода: 4 архіерея постоянно засѣдающихъ и 1 призываемый на очередь, а иногда по обстоятельствамъ 3 архіерея, постоянно присутствующіе и 2 призываемые на чреду, Его Императорскаго Величества духовникъ, оберъ-священникъ арміи и флотовъ, архимандритъ, призываемый на чреду. Въ случаѣ дѣла, имѣющаго особенную важность въ отношеніи къ догматамъ или управленію церковному, можно было бы призывать еще одного или двухъ архіереевъ во время разсмотрѣнія такого дѣла. Для устраненія затрудненій, сопровождающихъ отсутствіе архіерея изъ епархіи, для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, митрополитъ Филаретъ находилъ полезнымъ „въ ближайшія къ Петербургу епархіи, съ особеннымъ вниманіемъ, опредѣлять такихъ архіереевъ, которые назначаются или предполагаются для Святѣйшаго Синода“. Вообще митрополитъ Филаретъ далекъ былъ отъ мысли требовать какихъ-либо измѣненій въ отношеніи къ Святѣйшему Синоду, а тѣмъ болѣе искать замѣны сего учрежденія. По поводу сѣтованій А. Н. Муравьева на то, что Петръ I уничтожилъ патріаршество и оставилъ Синодъ, митрополитъ Филаретъ замѣчаетъ: „хорошо было бы не уничтожать патріарха, и не колебать тѣмъ іерархію, но возстановлять патріарха было бы не очень удобно; едва ли былъ бы онъ полезнѣе Синода. Если свѣтская власть начала тяготѣть надъ духовною; почему одинъ патріархъ тверже вынесъ бы сію тягость, нежели Синодъ? И при вселенскомъ патріархѣ нужнымъ оказался Синодъ; и въ Россіи есть Синодъ. Очень ли велика разность въ томъ, что въ Россіи первенствующій членъ Святѣйшаго Синода не называется патріархомъ? Это по крайней мѣрѣ требуетъ изслѣдованія, а не ведетъ къ рѣшительному осужденію того, что Синодъ остался. Было время, когда въ Россіи не было ни патріарха, ни Синода, а только митрополитъ. Но власть свѣтская искренно чтила духовную власть и ея правила; и сія имѣла болѣе удобства дѣйствовать съ ревностію и одушевленіемъ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Что касается взаимнаго согласія и споспѣшествованія церковной и государственной власти въ Россіи въ прежнія времена и усердной дѣятельности духовенства въ пользу государства, то—поистинѣ достойно вниманія". Выражая свое сочувствіе старому доброму времени, митрополитъ Филаретъ повидимому забывалъ, или не желалъ знать, что то время развивало свои отношенія по другимъ началамъ и завѣщало послѣдующему совершенно иныя традиціи, которыми наше время пренебрегло, установивъ новыя формы политической жизни и церковныхъ отношеній. Инщіаторы современныхъ улучшеній взываютъ къ завѣтамъ доброй старины,—но ихъ голосъ замираетъ во мглѣ неудержимаго прогресса.

Митрополитъ Филаретъ выражалъ свои мнѣнія и по вопросу объ участіи представителей іерархіи или лицъ духовныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ этомъ отношеніи митрополитъ Филаретъ находилъ вообще неудобнымъ участіе духовныхъ лицъ въ обсужденіи дѣлъ Государственнаго Совѣта съ одной стороны потому, что епископы наши вообще не посвящены въ дѣла, о которыхъ разсуждается въ Государственномъ Совѣтѣ, а потому присутствіе ихъ, пишетъ Филаретъ, безъ всякаго участія, безмолвное, но соединенное съ обязанностію подписывать протоколы, можетъ уронить ихъ въ общемъ мнѣніи,—съ другой—три или четыре члена изъ духовенства, при многочисленности прочихъ членовъ Государственнаго Совѣта, едва ли будутъ имѣть значительное вліяніе и принесутъ значительную пользу, а между тѣмъ, участвуя въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта, епископы будутъ раздѣлять отвѣтственность за оныя и подвергаться критикѣ, отъ которой доселѣ были освобождены. Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ Филаретъ указывалъ и на то опасеніе, что при господствующемъ направленіи нельзя надѣяться, чтобы государственное управленіе получило характеръ церковный; скорѣе можно полагать, что Государственный Совѣтъ, пользуясь присутствіемъ епископовъ, станетъ рѣшать дѣла, подлежащія Синоду, и такимъ образомъ свѣтское управленіе еще болѣе простретъ свою власть на церковь. Отстраняя по этимъ соображеніямъ мысль объ уча-

стіи духовныхъ лицъ въ высшемъ государственномъ управленіи, митрополитъ Филаретъ признавалъ совершенно умѣстнымъ совокупное разсужденіе Святѣйшаго Синода и Государственнаго Совѣта по нѣкоторымъ особымъ предметамъ, наравныхъ правахъ, съ сохраненіемъ цѣлости и взаимной независимости того и другого сословія. Подобныя разсужденія умѣстны въ тѣхъ случаяхъ, когда Государственный Совѣтъ, нуждаясь въ мнѣніи церкви по касающемуся ея вопросу въ лицѣ министровъ и другихъ членовъ, собирается къ митрополиту на комитетъ, въ которомъ послѣдній ведетъ и предсѣдательство. „Такой порядокъ, замѣчаетъ Филаретъ, въ производствѣ дѣлъ отдѣляя въ достоинствѣ церковь отъ министерствъ, т. е. свѣтскаго управленія, не противорѣчитъ предначертаннымъ еще Петромъ Великимъ конференціямъ Синода съ Сенатомъ. Извѣстно, что Синодъ, имѣя въ виду такія сенатскія опредѣленія, которыя по характеру своему касались и вѣдомства синодальнаго, выражалъ желаніе, чтобы таковыя опредѣленія составлялись по общему Сената съ Синодомъ обсужденію, „къ лучшему общей пользы усмотрѣнію“. Соизволяя на это, Петръ присовокупилъ, что буде „въ случаѣ его отсутствія встрѣтится такое нетерпящее отлагательства дѣло, то надлежитъ Синоду согласиться съ Сенатомъ и подписать и потомъ публиковать“. Извѣстно, что Петръ Великій вообще установилъ порядокъ конференцій Синода съ Сенатомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда съ той или другой стороны окажутся какія-либо сомнительныя дѣла. Указывая на этотъ порядокъ и примѣняясь къ нему, митрополитъ Филаретъ не возражалъ и противъ нынѣшнихъ конференцій Синода съ Государственнымъ Совѣтомъ, аргументируя свое мнѣніе соображеніемъ, что въ то время Сенатъ былъ тѣмъ, что нынѣ Государственный Совѣтъ, т. е. верховное законодательное присутственное мѣсто въ государствѣ. Посему сказанное тогда о Сенатѣ надлежитъ нынѣ примѣнить къ Государственному Совѣту. Возражая противъ постояннаго участія духовныхъ лицъ, въ качествѣ представителей церкви, въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта, и допуская умѣстность совѣщаній Синода съ Государственнымъ Совѣтомъ по особеннымъ дѣламъ и въ особенныхъ случаяхъ безъ преобладаю-

щаго значенія какой-либо стороны, митрополитъ Филаретъ не одобрялъ временной командировки членовъ Святѣйшаго Синода въ качествѣ делегатовъ въ Государственный Совѣтъ по какому-либо дѣлу. Въ этомъ случаѣ митрополитъ замѣчалъ, что делегированное лицо будетъ имѣть меньше значенія и силы, по сравненію съ дѣйствительнымъ членомъ Государственнаго Совѣта. Относя на основаніи изложенныхъ разсужденій назначеніе первенствующаго члена Святѣйшаго Синода и другихъ епископовъ, наравнѣ со свѣтскими сановниками, членами Государственнаго Совѣта, къ „неудачнымъ нововведеніямъ“ и почитая это подъ „благовидною наружностію“ сильнымъ ударомъ для церкви, митрополитъ Филаретъ видимо стремился оградить тѣмъ самостоятельность церкви и достоинство духовнаго сословія отъ силы свѣтскаго вліянія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, требовавшихъ перемѣнъ, митрополитъ Филаретъ отстаивалъ болѣе существующій порядокъ вещей, указывая на то, что всякое коренное преобразованіе было бы не по времени и могло бы усилить общее колебаніе мыслей весьма естественное, когда столь важное нововведеніе предпринимается съ такою легкостію. Намъ пришлось бы много распространяться, если бы мы пожелали собрать все, что предлагалось и предлагается въ видахъ устраненія возникшихъ во времена графа Протасова порядковъ. А потому, прекращая объ этомъ рѣчь, взглянемъ ближе на составъ Св. Синода.

Особенностію въ этомъ отношеніи является то, что вызывавшіеся для присутствованія въ Св. Синодѣ епархіальные архіереи оставались въ немъ къ ряду по нѣсколько лѣтъ. Вызовъ ихъ и оставленіе въ Синодѣ совершались по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Для сего, въ виду приближенія кому-либо изъ присутствовавшихъ архіереевъ срока пребыванія, Государю Императору представлялась справка съ точнымъ указаніемъ времени вызова, срока прибытія и даты предстоящаго отъѣзда поименованныхъ въ справкѣ архіереевъ. По докладѣ таковой справки съ полнымъ спискомъ епархіальныхъ архіереевъ, Государь Императоръ Высочайше указывалъ кому продлить срокъ пребыванія, кого уволить въ епархію и кого изъ архіереевъ вызвать вновь. При вступленіи

на престолъ императора Александра II въ составѣ Св. Синода были слѣдующія лица: первенствующій членъ Никаноръ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, вызванные изъ епархіи архіереи: Григорій, архіепископъ казанскій, имѣвшій званіе члена Св. Синода, Евгеній, архіепископъ астраханскій, бывшій экзархъ грузіи и членъ Св. Синода, и Аркадій, епископъ олонецкій, два протопресвитера В. Б. Бажановъ и В. И. Кутневичъ.

Изъ поименованнаго состава казанскій архіепископъ Григорій былъ вызванъ 25 февраля 1850 г., послѣ смерти воронежскаго епископа Игнатія, вызваннаго въ 1848 г. и скончавшагося въ Петербургѣ 20 января 1850 г. Преосвященный Григорій, со времени его вызова, оставался въ Синодѣ по особо повторявшимся каждый годъ Высочайшимъ повелѣніямъ о продленіи ему срока пребыванія въ Синодѣ. Достойно примѣчанія обстоятельство. Въ 1853 году 31 марта казанскій архіепископъ Григорій письменно просилъ оберъ-прокурора исходатайствовать ему Высочайшее соизволеніе на возвращеніе въ епархію. Въ отношеніи на имя синодальнаго оберъ-прокурора казанскій архіепископъ писалъ: „Имѣя настоятельную нужду въ обозрѣніи ввѣренной мнѣ казанской епархіи, чего прошедшимъ лѣтомъ, по продолжительной моей болѣзни, не могъ я сдѣлать, и чувствуя примѣтный упадокъ силъ отъ лѣтъ, которыхъ мнѣ въ слѣдующую осень будетъ шестьдесятъ девять, убѣдительнѣйше прошу Ваше Сіятельство исходатайствовать мнѣ у Его Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора увольненіе во ввѣренную мнѣ епархію на постоянное тамъ жительство, пока Владыкѣ жизни угодно будетъ продлить мою земную жизнь“. По всеподданнѣйшемъ докладѣ сего отношенія оберъ-прокуроромъ, Государю Императору угодно было просившаго объ увольненіи оставить въ Синодѣ съ дозволеніемъ посѣтить епархію, и для сего отправиться изъ Петербурга въ маѣ и возвратиться въ октябрѣ. Съ этого времени казанскій архіепископъ, оставаясь въ Синодѣ, лишь на лѣтнее время, каждый годъ, по особой просьбѣ, уѣзжалъ въ епархію для устройства дѣлъ епархіальныхъ. Въ коронацію императора Александра II казанскій архіепископъ почтенъ лично саномъ митрополита, а по смерти

митрополита Никанора назначенъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ митрополитомъ, заступивъ положеніе первенствующаго члена Св. Синода. Для ознакомленія съ высокою личностію сего святителя, обратимъ вниманіе на Высочайшій рескриптъ, въ которомъ, по поводу его назначенія петербургскимъ митрополитомъ, такъ были изображены его доблести: „Преосвященный митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Григорій! При назначеніи преемника почившему о Господѣ митрополиту Никанору, Я принялъ во вниманіе ваше многолѣтнее духовное поприще, полезное для церкви, назидательное для паствы и исполненное разнообразныхъ заслугъ, уже пріобрѣтшихъ вамъ лично санъ митрополита, и посему призналъ за благо ввѣрить вамъ обѣ епархіи, бывшія въ его управленіи. Отличающія васъ строгія правила и кроткія чувства христіанскаго благочестія внушаютъ Мнѣ несомнѣнную надежду видѣть управленіе ваше совершающимся въ духѣ любви и мира, теплой пастырской заботливости о словесномъ стадѣ Христовомъ и просвѣщенной ревности о строгомъ храненіи древнихъ спасительныхъ уставовъ православія, зиждущихъ благо церкви и нашего любезнѣйшаго отечества. Да поможетъ вамъ небесною Своею благодатію Самъ Божественный Пастыреначальникъ въ сихъ предстоящихъ вамъ новыхъ священныхъ подвигахъ. Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда къ вамъ благосклонный Александръ. 1 октября 1856 г.“.

Астраханскій архіепископъ Евгеній былъ вызванъ 27 апрѣля 1850 г. на мѣсто уволеннаго въ то время въ епархію Иннокентія, архіепископа херсонскаго, вызваннаго въ Синодъ 1 апрѣля 1847 г. Иннокентій увольнялся въ епархію, согласно его просьбѣ, по болѣзни; при чемъ, по докладу оберъ-прокурора, ему было выражено Высочайшее сожалѣніе. Евгеній былъ вызванъ по соглашенію оберъ-прокурора и митрополита Никанора и оставался въ Синодѣ, пока на его мѣсто 19 марта 1855 г. не былъ вызванъ симбирскій епископъ Ѳеодотій. Олонецкій епископъ Аркадій, вызванный въ 1854 г., оставался въ Синодѣ до вызова на его мѣсто 9 апрѣля 1856 г. ярославскаго архіепископа Нила. Слѣдуетъ замѣтить, что тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ А. П. Толстой, 24

ноября 1856 г., докладывая Государю Императору о вызовѣ въ Синодъ казанскаго архіепископа Аѳанасія, переведеннаго изъ Иркутска, мотивировалъ свой докладъ тѣмъ, что „по смерти митрополита Никанора присутствіе Св. Синода состоитъ нынѣ только изъ пяти лицъ,—тогда какъ состояло всегда изъ шести, а именно изъ четырехъ архіереевъ и двухъ оберъ-священниковъ“. Нилъ ярославскій и Аѳанасій казанскій вызывались между прочимъ для наблюденія за переводомъ богослужебныхъ книгъ на сибирскія нарѣчія. Одновременно съ ними присутствовалъ тверской архіепископъ Филоѳей, смѣнившій Ѳеодотія, симбирскаго архіепископа, уволеннаго 29 марта 1857 г. Въ этомъ же году приглашался въ Синодъ камчатскій епископъ Иннокентій для участія въ разсмотрѣніи вопроса объ устройствѣ камчатской епархіи. Иннокентій не пробылъ предположеннаго для него годичнаго срока и въ концѣ того же года возвратился въ епархію. Конецъ 1857 г. былъ временемъ смерти приснопамятнаго кіевскаго митрополита Филарета (Амфитеатрова), который, по крайней слабости силъ, не могъ принять участія въ коронаціи Государя, несмотря на особое приглашеніе. Князь Васильчиковъ, докладывая Государю Императору о смерти кіевскаго митрополита Филарета, въ такихъ глубоко-поучительныхъ и назидательныхъ чертахъ изображалъ положеніе старца въ послѣднее время его жизни и часы кончины. Отъ 24 декабря 1857 г. Васильчиковъ писалъ:

„Въ субботу 21 декабря, послѣ семидневной болѣзни, скончался кіевскій митрополитъ Филаретъ. Тиха и благочестива была его жизнь, покойно и тихо перешелъ онъ въ жизнь вѣчную... Давно уже помышлялъ онъ о смерти и благочестиво готовился къ ней. Сорокъ мѣсяцевъ и 21 день пріобщался онъ ежедневно св. Таинъ; а въ послѣдній день своей жизни, по выслушаніи обѣдни, служеніе которой, по желанію его, началось въ три часа по полуночи въ его покояхъ, старецъ изъ собственныхъ рукъ, съ особенно умилительнымъ чувствомъ христіанскаго спокойствія и смиренія, въ послѣдній разъ пріобщился св. Таинъ, слабѣющимъ голосомъ прочиталъ молитву „Нынѣ отпущаеши раба твоего“; затѣмъ послѣ двухчасовыхъ страданій, въ которыхъ, при чтеніи канона Божіей Матери, чувствовалъ

облегченіе въ молитвѣ, и подъ чтеніе у одра его псалтири, съ полнымъ сознаніемъ тихо отошелъ въ жизнь вѣчную.

„Наканунѣ въ бесѣдѣ со мною, покойный, выражая въ высокотрогательныхъ чувствахъ глубочайшую благодарность Вашему Императорскому Величеству и Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ за Всемилостивѣйшее вниманіе къ лаврѣ и къ нему лично, наложилъ на меня святую обязанность довести о томъ до Высочайшаго Вашего свѣдѣнія и доложить Вамъ, Государь, что первая его молитва, когда предстанетъ передъ престоломъ Всевышняго, будетъ за благоденстіе Ваше, Государыни Императрицы, Августѣйшаго Вашего дома и за Богомъ ввѣренную Вамъ Россію. Глубоко преданъ былъ покойный Вашему Величеству, пламенно любилъ отчизну и преисполненъ былъ истинно христіанской ревности о православной церкви.

„Какъ открылось изъ духовнаго его завѣщанія, онъ еще въ 1841 году принялъ св. схиму въ церкви преподобнаго Антонія, подъ именемъ Ѳеодосія, въ схимѣ завѣщалъ онъ положить его и во гробъ, также имъ самимъ приготовленный, и похоронить его на ближнихъ св. пещерахъ, въ указанномъ мѣстѣ, и не воздвигать памятника. Покойный не оставилъ почти никакого состоянія, духовное завѣщаніе его исполнено христіанскаго наставленія въ духѣ смиренія духовенству и паствѣ; цѣнныя вещи какъ къ облаченію, по сану его принадлежащія, такъ и другія, завѣщаны имъ лаврѣ и Кіево-Софійскому собору; а деньги, коихъ осталось только до 3000 рублей, за исключеніемъ издержекъ на погребеніе и для раздачи нищимъ, предоставлены на содержаніе бѣдныхъ учениковъ духовнаго училища и на бѣдныхъ въ Кіевѣ духовнаго званія“.

Кіевскую епархію послѣ смерти Филарета Государь предположилъ ввѣрить тогдашнему экзарху Грузіи, лично по случаю коронаціи и по собственной иниціативѣ Государя, удостоенному сана митрополита преосвященному Исидору. Предварительно сего назначенія Государь повелѣлъ тогдашнему оберъ-прокурору списаться по сему предмету съ митрополитомъ Исидоромъ, который отозвался, что онъ „не находитъ никакихъ важныхъ причинъ, которыя могли бы удерживать

его въ Тифлисѣ". Сообщая о семъ оберъ-прокурору, митрополитъ Исидоръ приложилъ двѣ выписки изъ писемъ къ нему покойнаго кіевскаго митрополита Филарета, которыя по знаменательности и назидательности ихъ рѣшаемся привести. Въ письмѣ отъ 22 января 1857 г. Филаретъ писалъ: „Вашему высокопреосвященству желаніемъ желаю рости и возрастать на служеніе св. церкви и отечеству. А мое отшествіе приближается съ каждымъ днемъ. Силы мои такъ ослабѣли отъ глубокой старости и частыхъ болѣзней, что нѣтъ надежды на возвращеніе силъ. А духъ мой радуется, что приближается избавленіе его изъ сей темницы, съ надеждою быти со Христомъ, Свѣтомъ незаходимымъ и животворящимъ. Всѣмъ сердцемъ молю Господа Бога моего Іисуса Христа и Пресвятую Матерь Его, да, по отшествіи моемъ, вручитъ Онъ, Всеблагій, кіевскую паству, а паче небеси-подобную Кіево-Печерскую лавру вашему высокопреосвященству. А о моемъ недостоинствѣ помолитесь, владыко святый, да не лишенъ буду наслѣдія царствія небеснаго". Въ письмѣ отъ 23 апрѣля 1857 г. митрополитъ Филаретъ писалъ: „Вашему высокопреосвященству отъ всей души желаю многія лѣта послужить православной церкви Христовой, особенно въ настоящее время испытаній, когда западъ темный всѣми силами устремляется на достоинство ея. А мои, кажется, и дніе сочтены суть. Прежде поправлялось мое здоровье весеннимъ благорастворенным воздухомъ, а теперь и животворная весна мало помогаетъ. Да будетъ во всемъ воля Господня. А мое недостоинство не преминетъ молить Господа Бога, да устроитъ Онъ Промысломъ Своимъ путь вашъ въ богоспасаемый градъ Кіевъ, древнюю матерь градовъ россійскихъ".

По докладѣ оберъ-прокуроромъ отзыва митрополита Исидора, Государь Императоръ назначилъ экзарха Грузіи кіевскимъ митрополитомъ, котораго удостоилъ слѣдующаго рескрипта: „Преосвященный митрополитъ кіевскій Исидоръ! Съ отшествіемъ ко Господу приснопамятнаго святителя церкви нашей, митрополита кіевскаго Филарета, желая видѣть преемника ему, исполненнаго заслугъ и ревности въ священномъ дѣлѣ назиданія душъ и церковнаго благоуправленія, я обратилъ мое вниманіе на васъ, уже стяжавшаго

лично санъ митрополита многополезными трудами на долговременномъ пастырскомъ поприщѣ, преимущественно въ краѣ Закавказскомъ.

„Ввѣряя нынѣ вамъ митрополію завѣтной для насъ страны, гдѣ устами Первозваннаго апостола предвозвѣщенъ отечеству нашему свѣтъ божественной истины и откуда возсіялъ онъ во всѣ его предѣлы, усердно молю Всевышняго, да управитъ во славу Свою новое служеніе ваше и поможетъ у колыбели святыя вѣры нашихъ предковъ бодрствовать на стражѣ древняго русскаго благочестія, и изъ тамошняго святилища духовныхъ знаній воздвигать новыхъ немолчныхъ проповѣдниковъ вселенскаго православія, коего доблими подвижниками, торжествующими надъ тлѣніемъ среди преходящихъ вѣковъ, достойно красуется свѣтоносная матерь градовъ русскихъ.

„Поручая себя вашимъ молитвамъ, пребываю всегда къ вамъ благосклонный Александръ. 1 марта 1858 года“.

Назначеніе митрополита Исидора въ Кіевъ видимо приближало его и къ Петербургу и къ Св. Синоду. Въ слѣдующемъ 1859 г. 18 апрѣля, по поводу приближенія сроковъ вызваннымъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ преосвященнымъ: Аѳанасію, архіепископу казанскому, Филарету архіепископу харьковскому, который 5 мая 1858 г. былъ вызванъ на мѣсто Нила, ярославскаго архіепископа, и Филоѳею епископу тверскому, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть вызвать въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, срокомъ на одинъ годъ, члена онаго преосвященнаго митрополита кіевскаго Исидора и епископовъ херсонскаго Димитрія и вятскаго Елпидифора, съ тѣмъ, чтобы митрополитъ кіевскій прибылъ сюда послѣ храмоваго праздника въ Кіево-Печерской лаврѣ Успенія Пресвятыя Богородицы 15 августа, а до того времени оставался здѣсь епископъ тверской Филоѳей. Не лишне прибавить, что вызовъ поименованныхъ лицъ состоялся по докладу тогдашняго оберъ-прокурора, который во всеподданнѣйшемъ докладѣ писалъ, „что преосвященный митрополитъ с.-петербургткій Григорій полагалъ вызвать поименованныхъ лицъ“. Митрополитъ Исидоръ однако не прибылъ къ назначенному сроку, — ему, вслѣдствіе его просьбы, съ Высо-

чайшаго соизволенія, разрѣшено оставаться въ Кіевѣ до проѣзда чрезъ Кіевъ Государя Императора. Онъ прибылъ въ Синодъ въ половинѣ (12) октября. Въ томъ же году 12 августа вызванъ въ Синодъ и другой митрополитъ, преосвященный литовскій Іосифъ, который съ 1847 г. уже состоялъ членомъ Св. Синода,—но въ ономъ не присутствовалъ. Ходатайствуя о назначеніи литовскаго архіепископа членомъ Св. Синода,—оберъ-прокуроръ во всеподданѣйшемъ докладѣ писалъ: „Преосвященный архіепископъ литовскій Іосифъ, успѣшно и неутомимо дѣйствующій къ пользѣ православія во ввѣренной ему епархіи, заслуживаетъ, особенно въ нынѣшнее время, особеннаго поощренія. Посему согласно прежнимъ предположеніямъ, кои въ свое время удостоились одобренія Вашего Императорскаго Величества, обязанностію считаю всеподданнѣйше представить о назначеніи его членомъ Св. Синода“. Къ сему оберъ-прокуроръ присовокупилъ, что „какъ преосвященные, удостоенные званія члена Св. Синода, вызываются для присутствія въ Синодѣ тогда лишь, когда не представляется нужды, чтобы они пребывали въ своихъ епархіяхъ, и притомъ вызываются не иначе, какъ по особой всякій разъ Высочайшей волѣ,—то и преосвященный Іосифъ, въ случаѣ удостоенія его симъ званіемъ, долженъ оставаться въ своей епархіи, которая въ немъ особенно нуждается“. Оставаясь на основаніи сего Высочайшаго распоряженія въ епархіи, митрополитъ Іосифъ неоднократно получалъ повелѣнія объ обзорѣ возсоединенныхъ изъ уніи епархій и въ настоящій разъ вызванъ въ Синодъ, по желанію послѣдняго съ тѣмъ, что присутствіе его въ Синодѣ признавалось полезнымъ „по особой важности вопросовъ, возникающихъ касательно западныхъ губерній и представляющейся иногда необходимости восполнять оффиціальныя донесенія подробнѣйшими свѣдѣніями, которыя могутъ быть сообщены Св. Синоду членами его, близко знающими разныя мѣстности духовнаго управленія“.

Митрополитъ Іосифъ прибылъ въ Синодъ въ концѣ (28) октября. Съ вызывомъ двухъ митрополитовъ, Св. Синодъ наполнился до своего состава по штату 1819 года. Въ него входили: три митрополита, два епископа: херсонскій Димитрій и вятскій Елпидифоръ и два протопресвитера. Изъ

нихъ при приближеніи срока, а именно 30 апрѣля 1860 г. митрополиту Іосифу и архіепископу херсонскому Димитрію отсрочено пребываніе на годъ, не смотря на то, что Іосифъ просилъ объ увольненіи его въ епархію по растроенному здоровью и по дѣламъ епархіальнымъ. На мѣсто же митрополита Исидора и Елпидифора, тогда архіепископа таврическаго, были вызваны епископы: калужскій Григорій и кишиневскій Антоній. Преосвященный Елпидифоръ не видалъ своей новой епархіи, ибо по болѣзни уволился на покой и жилъ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ и скончался 31 мая 1860 г. Смерть Елпидифора въ нѣкоторомъ смыслѣ повлекла сначала болѣзнь, затѣмъ и смерть первенствующаго члена Св. Синода митрополита Григорія, который, получивъ простуду при выносѣ тѣла покойнаго, занемогъ и скончался 17 іюня 1860 г. Въ погребеніи митрополита Григорія участвовали присутствовавшіе тогда въ Синодѣ: Димитрій архіепископъ херсонскій, Григорій епископъ калужскій и Антоній епископъ кишиневскій, два петербургскихъ викарія: Леонтій епископъ ревельскій и Нектарій епископъ выборгскій, ректоръ академіи, говорившій надгробное слово надъ почившимъ. На мѣсто митрополита Григорія сталъ первенствующимъ членомъ Св. Синода новгородскій и с.-петербургскій митрополитъ Исидоръ; кіевскую послѣ него каѳедру занялъ архіепископъ варшавскій Арсеній. Преосвященные Димитрій и Григорій оставлены въ Синодѣ и на 1861 г., на мѣсто же кишиневскаго Антонія вызванъ тверской архіепископъ Филоѳей. Литовскій митрополитъ Іосифъ, оставленный для присутствованія, находился временно въ епархіи и по болѣзни просилъ сначала отсрочить ему пребываніе до осени 1861 года, затѣмъ ходатайствовалъ уволить его совершенно отъ поѣздки въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ по растроенному здоровью, каковое увольненіе и было получено 21 ноября 1861 г. Изъ присутствовавшихъ въ этомъ году преосвященный Филоѳей былъ оставленъ и въ 1862 г., на мѣсто же уволенныхъ въ епархіи Димитрія херсонскаго и Григорія калужскаго приглашены были архіепископы могилевскій Евсевій и рижскій Платонъ. 14 октября того же 1862 г. былъ вызванъ и кіевскій митрополитъ Арсеній „для присутствованія въ продол-

женіе зимнихъ мѣсяцевъ, какъ болѣе свободныхъ отъ епархіальныхъ занятій". Вызванные въ 1862 г. оставлены и на 1863 г., когда тоже приглашался и кіевскій митрополитъ Арсеній. Ходатайствуя о семъ вызовѣ, тогдашній оберъ-прокуроръ генералъ-адъютантъ Ахматовъ докладывалъ Государю Императору, что объ этомъ „особенно ходатайствуетъ митрополитъ новгородскій". Оба митрополита съ этого времени становятся совмѣстными участниками въ дѣлахъ синодальнаго управленія. Въ 1865 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Д. А. Толстой, ходатайствуя предъ Государемъ Императоромъ о вызовѣ кіевскаго митрополита Арсенія по примѣрамъ прежнихъ лѣтъ, свидѣтельствовалъ о необходимости его участія, въ виду его многолѣтней опытности, въ важныхъ вопросахъ, требовавшихъ обсужденія. О сотрудникахъ митрополитовъ, присутствовавшихъ въ Синодѣ изъ епархіальныхъ архіереевъ, не поведемъ далѣе рѣчи; замѣтимъ только, что вызванный въ 1865 г. витебскій архіепископъ Василій и остался съ званіемъ члена въ Св. Синодѣ.

Въ отношеніи къ присутствовавшимъ изъ лицъ бѣлаго духовенства приходится отмѣтить только то, что 4-го апрѣля 1865 г. былъ назначенъ къ присутствію въ Св. Синодѣ тогдашній законоучитель дѣтей Государя протоіерей малой церкви Зимняго дворца І. В. Рождественскій. Главный священникъ арміи и флота протопресвитеръ В. И. Кутневичъ въ то время былъ боленъ и скончался 16 апрѣля. Мѣсто Кутневича осталось не занятымъ,—ибо преемники его по должности главнаго священника арміи и флотовъ не присутствовали въ Св. Синодѣ, какъ не имѣли за собою преемниковъ и члены Св. Синода протоіерей Рождественскій и протопресвитеръ Бажановъ. Послѣ ихъ смерти въ Св. Синодѣ засѣдаютъ только лица архіерейскаго сана, съ равными правами голоса, — одни съ званіемъ членовъ Св. Синода, — другіе — присутствующихъ, вызываемыхъ изъ епархій. Такимъ образомъ Св. Синодъ, за время его существованія, испыталъ много перемѣнъ въ составѣ своихъ членовъ. Эти перемѣны указуя, какъ Синодъ отодвигался отъ первоначальнаго его учрежденія, вмѣстѣ съ тѣмъ го-

ворятъ и о направленіи церковныхъ дѣлъ въ разные періоды синодальнаго управленія.

Положеніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій опредѣлялось тѣмъ авторитетомъ, какимъ онъ пользовался въ кругѣ предоставленнаго ему вѣдомства. Эта мысль въ именномъ указѣ объ учрежденіи Духовной Коллегіи выражена въ такихъ словахъ: „повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ всякаго чина духовнымъ и мірскимъ имѣть сіе за важное и сильное правительство и у него крайнія дѣлъ духовныхъ рѣшенія и вершенія просить и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться и указовъ его слушать во всемъ подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ Коллегій“. Въ главѣ „о епископахъ“ особенно замѣчено: „да вѣсть всякій епископъ, какой онъ ни есть степени, просто ли епископъ, или архіепископъ, или митрополитъ, что онъ Духовному Коллегіуму, яко Верховной Власти, подчиненъ есть“. Равнымъ образомъ о законодательныхъ правахъ Духовной Коллегіи, учредительный указъ гласилъ: „должна Коллегія сія и новыми впредь правилами дополнять регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи; однакожъ дѣлать сіе должна Коллегія духовная не безъ нашего соизволенія“. Вообще подчиненіе Духовной Коллегіи одной непосредственно и исключительно власти монарха, которому самъ Богъ повелѣваетъ повиноваться за совѣсть, устраняетъ возможность предположенія о подчиненіи учрежденной на такихъ началахъ Коллегіи какому-либо изъ постороннихъ для нея государственныхъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе первоначальное наименованіе Синода „Духовнымъ Коллегіумомъ“ и приравненіе его въ учредительномъ указѣ и регламентѣ прочимъ коллегіямъ даютъ поводъ думать, будто Синодъ по первоначальному его учрежденію поставленъ ниже Правительствующаго Сената и въ отношеніяхъ къ послѣднему обязанъ былъ соблюдать долгъ нѣкоторой подчиненности. Подобное предположеніе, хотя и высказывается, но не имѣетъ юридическаго основанія. Дѣло въ томъ, что въ Духовномъ Регламентѣ и во всѣхъ вышедшихъ

изъ подъ пера учредителя Духовной Коллегіи актахъ, послѣдняя по власти, силѣ и достоинству поставляется въ равное, параллельное положеніе съ Правительствующимъ Сенатомъ, дѣятельность, права и авторитетъ котораго принимаются заготовую норму разъясненія отношеній Святѣйшаго Синода. Въ Духовномъ Регламентѣ—въ главѣ о дѣлахъ, подлежавшихъ вѣдѣнію Духовной Коллегіи, предписывается: „обвѣстить или опубликовать всѣмъ вообще христіанамъ, коего либо чина, что мощно всякому усмотрѣвъ то, что къ лучшему управленію церкви полезное, доносить на письмѣ Духовному Коллегіуму такъ, какъ вольно всякому доносить Сенату о правильныхъ прибыляхъ государственныхъ". Въ томъ же Регламентѣ Сенатъ наравнѣ съ Духовнымъ Коллегіумомъ приглашается къ лучшему устройству дѣлъ: „и сіе не малая должность, какъ бы священство отъ симоніи и безстужаго нахальства отвратить. Къ сему полезно есть сдѣлать совѣтъ съ Сенатомъ, какъ много дворовъ къ одному приходу опредѣлить". Устанавливая форму сношеній Синода съ Сенатомъ, Петръ на докладныхъ пунктахъ перваго по вопросу „о прилучающихся требованіяхъ отъ Правительствующаго духовнаго собранія, въ Правительствующій Сенатъ, такожде и въ Коллегіи, и отъ нихъ въ духовное собраніе, какимъ образомъ письменное обхожденіе писать" далъ резолюцію: „въ Сенатъ вѣдѣніемъ и за подписаніемъ всѣхъ, а въ Коллегіи такъ, какъ изъ Сената пишутъ и за подписаніемъ только секретарскимъ". На жалобу Синода о томъ, что его дѣла медленно разсматриваются въ Сенатѣ, Петръ разъяснилъ: „о духовныхъ дѣлахъ надлежитъ прежде всякихъ коллегійскихъ дѣлъ первыя по нашимъ указамъ слушать и рѣшать". Приведенныхъ указаній достаточно, чтобы на основаніи ихъ заключить, что Синодъ равенъ Сенату, и что между ними подчиненныхъ отношеній быть не должно. Равенство Синода съ Сенатомъ требовало того, чтобы распоряженія и указы Синода ограждены были такими же гарантіями, какими законодатель оградилъ ненарушимость сенатскихъ постановленій. И въ этомъ отношеніи встрѣчаемся съ слѣдующимъ разъясненіемъ: Синодъ вопрошалъ Государя: „о знатныхъ и сильныхъ персонахъ,... которые будутъ въ порученныхъ Синоду дѣлахъ требовать синодальнаго раз-

сужденія, но вступая въ дѣла, станутъ оное своимъ непріходомъ и прочимъ должнаго имъ исполненіемъ продолжать и предлагаемое отъ Синода опредѣленіе, яко неспльное и неважное... презирать и уничтожать, какіе тогда съ такими сильными лицами употреблять Синоду поступки и дѣйства". На этотъ вопросъ Петръ лаконически отвѣтствовалъ: „противу Сената". Синодъ вторично вопрошалъ Государя, какъ поступать Синоду съ такими: „кто гордо презираетъ власть церковную съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій и тако безбожія воню отъ себя издаетъ". На это Петръ отвѣтствовалъ резолюціею: „понеже Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную имѣетъ власть, какъ Сенатъ; того ради респектъ и послушаніе равное отдавать надлежитъ и за преступленіе наказаніе". Синодъ неоднократно пользовался этою резолюціею, когда разъяснялъ и настаивалъ, что онъ „въ духовныхъ дѣлахъ" имѣетъ равную власть, какъ Сенатъ, и что посему ему надлежитъ оказывать „респектъ и послушаніе равное съ Сенатомъ и за преступленіе наказаніе". Вообще Петръ Великій мыслилъ Синодъ и Сенатъ въ равномъ достоинствѣ, а потому тотъ и другой одинаково представлялъ органами велѣній государственной власти. Съ этими мыслями въ видахъ начертанія лучшаго порядка разрѣшенія дѣлъ, Петръ, при личномъ своемъ присутствіи въ Сенатѣ, Высочайше указать соизволилъ: „ежели впредь какъ изъ Святѣйшаго Синода въ Сенатъ, такъ и изъ Сената въ Синодъ будутъ присылаться вѣдѣнія, и по усмотрѣнію которой стороны, яко отъ Синодальной или отъ Сенатской, явится по мнѣнію сумнительное, то бы, для возъимѣнія по онымъ конференціи, приходить какъ отъ Синода въ Сенатъ, такъ и отъ Сената въ Синодъ по двѣ персоны". Замѣтимъ, что этотъ указъ былъ объявленъ Петромъ лично синодальному вице-президенту Ѳеофану архіепископу псковскому, и что симъ указомъ установлялись частныя конференціи изъ членовъ Синода и Сената по частнымъ случаямъ. Впослѣдствіи Синодъ самъ уже просилъ Государя, чтобы „въ тѣхъ случаяхъ, когда и сенатскими приговоры бываютъ какія генерально о всѣхъ опредѣленія, въ чемъ и синодская команда заключается, прежде заключенія, во время обычайнаго о такихъ опредѣленіяхъ разсужденія, и Синодъ

увѣдомлять, а съ общаго согласія такія опредѣленія заключать, что было бы къ лучшему общей пользы усмотрѣнію". Резолюціею Государя—„быть такъ" настоящее предположеніе признано цѣлесообразнымъ. Такимъ образомъ, по силѣ приведенныхъ Высочайшихъ повелѣній, Сенатъ и Синодъ должны были дѣйствовать въ полной солидарности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сталкивались интересы того и другого учрежденія, и когда вообще того требовала польза дѣла. Такое отношеніе Сената къ Синоду и наоборотъ, упрочивая успѣхъ ихъ обоюднаго дѣйствованія, вмѣстѣ съ тѣмъ служило къ наилучшему обезпеченію нормальнаго теченія дѣлъ. Признавая Сенатъ и Синодъ ближайшими истолкователями Высочайшей воли ко благу государства, Петръ Великій уполномочивалъ ихъ къ объявленію общихъ, касающихся всего государства, распоряженій. Въ указѣ отъ 19 ноября 1721 г. Петръ повелѣвалъ: „какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ, то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ, безъ подписанія собственныя Его Императорскаго Величества руки, чинить. А буде въ отлученіи Его Величества такое дѣло случится, а обождать до прибытія Его Величества будетъ невозможно, то Синоду согласиться съ Сенатомъ и подписать и потомъ публиковать". Петръ Великій уполномочивалъ Синодъ по сношеніи съ Сенатомъ рѣшать и важныя дѣла, не терпящія отлагательства, не дожидая Высочайшей „апробаціи". Въ письмѣ на имя Синода отъ 13 іюля 1722 г., изъ Астрахани, Петръ писалъ: „Святѣйшій Синодъ! письма ваши четыре я получилъ, на которыя дѣла нынѣ не отвѣтствую того ради, понеже иныя безъ разсужденія и разсмотрѣнія съ вами и Сенатомъ заочно рѣшать невозможно, другія жъ не такія, чтобъ времени терпѣть не мочно; того ради, Богъ дастъ, при возвращеніи своемъ оныя рѣшимъ, къ тому же будучи въ такой дальности и трудахъ настоящаго дѣла. А ежели впредь будутъ дѣла такія, что времени не терпящія, хотя о оныхъ и писать будете, однакожъ только для вѣдома нашего, а рѣшать можете обще съ Сенатомъ до нашей апробаціи. Понеже какъ возможно изъ такой дальности мнѣ указы по дѣламъ давать". Приведенныя Высочайшія распоряженія не оставались мертвою буквою закона, напро-

тивъ, служили руководственными правилами практики, которая представляетъ примѣры и общихъ конференцій Синода съ Сенатомъ по разнымъ вопросамъ и частныхъ совѣщаній по нѣкоторымъ дѣламъ и почти постоянныя сношенія по предметамъ, касавшимся обоюдныхъ интересовъ.

Въ силу категорически въ разныхъ актахъ выраженнаго и на практикѣ устанавливавшагося равенства Синода съ Сенатомъ по правамъ, власти и значенію, Синодъ старался провести строгую параллель съ Сенатомъ и въ самомъ внѣшнемъ своемъ устройствѣ. Для примѣра и въ подтвержденіе укажемъ на нѣкоторые случаи. Духовный Регламентъ, опредѣливъ число членовъ и взаимныя отношенія ихъ между собою, при рѣшеніи дѣлъ, вовсе не коснулся вопроса о внутренней организаціи Синода въ виду его дѣлопроизводства. Поэтому Святѣйшій Синодъ, разрѣшая для себя этотъ вопросъ на практикѣ, принялъ за руководство при этомъ мысль во всемъ сообразоваться съ Сенатомъ. Выходя изъ положенія, что „въ случающихся въ Синодѣ дѣйствахъ Его Императорское Величество указалъ поступать по Генеральному Регламенту“ [1]), Синодъ согласно послѣднему и организовалъ свое устройство, примѣняясь къ устройству Сената, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда принятая и существовавшая въ практикѣ Сената норма не соотвѣтствовала духу Синода, какъ церковнаго учрежденія [2]). Обыкновенно же Синодъ старался подражать Сенату, когда назначалъ опредѣленные дни для засѣданій, устанавливалъ порядокъ сношеній съ низшими учрежденіями, а также порядокъ доклада и разрѣшенія дѣлъ. Синодъ не отставалъ отъ Сената въ учрежденіи должностей, обязанности которыхъ опредѣлялъ согласно инструкціямъ, даннымъ въ руководство сенатскимъ [3]) чиновникамъ. Свое подражаніе Сенату Синодъ простиралъ иногда до мелочей: напр. у сенатскаго оберъ-секретаря было два деньщика,—Синодъ распорядился и своему оберъ-секретарю дать двухъ деньщиковъ,—вмѣсто находившихся на лицо для караула

---

[1]) Ср. П. С. П. и Р. № 321 п. 4 № 448 и 517.

[2]) П. С. П. и Р. № 98. 321.

[3]) Для примѣра см. П. С. П. и Р. № 6, 16, 235, 255, 321, 448, 482, 511. 526, 571, 593, 705 и так. др.

и разсылокъ сорока семи человѣкъ постановилъ имѣть „противу Сената“ роту драгунъ [1]). Для лучшей характеристики любопытно отмѣтить слѣдующій фактъ. Въ 1723 г. 24 іюля оберъ-секретарь Палехинъ представилъ Святѣйшему Синоду слѣдующее донесеніе. Онъ докладывалъ: „въ именномъ Его Императорскаго Величества указѣ, подписанномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою на докладныхъ отъ Синода пунктахъ, написано такъ: „Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ какъ Сенатъ; того ради респектъ и послушаніе равное отдавать надлежитъ, и по тому Его Величества именному указу видится, что Синодъ имѣетъ равность какъ Сенатъ во всемъ, какъ въ должностяхъ, такъ въ служителяхъ канцелярскихъ. Но въ Синодѣ нынѣ въ канцелярскихъ служителяхъ не токмо равность, но и въ полне противъ Сената не имѣется, въ чемъ не малая находится нужда, а особливо въ секретаряхъ, ибо въ Сенатѣ имѣется секретарей пять человѣкъ, а въ Синодѣ токмо два, и какъ можно такое великое и новоучиненное дѣло исправлять таковыми малыми числомъ секретарями; того ради Святѣйшій Правительствующій Синодъ всемощно прошу, дабы указомъ Его Императорскаго Величества повелѣно было въ Святѣйшій Синодъ секретарей опредѣлить противъ Сената“. Признавъ доводы оберъ-секретаря убѣдительными, Синодъ „съ примѣра сенатской канцеляріи опредѣлилъ еще двухъ секретарей“ [2]). Мыслію равенства съ Сенатомъ Синодъ руководился какъ при назначеніи содержанія вообще служащимъ въ его канцеляріи чинамъ, такъ и при установленіи порядка дѣлопроизводства. Рядомъ указовъ Сенатъ установилъ, чтобы всѣ судебныя дѣла поступали въ него не прежде [3]), какъ пройдя всѣ низшія его учрежденія. Подобно сему и притомъ при руководствѣ тѣми же указами [4]), на которыхъ основывались сенатскія распоряженія, Синодъ вводилъ свои порядки, откровенно замѣчая, что „хотя въ оныхъ Его Императорскаго Величества указахъ о духовномъ правленіи имянно и не объявлено“, однако Синодъ

---

[1]) П. С. и Р. №№ 707. 254. 869.
[2]) П. С. П. и Р. № 1081 ср. № 532 п. 5 № 285.
[3]) П. С. З. №№ 2865—3261—3577 и др.
[4]) П. С. П. № 1163 и 1210.

находилъ возможнымъ установить и у себя такой порядокъ,— ибо „Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную имѣетъ власть какъ Сенатъ“. „А понеже по Его Императорскаго Величества указамъ всѣмъ челобитчикамъ, не бивъ челомъ въ нижнихъ судахъ не токмо въ Сенатѣ, но и въ Коллегіяхъ бить челомъ и тѣмъ оныхъ утруждать не велѣно, а въ Сенатѣ, яко въ высшемъ свѣтскихъ дѣлъ правительствѣ, нужнѣйшаго ради государственнаго правленія учиненномъ, на Коллегіи токмо прошенія приносить и судомъ его довольствоваться опредѣлено: то и въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, которое яко высшее духовныхъ дѣлъ правительство, по онымъ Его Императорскаго Величества собственноручнымъ указамъ и установленіямъ, равную въ духовномъ правленіи имѣетъ власть, какъ Сенатъ въ свѣтскомъ, и учрежденъ тотъ Святѣйшій Синодъ нужнѣйшаго ради россійской церкви правленія, не должно о неважныхъ дѣлахъ, а наипаче о падлежащихъ до архіереевъ и до прочихъ подчиненныхъ Синоду командъ, прежде обычнаго тамъ челобитья, никакихъ челобитенъ и доношеній подавать и тѣмъ Святѣйшій Синодъ утруждать, въ нужнѣйшихъ до единаго синодальнаго сужденія подлежащихъ дѣлахъ оному препятствовать“. Поясняя раздѣльнѣе свою мысль, Синодъ добавляетъ: „по указу 25 января 1721 г. (т. е. учредительному) опредѣлено отъ онаго (т. е. Синода) просить крайнія духовныхъ дѣлъ управы, а крайняя разумѣется высшая надъ прочими управами, т. е. ежели кто въ нижнихъ, Синоду подчиненныхъ, также и въ архіерейскихъ судахъ, правдивой управы не получитъ, или судомъ ихъ недоволенъ будетъ, или на какую знатную отъ духовныхъ персону суда индѣ сыскать не возможетъ, то уже долженъ бить челомъ и доносить въ Синодъ, гдѣ крайняя бываетъ такихъ дѣлъ управа“ [1]). Устанавливая формы своего дѣлопроизводства по подражанію Сенату, Синодъ съ теченіемъ времени и измѣнялъ ихъ въ виду примѣра Сената. Укажемъ случай: 12 октября 1724 г. Сенатъ извѣстилъ Синодъ, что онъ перемѣнилъ свои отношенія къ коллегіямъ и низшимъ учрежденіямъ взамѣнъ предначертанныхъ въ Генеральномъ Регла-

[1]) П. С. П. и Р. № 693.

ментѣ. Получивъ подобное извѣстіе, Синодъ распорядился: „по силѣ означенныхъ въ вѣдѣніи Правительствующаго Сената резоновъ, какъ тамо опредѣлено поступать свѣтской команды правительствамъ, подобно тому во всемъ исправлять и Святѣйшему Синоду подчиненнымъ канцеляріямъ и конторамъ и прочимъ управителямъ“ [1]).

Въ то время, какъ Синодъ, на основаніи Высочайшихъ указовъ, мыслилъ и объявлялъ себя равнымъ Правительствующему Сенату по власти, силѣ и достоинству, стараясь подражать послѣднему и во внѣшнемъ своемъ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ, Сенатъ съ своей стороны хотѣлъ думать объ этомъ иначе. Многія на то доказательства встрѣчаются въ дѣлахъ и практикѣ Синода. Разъясненія сего отчасти заключаются въ томъ, что Петръ Великій, объявляя Святѣйшій Синодъ равноправнымъ Правительствующему Сенату, въ то же время, въ частныхъ распоряженіяхъ, повидимому, поставлялъ Синодъ въ нѣкоторую зависимость отъ Сената, напр. въ самыхъ тѣхъ распоряженіяхъ, которыми онъ уполномочивалъ Синодъ въ отсутствіе Государя издавать необходимыя постановленія и рѣшать безотлагательныя дѣла не иначе, какъ по соглашенію съ Сенатомъ, также въ томъ, что тѣми распоряженіями, коими предоставлялись Синоду особыя права наравнѣ и въ параллель съ Правительствующимъ Сенатомъ, не отмѣнялись узаконенія, на основаніи которыхъ былъ учрежденъ и дѣйствовалъ Сенатъ. Оставляя въ свое время Сенатъ особыми высшими и безъапелляціонными полномочіями, Петръ очевидно не имѣлъ въ виду еще несуществовавшаго Святѣйшаго Синода. Тѣмъ не менѣе права Сената были всеобъемлющи. По первоначальному учрежденію Сенатъ назначался для завѣдыванія дѣлами государства во время отсутствія Государя. „Опредѣлили, говорилось въ манифестѣ отъ 22 февраля 1711 г. объ учрежденіи Сената, быть для отлучекъ нашихъ Правительствующему Сенату для управленія“. Въ послѣдующемъ указѣ отъ 2 марта того же года съ подробностію обозначены права, власть и положеніе Сената въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій. Этимъ

---

[1]) П С. П. и Р. № 1394.

указомъ повелѣвалось „всѣмъ кому о томъ вѣдати надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ военнаго и земскаго управленія, высшимъ и низшимъ чинамъ, что мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ опредѣлили, Управительный Сенатъ, которому всякъ ихъ указамъ да будетъ послушанъ такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ смотря, и ежели оный Сенатъ неправильно что поступятъ въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, и кто о томъ увѣдаетъ, однакожъ да молчитъ до нашего возвращенія, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ“ [1]). При такихъ всеобъемлющихъ правахъ, Сенатъ въ отсутствіи Государя пользовался рѣшающимъ значеніемъ въ отношеніи къ дѣламъ управленія. Учреждавшійся на время отлучекъ Государя, Сенатъ остался постояннымъ, пріобрѣтавшимъ болѣе и болѣе юридическаго значенія, какъ о томъ даютъ судить послѣдующія Высочайшія повелѣнія. Этими повелѣніями предоставлялись Сенату, какъ высшему государственному учрежденію, права законодательныя, когда повелѣвалось печатать и издавать сенатскіе указы, содержащіе общія для всего государства постановленія, наравнѣ съ именными,—права окончательнаго суда, когда рѣшенія его объявлялись безъаппеляціонными, хотя бы они казались неправыми; жаловаться на Сенатъ дозволялось лишь въ томъ случаѣ, когда онъ не учинялъ рѣшеній [2]). Вообще Сенатъ поставлялся на крайнюю высоту власти. Девизомъ его дѣятельности, какъ гласилъ именной указъ 1718 г., было то, чтобы „всегда имѣть о монаршеской и государственной власти неусыпное попеченіе, доброе бы простирать, а все, что вредно, всемѣрно отвращать“ [3]). При такой широтѣ возложенныхъ на Сенатъ полномочій, онъ естественно могъ входить въ дѣла прежняго вѣдомства патріарха и обнаруживать рѣшительное вліяніе. Вслѣдствіе сего дѣйствительная практика и открываетъ, что Сенатъ и вкупѣ съ „освященнымъ соборомъ“ и самостоятельно рѣшаетъ дѣла духовной сферы. Такъ въ первый годъ

---

[1]) П. С. З. Т. IV № 2328 и 2330.
[2]) П. С. З. и V № 2787.
[3]) П. С. З. т. V № 3264 п. 8 ср. 3478.

своего существованія и почти вслѣдъ за своимъ учрежденіемъ Сенатъ вкупѣ съ „освященнымъ соборомъ“ начертываетъ правила избранія и поставленія лицъ въ церковныя степени, послужившія въ нѣкоторомъ смыслѣ началомъ штатовъ въ духовенствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ простираетъ свою власть и подчиняетъ своему вліянію избраніе и поставленіе на настоятельскія должности и епископскія каѳедры. Вообще избраніе во епископа не могло состояться безъ участія Сената, который принималъ на себя заботу объ охраненіи чистоты вѣры и распространеніи православія. Извѣстно, что дѣла о раскольникѣ Кадминѣ и еретикѣ Тверитиновѣ разрѣшены были Сенатомъ,—первое безъ участія, послѣднее съ участіемъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола,—но такимъ, что Стефанъ Яворскій съ „жалемъ“ и „плачущъ“ принужденъ былъ удалиться изъ Сената. Подобное положеніе вещей показываетъ, что Сенатъ, полагаясь на независимость своего положенія, постепенно расширялъ предѣлы своего вліянія на дѣла церковныя. Слѣдствіемъ сего было то, что высшія правительственныя распоряженія по дѣламъ церкви исходили непосредственно отъ Сената, или чрезъ Сенатъ. Свои распоряженія по дѣламъ церковнымъ Сенатъ обыкновенно проводилъ чрезъ Монастырскій приказъ и его судью Мусина-Пушкина. Монастырскій приказъ во время междупатріаршества занималъ центральное положеніе въ вѣдомствѣ церкви по тому вліянію, какое онъ имѣлъ на дѣла церковной сферы, вслѣдствіе разносторонности предметовъ его вѣдѣнія и непосредственной подчиненности Сенату. Пользуясь Монастырскимъ приказомъ, какъ такимъ учрежденіемъ, которое и вызвано было къ дѣятельности въ виду преобразовательныхъ цѣлей относительно вѣдомства церкви, Сенатъ естественно находилъ въ немъ лучшее посредство для осуществленія своихъ распоряженій. Впрочемъ, Сенатъ и прямо къ духовной власти обращалъ свои внушительныя требованія въ формѣ указовъ. Отъ 16 марта 1718 г. Сенатъ на имя Стефана Яворскаго далъ указъ, коимъ повелѣвалъ, чтобы „у всѣхъ приходскихъ священниковъ, протопоповъ, ключарей, соборныхъ священниковъ и дѣвичьихъ монастырей духовниковъ взять сказки о томъ, что въ поданныхъ росписяхъ, каковы они по-

дали въ 716 и 717 годахъ, не написали-ль неисповѣдавшихся исповѣдавшимися и противниковъ святыя церкви не написали-ль подъ видомъ, что они не-противники церкви". На подачу таковыхъ сказокъ дано было священникамъ сроку три мѣсяца, при чемъ объявлено, что въ случаѣ пропуска, или несправедливаго показанія имъ болѣе никакого снисхожденія сдѣлано не будетъ [1]). Сенатъ присвоивалъ себѣ право суда надъ лицами іерархіи. Извѣстенъ случай обращенія къ Сенату съ жалобою на суздальскаго епископа Варлаама суздальскаго воеводы Постельникова, который обвинялъ Варлаама между прочимъ въ томъ, что послѣдній церковничьихъ дѣтей и дѣтей своихъ дворовыхъ людей не посылаетъ для обученія цифири и геометріи, и отказываетъ городскимъ жителямъ во входѣ въ церковь. Эту жалобу Сенатъ, вмѣстѣ съ полученною на Постельникова отъ монаховъ и дьяковъ суздальскихъ монастырей жалобою, препроводилъ къ назначенному вмѣсто Постельникова къ управленію суздальскою провинціею князю Львову— произвести изслѣдованіе „въ правду". Произведенное слѣдственное дѣло Сенатъ передалъ „потомъ Святѣйшему Синоду" [2]).

Изъ сказаннаго явствуетъ, что ко времени учрежденія Святѣйшаго Синода Правительствующій Сенатъ успѣлъ уже значительно расширить и утвердить сферу своего вліянія въ вѣдомствѣ церкви. Отсюда понятно, что, имѣя за собою такое прошлое, Сенатъ неохотно соглашался признать равенство съ собою Синода и не упускалъ случая такъ или иначе проявлять свое нѣкотораго рода суверенство передъ Синодомъ. Подтвержденіемъ сему могутъ служить всѣ тѣ случаи, въ которыхъ Святѣйшему Синоду приходилось разъяснять Правительствующему Сенату, что онъ не подчиненъ ему, равенъ ему по силѣ, власти и достоинству и уполномоченъ самостоятельно дѣйствовать въ дѣлахъ своего вѣдомства. Для разъясненія этого полезно привести слѣдующій случай. Вскорѣ по учрежденіи Синода, а именно 26 мая 1721 г., Правительствующій Сенатъ обратился къ Святѣйшему Синоду съ требова-

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ Т. I № 180.

[2]) Описаніе докум. и дѣлъ Т. I № 459.

ніемъ о томъ, чтобы двойныя окладныя деньги съ раскольниковъ отсылались по указамъ Сената въ Штатсъ-Конторъ Коллегію, и чтобы о штрафныхъ деньгахъ, которыя будутъ взимаемы въ Синодѣ, послѣдній репортовалъ о семъ въ Камеръ и Штатсъ-Конторъ Коллегіи. Въ подобномъ распоряженіи Сената Синодъ усмотрѣлъ посягательство на его права, честь и достоинство,—а потому съ обидою отвѣчалъ Сенату: „такое Правительствующаго Сената приказаніе предложено къ уменьшенію данной отъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества Святѣйшему Правительствующему Синоду дѣйствительной чести и учиненнаго съ Правительственнымъ Сенатомъ равенства, ибо объявляетъ Правительствующій Сенатъ свое приказаніе Правительствующему Духовному Синоду, якобы подчиненному, не взирая на оное равенство и не упоминая того, что правительство духовное имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, а къ патріаршескому лицу отъ свѣтскаго правленія повелительныхъ писемъ не посылалось. А оное Правительствующаго Сената приказаніе, яко повелительство къ Правительствующему Духовному Синоду прислано, и о дѣлахъ не свѣтскаго правленія, но духовнаго, которое до Правительствующаго Сената и не подлежитъ, но зависитъ отъ собственныхъ Правительствующаго Духовнаго Синода указовъ, что и самъ Правительствующій Сенатъ собственнымъ своимъ въ Синодъ прошедшаго мая 26 числа вѣдѣніемъ признать и равную честь и силу Правительствующаго Духовнаго Синода въ духовномъ правленіи, какъ и Правительствующій Сенатъ имѣетъ въ свѣтскомъ, показать заблагоразсудилъ. А вышеозначеннымъ вѣдѣніемъ, которое нынѣ прислано, объявляя свое Синоду приказаніе, умаляетъ дѣйствительную честь и лишаетъ равенства, понеже приказаніе, яко повелительство, происходитъ отъ большинства къ меньшинству, а въ равенствѣ повелѣнія не бываетъ, но подобныя себѣ употребляются корреспонденціи, какъ и имяннымъ Его Царскаго Величества указомъ и подписаннаго въ синодскихъ пунктахъ собственныя Его Величества руки резолюціею объ ономъ духовномъ правительствѣ опредѣлено и согласнымъ Правительствующаго Сената приговоромъ заблагоразсуждено и равная Синодъ съ Сенатомъ корреспонденція уставлена; но то установленіе отъ

стороны Правительствующаго Сената является несодержательно, ибо не точію приказаніе въ лицѣ повелительства онымъ нынѣ сообщеннымъ вѣдѣніемъ показано, но и вѣдѣніе синодское написано не сообщеннымъ, или присланнымъ (что къ равенству бы относилося), но поданнымъ, что относится не къ равенству, но къ подчиненному лицу, отъ котораго большому начальству подаемо бываетъ,—въ чемъ явное есть дѣйствительной Правительствующаго духовнаго Синода чести умаленіе. Къ тому же еще опредѣлено объ оныхъ деньгахъ, которыя съ духовныхъ дѣлъ собираться будутъ, репортовать въ Каммеръ и въ Штатсъ-Конторъ Коллегіи, которымъ уже и подчиненъ быть по тому Синодъ значится, и такимъ опредѣленіемъ Правительствующій Сенатъ отягощеніе духовному правительству наноситъ напрасно и поступаетъ въ томъ не по содержанію предложенныхъ объ ономъ духовномъ правительствѣ имянныхъ Его Царскаго Величества указовъ и репортованіемъ утруждать намѣренъ, яко бы Синодъ въ интересахъ невѣроятенъ былъ, а оный Духовный Правительствующій Синодъ во исканіи интереса присягою обязался не меньше коллегій и обрѣтающихся отъ нихъ въ Правительствующемъ Сенатѣ персонъ, и вѣрность присяжну всецѣло содержать тщатся; а въ похищеніи интересовъ не точію не явился, но никогда тому (чего всякъ храниться долженъ) еще и не учился, и впредь учиться не намѣренъ, но имѣетъ прилежное попеченіе показать себя во исканіи оныхъ интересовъ усердно и непогрѣшительно: и которая казна въ Синодѣ собираться станетъ, о ней не неявно будетъ Его Царскому Величеству. А казны въ Синодѣ къ надлежащему Россійской церкви исправленію, что въ синодальной зависитъ должности, требуется великая сумма, о которой предлагать будетъ Синодъ не иному кому, но, яко крайнему своему судіи, Его Царскому Величеству, а репортовать оныя коллегіи Синодъ яко не точію тѣмъ, (но и Сенату) не подчиненный не долженъ; но ежели Правительствующій Сенатъ въ коллегіи репортуетъ, то и Синодъ подобное тому репортованіе употреблять будетъ“ [1]).

Въ приведенномъ отвѣтѣ Синодъ съ разныхъ сторонъ ста-

---

[1]) П. С. П. и Р. № 114.

рался раскрыть Правительствующему Сенату обидность его распоряженія. Тѣмъ не менѣе Правительствующій Сенатъ какъ бы не понималъ, или не хотѣлъ понять равноправнаго положенія Святѣйшаго Синода; поэтому неоднократно вторгался въ кругъ синодальнаго вѣдомства. Этому какъ бы благопріятствовала неопредѣленность, которая обыкновенно бываетъ на первыхъ порахъ дѣятельности новаго учрежденія, и которая въ то же время подаетъ поводъ каждому учрежденію стремиться къ тому, чтобы захватить возможно болѣе власти и расширить свое вліяніе на низшія и подчиненныя учрежденія. Какъ бы то ни было, только Синодъ, по идеѣ его равенства съ Сенатомъ, долженъ былъ пользоваться полною самостоятельностію, подобно Сенату въ административныхъ, законодательныхъ, судебныхъ и финансовыхъ дѣлахъ и вопросахъ синодальнаго вѣдомства. Вмѣшательство Сената въ сферу синодальнаго дѣйствованія не должно было имѣть мѣста. Тѣмъ не менѣе на практикѣ Сенатъ замѣтно стремился занять какъ бы первенствующее положеніе относительно круга синодальнаго вѣдомства.

Кругъ вѣдомства Святѣйшаго Синода въ Духовномъ Регламентѣ былъ очерченъ въ самыхъ общихъ и довольно неопредѣленныхъ чертахъ. По этому предмету въ Духовномъ Регламентѣ сказано: „всѣхъ дѣлъ, которыя въ Духовномъ Коллегіумѣ имѣютъ управляться, два рода: первый родъ—дѣла обще всей церкви, какъ духовному, такъ и мірскому чину и всѣмъ великимъ и малымъ чиновнымъ степенямъ, такожъ и рядовымъ особамъ нужныхъ, гдѣ наблюдать подобаетъ, аще все правильно, по закону христіанскому дѣется, и аще что оному противно обрѣтается, и нѣстьли коея скудости въ наставленіи христіанину всякому подобающемъ. Вторый родъ дѣлъ собственнымъ чинамъ потребныхъ“. Къ этимъ чинамъ отнесены вообще лица духовнаго званія съ домами училищными, съ ихъ учителями и церковными проповѣдниками, а также „особы мірскія“, насколько послѣднія причастны „наставленія духовнаго“. Въ подробныхъ правилахъ относительно завѣдыванія кругомъ этихъ дѣлъ, Регламентъ держится болѣе учительнаго и паставительнаго тона, не выходя за предѣлы чисто духовнаго воздѣйствія духовной власти духовными же

мѣрами, такъ что вѣдомство Святѣйшаго Синода, по Духовному Регламенту, ограничивалось свойственнымъ духовной власти духовнымъ же вліяніемъ. Отсюда ясно, что кругъ дѣлъ вѣдомства Святѣйшаго Синода далеко уступалъ тому объему компетенціи духовной власти, которою пользовался московскій патріархъ. Вслѣдствіе сего Святѣйшій Синодъ, мысля себя на мѣстѣ патріарха, старался пользоваться указаніемъ на его права для установленія дѣйствительныхъ предѣловъ своего вѣдомства. Первымъ изъ занимавшихъ вниманіе Синода предметовъ былъ вопросъ о возвращеніи подъ вѣдомство Святѣйшаго Синода архіерейскихъ и монастырскихъ, словомъ церковныхъ, вотчинъ. Синодъ мыслилъ себя вполнѣ естественнымъ и вмѣстѣ компетентнымъ распорядителемъ церковныхъ вотчинъ, которыя были подъ духовнымъ вѣдомствомъ въ прежнее время, и только по уничтоженіи патріаршества, распредѣлены по свѣтскимъ командамъ подъ высшимъ управленіемъ Сената. Поэтому Синодъ въ первомъ же своемъ засѣданіи, обратившись къ Государю съ требованіемъ резолюціи по первымъ же докладнымъ пунктамъ, между прочимъ въ п. 5 вопрошалъ Государя: „Патріарши, архіерейскія и монастырскія вотчины, сборами и правленіемъ, которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ приказѣ, въ одной Духовной Коллегіи вѣдать ли, того ради, что оныя отъ гражданскихъ правителей пришли въ скудость и пустоту“. Мотивируя свой докладъ, Синодъ прибавлялъ: „Духовная Коллегія присягою обязалась, какъ въ вѣрности, такъ и въ исканіи интереса Царскаго Величества противъ прочихъ Коллегій не меньше“. Противъ сего докладнаго пункта Государемъ дана резолюція: „быть по сему“. Въ силу такой Высочайшей резолюціи всѣ вышепоименованныя вотчины для завѣдыванія оныхъ „сборами и всякимъ правленіемъ“ должны были быть возвращены въ духовное вѣдомство. Святѣйшій Синодъ немедля сообщилъ Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ съ просьбою „о посылкѣ въ города, къ кому надлежитъ, послушныхъ указовъ“. На это сообщеніе Правительствующій Сенатъ увѣдомилъ Святѣйшій Синодъ, что „имъ дано знать повсемѣстно“ о вѣдомствѣ патріаршихъ и архіерейскихъ вотчинъ сборами и правленіемъ въ Синодѣ. Дѣйствительный же ходъ передачи поименованныхъ вотчинъ

въ вѣдомство Синода показываетъ, что Сенатъ или не спѣшилъ разсылкою означенныхъ указовъ, или не настаивалъ, или какъ бы не считалъ своимъ дѣломъ настаивать на безотлагательномъ исполненіи его указовъ по силѣ Высочайшей резолюціи. По крайней мѣрѣ дѣйствительные факты представляютъ примѣры и доказательства какъ того, когда свѣтскіе правители, на требованіе Святѣйшаго Синода о передачѣ въ его вѣдѣніе церковныхъ вотчинъ, отговаривались неполученіемъ указовъ отъ высшихъ учрежденій, такъ и того, когда сами свѣтскіе управители вопрошали Сенатъ о возникавшихъ недоразумѣніяхъ, и послѣдній, не давая прямого по вопросу отвѣта, препровождалъ подобныя обращенія въ Синодъ. Такое положеніе дѣла показываетъ, что Сенатъ какъ бы старался держаться въ сторонѣ и не прилагалъ понудительныхъ мѣръ. Слѣдствіемъ сего было то, что свѣтскіе управители, не получая разъясненія отъ Сената и основываясь на принадлежавшихъ имъ прежде правахъ, не хотѣли слушаться въ семъ дѣлѣ указовъ Синода и исполнять его требованій и распоряженій, — духовныя власти, въ виду пререканій и противодѣйствія свѣтскихъ управителей, жаловались обыкновенно Св. Синоду, который, въ свою очередь, относился въ Сенатъ, — но послѣдній мало внималъ этимъ требованіямъ и иногда обнаруживалъ противорѣчіе. Вообще Св. Синоду пришлось употребить не мало усилій, чтобы при сдержанномъ отношеніи Правительствующаго Сената достигнуть перехода церковныхъ вотчинъ въ завѣдываніе духовныхъ властей. Впрочемъ и по переходѣ этихъ вотчинъ въ синодальное вѣдомство, Св. Синоду приходилось неоднократно входить въ пререканіе съ Сенатомъ то относительно порядка взиманія сборовъ съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, то относительно порядка подсудности крестьянъ упомянутыхъ вотчинъ. Пререканія эти, какъ и недоразумѣнія по другимъ предметамъ, происходили по большой части оттого, что Синодъ и Сенатъ не вполнѣ ясно понимали и смѣшивали сферы своего вліянія. Взирая на одинъ и тотъ же предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ то же время, по принципу раздѣльности и самостоятельности управленія, ревниво оберегая свои права, Синодъ и Сенатъ требовали каждый всецѣлаго подчиненія своему завѣдыванію

извѣстнаго предмета. Отсюда и происходили разныя недоразумѣнія, которыя еще болѣе усложнялись отъ того, что оба учрежденія, на первыхъ порахъ, пока не уяснились сферы и способы ихъ совершенно раздѣльнаго по характеру дѣйствованія, неизбѣжно сталкивались другъ съ другомъ. Въ дѣйствительности же Синодъ безпрекословно долженъ былъ съ своей стороны отвести мѣсто свободному участію Сената въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы церкви, соприкасаясь съ выгодами государства, требовали воздѣйствія гражданскихъ мѣропріятій для ихъ охраненія. Наоборотъ и Сенатъ добровольно не долженъ былъ входить и впутываться въ сферу тѣхъ отношеній, которыя представляли область непосредственнаго церковнаго воздѣйствія и могли быть правильно установлены и разъяснены только церковнымъ авторитетомъ. Между тѣмъ и Синодъ и Сенатъ, какъ бы забывая эту аксіому политическаго строя, позволяли себѣ становиться одинъ на мѣсто другого и спутывать свои отношенія. Замѣчательный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ слѣдующій случай. Въ казанской епархіи, при повѣркѣ душъ мужескаго пола, въ переписи оказался пропускъ. Виновные въ такомъ пропускѣ и всѣ „ясачные черемисы“ просили, чтобы ихъ за эту „утайку“ душъ не штрафовали, и при этомъ выражали желаніе „воспріять христіанскую вѣру греческаго исповѣданія и креститься святымъ крещеніемъ“. По поводу таковой просьбы, занимавшійся „свидѣтельствомъ душъ“ бригадиръ Θамендинъ спрашивалъ Правительствующій Сенатъ: „виновнымъ сотнику и старостамъ за показанную ихъ утайку наказаніе чинить ли, или тѣ вины отпустить, также и впредь, если изъ тайныхъ иновѣрцевъ, которые въ такомъ же преступленіи явятся и будутъ требовать крещенія, и такимъ что чинить“. Сенатъ предписалъ Θамендину крестить всѣхъ черемисъ, какіе окажутся въ утайкѣ душъ и будутъ просить себѣ крещенія, не подвергая таковыхъ за утайку никакому наказанію. О своемъ распоряженіи Сенатъ сообщилъ для свѣдѣнія Синоду. Послѣдній на вѣдѣніе Сената отвѣтилъ слѣдующимъ характернымъ опредѣленіемъ: „сообщить отъ Синода въ Сенатъ вѣдѣніемъ съ такимъ объявленіемъ, что оное сенатское вѣдѣніе не помалу Синодъ удивило, ибо нѣкая странная и сумнительная въ немъ

показалися. *Странная сія суть*: 1) что Правительствующій Сенатъ оныхъ невѣрныхъ, ко благочестію обращающихся, крестить своимъ приговоромъ приказалъ, которое дѣло самое у христіанъ важнѣйшее есть, яко таинство отъ возрожденія нашего и потому до правительства духовнаго надлежитъ; 2) что Правительствующій Сенатъ онымъ вѣдѣніемъ Синоду не для дѣйствія, но только для вѣдома сообщаетъ, яко бы оное дѣло не духовное. *А сумнительство* не одно же есть: 1) прямымъ ли намѣреніемъ оные невѣрные къ православной вѣрѣ обращаются, о томъ неизвѣстно, понеже сіе ихъ обращеніе чинится отъ страха казни, и того ради надлежитъ ихъ о томъ обращеніи испытать опаспо и исперва научить вѣрѣ, ибо безъ вѣры крещеніе не поможетъ человѣку, въ возрастѣ сущему, понеже въ Евангеліи такое отъ Христа Спасителя ученикомъ и апостоломъ зрится повелѣніе: *шедше научити вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ*; и на иномъ мѣстѣ: *иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ*. 2) Буде же оные не прямо обращаются, то подъ видомъ обращенія, таинство святаго крещенія и евхаристіи и прочія вѣры нашея таинства въ поруганіи будутъ, и преподающимъ оныя надо опасаться гнѣва Божія по реченному въ св. Евангеліи: *не дадите святая псомъ, и не повержете бисера передъ свиніями*. 3) Кому оныхъ обращающихся крестить и учить велѣно, и къ кому о томъ указъ посланъ, того въ сенатскомъ вѣдѣніи не означено. Къ тому же оное вѣдѣніе о такомъ важномъ благочестія дѣлѣ подписано токмо оберъ-секретарскою и секретарскою, а не сенаторскими руками, а имяннымъ Его Императорскаго Величества указомъ на докладныхъ синодскихъ 14 февраля 721 года пунктахъ, собственною рукою подписанныхъ установлено и сенатскимъ марта 3 дня того же года приговоромъ опредѣлено и на синодскихъ съ Сенатомъ конференціяхъ утверждено: о важныхъ дѣлахъ какъ изъ Синода въ Сенатъ, такъ и отъ Сената въ Синодъ вѣдѣнія подписывать всѣмъ членамъ, а за оберъ-секретарскими и секретарскими руками сообщать о томъ токмо, что для извѣстія посылается, какъ въ Синодѣ и содержится, токмо по оному сенатскому вѣ-

дѣнію явное того сенатской канцеляріи несодержаніе показалося, о чемъ обычайно отъ Синода Сенату въ вѣдѣніи объявивъ, требовать о вышеписанномъ надлежащаго вѣдѣніемъ въ Синодъ сообщенія“. По такому синодальному опредѣленію было составлено особое вѣдѣніе въ Сенатъ, которое за подписаніемъ всѣхъ синодальныхъ членовъ и было 15 іюля 1723 г. отослано. Отвѣта по сему вѣдѣнію, какъ просилъ Синодъ, не послѣдовало со стороны Сената [1]).

Приведенный примѣръ доказываетъ, что Сенатъ, въ данномъ случаѣ не давъ себѣ яснаго отчета о существѣ и характерѣ возбужденнаго вопроса, поступилъ по традиціи прежней своей практики, а потому и встрѣтилъ столь внушительное разъясненіе со стороны Святѣйшаго Синода. Подобнымъ разъясненіемъ устранены дальнѣйшія вмѣшательства Сената въ дѣла вѣры безъ вѣдома и согласія Святѣйшаго Синода. Равнымъ образомъ и Правительствующій Сенатъ налагалъ свое veto на дѣйствія и распоряженія Святѣйшаго Синода, когда послѣднія выходили изъ предѣловъ его компетенціи и встрѣчали несогласіе со стороны Правительствующаго Сената. На конференціи 16 іюля 1722 года Святѣйшій Синодъ съ Правительствующимъ Сенатомъ, по разсужденіи о мѣрахъ относительно „взысканія и исправленія раскольниковъ“, согласно постановили: подвергать штрафу небывшихъ у исповѣди, возложивъ вмѣстѣ съ симъ на обязанность приходскихъ священниковъ наблюдать за неопустительнымъ со стороны прихожанъ посѣщеніемъ Божіихъ храмовъ въ праздничные дни. Согласно такому постановленію, Святѣйшій Синодъ разослалъ указы во всѣ подвѣдомственныя ему мѣста съ предписаніемъ поступать во всемъ по состоявшемуся рѣшенію. Въ свою очередь и Правительствующій Сенатъ разослалъ указы въ свѣтскія учрежденія. Между тѣмъ 12 февраля 1725 г. Правительствующій Сенатъ вѣдѣніемъ сообщилъ Синоду объ отмѣнѣ, по Высочайшему повелѣнію, денежныхъ штрафовъ съ неисповѣдавшихся съ поясненіемъ, что о томъ, „какимъ образомъ поселянъ къ исповѣди понуждать, (повелѣно) учинить опредѣленіе по согла-

---

[1]) Опис. докум. и дѣлъ. Т. III. № 379.

шенію съ Святѣйшимъ Синодомъ". На состоявшейся по этому дѣлу, 26 февраля 1725 г., конференціи Синодъ не согласился съ мнѣніемъ Сената о замѣнѣ штрафа, какъ тягостнаго для поселянъ, „держаніемъ въ колодкахъ подъ арестомъ", мотивируя свое несогласіе тѣмъ, что „духовныя власти токмо надъ послушными, а кто слушать не хочетъ, надъ такими духовное правительство силы не имѣетъ, точію Правительствующему Сенату представляетъ". Препровожденное въ изъясненномъ смыслѣ со стороны Святѣйшаго Синода вѣдѣніе въ Правительствующій Сенатъ послѣднимъ не было принято потому, что Сенатъ уже сдѣлалъ о томъ опредѣленіе. Синодъ обратился съ докладомъ къ Государынѣ, но результата не извѣстно [1]). Подобный же отчасти исходъ имѣла и конференція Синода съ Сенатомъ по вопросу объ иконописаніи. Предложенный на этой конференціи, 20 іюня 1722 г., проектъ синодальнаго мнѣнія по данному предмету не былъ одобренъ Сенатомъ. Синодъ составилъ новый проектъ, который также Сенатъ возвратилъ Синоду съ извѣстіемъ „не подписывать и въ дѣйство не производить до возвращенія Его Императорскаго Величества". Впослѣдствіи вопросъ разрѣшенъ былъ по совмѣстному Сената съ Синодомъ распоряженію [2]). Въ 1722 г. 17 августа Синодъ, въ видахъ охраненія нравственности народа и поднятія въ немъ уваженія къ „храмовымъ праздникамъ и бываемымъ по мѣстамъ крестнымъ ходамъ", распорядился воспрещеніемъ въ дни крестныхъ ходовъ и въ храмовые праздники кулачныхъ боевъ, конскихъ бѣговъ и продажи питій въ кабакахъ и обращался по сему случаю за содѣйствіемъ къ Правительствующему Сенату для окончательнаго прекращенія перечисленныхъ занятій въ указанные дни. Сенатъ хотя и сдѣлалъ зависящее распоряженіе, но не вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Синода, воспретивъ продажу питій и народныя забавы въ означенныхъ случаяхъ лишь „до окончанія божественной службы въ церквахъ и крестнаго хожденія", мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что отъ окончательнаго запрещенія можетъ быть „умаленіе въ сборѣ отъ питейной продажи, а народныя забавы бываютъ для народ-

---

[1]) См. П. С. П. и Р. №№ 721, 1473, 1485. 1563.

[2]) П. С. П. и Р. № 777, 885 ср. 525.-534.

наго полированія“ [1]). Приведенные и другіе примѣры подаютъ нѣкоторымъ поводъ думать, что Синодъ въ исполненіи своихъ распоряженій находился въ зависимости отъ Сената и подчинялся ему [2]). Кажется вѣрнѣе и безобиднѣе для того и другого учрежденія будетъ заключить, что Синодъ нерѣдко уступалъ Сенату во мнѣніи даже по такимъ предметамъ, которые относились ближе къ сферѣ синодальнаго вѣдомства,— потому что приведеніе въ исполненіе распоряженій по этимъ предметамъ зависѣло отъ согласія Сената. Согласіе это особенно было важно въ тѣхъ случаяхъ, когда Сенатъ во время отсутствія Государя смотрѣлъ на себя какъ на замѣстителя государственной власти. Если въ подобныхъ случаяхъ Сенатъ позволялъ себѣ относиться и къ Святѣйшему Синоду, наравнѣ съ другими учрежденіями, какъ къ подчиненному ему, то это не укрывалось отъ Синода, и послѣдній находилъ себя въ правѣ докладывать о семъ Государю и просить его резолюціи. Въ докладныхъ пунктахъ 12 апрѣля 1722 года Синодъ, между прочимъ, писалъ: „хотя именными Его Императорскаго Величества указами, такъ Синоду въ духовныхъ, какъ Сенату въ свѣтскомъ управленіи, дѣйствительная дана сила и уравненіе учинено; однакожъ Сенатъ, воспоминая прежній Его Императорскаго Величества именный 1711 года указъ, по которому велѣно въ отсутствіе Его Императорскаго Величества какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ (когда еще Синода не было) повиноваться Сенату, какъ самому Его Величеству, о чемъ нѣкоторый терминъ и въ Синодъ уже письменнымъ мая 25 дня 1721 года вѣдѣніемъ въ отсутствіе Его Императорскаго Величества Сенатъ употребилъ, отъ чего дается знать, что оную до синодскаго состоянія данную власть признаваетъ имѣть и надъ Синодомъ. А Синодъ присягою своею исповѣдалъ и нынѣ исповѣдуетъ единаго себѣ токмо крайняго судію самого Его Высокодержавнѣйшаго Императора, а Сенату подчинить себя не признаетъ; и дабы Сенатъ никакой надъ Синодомъ власти себѣ не причиталъ, и синодальное правительство во званіи

---

[1]) П. С. П. и Р. № 761 Описс. докум. и дѣлъ, т. II, № 891. Петровскій,— «О Сенатѣ»... стр. 325.

[2]) «Внутр. бытъ русск. госуд.» Т. II, стр. 259 и слѣд.

своемъ было бы дѣйствительно, просить Синодъ Его Величества конфирмаціи“ [1]). Испрашиваемой конфирмаціи не послѣдовало, какъ объясняютъ, потому, что оно „могло бы стѣснить дѣйствія Сената“ [2]). Въ дѣйствительности же такая конфирмація была излишня, ибо на другихъ докладныхъ пунктахъ Синода Петръ со всею опредѣленностію тогда же выразилъ мысль о равенствѣ Синода съ Сенатомъ и о независимости послѣдняго отъ перваго въ распоряженіяхъ по дѣламъ духовнымъ [3]). Подобное обращеніе Синода къ Государю съ выраженіемъ неудовольствія на Сенатъ показываетъ, что Синодъ старался держаться относительно Сената въ предоставленныхъ ему Высочайшею властію и признанныхъ Сенатомъ правахъ равенства; буде же Сенатъ выступалъ за предѣлы этихъ правъ, встрѣчалъ со стороны Синода соотвѣтственное разъясненіе. Такія отношенія Синода и Сената, характеризуя по преимуществу первые годы совмѣстнаго ихъ существованія, съ теченіемъ времени становились болѣе устойчивыми и правильными, не вызывая возраженій ни съ той, ни съ другой стороны.

Съ учрежденіемъ и при существованіи Верховнаго Тайнаго Совѣта Сенату трудно было предъявлять претензіи къ Св. Синоду въ виду того положенія, какое Сенатъ занималъ. Учрежденіе 8 февраля 1726 г., во второй годъ царствованія императрицы Екатерины I, Верховнаго Тайнаго Совѣта должно было произвести крупную перемѣну въ положеніи и Синода и Сената. Перемѣна эта прежде всего отозвалась въ томъ, что Сенатъ, какъ потерявшій участіе въ управленіи государствомъ, утратилъ титулъ „Правительствующаго“, получивъ въ замѣнъ сего титла наименованіе „Высокаго“, указывавшаго только на возвышенное его положеніе въ ряду государственныхъ учрежденій. Равнымъ образомъ и Синодъ предполагалось оставить при одномъ титлѣ „Святѣйшаго“, а „Правительствующій“ не писать, хотя на практикѣ Синодъ

---

[1]) П. С. П. и Р. № 531 п. 6.
[2]) «Внутр. бытъ русск. госуд.» т. II, стр. 242.
[3]) П. С. П. и Р. № 532 п. 5.

по прежнему продолжалъ удерживать то и другое титло. Назначеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта въ манифестѣ объ его учрежденіи изъяснено такъ: „за благо мы разсудили и повелѣли съ нынѣшняго времени (8 февраля 1726 г.), при Дворѣ Нашемъ какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ дѣлъ учредить Верховный Тайный Совѣтъ, при которомъ мы будемъ сами присутствовать". Первымъ вопросомъ, который Святѣйшему Синоду пришлось разрѣшать, по учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, былъ вопросъ о формѣ сношеній Святѣйшаго Синода съ Высокимъ Сенатомъ и Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. Поводомъ къ сему послужило то, что Верховный Тайный Совѣтъ на одномъ изъ своихъ засѣданій опредѣлилъ: „въ Сенатъ и во всѣ коллегіи посылать указы, а въ оный Верховный Тайный Совѣтъ изъ Сената и изъ коллегій подавать доношенія". Въ состоявшемся распоряженіи о Святѣйшемъ Синодѣ не было упомянуто; между тѣмъ нужда сношеній Синода съ Совѣтомъ и съ Сенатомъ настоятельно требовала разъясненія. Поэтому Синодъ 28 февраля 1726 года и обратился къ Государынѣ съ особымъ докладомъ, въ которомъ, указывая на то, что въ распоряженіи о порядкѣ сношеній присутственныхъ мѣстъ „о Святѣйшемъ Синодѣ ничего не означено", объяснялъ: „съ онымъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, ежели когда случится Святѣйшему Синоду каковымъ образомъ письменное сношеніе имѣть, того не изображено, отчего есть сумнительство, потому что въ Сенатъ, когда онъ былъ въ собраніи тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ, и въ равной силѣ, какъ нынѣ Верховный Тайный Совѣтъ, по именному высокославныя и вѣчнодостойныя памяти Императорскаго Величества, собственноручному указу, писано отъ Синода вѣдѣніемъ, а въ коллегіи во всѣ указами. Нынѣ же Сенатъ видимо не въ такой уже силѣ, потому что съ тремя коллегіями, гдѣ президуютъ тайные дѣйствительные совѣтники, корреспонденціи содержитъ промеморіями. А въ Святѣйшемъ Синодѣ по Духовному Регламенту, крайній судія всепресвѣтлѣйшее Императорское Величество, того ради согласно приговорили: доложить о томъ Ея Императорскому Величеству, каковымъ образомъ Святѣйшему Синоду съ Верховнымъ Тай-

нымъ Совѣтомъ письменное сношеніе имѣть и въ Сенатъ по прежнему-ль вѣдѣніемъ писать“ [1]). Вникая въ направленіе и сущность выраженныхъ въ этомъ докладѣ мыслей, нельзя не подмѣтить, что Синодъ въ умолчаніи о сношеніяхъ съ нимъ Сената и Верховнаго Тайнаго Совѣта готовъ былъ предполагать признаніе за нимъ особаго положенія. По крайней мѣрѣ подобное предположеніе вселяютъ намеки на то, что Сенатъ, когда былъ въ составѣ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, считался равнымъ Синоду. Въ настоящее же время эти чины образовали Верховный Тайный Совѣтъ, а Синодъ въ свою очередь по учредительному его уставу постановленъ подъ непосредственное начальство самой Верховной Власти. Такимъ образомъ Верховному Тайному Совѣту предлежало разрѣшить поставленный Синодомъ вопросъ о сношеніяхъ его съ Сенатомъ и Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. По разсужденіи о семъ предметѣ Совѣтъ постановилъ: „понеже о Святѣйшемъ Синодѣ, какъ оному съ нынѣшнимъ Сенатомъ писаться, никакого опредѣленія не учинено, того ради, чтобъ оному писать впредь въ Сенатъ указами о старыхъ и обыкновенныхъ дѣлахъ, на которыя есть указы и рѣшенія, а о новыхъ какихъ дѣлахъ никакихъ указовъ Синоду самимъ не выдавать, но напередъ о всемъ Ея Императорскому Величеству доносить въ Верховный Тайный Совѣтъ, и что о семъ постановится, о томъ Синоду объявлять и первый указъ о томъ отправить къ нему за Ея Императорскаго Величества собственною рукою“ [2]). Государынѣ не понравилось такое рѣшеніе; она потребовала новаго разсужденія, выразивъ: „о сношеніи Синоду съ Сенатомъ не лучше ли такимъ образомъ учинить, чтобы сносились промеморіями, или такимъ примѣромъ, какъ прежде посылали изъ Синода въ Вышній судъ, а изъ Вышняго суда въ Синодъ, а о новыхъ синодскихъ дѣлахъ и какъ имъ впредь выдавать указы учинить мнѣніе съ изъясненіемъ“. Впослѣдствіи, по раздѣленіи Синода на два апартамента, Совѣтъ постановилъ было писать въ

---

[1]) П. С. П. и Р. № 1739.

[2]) «Сборник. Русск. Истор. Общ.» Т. LV стр. 96—97 прил. къ журн. В. Т. С. № 43.

Синодъ указами съ обращеніемъ „нашему Синоду“, но Государыня измѣнила, повелѣвъ титуловать Синодъ „Святѣйшій Синодъ“, а „Правительствующій“ не писать [1]). По установившейся практикѣ Верховный Тайный Совѣтъ относился въ Синодъ указами, а Синодъ обращался къ нему „доношеніями“.

Въ разсказанномъ эпизодѣ замѣтна со стороны Верховнаго Тайнаго Совѣта наклонность свести Синодъ съ его положенія, каковая наклонность выразилась и въ томъ, что Совѣтъ пытался было, упразднивъ должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, поставить на его мѣсто просто прокурора. 8 августа 1726 г. Высокій Сенатъ въ вѣдѣніи сообщилъ Святѣйшему Правительствующему Синоду указъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, отъ 14 іюля, о томъ, что „въ Святѣйшемъ Синодѣ, вмѣсто оберъ-прокурора Алексѣя Баскакова, повелѣно быть простымъ прокуроромъ Раевскому, который былъ въ Москвѣ въ Монастырскомъ приказѣ“. Хотя Синодъ и не выразилъ протеста противъ этого распоряженія, тѣмъ не менѣе высказалъ несогласіе съ нимъ въ томъ, что, выслушавъ этотъ указъ, не постановилъ по нему опредѣленія, оставивъ дѣло нерѣшеннымъ. Послѣдствіемъ сего было то, что Баскаковъ по прежнему продолжалъ оставаться оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода [2]).

Приведенныхъ указаній достаточно, чтобы судить какъ Синодъ, по учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, удержавъ прежнее свое положеніе, на практикѣ оказался въ зависимости отъ новаго учрежденія, дѣйствовавшаго отъ имени и именемъ Ея Величества. Раздѣленіе Святѣйшаго Синода на два апартамента и несостоявшееся предположеніе объ удаленіи членовъ Синода отъ управленія ихъ епархіями, дополняютъ недосказанное въ отношеніяхъ Синода къ Верховному Тайному Совѣту. Послѣдній занялъ посредствующее положеніе между Синодомъ и Верховною Властію, коей одной Синодъ мыслилъ себя подчиненнымъ. Такое положеніе побуждало Синодъ искать случая измѣнить его. 19 сентября

---

[1]) «Сборн. Русс. Истор. Общ.» Т. LV № 258 стр. 457, № 264 стр. 437.
[2]) П. С. П. и Р. № 2464.

1726 г. преосвященный Θеофанъ, архіепископъ великоновоградскій и великолуцкій, словесно объявилъ Святѣйшему Синоду, что „Ея Императорское Величество, разсуждая о синодальныхъ докладахъ, каковы по разсмотрѣніи Святѣйшаго Синода въ Верховный Тайный Совѣтъ будутъ подаваемы, таковы и въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества, для извѣстія, сообщать позволила". Вслѣдствіе сего Святѣйшій Синодъ распорядился: „съ оригиналовъ, каковы въ Верховный Тайный Совѣтъ доношенія уже поданы, таковы же копіи и въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества сообщить немедленно. И впредь, когда въ Верховный Тайный Совѣтъ о чемъ доношенія съ требованіемъ резолюціи подаваемы будутъ, тогда и въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества точныя копіи сообщать неотложно" [1]). Результатъ такого распоряженія для Святѣйшаго Синода былъ тотъ, что о всѣхъ докладахъ Синода, подаваемыхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, было доводимо непосредственно до Высочайшаго свѣдѣнія. Императоръ Петръ II, по вступленіи своемъ на престолъ, повелѣвъ донесенія по важнымъ государственнымъ дѣламъ подавать не въ Кабинетъ, а въ Верховный Тайный Совѣтъ, подчинилъ сему порядку и Святѣйшій Синодъ [2]). Такимъ образомъ Совѣтъ сталъ высшимъ учрежденіемъ для дѣлъ синодальнаго вѣдомства. Такое положеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта открывало ему возможность, независимо отъ ординарныхъ доношеній Святѣйшаго Синода, обнаруживать свое вмѣшательство въ его дѣла. Слѣдствіемъ сего было не только то, что мнѣніе Синода въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчало неодобреніе, но и то, что въ другихъ—подвергалось отмѣнѣ. Не станемъ изслѣдовать этой, мало интересной, стороны вопроса; замѣтимъ лишь, что Синодъ испытывалъ вліяніе Совѣта даже при выборахъ кандидатовъ на епископскія каѳедры, замѣщеніи духовныхъ должностей и назначеніи на мѣста священническія. Во всѣхъ подобнаго рода случаяхъ мнѣніе Святѣйшаго Синода иногда замѣнялось распоряженіемъ Совѣта [3]). Вся дѣятельность Свя-

---

[1]) П. С. П. и Р. № 1834.

[2]) Тамъ-же № 1964.

[3]) Для примѣр. см. Опис. докум. и дѣлъ Архива Св. Синода. Т. VII. № 40, 190, 262. Т. VIII. № 183. П. С. П. и Р. № 1877. 2119. «Сборн. Русс. Истор. Общ.» Т. LV, стр. 321.

тѣйшаго Синода проходила какъ бы подъ наблюденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, которому Синодъ обязанъ былъ представлять отчеты по дѣламъ экономическимъ, финансовымъ [1]), а также подавать ежемѣсячные реестры о количествѣ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ съ объясненіемъ, когда дѣло началось и почему своевременно не окончено. Въ случаѣ замедленія рѣшеніемъ какого-либо дѣла, Совѣтъ требовалъ ускорить его производствомъ [2]). Полномочіями Совѣта позволяли себѣ пользоваться и отдѣльные его члены и тѣмъ вызвали въ царствованіе Петра II (8 сентября 1727 г.) особое Высочайшее повелѣніе, „дабы никакихъ указовъ, или писемъ, о какихъ бы дѣлахъ оные ни были, которые отъ князя Меньшикова, или отъ кого бы иного партикулярно писаны, ими отправлены будутъ, не слушать и по онымъ отнюдь не исполнять“.

Приведенный указъ спеціально упоминаетъ о князѣ Меньшиковѣ, который, по поводу перемѣщенія Александро-Невскаго намѣстника архимандритомъ въ Горицкій монастырь, прямо заявлялъ Святѣйшему Синоду, что онъ, по силѣ указа императора Петра I, имѣетъ въ своемъ особомъ завѣдываніи Александро-Невскій монастырь, настоятелямъ котораго ничего „безъ вѣдома его чинить не велѣно“. По другому случаю Меньшиковъ требовалъ, чтобы Святѣйшій Синодъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, касающихся Александро-Невскаго монастыря безъ предварительнаго сношенія съ нимъ, „понеже де оный монастырь находится въ протекціи его свѣтлости“ [3]). Синодъ постановилъ доносить князю Меньшикову о своихъ распоряженіяхъ. Подобными заявленіями не мало стѣснялась иниціатива Святѣйшаго Синода даже въ сферѣ собственнаго его вѣдомства. При всемъ томъ Синодъ не утрачивалъ энергіи въ тѣхъ случаяхъ, когда распоряженія Верховнаго Тайнаго Совѣта не согласовались съ принятымъ Синодомъ рѣшеніемъ;—въ такихъ случаяхъ Синодъ о своихъ соображеніяхъ докладывалъ Высочайшей власти.

---

[1]) П. С. П. и Р. № 2029.
[2]) Опис. докум. и дѣлъ. Т. VII, № 295. Т. VIII, № 710.
[3]) П. С. П. и Р. №№ 1970 и 2020.

Въ то время, какъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ сталъ Верховный Тайный Совѣтъ, Сенатъ утратилъ первенствующее значеніе. Есть возможность предполагать, что самъ Верховный Тайный Совѣтъ мыслилъ Синодъ въ особомъ, относительно Сената, положеніи; ибо устанавливая формы сношеній съ Сенатомъ и коллегіями, Совѣтъ умолчалъ о Св. Синодѣ. Особенность положенія Св. Синода выражалась и въ томъ, что Св. Синодъ, и при существованіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, удержалъ иниціативу въ дѣлахъ своего управленія, тогда какъ Сенатъ подпалъ зависимости Верховнаго Тайнаго Совѣта, на ряду съ нѣкоторыми изъ коллегій. Отношенія Св. Синода къ Высокому Сенату въ это время выразились въ томъ, что Верховный Тайный Совѣтъ Высочайшія распоряженія по вѣдомству Св. Синода приводилъ въ исполненіе при посредствѣ Высокаго Сената. Равнымъ образомъ и самъ Синодъ обращался въ Сенатъ по предметамъ его компетенціи [1]). Главнымъ предметомъ, по которому приходилось сноситься Синоду съ Сенатомъ, были дѣла о расколѣ; но въ этихъ дѣлахъ Сенатъ держался того взгляда, что свѣтской власти предоставлено завѣдываніе записью раскольниковъ и сборами съ нихъ, духовной же власти принадлежитъ увѣщаніе раскольниковъ съ засвидѣтельствованіемъ объ ихъ нераскаянности. На этомъ началѣ и

---

[1]) Такъ въ 1727 г. Св. Синодъ обращался къ Высокому Сенату по ходатайству московской Духовной Дикастеріи о принятіи, по просьбѣ помѣщиковъ, на священно-церковно-служительскія должности тѣхъ изъ бывшихъ причетниковъ, которые по переносѣ 1722 г. «за излишествомъ» были отрѣшены отъ церквей и положены въ подушный окладъ. Высокій Сенатъ уважилъ это ходатайство, подъ условіемъ платежа подушнаго оклада за таковыхъ помѣщиками. Синодъ поставилъ въ извѣстность всѣхъ архіереевъ для подлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства «безъ препятія». Опис. докумен. и дѣлъ Арх. Св. Синода т. VII. № 29 ср. II. С. II. т. VII. № 5902. Въ другой разъ Синодъ обращался къ Сенату по ходатайству астраханскаго епископа Варлаама, который просилъ разрѣшенія ставить въ священники и причетники лицъ изъ купеческаго званія и разночинцевъ на мѣсто умершихъ изъ духовенства отъ мороваго повѣтрія. Сенатъ согласился и на это ходатайство съ тѣмъ, чтобы за купцовъ, выходящихъ въ духовное званіе, купечество платило подати, а разночинцы не были бы бѣглые и положенные въ подушный окладъ, не состоящіе подъ дѣломъ, свободные и въ военную службу неопредѣленные. II. С. П. и Р. № 2183. Опис. докум. и дѣлъ Арх. Св. Синода. т. VIII. № 681.

держалась практика [1]), побуждая Синодъ обращаться къ Сенату лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда первый нуждался въ содѣйствіи свѣтской власти при розыскѣ раскольниковъ [2]). Вообще отношенія Синода и Сената не выходили за предѣлы пререканій. Нѣкоторую характерную особенность представляетъ слѣдующій случай. Въ сентябрѣ 1727 г. Св. Синодъ препроводилъ въ Сенатъ вѣдѣнія, которыя за отсутствіемъ въ то время въ Синодѣ оберъ-секретаря были подписаны секретаремъ. Сенатъ не принялъ этихъ вѣдѣній, объяснивъ чрезъ своего экзекутора, чтобы „сообщаемыя изъ Св. Синода въ Высокій Сенатъ вѣдѣнія подписывались синодальными членами самими“. По поводу такого требованія Синодъ, разъяснивъ Сенату причину, по которой препровожденныя вѣдѣнія подписаны секретаремъ, а не оберъ-секретаремъ, замѣтилъ: „въ подтвержденіе оному сообщить еще вѣдѣніемъ, чтобы изъ Св. Синода въ Высокій Сенатъ вѣдѣнія присылать за секретарскими руками, потому что и изъ Высокаго Сената таковыя же вѣдѣнія сообщаются за оберъ-секретарскою и секретарскою руками, а не за членскими“ [3]). Въ подобномъ, повидимому, маловажномъ обстоятельствѣ сказались—съ одной стороны обидчивая притязательность Высокаго Сената, усмотрѣвшаго въ этомъ обстоятельствѣ нѣкоторое униженіе,—съ другой—строгая неуступчивость Св. Синода, признавшаго въ томъ же обстоятельствѣ покушеніе на его равноправность съ Сенатомъ. Какъ бы то ни было, только подобный маловажный, повидимому, фактъ характеризуетъ взаимныя отношенія высшихъ учрежденій.

Императрица Анна Іоанновна, вступивъ на престолъ, манифестомъ отъ 4 марта 1730 г. повелѣла упразднить Верховный Тайный Совѣтъ и учредить вновь Правительствующій Сенатъ. „Повелѣваемъ, гласилъ манифестъ, всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ военнаго и земскаго управленія, высокимъ и нижнимъ чинамъ,

---

[1]) П. С. П. и Р. № 1886, ср. № 721 и 879. Опис. докум. и дѣл. т. VII. № 9.

[2]) См. Опис. докум. и дѣлъ т. VIII. № 313. 541. 665. П. С. П. и Р. № 1914. 1928. 2007 и др.

[3]) П. С. П. и Р. № 2047.

что мы Верховный Тайный Совѣтъ и Высокій Сенатъ отставили, а для правленія опредѣлили Правительствующій Сенатъ на такомъ основаніи и въ такой силѣ, какъ при дядѣ нашемъ, Петрѣ Великомъ былъ". Изъясняя подробнѣе тѣ основанія, на которыхъ возстановлялся Сенатъ, манифестъ продолжалъ: „И во управленіи поступать по должности данной Сенату при Его же Императорскомъ Величествѣ, и по Уложенію и указомъ, которому Правительствующему Сенату всякъ ихъ указамъ да будетъ послушенъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, или смертію, по винѣ смотря; и ежели оный Сенатъ, чрезъ свое нынѣ предъ Богомъ принесенное обѣщаніе и прежнюю по вѣрности Намъ учиненную присягу, неправедно что поступитъ въ какомъ государственномъ или партикулярномъ дѣлѣ и кто про то увѣдаетъ, тотъ да возвѣститъ намъ,—однакожъ справясь съ подлиннымъ документомъ, понеже тотъ будетъ предъ нами сужденъ, и виноватый жестоко будетъ наказанъ" [1]). Возстановленный на такихъ началахъ въ прежнемъ своемъ значеніи Правительствующій Сенатъ вступилъ и въ прежнія отношенія къ Св. Синоду, занявъ первенствующее въ государствѣ положеніе. Опираясь на этомъ положеніи, Сенатъ, повидимому, не чуждъ былъ мысли ослабить авторитетъ Св. Синода, ограничивъ его вѣдомство исключительно духовными дѣлами и организовавъ составъ Св. Синода изъ перемѣнныхъ членовъ. Подобнаго рода вожделѣнія Сенатъ не обинуясь выразилъ въ своемъ докладѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, по поводу несостоявшагося съ Синодомъ соглашенія на конференціи 26 іюля 1730 г. о составѣ Св. Синода, числѣ и положеніи его членовъ. Сенатъ, какъ видѣли раньше, настаивалъ на томъ, чтобы члены Св. Синода были перемѣнными. Существованіе перемѣнныхъ членовъ видимо клонилось къ ослабленію значенія Синода, лишая его иниціативу и практику традиціоннаго устоя. Императрица Анна Іоанновна, какъ извѣстно, не согласилась съ мнѣніемъ Сената, назначивъ въ Синодъ постоянныхъ членовъ. Возстановленіе Правительствующаго Сената въ прежнемъ значеніи отразилось и на положеніи Св. Синода въ томъ отно-

---

[1]) П. С. П. № 2299.

шенiи, что Синодъ по прежнему сталъ въ непосредственныя отношенія къ государственной власти, какъ было до учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Къ этой власти Синодъ обращался съ своими докладами и отъ нея непосредственно получалъ повелѣнія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Высочайшія повелѣнія, касавшіяся и вѣдомства Св. Синода, объявлялись Правительствующему Сенату, послѣдній въ вѣдѣніи сообщалъ Синоду, съ обычною заключительною формулою: „и Св. Правительствующій Синодъ да благоволитъ о томъ учинить по тому Ея Императорскаго Величества указу“ [1]). Сознавая свое равенство съ Сенатомъ, Синодъ поступалъ самостоятельно въ своей области, не обязываясь отчетностью предъ кѣмъ-либо и дѣйствуя подъ указами одной Верховной власти. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что къ этому времени установились правомѣрныя отношенія между Синодомъ и Сенатомъ на почвѣ обоюднаго соглашенія [2]). Нѣкоторый оттѣнокъ недоразумѣній представляетъ слѣдующій случай. 11 сентября 1730 г. Св. Синодъ опредѣлилъ секретаремъ Замятина, который прежде того служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и, при вѣдѣніи Сената, былъ препровожденъ въ Синодъ, согласно его требованію, для опредѣленія къ дѣламъ—въ секретари. По сообщеніи о семъ Сенату, послѣдній готовъ былъ снова потребовать Замятина. Получивъ о семъ свѣдѣнія, Синодъ обратился къ Государынѣ съ докладомъ объ охраненіи дарованныхъ Синоду правъ въ случаѣ нарушенія ихъ Сенатомъ. Синодъ докладывалъ: „Святѣйшему Синоду есть извѣстно, что Правительствующій Сенатъ намѣренъ паки онаго Замятина отъ Синода требовать въ свою команду, по прежнему; и ежели оное исполнено быть имѣетъ, то зѣло будетъ Синоду предосудительно, и покажется между такихъ главныхъ правительствъ непорядокъ, а наипаче состоявшійся ноября 19 дня прошлаго 1721 г.... на докладныхъ синодскихъ пунктахъ о опредѣленіи Синоду секретарей, собственною Его Императорскаго Величества рукою подписанный указъ останется недѣйствительнымъ“. Вслѣд-

---

[1]) П. С. П. № 2340. 2409. 2451.

[2]) П. С. П. и Р. № 2331. 2388. 2394. 2411. 2363. 2446. 2449.

ствіе сего Синодъ просилъ Государыню: „дабы Ея Императорское Величество соизволила о оном̀ъ учинить милостивое разсмотрѣніе, и Синодъ своею высокою протекціею охранить, чтобъ, кромѣ чаянія, отъ онаго Правительствующаго Сената намѣренія Синоду не нанеслось какого уничиженія, и не сравненъ бы былъ коллегіямъ подъ сенатскимъ вѣдѣніемъ обрѣтающимся, а Синодъ ни въ какое непорядочное дѣйствіе вступать не долженъ и не будетъ“ [1]). Въ настоящемъ докладѣ Синодъ съ одной стороны выражалъ опасеніе на счетъ притязательности Сената,—съ другой—свидѣтельствовалъ о независимости своихъ распоряженій. Синодъ какъ бы предполагалъ въ сознаніи Сената мысль объ уничиженіи его и приравненіи къ коллегіямъ, каковая мысль дѣйствительно и скользила въ докладѣ Сената Государынѣ, по вопросу о составѣ Синода; въ этомъ докладѣ Сенатъ не обинуясь замѣчалъ, что составъ Синода долженъ быть „по примѣру прочихъ коллегій“.

Возстановленный въ прежнемъ значеніи Правительствующій Сенатъ дѣйствовалъ недолго. 10 ноября 1731 г. императрица Анна Іоанновна объявила Правительствующему Сенату: „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ къ собственному нашему всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ, и ради пользы государственной и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ заблагоразсудили (мы) учредить при дворѣ нашемъ Кабинетъ“. Кабинетъ этотъ былъ учрежденъ взамѣнъ недавно упраздненнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта, а потому учрежденіе этого Кабинета не требовало особыхъ относительно сего учрежденія распоряженій. Сенатъ, хотя и удержалъ титло „Правительствующаго“, но былъ отодвинутъ на второй планъ,—равнымъ образомъ и Св. Синодъ сталъ въ подчиненное отношеніе къ Кабинету, какъ верховному правительственному учрежденію, въ которомъ сосредоточивались всѣ функціи власти и распоряженій по управленію государствомъ. Кабинетъ занялъ положеніе прежняго Верховнаго Тайнаго Совѣта,—а потому и отношенія къ нему Св. Синода возвратились къ прежде уже выработаннымъ формамъ. Синодъ поставленъ былъ въ положеніе всесторонней

---

[1]) П. С. П. и Р. № 2387.

отчетности передъ Кабинетомъ, которому представлялъ свѣдѣнія о всѣхъ государственныхъ и интересныхъ дѣлахъ, также подавалъ ежемѣсячные реестры относительно хода производства, какъ по Синоду, такъ и подчиненнымъ ему мѣстамъ [1]) по дѣламъ челобитчиковъ. Для характеристики установившихся отношеній Императорскаго Кабинета къ Св. Синоду приведемъ распоряженіе Кабинета, объявленное Синоду 16 іюля 1738 г. Кабинетъ писалъ: „понеже по многимъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества въ Св. и Правительствующій Синодъ сообщеніямъ чрезъ многое время рѣшенія не имѣется, а между тѣмъ и въ рѣшеніи самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ остановка, а отъ чего то происходитъ неизвѣстно: того ради какъ о съѣздѣ и засѣданіи, такъ и о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла по регламентамъ и указамъ чрезъ сіе наказывается“. При настоящемъ указѣ была сообщена Св. Синоду и копія съ наставленія, даннаго отъ Кабинета синодальному оберъ-секретарю слѣдующаго содержанія: „симъ наикрѣпчайше вамъ подтверждается по имѣющимся дѣламъ, и особливо важнѣйшимъ, экстракты сочинять и потребныя справки собирать безъ всякаго продолженія. И въ томъ секретарямъ и прочимъ канцелярскимъ служителямъ крѣпкое смотрѣніе имѣть, чтобы каждый по должности своей трудъ и радѣніе прилагали. И какъ скоро котораго дѣла рѣшеніе изготовлено будетъ, о скорѣйшемъ рѣшеніи представлять Св. Синоду, и особливо вы стараться должны, чтобы во всѣхъ дѣлахъ рѣшенія чинимы были безъ продолженія и во всемъ бы поступаемо было по регламентамъ и указамъ. Ибо всѣ непорядки и медленія въ дѣлахъ на васъ взысканы будутъ съ жесточайшимъ истязаніемъ. А ежели Св. Синодъ, по представленіямъ вашимъ, не имѣя никакихъ причинъ, будутъ продолжать по такимъ дѣламъ, вамъ записывать въ журналъ и доносить въ Кабинетъ“. Подписано: Андрей Остерманъ, Артемій Волынскій. Настоящее распоряженіе съ яркостью обрисовываетъ положеніе Св. Синода и взглядъ на него Кабинета. Въ слѣдующемъ указѣ намѣчается отношеніе Св. Синода къ Правительствующему Се-

---

[1]) П. С. П. и Р. № 2505. 2531.

нату: „указали мы Коллегіи Экономіи быть подъ вѣдѣніемъ Сената, а Синоду отъ сего времени той Коллегіи не вѣдать, понеже въ оной Коллегіи состоятъ токмо сборы и другія экономическія дѣла, которыя подлежатъ къ вѣдѣнію Сената, а духовныхъ дѣлъ, какія бы могли касаться до Синода, не бываетъ. А ежели Синоду, что будетъ отъ той Коллегіи когда потреба, о томъ сноситься съ Сенатомъ, откуда все то, что потребно получать могутъ“. Съ подчиненіемъ Сенату Коллегіи Экономіи, послѣдней подчинены казенный и дворцовый приказы со всѣми доходами монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ. Такими распоряженіями вѣдомство Св. Синода крайне было сокращено. Правительство Анны Іоанновны такъ опредѣляло задачи Св. Синода въ отношеніи къ дѣламъ его вѣдомства. Въ манифестѣ отъ 17 марта 1730 г. Императрица объявляла: „По вступленіи нашемъ на престолъ Россійской Имперіи, ревнуя Закону Божію, во первыхъ прилежное попеченіе имѣемъ о храненіи и защищеніи православнаго закона христіанскаго Восточныя Церкви и прочихъ преданій, славы ради и хвалы Божія учрежденныхъ. Того ради повелѣваемъ Правительствующему Духовному Синоду, по должности званія своего, прилежное попеченіе имѣть, дабы всѣ христіане, сущіе подъ властію нашею, Законъ Божій сохраняли и Тайны Святыя на спасеніе наше отъ Спасителя нашего намъ преданныя, и прочія преданія отъ церкви святой узаконенныя, со тщаніемъ и благоговѣніемъ исполняли, и въ праздники и въ воскресные дни на службу Божію въ церковь приходили со тщаніемъ, и во время службы святой въ церквахъ благочестіе сохраняли. Сущіе же подъ властію нашею разные народы, которые не знаютъ христіанскаго закона, также раскольниковъ, невѣжествомъ своимъ противляющихся святѣй церкви, обращать увѣщаніемъ и ученіемъ во благочестіе и соединеніе святѣй церкви. Храмы же святіи и нищепитательные домы, которые отъ скудости, какъ и инымъ образомъ опустѣли, возобновить и всѣми потребными удовольствовать. Училища учредить по Регламенту Духовному, и всѣмъ потребнымъ удовольствовать, и смотрѣть, чтобъ въ училищахъ доброе смотрѣніе и порядокъ былъ. Установленные же въ нашей имперіи крестные ходы и благодарныя

моленія во дни Тезоименитства Нашего и Нашей Фамиліи, и въ протчіе опредѣленные дни, также на памяти усопшихъ Предковъ Нашихъ молитвы и поминовенія отправлять неотложно. И во время посылаемыхъ отъ Бога разныхъ наказаній, молитвы и прошенія творити ко Всемилостивому Богу о отвращеніи праведнаго Его гнѣва, со смиреніемъ, благоговѣніемъ и съ наложеніемъ, по разсужденію, поста, по примѣру ниневитскому. И во оныхъ всѣхъ ходахъ и молитвахъ, для чести и показанія собою образа, присутствовать архіереомъ и отправлять благочинно, не оставляя ничего такъ, какъ прежде сего, блаженныя памяти, при Ихъ Величествахъ, Дядѣ и Отцѣ Нашемъ было, и притомъ присутствовать по одной персонѣ изъ сенаторовъ и по двѣ персоны къ тому изъ другихъ чиновъ, по разсмотрѣнію сенаторскому. И сія вся Правительствующій Синодъ долженъ ревностно исполнять, и въ чемъ какое исправленіе надлежитъ учинить, о томъ представлять и требовать на то Нашего указа, и во всемъ тщатися, что принадлежитъ къ большей чести и хвалѣ Всемогущаго Бога, иже, яко Царь царствующихъ, давый Намъ Скипетръ Россійской Имперіи, тщаніе Наше о чести и хвалѣ Его, по неизреченному Своему милосердію къ роду человѣческому, милостиво да воспріиметъ, и даруетъ Намъ и всей Имперіи Нашей миръ и благоденствіе, здравіе же и вся благая“ [1]). Подобный указъ 13 ноября 1740 г. данъ былъ на имя Св. Синода и въ царствованіе Іоанна Антоновича [2]).

Дѣйствуя въ предѣлахъ начертанной программы, Синодъ прилагалъ особое попеченіе къ устройству крайне въ то время расшатанныхъ сторонъ церковной жизни. Тѣневыя краски этой эпохи неоднократно уже изображались въ духовной литературѣ. Равнымъ образомъ судъ надъ этимъ временемъ произнесенъ и съ высоты престола, мы и воспользуемся приговоромъ только этого суда.

Вступивъ 25 ноября 1741 г. на престолъ, императрица Елисавета Петровна первою своею заботою поставила ре-

---

[1]) П. С. П. и Р. № 2307. П. С. З. т. VII. № 5518.
[2]) П. С. З. т. XI. № 8291.

ставрировать начала государственнаго строя, заложенныя ея родителемъ Петромъ Великимъ. Съ этою цѣлію она упразднила Императорскій Кабинетъ и возстановила въ прежнемъ значеніи Правительствующій Сенатъ. Въ указѣ отъ 22 декабря 1741 г. она писала: „по благополучномъ возшествіи Нашемъ на Всероссійскій Родительскій Нашъ Императорскій Престолъ, усмотрѣли мы, что порядокъ въ дѣлахъ правленія государственнаго внутреннихъ отмѣненъ во всемъ отъ того, какъ было при Отцѣ Нашемъ, Государѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императорѣ Петрѣ Великомъ и при Матери Нашей, Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, первый годъ Ея владѣнія было, ибо въ другой годъ Ея владѣнія, происком нѣкоторыхъ, прежній порядокъ правленія, уставленный отъ Нашего Государя—Родителя, нарушенъ вновь изобрѣтеннымъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, который продолжался и до кончины Петра Втораго. И хотя первый годъ владѣнія Ея Величества Государыни Императрицы Анны Іоанновны, прежній Отца Нашего, Государя Петра Великаго, порядокъ государственнаго внутренняго правленія былъ возобновленъ, но въ другой годъ Ея-жъ владѣнія паки оставленъ сочиненіемъ Кабинета въ равной силѣ, какъ былъ Верховный Тайный Совѣтъ и токмо имя перемѣнено, отъ чего произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія; а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло, какъ о томъ и Сенатъ нашъ поданнымъ Намъ своимъ докладомъ 3 дня сего мѣсяца объявилъ. И для того повелѣваемъ, къ отвращенію бывшихъ до сего времени непорядковъ въ правленіи государства внутреннихъ всякаго званія дѣлъ слѣдующее: Правительствующій Нашъ Сенатъ да будетъ имѣть прежде бывшую свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ, на основаніи учиненномъ отъ Нашего Государя Отца, блаженной памяти Петра Великаго, указами Его... и повелѣваемъ всѣ Его Величества указы и Регламенты наикрѣпчайше содержать, и по нихъ неотмѣнно поступать во всемъ и во всѣхъ правительствахъ государства Нашего (яко Коллегіяхъ, Духовной, и въ прочихъ во всѣхъ въ Канцеляріяхъ). Кабинетъ, бывшій

до сего времени, отставить, а вмѣсто того соизволяемъ имѣть при дворѣ Нашемъ Кабинетъ въ такой силѣ, какъ былъ при Государѣ, Отцѣ Нашемъ, блаженной памяти Императорѣ Петрѣ Великомъ“ [1])...

Приведенный указъ съ ясностію выражаетъ недовольство Государыни бывшимъ при ея предшественникахъ порядкомъ вещей, а потому и указываетъ другія начала государственнаго строя въ преемствѣ идей царствованія императора Петра Великаго. Съ возстановленіемъ прежняго строя возстановились и прежнія отношенія государственныхъ учрежденій. Сенатъ занялъ первенствующее значеніе въ государствѣ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ и Синодъ получилъ подобающее ему положеніе. Царствованіе Елисаветы Петровны въ отношеніи къ церкви представляетъ ту особенность, что Государыня, если въ духѣ Петра I не считала государства существующимъ для цѣлей церкви,—то не думала жертвовать и интересами церкви ради выгодъ государства. Поучительна резолюція Государыни по докладу Сената о пропускѣ евреевъ на ярмарки въ Россію. Государыня отвѣчала: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“ [2]). Положеніе Синода въ царствованіе Елисаветы Петровны было въ нѣкоторой степени особенное по сравненію съ другими царствованіями. Синодъ безъ всякаго посредства обмѣнивался съ Государынею своими предначертаніями. Елисавета Петровна сама непосредственно входила въ дѣла Св. Синода. Слѣдствіемъ сего было замѣтное оживленіе жизни церковной. Возстановленный въ прежней силѣ Правительствующій Сенатъ не переступалъ предѣловъ равенства съ Св. Синодомъ во взаимныхъ отношеніяхъ. Въ вопросахъ важныхъ, затрогивающихъ интересы церкви и государства, Синодъ и Сенатъ сходились на общія конференціи для разрѣшенія по взаимному соглашенію. Въ дѣлахъ, касающихся лучшаго благоустройства церкви, Сенатъ является споспѣшникомъ Синода, дѣйствуя своими распоряженіями, напримѣръ, объ охраненіи и распространеніи православія [3]),

---

[1]) П. С. З. № 8480.
[2]) П. С. З. т. XII. № 8840.
[3]) П. С. З. т. XII. №№ 8507. 8776. 8792. 9249. 9281. 9631. 9722.

о благоповеденіи духовенства [1]), о церковномъ благочестіи [2]) и т. п.

Установившійся порядокъ продолжался и въ послѣдующія царствованія, съ перемѣннымъ успѣхомъ, зависѣвшимъ отъ привходящихъ причинъ. Отобраніе церковныхъ имѣній при Екатеринѣ II безспорно освободило духовное правительство отъ излишняго бремени; но оно въ то же время налагало на правительство государства заботу объ изысканіи мѣръ къ обезпеченію духовенства и облегченію его бѣдственнаго положенія. Императоръ Павелъ I, повидимому, живо сознавалъ эту заботу, когда прилагалъ особливую монаршую попечительность объ обезпеченіи служащаго духовенства усиленіемъ прежнихъ штатовъ, надѣленіемъ церквей землями съ обязательствомъ безмездной со стороны прихожанъ обработки въ пользу духовенства,—объ изысканіи способовъ къ призрѣнію вдовъ и сиротъ духовнаго званія, о поднятіи служебнаго и моральнаго положенія духовенства,—словомъ, разносторонняго улучшенія его быта. Въ царствованіе императора Александра I, во время образованія министерствъ, вѣдомство Св. Синода превратилось въ одно изъ отдѣленій министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Такая перемѣна хотя продолжалась немного лѣтъ,—но она оставила слѣды на положеніи Синода и отразилась въ царствованіе императора Николая I крупными преобразованіями въ духовномъ вѣдомствѣ, создавшими современное положеніе вещей.

Такимъ образомъ, обозрѣвая прошлое въ составѣ, положеніи и отношеніяхъ Святѣйшаго Синода, необходимо признать, что это прошлое ознаменовано многими превращеніями. Ставъ, какъ иногда называютъ Св. Синодъ, „коллективнымъ патріархомъ“, онъ не наслѣдовалъ устойчивости положенія единоличнаго патріарха. Въ то время, какъ единоличный „московскій и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ“, являясь главою и предстоятелемъ русской церкви, держалъ въ своихъ рукахъ иниціативу церковнаго управленія

---

[1]) П. С. З. т. XV. № 11. 277. 11435.

[2]) П. С. З. т. XI. 8762. 8821. т. XV. № 11085.

ѣ, возвышаясь надъ всѣми учрежденіями государства, приближался по независимости его положенія и самостоятельности распоряженій къ особѣ Царя—какъ помазанника Божія и главы государства, Св. Синодъ, наименованный при его учрежденіи „Духовнымъ Коллегіумомъ“, мыслился на ряду съ прочими, существовавшими въ государствѣ, коллегіями. Затѣмъ, при первыхъ же началахъ его дѣятельности, онъ переименованъ былъ Св. Правительствующимъ Синодомъ и по силѣ, власти и достоинству поставленъ на ряду съ Правительствующимъ Сенатомъ; но это равенство, выраженное въ указахъ государя Петра I, на практикѣ неоднократно приходилось Синоду защищать и доказывать передъ Правительствующимъ Сенатомъ, который, имѣя передъ глазами свое прошлое и опираясь на силу Высочайшихъ повелѣній объ его правахъ и самостоятельномъ дѣйствованіи, старался держаться выше Синода и не упускалъ случая давать ему чувствовать суверенство своего положенія. Въ первые годы существованія Синоду неоднократно приходилось отстаивать свои права и препираться съ Сенатомъ на этомъ пунктѣ, обращаясь къ защитѣ Государя. Петръ Великій твердымъ перомъ властной своей руки умѣлъ мирить интересы препиравшихся учрежденій и отдавать каждому изъ нихъ должное. Не стало высокаго генія, умѣвшаго цѣнить и охранять интересы общаго блага; при преемникахъ его, какъ свидѣтельствуетъ державная дочь Петра, Елисавета Петровна, открылись непорядки, среди которыхъ „происками нѣкоторыхъ“ создано было новое учрежденіе „Верховный Тайный Совѣтъ“, который, ставъ у самаго трона, во главѣ всѣхъ учрежденій государственнаго строя, унижаетъ Сенатъ и подчиняетъ себѣ Синодъ, обязавъ оба учрежденія дѣйствовать по повелительнымъ указаніямъ своего руководства. Правда, Синодъ еще сохранилъ доступъ къ слуху царскому,—но дѣла текли по указанному паклону. Императрица Анна Іоанновна первоначально вступилась за права Синода и Сената, возстановивъ ихъ въ прежней силѣ и самостоятельномъ значеніи на пользу церкви и благо государства; но она не устояла въ твердости своихъ рѣшеній передъ внушеніями окружавшихъ престолъ совѣтниковъ. Фельдмаршалъ Минихъ въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ: „Ос-

терманъ просилъ его предложить Ея Величеству образовать Кабинетъ для завѣдыванія важнѣйшими государственными дѣлами, который объявлялъ бы указы или повелѣнія Ея Величества Сенату и другимъ присутственнымъ мѣстамъ, помѣстивъ въ оный Кабинетъ съ Остерманомъ одного только князя А. М. Черкасскаго, которымъ Остерманъ надѣялся управлять. Минихъ исполнилъ это порученіе. Императрица согласилась“ [1]). Возникшій такимъ образомъ Императорскій Кабинетъ, имѣя передъ глазами свѣжія традиціи Верховнаго Тайнаго Совѣта, поступалъ и дѣйствовалъ съ бо́льшею рѣшительностію въ своихъ распоряженіяхъ. Синодъ подпалъ подъ указы Кабинета, которые иногда подписывались рукою Государыни. Елисавета Петровна, упразднивъ Кабинетъ, возстановила положеніе Св. Синода, который и продолжалъ свое существованіе въ духѣ Петровскихъ предначертаній, пока послѣднія не уступили мѣсто новымъ теченіямъ, приведшимъ Синодъ къ современному его положенію.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

---

[1]) «Внутр. быт. русс. госуд.» т. II, стр. 2.